

ББК 63.3(2)612

Л33

Составление и предисловие

О.Г. Гончаренко

Художник

А.В. Акимов

Л33 **Лейб-казаки /** И.Н. Оприц. Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917—1920 гг.; А.В. Голубинцев. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917—1920 гг. — М. : Вече, 2008. — 464 с. — (За веру и верность).

ISBN 978-5-9533-1827-3

В настоящем издании представлены кивги двух активных участников Белого движения на Дону — И.Н. Оприца и А.В. Голубинцева.

В книге генерал-майора Ильи Николаевича Оприца собраны ценнейшие исторические сведения по истории Лейб-Гвардии Казачьего Её Величества полка, в ней также рассказывается о развитии Белого движения на юге России в целом и борьбе казаков против большевизма под руководством генералов Каледина и Краснова.

Воспominания одного из лидеров антибольшевистской борьбы на Дону генерал-майора Александра Васильевича Голубинцева охватывают период с 1918 по 1920 г. Все это время генерал Голубинцев сражался в частях донской кавалерии плечом к плечу с лучшими казачьими генералами того времени. В своих мемуарах он дает честное описание состояния донских войск в разные периоды Гражданской войны.

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9533-1827-3

© Гончаренко О.Г., составление,
предисловие, 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Предисловие к настоящему изданию*

Донская мемуарная традиция, начатая в изгнании по «горячим следам» многими известными авторами-участниками едва окончившейся Гражданской войны еще ждет своего исследователя. Малая толика мемуаров и художественной прозы просочилась в Россию в начале 1990-х, в период, когда огромное желание представить современному читателю, малоизвестную широкому читателю донскую зарубежную литературу обуяла на короткое время российских публикаторов. Без системы и критического осмысления издаваемых работ такая издательская деятельность не могла, разумеется, быть последовательной и плодотворной, и поэтому результаты усилий немногих российских энтузиастов были обречены на скорое забвение. И всё же... Прошли годы. Понимание смысла истории читающей публикой в России изменилось под влиянием прочитанных книг эмигрантской литературы. Стало необходимым и востребованным возвращение этих бесценных свидетельств-книг на родину, тех, что еще продолжали храниться на покрытых пылью истории полках книготорговцев в Париже, Нью-Йорке, Берлине, Сан-Франциско, Брюсселе и Мадриде.

На сегодняшний день почти не осталось «белых пятен» новейшей истории, и свидетельство тому — тонны книг, изданные у нас и за рубежом на русском и иных языках, посвященных истории Гражданской

войны. И все же приходится признать, что многое, о чем хотели поведать нам люди нашего недавнего прошлого — участники борьбы с большевизмом, еще не пришло к своему читателю. Две книги, объединенные под этой обложкой, не претендуют на исчерпывающее повествование о донских казаках — участниках Белой борьбы, но объективно и правдиво рисуют картины казачьей войны на Дону, в Крыму и Северной Таврии. Весь период жизни Войска Донского в последние годы его существования неоднозначен. Это и величественная сага о жертвенном пути казачества, и будничная повесть, исполненная трагических ошибок и разочарований донцов, прожитая ими в период с 1917 по 1920 год. Надежды на мир с большевизмом, угрожающим Дону с севера, сразу после октябрьского переворота 1917 года и первоначальные компромиссы с богоборческой властью привели в конечном счете казачество и его вождей на крымские берега, рассеяв затем по всему белому свету. Два года героической борьбы за независимость Дона, попытки изменить ход истории совместно с добровольческими силами Юга России стяжали Донской армии лавры героев, но вместе с тем обнаружили несостоятельность нередко декларируемого казачьими вождями пути «независимого» от России «государственного строительства». История словно бы смеялась над попытками атаманов Донского Войска превратить его в суверенное государство, интересы которого шли бы вразрез с историческими интересами Российского

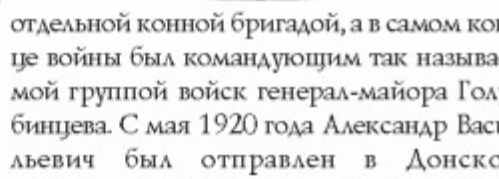
* В настоящем издании сохранены стиль и орфография оригинального издания.

государства. Несостоявшийся альянс с германским императором в будущем продолжился несостоявшимся альянсом с национал-социалистическим правительством Гитлера, но это — особая тема, выходящая за рамки вступительной статьи.

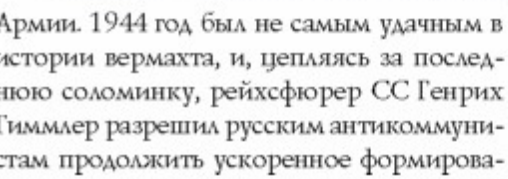
В ряду командиров донских отрядов в Гражданской войне оба автора выделяются своим значительным боевым опытом и знанием многих боевых операций до мельчайших деталей. Оба они прожили долгую жизнь вдали от донских берегов и уже на склоне дней проделали кропотливую работу по восстановлению хронологии событий, и потому необходимо рассказать о личностях авторов подробнее. Генерал-майор Александр Васильевич Голубинцев, казак Войска Донского, родился в 1882 году и прошел вполне традиционный для многих его сверстников путь. Образование получил в Новочеркасской гимназии, продолжив его затем в юнкерском училище родного города. Был произведен в офицеры в 1902 году, поступив на службу в 3-й Донской казачий полк. Незадолго до Великой войны Александр Голубинцев был произведен в подесаулы, а к ее концу за многие боевые заслуги дошел до звания войскового старшины, командующего 3-м Донским полком, что соответствовало чину армейского полковника. В станицу Глазуновскую Войска Донского 12 декабря 1917 года Голубинцев привел с фронта свой полк. Не пробыв на родине и двух месяцев, он скоро осознал гибельность избранного Казачьим Кругом пути примирения с большевиками. Для опытного офицера, но человека далекого от большой политики, Голубинцева будущее Дона представлялось не вполне ясным, однако, зная большевиков по их разрушительной пропагандистской работе в тылу и на фронте, тревога не покидала его за судьбы родного края. Постепенно, из разговоров и

встреч со станичниками, офицерами и политическими деятелями, для Александра Голубинцева становилось все более явным, что московские и петроградские интернационалисты собираются использовать Дон как временного союзника. Их основной целью было ниспровержение твердой власти на Юге России и создание там своей опорной базы для дальнейшей борьбы. Противник большевиков был также хорошо известен — им была не желавшая мириться с их безбожной властью, истерзанная войной императорская армия, а вернее, та горстка энтузиастов, что пыталась организовать всероссийское сопротивление. Для пылкого и честного офицера, каковым всегда был Голубинцев, настало время действовать. В середине февраля 1918 года он отправился в станицу Усть-Хоперскую Усть-Медведицкого округа. Там наскоро им была организована подпольная казачья организация, а в конце апреля 1918 года под его же руководством вспыхнуло восстание против большевиков. Когда власть на Дону была возвращена законно избранному атаману П.Н. Краснову, тот призвал Голубинцева в ряды формировавшейся Донской армии, где через год с небольшим ему было присвоено звание генерал-майора. В национальной армии Дона Александр Васильевич занимал различные должности, был начальником гарнизона станицы Усть-Хоперской, командовал «Освободительными войсками Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого округа», некоторое время был командиром 4-го конного отряда, а затем на короткое время перешел в распоряжение Командующего конной группой войск генерала Константина Константиновича Мамантова. В том же 1919 году Голубинцев служил начальником 5-й Донской конной дивизии, руководил Усть-Медведицкой конной дивизией, 14-й Донской

Предисловие

отдельной конной бригадой, а в самом конце войны был командующим так называемой группой войск генерал-майора Голубинцева. С мая 1920 года Александр Васильевич был отправлен в Донской офицерский резерв, в составе которого он и покидал крымские берега. Пробыв некоторое время в Константинополе, Голубинцев, как и многие офицеры, уехал в Болгарию, в столице которой прожил без малого четыре года, и написал свою единственную книгу о «Русской Вандее», которую вы, читатель, держите в руках. Когда же разразилась Вторая мировая война, для многих казаков в эмиграции вопрос воевать или не воевать против большевистского режима не был праздным. Во многих слоях Русского зарубежья в начале Второй мировой войны царил необыкновенный патриотический подъем. Часть эмигрантов, особенно военных, полагала, что во временном союзе с Германией можно сокрушить большевизм, избрать законным путем правительство и переустроить державу в соответствии с заветами Великого Петра. Увы, едва ли все русские эмигранты представляли себе истинные планы нацистского правительства Германии в отношении России и ее народов. Голубинцев, как и многие его соратники, были далеки от знания всех деталей «восточной» политики германского Рейха, а потому они вносили свой посильный вклад лишь в то дело, которое представлялось им наиболее правильным с точки зрения понимания задач национальной эмиграции. Александр Васильевич добровольно участвовал в формировании казачьих подразделений в составе вермахта, а в 1944 году, как только появилась возможность, вступил в ряды Русской Освободительной Армии. Именно в ней многие в эмиграции видели национальную военную силу, противопоставленную их давнему противнику Красной

Армии. 1944 год был не самым удачным в истории вермахта, и, цепляясь за последнюю соломинку, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер разрешил русским антикоммунистам продолжить ускоренное формирование РОА. Казачьи соединения в той войне находились в составе войск СС, что во многом предопределило их дальнейшую участь после победы над Германией. Даже те из них, кто формально не участвовал в боевых действиях, не могли рассчитывать на снисхождение победителей. Их отлавливали, выменивали, пропускали через конвейер СМЕРШ и, по мере того как выяснялся биографический путь каждого пленного, либо расстреливали, либо депортировали в СССР. Немалая часть депортированных казаков получила по 25 лет лагерей, другая часть — меньшие сроки. Даже самые большие оптимисты из осужденных казаков не особенно надеялись на выход на свободу в 1970 году. Единицы, дожившие, выйдя, учредили особый казачий «Каторжный крест» двух степеней, который в тайне хранили по квартирам в Новочеркасске и Ростове. Среди тех, кто избежал плена, был и Александр Васильевич Голубинцев. Известный сторонник подчинения казачьих подразделений командованию РОА, он признавал, что СМЕРШ известен факт его активного участия в формировании Русской Освободительной Армии и участие в борьбе с большевизмом на полях Гражданской войны. Из этого следовало, что дожить генералу Голубинцеву до суда вряд ли пришлось бы. Как и многие белые офицеры-эмигранты, он покинул Европу, укрывшись от выдачи в американской оккупационной зоне, и через некоторое время оказался в США. Там, в городе Нью-Йорке он и умер во второй половине апреля 1963 года. Книга «Русская Вандея» — этот единственный литературный опыт Голубинцева — интересна преж-

де всего своей хронологической достоверностью и обилием фактического материала, почерпнутого автором из собственной жизни. На ее страницах генерал пытается воссоздать ход антибольшевистской борьбы на Дону, отметить тактические успехи, запечатлеть героические образы донских и добровольческих военачальников. Но главное, что прослеживается на протяжении почти 200 с лишним страниц, — поиск причин ошибок и неудач в белой борьбе казачества. И хотя после драки кулаками не машут, как признается генерал в заключительной главе своего произведения, опыт переосценки недавних исторических событий пойдет лишь на пользу современникам, пытающимся осознать идеологию и цель Гражданской войны. Как заключение своего труда, Голубинцев приводит основные причины поражения Донской Армии и Белых сил юга в частности. Он делает любопытные выводы о том, что великую идею освобождения России от большевизма погубили тривиальные неисполнения приказов, всякого рода выскочки, в чьих руках одно время были сосредоточены значительные вооруженные силы, «канцелярщина», авантюризм, отсутствие толковых приказов, отсутствие организации службы тыла. К этому он добавляет равнодушные большей части офицерства, призванных участвовать в общем деле спасения державы, а главное — общая боязнь, от генералов до хорунжих, «потери» мнимых «достижений 1917 года», к которым даже в рядах белогвардейцев многие испытывали пиетет.

Про человека одного с генералом Голубинцевым поколения можно сказать словами донского поэта Николая Туроверова: «Подумать только: это мы // Последние, кто знали // И переметные сумы, // И блеск холодной стали // Клинков, и лучших из друзей, // Погони и похода, // В боях изранен-

ных коней // Нам памятного года. // В Крыму, когда на рубеже // Кончалась конница уже. // Подумать только: это мы // В погибельной метели, // Среди тмутараканской тьмы // Случайно уцелели...».

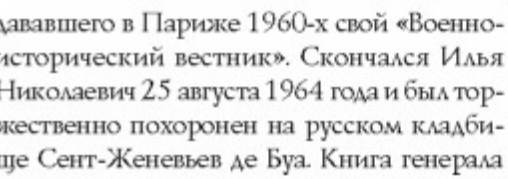
Переживший ненадолго своего соратника по Белой борьбе генерал Илья Николаевич Оприц родился в 1886 году, окончил Пажеский корпус и вышел в 1906 году подхорунжим в Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк, на службе в котором и оставался до конца Гражданской войны. В самом конце войны, в июне 1917 года Оприц в чине есаула командовал 4-й сотней родного полка. В августе Илья Оприц был произведен в полковники и назначен помощником командира полка по хозяйственной части. После возвращения Лейб-гвардии Казачьего полка на Дон 15 января 1918 года, он вместе с командиром полка полковником Дьяковым был арестован Военным Революционным Комитетом в станице Каменской местными сторонниками большевиков. Арестованных увезли в Миллерово. Там около месяца все они находились под ежедневной угрозой расстрела. И лишь 15 марта 1918 года узники вместе с командиром полка и другими офицерами были перевезены в Новочеркасск. Там Илья Оприц был освобожден командующим войсками Донской Советской республики М.М. Смирновым, служившим некогда в чине старшего урядника в Лейб-гвардии Казачьем полку (в 1916 году он был за доблесть даже произведен в прапорщики).

1 апреля 1918 года, во время Общедонского восстания вместе с другими офицерами Лейб-гвардии Казачьего полка Илья Николаевич Оприц принял участие в освобождении Новочеркасска. Позднее он участвовал в боях Южной группы Донского полковника Денисова. При новом формировании Лейб-гвардии Казачьего полка в со-

Предисловие

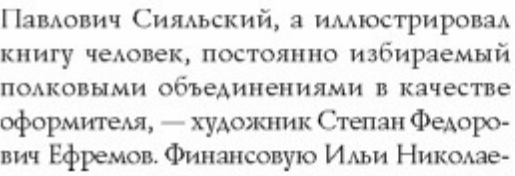
ставе «Молодой армии» атамана П.Н. Краснова в апреле 1918 года Оприц был назначен помощником командира полка по хозяйственной части. Начиная с февраля 1919 года он участвовал во всех боях на Северном Донце и в апреле вступил во временное командование полком, которым командовал до возвращения в июне 1919 года командира полка полковника Фарафонова. В октябре 1919 года Илье Николаевичу пришлось снова принять командование полком, но 24 октября, будучи тяжело ранен в бою под Таловой, он надолго выбыл из его рядов, находясь на излечении. В мае 1920 года в связи с назначением генерала Фарафонова командиром гвардейской казачьей бригады начальник 1-й Донской дивизии генерал Дьяков предложил полковнику Оприцу вступить в командование полком. После тяжелого ранения передвигавшийся на костылях Оприц уступил командование полком полковнику Константину Ростиславовичу Поздееву и был назначен в Особый отдел при штабе Главнокомандующего. В конце 1920 года за боевые заслуги он был произведен в генерал-майоры. После эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 года Оприц пребывал вместе со своими казаками на острове Лемнос, где числился командиром Лейб-гвардии Казачьего дивизиона, в который в 1921 году был сведен в полк. После короткого пребывания в Королевстве СХС генерал Оприц переехал на местожительство во Францию. Со временем и при участии однополчан основал в Курбеуа, под Парижем, музей Лейб-гвардии Казачьего полка и собрал весьма ценный архив, относящийся к истории боевых действий Лейб-гвардии Казачьего и Лейб-гвардии Атаманского полков. Одно время он был даже Председателем Объединения Лейб-гвардии Казачьего полка и Председателем Общества ревнителей русской военной старины, из-

дававшего в Париже 1960-х свой «Военно-исторический вестник». Скончался Илья Николаевич 25 августа 1964 года и был торжественно похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. Книга генерала Оприца тем и знаменательна, что написана им в жанре завершающей части полковой истории лейб-казаков. Едва выйдя из печати тиражом в 400 экземпляров, этот труд сразу же оказался библиографической редкостью и пробудил интерес у русских читателей. В нем впервые были собраны воедино эпизоды и хронология боевых действий полка с 1917 по 1920 год, приведены списки офицеров полка, погибших в Гражданской войне, награжденных чинов полка за различные заслуги и дано подробное описание всех войсковых операций. Решение о необходимости создания полковой истории в ее последнее время было принято на одном из офицерских собраний во второй половине 1930-х годов в Париже. Оставшиеся в живых члены полка постановили увековечить память погибших однополчан и создать документальную базу для будущих исследователей темы Гражданской войны. Ценность труда состоит и в том, что на фоне рассказа о боевом пути полка автором кратко излагается и общий ход событий белой борьбы на Дону с точки зрения строевого офицера, что привносит много ценных деталей в описания военных будней. Нужно заметить, что генерал Оприц проделал кропотливую подготовительную работу по опросу очевидцев событий, сверки с архивными документами полка, вывезенными за рубеж в ходе эвакуации из Крыма, а также детального ознакомления не с одной сотней личных дневников казачьих мемуаристов. Отклики на готовящуюся публикацию книги устремились в Париж буквально со всех сторон света. Своими историями с ним поделились генерал от кавалерии Петр Нико-

лаевич Краснов, проживавший в Германии, и генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов, бывший командир Донского корпуса в составе Русской армии генерала Врангеля, обосновавшийся в Болгарском царстве. Много дополнил собранный материал бывший начальник 1-й Донской Конной дивизии генерал-майор Василий Аврамьевич Дьяков, прославившийся в боях Донского корпуса в Северной Таврии. Он прислал в Париж свои комментарии к уже подготовленному тексту рукописи из Данцига, в котором проживал почти до своей таинственной гибели в марте 1945 года. Не остались в стороне и однополчане генерала Оприца. Эпизодами их написанных, но не опубликованных дневников поделились с Ильей Николаевичем генералы Владимир Иванович Фарафонов и Константин Ростиславович Поздеев. Из пражского Донского архива прислал некоторые материалы его хранитель полковник М.А. Ковалев. Готовую рукопись взялся опубликовать известный парижский издатель, бывший полковник Лейб-гвардии Литовского полка Владимир

Павлович Сияльский, а иллюстрировал книгу человек, постоянно избираемый полковыми объединениями в качестве оформителя, — художник Степан Федорович Ефремов. Финансовую Илья Николаевича поддержку изданию оказали все чины полкового объединения, пожертвовавшие на книгу из личных эмигрантских средств. Есть в книге и еще один новаторский для Русского зарубежья прием. Для большей объективности предоставленного материала автор обратился и к материалам современных ему советских исторических источников. Этот ход генерала Оприца прозвучал опровержением романтических строк донского поэта Туроверова, обращавшегося в своем поэтическом послании к большевику: «Перегорит костер и перетлеет, // Земле нужна холодная зола. // Уже никто не вспомнит не посмеет // О страшных днях бессмысленного зла...», ибо истину о прошедшей Гражданской войне бывшие противники готовились установить в новых сражениях на полях начавшейся Второй мировой войны.

И.Н. Оприц

Лейб-Гвардии Казачий
Её Величества полк
в годы революции
и Гражданской войны
1917—1920 гг.

«Честью, славою, верою, правдою и любовью».

Слова, выбитые в 1875 году на полковой медали в память исполнившегося в сем году столетия Лейб-Гвардии Казачьего Е.В. полка

Глава I

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1917 ГОДА

Отвод Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, в составе 3-й Гв. Кав. дивизии*, в январе 1917 г., из окопов в тыл для отправки в Петроград. — Отмена отправки. — Первые известия о начавшейся в Петрограде революции. — Высочайший манифест и присяга Временному Правительству. Деятельность Правительства и начавшийся развал Армии. — Офицерская работа по сохранению боеспособности полка. — Политическая деятельность офицеров полка по казачьей линии. — Правление казаков Юго-Западного фронта, его состав и деятельность. — Выдвижение спешенных частей полка в окопы. — Инцидент с сотником В.Н. Ефремовым. — Поиск разведчиков полка 21 мая. — Действия полка 18 июня. — Отвод частей к коноводам и выход на позицию в июле. — Тарнопольский разгром Армии и его следствия. — Перемены в составе полка за первую половину 1917 года.

В январе 1917 года Лейб-Гвардии Казачий Его Величества полк, в составе 5-ти сотен и пулеметной команды, входил в состав 3-й Гв. Кав. дивизии (ген. Арапов) и Гв. Кав. Корпуса (ген. Хан-Нахичеванский). 6-я сотня находилась в командировке при 1-м Гв. Корпусе.

Чередуясь дивизиями, Гв. Кав. Корпус занимал участок оборонительной линии на реке Стоходе, в районе Витонежа. Коноводы полка, вследствие затруднений в доставке фуража из тыла, при полном его отсутствии в боевом районе, размещались в 70 верстах от позиции, поблизости от узловой станции Ровно.

К этому времени вся убыль полка за войну была покрыта частью старыми казаками, прежде служившими в полку, час-

* 3-я Гв. Кав. дивизия состояла из

- 1) Л.-Гв. Уланского Его Величества полка,
- 2) Л.-Гв. Гродненского Гусарского полка,
- 3) Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка,
- 4) Л.-Гв. Атаманского В.И. В.Г. Наследника Цесаревича полка,
- 5) Л.-Гв. Сводно-Казачьего полка,
- 6) Л.-Гв. 6-й Дон. Каз. Его Величества и Л.-Гв. 3-й Конной батареи и
- 7) из 8-эскадронного Л.-Гв. 3-го Стрелкового полка (состоявшего из старых солдат 3-й Гв. пехотной дивизии и имевшего офицерский состав из всех пяти полков 3-й Гв. Кав. дивизии).

тью молодыми — призывов 15-го и 16-го годов, кои усиленной работой офицерского состава, во время пребывания полка вне окопов, были доведены до отличного, не уступавшего кадровым казакам, состояния обучения.

Каждая сотня располагала не только полным штатным составом урядников, кончивших учебную команду еще до войны, но еще и солидным запасом «вицов» (приказных, кончивших учебную команду и за отсутствием вакансии не занимавших должности урядника). Кроме того, в каждой сотне имелось два-три десятка приказных, урядников и вахмистров, произведенных за боевые отличия (Георгиевские кресты).

Одеты и снаряжены люди были великолепно: все в построенных попечением полка теплых меховых полушубках и серых папахах. Конский состав был в отличном состоянии. Строевая подготовка и внутренний порядок в полку не оставляли желать лучшего.

Уже с ноября 1916 года в полках 3-й Гв. Кав. дивизии ходили слухи о предстоящем отправлении на охранную службу в Петроград.

7 января 1917 года дивизия была смещена в окопах 13-й Кав. дивизией и отправлена по жел. дороге, через Радзивилов, в город Ровно, для погрузки на Петроград.

По прибытии в Ровно Уланский Его Величества полк, готовый к отбытию в столицу, уже разместился в вагонах. Остальные полки в ожидании погрузки, подтянув коноводов и свои обозы, расположились в самом городе.

Погрузка, однако, не состоялась, и 10 января дивизия была разведена по окрестным деревням.

Часть января и весь февраль дивизия простояла на месте, числясь в армейском резерве Особой Армии Юго-Западного фронта.

25 января, за отсутствием фуража в районе Ровно, дивизия была переведена еще верст на 40 в тыл, где стала по деревням*.

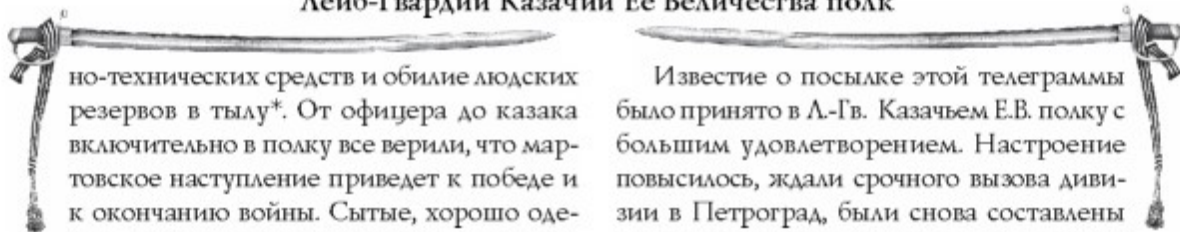
В этом глухом, отдаленном от позиции и жел. дороги, районе война совершенно не чувствовалась, и полк жил мирной жизнью.

Каждый день производились строевые занятия. Особенное внимание обращалось на обучение штыковым уколам, самоокапыванию, метанию ручных гранат и пользованию противогазами, с приучением работать в противогазовых масках. Иногда производилось пробное обкуривание удушливыми газами. Не были забыты и конные занятия: сменная езда, рубка, уколы, джигитовка, барьеры, взводное и сотенное учения чередовались друг с другом. Раз в неделю велись особые занятия с молодыми офицерами, вышедшими в полк во время войны, и кроме того, со всеми офицерами полка, знакомя последних со всеми новинками военной техники и позиционной войны.

Офицерское собрание функционировало при штабе полка в д. Неверково и дивизионное в д. Липках; по воскресеньям бывали общие товарищеские завтраки с трубачами, на которых присутствовали все офицеры полка, а часто и гости, офицеры соседних полков и местные помещики.

Настроение в полку было хорошее и бодрое. Усталости от войны почти не чувствовалось. Хотя и надоело несколько продолжительное пассивное сидение в болотах Стохода, но на фронте все видели и чувствовали, как росла мощь нашей артиллерии, видели громадные запасы подвезенных снарядов, видели усиление воен-

* Штаб полка, 2-я сотня, обоз и команда связи в д. Неверково, сотня Его Величества, 3-я сотня и пулеметная команда в д. Липки, 4-я и 5-я сотни в д. Волкашев.

но-технических средств и обилие людских резервов в тылу*. От офицера до казака включительно в полку все верили, что мартовское наступление приведет к победе и к окончанию войны. Сытые, хорошо одетые, дисциплинированные казаки верили своим офицерам и готовы были исполнить свой воинский долг. Но Бог судил иное.

26 февраля вечером последовал приказ: полку быть готовым к переходу в г. Ровно для погрузки там в вагоны и отправки в Петроград. Для этой цели было приказано привести сотни в полную готовность к выступлению, загрузить обозы и ждать дальнейших приказаний.

Утром 27 февраля последовало распоряжение об отмене этого приказания, и полк остался на месте.

В начале марта появились первые слухи о каких-то событиях в Петрограде. По справке в штабе корпуса выяснилось, что, хотя штаб и не располагает исчерпывающими сведениями, но по ходу событий видно было, что они принимают серьезный оборот, так как Государственной Думой предъявлено Государю Императору предложение отречься от престола.

Этой жуткой, как громом поразившей вести никто не хотел верить. Дерзость Думы казалась слишком чудовищной и потому невероятной. Командир корпуса генерал Хан Нахичеванский, зная настроение частей, послал от имени Гвардейской конницы телеграмму Государю Императору, в которой, умоляя Его Величество не отречься от престола, предлагал поддержку всего корпуса.

* По сведениям Главного штаба, до 1 февраля было мобилизовано в 1914 году 4 700 000, в 1915—16 гг. 9 675 000, причем убыль 1914—1916 гг. исчислялась в 63 074 офицера и 5 975 000 солдат.

Справка: Военно-Учебный Архив. Дело 1073, с. 83. «Армия в Февральской революции». Генерального штаба генерал-лейтенант Мартынов.

Известие о посылке этой телеграммы было принято в Л.-Гв. Казачьем Е.В. полку с большим удовлетворением. Настроение повысилось, ждали срочного вызова дивизии в Петроград, были снова составлены расчеты на эшелоны, и полк ждал приказа о погрузке. Вместо желанного приказа пришли Манифесты об отречении Государя Императора и Великого Князя Михаила Александровича и весть о переходе власти Временному Правительству.

Через несколько дней пришел и ответ Государя Императора на посланную Его Величеству телеграмму: «Но сомневался в чувствах Гвардейской Кавалерии. Прошу подчиниться Временному Правительству. Николай».

То были уже не слухи, а ужасная роковая действительность; сумрачно полк принял ее: разум отказывался понять происшедшее, сердцем чувствовалось непоправимое несчастье, государственная катастрофа, начало печального окончания войны и второго Смутного времени. Перед полком стали во всей обнаженной яркости два вопроса: с одной стороны, полное бессилие изменить ход развернувшихся уже событий, с другой — продолжающаяся война требовала исполнения долга по защите родной территории — полку оставалось лишь молча, затаив душевную муку, покориться последнему Манифесту своего Государя.

В штабе корпуса, после самоубийства Начальника Штаба генерала барона Винкена, застрелившегося непосредственно за получением Манифеста об отречении Государя, царили растерянность и неразбериха.

В полку при прочтении Манифеста об отречении Государя у многих на глазах стояли слезы.

Командиром полка было приказано немедленно построить каждую сотню и прочесть казакам Манифест Государя. Вот рас-

сказ очевидца, ярко иллюстрирующий настроение в полку:

«Вечер, уже совсем темнело, на дворе оттепель и моросит дождик. На большой площади с липки построена сотня Его Величества. Старые казаки, верно прослужившие не один год своему Императору и честно носившие Его вензеля, заметно волновались при приближении офицеров сотни. Подъесаул Полковников потребовал фонарь и, став перед серединой строя, стал читать подавленным голосом. Вахмистр сотни, подхорунжий Глухов, держал фонарь, руки его

дрожали, и при слабом свете были заметны крупные слезы. Чтение кончилось. Казаки стояли, опустив головы, изредка гробовую тишину нарушали тяжелые вздохи из строя. Первым заговорил вахмистр. „Ваше высокоблагородие, что же теперь будет?“ — спросил он подъесаула Полковникова, но тот только махнул в ответ рукой, зарыдал и отошел в сторону. После команды казаки молча сумрачно начали расходиться по хатам, но многие остались на площади, стали обмениваться мнениями... Вопрос: „Что теперь будет?“ грозно стоял перед каждым...»

МАНИФЕСТ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Божьей милостью, Мы, Николай Второй, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая...

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти 3 года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание, и начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь героической Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние усилия, и уже близок час, когда доблестная Армия Наша, совместно с славными Нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть.

Не желая расставаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу.

Благословляя Его на вступление на Престол Государства Российского, заповедаем Брату Нашему править делами государственными в полном единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принося в том ненарушимую присягу, во имя горячо любимой Родины.

Призываем всех верных сынов Отечества в исполнении своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

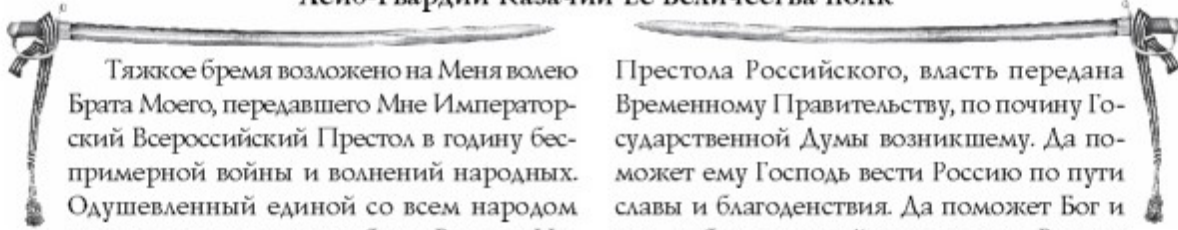
Да поможет Господь Бог России.

Гор. Псков.

2 марта, 15 час 1917 г.

НИКОЛАЙ.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных. Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля Великого народа Нашего, которому надлежит всенародным голосованием через представителей своих в учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству по почину Государственной Думы, возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созданное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Петроград

МИХАИЛ.

3 марта 1917 г.

Кроме приведенных выше двух Манифестов, несколько позже был выпущен приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующаго от 8 марта 1917 года, за № 371, в коем Начальник Штаба доводил до сведения Армии слова прощального приветия отрешившегося Государя Императора.

По распоряжению Военного Министра Гучкова приказ этот дальше штабов фронта не пошел.

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые Мною войска. После отречения Мною за Себя и за Сына Моего от

Престола Российского, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Господь вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять Родину Нашу от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечастно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества и его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно Нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не утасла в вас беспредельная любовь к Нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Св. Великомученик и Победоносец Св. Георгий.

8 марта 1917 г.

НИКОЛАЙ».

Через несколько дней, в начале марта, части Гвардейского Кав. корпуса были приведены к присяге Вр. Правительству. Мрачная церемония. Было тяжело присягать Правительству, которому никто не верил. По общему желанию офицеров и по приказанию командира полка не играли трубы. Мрачным четвероугольником стояли ряды полка. Сумрачные лица у всех. В центре — штандарт, и чувствовалось офицерам,

что присягают они только ему — своему штандарту, жалованному еще Императором Александром II в день столетнего юбилея, Его орлу, Его короне. Перед каждым офицером вставала новая задача, несмотря на трудные, почти безнадежные условия — сохранить полк около своего штандарта до лучших времен... а что они наступят, верил почти каждый... Особенно тяжело было подписывать лист присяги Правительству, к составу коего не было доверия. Настроение офицеров разделялось и казаками, и слова присяги, обычно не возбуждавшие сомнений, обсуждались на все лады. Особенное волнение среди казаков возбудили слова: «обязываюсь... как солдат»; значительная часть казаков добавляла, расписываясь, слова: «но от своего казачьего звания не отказываюсь...»

В первой сотне, перед самой присягой, казаки через взводного урядника Богородова просили выяснить: присягало ли само Временное Правительство России?

Кончилось чтение текста присяги. Без игры трубачей полк молча посотенно разошелся по квартирам; сумрачная церемония кончилась.

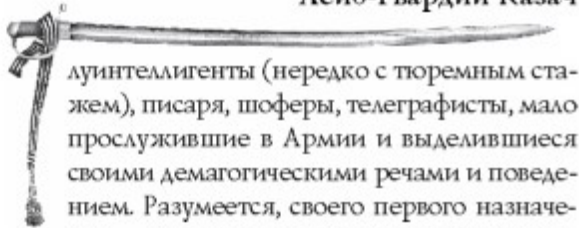
Одним из первых шагов Временного Правительства было торжественное заявление о твердом намерении продолжать войну в тесном контакте с союзниками до победного конца. Однако же дальнейшие мероприятия Правительства свидетельствовали об обратном: вместо энергичного Великого Князя Николая Николаевича, популярного в армии, военные дарования которого признавались и нашими врагами — германцами, Верховным Главнокомандующим был назначен беспринципный генерал-адъютант Брусилов. Выдвинувшиеся во время войны генералы, как, например, граф Келлер, Гурко, Каледин, Лечицкий и др., были уволены в отставку.

Отныне стажем для командования крупной частью армии являлась степень революционного рвения и сочувствия революционным новшествам. Все эти смещения, а главное, «перемены фронта», или своеобразное «самоустранение», выражавшееся в полном прекращении руководства офицерами, многими ранее нами уважаемыми генералами, занимавшими высокие посты, больно переживалось каждым офицером полка, чувствовавшим, как Армия, так и Россия незаметно, но верно катится в пропасть.

Вскоре вышли памятный приказ № 1 и Декларация Прав Солдата, — упразднявшие все уставы Российской Армии и разрушившие все основы военного дела. Работа офицеров была поставлена в невозможные условия. Вышеупомянутыми распоряжениями Временного Правительства во всех воинских единицах, до сотен включительно, вводились выборные комитеты, коллегиальные и безответственные — с неопределенной компетенцией; дисциплинарные взыскания оставались только в виде простого ареста, абсолютно неприменимого в условиях войны, чем, следовательно, командный состав лишался дисциплинарной власти, и, наконец, декларация прав давала солдату все политические права, чем Армия была брошена в разгар политических страстей.

Ко всему командному составу были приставлены комиссары, являющиеся как бы посредниками между офицерами и солдатами и контролерами с революционной точки зрения всех распоряжений начальника. Без санкции комиссара ни один приказ, даже из разряда, именуемого Временным Правительством «боевым», не являлся обязательным для исполнения. Скажем, для комиссара являлось, конечно, не знание военного дела, а политическая благонадежность. Поэтому в комиссары часто попадали по-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

дуинтеллигенты (нередко с тюремным стажем), писаря, шоферы, телеграфисты, мало прослужившие в Армии и выделившиеся своими демагогическими речами и поведением. Разумеется, своего первого назначения — сглаживать отношения между командным составом и солдатами — они исполнить не смогли, ибо не только не поддерживали веру в офицеров, но часто по невежеству, главным же образом преднамеренно, ее роняли.

Естественно, что при таких условиях русский солдат, сильный верой в своего офицера (считавшийся по справедливости лучшим солдатом в мире, когда впереди был офицер), превратился сразу в зверя — а Армия в безумное стадо, — когда эту веру в солдате подорвали. Подорвать же эту веру в офицера в наскоро мобилизованных, почти не обученных, за отсутствием времени, и мало дисциплинированных солдатах было тем легче, что офицерский состав в 1917 году, особенно в пехоте, сильно разнился от кадрового офицерского состава, погибшего на полях сражений в первые годы войны. Армия была пополнена молодежью, наскоро, в 4 месяца, подученной, лишенной воинских познаний и воинского воспитания. Много было офицеров из круга мобилизованной, симпатизирующей марксизму, русской интеллигенции. Разношерстность офицерского состава Русской Армии того времени не могла дать той сплоченности, которая только и могла стать защитой и опорой от демагогии и нарушения основ военного дела.

В Армию была занесена Временным Правительством политика. Началась подготовка к выборам в Учредительное собра-

ние. Революционные партии повели бешеную агитацию в погоне за голосами, старались перецеголять одна другую в количестве сулимых жизненных благ. Имея дело с неразвитой, неграмотной массой, агитаторы затрагивали самые низменные стороны человеческой природы, будя в солдате зверя.

Газеты говорили о туманных «завоеваниях революции», о тех же завоеваниях и благах революции говорили солдату на всех митингах «правительственные» комиссары; агитаторы сулили окончание войны и передел земли, «декларация прав солдата» освободила его от всех обязанностей и также предоставляла ему новые права. Казалось, жизнь солдата должна была резко улучшиться. В действительности же вышло наоборот: положение солдата ухудшилось; разруха транспорта, разруха органов снабжения, расхищение и перехватывание довольствия фронта тылами сказались в ухудшении довольствия и недостатке предметов обмундирования.

Между тем война продолжалась по-прежнему, следовательно, оставались в силе и обязанности солдата. Кто же должен был призывать солдат к исполнению своих обязанностей, кто должен был напоминать ему об его долге перед Родиной?

Только один офицер.

Правда, о «революционном долге» изредка говорило и Временное Правительство; но это были только красивые фразы: Правительство отменило смертную казнь; декларацией сводились на нет дисциплинарные взыскания; из тюрем была выпущена масса преступников, чем солдату ясно выдалбливалась «революционная безответственность».

Офицер говорил о долге, требовал несения тяжелой службы. Темному человеку этот офицер, ничего не сулящий, а только

требующий службы, стал представляться тормозом к претворению в жизнь туманных «благ». Солдаты начали волноваться, во многих частях начались самосуды над офицерским составом.

Часть солдат ринулась в отпуски, терроризируя врачебные комиссии, их раздававшие, часть же просто разъезжалась, дезертируя с фронта. Поезда брали с боя. Распоясанная, потерявшая всякую дисциплину солдатская масса хозяйничала на станциях и внесла полную дезорганизацию в порядок железнодорожного движения.

Такова была общая картина развала Русской Армии, приведенная с целью указать, в какой общей обстановке приходилось нести службу Лейб-Гвардии Казачьему Его Величества полку.

В середине марта из состава Гвардейского Кавалерийского корпуса была выделена 1-я Гв. Кавалерийская дивизия для водворения и поддержания хотя бы видимости порядка в тыловом районе. Остальные части корпуса, и в том числе Л-Гв. Казачий Его Величества полк, до середины апреля простояли в полном бездействии в окрестностях Ровно.

Ровненский железнодорожный узел был забит потерявшей воинский вид солдатчиной, кругом шла бешеная агитация против всего святого и верного долгу. И, несмотря на бушующее кругом солдатское море, полк, именовавшийся тогда уже, согласно приказу Временного Правительства, Лейб-Гвардии Казачьим полком, держался пока еще относительно хорошо, выделяясь своей сплоченностью и дисциплиной.

Состав старых казаков, связанных боевой спайкой, еще не сбитых с толку революционной пропагандой и хорошо знавших своих офицеров, — продолжал верить в них. Во все комитеты казаки наравне с выборными казаками неукоснительно проводили и офицеров.

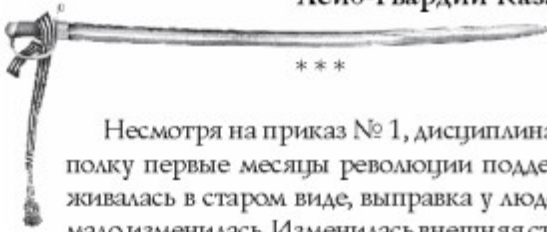
Офицерский состав полка, тщательно подобранный, сплоченный и дружно живущий, не имел в своей среде демагогов, и поэтому работа избранных казаками офицеров вполне гармонировала с общеофицерской работой по сохранению полка в эти трудные минуты.

Председателем первого полкового комитета был избран старший полковник Ал. Андр. Мишарев, человек безупречной честности и порядочности. Полковой комитет, им направляемый, занялся исключительно хозяйственными делами и вопросами, не вторгаясь ни в политику, ни в строевое управление полком.

Хозяйство в полку велось за все время войны безупречно, не было в полку и тени злоупотреблений: казаки были всегда хорошо одеты, лошади и люди сытно накормлены — почему в обсуждении хозяйственных дел полковым комитетом отсутствовал элемент недоверия или обиды, который, к сожалению, доминировал в некоторых других частях и часто приводил к роковым последствиям. Хотя в состав первого комитета и попало несколько крикунов — бывших артельщиков и фуражиров, отстраненных в свое время за неспособность либо недобросовестность и таивших обиду, но они были в меньшинстве и поэтому держались тихо и скромно, и председателю комитета полковнику Мишареву, опираясь на избранных в комитет офицеров и разумных казаков, удавалось сглаживать шероховатости и прения направлять по желательному руслу.

Что же касается сотенных комитетов, то и в них первоначально казаки неукоснительно вместе с казаками выбирали и своих офицеров, благодаря чему удалось и эти комитеты держать в рамках чисто хозяйственных интересов, не допуская их вмешательства в общую строевую жизнь полка.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Несмотря на приказ № 1, дисциплина в полку первые месяцы революции поддерживалась в старом виде, выправка у людей мало изменилась. Изменилась внешняя сторона, как, например, установилось обращение на «вы», причем из казаков никто не обижался, если по старой привычке им говорили «ты», а бывали даже случаи, что казаки просили, чтобы офицеры по-старому говорили им на «ты». Отмена титулования «ваше высокоблагородие» и т.д., как и отмена отдания чести с остановкой во фронт всем офицерам своего полка, согласно существовавшей до революции старой полковой традиции, туго прививались, и первоначально офицерам приходилось даже делать казакам замечания. Но когда делегаты от полка начали сталкиваться на многочисленных в то время съездах и комитетах с делегатами других частей, которые учили, как делить полковые и сотенные суммы, как брать «до рук» свое начальство, — положение офицеров сильно затруднилось.

Слыша, что некоторые кавалерийские полки поделили уже полковые экономические и эскадронные суммы, полковой комитет одно время начал подбираться к полковым суммам и просил командира полка генерал-майора Грекова сообщить комитету, как ведется хозяйство полка и куда расходуются суммы. Командир полка приказал полковому комитету собраться в школе д. Волкашево и, придя туда с делопроизводителем и всеми необходимыми книгами, сам дал ответы на все вопросы и указал, как расходуются суммы в полковом хозяйстве. Казаки впервые увидели всю сложность механизма полкового хозяйства, поняли безупречность ведения его в полку и успокоились, тем бо-

лее что командир полка решительно заявил, что не позволит делить казенные деньги. Не были разделены и сотенные суммы.

Значительно сложнее обстояло дело в вопросе фуражного довольствия: революционными порядками ж.-д. транспорт быстро стал расстраиваться, и интенданство оказалось не в состоянии подвозить полностью потребное для армии количество продовольствия и фуража.

В марте 1917 года Временным Правительством был выпущен приказ об установлении норм довольствия людей и лошадей, причем относительно первых указывалось, что такое-то количество продуктов будет отпускаться интендантством натурой, а за недостающее до нормы будут отпускаться «деньги для раздачи на руки»; что же касалось довольствия лошадей, то здесь указывалось, что при сохранении прежней дачи в 12 фунтов зерна лишь 7 фунтов будут выдаваться интендантством натурой, стоимость же 5 фунтов «будет выдаваться деньгами».

По точному смыслу общих норм войскового хозяйства, слова приказа, касающиеся довольствия лошадей, «выдавать деньгами» надлежало понимать как отпуск интендантством денег на заготовление фуража попечением самих частей.

Однако в полосе фронта, и в особенности в местах стоянки Гвардейского кавалерийского корпуса, все возможное уже давно было полками закуплено и съедено лошадьми. Полк ухитрился кое-что закупать, засылая фуражиров на несколько переходов глубже в тыл, но о получении вагонов для организации закупок и подвоза из более далекого тыла невозможно было и мечтать.

Казаки, основываясь на злополучной редакции упомянутого выше приказа Вре-

менного Правительства, а также на том обстоятельстве, что служили на собственных, а не на казенных лошадях, потребовали выдачи денег за фуражный недоед на руки.

Положение осложнилось тем, что деньги недоеда лошадей, в силу ряда положений о хозяйстве в войсках, не подлежали даже зачислению в экономические полковые суммы (кстати сказать, давно достигшие предельной для полка суммы, почему все вновь поступающее надлежало сдаче в казну), а подлежали показанию к зачету при исчислении очередной требовательной ведомости, т.е. уходили обратно в казну. Казаки не понимали, да, впрочем, не только одни головы рядовых казаков не могли понять положения, при коем Временное Правительство устанавливает выдачу казной денег, кои подлежат сдаче обратно в казну.

Разрешение вопроса о выдаче фуражных денег на руки превосходило компетенцию строевого начальства, на котором лежала бы вся материальная и моральная ответственность за незаконную раздачу казенных денег. Запросы о разъяснении приказа в высшие инстанции очень долго оставались без ответа, казаки волновались, создавалась масса осложнений и умножились трения командного состава с полковыми и сотенными комитетами.

Только в июне пришло довольно туманное разъяснение интенданта нашей Особой Армии, в коем говорилось, что с его стороны не встречается препятствий к выдаче денег фуражного недоеда казакам, «если то разрешит ближайшее строевое начальство». Основываясь на этом разъяснении, начальник дивизии разрешил выдачу денег, при условии представления казаками счетов за купленный фураж.

Командир полка, основываясь на приказе начальника дивизии, был вынужден также разрешить, обусловив выдачу денег пред-

варительной поверкой казачьих счетов составом сотенных комитетов.

На практике разрешение выдачи фуражных денег на руки привело к тому, что завывающий хозяйством еженедельно стал получать для оплаты от каждой сотни целые тюки мелких казачьих «счетов», хотя и заверенных сотенным комитетом, но явно фиктивных.

В полку быстро развилась эпидемия игры в карты, конский же состав, еще так недавно бывший в блестящем состоянии, быстро стал приходить в упадок.

Особенно страдали лошади «безхозяйские», принадлежащие казакам, отсутствующим по ранению, болезни или находящимся в отпусках, ибо им уборщики не додавали даже фураж, поступавший от интендантства натурой, подкармливая этой недодачей собственных лошадей.

Если работа сотенных и полковых комитетов первоначально ограничивалась лишь областью чисто хозяйственных интересов, то совершенно иная картина царил в высших комитетах, дивизионных, корпусных, армейских и т.д., где главную роль играли выброшенные революцией, на поверхность люди марксистского толка, сторонники борьбы классов, внушавших солдату взгляд на офицера как представителя враждебного «буржуазного» класса.

В казачестве вопросы социальные и политические остроты не имели и марксистские* течения отсутствовали, но все же не-

* Отметим здесь полную неподготовленность и неосведомленность в вопросах политических и социальных не только простых казаков, но почти в равной степени и офицерского состава полка, сильно затруднявших борьбу с указанной выше пропагандой.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

прерывно изо дня в день культивируемое свыше и со стороны недоверие к офицеру не могло не оказывать влияния и на казаков.

Офицеры полка скоро поняли, что твердое исполнение последней воли отрекшегося Державного Шефа — продолжение войны с немцами до конца, а следовательно, сохранение полка — требует энергичной работы и в области политической, и социальной.

Хотя бы для парирования вредной агитации возникла мысль, в противовес армейской комитетской организации, где главенство было в руках марксистов, создать новую организацию по чисто казачьей линии, связав ее с Атаманом и еще пока здоровым донским станичным тылом.

На Дону острых социальных противоречий не существовало, и поэтому, несмотря на недовольство населения, вызванного сильным разорением казачества тремя годами войны и относительным обеднением края, революция здесь протекала в более спокойной форме.

Живая связь с Доном поддерживалась в полку отпусковыми, и офицеры были хорошо осведомлены о всем там происходящем.

Уже в марте 1917 года инициативой офицеров бригады была создана комиссия из офицеров, делегатов от Л.-Гв. Казачьего, Л.-Гв. Атаманского и Л.-Гв. Сводно-Казачьего полков, для выработки общеказачьей политической программы для фронта.

От лейб-казаков в комиссию вошли делегатами: есаул В.И. Фарафонов, подесаул Я. Рыковский и подесаул Черемшанский. Председателем комиссии был выбран Л.-Гв. Сводного Казачьего полка (Забайкалец) подесаул Самсонов, оказавшийся на большой высоте и давший совместно со своим братом (кажется, юристом по образованию) большую и ценную работу.

В начале апреля был выработан проект программы, которую в главных чертах можно свести к нижеследующим положениям:

1) Все казачьи земли, с недрами и водами, принадлежат казакам, как завоеванные кровью предков.

2) Казачьи войска управляются выборными Атаманами и выборными казачьими Кругами.

3) Все разбросанные по фронтам отдельные казачьи части сводятся в бригады и дивизии с соответствующим командным составом из казаков.

4) В Новочеркасске учреждаются Общеказачьи Артиллерийские и Военные училища и гражданские высшие учебные заведения.

5) Все казачьи войска для взаимной помощи образуют Союз Казачьих Войск. Во главе союза стоит Верховный Круг из представителей Войсковых Правительств всех Войск.

6) При высших Армейских Комитетах на фронтах образуются отдельные казачьи фракции из выборных казачьих делегатов от полков.

7) Периодически должны устраиваться съезды казачьих делегатов со всех фронтов для обсуждения вопросов, касающихся казачьих интересов, и согласования по ним решений.

8) По окончании войны все казачьи части должны вернуться в свои края с оружием и со своей артиллерией.

Немедленно по выработке программы с ней были ознакомлены все казаки бригады, созданы полковые и бригадные круги из выборных офицеров и казаков. Казаки проявили большой интерес к делу, и программа была проработана и утверждена бригадным кругом, а затем и напечатана в большом количестве экземпляров.

С разрешения командиров полков, «революционным» порядком были команди-

рованы для агитации от каждого полка по 4 офицера и по 50 казаков в казачьи полки фронтов и в Казачьи Края. От лейб-казаков на Дон были посланы рядовые казаки; в казачьи полки 1-й Донской, 2-й Терской и Уссурийской дивизии поехал поддесаул К.Р. Поздеев; во 2-ю Сводно-Казачью и Кубанскую — сотник П. Кутейников; на Терек — поддесаул Ю.А. Черемшанский и на Кубань — поддесаул Б. Чеботарев.

Приведем краткую выписку из дневника одного из делегатов — поддесаула К.Р. Поздеева: «Около 19 апреля я был в 1-й Донской дивизии, стоявшей на отдыхе в городе Ананьеве Херсонской губернии. Выступая на собрании комитетов дивизии, я передал привет от Гвардейской Казачьей бригады и объяснил подробно значение программы.

Вопросы программы настолько заинтересовали казаков, что назревшие в дивизии эксцессы, с выражением недоверия офицерскому составу, были сорваны, и казаки занялись обсуждением общеказачьей программы.

Во 2-й Терской дивизии успех был такой же.

В Уссурийской бригаде, под влиянием социалистической агитации со стороны, казаки-уссурийцы до моего приезда собирались выписываться из рядов казачества, познакомившись с нашим проектом организации казачества на фронте, решили не отставать от всех и присоединиться к нам...»

Как сказано выше, от лейб-казаков на Дон были посланы для агитации лишь рядовые казаки. Большого толка не получилось, ибо часть программы, касающаяся внутреннего устройства края, ничего нового здесь не представляла, часть же, касаю-

щаяся создания политической организации фронтовых частей, связанной непосредственно с краевой властью, должного интереса не вызвала.

Причинами неудачи являлись недостаточная политическая грамотность наших делегатов, а также недооценка в Новочеркасске значения для Края сохранения в фронтовых частях твердой антимарксистской идеологии, требующей захвата инициативы борьбы с вредными казачеству влияниями в свои руки.

Отчасти причиной неудачи являлось то обстоятельство, что в казачьих верхах главенствовали представители краевой интеллигенции, обладавшие недостатком, общим всей российской, — страстной любовью к фразеологии, почему даже, несмотря на появление в июне у власти на Дону крупного, честного и умного человека, коим был генерал Каледин, на практике оказывалось слишком много болтовни и слишком мало дела.

Весьма ценным результатом почина гг. офицеров Гв. Каз бригады явилось создание казачьей фракции при Армейском комитете Особой Армии. История образования фракции и ее развитие следующие:

В состав Собрания выборных Особой Армии, как именовался Армейский комитет, в город Луцк 26 марта были командированы делегаты 3-й Гв. Кав. дивизии, и в числе их Лейб-Гвардии Казачьего полка поддесаул Черемшанский.

Армейский Комитет в большинстве состоял из солдатской нестроевины и делегатов технических частей, рабочих по происхождению.

Комитет весьма быстро левел, и поддесаул Черемшанский скоро убедился в невозможности продуктивной работы.

По его инициативе казачьи делегаты вышли из состава Армейского Комитета и образовали самостоятельную, параллель-

ную Комитету, Казачью фракцию Особой Армии. Вскоре к фракции примкнули казачьи депутаты соседней 12-й Армии, и фракция приняла наименование «Исполнительного Комитета Совета Казаков Особой и 12-й Армий». В июле, в виду специфического значения, которое начали уже получать слова «советы» и «комитеты», казачий комитет переименовался в «Правление Казаков Особой и 12-й Армий».

Председателем Правления был избран поддесаул Черемшанский, а секретарем — поддесаул Шумилин (отдельной Донской сотни).

«Фракция», «Комитет», а затем и «Правление» помещалось в небольшой комнатке по Шоссейной улице № 93. На полу этой каморки, в редкие от работы часы, спали вповалку и председатель поддесаул Черемшанский, и секретарь поддесаул Шумилин.

«Правление» развило лихорадочную работу, принеся много пользы, парализуя вредные казакам начинания Армейского Комитета и беря попадавшие в Армейский Комитет казачьи вопросы в свои руки.

Поддесаул Черемшанский, обладая большой энергией и совершенно исключительными агитационными способностями, принес много пользы поездками в казачьи полки Особой и 12-й Армий. В случаях возникновения в них волнений, ему легко удавалось забивать нежелательных агитаторов и успешно восстанавливать нарушенный порядок.

14 июля поддесаул Черемшанский ездил делегатом в Петроград на учредительный съезд Союза Казачьих Войск. Он возил проект развертывания Гвардейской Казачьей бригады в Гвардейскую Общеказачью дивизию, включением в ее состав Гвардейских Кубанских и Терских сотен Конвоя. Этим

путем бригада хотела избавиться от опеки дивизионного комитета 3-й Гв. Каз. дивизии, где преобладали солдаты. Проект был 21 июня утвержден съездом, однако осуществление его, согласно принятой резолюции, было передано на усмотрение Ставки Верховного Главнокомандующего. Проект был похоронен Ставкой, как впоследствии был ею же провален выдвинутый Правлением казаков Юго-Зап. фронта проект о сохранении поста Походного Атамана, как необходимого центра связи предполагаемой единой организации казачества на фронте.

В июле в Бердичеве, где находился штаб Юго-Зап. фронта, по инициативе Правления казаков Особой и 12-й Армий состоялся съезд казачьих делегатов фронта. На съезде на общем, относительно дружном казачьем фоне резко выделилась небольшая группа казаков, руководимая уральцем доктором Ружейниковым (социал-демократ, впоследствии перешедший к большевикам). Однако группа эта успеха не имела, и съезд перед разездом учредил постоянное Правление Юго-Заладного фронта. Председателем Правления был избран лейб-казак поддесаул Черемшанский, а секретарем поддесаул Шумилин. В число членов Правления были избраны Лейб-Гвардии Казачьего полка сотник П. Кутейников; Терского войска сотник Старицкий; Сибирского войска трубач Л.-Гв. Сводно-Казачьего полка подхорунжий Ильиных; Семиреченского войска (бывший фельдшер) сотник Шатов и несколько хорошо настроенных рядовых казаков разных полков и отдельных сотен фронта.

Вновь образовавшееся Правление казаков Юго-Западного фронта полностью приняло программу Гв. Каз. бригады и решило ее широко распространить.

Программа и приветственное постановление Правления особой делегацией, возглавляемой сотником Кутейниковым, были вручены генералу П.Н. Краснову, в то время командовавшему 2-й Сводно-Казачьей дивизией.

Ген. Краснов принял делегацию, но от оценки программы отказался. Интересно, что весьма холодный прием программа встретила в лице будущего Председателя Войскового Круга В.А. Харламова, в то время занимавшего должность комиссара Временного Правительства на Кавказе. Последнему программа была представлена лично ездившим на Кавказ, к Терскому Атаману ген. Караулову, подьесаулом Черемшанским. В.А. Харламов нашел, что программа «слишком схематична», «разработка конституции — дело войсковых Правительств», и фронту «надлежит ждать», пока последние изрекут свои решения.

В.А. Харламов не умел оценить основной цели начинания, заключавшейся в попытке вырвать фронтовое казачество из сети солдатских Армейских Комитетов (в коих верх брали марксисты), связав его непосредственно со своим, тогда еще здоровым, станичным тылом.

На этом пока и остановимся. К деятельности Правления казаков Юго-Западного фронта вернемся в следующей главе.

Для полноты картины политической деятельности офицеров полка отметим ниже, в следующей главе, участие их в попытке образования Всероссийского Офицерского Союза, ликвидированного Керенским после Корниловского выступления.

Отметим также, что по убеждениям все офицеры полка, без исключения, были мо-

нархистами, полагая, что вне Монархии Россия, представляющая собою конгломерат не только народов, но и рас, разбросанных на громадной территории, существовать как великая держава не смогла бы.

При этом Монархия представлялась как строй надклассовый, т.е. не связывалась офицерами с какими-либо определенными взаимоотношениями классов и сословий, присущими в прошлом тому или другому царствованию, хотя бы и последнему.

Однако отмеченная выше неосведомленность в вопросах политических и полное невежество в вопросах социальных исключала возможность точно осознать и оформить вопрос о Монархии, что в сильной степени обезоруживало офицеров и не дало возможности развить сколько-нибудь значительную работу в этом направлении.

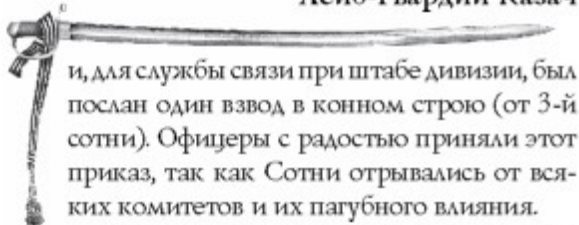
Своих монархических убеждений офицеры не скрывали, и не было случая, чтобы кто-либо одел красный бант или приветствовал бы строй, установившийся после отречения Государя.

Отметим в заключение, что на почве монархических убеждений офицеров за всю революцию не было ни одного случая столкновения с рядовыми казаками, проявившими в этом вопросе глубокое безразличие.

В начале апреля 3-я Гвардейская Кавалерийская дивизия снова заняла свой участок окопов на Стоходе.

Приказ о выступлении спешенных частей в окопы полк получил непосредственно после Пасхи. Из каждой сотни пошло по 55 штыков, при двух офицерах. Остальное осталось при коноводах и обозе, на старых квартирах в районе дд. Липки — Неверково. Кроме того, на фронт выступила пулеметная команда со спешенными номерами

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

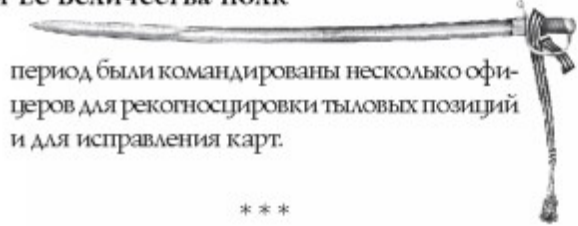

и, для службы связи при штабе дивизии, был послан один взвод в конном строю (от 3-й сотни). Офицеры с радостью приняли этот приказ, так как Сотни отрывались от всяких комитетов и их пагубного влияния.

Утром 13 апреля полк в конном строю выступил из своей стоянки и в тот же день, к вечеру, прибыл в г. Ровно, откуда коноводы повели лошадей обратно, а спешенные части под командой полковника Зубковского на следующее утро погрузились в эшелоны. На железной дороге уже царил полный беспорядок: долго не подавали состава, и только после долгих пререканий с комиссаром станции эшелоны с большим опозданием, отошли.

На рассвете 15 апреля части полка выгрузились на ст. Рожище и двинулись походным порядком в дер. Невольное, расположенную в 5 верстах от передовой линии окопов. Противник с змейкового аэростата заметил движение полка и начал артиллерийский обстрел деревни, до которой полк еще не дошел и в которой находились лишь конный взвод подьесаула герцога Лейхтенбергского и команда связи с сотником графом Муравьевым-Амурским. Полк остановился, залег в канаве вдоль дороги и с наступлением темноты вошел в деревню. Во время обстрела один снаряд разрушил избу, во дворе которой стоял конный взвод. Убит был казак Бурняшев, контужены легко — подьесаул герцог Лейхтенбергский и тяжело сотник граф Муравьев-Амурский.

Ночью полк сменил пехотную часть, стоявшую в резерве 1-й бригады в ур. Мокрыско. Казаки и офицеры расположились в блиндажах и землянках, построенных в небольшом лесу. В этом районе полк простоял дней 10 в полном бездействии, иногда только посылая по ночам команды для рытья окопов или их исправления на участок Л.-Гв. Уланского полка, в резерве которого полк находился. В этот

период были командированы несколько офицеров для рекогносцировки тыловых позиций и для исправления карт.

В ночь с 25 на 26 апреля спешенные части полка сменили улан в окопах, на лево-фланговом участке дивизии у колонии Марьяновки. 1-я сводная сотня (1-я и 3-я сотни) под командой подьесаула Полковникова заняла позиции на правом фланге полка, войдя в связь с Л.-Гв. Атаманским полком, занимавшим окопы у дер. Богушовка; далее расположились 2-я сводная сотня (4-я и 5-я сотни) под командой подьесаула Я. Рыковского, и на левом фланге полка, на стыке со 2-й Гв. Кавал. дивизией, 2-я сотня под командой хорунжего Кобиева. Штаб полка — в блиндажах в лесу юго-западнее колонии Марьяновки. Пулеметная команда была распределена по сотням.

Сооруженная больше года тому назад на Стоходском болоте оборонительная позиция состояла из окопов насыпного типа. Блиндажи, с одним или с двумя накатами тонких бревен, были скорее похожи на землянки и не являлись защитой от артиллерийского огня. Убежищ и лисьих нор не было. Окопы насыпного типа требовали большого ухода, иначе песок легко распался. С началом революции солдаты перестали поддерживать работой исправное состояние окопов, и они быстро разрушались. Лейб-казакам пришлось занять окопы, запущенные почти двухмесячным бездействием: проволочное заграждение, хотя и тянулось в две линии, но во многих местах было проходимо; окопы частью завалились и были сильно загрязнены.

Непосредственно за окопами, за проволочным заграждением, протекала река Стоход, вдоль которой тянулось труднопроходимое болото шириною до 2-х верст, с не-

большими островами. Позиция противника находилась на противоположном берегу, на опушке густого леса. Противник почти не тревожил. Казаки беспрепятственно ходили по-над окопами, и только если собиралась большая группа в 19—20 человек, то немцы начинали обстрел очень метким ружейным, а иногда и артиллерийским огнем. Довольно часто, ведя воздушную разведку, делали налеты неприятельские аэропланы, иногда бросая бомбы по тылам и вызывая огонь наших зенитных батарей.

Служба полка носила характер сторожевого охранения. Днем выставлялись только наблюдатели, ночью секреты, в некоторых местах караулы и заставы. Изредка высылались разведка. На случай тревоги назначалась дежурная часть. Связь была хорошо налажена: каждая сотня была соединена телефоном со штабом полка, соседними участками, артиллерийскими наблюдателями и с 3-й батареей Л.-Гв. Конной Артиллерии. На случай газовых атак были приготовлены костры, наблюдатели имели колокола из шрапнельных стаканов, а люди снабжены противогазами.

Офицеры жили в отдельных блиндажах при каждой сводной сотне. Тут же находился телефон, посыльные и присланные для связи. Собрание было устроено в блиндаже при штабе полка. Там же стояли походные кухни, откуда горячая пища в недрах разносилась по окопам.

По воскресеньям и праздничным дням в ближайшем тылу в походной полковой церкви служилась Божественная Литургия.

В окопах полк простоял 10 дней, после чего отошел в район госп. двора Тихотина.

Простояв в резерве до 16 мая, полк снова, сменив улан, занял старые позиции на Стоходе.

Надежды офицеров на улучшение настроения казаков, в связи с условиями боевой службы в окопах, не оправдались.

Раньше было сказано, что полк в Мекрыско сменил пехотную часть. Солдаты этой части, разболтанные, грубые, озлобленные, произвели тягостное впечатление не только на офицеров, но и на казаков. Однако близость деморализованных солдат оказывала вредное влияние на менее стойких людей. Кроме того, благодаря соседству солдат, появилась в изобилии революционная литература в виде газет, брошюр и листовок, действующая разлагающим образом.

Если в тылу, при лошадях, где казаки были заняты уборками, где производились занятия и где они нередко помогали по хозяйству хозяевам, у которых они стояли по хатам, досуг казака был заполнен, то здесь, в окопах, на пассивном участке, свободного времени некуда было девать.

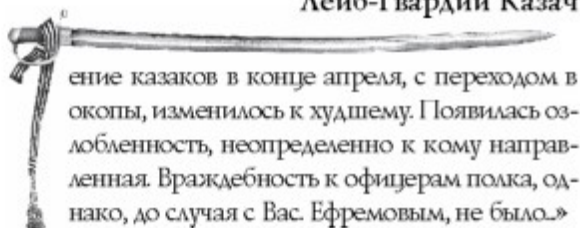
Помимо чтения революционных изданий безгранично процветала карточная игра, с ее неизбежными последствиями: воровством, продажей казенного имущества и ссорами между собой.

Условия жизни в окопах во время революции затруднились. Ухудшилась пища, ибо продукты теперь были исключительно интендантской поставки: хлеб выдавался черствым, мясо обычно заменялось солониной, либо вяленой рыбой; мыло, табак, чай, сахар выдавались очень нерегулярно, причем последний часто теперь заменялся отвратительного качества изюмом и черносливом.

В землянках и блиндажах, запущенных с начала революции, было тесно и грязно. Людей заедали комары, блохи и вши.

Приведем выдержку из дневника очень вдумчивого наблюдательного офицера, хор. Ник. Петр. Ефремова, характеризующую настроение казаков в полку: «...Под влиянием плохих условий жизни, агитации в печати, бестолковых действий Правительства и близкого соседства с неказачьими частями настро-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

ение казаков в конце апреля, с переходом в окопы, изменилось к худшему. Появилась озлобленность, неопределенно к кому направленная. Враждебность к офицерам полка, однако, до случая с Вас. Ефремовым, не было.»

Словом, дух в полку понизился, и создалось повышенно-нервное настроение.

В конце апреля, в связи с отъездом в отпуск командира полка ген. А.М. Грекова, полк Мишарев отбыл к коноводам, а в командование спешенными сотнями вступил есаул В.И. Фарафонов.

В этот период случился грустный инцидент, жертвою коей сделался один из хороших офицеров полка сотник Вас. Ник. Ефремов.

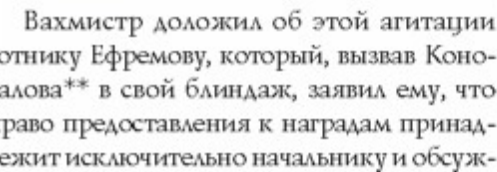
Распоряжением высшего начальства в полк были присланы 2 или 3 медали, выданные французским правительством для награды отличившимся казакам.

Командирам сотен было приказано прислать соответствующие представления к награде.

Заменявший в окопах к-ра 3-й сотни, сотник В. Ефремов сначала хотел представить к этой награде ур. Коновалова, но затем, переговорив с офицерами сотни и вахмистром, передумал и послал представление на другого, более достойного казака.

Уряднику Коновалову стало об этом известно, и он, открыто выражая свое недовольство, стал будировать среди казаков сотни против сотника Ефремова*.

* Сотник Вас. Ник. Ефремов — потомок славного донского рода, давших полку несколько поколений достойных, коренных офицеров, — был относительно молодым офицером.

Вахмистр доложил об этой агитации сотнику Ефремову, который, вызвав Коновалова** в свой блиндаж, заявил ему, что право предоставления к наградам принадлежит исключительно начальнику и обсуждению казаками не подлежит, почему он

Очень горячий и по молодости лет иногда несдержанный, он был часто неровен с казаками и, будучи по службе строгим и требовательным, не пользовался в их среде популярностью.

** Урядник Коновалов происходил из интеллигентной дворянской семьи и имел брата, подполковника Генерального Штаба (произведенного впоследствии, во время Гражданской войны на Дону, в генералы).

В Лейб-Казачьем полку не делалось различий между казаками по классовому признаку, и урядник Коновалов нес службу без каких бы то ни было поблажек наряду с другими рядовыми казаками.

В 1916 году урядник Коновалов, будучи послан на разведку по закупке в тылу фуража, познакомился там с группой пехотных солдат, дезертиров, бродивших по тылам и занимавшихся там грабежом и воровством. В одной деревне эти солдаты убили и ограбили одинокую старую женщину. Спустя некоторое время дезертиры-грабители были арестованы, причем судебным следствием было установлено соучастие какого-то казака. Дознание, произведенное в Лейб-Казачьем полку, установило участие урядника Коновалова. Участие в убийстве урядник Коновалов категорически отрицал, однако после опроса судебным следователем он, по обвинению в соучастии, был предан суду Особой Армии, с оставлением под надзором в сотне.

Висевшая над головой перспектива суда угнетала Коновалова, и он вызвал в полк своего брата. Заступничество приехавшего брата не помогло: случай грабежа в Лейб-Гвардии Казачьем полку был исключением, и ни командир полка, ген. Греков, ни командир сотни подесаул Кононов не согласились замять дела.

С приходом революции общая картина развала и безнаказанности кругом возбудили в уряднике Коновалове надежду отвертеться от суда.

Урядник Коновалов цеплялся и за французскую медаль в надежде, что сам факт представления к награде не то облегчит, не то избавит его от ответственности.

приказывает вредную агитацию прекратить и более к этому вопросу не возвращаться.

На следующий день сотник Ефремов вышел пройтись позади окопа.

К нему подошел Коновалов и дерзким тоном потребовал объяснить, почему его представление к французской медали было отставлено.

Сотник Ефремов ответил, что он уже говорил Коновалову, что право предоставления есть право начальника и разговаривать на эту тему не будет и не желает.

«А я желаю разговаривать», — дерзко отрезал Коновалов. Сотн. Ефремов приказал ему идти в окоп, на свое место. Ур. Коновалов не только не пошел, куда было приказано, но продолжал говорить дерзости.

Сотник Ефремов, выведенный из себя, выхватил револьвер (как потом оказалось, незаряженный) и скомандовал: «Направо», Коновалов повернулся, но поворот вышел не в сторону окопа. «Крутом, — поправился сотник Ефремов, — в окоп — марш!».

Ур. Коновалов скрылся в окопе, но там, очутившись среди казаков 3-й сотни, стал кричать, что сотн. Ефремов, угрозой револьвера, производил ему «занятие поворотами», что «офицеры всех нас перестреляют... ребята, берите винтовки, надо Ефремова арестовать!»

Казаки 3-й сотни выскочили из окопа и пошли с винтовками наперевес на сотника Ефремова.

Случайно находившиеся неподалеку к-р 5-й сотни подьесаул Я. Рыковский и ст. оф. 4-й сотни подьесаул Плеве, увидя казаков, заряджавших винтовки, кинулись к ним навстречу.

Подьесаулу Рыковскому удалось остановить сотню. Быстро опросив сотн. Ефремова, он отправил его с подьесаулом Плеве к командующему спешенными сотнями есаулу В. Фарафонову, а затем не без труда отвел казаков в окоп обратно.

Возбуждение в сотне не улеглось, и через некоторое время к блиндажу командира полка прибыло 5 казаков, заявивших, что они командированы сотней для ареста сотника Ефремова и отправки его для суда в Армейский Комитет.

Ес. Фарафонов, в блиндаже которого сидел сотн. Ефремов, отвел дальше от блиндажа в лес возбужденных до крайности и вооруженных винтовками казаков и здесь приказал доложить, в чем дело.

Казаки заявили, что сотня требует ареста, ибо иначе «он, сотн. Ефремов, всех нас перестреляет».

Ес. Фарафонов заявил, что как командир полка он не допустит ареста казаками офицера, да и кроме того, им уже сотн. Ефремов арестован впредь до разбора всего дела.

Увидев проходившего случайно офицера 4-й сотни кн. Н.П. Трубецкого, ес. Фарафонов быстро к нему подошел и тихим голосом приказал немедленно, скрытно от казаков, увести сотн. Ефремова на фольварк, отстоявший в 4-х верстах, куда с наступлением ночи должен был отойти в резерв дивизии Л.-Гв. Казачий полк.

Вернувшись к «делегатам», он объяснил им несуразность их опасения и требования и отослал их обратно в окоп.

Ночью полк отошел в резерв к фольварку, а наутро, перед штабом полка выстроились развернутым строем (составляющие 1-ю спешенную сводную сотню) вооруженные винтовками казаки 1-й и 3-й сотен, с требованием выдачи им для ареста сотника Ефремова.

Есаул Фарафонов с несколькими офицерами, бывшими в штабе, вышел и громко поздоровался.

Сотни ответили по-уставному.

На вопрос, почему пришли с винтовками, слышались голоса: «Не верим офицерам, они нас перестреляют...»

Ес. Фарафонов, указав на абсурдность этого заявления и обратив внимание казаков на то, что как он сам, так и офицеры вышли без оружия, объяснил, что желает, чтобы винтовки были составлены в козлы, и скомандовал:

«Передняя шеренга — кругом!»

Шеренга повернулась.

«Составь!» — Винтовок не составили.

Есаул Фарафонов и командиры сотен начали уговаривать казаков облагоразумиться.

Казаки упорствовали на аресте сотника Ефремова, и даже раздавались, — правда, отдельные — голоса, дерзко заявлявшие, что пойдут арестовывать сами.

Уговоры тянулись более 5 часов. Казаки упорствовали, не расходились, возбуждение то падало, то возрастало.

Дабы кончить тягостную и недостойную сцену, есаулу Фарафонову пришлось согласиться на арест и отправление сотника Ефремова под казачьим конвоем в штаб дивизии.

Здесь сотник Ефремов был немедленно освобожден и на следующий же день уволен в продолжительный отпуск.

Командующий полком полковник Мишарев спешно вызвал в полк судебного следователя Особой Армии.

Последний прибыл и произвел дознание, причем большая часть казаков от дачи показаний уклонилась. Казаки прибытием следователя были сильно смущены. Струсил и Коновалов, в своих показаниях валивший свою вину на других казаков и старавшийся запутать всю сотню.

Следователь же в частном разговоре с командиром полка сообщил, что буквально завален аналогичными делами, но более серьезного характера, чем данное, по его определению, «сравнительно пустяковое» и «благополучно кончившееся».

В действиях ур. Коновалова и приказных той же 3-й сотни — братьев Логвиновых, казаков 1-й сотни — Серапионова и Свинарева, он нашел состав преступления бунта и подстрекательства к бунту, в условиях нахождения сотни в боевой обстановке, что оправдывало угрозу револьвером сотника Ефремова.

Наряду с этим сообщил, что бесполезно арестовывать подсудимых, так как все арестованные им немедленно же по прибытии в Луцк освобождаются Армейским Комитетом, разгуливают свободно по городу и открыто грозятся его, следователя, убить.

В результате преступление казаков осталось безнаказанным. Казаки 1-й и 3-й сотен, хотя и присмирели, но атмосфера в полку несколько напряглась, и между офицером и казаком был заложен прочный камень взаимного недоверия. Камень этот, внося элемент личной обиды, усложнил взаимное понимание казаков и офицеров и затруднил работу последних.

Между тем инцидент с ур. Коноваловым отнюдь не служил доказательством полного разложения 3-й сотни.

Достаточно будет отметить, что в дальнейшем, в трудные дни попытки переворота ген. Корнилова и в особенности в последовавшие дни определившейся неудачи, именно казаки 3-й сотни несли охрану Штаба Гвардейского Кавал. Корпуса, твердо и спокойно держась своих офицеров. И только благодаря их стойкости Штаб Корпуса был предохранен от эксцессов со стороны своих солдатских команд и комитетов.

Случай с ур. Коноваловым являлся заурядным бунтом на почве разрушенных революционным законодательством всех нормальных устоев быта воинской части и ряда сцепления случайных внешних обстоятельств, сыгравших роль толчка по отношению к наполненному взрывчатыми веществами снаряду.

Главным из этих внешних обстоятельств являлись испытываемые лишения в пище и условиях жизни на позиции, не компенсируемые, как то было до революции, верой в конечную победу, о малой вероятности коей теперь казаку говорил вид быстро разлагавшейся солдатской массы.

Вскоре после инцидента вернулся со съезда при Ставке, куда ездил делегатом офицеров полка, командир 3-й сотни подьесаул Кононов.

Одновременно пришло в полк предписание Штаба Особой Армии с вызовом ур. Коновалова на судебное разбирательство дела о грабеже.

Подьесаул Кононов построил сотню; прочитал предписание, приставил к ур. Коновалову часовых и отправил его в Штаб Армии.

После команды «разойтись» казаки подходили к командиру сотни и робко и несмело высказывали сожаление о случившемся в окопах, обвиняя всецело одного урядника Коновалова.

Дальнейшая служба 3-й сотни проходила в полном порядке, вплоть до прихода полка на Дон.

Несмотря на приведенную выше картину мрачной обстановки, офицеры полка продолжали свою безотрадную тяжелую работу по сохранению полка, проявляя незаурядный такт и полное самоотвержение.

Только благодаря этой работе полк продолжал оставаться относительно боеспособным в бушующем кругом солдатском океане.

Перейдем теперь к рассмотрению боевой деятельности Л.-Гв. Казачьего полка этого периода.

В течение целого месяца на фронте господствовало полное затишье. Сначала против боевого участка полка стояла спешенная австро-венгерская конница, в половине мая ее сменила германская пехота. Частям дивизии было предложено произвести поиски разведчиков в расположение противника, с задачей захватить пленного и выяснить наименование части. Командующий полком поручил произвести поиск сотнику Ф.Ф. Рыковскому, вызвав охотников со всего полка. Желających идти на разведку оказалось больше, чем надо было.

Произведя с 20-ю казаками предварительную разведку местности, сотник Рыковский остановил свой выбор на прилегающем к позиции противника урочище, где находился отдельный неприятельский полевой караул. К нему были изучены все подступы, как и расположение проволочных заграждений.

В ночь с 20-го на 21-е мая разведчики, переправившись через Стоход, выступили с расчетом пройти заграждения противника перед самым рассветом. Прорезав проход в проволоке в двух местах, разведчики подошли незамеченными к окопу, занятому немецким караулом, бросили в него несколько гранат, чем обратили немцев в бегство. В окопе остался только один раненный осколком гранаты в живот германский часовой, который продолжал сопротивляться и был взят в плен, получив еще несколько штыковых ран. Между тем германцы по всей линии открыли ружейный и пулеметный огонь. По сигнальной ракете, выпущенной сотником Рыковским, наша батарея открыла заградительный огонь, и разведчики благополучно отошли.

Таким образом, поиск блестяще удался: задача была выполнена почти без потерь, если не считать 3-х легкораненных казаков, оставшихся в строю. Доставленный тяже-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

лораненым, пленный германец назвал себя рядовым 143-го Ландверного полка Рихардом Куфельднером, уроженцем Меца. (Часа через два, после сделанной врачом Евфановым перевязки, пленный скончался.) С ним были взяты его винтовка, патроны, бомбы и полное снаряжение. В других частях дивизии поиски никаких результатов не дали.

Такое дело, в нормальных условиях незначительное, теперь, когда Русская Армия, разлагаясь, быстро теряла свою боеспособность, оказалось достойным внимания. (По всему фронту армии шло братание, и вдруг нашлась часть, успешно выполнившая боевую задачу.) Высшее командование отметило это дело настолько, что действия партии разведчиков сотника Рыковского попали в сводку Ставки Верховного Главнокомандующего всеми Русскими Армиями от 25 мая. Кроме того, и в приказе по Особой Армии была объявлена благодарность всем участникам разведки, а также и всему полку, который ставился в пример другим частям. Сотник Рыковский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а все участники-казаки получили Георгиевские кресты и медали.

22 мая, на следующий день после поиска разведчиков, германцы, сосредоточив три батареи легкой и тяжелой артиллерии, по видимому, с целью наказать, начали обстрел участка 1-й сотни, откуда вышли разведчики. Площадь обстрела была примерно в 250 саж. в глубину и по фронту. Люди покинули по приказанию все блиндажи и, оставив только наблюдателей, по ходам сообщения перешли на соседние участки. Обстрел продолжался около часу. В результате — проволочное заграждение было разрушено во многих местах, завалилось несколько блин-

дажей и часть окопов, прервалась и телефонная связь. Убитых и раненых не было, за исключением одного телефониста, легко раненого осколком в руку.

28 мая на рассвете разведчики противника подходили к нашим позициям, но вовремя замеченные казачьими секретарями, были отбиты ружейным и пулеметным огнем.

В это время коноводы стояли на старых квартирах в районе дд. Липки — Волкашов — Неверков. Жизнь казаков и офицеров протекала в лучших условиях, казаки были заняты уборкою, на каждого приходилось по несколько лошадей; политикой занимались меньше, настроение было лучше, чем на позициях, и вообще жизнь носила почти мирный характер.

В июне месяце должен был собраться в Новочеркасске большой Войсковой Круг для выбора Атамана. От Л.-Гв. Казачьего полка делегатами были посланы подьесаул С. Краснов и подьесаул Я. Рыковский. На бригадном кругу были намечены кандидатами на пост Атамана — Командующий 8-й Армией генерал А.М. Каледин и начальник 2-й Казачьей Сводной дивизии генерал П.Н. Краснов. Тогда же для делегатов полка был выработан наказ в духе казачьей программы, о которой говорилось выше.

Командир полка генерал-майор Греков вернулся из отпуска, и полковник Мишарев выехал в окопы командовать спешными частями полка.

Генерал Греков вскоре вновь отбыл в отпуск, впредь до увольнения (по сердечной болезни) в отставку, передав полк уже окончательно полковнику Мишареву.

Перед уходом генерал Греков оказал полку величайшую услугу срочным вывозом из Петрограда в Новочеркасск всех полковых регалий и предметов богатого полкового музея.

Этой мудрой и своевременной предусмотрительности ген. Грекова полк обязан сохранностью своих ценностей. (История и порядок вывоза полкового музея и регалий изложены подробно в очерке И.Н.О. «Очерк истории музея Л.-Гв. Каз. Е.В. п.»)

13 июня срочно были вызваны на позицию все офицеры; при коноводах осталось по одному офицеру на сотню. Армия готовилась к Тарнопольскому наступлению 18 июня.

10 июня спешенные сотни полка заняли новые позиции у д. Богушовка, где прежде стояли Атаманцы: 2, 4 и 5-я сотни заняли окопы по берегу Стохода, вдоль дер. Богушовка, а 3-я сотня — на острове Березовом. Из всей деревни Богушовки не разрушенными оставались всего три избы — в 1 версте на юг от окопов. Там расположился штаб полка и 1-я сотня в резерве.

18 июня Верховный Главнокомандующий приказал армиям Юго-Западного фронта перейти в наступление, причем главный удар предполагался в направлении Броды — Тарнополь. На Ковельском направлении произведена должна была быть демонстрация — причем надежды на удачу так было мало даже у высшего командования, что не было дано особых задач на случай развития успеха этой демонстрации. Боевому участку Гв. Кавалерийской дивизии «было приказано: пехоте Стрелкового полка 3-й Гв. Кав. див. овладеть позициями противника у д. Свидники, а Л.-Гв. Казачьему и

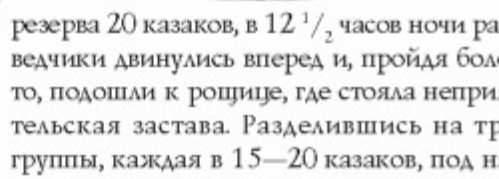
Л.-Гв. Атаманскому полкам — произвести поиски разведчиками за реку Стоход крупными партиями и этим обеспечить наступление эскадронов стрелков. Достигнуть передовых позиций противника все части должны были одновременно на рассвете 18 июня.

Задача была задана дней за пять, и необходимо было произвести подготовительные работы и разведку. Артиллерия боевого участка была усилена несколькими прибывшими из резерва тяжелыми и легкими батареями, и с 14 июня началась артиллерийская подготовка. Ежедневно на воздушную разведку начали вылетать наши аэропланы.

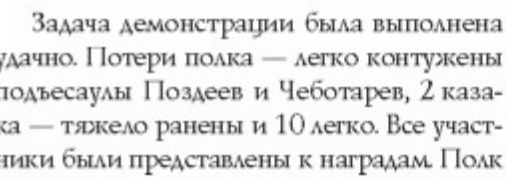
В Л.-Гв. Казачьем полку руководство поисками было возложено на командира 1-й сотни подьесаула Поздеева. Из охотников всего полка была составлена партия разведчиков в 75 казаков при 3-х офицерах (подьесаулах: С. Полковникове, М. Чеботареве и Ю. Персидском). В течение нескольких ночей разведчиками была произведена рекогносцировка местности, подступов, проволочных заграждений и позиций противника. Местом удара был выбран участок позиции противника, выдающийся вперед у острова Мычкова, занятый заставой противника. Перед позицией противника тянулось пять рядов проволочных заграждений. Переход на ту сторону Стохода был очень тяжел: приходилось идти по пояс в воде. К тому же ночи были лунные, и для разведки нужно было пользоваться временем от захода луны (около часу ночи) до зари (которая начинала заниматься около 3-х часов утра).

В ночь с 17-го на 18-е июня партия разведчиков перешла на остров Мычков, куда был проведен телефон и где находился на наблюдательном пункте командир взвода 3-й батареи Л.-Гв. Конной артиллерии подпоручик Апрелев. Оставив на острове в виде

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

резерва 20 казаков, в 12 ¹/₂ часов ночи разведчики двинулись вперед и, пройдя болото, подошли к рожице, где стояла неприятельская застава. Разделившись на три группы, каждая в 15—20 казаков, под начальством офицера, разведчики начали резать проволоку. Первые два ряда проволоки (бывшей русской) были перерезаны минут в 15. Далее начиналось заграждение чисто немецкого типа: крестовины из железа, квадратная толстая проволока с очень сложной формой плетения. Над одним проходом провозились свыше 15 минут. По-видимому, противник услышал звон перерезываемой проволоки. Часовой пустил ракету, упавшую в резерве. Разведчики припали к земле, а когда ракета потухла, вновь принялись за работу. Минут через пять вновь взвилась ракета, которая упала в двух шагах впереди разведчиков. Снова пришлось всем припасть к земле. Прорезав проход и во втором немецком ряду, разведчики подползли к последнему, но тут уже начало светать. Германский часовой заметил казаков, выстрелил и побежал назад. Вскоре по всей линии затрещала ружейная и пулеметная стрельба. Разведчики пустили сигнальную ракету: наша артиллерия начала обстреливать заставу. По всей линии у немцев начались крики, звонки, и стрелки их начали распространяться вправо и влево. В тыл разведчикам начали бить два пулемета. По красной ракете, пущенной разведчиками, артиллерия наша сосредоточила огонь по пулеметам, и разведчики начали отходить. Немецкая артиллерия открыла заградительный огонь — появились раненые, которых казаки несли на руках. У противника появился шар, и очень низко поднялся аэроплан. Уже совсем рассвело. Под огнем противника, неся своих раненых, разведчики добрались до Мычкова острова, а затем и до окопов.

Задача демонстрации была выполнена удачно. Потери полка — легко контужены подьесаулы Поздеев и Чеботарев, 2 казака — тяжело ранены и 10 легко. Все участники были представлены к наградам. Полк получил ряд благодарностей от высшего начальства.

21 июня части полка были сменены Л-Гв. Гродненским Гусарским полком и отошли в резерв к коноводам, которые перешли в район ст. Киверцы — дд Озерки — Своз. Расположившись на обывательских квартирах по деревням, казаки начали приводить в порядок обмундирование и снаряжение и занялись чисткой лошадей.

Полк зажил относительно мирной жизнью. 29 июня, а затем 5 июля праздновались сотенные праздники 3-й и 2-й сотен. Казакам было выдано несколько бочек вина, приезжали из соседних частей гости. Праздники прошли весело, и, несмотря на царящий кругом революционный угар, отношение казаков к своим офицерам было искреннее и вполне дружелюбное.

7 июля спешенные части полка вновь сменили Л-Гв. Гродненский Гусарский полк и заняли окопы у д. Богушовки, гать на стар. Мосор и переправу на Сосновый остров. 3-я сотня в полном составе пошла в отдел, для службы связи и охраны штаба корпуса, где оставалась до самого конца пребывания полка на германском фронте.

В окопах части полка простояли до двадцатых чисел июля, после чего отошли к коноводам в район д. Своз.

Здесь полк получил сведения о разгроме Русской Армии под Тарнополем и об ее ускоренном отходе.

* * *

Во второй половине июня и начале июля, в исполнение общего плана, принятого со-

юзниками, Керенский с Брусиловым решили произвести до сего времени откладываемое из-за революционного развала наступление на участке нескольких армий.

Первые дни наступления, особенно на участке 7-й и 11-й армий, дали успех, и Керенский торжествовал: «Сегодняшний день, — писал он, — положил предел злостным клеветническим нападкам на новую организацию Армии, построенную на демократическом начале...»

Однако первоначальный успех, купленный ценою гибели подобранных путем подбора лучших элементов Армии и громадного количества убитых офицеров, в процентном отношении никогда и нигде не бывалом, быстро сменился полной катастрофой.

Армии, корпуса, дивизии и полки, несмотря на свое численное и, первый раз за всю войну, артиллерийское превосходство, бежали, не только теряя плоды успеха и бросая исходные позиции, но без боя отдавая и укрепленные позиции тыла.

Фронт был широко открыт, и немцы могли продвигаться церемониальным маршем.

Стала известной телеграмма командующего одной из Армий, генерала Корнилова, от 11 июля, начинающаяся словами: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения, бежит...»

В своей телеграмме Корнилов, указывая, что дисциплина была расшатана мерами Правительства, требовал принятия резких мер, вплоть до введения смертной казни на фронте.

Керенский и Временное Правительство, напуганные катастрофой, на этот раз сдали: на фронте была введена смертная казнь, и офицерам в бою была предоставлена полнота власти. Главное же, был убран беспринципный Верховный Главнокомандующий

генерал Брусилов и заменен генералом Корниловым.

Как будто бы создались условия для перелома общей обстановки в России в сторону здравого смысла.

Строевое офицерство вздохнуло свободнее.

Однако ненадолго, ибо... так было угодно немцам: немцы не наступали: в их расчеты пока не входило развивать свой успех. Фронт, оторвавшись от противника, остановился, и наступило затишье.

Оправился от страха Керенский... и занял свою прежнюю позицию. За ним пошла и революционная демократия, ибо победа здравого смысла ею учитывалась как посягательство на ее бытие. Такое же отношение проявили было затихшие войсковые комитеты всех рангов, быстро убедившись, что «нет той силы, которая могла бы превратить грозные слова в действительность».

«Курс, было взятый на Корнилова, получил в солдатской массе значение контрреволюции»*.

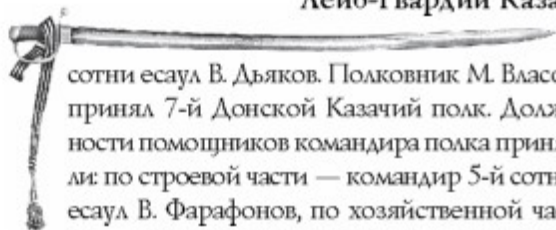
Положение строевого офицерства резко ухудшилось...

В рассмотренный нами период в офицерском составе полка произошли следующие перемены:

Командир полка генерал-майор А. Греков выбыл в отпуск впредь до увольнения в отставку по болезни сердца. В командование полком вступил полковник А. Мишарев. Бывший в командировке помощником командира стрелкового полка дивизии старший полковник В. Упорников принял 21-й Донской Казачий полк. Его место, с производством в полковники, заступил командир 1-й

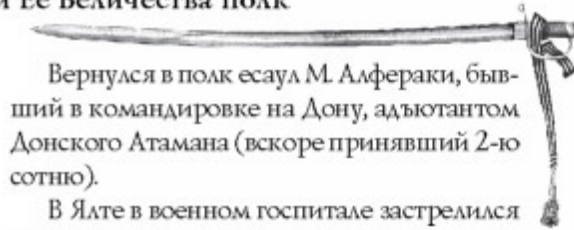
* Очерки ген. Деникина.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

сотни есаул В. Дьяков. Полковник М. Власов принял 7-й Донской Казачий полк. Должности помощников командира полка приняли: по строевой части — командир 5-й сотни есаул В. Фарафонов, по хозяйственной части — командир 4-й сотни есаул И. Оприц (в первых числах августа оба произведены в полковники), 4-ю сотню — подьесаул Н. Номикосов, 5-ю сотню — подьесаул Я. Рыковский, 1-ю сотню — подьесаул К. Поздеев. Пулеметную команду — подьесаул Б. Чеботарев.

Выбыли из полка: полковник Зубковский, командир 2-й сотни есаул Б. Демин и хорунжий В. Ефремов. Эвакуирован по болезни в Петроград сотник Б. Дьяков.

Вернулся в полк есаул М. Алфераки, бывший в командировке на Дону, адъютантом Донского Атамана (вскоре принявший 2-ю сотню).

В Ялте в военном госпитале застрелился офицер полка выпуска 1915 года сотник Юрий Владимирович Иванов-Дивов.

Он был эвакуирован с фронта в конце 1916 года, вследствие тяжелой контузии, повлекшей паралич ног.

Революция подействовала на него угнетающе. Революционная разруха, коснувшаяся распорядков в госпитале, довершила остальное, и в мае он покончил с собою выстрелом из револьвера.

Глава II

КОНЕЦ 1917 ГОДА

Служба и жизнь полка в тыловом районе. — Значение офицерской работы. — Ухудшение положения офицерского состава. — Выступление генерала Корнилова и его последствия. — Агитация Крюкова. — Обезьды комиссаров. — Переход полка в район Дубно. — Катастрофическое положение фронта. — Захват власти большевиками. — Погрузка полка на ст. Дубно и Каменец. — Переезд полка на Дон. — Прибытие эшелонов в Таганрог.

После неудачного Тарнопольского наступления и стихийного отхода нашей армии на юг Гвардейский Кавалерийский корпус, как более боеспособный, перебрасывается в 11-ю армию, ввиду создавшегося там угрожающего положения. Полк 3 августа выступил из д. Своя и перешел в район д. Даниловки, верст на 180 к югу. Это передвижение полк совершил походным порядком в 10 переходов, пройдя станцию Киверцы, кол. Малеванку, д. Погорельцы, гор. Дубно, дер. Антоновцы и д. Садки.

Здесь офицеры с особенным рвением продолжали свою работу над сохранением полка.

А работы было много.

Старый состав казаков быстро таял: хотя дезертирства полк совершенно не знал, но действовал ряд других причин.

На первом месте стояло широкое увольнение врачебными комиссиями фронта буквально всех желающих на поправку, по болезни в отпуск.

На основании распоряжения Временного Правительства, кроме увольняемых по

болезням был установлен определенный процент отпускных, на срок в 3 недели, с возвращением коих увольнялись следующие, по очереди, устанавливаемой сотенными комитетами.

Командировки делегатов на съезды, на выборы, в состав комитетов и т.д. вызвали также большой расход людей. Пришлось вытребовать пополнение из 18-й Донской запасной сотни, стоявшей в станице Каменской.

Думалось, что с Дона получим крепких и морально здоровых казаков.

Когда же в сентябре прибыла команда пополнения в составе 300 казаков, то обнаружилось, что казаки пополнения разболтаны и разложены пропагандой в большей степени, нежели наши старые казаки в полку на фронте. Среди прибывших были почти явные большевики, как, например, казак станицы Митякинской — Кривушев, чего до сего времени в полку не было. Хуже всего было то, что казаки типа Кривушева пользовались большим влиянием в среде прибывших.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Справедливость требует сказать, что в числе команды были прекрасные морально-здоровые казаки вроде Федора Кудинова (4-й сотни), однако последние были в меньшинстве.

Офицерами полка была сделана энергичная попытка взять прибывших казаков в свои руки, начав правильные строевые занятия с ними. Поднялся крик, шум: «Опять обучение отданию чести, маршировке — это старый режим...» и т.д.

Молодежь была поддержана старыми казаками, так как занятия мешали использовать прибывших полностью по служебным нарядам и тем облегчить службу старых казаков.

После упорной борьбы занятия пришлось сократить, а затем и прекратить.

С переходом полка в новый район политическая атмосфера стала сильно сгущаться.

Наступил период большевистской пропаганды на фронте, чему сильно способствовала двойственная политика Временного Правительства.

Как отмечено было выше, Временное Правительство во главе с Керенским после Тарнопольской катастрофы не долго поддерживало спасительные начинания Корнилова и скоро снова заняло прежнюю партийную позицию, попадая все в большую зависимость от Петроградского Совдепа.

Последний же быстро обольшевичивался.

В этих условиях отчаянные усилия Корнилова и командного состава могли лишь замедлить темп развала армии и только отдалить фатальный исход конечного поражения.

Во имя спасения государства нужно было срочно и во что бы то ни стало выр-

вать Правительство из зависимости Совдепа и парализовать большевистские течения в стране.

Корнилов, после беседы с посланным к нему Керенским Львовым, полагая, что действует с ведома Керенского, сосредоточил под Петроградом корпус генерала Крымова с целью распустить Совдеп и образовать твердое правительство (намереваясь предоставить в нем место и Керенскому).

Керенский, ведший двойную игру, и на командование, и на Совдеп, в последнюю минуту предал Корнилова, объявив его изменником, смещенным с поста Верховного Главнокомандующего.

Генерал Крымов застрелился.

Керенский 1 сентября арестовал генерала Корнилова, а 4 сентября выпустил из тюрьмы ряд большевиков во главе с Бронштейном-Троцким, работавших на немецкие деньги по заданиям немецкого командования.

Таким образом, в жертву своим партийным симпатиям Керенский принес высшие интересы Российского Государства, косвенно окончательно предавая аппарат власти под прямое влияние большевиков.

Дальнейший ход событий не подлежал сомнению — война с немцами была безвозвратно проиграна. Уже в следующем месяце исчез с горизонта ненужный теперь большевикам Керенский, а дальше... партийные симпатии Керенского были оплачены Россией потерей громадных территорий и многих миллионов населения.

«Оформил» — Бронштейн-Троцкий в Брест-Литовске.

Как же отражались указанные события в Л.-Гв. Казачьем полку?

Недоверчивое отношение офицерского состава к Керенскому и лицам его окруже-

ния, отмеченное в начале предыдущей главы, изменилось в период после Тарнопольской катастрофы в отрицательное, вернее — презрительное. Керенский расценивался теперь как величина, близкая к нулю, и столкновение с ним Корнилова рассматривалось как непосредственная борьба Корнилова с Петроградским Совдепом.

В этой борьбе, с одной стороны, стоял генерал Корнилов, доблестный боевой генерал, глубокий патриот, энергичный, смелый и честный человек, делавший отчаянную попытку спасти высшие интересы Родины, с другой же стороны стояли люди революционной накипи, приносившие в жертву узкому партийному своекорыстию и низкому эгоизму судьбы не ими созданного Великого Российского Государства.

Ясно, что все сочувствие офицеров было на стороне Корнилова.

Рядовые казаки плохо разбирались в происходящем, но все же в случае победы Корнилова лучшая часть, в силу здорового инстинкта государственности, пошла бы за офицерами, другая же часть, хотя и отравленная декларацией прав солдата, все же затихла бы и в короткий срок работой офицеров была бы приведена в порядок.

Офицерский состав полка полностью входил в Офицерский Союз, образованный после съезда при Ставке Верховного Главнокомандующего в мае, где делегатом от полка присутствовал подьесаул В. Кононов.

Этот съезд принял во имя гибнувшей Родины ряд скромных резолюций, требовавших лишь мер для подъема боеспособности армии и твердой в этом отношении политики власти.

«...Единственная корпорация среди всех классов, профессий, сословий, проявивших

общее стихийное стремление рвать от Государства, выпустившего из рук возожи, все, что возможно в своих частных интересах, — офицерство ничего не просило для себя лично.» — отмечает участник съезда генерал А. Деникин.

Съезд разъехался, оставив при Ставке постоянный комитет Офицерского Союза.

Связь с комитетом Союза поддерживалась через особые в каждой дивизии «пятерки», состоявшие из офицеров полков дивизии.

Корниловское выступление, информация о коем шла через пятерку дивизии, встретило в полку горячее сочувствие всех офицеров.

3-я сотня с командиром сотни есаулом Кононовым, при офицерах: подьесауле Полковникове и подьесауле герцоге Лейхтенбергском, несла службу при штабе Гв. Кав. корпуса, с задачей охранять штаб от эксцессов со стороны превратившихся в вооруженные банды бывших частей Российской Армии.

В день, назначенный для выступления Корнилова, — 28 августа — подьесаул герцог Лейхтенбергский прочно и решительно занял казаками помещение службы связи корпуса, где находились все аппараты телефона, телеграфа и Юза. Подьесаул Полковников занял помещение беспроводного телеграфа и окружил мелкими патрулями все помещение Штаба, не пропуская никого посторонних.

Сообщения, идущие во вред ген. Корнилову, как и отчаянные вопли Керенского: «всем, всем, всем», задерживались и никуда не пропускались. Сотня была в боевой готовности.

День выступления ген. Корнилова благодаря принятым мерам прошел спокойно,

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

однако в последующие дни сведения о неудаче выступления и о смещении ген. Корнилова проникли со стороны в комитеты частей корпуса.

Корпусным комитетом был назначен по близости Штаба корпуса общий митинг с целью принятия каких-то очень решительных и злобных мер против комсостава.

Масса солдат сосредоточилась в расположении Штаба.

3-я Лб.-Каз. сотня построилась в полной боевой готовности.

Близость вооруженной и твердой силы беспокоила и смущала собравшуюся толпу, митинг прошел вяло и относительно быстро разошелся, не приняв никакого решения.

С выяснившейся неудачей отчаянной попытки генерала Корнилова проигрывать войны был несомненен.

Однако после Корнилова оставался еще генерал Каледин, чей голос так мощно звучал на Московском совещании, встретив живой отклик в офицерском сердце.

Отсюда вытекала новая задача: сохранить боеспособность полка и довести его до Дона, в распоряжение генерала Каледина.

Когда пришла телеграмма Керенского о ликвидации Корниловского движения, началась бешеная агитация против офицерского состава. В полк прибыл «товарищ» Михайлов, член фронтового комитета, который, собрав казаков, в чисто демагогической речи громил выступление генерала Корнилова, делая ударение на том, что это была «контрреволюция». Офицерам он выражал коллективно недоверие и рекомендовал казакам следить за ними.

К этому периоду относится и первое сильное столкновение офицеров полка с казаками на почве закона о демократизации армии. Выдержав предварительные экзаменационные испытания, еще в июле подали докладные записки о производстве в офицеров подхорунжие Меркулов и Кузнецов и трубач Крюков. Общество офицеров ничего не имело против производства в полк Меркулова и Кузнецова, но не желало видеть в своей среде Крюкова, недостойного во всех отношениях казака. Тогда Крюков повел среди рядовых казаков сильную агитацию против офицеров и одновременно обратился за защитой в высшие революционные комитеты и в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Все это создало в полку тяжелую атмосферу, так как офицеры решили поставить на своем и в полк Крюкова не принимать. Командир полка мотивировал отказ принять Крюкова отсутствием офицерской в полку вакансии, ввиду полного комплекта офицеров, и вопрос временно был снят с очереди.

3 сентября несколькими переходами полк перешел в район ст. Шепетовки, хут. Сульжинский и д. Лавриновцы. Штаб полка стал в госп. дв. Брикули.

После Корниловского выступления по полкам усиленно начали разъезжать корпусные, армейские и фронтовые комиссары. Целью объездов было желание найти «контрреволюцию» и изъять из полков тех офицеров, которые были причастны к выступлению Корнилова или вызывали подозрение революционных органов. Полковым комитетам было приказано составить списки офицерам, коим казаки выражают недоверие. Благодаря агитации трубача Крюкова, стремившегося создать себе вакансию, был составлен список офицерам (около 12 человек), которым казаки выражают недоверие, как якобы не казакам (это был

один предлог, так как в списке значились офицеры-казаки, наиболее твердые и требовательные по службе). Этот список был проголосован в комитете, и теперь нужно было только утверждение комиссара. В полк прибыл комиссар Макалыш, человек двуличный и неприязненно относившийся к офицерам. На офицерском собрании он заявлял, что никакого доверия или недоверия казаки выражать не могут и жизнь полка должна протекать по-старому. На собрании же казаков, без офицеров, он подстрекал последних быть энергичными, следить за офицерами и немедленно доносить ему. Конечно, после таких беседований дело о неприятии офицерами Крюкова не могло не обостриться, тем более что последний нашел поддержку в дивизионном и корпусном комитетах.

Полковник Мишарев, командир полка, пребывавший последнее время в сильно угнетенном состоянии и как бы ушедший в себя, однако здесь нашел верный тон и твердо заявил полковому комитету, что вынесенного части офицерам недоверия он не признает, если же комитет будет настаивать и будет поддержан корпусными и армейскими комитетами, то он, командир полка, в полном согласии со всеми без исключения офицерами подаст рапорт Донскому Атаману с просьбой убрать весь офицерский состав полка в Донской резерв, с высылкою нового состава офицеров в полк, из того же резерва.

В полковом комитете заявление командира полка произвело большое впечатление и заставило призадуматься. Одновременно в полк прибыл комиссар фронтowego казачьего съезда хорунжий Терского Войска Старицкий, использовавший замешательство комитета и окончательно убедивший казаков взять свое постановление о недоверии обратно.

Трубач Крюков был вскоре произведен в офицеры в 8-й казачий полк. Он было задержался отъездом, но полковник Мишарев, авторитет коего временно поднялся, в категорической форме потребовал немедленного отбытия Крюкова к месту службы, что тот и исполнил.

Кузнецов и Меркулов были произведены в Л.-Гв. Казачий полк. Перед тем как надеть форму, они оба заявили, что если офицеры полка что-либо имеют против них, то они сейчас же уйдут. Но офицеры встретили их так радушно, как встречали всех молодых офицеров.

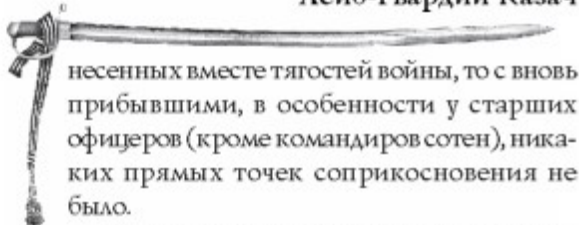
Таким образом, первый и самый сильный натиск по линии «демократизации» полка (т.е. разбития сплоченности офицерского состава) был успешно отбит. Однако дело этим не кончилось, и полковой комитет под влиянием постановлений дивизионного и корпусного комитетов провел ряд неприязненных офицерам мер. Наиболее неприятной из них было отобрание вестовых с возложением уборки 2-х офицерских лошадей на денщиков.

Денщиков отобрать комитеты прямо не могли, ибо они представляли особую штатную категорию, посылаясь таковыми с Дона, и, в отличие от строевых казаков, не имели собственных лошадей.

Замена вестовых денщиками, в сущности, почти лишала офицера возможности пользоваться услугами последнего, ибо уход и уборка 2-х лошадей отнимали все время казака.

На отношении казака к офицеру стало сказываться и влияние прибывших с Дона на пополнение молодых казаков, ибо если со старыми казаками у офицера была спайка многих лет совместной службы и пере-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

несенных вместе тягостей войны, то с вновь прибывшими, в особенности у старших офицеров (кроме командиров сотен), никаких прямых точек соприкосновения не было.

Отсюда меняющееся и непрочное отношение к тому или иному офицеру*.

Скажем несколько слов об условиях работы по должностям председателя полкового комитета, а также и должности заведующего хозяйством в полку.

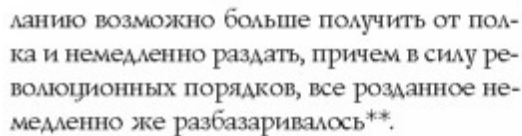
Как ни раскачивался агитацией авторитет офицера, все же в Лейб-Казачьем полку казаки неизменно выбирали председателем полкового комитета офицера, и притом из числа старших. Офицерский состав был во всем солидарен между собою, а посему мнения председателя часто расходились с комитетом, и первому приходилось вести жестокую борьбу в отстаивании разумных решений.

Требовались стальные нервы и железное спокойствие, почему ни один председатель долго не выдерживал и складывал свои полномочия. Последовательно эту должность занимали: полковник Мишарев, полковник Фарафонов, есаул Я. Рыковский, есаул Н. Номикосов.

Не меньших по крепости нервов, а иногда уже чисто деревянного упорства требовала и должность заведующего хозяйством, кою с июня неизменно занимал полковник И.Н. Оприц.

Хозяйство в сотнях в значительной степени перешло в руки сотенных комитетов. Главным образом хозяйственными вопросами интересовался и полковой комитет. Все стремления комитетов сводились к же-

* Как пример укажем, что в список офицеров, коим было выражено недоверие, попал офицер, незадолго занимавший должность председателя полкового комитета по выбору казаков всего полка.

ланию возможно больше получить от полка и немедленно раздать, причем в силу революционных порядков, все розданное немедленно же разбазаривалось**.

В полку были свои большие запасы вещей и богато заполненный цейхгауз в СПб, верилось, что происходящее безобразие явление временное, и заведующий хозяйством должен был сохранять запасы для будущего.

В отношении денежных сумм он же должен был отбивать попытки раздела сумм и проводить грань «полагаемого» казакам от «неполагаемого» — составлявшего достойные казны.

Указанные выше вопросы, как и трудный в революционное время вопрос довольствия людей и лошадей, в условиях все более и более приходящего в расстройство транспорта и поэтому неисправной поставки интендантством, при невозможности купить на месте, вызывали нескончаемые трения с комитетом.

Только благодаря дружной поддержке, оказанной заведующему хозяйством сотенными командирами, как и прекрасной работе хозяйственного отделения полковой канцелярии, возглавляемой заменявшим делопроизводителя ст. писарем Тарариным,

** Для характеристики отношения к казенному имуществу приведем отношение к боевым патронам при стоянке в тылу. Стреляли здесь решительно все, кто имел только винтовку, стреляли по кочке на другом берегу речки, стреляли по плавающей курочке, по воробью, а больше всего — дело было осенью — по пролетающим стаям диких гусей.

По докладу заведующего оружием, в течение августа в Л.-Гв. Казачьем полку было выпущено зря 30 000 патронов, причем этим количеством патронов только в одной сотне был сбит 1 гусь. При тогдашней стоимости патрона 1 рубль этот гусь, съеденный несколькими казаками 5-й сотни, обошелся Государству Российскому в 30 000 рублей.

как и работе крепкого и твердого казака, полкового каптенармуса ур. Сударкина, удалось в полку сохранить до конца денежный ящик и значительную часть запасов, коя весьма пригодилась при формировании и пополнении молодого Л.-Гв. Казачьего полка в апреле 1918 года.

Следующими по тяжести за должностями председателя полкового комитета и заведующего хозяйством шли должности командиров сотен, в трудном, каждодневном «общении» со своими сотенными комитетами они старались спасти боеспособность полка, несмотря на противодействие и травлю как снизу, так и со стороны.

Травля, впрочем, касалась не только старших офицеров, но и младших.

Были даже случаи заявления претензии на офицеров, давно ушедших из полка.

Общим признаком «претензии» была их полная неосновательность*, причем жалобщиком обычно руководило даже не желание

* Приведем несколько примеров характерных «претензий»:

1) Казак Черников заявил претензию на давно уже командовавшего 12-м полком полковника Е.И. Балабина за то, что тот до войны был командиром и, застав казака спящим на дневальстве в конюшне, собирался его «повесить». Выяснилось, что Е.И. Балабин, поверяя ночью наряд, лишь накричал на спящего дневального и ушел из конюшни, даже не наложив дисциплинарного взыскания.

2) Тот же Черников заявил претензию на сотника Воронина (в 1917 году Воронин служил уже в 18-й запасной сотне на Дону) за то, что тот, обучая рубке в мирное время, крикнул промахнувшегося казаку: «Я тебя съем.»

3) Вестовой полковника Номикосова требовал через полковой комитет какую-то фантастическую сумму денег за медянку, которую якобы потратил на чистку конского убора за несколько лет службы.

4) Денщик полковника Фарафонова Астахов требовал через полковой комитет с полковника Фарафонова выплаты денег за то, что в мирное время помогал этому офицеру мять его собаку-фокса.

свести старые счета, а врожденная любовь к кляузе, либо же примитивная корысть. Постановление полкового комитета читалось в сотнях, и кляузнику доставляла удовольствие мысль, что казакам будет известно, как, мол, «ловко Черников подцепил.»

Полная безответственность и безнаказанность кляузников подрывала дисциплину, но зато «демократическое начало» торжествовало по всей линии.

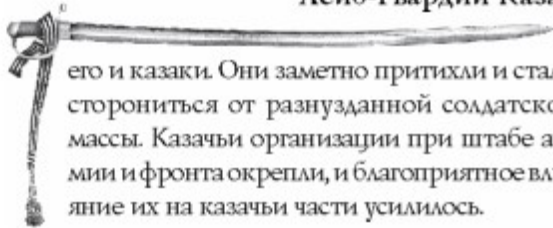
Увы, кровавый лик большевизма все яснее вырисовывался на горизонте, его не видели только те, кто видеть не хотел. В числе последних было Временное Правительство.

2 октября полк выступил из д. Лавриновцы для перехода в район Дубно, а 2-я и 4-я сотни в район г. Кременца. Шли четырьмя переходами через дд. Белгородка — Садки — Антоновцы — Погорельцы. 4 октября, в день полкового праздника, отслужили скромно молебен на походе у д. Садки, откуда четный дивизион пошел на Кременец.

Штаб полка стал на окраине Дубно в госп. дворе графини Шуваловой, 1-я и 5-я сотни в чешской колонии Семидубы, остальные сотни, обоз и пулеметная команда в окружающих ближайших деревнях. Жизнь полка стала протекать тихо и однообразно. Никакой службы полк не нес, занятия в полку не производились. Начал ощущаться в полку недостаток фуража. В командование дивизией вступил командир бригады генерал-майор П.П. Орлов.

К этому времени всем стало ясно катастрофическое положение фронта, совершенно открытого благодаря «братанию» с противником, против чего ничего не могло предпринять лишенное фактической власти начальство. Поняли опасное положение и учили

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

его и казаки. Они заметно притихли и стали сторониться от разнузданной солдатской массы. Казачьи организации при штабе армии и фронта окрепли, и благоприятное влияние их на казачьи части усилилось.

В ноябре месяце положение фронта стало окончательно безнадежным. Временное Правительство бесславно пало в октябре. В Петербурге власть захватили большевики, где и образовали Совет Народных Комиссаров. Верховным Главнокомандующим фронта был назначен прапорщик Крыленко. Разнузданность солдатских масс достигла апогея — по всему фронту шли кровавые самосуды над офицерами, оставшимися по чувству долга в строю. К казачьим частям, сохранившим относительно свой внутренний порядок, солдатские массы начинают относиться враждебно.

В Лейб-Казачьем полку доминирует один лозунг — «На Дон!»

В конце сентября 1917 года, в Киев на Казачий Съезд прибыло несколько сот представителей казачьих частей со всех фронтов.

Наиболее организованной группой на съезде явилась группа делегатов Юго-Западного фронта, имевшая свой наказ и программу и руководимая энергичным подъесаулом Черемшанским.

В первые же дни съезд постановил образовать на всех фронтах казачьи правления по образцу Юго-Западного фронта и учредить должности казачьих комиссаров при ставках Верховного Главнокомандующего, фронтовых и армейских.

Первые известия о выступлении большевиков в Петрограде пришли во время засе-

дания съезда. Была немедленно принята резолюция о поддержании Временного Правительства (против большевиков) с оружием в руках.

Однако, скоро пришло известие о бесславном падении правительства и о бегстве Керенского.

Съезд постановил начать отправку казачьих частей с фронта в свои края.

События в Киеве быстро развились, и после неудавшейся попытки первого большевистского восстания власть перешла в руки Украинской Рады, с Петлюрой в должности военного министра.

Общеказачий Съезд при известии о начале восстания немедленно сформировал всем своим составом четыре сотни и принял горячее участие в подавлении восстания большевиков.

Главную роль в ликвидации восстания сыграла одна из этих сотен, коею, по просьбе казаков, командовал лейб-казак подъесаул С. Краснов. Именно этой сотней был взят старый дворец и целиком захвачен весь штаб восставших во главе с Пятаковым.

Украинское Правительство, принявшее власть, потребовало выдачи Пятакова ему в обмен на согласие дать вагоны для казачьих эшелонов.

Одновременно Петлюра гарантировал беспрепятственный пропуск эшелонов через Украину, но просил более не мешаться в украинские дела и по возможности переехать на Дон, оставив в Киеве лишь делегацию по организации отправки казачьих полков в свои края.

Казачий съезд переехал в Новочеркасск, оставив в Киеве свою делегацию, возглавленную подъесаулом Черемшанским.

Официально признаваемая украинским правительством, делегация начала усиленную работу по подготовке отправки казачьих полков с фронта.

Большую помощь оказывала быстро образовавшаяся сеть казачьих комиссаров при высших штабах, пользовавшаяся для сношения между собой прямыми проводами.

Тем временем казачий комиссар при ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве В.В. Шапкин отправился в Новочеркасск к ген. Каледину для доклада и за инструкциями, вызвав в ставку заместителем себе подьесаула Черемшанского. Последнего в Киеве заместил Л-Гв. Казачьего полка есаул Н.В. Номикосов.

19 ноября Ставка Верховного была захвачена большевиками. Необходимо было действовать, и есаул Номикосов, вызвав по прямому проводу делегата переехавшего в Новочеркасск фронтового съезда, своего однопольчанина подьесаула С.Н. Краснова, поручил ему испросить согласие Атамана на переброску всех Донских казачьих частей Юго-Западного фронта на Дон.

Получив согласие генерала Каледина, есаул Номикосов потребовал от Украинских властей эшелонов.

Первоначально все просьбы есаула Номикосова отклонялись украинским правительством. Есаул Номикосов прибег к угрозе и, добившись личного свидания с Петлюрой, заявил ему, что если в течение 24 часов казакам не будет предоставлено эшелонов, то казачьи полки, уже давно не получающие ни продуктов, ни фуража, двинутся походом, добывая в пути силой пропитание.

Петлюра ответил, что он лично ничего не имеет против беспрепятственного пропуска казачьих частей через Украину, но распоряжение эшелонами находится в руках стачечного комитета железнодорожников, и он бессилен.

Есаул Номикосов проехал лично в стачечный комитет и сумел просьбами и угрозами убедить железнодорожников дать вагоны. Немедленно по прямому проводу

были вызваны офицеры, приемщики казачьих частей, и им были даны распоряжения о местах получения эшелонов. Дело отправки полков на Дон, несмотря на начинавшийся на Украине хаос, быстро двинулось вперед, хотя и предстояло разрешить задачу исключительной трудности: одно Донское Войско имело на фронтах 60 конных полков и 72 отдельных сотни с соответственной артиллерией. Считая по 5 эшелонов на полк, для перевозки одних только Донцов требовалось более 400 поездных составов. Задача осложнялась разрухой на жел. дорогах и полным отсутствием подготовки свыше. Если задача и была в конечном счете почти полностью разрешена, то только благодаря поразительной организационной работе незаметных строевых донских офицеров.

Вскоре в Киев выбрался из захваченной большевиками Ставки* подьесаул Черемшанский. Из Новочеркаска прибыл В.В. Шапкин.

Будучи официально признаны украинцами представителями казачьих воинских частей и имея полномочия ген. Каледина, они энергично взялись за работу по отправке на Дон казачьих эшелонов.

* Отметим, что в Ставке именно лейб-казак подьесаул Черемшанский вместе с казаком-сибиряком ес. Герасимовым и председ. Офицерского союза Новосильцевым принял видное участие в деле освобождения быховских узников, о коем повествует ген. Деникин на с. 144, т. 2 «Очерков». В частности, именно на квартире Герасимова подьесаулом Черемшанским, совместно с адъютантом Корнилова текинцем ханом Розак-Бек-Хаджиевым, на бланке с печатями главной комиссии Шабловского (разбиравшего дело Корнилова по по ручению Врем. Правительства) было «заготовлено» предписание о выпуске ген. Корнилова и других заключенных на случай, если бы ген. Духонин 19-го утром не отдал бы распоряжения об их выпуске, как и на случай, если бы последнее распоряжение оказалось бы недостаточным.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Лейб-казак подьесаул Черемшанский попутно со своей прямой работой оказывал широкое содействие генералу Драгомирову и Шульгину по переброске на Дон в Алексеевскую организацию враждебных большевизму элементов Русской Армии, и в первую голову офицерства. Последних подьесаул Черемшанский снабжал документами для проезда, а частью отправлял с казачьими эшелонами. На этой почве у него создались трения с Шапкиным, считавшим, что не следует разбрасываться.

Однако генерал Каледин через присланного в Киев из Новочеркасска сотника Шатова (Семиреченского войска) выразил личную благодарность подьесаулу Черемшанскому и приказал продолжать работу в дружеской связи с Алексеевской организацией.

Во второй половине ноября, считаясь с резко враждебным настроением солдат двух дивизий, самовольно покинувших фронт и пришедших в Дубно, штаб Лейб-Казачьего полка перешел из города в кол. Семидубы. Полк был сосредоточен в ближайших деревнях.

28 ноября на станции Дубно и Кременец были поданы эшелоны, и полк срочно и в полном порядке погрузился для следования на Дон. В тот же день происходила погрузка на ст. Острог Л.-Гв. Атаманского полка, Л.-Гв. 6-й Донской батареи и штаба дивизии с генерал-майором Орловым во главе. Путь следования бригады был назначен: станции Здолбуново — Шепетовка — Казатин — Волноваха — Александровск — Раздельная — Иловайская — Таганрог. В первом эшелоне следовали: 1-я сотня и пулеметная команда, во втором — 5-я сотня и команда

связи, в третьем — 2-я сотня, штаб полка и обоз, в следующем — 3-я и 4-я сотни.

Настроение окружающей солдатской массы было настолько враждебным, что во всех эшелонах были приняты меры на случай вооруженного столкновения. Особенно опасен был переезд через Днепр у гор. Александровска. Но так как в эшелонах полка был порядок и оvd представляли собой силу, то весь переезд прошел благополучно, только на узловых станциях приходилось долго стоять в ожидании получения очереди на паровоз. Во все время пути чувствовалось полное доверие казаков к офицерам, так как только благодаря энергии и работе офицеров эшелоны с честью и благополучно выходили из трудного положения.

5 и 6 декабря эшелоны полка стали прибывать на ст. Таганрог, где предполагалась выгрузка для несения в городе гарнизонной службы.

В последней четверти 1917 года в офицерском составе Л.-Гв. Казачьего полка произошли следующие перемены: из 42-го Донского Казачьего полка прибыли в полк подьесаулы Нарышкин, Болдырев и Пашков, произведены в хорунжие подхорунжие полка — Меркулов и Кузнецов, из Николаевского Кавалерийского Училища прибыли произведенные в полк хорунжие Греков, Ляхов, Ротов и братья Чекуновы. Из Пажеского Корпуса — хорунжий Иловайский.

Выбыли по собственному желанию в резерв чинов — подьесаулы Сердюков, С. Иванов-Дивов и С. Болдырев.

Глава III

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД АТАМАНСТВА ГЕН. КАЛЕДИНА И ХОД СОБЫТИЙ В СТ. КАМЕНСКОЙ

Создание внутреннего фронта. — Прибытие полка в Таганрог. — Переброска полка в Каменскую. — Ухудшение казачьих настроений. — Поход на станцию Ровеньки-Щегово. — Съезд фронтовиков и образование Военно-Революционного Комитета в станице Каменской. — Выборы командного состава. — Арест командира полка, штаба полка и ряда офицеров. — Бой на ст. Лихая. — Занятие полк. Чернецовым станицы Каменской. — Роспуск казаков полка по станицам и образование офицерского взвода. — Отправка штабдарты. — Гибель отряда Чернецова. — Отход на Новочеркасск.

В декабре 1917 года большевики уже твердою ногою стояли у власти в Петрограде. Внешний боевой фронт, возглавляемый главверхом Крыленко, развалился, но ясно обозначился первый внутренний — граница Донской Области. Еще Керенским против Атамана Каледина были мобилизованы два военных округа — Московский и Казанский, и собранный таким образом сброд запасных частей с прибавкою дезертиров скопился на границах Области. Правильного и решительного руководства этими бандами еще не было, но тенденция их к движению на Дон обозначилась ясно.

Предвидя эту борьбу, общеказачий фронтовой съезд в Киеве постановил, ввиду развала внешнего фронта, организованно отправить все казачьи части с оружием в свои области.

Как говорилось выше, Лейб-Гвардии Казачий полк в составе Гвардейской Казачьей бригады прибыл в Таганрог. Вся работа по организации переброски с фронта произве-

дена была офицерами, рядовые казаки в предшествующее переброске время притихли, и перевозка прошла в относительном порядке (конечно, «относительном» лишь для революционного времени и так называемой «сознательной дисциплины»). Так, по пути самолично разбивались вагоны попадавшихся интендантских запасов, причем брался не только нужный фураж, но и ненужные для переезда предметы вещевого довольствия: один из эшелонов весь обулся в валенки. В вагоне пулеметной команды был случай изнасилования женщины всем вагоном).

В связи с переходом на Дон офицеры таили надежду на улучшение настроений в полку.

Первые же дни принесли жестокое разочарование.

За две станции до Таганрога командир полка получил два донесения: первое было благоприятное — революционно настроенные запасные солдатские части, стоявшие в Таганроге, при прибытии 1-го эшелона на

ст. Таганрог в первую же ночь разбежались по домам.

Второе донесение было неблагоприятное: казаки 1-го эшелона отказались выгружаться и выслать квартирьеров в Таганрог, требуя движения на ст. Каменскую, несмотря на то что распоряжение расположиться в Таганроге исходило от Войскового Штаба.

В полку было много казаков Донецкого округа, желавших идти в свою окружную станицу Каменскую, где всегда формировались эшелоны для посылки на службу в полк и куда прибывали эшелоны казаков полка, кончивших службу.

Казаки таили мечту о скорой демобилизации и разъезде по домам, и оставление в более отдаленном Таганрогском округе, округе больше крестьянском, нежели казачьем, и потому враждебном, им не нравилось.

Прибывший с 3-м эшелоном командир полка полковник Мишарев застал на станции Таганрог безотрадную картину митинга.

Станция была переполнена едущей домой солдатской массой распавшегося Кавказского фронта, среди коей шла широкая агитация о прекращении войны и велись разговоры о контрреволюционном заговоре на Дону, куда съезжаются со всех сторон якобы «сторонники старого режима».

В митингах казаков принимал участие и посторонний полку элемент. К постановлению первой сотни по мере прибытия присоединялись и другие эшелоны полка. Все уговоры командира полка и офицеров, как и членов полкового комитета, выполнить приказание Войскового Штаба ни к чему не привели. Среди казаков кто-то пустил дикий слух, что у офицеров имеются дома и имения в Таганрогском округе и что полковой комитет куплен офицерами.

Командир полка снесся по прямому проводу с Войсковым Штабом, просил доложить о создавшемся положении Атаману и дать инструкции.

В ответ было получено повторное приказание выгружаться, с обещанием срочно прислать в подтверждение приказ в письменной форме.

Тем временем полковой комитет, видя растущее возбуждение казаков и свое бессилие, сложил свои полномочия. Казаки требовали посылки делегации к Атаману. Полковник Мишарев ответил, что уже говорил по прямому проводу, причем получил повторное приказание выгружаться, почему он, командир полка, не пошлет делегации, но если казаки желают послать, то он препятствовать им фактически бессилён.

Делегация казаков*, без участия хотя бы одного офицера, только что отбыла в Новочеркасск, как командир полка получил письменное подтверждение повторного приказа Войскового Штаба выгружаться в Таганрог.

Полковник Мишарев вышел к казакам и, несмотря на сильное возбуждение и даже ругательства и угрозы, брошенные из задних рядов, прочел громко полученное подтверждение, добавив, что он, командир полка, категорически приказывает квартирьерам от каждой сотни выгрузиться с рассветом из вагонов и собраться у штаба, а сотням изготовиться к разгрузке утром.

Утром все квартирьеры послушно выгрузились и под командою офицеров ушли в город, сотни начали подготовку к выгрузке, закипела работа, митинги как рукой сняло,

* Для переговоров по прямому проводу с Новочеркасском о приеме делегации был казаками избран глуповатый казак, кузнец пулеметной команды Мясников, ибо никто из более умных казаков своей кандидатуры не выставил.

Голосу полуграмотного казака, однако, в Новочеркасске был придан большой вес, нежели голосу законного командира полка...

Увы, это было в порядках революционного времени.

но.. пришло приказание из Новочеркасска полку, не выгружаясь, двигаться на Каменскую.

Что же случилось в Новочеркасске? Один из штабных офицеров рассказывал потом, что делегация наших казаков, получив согласие начальства их принять, сильно сробела. При приеме казаки сильно подтянулись, очень стройно и отчетливо, по-уставному, ответили на приветствие, что, очевидно, произвело хорошее впечатление. Начальство спросило, чего они, собственно, хотят. Один из казаков очень почтительно доложил, что полк горит желанием защищать область от вторжения большевиков, но просит разрешения перейти в Донецкий округ, дабы прикрыть свои станицы, ибо с Таганрогским округом у казаков мало связи.

Результатом согласия Атамана явилось распоряжение командиру полка об отмене выгрузки в Таганроге.

Авторитет и командира полка, и офицеров понес крупный ущерб. Полковник Мишарев, уже сильно угнетенный переживаниями на фронте, был окончательно морально раздавлен.

В Новочеркасске эшелоны полка были остановлены, и на станции полк встретила делегация от Правительства и Войскового Круга.

Казаки быстро построились в полном порядке. Конечно, опытный глаз старого офицера по тысяче мелочей ясно видел глубокую разницу со старым строем полка, отличавшегося особой щегольской воинской выправкой, свидетельствовавшей о крепком внутреннем порядке в полку, однако нынешний строй рослых, упитанных и однообразно и хорошо одетых казаков произвел впечатление на представителя Правительства, и он, к удивлению и негодованию офицеров, вместо порицания за таганрогское своеволие произнес хвалебную речь, благодаря за по-

рядок*. Полковник Мишарев произнес ответную речь. Говорил он удивительно хорошо, начал спокойно, чеканя каждое слово, но на первых же фразах дрогнуло в горле, и в конце речи звенели в голосе слезы. Говорил, что нельзя судить по наружному виду, что полк тяжело болен и что при данных условиях, если не будут приняты Правительством общие меры оздоровления строевых частей, он, командир полка, не может отвечать за казаков, не исполняющих законных распоряжений.

В Каменскую полк прибыл 10 декабря и был расквартирован в следующем порядке: штаб полка и обоз в хуторе Стародумовском, 1-я и 5-я сотни в хуторе Диченском, 4-я сотня и пулеметная команда в хуторе Красном, 3-я сотня в хуторе Погорелом, 2-я сотня в хуторе Мосолове, команда связи в хуторе Рычине. Некоторое время спустя штаб полка перебрался в станицу Каменскую.

Состоялись выборы нового полкового комитета, причем в его состав попали казаки, агитировавшие против выгрузки в Таганроге.

Работы в полку не было никакой, если не считать взвода при офицере на станции Каменской для препятствования вывозу съестных продуктов, запрещенного Донским Правительством. Последний наряд ка-

* Произносили речи и члены Круга. И эти речи были не лучше. Один из них, старый, рослый и видный казак, по-видимому, из служивших когда-то в Гвардейской Казачьей бригаде, начал словами: «Не забывайте, что мы потомки Пугачева и Разина.» Увы, для полка это вступление было только своеобразным переложением постылой уже на фронте формулы, которой неизменно начинали речь бесчисленные комиссары Временного Правительства, приезжавшие для уговоров и лишь увеличивавшие сумбур в головах:

«Товарищи, обычно начинали они, я столько-то лет сидел в тюрьме, или столько-то лет на каторге..»

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

заки несли охотно, ибо при обысках перепадало и им не только съестное, но часто и алкоголь, вообще запрещенный в продаже.

Были разрешены отпуска. Много казаков разъехалось самовольно, увозя казенные винтовки и снаряжение.

Политическая обстановка быстро менялась, ибо среди широких кругов рядового казачества начинало обозначаться стремление к полному отказу от вооруженной борьбы с большевиками.

Причин было много: сказывалась общая разоренность казачества надоевшей войной, притом проигранной, переоценка казаками сил революционной России, которую они представляли в виде той многомиллионной солдатской массы, среди которой были вкраплены малыми частями все 4 года войны мягкая и неопределенная политика Войскового Правительства, не имевшего органов исполнительной власти и полагавшего, что все должно образоваться само собой, силами «демократии» на местах, под влиянием бумажных решений центра и словопрений не в меру говорливых деятелей Новочеркасска. Агитаторы усиленно проводили мысль, что если «трудовое» казачество останется нейтральным, то большевики его не тронут, ибо почитают врагами лишь «нетрудовое» казачество во главе с Атаманом Калединым, защищающее российского «буржуя» и не распускающее полки по домам.

Эта искусственная тенденция, на фоне общей утомленности и общей агитации, коя велась в России с первых же дней революции против всего честного и верного долга перед Родиной, имела успех.

Офицеры полка делали все, что могли, дабы поддержать авторитет Атамана, однако нейтральные тенденции, особенно среди казаков, прибывших на укомплектование после революции, ширились. Слишком

велик был соблазн разъехаться по домам, которые были к тому же так близко.

Некоторые полки, приходившие с фронта заведомо деморализованными, распускались по домам, и невольно получался абсурд: долгожданный отдых получали в награду самые революционно настроенные части.

В Новочеркасске, а затем в Ростове начала формироваться Добровольческая Армия, а Донское Правительство приступило к формированию партизанских отрядов, куда записывалась молодежь.

Среди рядовых казаков шла агитация против этих отрядов, кои получили прозвище «кадет». Агитаторы говорили, что наличие этих отрядов вовлечет «трудовое» казачество в войну с большевиками, почему отношение казачьей массы к «кадетам» было враждебное.

События в полку шли следующим порядком:

29 декабря командующий Каменским районом генерал Савельев дал полку боевую задачу выступить на ст. Миллерово и задержать наступающие большевистские части.

Прибыв на ст. Миллерово и не видя никакой активности среди большевиков, казаки после нескольких митингов вынесли категорическое постановление обратного их увоза в станицу Каменскую, обещая при этом, в случае действительного наступления красных и угрозы неприкосновенности донских границ, немедленно всем полком выступить на защиту Дона.

30 декабря утром полк вернулся в Каменскую в более деморализованном виде, нежели при выступлении.

Одновременно с Германского фронта прибыла 6-я сотня полка, несшая всю Великую войну службу при Гвардейской пехоте.

Будучи разделены на мелкие единицы, казаки 6-й сотни тесно соприкасались с солдатской массой и были распропагандированы, потеряв всякую дисциплинированность.

31 декабря все офицеры полка встречали Новый Год в штабе полка в станице Каменской. Общим собранием офицеров было постановлено организовать встречу Нового Года наперекор событиям по старому распорядку. В поместительной комнате был богато и нарядно накрыт стол. В соседнем помещении играли трубачи. Присутствовали генерал Савельев и командир бригады генерал П. Орлов. Полковник Мишарев произнес слово, очень мрачное, и под конец речи разрыдался. Он говорил, что доблестного полка уже нет и впереди, кроме черных туч, ничего не видно. генерал Савельев утешал, как мог, Александра Андреевича, сказал, что у него растрепались нервы, и просил командира бригады отпустить полковника Мишарева в отпуск.

На следующий день Александр Андреевич Мишарев уехал в отпуск, а в командование полком вступил полковник Василий Авраамьевич Дьяков.

Ушел скоро в отставку командир бригады генерал Орлов.

Грядущий окончательный развал полка не представлял сомнений. Однако уехать офицеры не могли, ибо в случае их самовольного отъезда развал полка наступил бы быстрее, причем был бы отнесен впоследствии к вине офицеров, покинувших казаков. Офицеры верили, что казачество рано или поздно опомнится и порядок наладится.

Поэтому решено было оставаться до конца под своим штандартом, удерживая

казаков хотя бы от враждебных Новочеркасскую выступлений.

8 января (21) спешенные части полка под командой полковника Дьякова были двинуты генералом Савельевым на ст. Ровеньки.

Казаки уже при остановке дорогой, на какой-то станции, вступили в телефонные переговоры с большевиками, занявшими ст. Колпаково. Начало не сулило ничего хорошего.

По прибытии в Ровеньки наш передовой отряд под командой подьесаула С. Краснова у ст. Щетово вступил в перестрелку с наступающими большевиками. При первых выстрелах казаки, бросив офицеров и пулеметы, поспешно отошли назад грузиться в эшелон.

Подьесаул Краснов, лично выпустив несколько лент из пулемета, обратил красных в бегство и, вытащив и доставив с помощью офицеров пулеметы, еле успел их погрузить в уже начавший трогаться эшелон. Полковнику Дьякову с трудом удалось остановить эшелон на ст. Ровеньки. Начался митинг: казаки требовали отправки обратно в Каменскую, и полковнику Дьякову с большим трудом удалось задержать эшелон до утра, дабы забрать с собою стоявшую на позиции бывшую с нами Донскую батарею. Сторожевое охранение ночью несли одни офицеры. На офицеров сыпались самые дикие обвинения. Наиболее гнусным и оскорбительным был выкрик: «Да чего с ними воевать, кады пьяные офицеры под пулями ходят...» Нет надобности говорить, что душевное настроение офицеров и обстановка не допускала и мысли о спиртном, да его и не было. «Под пулями же ходил» подьесаул Краснов, дабы подбодрить пулеметчиков и показать недействительность неумелого огня красных банд.

Утром из Каменской прибыл казак 1-й сотни Родимов, сообщивший о перевороте

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

в Каменской и о том, что он назначен Революционным Комитетом временным, до выборов, командиром полка.

На офицеров вновь посыпались упреки в том, что они знали о перевороте, но скрыли от казаков, так как хотели пролить «братскую кровь» и втравить казаков в бой с дружественными им красными.

Погрузив орудия батареи, эшелон двинулся под водительством казака Родимова и к вечеру пришел в Зверево. Здесь стояли три совершенно деморализованные сотни 8-го полка. Комендантом же станции оказался, увы, пресловутый Крюков, не принятый в свое время офицерами в полк.

Он потребовал ареста офицеров, как не признавших выборного начала и Революционного Комитета, и хотел отобрать оружие.

Только путем компромисса (офицеры Лейб-Казачьего полка согласились отдать оружие лишь своим казакам) удалось извернуться.

Утром 11-го арестованные офицеры с эшелонном прибыли в Каменскую.

На станции путем переговоров с казаками удалось не без труда получить обратно оружие. Арест сам собою прекратился, и сотни со своими офицерами разошлись по хуторам*.

* В тот же день в Каменскую прибыл один из лучших Донских полков — славный 10-й, укомплектованный гундоровцами, двинутый генералом Калединым для разгона и ареста членов съезда фронтовиков. По приходе в Каменскую на станции казаки смешались с казаками других полков, замитинговали, и 10-й полк перешел на сторону Ревкома.

По иронии судьбы, именно караул 10-го полка, посланного для ареста Военно-Революционного комитета, через 4 дня арестовывал и доставлял в Луганскую тюрьму штаб и ряд офицеров Лейб-Гвардии Казачьего полка, этого Революционного Комитета не признавших.

Что же произошло в станице Каменской?

В Каменской 10 числа должен был состояться съезд делегатов всех «фронтовиков» (т.е. казаков, прибывших с фронта Великой войны), и в ожидании съезда самочинно возник Военно-Революционный комитет под председательством бывшего взводного урядника Гвардейской Донской батареи Федора Подтелкова.

Личность последнего нам была более нежели хорошо известна по службе в Гвардейской бригаде. Произведенный в подпоручики за Георгиевские кресты (заметим, что в Гвардейской коннице, а в особенности в артиллерии, кресты рядовым казакам раздавались недопустимо широко), очень самолюбивый и честолюбивый, недалекий, с оттенком упрямой тупости, он в начале революции съездил в Петроград, связался с Советом рабочих депутатов, начинился, как граммофонная пластинка, революционными терминами: «свобода», «трудящиеся», «нож в спину революции» и т.д., участвовал во всех начинаниях, направленных против офицеров, главным образом на почве старания добиться дележа денежного ящика батареи и разбазарить ее хозяйственные запасы. (В 1915 году был эвакуирован на Дон и здесь долго болтался в должности вахмистра команды эвакуированных Черкасского округа, после чего вернулся на фронт).

Кроме Подтелкова в число заправил разрухи в ст. Каменской входили: фельдшер 14-го Донского Казачьего полка Лагутин (бывший председатель казачьей секции при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов, созданной большевиками еще в период их пребывания в Смольном Институте, в качестве орудия для ликвидации контрреволюционного Совета Союза Казачьих войск), Кривошлыков (уже известный на Дону своими больше-

вистскими выступлениями, произведенный во время революции в прапорщики из юнкеров Новочеркасского Училища), Стехин, Кудинов, Кривушев (казаки-большевики).

Присутствовали в дальнейшем на съезде и иногородние, при этом не только местные жители, вроде большевика портного Щаденко, но и прибывшие из Воронежа члены тамошнего большевистского Ревкома во главе с ростовским студентом большевиком Сырцовым.

Присутствовал и прибывший из Москвы, за несколько дней до съезда, товарищ Мандельштам (старый партийный борец), причем наличие последнего давало все основания полагать, что Подтелков и небольшая относительно горсть казаков его окружавшая являются подставными лицами большевистских верхов.

В состав первоначального Революционного Комитета вошли и делегаты, избранные лейб-казаками на фронтовой съезд: казак 1-й сотни Родимов (средний казак, не пользовавшийся большим авторитетом среди казаков), казак 3-й сотни Кривушев (из состава пополнения, полученного из 18-й запасной сотни в сентябре, — явный большевик) и подхорунжий Кумсков, твердый и крепкий взводный урядник (было вошедший и состав Комитета для отстаивания идеи мирного улаживания отношений с Донским Атаманом и Правительством).

В ночь на 10 января в штаб полка пришел сохранивший привязанность к офицерам подхорунжий Кумсков и предупредил находившихся в помещении штаб-офицеров, полковников В. Фарафонова и И. Оприца, о захвате власти в станице Революционным Комитетом, о захвате почты и телеграфа и о намерении арестовать генерала Савельева и окружного атамана.

Если бы было возможно немедленно собрать полусотню крепких казаков, твердо преданных Кругу и Донскому Атаману, то легко можно было бы ликвидировать самочинный комитет, но такой полусотни нельзя было набрать не только из коноводов Лейб-Гвардии Казачьего полка, оставшихся по уходе полка на позицию, но и из состава всех полков гарнизона станицы Каменской. Да и кроме того, даже при удаче разгона все же оставалось налицо и даже обострилось бы главное зло: нежелание казаков бороться с большевизмом и временное массовое помешательство идеей «трудового казачества» с нейтралитетом как средством избежать Гражданской войны.

Поэтому названным штаб-офицерам не оставалось ничего делать, как немедленно предупредить генерала Савельева о случившемся, что и было выполнено.

Ложась спать, полковник Фарафонов аккуратно сложил, как обычно, на стул возле изголовья кровати платье и белье, а сверху, так же аккуратно, положил две ручные гранаты, поставив их на боевой взвод.

Мелочь, характеризующая настроение офицеров.

10 января состоялось заседание съезда фронтовиков.

Присутствовали главным образом делегаты полков Донецкого округа, полки других округов почти не были представлены. Присутствовали делегации иногородних, о коих говорилось выше. Подавляющее большинство казаков-делегатов стояло за мирное улаживание отношений как с Донским Правительством, так и с большевиками, лишь бы избежать войны.

Однако речи большевиков, а главное — оглашение Подтелковым якобы перехваченного приказа Атамана Каледина об аресте членов съезда накалило атмосферу, и съезд постановил избрать Революционный

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Комитет, коему и передать власть для борьбы с Новочеркасском*.

Председателем Ревкома был избран Подтелков, секретарем Кривошлыков, членами казаки преимущественно большевистских воззрений (от Лейб-Казачьего полка попал в члены Кривушев).

11 января с фронта прибыли спешенные части полка и помещение штаба полка заполнилось офицерами. Было решено не признавать ни Революционного Комитета, ни выборного начала в полку.

12 января должны были состояться выборы ком. состава в сотнях и командах полка.

* Антонов-Овсеенко, назначенный еще 8 (н. ст.) декабря 1918 г. Лениным комиссаром по борьбе с контрреволюцией и командовавший красным фронтом против Каледина, в своих «Записках о Гражданской войне», изд. ВВРС, 1928 г., с. 199 и 200, пишет:

«...Под председательством Подтелкова съезд протекал в боевом, но неопределенном настроении. Лишь небольшая горсть казаков, связанных с большевиками, пыталась направить съезд к боевым действиям...»

«...Делегаты от полков стремились мирно поладить и с большевиками, и с Правительством Каледина, избегнув Гражданской войны. К большей решительности подвинуло съезд оглашение перехваченного приказа Каледина об аресте участников. Тут делегаты поняли, что от борьбы не уйти. Предложение горсти большевиков были приняты подавляющим большинством...»

«...В первые же дни обнаружилась неустойчивость этого Казачьего Ревкома. Связь его с большевиками вызвала открытое недовольство среди многих казаков. Делегаты 10-го полка и другие станичники требовали удаления товарищей Сырцова и других не казаков из станицы Каменской, и товарищи принуждены были перейти на нелегальное положение. Казачий Ревком, дороживший их советами, вслэчки прятал от казачьих масс свои сношения с большевиками...»

В 1-й, 5-й сотнях и пулеметной команде были избраны прежние командиры: есаул Поздеев, есаул Я. Рыковский и подьесаул С. Краснов. Все трое отказались, и вопрос об их замещении повис в воздухе.

Во 2-й, 3-й и 4-й сотнях выборы не производились, и этим путем казаки молча санкционировали оставление на местах прежних командиров.

В обозе (нестроевая команда) казаки прямо просили начальника обоза хорунжего Н.П. Ефремова не оставлять их.

Во всех сотнях казаки настаивали на признании Рев. Комитета.

В тот же день в штабе полка было получено «распоряжение» назначенного рев. комитетом временным командиром полка казака Родимова о назначении на 13 января выборов командного состава путем митинга всего полка, причем всем офицерам и казакам предписывалось прибыть 13-го на поляну, что у моста, ведущего в станицу Каменскую.

По настоянию полковника Оприца в Новочеркасск, для доклада генералу Каледину об истинном настроении казаков строевых частей в станице Каменской, были срочно командированы подьесаул С. Краснов и хор. Ляхов.

Немедленный роспуск полков по домам, в надежде, что соприкосновение со своими станицами вызовет необходимый перелом в настроении, представлялся единственным выходом из создавшегося положения.

Офицерами во главе с командиром полка полковником Дьяковым было принято

решение на митинг не ходить и Революционного Комитета не признавать, от прямых ответов на этот последний вопрос, дабы не усиливать возбуждения казаков, пока уклоняться, упирая на твердый и категорический отказ признать выборное начало в командном отношении.

Расчет был прост и верен: ни Родимов, ни Кривушев авторитетом не пользовались, и выдвижение их казаками ясно показывало, что в данное время в полку нет сильного «главаря» и что, следовательно, казаки, оставшись без офицеров, пойдут на переговоры.

Переговорами можно было бы выиграть время и хотя бы добиться нейтралитета в отношении Революционного Комитета, что являлось уже крупной услугой Атаману и Правительству.

Широкие отпуски довершили бы временную ликвидацию полка.

Предположениям этим, однако, не суждено было осуществиться.

Одновременно с митингом законный командир полка полковник Дьяков собрал всех офицеров в штаб полка.

Командир 2-й сотни есаул Алфераки, очень хороший строевой и боевой офицер полка, мягкий по характеру, исключительно попечительный о казаке командир сотни и потому пользовавшийся среди своих казаков весом, выехав из расположения сотни в штаб, встретил казаков своей сотни, шедших на митинг, и не мог отказать их просьбам идти с ними. В исполнение приказа Родимова, казаки шли на митинг при оружии, место митинга было выбрано не центральное по отношению к расположению полка, а близкое к штабу полка, что давало есаулу Алфераки основание полагать наличие провокации, и он решил своим присутствием пресечь возможные эксцессы. Кроме есаула Алфераки на

митинге оказался хорунжий Савин. (Бывший очень хороший взводный урядник 2-й сотни, командированный в Германскую войну в Новочеркасское Военное Училище, по окончании коего был выпущен во 2-й Донской полк и командирован в 18-ю запасную сотню в ст. Каменскую, где и находился.)

Для сообщения казакам решения офицеров полковник Дьяков командировал на митинг полкового адъютанта сотника П.Н. Кутейникова. Сотник Кутейников объяснил казакам, что офицеры на митинг не придут, ибо не признают выборного начала в полку, считая его вредным и пагубным, и просят их не выбирать. Препятствовать выборам не могут и не будут.

Часть казаков была в возбужденном состоянии.

Послышались речи на тему о непризнании офицерами «трудовой казачьей власти», и настроение стало нагреваться.

Офицеров упрекали в том, что они бросают казаков в трудную минуту.

Есаул Алфераки успокоил, как мог, возбуждение, и было приступлено к выборам.

Были выбраны: командиром полка — есаул Алфераки.

Помощником командира полка по хозяйственной части — полковник Оприц.

Адъютантом — хорунжий Савин.

Выборы командиров сотен и взводных офицеров переданы в сотенные комитеты.

Есаул Алфераки и хорунжий Савин выбраны как прибывшие на митинг. Полковник Оприц был выбран после горячей речи старшего хозяйственного писаря Тарарина, избранного* тут же делопроизводителем.

* По воспоминаниям хор. С. Савина, присутствовавшего на митинге, в данном случае играло желание казаков сохранить в возглавлении полка одного из штаб-офицеров, хорошо знакомых по многолетней службе в полку и ими, несмотря на расхождение во взглядах, уважаемых.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Есаул Алфераки послал хорунжего Савина доложить командиру полка полковнику Дьякову обстановку и передать полковнику Оприцу записку с просьбой немедленно приехать.

Полковник Дьяков ознакомил офицеров с создавшимся положением. Полковник Оприц остался при решении не принимать выборной должности, и было решено, что он сам передаст отказ. Было также принято решение офицерам, в случае их выбора, не отказываться, но соглашаться на срок, или с оговорками, дабы, пользуясь новым положением, удержать своих казаков от неосторожных шагов.

Полковник Оприц, выехав на митинг, застал уже более ровное настроение. Отказ свой передал в спокойных тонах, мотивировав нежеланием занимать выборную должность при существующих настроениях и брожениях в полку, когда приказаний выборного начальника все равно никто исполнять не будет.

Между тем события быстро назревали.

13/16-го в Каменскую прибыла делегация Войскового Круга* в составе председателя П. Агеева, членов Карева, Уланова и Светозарова для переговоров с Революционным Комитетом.

* Интересно мнение Антонова-Овсеенко, находившегося в контакте с большевиками, командированными в ст. Каменскую, и вместе с ними поддерживавшего казачий Ревком, в осуществление выработанного сообща с первыми плана (с. 207) «...удушения Калединовщины руками казаков...»

На с. 201 своих «Записок» Антонов говорит: «Большинство членов казачьего Ревкома весьма недружелюбно относилось к притязаниям иногородних на общий раздел Донской земли и не собиралось кончать с казачьими привилегиями... Правительство Каледина не сумело использовать этих настроений и, обнаруживая свое бессилие, вслед за приказом об аресте решило послать делегацию для переговоров...»

Прибывшие изложили проект перевыборов Круга с соблюдением всех правил, требуемых «революционно-демократическим» ритуалом, с предоставлением избирательных прав иногородним, соглашались на посылку делегации для переговоров с большевиками, но категорически требовали недопуска в область большевистских банд и роспуска Каменского Ревкома.

Ясно, что договориться на указанной почве с Каменским Революционным Комитетом не представлялось возможным. Хотя большинство «трудового казачества», бродившее и митинговавшее нестройной массой, не желало вторжения в область большевистских банд (считая, кстати сказать, и свой «нейтралитет» средством вторжения избежать), меньшинство, объединенное в Революционном Комитете и захватившее там почти все голоса, смотрело иначе.

Это меньшинство состояло из казаков, либо считавших приход российских большевиков неизбежным (Смирнов и Голубов), либо из личных карьерных соображений этот приход желавших и готовивших (Кривошлыков, Кривушев, Лагутин, Кудинов и Стехин).

Вместо того чтобы на месте выяснить, кого же представляет Революционный Комитет, и хотя бы попытаться связаться с казачьей массой через головы Комитета, прибывшая делегация вела праздные переговоры и, что много хуже, предложила Революционному Комитету командировать делегацию в Новочеркасск.

В особенности скверную роль сыграл председатель Круга П. Агеев, своими речами внушивший каменским казакам уверенность, что делегация Революционного Комитета сговорится в Новочеркасске с Войсковым Кругом... «готовым идти на самые широкие уступки...»

Этим, и именно в решающие дни, был искусственно поднят в среде каменской

казацкой толпы авторитет полусамочинно возникшего Революционного Комитета.

В глазах рядового казака Подтелков не только был теперь признан Новочеркасском, но «вырвал» обещание в принятии какого-то «решения», способного ликвидировать вопрос.

Положение офицерства, сторонников Атамана Каледина, поддерживавших законную власть и остерегавших казаков против Подтелкова и состава Революционного Комитета, стало невозможным.

(Кроме того, Подтелков, прибыв 14-го в Новочеркасск, получил возможность на запоздалый вопрос Атамана Каледина, кого он представляет, дать ответ с перечислением свыше десятка полков и батарей, доверием коих фактически Революционный Комитет не располагал, что ясно выявилось в следующие дни при ударе по Каменской станице горсти партизан Чернецова.)

14-го делегация Революционного Комитета вела переговоры с Атаманом и Правительством. Делегация потребовала передачи всей власти Ревкому впредь до организации «трудовой народной власти» и немедленного роспуска партизанских отрядов.

Донское Правительство предложило пере выборы к 4 февраля депутатов Войскового Крута при полной свободе выборов на началах четыреххвостки, с одновременным созывом съезда депутатов от иногороднего населения, но настаивало на роспуске Революционного Комитета и на своем намерении продолжать всемерную борьбу с вторгающимися в Область большевистскими отрядами.

Сговора быть явно не могло, однако еще на сутки Подтелков был задержан в Новочеркасске. Одновременно полковник Чернецов со своими партизанами начал наступление на Звереву-Лихую.

Революционный Комитет был охвачен паникой. Уже при отправке делегации в Новочеркасск было вынесено постановление об аресте старших офицеров в гарнизоне как заложников, и по станице начались аресты офицеров.

15-го утром в штабе полка собрался полковой комитет под председательством казака Родимова, пришедший выяснить отношения с офицерами.

Разговоры шли в столовой, велись в спокойном тоне, но носили нудный характер повторения все тех же вопросов и ответов о причинах непризнания офицерами «трудовой казацкой власти», «выборного начала» и т.д. Офицеры в бесконечный раз объясняли несовместимость казачества с большевистской властью, неизбежной преемницы «трудовой казацкой», возглавляемой Подтелковым.

Около 12 часов в комнату вошли два солдата с винтовками: первый — вольноопределяющийся Кириллов (уроженец Крыма), второй — Щаденко (иногородний Каменской станицы), отрекомендовавшиеся комиссарами Революционного Комитета. Все выходы были заняты казаками 6-й сотни при винтовках с примкнутыми штыками. Прибывшие объявили находящихся в помещении офицеров арестованными, кроме полковника Оприца, как выбранного казаками. Полковник Оприц заявил о своей полной солидарности с арестованными офицерами и нежелании оставаться с «революционными» казаками полка, после чего был арестован. На требование отдать шашку полковник Оприц сломал ее о колено.

Казаки полкового комитета имели смущенный вид, и некоторые даже участливо помогали офицерам укладывать вещи, кои брались с собою. Кто-то из казаков смущенно предложил идти в Революционный Комитет, дабы выяснить, в чем дело, и аресто-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

ванные, под конвоем казаков 6-й сотни, в сопровождении двух казаков полкового комитета отправились в Революционный Комитет.

В Революционном Комитете царила паника и неразбериха. Циркулировали слухи, что Подтелков и делегация не задержаны, а арестованы в Новочеркасске. Как потом выяснилось, в этот момент полковник Чернецов развивал наступление на Звереву, полки же Каменского гарнизона рассыпались — и часть казаков разъезжалась по домам, остальные митинговали, решая вопрос, следует ли им поддержать Революционный Комитет или нет.

По распоряжению кого-то из Революционного Комитета, арестованные были отведены под конвоем на станцию, где посажены в теплушку, в коей уже сидели 10 штаб- и обер-офицеров из администрации станицы, во главе с командиром 10-го полка полковником Краснянским.

Вскоре на станцию прибыл полковой комитет, обратившийся к полковнику Оприцу с предложением остаться.

Суета на станции явно говорила о каком-то неуспехе на красном фронте. Представлялось необходимым выиграть время, почему полковник Оприц согласился, поставив условием и освобождение остальных арестованных офицеров, под предлогом необходимости сдачи ими дел.

После короткой торговли и переговоров комитета с комиссарами были выпущены из теплушки ком. полка полк. Дьяков, полковники Фарафонов и Оприц и казначей подьесаул Боков.

Указанные четыре офицера вместе с полковым комитетом, уже без конвоя, отправились в штаб полка, где снова начались нудные разговоры о «трудовой казачьей власти», причем уже прежней уверенности в своей правоте в доводах казаков не чувствовалось:

прибытие на станцию Каменскую большевистских банд Воронежского ревкома явно действовало несколько отрезвляюще.

К вечеру штаб полка был снова оцеплен, но на этот раз это был караул при уряднике от 10-го полка, коими распоряжался комиссар Ревкома Кириллов.

Указанные штаб-офицеры были снова арестованы, отведены в теплушку, которую вместе с вагоном караула прицепили к отходящему на Миллерово эшелону какой-то красноармейской банды, разбитой Чернецовым у Зверева.

Таким образом, 15 января были арестованы и увезены следующие офицеры:

Командир полка полковник В.А. Дьяков, помощники командира полка полковник Фарафонов и полковник Оприц, адъютант есаула В. Чеботарев, казначей подьесаул Боков, командир 6-й сотни есаул М. Чеботарев, есаул Болдырев, подьесаулы Пашков, Агафонов, Персидский и сотник Греков; всего 11 штаб- и обер-офицеров, представлявших собою весь штаб полка, и несколько случайно бывших в помещении штаба младших офицеров.

* * *

Как сказано выше, Военно-Революционный Комитет 15-го был охвачен паникой. Чернецов лихим ударом выбил из Зверева продвинувшиеся было туда банды воронежского Ревкома, кои погрузились в эшелоны и откатились на Миллерово. «Приказ» Ревкома о выступлении на фронт всех частей Каменского гарнизона был встречен казаками холодно. Большая часть разъезжалась по домам, одиночным порядком, увозя с собой винтовки; меньшая часть оставалась, но митинговала. Та же картина была и в остатках Лейб-Казачьего полка. Агитация бывшего вахмистра полка Смирнова (про-

изведенного в Германскую войну в офицеры в 8-й полк, а ныне начальника штаба командующего вооруженными силами Ревкома Герасимова) имела следствием решение оставшихся в полку казаков выступить на «фронт» 15-го утром. Однако шли казаки без подъема.

Четыре* из оставшихся офицеров полка пошли с казаками с намерением либо удержать их от боя с партизанами, либо перейти на сторону Чернецова.

Как только на горизонте показалась реденькая цепочка партизан, есаул Алфераки сел на лошадь и поехал навстречу наступавшим, несмотря на открытый ими огонь, и, прибыв к Чернецову, объяснил сложившееся положение вещей. Тем временем офицерам удалось увлечь казаков обратно в станицу. Благодаря этим офицерам Лейб-Казачий полк не произвел ни одного выстрела по партизанам Чернецова.

Старания Ревкома собрать и организовать защиту Каменской ни к чему не привели. Полки, сотни и батареи, от имени коих позавчера Подтелков гордо выступал в Новочеркасске, объявляли «нейтралитет» и рассыпались. Достаточно было короткого удара горсти партизан, чтобы выявить истинное положение вещей: никаким доверием в массе казачества Революционный Комитет не пользовался.

Кое-что удалось собрать войск. старш. Голубову из остатков 10, 27 и 44-го полков, но и здесь играло роль не доверие к Революционному Комитету, а то обстоятельство, что эти полки комплектовались гундоровцами и луганцами — станиц, лежавших в ближайшей полосе красного наступления и, следовательно, опасавшихся немедлен-

* Есаул Алфераки, подесаул герцог Лейхтенбергский, подесаул Сергей Кутейников и хорунжий Иловайский.

ных репрессий. Кроме того, этим казакам отчасти импонировала личность Голубова, которого знали по прежней службе в 27-м полку.

Однако и собранные Голубовым казаки после небольшой перестрелки с партизанами быстро откатились на Глубокую, где Голубов образовал из них «Северный казачий отряд», силою в несколько сборных сотен при орудиях 14-й Донской казачьей батареи.

Большевистский главком Антонов-Овсеенко на с. 235 своих «Записок» говорит:

«...Мобилизация, проводимая Донским Ревкомом, проходила малоуспешно, сказывалось нежелание казачества воевать...»

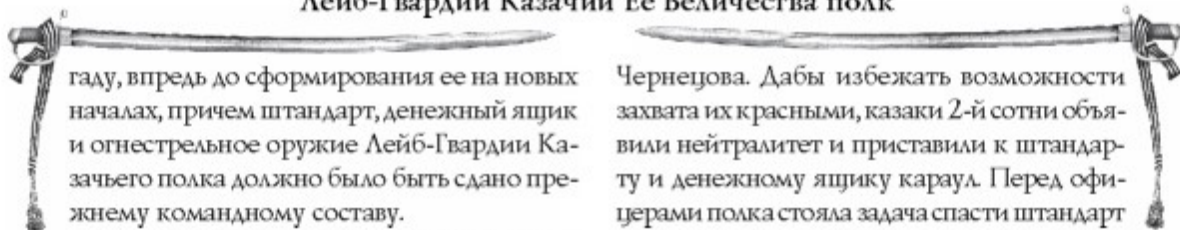
«...Были приняты (мною) меры для скорейшего вывода с фронта более или менее революционных казачьих частей. Но почти все казачьи части сохранили во главе контрреволюционное офицерство, и оно сумело так настроить фронтные полки, что те недоверчиво относились к нам и старались прорваться на Дон, без предварительного сговора с нами...»

17-го утром отряд полковника Чернецова вступил в станицу Каменскую.

Идее «трудового казачества», представлявшей попытку расслоить казачество по социальному признаку, был полковником Чернецовым нанесен смертельный удар.

Однако поднять казака на борьбу с большевиками еще нельзя было, и лишь два месяца господства большевиков на Дону дали рядовому казаку нужный для тяжелой борьбы подъем.

Генерал Усачев, назначенный командующим войсками Каменского района, согласно приказу Атамана Каледина, отдал приказание распустить Каменский гарнизон, и в том числе Гвардейскую казачью бри-

гаду, впредь до формирования ее на новых началах, причем штандарт, денежный ящик и огнестрельное оружие Лейб-Гвардии Казачьего полка должно было быть сдано прежнему командному составу.

Узнав, что часть офицеров полка, арестованных накануне прихода партизан, увезена большевиками на ст. Миллерово, полковник Чернецов послал большевикам телеграмму с требованием в указанный срок освободить заложников, грозя расстрелять местных большевиков, им захваченных. Но телеграмма успеха не имела. Тогда было приказано временно вступить в командование полком есаулу Поздееву. Помощником по строевой части был назначен есаул Я. Рыковский, по хозяйственной — есаул Алфераки, командирами сотен: 1-й — подьес. Ф.Ф. Рыковский, 2-й — подьес. С.С. Кутейников, 3-й — хорунжий И.Д. Иловайский, 4-й — сотник П.Н. Кутейников, 5-й — есаул Я. Рыковский, и пулеметной командой — подьесаул Б. Дубенцев. Все офицеры полка съехались в ст. Каменскую, образовав взвод Лейб-Гвардии Казачьего полка в составе 14 человек*. 6-я сотня, принимавшая такое деятельное участие в последних событиях в ночь прихода партизан, разъехалась по станицам. В недельный срок все оставшиеся в полку казаки были уволены в отпуск с лошадьми и оружием. Все казенное имущество — цейхгаузы, обоз и части огнестрельного оружия — были сданы в Каменский арсенал, обозные лошади в отделение конского запаса. К офицерским лошадям были наняты австрийцы-военнопленные.

Полковой штандарт и денежный ящик находились при 2-й сотне, которая была расположена в полосе застав красной армии, действовавшей против отряда полковника

* Поздеев, Алфераки, Я. Рыковский, Плева, Лейхтенбергский, Б. Дубенцев, Ф. Рыковский 2-й, С. Чекунов 2-й, Б. Чеботарев, С. Кутейников 2-й, Иловайский, Н.П. Ефремов и Кутейников 1-й.

Чернецова. Дабы избежать возможности захвата их красными, казаки 2-й сотни объявили нейтралитет и приставили к штандарту и денежному ящику караул. Перед офицерами полка стояла задача спасти штандарт и ящик, для чего нужно было изъять их из рук 2-й сотни и доставить в расположение штаба полка. Эту задачу, при содействии верных казаков, успешно выполнили есаул Поздеев, есаул Алфераки, подьесаул Дубенцев, писарь Гладков. Каждый день шли бои на передовых линиях 26 января в 10 часов утра четыре большевистских паровоза с платформами, на которых были поставлены орудия, подошли к станице Каменской и начали обстреливать станицу. От партизан вышел свой паровоз с артиллерией и первым снарядом подбил четвертый паровоз красных, после чего большевики быстро удалились. Воспользовавшись этим моментом, есаул Поздеев с вышеуказанными офицерами на парной повозке выехал в расположение 2-й сотни. Все офицеры были вооружены винтовками. Повозкой правил пленный австриец. После долгих блужданий офицеры, наконец, к 11 часу вечера добрались до расположения 2-й сотни и попали на квартиру подьесаула Кутейникова и прапорщика Меркулова, где собралось и несколько старых казаков. Там не спали, и шла беседа под цимлянское вино. Офицеры были встречены радушно, и очень скоро есаулу Поздееву удалось получить денежный ящик. В присутствии комиссии он был вскрыт и деньги пересчитаны.

После этого есаул Поздеев выдал жалованье 2-й сотне; взял все суммы, распределив их для носки между приехавшими с ним офицерами. Когда операция выема денег была закончена, пустой ящик положили на повозку, и офицеры отправились обратно, причем повозка была отправлена по дороге, а офицеры с деньгами пошли напрямик пешком; станица Каменская была за-

лита электричеством, и потому не трудно было ориентироваться. В 7 часов утра все благополучно вернулись в Каменскую.

Что же касается полкового штандарта, то подесаул Кутейников и казаки Черкасского округа обязались привезти его утром на следующий день в штаб полка: и действительно, в 10 часов утра на подводе прибыли подесаул Сергей Кутейников, хорунжий Савин и подхорунжий Фарапонов, привезшие штандарт. Так как бои на фронте складывались не в пользу партизан, есаул Поздеев приказал сотнику Кутейникову с хорунжим Иловайским и подхорунжим Фарапоновым под конвоем 16-ти казаков Черкасского округа отвезти штандарт в Новочеркасск; отсюда штандарт был вывезен в ст. Маньчскую, где и поставлен в церковь.

Между тем обстановка на фронте складывалась крайне неблагоприятно для антибольшевистских сил. В тыл отряду полковника Чернецова, действовавшего с отрядом в 120 партизан в районе станицы Глубокой, начали действовать казачьи части Северного Казачьего отряда войск старш. Голубова.

21 января отряд партизан с Чернецовым во главе был окружен казаками и взят в плен, причем полковник Чернецов был зарублен лично Подтелковым*.

* Обстоятельства, при коих полковник Чернецов попал в плен, в настоящее время не выяснены.

Некоторый свет проливает последнее письмо Чернецова, посланное им генералу Усачеву в станицу Каменскую, опубликованное в «Донской Летописи» № 2, с. 326: «1918 г. 21 января я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов».

Беззаветно смелый и храбрый полковник Чернецов до настоящего времени сражался лишь с красноармейскими частями, и боевая встреча с казаками ему, казаку, была тяжела. Желая избежать, по видимому, лишнего междоусобного кровопролития, он первый раз в жизни пошел на переговоры, поверил слову... и заплатил за свое благородство головой.

К станции Чертково начали подходить крупные большевистские силы.

Когда угроза окружения станицы Каменской стала очевидной, генерал Усачев отдал негласный приказ оставить Каменскую и, пользуясь беспорядком в расположении частей противника, рассасываться мелкими партиями в сторону Новочеркасска. 28 января Каменская была вновь занята красными. Оставшиеся в станице офицеры полка присоединились к отряду есаула Лазарева и, покинув Каменскую, через хутор Богданов,

Мокрый Лог, Трифонов, Садки, Мелеховскую прибыли 2 февраля в Новочеркасск.

Здесь денежный ящик был сдан ими в Государственный Банк*.

Так закончилось в станице Каменской существование старого Лейб-Гвардии Казачьего полка, от коего ныне остался лишь состав офицеров при штандарте, вещи полкового цейхгауза, сложенные в арсенале станицы Каменской, полковые регалии и предметы полкового музея, вывезенные из Петрограда и сложенные в специально снятом домике в Новочеркасске.

* Несколько непонятна читателю сдача денежного ящика в банк перед самым занятием города большевиками.

Дело в том, что довольствие полка в последние дни, за неполучением денег от казны, поглотило всю денежную наличность и в ящике остались лишь расписки на хранившиеся в банке полковые суммы. Сдача этих расписок и получение оправдательного документа представлялись необходимыми для проверки в далеком будущем, в наступлении коего офицеры не сомневались, правильно произведенных расчетов.

Глава IV

НОВОЧЕРКАССК В ЯНВАРЕ И ФЕВРАЛЕ 1918 ГОДА

Последнее воззвание и смерть генерала Каледина. — Избрание Атаманом генерала Назарова. — Занятие города Новочеркаска красными. — Смерть генерала Назарова. — Донские партизаны и добровольцы. — Участие лейб-казаков в обороне Новочеркаска. — Работа по спасению регалий. — Характеристика Смирнова. — Перевоз арестованных 11 офицеров из Каменской в Луганскую тюрьму — пребывание в тюрьме и перевод в Новочеркасск.

Для характеристики общего положения в Донской области и настроения донских властей к концу января 1918 года приведем полностью последний по времени приказ генерала Каледина, выпущенный за несколько дней до его смерти:

«Граждане казаки.. Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш Войсковой Атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красноармейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого. Войска их продвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станции Каменской и станциям Звереву и Лихая. Железная дорога от Глубокой до Черткова в руках большевиков.

Наши казачьи полки, расположенные в Донецком Округе, подняли мятеж и в союзе с вторгшимися бандами красной гвардии сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красноармейцев, и частью его уничтожили,

после чего большинство полков рассеялось по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе вернувшись с фронта полки, в союзе с бандой красноармейцев из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын — Серебряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причем погибло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела, и, например, в некоторых полках Донецкого Округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказывается выполнять боевые приказы по защите Донского Края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого переформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на

службе только четырех младших возрастов, Войсковое Правительство в силу необходимости, выполняя свой долг перед Родным Краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей нашей области, главным образом учащейся молодежи, для образования партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и главным образом доблестной молодежи, беззаветно отдавшей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах части Области. Ростов прикрывается частями особой Добровольческой организации.

Поставленная себе Войсковым Правительством задача довести управление областью до созыва и работы ближайшего Войскового Круга и Съезда не Казачьего населения выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых Войсковым Правительством.

Время не ждет, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников — изменников долгу перед Доном, то спешите на поддержку Войсковому Правительству, посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство — тяжкий долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению в необходимости сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом

Войсковой Атаман Каледин».

Приводимый приказ хотя в частности и сильно стужал краски, но в целом верно передавал создавшееся положение и точно отражал настроения Новочеркаска.

Этот когда-то спокойнейший в России город теперь был полон тревоги. В него тек поток беженцев, искавших здесь защиты от большевистской лавины и привозивших с собою быстро распространявшиеся панические слухи.

В числе беженцев прибыло много офицеров распавшейся Русской Армии. Лишь часть их записывалась в Добровольческую Армию, прочие же составляли нестройно бродившую массу в 3000—4000 человек.

Все усилия коменданта города как-нибудь их сорганизовать привели лишь к сформированию нескольких небольших дружин.

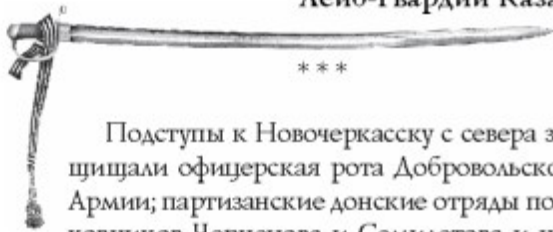
Между тем в населенном иногородними предместье города, Хутунке, были расположены запасные солдатские полки, сочувствующие большевикам.

На случай восстания Хутунка в январе в Новочеркассе была создана офицерская казачья дружина, в целях охраны дворца и защиты Атамана генерала Каледина.

Начальником дружины был назначен полковник А.-Гв. Донской 6-й каз. батареи Н.Н. Упорников. В состав дружины вошли лейб-казаки, находившиеся в командировке в городе Новочеркассе, есаул В. Кононов, подьес. С. Краснов, хор. Н. Ляхов и вольнопр. А. Бобриков.

Дружина помещалась в одной из комнат дворца, куда изредка заходил генерал Каледин, отдыхавший в беседе с верными ему строевыми офицерами. По свидетельству ес. В. Кононова, ген. Каледин был прямым и откровенным в своих суждениях и не скрывал полной безнадежности ближайших перспектив.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Подступы к Новочеркаску с севера защищали офицерская рота Добровольской Армии; партизанские донские отряды полковников Чернецова и Семилетова и несколько небольших разнородных дружин. Все эти части находились под командой генерала Ф. Абрамова, а затем его заменившего полковника Мамонтова.

Ввиду крайней недостаточности сил на фронте, ген. Каледин скоро отказался от личной охраны, и охранявшая Атамана дружина полк. Упорникова по предписанию Атамана, вооружившись пулеметами (коих в арсенале Новочеркасска имелось несколько сот штук — справка: записка получавшего пулеметы для дружины подьесаула С. Краснова), отправилась на фронт. Здесь к входившим в ее состав лейб-казакам ес. Кононову, подьес. Краснову, хор. Ляхову и А. Бобрикову присоединились лейб-казаки хор. С. Чекунов, хор. Г. Чекунов, подхорунжий Г. Мигулин (впоследствии произведен в хорунжие полка) и казак Харламов.

К утру 29 января генерал Корнилов сообщил генералу Каледину о том, что Добровольческая Армия, не получая обещанной помощи, истекает кровью и вынуждена будет покинуть Донскую Область.

Обсудив это известие, Войсковое Правительство с грустью убедилось в своем бессилии оказать помощь.

Генерал Каледин видел неизбежность водворения большевиков на Дону, в тот же день сложил свои полномочия, а в 2¹/₂ часа дня роковым выстрелом кончил расчеты с земной жизнью.

Весть о самоубийстве Атамана громом разнеслась по Дону.

Одни только подонки населения не скрывали своей радости...

В тот же день на должность Атамана казаками Новочеркасской станицы был избран до сего времени бывший Походным Атаманом ген. Назаров.

4 февраля Войсковой Крут утвердил его Войсковым Атаманом.

Генерал Назаров принял власть, но потребовал мобилизации, которая и была немедленно объявлена.

Отложила и Добровольческая Армия свой уход.

Мобилизовались казаки ближайших станиц и потекли в Новочеркасск. Однако подъема хватило ненадолго, и, не будучи поддержаны казаками других округов, черкасцы разошлись по домам.

9 февраля Добровольческая Армия, теряющая с фронта Сиверсом, усиленным вновь прибывшими из центра отрядами и мощным бронепоездом и, кроме того, взятая во фланг сильной группой большевиков, занявших Батайск, очистила Ростов и отошла к станице Ольгинской.

Положение Новочеркасска стало безнадежным.

Против наступающей с севера армии Саблина, усиленной Сев. казачьим отрядом войскового старшины Голубова, имелись лишь жидкие группы партизан общей численностью до 200 человек.

Против Ростова имелось лишь одно орудие, установленное на платформе, при нескольких офицерах-артиллеристах.

1 февраля по инициативе генерала П.Х. Попова состоялось общее собрание офицеров гарнизона численностью в 3000 человек.

Наиболее решительные высказывались за необходимость всем офицерам отойти вместе, сильной вооруженной группой под начальством Походного Атамана П.Х. По-

пова, но невозбранно раздавались и иные голоса, говорившие о невозможности для офицера отрываться от рядового казачества и необходимости вступления в переговоры с войсковым старшиной Голубовым.

Собственно, за исключением ничтожно-го меньшинства совершенно павших духом и готовых на любой компромисс, громадное большинство собравшихся офицеров гарнизона понимало несовместимость казачьего уклада жизни с большевизмом и верило в грядущий перелом казачьих настроений.

Но собрание по тесноте и беспорядку больше походило на митинг.

Поговорили и разошлись...

Между тем времени терять нельзя было: желая войти первым в город, Голубов со своим отрядом оторвался от Саблина и кружным путем, через ст. Раздорскую, бросился к Новочеркасску.

12 февраля в 1 час дня Походный Атаман генерал П.Х. Попов с успевшим стянуться отрядом Донских офицеров выступил в станицу Старочеркасскую. Туда же потянулись одиночно и группами все узнавшие о выступлении генерала Попова.

Генерал Матвеев Л.-Гв. Атаманского полка рассказывал, что вместе с группой офицеров Л.-Гв. Атаманского полка должен был выехать Атаман Назаров. Вестовой, посланный с поседланной лошадей, встретил его идущим на заседание Круга. Атаман сказал, что не знает, уедет ли он, и приказал вестовому ехать, а коня оставить в Новочеркасске.

В городе начались грабежи. Круг постановил послать сотн. Сиволобова для переговоров с Голубовым. Неизвестно, доехал ли Сиволобов, но в 5 часов вечера в зал заседания Круга ворвался Голубов вместе с состоявшим при нем комиссаром Пугачевским. Окрик Голубова «встать» заставил всех членов Круга вскочить. Не встал лишь Атаман Назаров. Пугачевский подскочил и направил браунинг-

В тот же миг два казака конвоя Голубова схватили руку комиссара и отвели револьвер*. Два рядовых казака сделали жест, который не посмели сделать 200 членов Круга.

Пугачевский сорвал один погон Атамана, Голубов другой.

Атаман был арестован и отведен на гауптвахту, а в ночь на 18 февраля, под предлогом перевода в тюрьму, выведен и вместе с другими 6 ветеранами расстрелян. Говорили в Новочеркасске, что смерть генерал Назаров встретил с большим достоинством, повернулся лицом к убийцам, перекрестился и сам скомандовал: «Слушай мою команду — сволочь — пли...»

В «Донской Волне» № 1 от 10 июня 1918 года было опубликовано последнее письмо Атамана Назарова его жене:

«...14/11, камера № 10 — гауптвахта.

Подробности ареста Ты уже, вероятно, знаешь из телеграмм. Понятно, сведения эти далеки от истины. Но истину я и не мог бы тебе сообщить, так много было нелепого.

Но и в трагическом много комизма, и я имел возможность смеяться. Смешнее всего было зрелище 100—200 человек Круга (Верховной Власти), вытянувшихся в струнку перед новым Бонапартом XX века. Целую Тебя. Целую детей.

Скажи сыновьям, что им не придется стыдиться памяти отца...»

В лице Атамана Назарова Донское казачество понесло большую потерю. Хорошо образованный, смелый, кристально честный, он не хотел атаманства и уступил лишь пятикратным настояниям Круга.

* Справка «Гражданская война». Изд. СССР. Воспоминания Пугачевского. Том 1. С. 401.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Принял атаманство во имя долга и жертвою долга пал.

В числе упомянутых выше групп партизан, защищавших подступы к Новочеркаску, были и лейб-казаки.

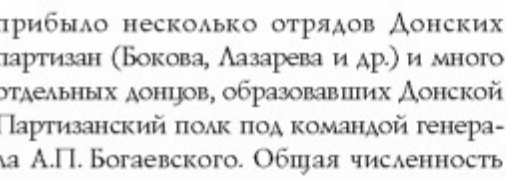
Энергичную борьбу вел бывший офицер полка есаул Петр Карпов, организовавший собственную группу, проявлявшую большую доблесть. За несколько дней до падения Новочеркасска П. Карпов был убит в бою, и группа распалась.

Энергично боролась группа лейб-казачков, составлявшая пулеметную команду полковника Упорникова. Группа участвовала в ночном наступлении на занятый большевиками Сулин, а затем была отведена на станцию Персиановку, которую обороняла до 9 февраля включительно, когда была перемещена ближе к Новочеркаску.

Об уходе Походного Атамана группа узнала поздно и с трудом проскочила Новочеркасску, уже занимаемый Голубовым. С вывезенным ею пулеметом группа направилась через Аксайскую на Ольгинскую ст., встретив по дороге будущего Донского Атамана генерала А. Богаевского, спросившего С. Краснова, куда лейб-казаки направляются. «За Вами, Ваше Превосходительство», ответил С. Краснов, А.П. Богаевский улыбнулся и ответил: «Ну что ж, если на Дону нам больше места нет, то пойдем к Добровольцам...»

13 февраля группа в Ольгинской присоединилась к однополчанам, уже в Добровольческой Армии состоявшим*. Туда же

* Кроме ес. Кононова, который присоединился к частям Походного Атамана и поступил в офицерский конный взвод, с коим и провел весь Степной поход. — Полковник Н.Н. Упорников остался в г. Новочеркасске.

прибыло несколько отрядов Донских партизан (Бокова, Лазарева и др.) и много отдельных донцов, образовавших Донской Партизанский полк под командой генерала А.П. Богаевского. Общая численность Добровольческой Армии в ст. Ольгинской поднялась до 4000 человек, из коих $\frac{1}{3}$ были донцы. (Проф. Зайдов. «Очерки Гражданской войны». С. 78.)

По направлению из Старочеркасской на Ольгинскую потянулись и донцы, ушедшие с генералом Поповым, как и отдельные донцы, выступившие вслед ему. В походе все эти группы сорганизовались в отряд Походного Атамана общей численностью в 1500—1800 штыков и шашек при двух батареях. Этот отряд, не желая покидать пределы Донской Области, направился в Сальский Округ. Добровольческая же Армия 15 февраля двинулась из Ольгинской в 1-й Кубанский поход, к краткому описанию коего мы вернемся в следующей главе.

Уцелевшие в Каменской офицеры, как сказано выше, после падения станицы направилась в Новочеркасску, куда прибыли 2 февраля. Здесь часть во главе с подъесаулом С. Красновым поступила в Партизанский отряд, о чем говорилось выше, часть в Добровольческую Армию. (Есаул Я. Рыковский, подъесаул Плева и подъесаул Ф. Рыковский.) Остальные во главе небольшой группы, видя неминуемость временного захвата города красными, занялись делом спасения регалий полка. После совещания со старейшими лейб-казаками, генералом А.В. Родионовым и А.М. Грековым, было решено штандарт, регалии и предметы полкового музея передать на хранение в Войсковой музей, а имущество полковой церкви сложить в подвалах Войскового собора.

7/II штандарт подьесаулом Кутейниковым привезен из ст. Маньчской и 9/II передан в Войсковой музей, где и был спрятан.

Группа офицеров под главенством есаула Поздеева, в составе Б. Дубенцева, П. Кутейникова и С. Кутейникова, не успела, однако, перевезти всех ящиков, как в город вошли красные, и группа застряла в Новочеркасске.

В Новочеркасске осталось до 4000 офицеров*, и группа рассчитывала, оставаясь незамеченной, закончить работу.

С приходом красных банд начались в городе обыски, грабежи, аресты и расстрелы.

Одним из первых погиб старый командир полка и коренной лейб-казак генерал-майор Иван Давыдович Орлов.

Он при Атамане Каледине был начальником войск Макеевского района и при распаде частей его групп, прибыл в Новочеркасск, где находился в распоряжении Атамана.

И.Д. Орлов ясно отдавал себе отчет в безнадёжности положения, однако не считал себя вправе уехать.

12 февраля близкие знакомые Яновы с трудом уговорили его перебраться с ними на конспиративную квартиру, где было заготовлено гражданское платье и соответствующие документы.

13-го какая-то банда производила обыск. Иван Давыдович смело вышел навстречу: «Вы ищете генерал Орлова. Я — генерала Орлов...»

На этот раз обошлось: банда искала денег и оружия и никого не арестовывала.

Однако прямая натура И.Д. не мирилась с конспирацией.

14-го пришло известие о разграблении квартиры Яновых, где находились вещи и И.Д. Орлова. Несмотря на уговоры, И.Д. ре-

шил проехать посмотреть, что случилось с его чемоданом. При этом он одел генеральский полушубок и папаху.

Наняв извозчика, он вместе с О.И. Яновой двинулся в путь.

Подъезжая к Никольской площади, О.И. Янова заметила группу красноармейцев и просила извозчика свернуть в переулок.

«Нет, ездай прямо», — приказал И.Д. Извозчик въехал в группу, раздался оклик, и он стал. На требование предъявить документы И.Д. вынул генеральское удостоверение, подписанное генералом Калединым. «Товарищи, генерал Орлов, калединец!» — раздались крики, и И.Д. был немедленно арестован и отправлен на вокзал, где и расстрелян хозяйничавшими там латышами.

Перед смертью ген. Орлов успел передать случайной казачке, торговавшей семечками у вокзала, золотой шейный крест и перстень, дав ей адрес Яновых. Казачка добросовестно доставила крест и перстень Яновым, быстро снарядившим на вокзал знакомую бедную учительницу-латышку. Учительница разыскала тело и выпросила разрешение у своих сородичей его взять.

На следующее утро тело было ею и верным денщиком почившего, лейб-казаком Черенковым, забрано и положено в гроб, а затем в присутствии близких предано земле на Новочеркасском кладбище.

Черенков отвез вещи почившего и прощальное письмо, составленное И.Д. Орловым 29 января, в предчувствии близкой кончины, его вдове Е.К. Орловой, в ту пору проживавшей в Кисловодске.

В тот же день, на том же вокзале был расстрелян бывший офицер полка есаул Евгений Николаевич Попов.

* Справка: «Донская Летопись» № 2. С. 193.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Беспощадно расстреливались все офицеры, попавшие под руку опьяневшим от удачи матросам и красноармейцам. Так, только в одних лазаретах Новочеркасска было перебито 102 раненых офицеров и около 200 юношей, бывших партизан. Всего за время с 13 февраля по 1 апреля на Дону было расстреляно более 500 офицеров*, в том числе донских 14 генералов, 23 полковника, 293 кадровых офицера.

Командующим революционными войсками был назначен Смирнов, личность которого хорошо была известна лейб-казакам.

Смирнов Михаил Митрофанович, казак Суворовской станицы, прихода в полк 1902 года, в 1905 году первым кончив учебную команду, был произведен в урядники. В том же году он, будучи в командировке, с небольшой командой казаков в Кронштадте был захвачен восстанием матросов, проявил большую доблесть: его команда расстреляла все патроны, но продержалась несколько дней островком среди бунтующей массы матросов, до подхода пехоты и усмирения мятежа.

Был вахмистром 3-й сотни, отличавшейся порядком, а затем вахмистром полковой учебной команды, причем вахмистром очень строгим и требовательным по службе, одновременно безупречно честным. Был не чужд рукоприкладства, в полку же рукоприкладства вообще не было, и отдельные случаи преследовались строго, почему имело место заявление жалобы казаком, побитым Смирновым, причем последнего спасла от суда лишь его примерная служба.

Лейб-Казачьему полку Смирнов был главоко предан.

В Германскую войну, которую Смирнов провел вахмистром 5-й, а затем 3-й сотни, он проявил большую боевую доблесть, по-

лучил все 4 степени Георгиевского креста и, будучи представлен к производству в офицеры, был в 1916 году выпущен прапорщиком в 8-й Донской Казачий полк.

В 8-м полку за боевые отличия получил Георгиевское оружие, румынский орден Св. Михаила Храброго, чин хорунжего и чин сотника. Честолюбивый, смелый и решительный, достигший офицерского чина своими бесспорными заслугами, Смирнов не мог примириться с приниженным положением офицера после революции.

Летом 1917 года в Петрограде в разговоре со старым лейб-казакком (бывшим командиром сотни Смирнова в Л-Казачьем полку) Смирнов убежденно доказывал, что казачество неизбежно пройдет через большевизм и только когда своим опытом поймет его неприемлемость, и можно будет его поднять на борьбу с коммунизмом. Смирнов говорил, что большевики, овладев Областью, несомненно в корень обезоружат Донское Казачество и что единственный способ сохранить к нужному времени оружие и состав опытных боевых офицеров — это вовремя создать красные казачьи полки. При возникновении Каменского Военно-Революционного Комитета Смирнов занял должность начальника штаба командующего революционными войсками Герасимова. На упрек одного из офицеров л-казаков Смирнову за его призывы выступать против партизан, высланных Новочеркасском, он откровенно ответил, что, по его убеждению, партизаны лишь поддерживают все равно уже обреченную власть, которая по своей дряблости вредна казачеству, и что он, Смирнов, по его подлинному выражению, лишь хочет «крутнуть быстрее колесо истории.»

Несомненно, что в приведенных выше планах Смирнова играла роль развившаяся в нем за войну склонность к авантюризму и большое личное честолюбие.

* Генерал Деникин. Записки. С. 29.

Как бы то ни было, Смирнов был не только умнее тупо гнувшего чисто большевистскую линию Подтелкова, но и много тоньше предателя войскового старшины Голубова, почему, по занятию стараниями Голубова и Подтелкова города Новочеркаска, командующим революционными Донскими войсками был назначен именно Смирнов.

Исследователи, располагая в будущем документами, выяснят точно, в исполнение ли своих планов, либо только из желания застраховаться, вообще жестокий и не знавший жалости в Германскую войну Смирнов немедленно по прибытии в Новочеркасск развивает широкую гуманную деятельность.

Все старые командиры А.-Гв. Казачьего полка без всяких ходатайств с их стороны получили на дом, в день приезда Смирнова, регистрационные карточки за революционной подписью Смирнова, освобождающие их от обысков и разрешающие жительство в Новочеркасске. Число спасенных от расстрела заступничеством Смирнова жителей города Новочеркаска, несмотря на бесправное хозяйничанье банд красноармейцев и матросов, не поддается учету*.

(Когда в апреле состоялось занятие Новочеркаска восставшими кривянциами, то

петиция полковника Дьякова командующему восставшими полковнику Фетисову о даровании прощения Смирнову в течение суток была покрыта несколькими сотнями подписей представителей новочеркасской интеллигенции и донцов-офицеров, обязанных ему головой.)

В противоположность Подтелкову, окруженному пришлыми большевиками, Смирнов придал своему окружению чисто казачий характер, причем в его «штабе» было немало отличных урядников и казаков, никаких симпатий к коммунизму не питавших. Укажем хотя бы медицинского чиновника Чухраева (Лейб-Гвардии Казачьего полка), фельдшера Авилова (А.-Казачьего полка), Перфилова (А.-Гв. Атаманского полка), Бакланова (б. вахмистра нестроевой команды А.-Казачьего полка).

Перфилов снабжал всех офицеров Атаманского полка регистрационными карточками и хранил от реквизиции ценное оружие старших Атаманцев в... революционном штабе Смирнова.

Бакланов, Чухраев, Авиллов оказали неслучайное количество услуг офицерам лейб-казакам, скрывавшимся в Новочеркасске, руководясь не «самострахованием», а чувством солидарности и сочувствия.

* Собственно, спасением казачьих офицеров Смирнов занялся с первых же дней участия своего (помощником Герасимова) в перевороте в Каменской. Так, Пугачевский, командовавший в то время большевистским отрядом в шахтном районе, в своем дневнике говорит:

«В Звереве и других занятых местностях поймано около десятка офицеров, тайных агентов Каледина, с полчиным, часть из коих были казаки. Сегодня получена следующая телеграмма:

„Штаб Революционных Казачьих Войск Каменская. Командующим Советскими войсками товарищам Саблину и Пугачевскому. До сведения Штаба дошло, что вверенные вам войска чинят самосуд над казачьими офицерами. Во из-

бежание могущих быть недоразумений, казачий штаб покорнейше просит в будущем всех задержанных офицеров направлять со всеми материалами в Каменскую, где они и получат должное возмездие Командующий Казачьими Армиями Смирнов”. (Справка: «Гражданская война». Изд. СССР. Том 1. С. 392).

Большевистский комиссар Пугачевский, вообще сильно не доверявший казакам, в своем дневнике так отзывался о Смирнове:

«..Не понимаю, почему Смирнов назначен главнокомандующим казачьих войск, тем более что Смирнов отвратительная личность..»

(Справка: «Гражданская война». Издание СССР. Том 1. С. 411).

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Любопытна попытка Смирнова сохранить для будущего Лейб-Казачий полк формированием «Гвардейского Донского Казачьего Революционного полка». Получилась, правда, только 1 сотня в несколько десятков старых казаков из служивших в Гв. Каз. бригаде. Порядки в сотне были времени Керенского, были сохранены выборное начало и сотенный комитет, казаки, конечно, были разболтаны, но все же эта сотня не запятнала себя ни расстрелами, ни грабежами.

Что особенно примечательно, это то, что со стороны сотни не только не было поползновений разделить богатое имущество старого полка, находящегося в Каменской и Новочеркасске, но казаки сотни принимали подчас косвенное участие в его сохранности. Последнее служит неоспоримым доказательством, что казаки сотни смотрели на свою «революционную» службу, как на явление временное и как на относительно мирную и тихую пристань в бушующем кругом море. Выборные командиры сотни неукоснительно избирались из старых кадровых урядников, ибо из офицеров бригады никто не пошел (казаки сотни неоднократно обращались с просьбами поступить в сотню с гарантией немедленного выбора в командиры сотни).

Последним по времени командиром сотни был урядник Миронов, отличный в свое время кадровый урядник, не имевший ни одного дисциплинарного взыскания за всю свою службу в 4-й сотне Л.-Казачьего Е.В. полка.

В его «командование» сотня приняла некоторое участие в освобождении в Новочеркасске 11 старших офицеров полка, арестованных в ст. Каменской, о чем речь будет ниже.

Многие казаки из окружения Смирнова приняли горячее участие в восстании

апреля месяца, а некоторые были впоследствии и членами Круга.

* * *

Сказанное выше о Смирнове поясняет, почему 13 февраля утром есаулы Поздеев и Алфераки и подъесаул Кутейников, узнав, что командование революционными войсками принял Смирнов, направилось в революционный штаб. Около помещения штаба на площади стояли только что прибывшие банды красноармейцев и матросов, а по Московской улице шла красная конница. У двери штаба стоял часовой. Есаул Поздеев подошел к нему и твердым тоном сказал, что ему нужно по делу видеть командующего Смирнова. Часовой подозрительно посмотрел и спросил, а кто такой Поздеев. Последний тем же тоном ответил: «Командир Л.-Гв. Казачьего полка». Твердый тон подействовал, и часовой несколько нерешительно, но пропустил группу пришедших внутрь.

В коридоре попался навстречу бывший урядник 2-й сотни полка Кудрешев, неприятно обрадовавшийся своим офицерам и предложивший для безопасности переселиться в его комнату до прибытия не приехавшего еще Смирнова.

В то же время в помещение штаба два матроса привели арестованного подъесаула Б. Дубенцева. Ободренный успехом опыта с часовым, есаул Поздеев спросил начальническим тоном матроса, что это значит. «Приказано нам арестованного офицера привести сюда». «Отлично, это мой офицер, я принимаю его под расписку». Матрос, которому в голову не могло прийти наличие в штабе посторонних, повиновался, и Б. Дубенцев вместо расстрела был освобожден. Одновременно на лестнице показался красный караул казаков, которым командовал б. урядник полка Ар-

мейсков. Увидев офицеров, он так ошалел, что скомандовал «смирно...» Было ясно, что удача дальше продолжаться не может и нужно выбираться из штаба как можно скорее. Но как выбраться без «бумажки», когда город заполнился красноармейцами, арестовывавшими всех попадавшихся офицеров? В это время в помещение вошел войсковой старшина Голубов. Есаул Алфераки, его знавший лично, обратился с просьбой дать удостоверение о праве жительства, что тот охотно исполнил. Днем на квартире офицеров был обыск, а вечером сотник Ефремов и хорунжий Иловайский были арестованы и отведены на вокзал. Есаул Алфераки помчался на вокзал и, обратившись к коменданту Броне, показал свое удостоверение, потребовав отпуска двух арестованных.

Броне, увидев подпись Голубова, не стал разбираться и отпустил, и, таким образом, еще два офицера спаслись от расстрела.

15-го прибыл в Новочеркасск Смирнов, немедленно же выдавший через медицинского чиновника Чухраева всем офицерам полка удостоверения за своей подписью на право проживания в Новочеркасске.

Через несколько дней есаул Поздеев и подесаул Кутейников отправились к нему. В присутствии посторонних Смирнов говорил холодным и официальным тоном, но, услав под благовидным предлогом лишних свидетелей и оставшись с пришедшими глазами на глаз, сразу резко изменил тон, обещав всю помощь по сохранению регалий и музея полка. Как выше было сказано, часть ящиков музея оставалась в частном помещении, где помещались и два верных и твердых рядовых лейб-казака Грушевской станицы.

В городе шли повальные обыски и грабежи. В первый же день прибежал в дом есаула Поздеева один из казаков охраны доложить, что банда матросов разбивает ящики

Есаул Поздеев вместе с медицинским чиновником Чухраевым из штаба помчались туда. Матросов уже не было — они пошли за подводой. На полу лежала большая серебряная братина — подарок прежде служивших 1913 года, весом в $2\frac{1}{2}$ пуда, и братина — дар князя Радзивилла. Были раскиданы и разграблены ящики с историческим оружием. На полу лежали раскиданные Шефские Царские мундиры.

Чухраев завернул обе братины в мешки, уложил на извозчика и вывез к себе в дом, где закопал в саду. Мундиры снова были заботливо уложены и запрятаны.

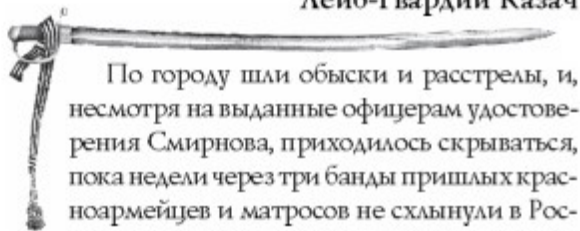
16-го была объявлена регистрация офицеров лейб-казаки из штаба Смирнова советовали не ходить, а бывший вахмистр нестроевой команды полка урядник Бакланов, попавший по протекции Смирнова в Областной Ревком, прислал по своей инициативе регистрационные карточки на всех офицеров полка, скрывавшихся в Новочеркасске, не занося их в регистрационный список.

17-го был обыск музея Л.-Гв. Атаманского полка, хранившегося в сараях дома К.Р. Поздеева. Из первого же разбитого матросами ящика посыпалось оружие (трофеи Германской войны). Есаул Поздеев успел позвонить в штаб Смирнова по телефону. Матросы хотели его арестовать и вести на вокзал, что было равнозначно расстрелу. Поздеев вошел в дом якобы за шинелью, сам же выскочил задней дверью из дома и побежал в штаб. По дороге встретил высланного Смирновым Чухраева с вооруженными казаками.

Казаки выгнали матросов. На дверь музея была наклеена записка за подписью Смирнова и печатью его штаба: «Музей Л.-Гв. Казачьего полка не подлежит реквизиции».

Этим дальнейшие обыски были прекращены.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

По городу шли обыски и расстрелы, и, несмотря на выданные офицерам удостоверения Смирнова, приходилось скрываться, пока недели через три банды пришлых красноармейцев и матросов не схлынули в Ростов. Туда же выбыли Подтелков и комиссар Чеки Медведев. В Новочеркасске остались казачьи части и Титовский полк, сформированный из донских крестьян, ведший себя относительно тихо.

В удалении особенно рьяных красноармейских отрядов из Новочеркаска сыграло большую роль настроение Казачьего гарнизона в городе. Комиссар Пугачевский в своем дневнике дает следующую картину этого настроения:

«...Общее собрание гарнизона города Новочеркаска.

Меня просили председательствовать.

Вносится предложение: 1) Красной гвардии покинуть собрание. 2) Если оставить, то без права голоса. 3) Выгнать всех жидов и иноверцев из Новочеркаска.

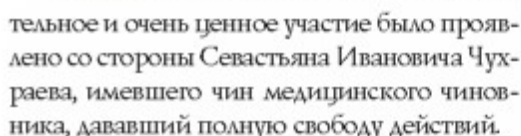
Все под девизом: Дон для казаков.

Огромным большинством голосов принимается предложение: „Красную гвардию исключить“...» (Справка: «Гражданская война». Издание СССР. Том I. С. 412).

Теперь явилась возможность усилить хлопоты по освобождению 11 офицеров полка, арестованных в Каменской и отвезенных в Луганскую тюрьму. В Каменской усиленно работал в этом направлении полковой врач Валентин Никанорович Евфанов, полковой священник протоиерей Сергей Лебедев и Вера Ивановна, супруга арестованного подьесаула В. Чеботарева.

Из Луганска давала советы Ольга Даниловна, жена полковника Оприца, и бывший офицер полка инженер И.И. Берладин.

В Новочеркасске хлопотали офицеры полка, жена арестованного подьесаула Бокова, Мария Владимировна, и особенно дея-

тельное и очень ценное участие было проявлено со стороны Севастьяна Ивановича Чухраева, имевшего чин медицинского чиновника, дававший полную свободу действий.

Смирнов отдал приказ о переводе арестованных в Новочеркасск, и за ними был отправлен караул казаков 44-го полка, причем через полкового врача Евфанова каждому казаку была обещана денежная награда за доставку арестованных в целости.

* * *

Теперь вернемся несколько назад и проследим все пережитое это группой с момента увоза в теплушке по направлению на Чертково.

Теплушка была с нарами. Начало темнеть. На нарах около окна лежал полковник Краснянский. Хорошо зная местность, он на повороте, как только поезд замедлил ход, выскочил в окно и скатился под откос. Часовой выпустил несколько пуль, но не попал. Поезд остановился, и в вагон влез, потрясая револьвером, комиссар Кирилов. Осыпая арестованных грубыми ругательствами, он заявил, что на случай повторения побега приказал караулу стрелять сквозь стенки вагона.

Как только он ушел и вагон был заперт (причем на этот раз были заперты и окна теплушки), арестованные дали взаимное обязательство, если представится случай, то бежать вместе, но никак не поодиночке. Скоро по пути стали попадаться эшелоны красноармейцев. В некоторых местах, на разъездах, происходили остановки, теплушка с арестованными окружалась толпой, требующей немедленной расправы с «калединовцами». На одной остановке толпа пыталась поджечь теплушку, и лишь движение тронувшегося поезда спасло арестованных от своеобразного аутодафа.

Нужно отдать справедливость караулу от 10-го Казачьего полка, сопровождавшему теплушку, твердо отстаивавшего арестованных. На одной из остановок арестованные слышали следующий диалог какого-то красноармейца с часовым казаком: «Дай мне на этих проклятых буржуев хоть одним глазом посмотреть, а потом я его себе выколю...» Часовой отказал. «Да, может быть, на них погоны надеты?» Часовой отвечал, что сам видел офицеров без погон. Это было неверно, ибо лейб-казаки были в погонах. Переговорив между собою, арестованные решили сжечь погоны, дабы не подвергать эти эмблемы офицерского достоинства надругательству толпы. По очереди подходили к железной печке, отапливавшей теплушку, срезали погоны и бросали в огонь. На душе было бесконечно тяжело. Казалось, перевернулась страница жизни, казалось, зря пропала полная унижений, а иногда и опасностей, тяжелая борьба во имя долга, которую они с начала революции вели на фронте, стремясь сохранить хоть подобие боеспособности своих подчиненных. Ныне единственным следом долгой службы Родине (среди арестованных были и пожилые офицеры) и трех лет тяжелой войны оставалась лишь горсть пепла на дне печки.

В жизни трагическое часто переплетается с комическим. Неожиданно отворилась дверь вагона, и в вагон был посажен новый арестованный... не кто иной, как сам комиссар Кирилов, так еще недавно потрясавший своим револьвером. Не то он украл общественные деньги, не то не поделился со своими революционными товарищами, но телеграммой с пути был «низложен» и «ввергнут» в теплушку.

Появление его не обрадовало арестованных: этот полунинтеллигент, типичный представитель революционной демократии, являлся чуждым элементом двум десяткам

арестованных донских офицеров. Он был явно способен на любую подлость, и нужно было теперь следить за каждым своим словом, дабы не сказать лишнего.

Часов в 5 утра на одной из остановок в вагон вошли войсковой старшина Голубов и урядник Подтелков. Оба, видимо, старались держать себя независимо, что им не вполне удавалось. В особенности противен был Голубов с бегающими, не смотрящими в лицо собеседника глазами. Подтелков, представ с обритыми по-большевистски усами и бородой, был очень вежлив и, выразив удивление, почему арестованных в качестве заложников казаков-офицеров везут в теплушке, сказал, что немедленно переведет в вагон 2-го класса (как потом узнали, Подтелков только что вернулся из Новочеркасска, оставив в стороне занятую Чернецовым Каменскую, и еще не оправился от пережитого им страха).

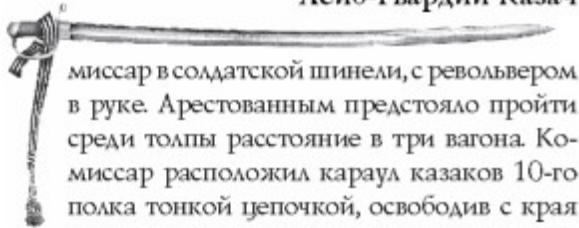
На вопрос офицеров, куда их везут, Подтелков ответил, что они могут не волноваться, из Донской Области он их не выпустит, их «как казаков будет судить только Донской суд».

Арестованные перебрались в вагон 2-го класса, на площадках коего стали часовые казаки караула. Принесли еду. В мягком и светлом вагоне было удобно, но нервы были напряжены, ибо буквально на каждой остановке грозил суд Линча. На станции Миллерово толпа красноармейцев, окружив вагон, потребовала перевода арестованных «калединцев» из «буржуйского вагона» в теплушку.

Станция была сплошь забита плотной толпой красноармейцев, потрясавших винтовками, расхлябанных, распоясанных, в неимоверно грязных, рваных солдатских ватных кофтах, шинелях и папахах, со звероподобными скотскими лицами.

Пересадкою арестованных распорядился какой-то энергичный незнакомый ко-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

миссар в солдатской шинели, с револьвером в руке. Арестованным предстояло пройти среди толпы расстояние в три вагона. Комиссар расположил караул казаков 10-го полка тонкой цепочкой, освободив с края площадки, вдоль эшелона вагонов, проход в 2 шага шириной. Арестованные двинулись, сжав зубы; молча. Старались идти спокойно, и лишь смертельная бледность лиц большинства выдавала нервное напряжение. Но не менее бледны были лица и у казаков конвоя. Сдавленные толпою подонков, казаки явно чувствовали себя ближе к офицерам, коих везли, нежели к окружавшей их человеческой мрази.

При появлении арестованных толпа заревела зверем, требуя немедленного расстрела, и поддалась вперед. Настал критический момент. Комиссар скомандовал казакам зарядить винтовки. Жребий был брошен, ибо в толпе винтовкою работать трудно, и если толпа поддалась бы далее вперед, то горсть казаков была бы раздавлена вместе с офицерами.

Однако дружный треск ружейных затворов охладил злобную, но трусливую толпу, и она поддалась несколько назад. Лишь наполнила воздух грубая и зловонная как сама толпа ругань, да какой-то красноармеец, успевший проскочить между двумя казаками, толкнул прикладом старика, отставного войскового старшину Платонова. Когда наконец закрылась дверь теплушки и тронулся поезд, то можно было вздохнуть свободнее. Однако виденная картина моря лиц, людей, потерявших даже подобие человека, запомнилась прочно. Скорбно сжималось сердце при мысли, что именно в руки этого сброда, представлявшего отбор самого низменного, подлого и бесчестного, что есть в русском народе, переходила выпавшая из слабых и бездарных рук революционно-болтливой интеллигенции судьба

нашей так еще недавно великой и славной Родины.

* * *

От Миллерово теплушка была прицеплена к товарному составу, шедшему на Луганск. По пути красноармейских эшелонов уже не было, и на остановках караул выпускал арестованных на платформу. Находящиеся на платформе бабы и крестьяне смотрели на арестованных без всякой злобы.

В Луганск прибыли поздно вечером. Выгрузкою распорядился какой-то казак, хоруный в пенсне. Караул 10-го полка окружил арестованных офицеров кольцом, а вне построилось второе кольцо красноармейцев, обвешанных винтовками, револьверами, шашками и пулеметными лентами. Пройдя через город, шествие направилось в Луганскую тюрьму, построенную в нескольких верстах за городом. Арестованных принял лично сам начальник тюрьмы, отпустил красноармейцев и оставил только казачий караул (на следующий день казачий караул уехал обратно на Дон). Начальник тюрьмы был очень любезен, оставил при арестованных все вещи и деньги и отвел им большую камеру, служившую раньше околотком, отделенную небольшим, сообщающимся с остальной тюрьмой, коридором с решетчатой железной дверью на конце. Тюрьма была заполнена исключительно уголовными.

Начальник тюрьмы Иванов, чиновник тюремного ведомства, служивший здесь с царского времени, был интересной личностью. Молодой еще человек, с высшим образованием, он никак не подходил к образу тюремщика, как обычно этот образ представляется в литературе. Мягкий и добрый человек, он, сохраняя порядок в тюрьме, в то же время относился к заключенным с уди-

вительной человечностью, притом без тени заискивания и искания популярности.

В свое время он, до революции, облегчал участь политических узников, у него сидевших и теперь оказавшихся у власти в составе Совдепа. В благодарность прежние сидельцы не только оставили его в должности, но зачислили членом тюремной комиссии Совдепа.

Луганск стоял еще в стороне от только начавших развиваться событий, в городе был уже большевистский Совдеп, но сохранились и какие-то «украинские» образования. Наружный караул в тюрьме несли солдаты-украинцы, следующие сутки — рабочие-красноармейцы. Караул помещался в домике во дворе. Внутри тюрьмы, запертой громадными решетчатыми дверьми, начальник тюрьмы допускал чинов караула лишь для вечерних поверок, приема и сдачи караулов и занятия некоторых ночных постов. В тюрьме держались еще порядки Временного Правительства так, все деревянные кровати, нары, двери были сожжены арестантами на отопление за неотпуском дров. Уголовные общались между собою, ибо не были отделены никакими внутренними перегородками и дверями. Решетчатая дверь в камеру офицеров запиралась с постановкою часового лишь после вечерней поверки, за пищей арестованные ходили в общую кухню, почему и здесь был постоянный контакт.

Заметим, что со стороны как надзирателей (еще старого тюремного ведомства), так и со стороны уголовных арестантов не проявлялось никакой вражды к «политическим офицерам», отношение было скорее безразличное, а порою даже участливое — так, уголовные, имевшие отлично налаженную связь с городом, предупреждали о назревании неблагоприятных офицерам событий в городе, предупреждали, когда внешний

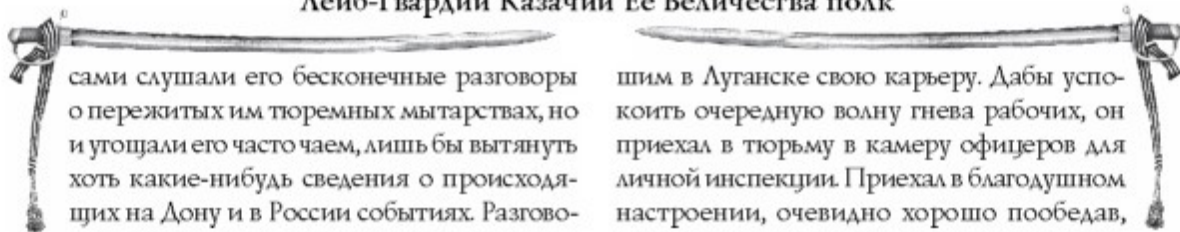
караул красноармейцев настроен активно-враждебно и когда офицерам надлежало отказываться от права прогулки в тюремном дворе.

Все 22 арестованных были размещены в большой камере с деревянным полом, всю мебель коей составляли стол и две скамьи. Спали на полу, вплотную друг к другу, причем через несколько дней по прибытии были выданы подушечные наволочки и солома, из которой заключенные устроили себе матрасы. С разрешения начальника тюрьмы офицерами были наняты за деньги два уголовных для уборки камеры, в коей поддерживалась безупречная чистота. Пища была однообразная, но достаточная. Кроме того, можно было покупать за деньги, через надзирателей, колбасу, сало, белый хлеб и папиросы.

Никакими следствиями и дознаниями офицеров не беспокоили, ибо они числились за Каменским Военно-Революционным Комитетом, частью распавшимся, частью изменившим свой состав после удара полковника Чернецова, и очевидно, никакого «письменного дела» о группе существовать не могло.

Часто приезжал глава тюремной комиссии Совдепа большевик тов. Иванов. В меховой шубе и шапке, в очках, он имел вид типичного революционера-полуинтеллигента старого времени. Много сидел в тюрьме в свое время и, может быть, поэтому, не смотря на свой большевизм, относился к попавшим ныне в тюрьму офицерам не враждебно.

Ему, видимо, льстило, что он может на равной ноге вести разговоры с офицерами, да еще Императорской Гвардии, и он, не разыгрывая из себя начальства, иногда подолгу засиживался в камере. Для офицеров он был единственной связью с внешним миром, и поэтому не только терпеливо ча-

сами слушали его бесконечные разговоры о пережитых им тюремных мытарствах, но и угощали его часто чаем, лишь бы вытянуть хоть какие-нибудь сведения о происходящих на Дону и в России событиях. Разговоров на политические темы взаимно избегали. На сведения о текущих событиях товарищу Иванов был, увы, скуп, как был скуп и начальник тюрьмы, которому, несмотря на его видимое горячее к узникам сочувствие, мешала быть откровенным его официальная должность в Совдепе.

Недостаток связи с внешним миром заполнился лишь с приездом в Луганск жены арестованного полковника И.Н. Оприца, Ольги Данииловны, о чем речь будет ниже.

Кроме отрезанности от внешнего мира мучило и отсутствие примитивных удобств. Несмотря на безупречную чистоту в камере, невозможность раздеться, вымыться, при крайней скученности привела к появлению вшей.

Полковник В.А. Дьяков, общепризнанный староста офицерской камеры, выхлопотал через начальника тюрьмы разрешение привести в порядок запущенную во время революции тюремную баню; работой офицеров баня была отремонтирована, и стало много легче.

Несмотря на это относительное благополучие, жизнь протекала нервно. Неоднократно «товарищи» порывались взять арестованных офицеров и расстрелять их. Часто арестованные слышали шум за оградой и видели серьезные лица тюремных надзирателей и начальника тюрьмы, — то приходила требовать выдачи офицеров очередная банда. Спасала отдаленность от города тюрьмы и энергия начальника тюрьмы, поднимавшего на ноги чуть ли не все и вся на защиту «заложников».

Так, однажды привелось свести знакомство с Ворошиловым, тогда еще начинав-

шим в Луганске свою карьеру. Дабы успокоить очередную волну гнева рабочих, он приехал в тюрьму в камеру офицеров для личной инспекции. Приехал в благодушном настроении, очевидно хорошо пообедав, ибо от него сильно несло вином. Произвел скорее хорошее впечатление. Говорил, что Совдеп всячески старается защитить заключенных «заложников»-офицеров от самосуда, но что сами узники осложняют задачу своей независимостью, которая бросается в глаза находящимся в карауле красноармейцам и злит последних.

В заключение, увидев шахматную доску со сделанными из хлеба фигурами, закончил укоризненно: «Вас стараемся защитить, а вы, как дети, в шахматы играете» (ударение в слове «шахматы» было сделано на предпоследнем слоге, и это вышло так смешно, что, несмотря на всю трагичность положения, узники улынулись).

На всякий случай офицерами был разработан план нападения на красноармейский караул и побега в направлении на Луганскую станицу. В станицу Луганскую ездила О.Д. Оприц, сама казачка Усть-Быстрианской станицы, и ей удалось расшевелить стариков казаков станицы, настроение коих уже становилось резко антибольшевистским. В станице были заготовлены платье и документы, кроме того, старики обещали выставить около тюрьмы казака — проводника-наблюдателя.

Ольга Данииловна приехала в Луганск из Петербурга, как только узнала об аресте мужа, поселилась в самой кошмарной обстановке, лишь бы быть ближе к тюрьме. Слабая физически и с детства очень изнеженная и избалованная, она проявляла чудеса выносливости, простаивая одна у ворот тюрьмы, в версте от города, в голой степи в метель, мороз, ветер, по 2—3 часа, ожидая приезда нарочно опаздывавшего председа-

теля тюремной комиссии, без которого свидание с мужем не разрешалось. Свидание разрешалось лишь два раза в неделю на 10 минут через решетку, в присутствии председателя тюремной комиссии. Этого было достаточно, чтобы передать при прощальном поцелуе, изо рта в рот, сквозь тюремную решетку, шифр, и через день офицеры, через И.Н. Оприца, были уже в курсе событий. Сведения приносил, не подозревая того, опытный старый революционер-конspirатор и председатель тюремной комиссии Совдепа товарищ Иванов, передавая данные ему О.Д. для цензуры и передачи мужу книги для чтения, в коих незаметно для непосвященного глаза острием иголки были слабо наколоты соответственно шифры буквы, слова и цифры.

Ольга Даниловна встретила в Луганске старого офицера полка инженера И.И. Берладина и уговорила его съездить в Новочеркасск, где близкие не были уверены, что заключенные живы. Поездка эта принесла большую пользу. Наличие Ольги Даниловны и И.И. Берладина в Луганске, где они являлись, часто с громадным риском для себя, единственной связью с внешним миром, служило большой моральной поддержкой заключенным. Известие же о хлопотах в Новочеркасске сильно подняло дух.

В первых числах марта в тюрьму прибыла конвой в 12 казаков 44-го полка, представивший начальнику тюрьмы бумагу с предложением отправить в Новочеркасск 13 офицеров.

В списке были указаны 11 лейб-казаков и два войсковых старшины — Платонов и Болдырев.

Ввиду того что несколько дней назад красноармейцы расстреляли целую партию арестованных офицеров по дороге в тюрьму, казаки караула остановили поезд, состоящий из 2-х вагонов и паровоза, за версту

до станции и повели арестованных полем, минуя город. До станции дошли благополучно и тронулись на юг. На ст. Кондратовка в вагон были посажены арестованные генерал Секретев и ур. Щипилев, тоже для доставки в Новочеркасск генерала Секретева, в составе партии в 60 человек арестованных, везли накануне в Луганск. Казаки Луганской станицы решили не допускать больше вывоза донских офицеров из пределов области и отбив на станции всю партию, отвели в станицу, где разобрали по домам, приняв всех с большой заботой.

Однако вскоре прибыл карательный отряд, который отобрал всех арестованных, причем во время очень короткой перестрелки был легко ранен в шею генерал. генерал Секретев, как раненный, был оставлен в станице, остальных отбитых повели ночью с фонарями на Луганск и, по слухам, расстреляли в какой-то балке.

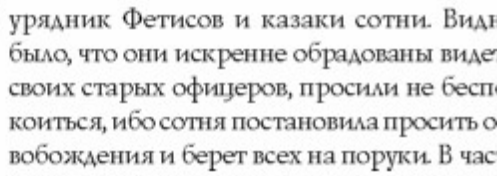
В Новочеркасск поезд прибыл 9 марта утром, и арестованных привели на гауптвахту, охранявшуюся казачьим караулом.

Уже из рассказа генерала Секретева ясна была картина полного перелома казачьих настроений. На гауптвахте этот перелом был еще виднее. Караульный урядник сразу же заявил, что счетом арестованных ни принимать, ни сдавать следующему караулу он не будет, что он отпускает арестованных поодиночно за вином, за кипятком (некоторые уходили ночевать домой), и если кому что грозит, то он ничего не имеет, если отпущенный им «за кипятком» не вернется на гауптвахту.

Гауптвахта была полна офицерами, коих следственная комиссия Ревкома, состоявшая из казаков, освобождала пачками.

На гауптвахту приходили из состава «Гвардейской Революционной сотни» (о коей говорилось выше) командир сотни урядник Миронов, председатель сотенного комитета

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

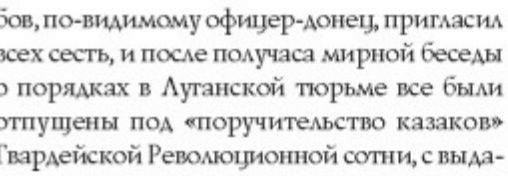

урядник Фетисов и казаки сотни. Видно было, что они искренне обрадованы видеть своих старых офицеров, просили не беспокоиться, ибо сотня постановила просить освобождения и берет всех на поруки. В частном разговоре с полковником Оприцем, своим бывшим командиром сотни по Лейб-Гвардии Казачьему полку, урядник Миرون говорил о близости восстания против большевиков и о своем сочувствии восстанию.

Вскоре прибыл на гауптвахту и Смирнов. Хотя офицеры были вывезены из Луганска благодаря ему, но вид у него был смущенный, и он явно не знал, как себя держать. Офицеры знали, что Смирнов уже в большом подозрении у большевиков, и приезд его на гауптвахту к «калединовцам» являлся все же если не подвигом, то смелостью. Поэтому полковник Дьяков первый, а за ним и другие, протянули ему руку. Смирнов сразу оживился, просил не беспокоиться; но сказал, что, дабы не навлечь подозрений в нарочитости привоза из Луганска, ранее должны выпустить две-три партии других арестованных (действительно, на другой день была выпущена партия в 3 десятка донских офицеров, во главе коих был хорунжий Григ. Чапчиков, позже привезенный из ст. Каменской).

В частном разговоре с полковником Дьяковым Смирнов конфиденциально говорил, что ждет прибытия орудий двух батарей тяжелых гаубиц, и как их получит, то повернет против большевиков.

Через два дня арестованных вызвали в следственную комиссию, состоявшую из казаков. По прибытии и. д. председателя Ря-

бов, по-видимому офицер-донец, пригласил всех сесть, и после получаса мирной беседы о порядках в Луганской тюрьме все были отпущены под «поручительство казаков» Гвардейской Революционной сотни, с выдачей документов на право жительства в Новочеркасске, без права выезда.

В ту же ночь случилось большое несчастье.

Только что отпущенные на свободу с гауптвахты офицеры лейб-казаки — подьесаулы М.М. Чеботарев и остановившийся у него на квартире Ю. Персидский — были ночью убиты какой-то бандой красных грабителей, вторгшейся в дом под предлогом обыска. Перебита была вся семья подьесаула Чеботарева ударами по черепу ружейным стволом, отнятым от ложа. Подьесаул Чеботарев защищался, так как был найден на полу, подьесаул Персидский был убит о сне в кровати.

* * *

С приездом из Луганска командира и освобожденных вместе офицеров действительного состава полка к ним присоединились офицеры того же состава, оставшиеся в Новочеркасске, и получилась уже внушительная группа, принявшая горячее участие в борьбе за освобождение города от большевиков.

По окончании Ледяного и Степного походов в Новочеркасск прибыли и присоединились лейб-казаки, в этих походах участие принимавшие, поэтому в следующих V и VI главах будет дан краткий очерк 1-го Кубанского Ледяного и Степного походов.

Глава V

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

Основание на Дону Добровольческой Армии. — Ее состав и цели. — Оставление Ростова. — Оставление донцами города Новочеркасска. — Образование группы Походного Атамана генерала П.Х. Попова. — Образование Донского Партизанского полка генерала А.П. Богаевского в ст. Ольгинской. — Уход степняков в Задонье, а партизан в Кубанский поход. — Причины разделения борющихся с большевиками сил. — 1-й Кубанский поход. — Общая характеристика. — Бои под Выселками у ст. Кореновской и Усть-Лабинской. — Соединение с кубанскими добровольцами генерала Покровского. — Атака Екатеринодара. — Смерть в конной атаке лейб-казаков есаула Рыковского и подьесаула Плева. — Смерть Корнилова. — Отход от Екатеринодара. — Бой генерала Маркова у Медведовской. — Приход Добровольческой Армии в ст. Егордыкскую на Дон.

С распадом фронта Великой войны все большие центры: Петербург — Москва — Киев — Одесса были забиты русским офицерством. Много офицеров находилось в Ростове и Новочеркасске.

В ноябре и декабре на Дон прибыл ряд генералов, пользовавшихся в Армии широкой известностью.

С их приездом возникла Алексеевская Военная Организация, состоявшая из объединившихся вокруг генерала Алексеева добровольцев-офицеров. С прибытием на Дон генерала Корнилова эта организация развернулась в Добровольческую Армию.

Цели Армии указаны в воззвании, выпущенном 9 февраля 1918 года:

«1. Противостоять надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию...» «Добровольческое движение должно стать всеобщим, снова, как 300 лет назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих прав...»

«2. Рука об руку с доблестным казачеством противостоять вооруженному нападению большевиков на Юг и Юго-Восток... защищая самостоятельность Областей, давших приют и являющихся последним оплотом русской независимости — последней надеждой на восстановление Великой Свободной России...»

«3. Новая Армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях, кои хозяин земли Русской — народ — выявит через посредство избранного Учредительного Собрания...» Из кого же состояла Добровольческая Армия? Ответим цитатой из ценнейшего очерка генерала Деникина: «...Отозвались офицеры, юнкера и учащаяся молодежь и очень мало „прочих земских и городских людей“». Всенародного ополчения не вышло. Армия в зародыше имела органический недостаток, приобретая классовый характер...»

Армия была немногочисленная, так как даже офицерство, единственное сословие в

России, показавшее себя в 10 месяцев революции проникнутым чувствами государственности и подлинной жертвенности, вначале откликнулось относительно невысоким процентом записавшихся добровольцев.

Объяснить этот факт трусостью не записавшихся было бы слишком просто и неправильно, хотя бы потому, что позднее, при возвращении Добровольческой Армии из Ледяного похода на Дон, на базу, созданную восставшим против большевиков Донским Казачеством, офицерство (как и добровольно влившееся широкой волной, так и поступившее в порядке мобилизационном) показало не только много высокой доблести, но и выделило из своей среды ряд способнейших и смелых военачальников.

Причинами первоначально вялого отклика русского офицерства (помимо моральной усталости от только что пережитого, в революционный год, на фронте) являлись неопределенность поставленных Добровольческой Армией целей и непрочность территориальной базы.

Сама по себе борьба с большевиками являлась не целью, а средством. Определенным целям, ясно и выпукло поставленным противником: захват власти, передача земли крестьянам, заводов — рабочим, и общий передел ценностей, — Добровольческой Армией противопоставлялась туманная «державная воля народа», выраженная впоследствии через Учредительное Собрание. Идея Учредительного Собрания не говорила ни уму, ни сердцу офицера. После 10 месяцев революции Учредительное Собрание, даже свободное от большевиков, представлялось как собрание представителей русской, выдвинутой революцией на поверхность, революционной полуинтеллигенции, пропитанной антигосударственными настроениями и поэтому враждебной офицерству. Еще более веру в успех дела

Добровольческой Армии подрывала явная непрочность ее территориальной базы, где иногороднее население было настроено уже большевистски, а в казачьем — быстро развивалась склонность к идее «нейтралитета трудового казачества», с родственным этой идее «паритетом», как средством откупиться без борьбы от большевистского владычества.

В отношении Донского офицерства действовала и особая, своя казачья причина.

Офицерство казачье кровно и жизненно было связано с рядовым казаком в неизмеримо большей степени, нежели офицеры с солдатами регулярных частей.

Оно вернулось на Дон в составе своих полков и не могло эти полки покинуть до законного отпуска. В распущенных полках оно переходило как бы на знакомую службу в полках 2-й и 3-й очереди мирного времени. Офицерству казачьему трудно было мыслить борьбу не только против своего рядового казака, но даже и без него. Оно, кроме того, хорошо понимало искусственность идеи трудового казачьего нейтралитета к большевизму и, веря в близость перелома, естественно, не было склонно отрываться от своей кровной почвы.

Лишь после падения Новочеркаска донцы влились мощной группой в Добровольческую Армию, пополнив последнюю, в станице Ольгинской, на $\frac{1}{3}$ общего ее состава.

В заключение приведем характеристику первых добровольцев, сделанную генералом Деникиным:

«...Добровольцы были чужды политике, верны идее спасения страны, храбры в боях и верны Корнилову. Впереди их ждало увечье, скитание, многих смерть, победа представлялась в далеком будущем. Они дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их

спиной живут легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом пожертвовала на армию два миллиона рублей, быстро растворившихся в ее бездонной нужде. Они встретили в обществе равнодушие, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и в социалистической печати злобу, клевету и поношение...»

3 февраля, с разрешения Атамана и Донского Правительства, в офицерском собрании города Новочеркасска шла запись в Добровольческие Офицерские части.

«Я, генерал Корнилов, — говорилось в воззвании, — успешно отбиваю наступление красных банд на подступах к Ростову. Я с честью выведу всех к победе, кто пойдет за мной, против красных разбойников.

Мне нужна от бойца только уверенность в себе и в правоте своего дела...»

В тот же день в Ростов, в штаб Добровольческой Армии выехали три офицера лейб-казака — есаул Я.Ф. Рыковский, подесаулы Н.П. Плеве и Ф.Ф. Рыковский. В штабе, помещавшемся в особняке Парамонова, их принял очень тепло сам генерал Алексеев. В разговоре он сообщил, что если Дон срочно не даст 2000 пехоты и 200 конницы, то Добровольческая Армия вынуждена будет покинуть Ростов.

7 февраля Атаман Назаров с грустью сообщил, что ничего дать не может и не смеет дальше задерживать Добровольцев в Ростове.

Три приехавшие лейб-казака зачислились в Донской Партизанский отряд полковника Краснянского, численностью в 120 штыков, состоявший на $\frac{3}{4}$ из донских офицеров, на $\frac{1}{4}$ — юнкеров, кадет и гим-

назистов и разделенный на два взвода. Есаул Я. Рыковский был назначен командиром 1-го взвода, подесаул Н.И. Плеве, его помощником. Подесаул Ф.Ф. Рыковский, как прибывший с лошастью, был зачислен ординарцем отряда, причем вторым конным ординарцем был сотник А.М. Жеребков, внук коренного лейб-казака и сам впоследствии офицер полка.

В отряде царила безупречная дисциплина, честность и взаимная поддержка в боевой работе.

7 февраля отряд полковника Краснянского вел бой с красными, защищая Ростов от обхода со стороны Темерника. Несмотря на десятикратное превосходство красных, партизаны, лежа с утра на морозе, огнем успешно отбили все попытки атак противника.

К вечеру был получен следующий приказ

«Добрая армия на всем фронте отбила атаки красных с большими для них потерями. Потери наши невелики. Но, не получая от Дона пополнений, вследствие отступления Донцов на север и угрозы Армии с юга, она покидает Ростов.

С наступлением темноты частям незаметно для противника отходить по дороге на Аксайскую станицу».

Так начался поход Добровольческой Армии.

«Армия уходила, — пишет генерал Деникин в своих «Очерках», — от духовного рабства в неизвестные скитания. Малая числом, оборванная, затравленная, окруженная со всех сторон, — шла, как символ гонимой России и русской государственности. На всем необъятном просторе страны оставалось одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг, — и этот флаг звал к борьбе тех, кто еще не проснулся, — в этом был глубокий смысл первого Кубанского похода».

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Ночь на 8-е февраля отряд Краснянского ночевал в Аксайской станице, перейдя на следующий день в станицу Ольгинскую, где Добровольческая Армия простояла несколько дней, приводя себя в порядок.

В ночь на 13-е февраля лейб-казаки отряда полковника Краснянского были в сторожевом охранении у моста через Дон. Впереди раздался шум идущих и разговаривающих, стали вырисовываться и силуэты. «Стой, кто идет?» — «Свои, из Донской Армии», — послышался ответ голосом подъесаула С. Краснова и к радости лейб-казаков сторожевого охранения, в пришедшей группе донцов оказались пришедшие с подступов Новочеркасска однополчане: подъесаул С. Краснов, хорунжие Ляхов, братья Сергей и Григорий Чекуновы, подхорунжий Мигулин и казак Харламов.

По приказу генерала Богаевского все прибывшие были зачислены в пулеметную команду партизан полковника Краснянского, так как привезли с собой пулемет. Начальником команды был назначен подъесаул Краснов и подчинен к-ру 1-го взвода есаулу Рыковскому.

От прибывших Добровольцы узнали об оставлении Новочеркасска и об образовании полуторатысячного отряда донцов Походного Атамана генерала Попова, двинувшегося в Сальский округ, в район зимовников, богатых хлебом, фуражом, лошадьми и скотом.

Туда же первоначально решил идти и Корнилов, и Добрая армия, простояв 4 дня на месте, двинулась через Кагальницкую на Мечетинскую станицу. Здесь генерал Корнилов переменял решение и повернул на Кубань, послав генералу Попову предложение присоединиться. генерал Попов отказался, мотивировав настроением своего отряда, не желающего покидать Дон, в чаянии в его степях выждать пробуждение Донс-

кого казачества. генерал Корнилов собрал командиров отдельных частей Добровольческой Армии, чтобы объявить свое решение двигаться на Кубань.

«Корнилов, как всегда, резко и сухо, — говорит генерал Деникин, — изложил мотивы и императивно указал новое направление. Но взор его испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами Донских партизан. Пойдут ли с Дона?»

Партизаны смущены, некоторые опечалены. Но в душе выбор сделан: идут за Корниловым...»

«...Историк пояснит непостижимое для военного, — пишет в своих «Записках» бывший командующий Донской Армией генерал Денисов, — раздвоение сил, борющихся с большевиками, а также и причину разделения Донских казаков, частью отправившихся с Добровольческой Армией, частью оставшихся с Походным Атаманом генералом Поповым...»

Первоначальное решение генерала Корнилова, в согласии с Походным Атаманом генералом Поповым, идти в Задонье поддерживалось и генералом Лукомским... «Я высказал, — читаем мы в мемуарах генерала Лукомского, — что лучше перейти в район зимовников, где, прикрываясь с севера Доном и находясь в отдалении от железной дороги, переформируем Армию, пополним обоз и несколько отдохнем... Большевики месяца два нам не будут страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги... Месяца же через два, с новыми силами, в зависимости от обстановки, которая к тому времени выяснится, примем то или иное решение...»

Резко против движения в Задонье был генерал Алексеев, по-видимому, главным мотивом которого было: «Пребывание наше в степях поставит нас в сторону от общего хода развития событий в России...»

Генерал Алексеев был поддержан генералом Деникиным: «На Кубани, в противоположность Дону, мы ожидали встретить сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличивались молвою. Наконец, Екатеринодар, уцелевший от захвата большевиками, давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу...» («Очерки» ген. Деникина. Т. 2. С. 231).

Нужно заметить, что подлинной обстановки Задонья и Кубани никто не знал, и решения строились на предполагаемых данных*.

Никто не мог знать, что жизнь решит вопрос по-своему и что Добровольческая Армия, выйдя из станицы Егорлыкской, ровно два месяца спустя, в поисках прочной базы вернется в ту же станицу, в свое исходное положение на Дон. Вернется — утратив Корнилова, ряд выдающихся начальников, пережив ряд критических положений, когда только высокий героизм ее состава — от рядового до начальника, спасал от полной и конечной гибели.

* Представляется странным, почему не учитывались данные, кои, казалось, не могли не быть известными. К таким данным отнесем условность так называемого Казачьего большевизма, «лишенного всякой идеологии» (Ген. Деникин. «Очерки». Том 1, вып. 2. С. 126), находившегося в остром противоречии с казачьим укладом жизни, а поэтому явно обреченного на скорый конец.

Подобной данной могла служить и неудача опыта организационной работы генерала Алексеева в Новочеркасске и Ростове в сколько-нибудь широком масштабе.

В Казачестве — Дону всегда принадлежала ведущая роль, и, следовательно, то, что не удалось, по условиям времени, на Дону, не могло удасться на Кубани.

По той же причине избавление Дона от большевизма должно было начаться ранее Кубани.

Как бы то ни было, но в споре, где на одной стороне были бывший Верховный Главнокомандующий всеми Армиями Российского фронта генерал Алексеев и бывший командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин, правым оказался как будто скромный начальник Новочеркасского Юнкерского Училища, обладавший весьма небольшим строевым цензом и притом лишенный малейшего боевого опыта, генерал П.Х. Попов.

Ген. П.Х. Попов верил в Дон, коему судьбою было предсказано быть базой всей борьбы с большевиками на Юге России. К близости возможности всероссийского ополчения, когда вся Россия «встанет, как 300 лет назад», относился, по-видимому, скептически, как к далекой мечте, не забывая, что и в ополчении Смутного времени казачество играло одну из главенствующих и решающих ролей, притом не только как воинской силы, но и как основоположника начала Великой Державной Российской Государственности.

Поэтому генерал Попов не боялся опоздать к решительному часу перелома российских настроений, а задался лишь ограниченной целью сохранения жизни людей, ему доверившихся, для ожидающей их в отдаленном будущем боевой работы.

Этой ограниченной цели отвечало движение в относительно спокойный, лежащий в стороне и слабо населенный Сальский округ.

Итак, начался первый, беспримерный в истории, Кубанский поход.

Шли плохо одетые, без денег, пополняя боевые припасы отнятым с боя у большевиков. Армия шла, окруженная со всех сторон противником. Почти каждый день приходилось давать бои в авангарде, на флангах или в арьергарде. Шли по проселочным дорогам черноземного Юга России в самое

трудное время года, то утопая в грязи, то замерзая от холода.

С Армией шел и обоз с ранеными, число коих дошло под Екатеринодаром до $\frac{1}{4}$ всего боевого состава. генерал Деникин в своих «Очерках» так описывает положение раненых: «Почти каждый день длинный утомительный поход; в тряской телеге, в невылазной грязи, по кочкам, рытвинам, иногда рысью. Три четверти дня под открытым небом в поле, под проливным дождем или в жестокую стужу, от коей не спасала жидкая шинель. Ночлег в только что взятой с боя станице, которая не могла дать в краткий срок ни достаточно крыш, ни продовольствия для набившихся воинов. Иногда двое суток без ночлега и разгрузки... И на походе, и на остановке сухой треск рвущихся возле снарядов... Почти не было ни инструментов, ни медикаментов, ни перевязочных средств... Раненые испытывали невероятные страдания, умирали от заражения крови даже легкораненые... смерть витала над лазаретом...»

Здесь будет уместно упомянуть и о работе сестер милосердия в совершенно невероятных для лазарета условиях*. «Их было не так много, и тем более велика была их работа... Днем и ночью по невылазной грязи, они редко садились на подводу, еле идущие сами, помогая подчас их вытаскивать... Шли зачастую под артиллерийским и пулеметным огнем противника, вечером устраивали и укладывали своих раненых в только что отнятой у красных станице. Ночью, когда все спали, сестры сидят у раненых, ухаживают, дают им воду, кормят. Утром же будят, поят чаем, укладывают на подводы, ничем не показывая, что они почти 24 часа на ногах, часто без еды...»

* Цитируется по рассказу В. Суворина.

Одна из них, сестра лейб-казаков есаула и подесаула Рыковских, Ольга Федоровна, впоследствии супруга лейб-Казака полковника К.Р. Поздеева, рассказывала, что, бывало, совершенно усталая, «захочешь взять в рот кусок еды и тут же встретишь взгляд полуголодного раненого, и нет ни сил, ни возможности отказать и не отдать последнего...»

Первый бой на походе был дан у ст. Хомутовской, причем красная конница, пытаясь атаковать, была легко отогнана. Егорлыкская станица, на коей кончалась Донская Область, встретила Добровольческую Армию исключительно сердечно и приветливо.

Первый серьезный бой разыгрался 21 февраля, при переходе Армии в Ставропольскую губернию, у сел. Лежанка, где большевики сосредоточили довольно крупные силы с артиллерией. Лихой фронтальной атакой офицерского полка и во фланг — Корниловского, большевики были смяты и, оставив на месте 500 трупов, бежали.

23 февраля Добровольческая Армия у ст. Новокорсунской (Плоская) вступила на Кубань. Кубанские казаки встретили Добровольцев относительно приветливо. Восточные станицы Кубани еще не испытали большевистского нашествия, почему настроение Кубанского казачества было выжидательным. Колеблющемуся настроению давало перевес присутствие скольконибудь значительной силы. Поэтому если некоторые станицы (Брюховецкая, Незамаевская) не только радушно принимали, но и давали небольшие пополнения казаками-добровольцами, то в других станицах, где перевес был на стороне фронтови-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

ков и иногородних, Добровольцы наталкивались и на выступления против них кубанских казаков (как то было в ст. Березанской и под Екатеринодаром).

20 февраля Добровольческая Армия, перейдя Владикавказскую дорогу у ст. Новолеушковской, двинулась на Екатеринодар. Корнилов полагал ударить в тыл атакующих Екатеринодар красных.

2 марта Добровольческая Армия подошла к Выселкам. Выбив красных из Выселок и оставив там конный дивизион слабого состава, Армия расположилась в ст. Журавской на ночлег. Значительные силы красных не то легко вытеснили из Выселок конный дивизион, не то, по недоразумению, он сам ушел. Как бы то ни было, но Выселки, в непосредственном соседстве с ночующей в Журавской Добровольческой Армией, оказались заняты ночью значительными силами красных. генералу Богаевскому было приказано выбить ночной атакой противника из Выселок. Однако был сильнейший холод, в маленькой станице не хватило крыш, и партизаны, голодные и усталые, оставались под открытым небом весь вечер и ночь, почему генерал Богаевский отложил атаку до утра. С рассветом цепи Донских партизан полковника Краснянского, Лазарева, Курочкина и Власова, под редким артиллерийским огнем противника, развернувшись, начали наступать на Выселки. Противник за ночь окопался и встретил атакующих сильным ружейным и пулеметным огнем. Бросились в атаку партизаны.

«...Валяются люди, редеют цепи. Из каменного здания мельницы в тыл и во фланг партизанам был открыт сильнейший пулеметный огонь. Партизаны Курочкина и Лазарева, понеся большие потери, залегли, и только отряд полковника Краснянского, удачно пользуясь складками местности и неся относительно малые потери, продол-

жает наступать. Есаул Рыковский сосредоточивает на фланге противника весь 1-й взвод генерал Корнилов, видя серьезность положения, двигает из Малеванного — в обход — Корниловцев — и — прямо на село — Марковцев. Подошли Марковцы. Грозное „ура“, и донские партизаны, охватившие левый фланг противника, бросаются вперед. Доблестный полковник Краснянский смертельно ранен в живот (на следующий день скончался), но противник бежит...»*

В самом начале боя под Выселками пулеметы полковника Краснова и хорунжего Ляхова отбили конную атаку на левый фланг партизан, а затем своим метким огнем заставили замолчать 3 пулемета противника, прислуга коих, как выяснилось после занятия окопа, была перебита.

Доблестный начальник отряда полковник Тихон Петрович Краснянский руководил боем стоя в цепи, во весь рост, и на все уговоры подчиненных себя побережь ответил отказом и погиб смертью храбрых в 2-х шагах от пулемета подесаула Краснова.

Дорого обошлась партизанам атака. Погибли доблестные начальники: полковник Краснянский, Власов, ранен Лазарев, громадные потери понесла молодежь Чернецовского отряда. Из 1-го взвода в 50 человек есаула Рыковского вышло 13 человек.

Взгляд Корнилова печален: велики потери. Подъехавшему с донесением от генерала Богаевского подесаулу Рыковскому Корнилов сказал: «Много доблести проявлено партизанами сего дня, но много потерь... Какие же они, никак не утомонятся, каждый спешит обогнать другого...» Собирают-

* Описание боев настоящей главы дается по рассказам и описаниям однополчан-участников полковника С. Краснова, войск. старш. Ф. Рыковского, ес. Н. Ляхова и сотн. Г. Мигулина.

ся в колонну партизаны. Отряд полковника Краснянского, в командование коим вступил полковник Писарев, уже построился. Подъезжает генерал Корнилов. «„Вы сегодня отлично действовали и показали себя достойными первых рядов Армии. К сожалению, в отряде много потерь” — слышится лестная оценка Командующего Армией».

В Выселках узнали, что недавно был здесь бой красных с Кубанскими партизанами Покровского, неудачный для последних, причем ходили слухи, что Екатеринодар покинут ими. По слухам, в станице Кореновской сосредоточено до 10 тысяч большевиков с бронепоездами и с сильной артиллерией. Командует красными кубанский казак фельдшер Сорокин.

4 марта Добровольческая Армия атаковала Кореновскую. Начали атаку юнкера и кадеты Боровского, почти дети, мужественно наступавшие на станицу. Главная атака по направлению на станицу велась Офицерским и Корниловским полками. Красные держались стойко и развивали бешеный артиллерийский и ружейный огонь.

«„Корниловцы залегли, дрогнули и стали медленно отходить; за ними валят нестройными кучами большевики. Из обоза подносят последние запасы патронов. Корниловцы приостановились, качнулись и вновь медленно поддались вперед. Залегли теперь большевики.»

В резерве Корнилова Донской Партизанский полк.

Генерал Богаевский посылает ординарца подьесаула Рыковского за приказанием к генералу Корнилову. Быстро под пулями выносятся вперед подьесаул Рыковский, ища генерала Корнилова. Перед ним весь бой как на ладони. Простым глазом видны батареи и засевшие густые массы противника. Вдоль железной дороги движутся то назад, то вперед бронепоезда.

Неподалеку цепей наступающего вдоль железной дороги Офицерского полка небольшой холм, за коим группа лошадей и трехцветный флаг.

«„На холме одинокая фигурка. То Командующий Армией. Подьесаул Рыковский подъезжает к нему. Не отрываясь от бинокля, генерал Корнилов говорит: „Передайте генералу Богаевскому, что ему нужно двигаться.. впрочем, попросите генерала ко мне”. Подъезжает медленным, но размашистым галопом генерал Богаевский. Видно, как генерал Корнилов, отдавая приказание, показывает вправо рукой.

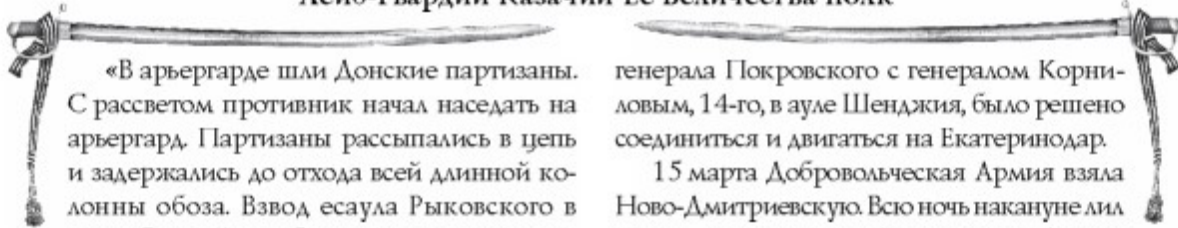
Быстро вперед и вправо выдвигаются Донские партизаны, и как раз пора — густые цепи красных начали обходить наш фланг. Ударили партизаны. Батарея полковника Третьякова движется в цепях. Снялась и с прямого выстрела бьет по юго-западной окраине станицы.

Молодежь Боровского, уже два раза доходившая до окраины и выбитая оттуда, вместе с Донскими партизанами бросается вперед, и через полчаса станица взята. Противник бежит на Платнировскую станицу.» Добровольческая Армия сильно пополнила в Кореновской свои хозяйственные и боевые запасы, увы, доставшиеся дорогой ценой — около 400 человек убитыми и ранеными вышло из строя.

Вместо ожидаемого тыла Добровольческая Армия имела перед собою фронт противника, что подтвердило полученное известие об уходе из Екатеринодара 13 марта Кубанского Правительства и добровольцев Покровского.

Движение на Екатеринодар теряло смысл, и генерал Корнилов решил идти за Лабу и Кубань, в черкесские аулы, где рассчитывал дать Армии отдых.

В ночь на 6 марта Армия двинулась на Усть-Лабинскую переправу.

«В арьергарде шли Донские партизаны. С рассветом противник начал наседа́ть на арьергард. Партизаны рассыпались в цепь и задержались до отхода всей длинной колонны обоза. Взвод есаула Рыковского в цепи. Спокойно работает пулемет подесаула Краснова. Партизаны в порядке медленно отходят. Цепи красных увеличиваются и задерживаются. Одновременно и в авангарде завязывается бой, ибо Усть-Лабинская занята красными. Снаряды красных, ведущих бой с авангардом, рвутся частью над арьергардом. Слева замаячила красная конница, то появляясь, то исчезая в тумане. Бьются на три фронта добровольцы, в центре же громадный обоз с 500 ранеными и со всем снабжением армии. В арьергарде патроны на исходе. Нажим красных сорокинцев усиливается, и генерал Богаевский в первый раз посылает к Корнилову за помощью. Корнилов ускоряет наступление авангарда. В арьергард подвозят патроны. Снова затрещал пулемет С. Краснова.

Наконец лихим ударом авангард врывается в Усть-Лабинскую. Дорога свободна. Однако получается донесение, что к Кавказской ст. подошел и выгружается большой эшелон красных, и скоро со стороны Кавказской начинают рваться по Усть-Лабинской тяжелые 6-дюймовые снаряды. Поспешно возвращается батальон корниловцев и вместе с Офицерским полком бросается в новую сторону: удар — и здесь большевики бегут. Добровольческая Армия движется не останавливаясь на ночлег в ст. Некрасовскую. За сутки, с боем на три стороны и совершив переправу через Кубань, прошли 46 верст...»

Тяжелые бои вела Армия и в следующие дни, перейдя с боем на левый берег Лабы.

11 марта разъезд полковника Ген. Шт. Барцевича вошел в связь с Кубанскими добровольцами Покровского, и после свидания

генерала Покровского с генералом Корниловым, 14-го, в ауле Шенджия, было решено соединиться и двигаться на Екатеринодар.

15 марта Добровольческая Армия взяла Ново-Дмитриевскую. Всю ночь накануне лил дождь, продолжавшийся и утром. Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи. Люди вымокли до костей. К полудню повалил снег и задул холодный, пронизывающий ветер. Одежда обледенела, захватывало дыхание. Впереди слышалась перестрелка. Не доходя 2-х верст до станицы, движение уперлось в реку, мост на коей оказался снесенным. Переправлялись вброд, под артиллерийским огнем противника, через ледяную воду, подернувшуюся у берегов тонким слоем льда. Переправа затянулась до ночи. В голове переправился Марковский офицерский полк, подошедший уже в темноте к станице. «В такую ночь все равно замерзнем в поле», — сказал генерал Марков и кинулся с полком в станицу.

Полузамерзшие офицеры, падая, проваливаясь в снег и месиве грязи, держа в онемевших руках винтовки, бросились вперед и в темноте завязали рукопашный бой с выбегавшими из домов красными.

Станица была взята.

Утром большевики пытались отобрать ее обратно, но были отброшены.

Переход в Ново-Дмитриевскую был окрещен «Ледяным», откуда и пошло название 1-го Кубанского похода.

Через несколько дней подошли Кубанские добровольцы, и Армия была переформирована, получив наконец недостающую ей конницу и увеличив свой состав до 6000 бойцов.

Что же касается реорганизации конницы и, в частности, лейб-казаков, то произошло следующее. Еще до соединения с Кубанской Армией генерал Корнилов, ощущая большую нужду в коннице, после боя

под Кореновской, где было захвачено в плен небольшое количество лошадей, приказал посадить на них в первую очередь из рядов пехоты офицеров конных полков, поручив это сделать полковнику Гершельману. Осуществилась затаенная мечта лейб-казаков: во время дневки в станице Рязанской они получили лошадей. Конный взвод есаула Я.Ф. Рыковского, в составе всех 9 лейб-казачков и 25 кубанских казаков Брюховецкой станицы, вошел в состав конного дивизиона полковника Гершельмана.

Когда же произошло соединение с Кубанской Армией, лейб-казаки к обоюдной радости увидели среди конницы генерала Эрдели — кадр Конвоя Его Величества, — в составе которого находились: полковник Рашпиля, есаулы Ветер и Галушкин. При встрече лейб-казаки и гвардейские кубанские казаки решают соединиться вместе. генерал Корнилов пошел навстречу ходатайству полковника Рашпиля, и с его согласия была организована под командой полковника Рашпиля — в Конном отряде генерала Эрдели — Отдельная Гвардейская Казачья сотня. Состав сотни был следующим: Лейб-Казачий взвод есаула Рыковского — 2-й взвод офицеры и казаки Конвоя Его Величества, 3-й и 4-й взводы — казаки Варшавского Куб. дивизиона — всего около 100 шашек.

К сожалению, как увидим из дальнейшего, бытие этой сводной сотни оказалось кратковременным...

Соединившись с Кубанскими добровольцами Покровского, генерал Корнилов решил взять Екатеринодар... Было решено: 1) разбить отряды противника, действовавшие южнее Екатеринодара, для того чтобы обеспечить возможность переправы и уве-

личить запас боевых припасов за счет большевистских складов, 2) внезапным ударом захватить паромную переправу у Елисаветинской и 3) переправиться через Кубань и взять Екатеринодар.

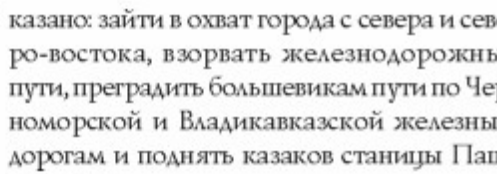
К 24 марта бригада генерала Богаевского захватила Григорьевскую и Смоленскую. В этот день генерал Марков после упорного боя занял Георге-Афипскую станицу, где был центр Закубанских красных отрядов. Конница генерала Эрдели была брошена к Елисаветинской для захвата переправы. Форсированным 90-верстным переходом конница генерала Эрдели, а в составе ее и лейб-казаки, подошла к ст. Елисаветинской и захватила переправу. За конницей подошла бригада генерала Богаевского. Быстро переправившись через Кубань и преследуя бегущих красных, конница ворвалась на западную окраину Екатеринодара, где завязала упорный бой.

Точно установить численность красных, занимавших Екатеринодар, нельзя. В «Екатеринодарских Известиях» было указано, что оборона Екатеринодара обошлась большевикам в 15 000, из коих 10 000 ранеными. Цифра эта, вероятно, преувеличена, но ранеными красными были забиты все лазареты и санитарные поезда, непрерывно шедшие на Тихорецкую.

По-видимому, численность красных нужно исчислять между 25 и 40 тысячами, при 3 броневых поездах и двух десятках орудий, имевших громадный запас снарядов.

27 марта бригада генерала Богаевского, пополненная добровольцами ст. Елисаветинской, давшей несколько сот человек, возобновила атаку Екатеринодара, но красные, забаррикадив все улицы, оказали упорное сопротивление... В это время конница генерала Эрдели совершила 100-верстный рейд в тыл противника... Ей было при-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

казано: зайти в охват города с севера и северо-востока, взорвать железнодорожные пути, преградить большевикам пути по Черноморской и Владикавказской железным дорогам и поднять казаков станицы Пашковской.

В этот же день донские партизаны и корниловцы с боем взяли прилежащие к Екатеринодару ферму и хутора.

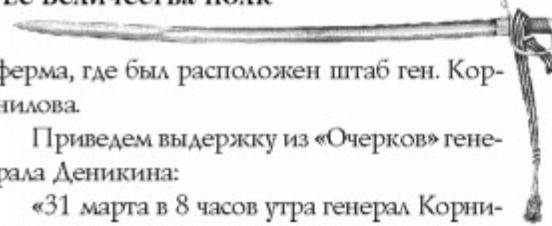
28 марта шли упорные бои за обладание Екатеринодаром: с утра красные перекрестным огнем нескольких батарей осыпали ферму и хутора, куда перешел генерал Корнилов со штабом. Встретив самое упорное сопротивление, боевые линии Добровольцев остановились и не могли продвинуться вперед — отсутствие снарядов не позволяло подготовить атаку огнем артиллерии. Только у генерала Эрдели шло дело успешно: конница его заняла Соды (северное предместье Екатеринодара), пересекла железную дорогу и направилась к Пашковской. В этом рейде участвовали и лейб-казаки.

29 марта бой не прерывался целый день. На правом фланге Добровольцы были взяли патронный завод. Красные проявляли небывалое упорство и вводили в бой все новые и новые силы.

К вечеру генералу Казановичу удалось ворваться в самый город, однако, не будучи поддержан соседями, он был вынужден отойти обратно.

30-го день прошел в перестрелке. Несмотря на понесенные громадные потери, особенно в командном составе, и несмотря на выяснившееся громадное численное и техническое превосходство противника, ген. Корнилов не отказывался от конечного штурма города, но, во внимание к крайнему утомлению войск, перенес его на 1 апреля.

31-го с утра противник открыл сильный артиллерийский огонь. Обстреливалась и

ферма, где был расположен штаб ген. Корнилова.

Приведем выдержку из «Очерков» генерала Деникина:

«31 марта в 8 часов утра генерал Корнилов был один в своей комнате на ферме. Неприятельская граната, пробив стену, взорвалась под столом, у которого сидел Корнилов. Когда генерал Казанович и адъютант Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал. Кровь сочилась из небольшой ранки в виске.

Неумолимый, беспощадный Рок сразил его и душу Армии в часы наибольшего ее напряжения.

Вначале смерть Главнокомандующего хотели скрыть от Армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась, словно по внушению. Казалось, что самый воздух напоен чем-то жутким и тревожным и что на передовых линиях уже знают, почувствовали, что свершилось роковое. Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом. В Корнилове, как в фокусе, сосредоточивалось все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца, даже самых храбрых, начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Между тем, словно таинственные флюиды перенесли дыхание скорби Добровольцев в окопы врагов, вызвав в них злорадство и смелость...» («Очерки» ген. Деникина. Т. 2. С. 298).

В командование Армией вступил генерал Деникин. В это время положение Армии в тактическом отношении ухудшилось: на фронте генерала Эрдели началось движение большой колонны красных в охват левого фланга добровольцев. генерал Эрдели бросил свою конницу в атаку... Спокойно

рассыпались сотни для атаки, вот блеснули вынутые шашки, и конница, как один человек, понеслась в атаку... Остановилась колонна красных, из пулеметов и винтовок открыла беспорядочный огонь, но это не остановило Добровольцев... Секунда — и толпы красных начали искать спасения в бегстве... На правом фланге вместе с Гвардейской сотней неслись в атаку лейб-казаки. Впереди их на белом арабе несся есаул Рыковский, немного сзади на вороном жеребце подъесаул Плева, а дальше и весь взвод... Готовая врубиться в ряды красных, Гвардейская сотня попадает во впереди лежащее болото размякшего чернозема, и лошади и всадники на несколько мгновений загрузают в нем. Видя это, уходившие уже большевики почти в упор открывают пулеметный и винтовочный огонь. Простреленный в обе ноги и грудь, падает есаул Рыковский, за ним подъесаул Плева, полковник Рашпиль, все вместе со своими лошадьми; по-видимому, один и тот же пулемет скошил всех трех вместе с их боевыми конями.

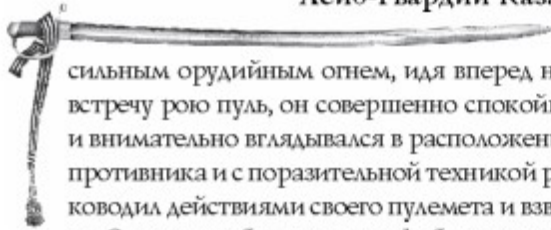
Был ранен в шею хорунжий Ляхов. Под ним, как и под подхорунжим Мигулиным и казаком Харламовым, были убиты лошади.

Несмотря на большое превосходство в силах, обходная колонна красных была разбита и в беспорядке отступила, но потери конницы генерала Эрдели были так велики, что она должна была оставить Сады и отойти к главным силам. Гвардейская сотня и взвод и взвод лейб-казаков, потеряв $\frac{3}{4}$ своих лошадей и $\frac{1}{4}$ состава своих людей, прекратили свое существование как отдельные единицы, и остаток людей вошел в состав 1-го конного полка полковника Глазенапа. Незаменимую потерю понесла семья лейб-казаков в лице есаула Якова Федоровича Рыковского и подъесаула Николая Павловича Плева, запечатлевших подвиг своей кровью.

Вот выдержки из некролога, помещенного в «Донской Волне», характеризующего Рыковского, этого доблестного офицера:

«Их было много в Корниловской Армии — этих безумно храбрых, сильных волей, громадного боевого таланта людей. Ими была жива Армия, их страшной отвагой творила она свои сказочные подвиги и благородными сердцами их она окружила себя ореолом величия и чистоты. Много их было, славных сподвижников Корнилова. Но при воспоминании о павших особенно четко вырисовывается фигура есаула Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка Якова Федоровича Рыковского. Необыкновенно крупного телосложения, богатырски сильный мышцами и нервами, с львиной головой, ярко-розовым лицом, с горящими углем сине-зелеными глазами, с сильным голосом — он, казалось, самой природой был предназначен на что-то могучее. Он командовал всего взводом спешенных казаков в отряде полковника Краснянского и только впоследствии, за несколько дней перед своей смертью, получил Гвардейский конный взвод. Но знали его все, и знали не только по крупной фигуре, но и по поразительным делам его взвода. Это был не только лично герой, своим примером увлекавший других на ратном поле, это был герой-вождь, герой-начальник, который всех своих бойцов делал героями силой своего необыкновенного авторитета и обаянием своей исключительной личности. Он знал своих людей, знал, как и когда их надо делать героями и с наименьшими потерями побеждать врага — ибо он великолепно учитывал своего противника в различные моменты боя. „С ним никогда ничего не страшно, — говорил один из людей его взвода, бывший вахмистр в его сотне в Лейб-Казачьем полку, — он всегда уверен в том, что он делает, я за ним всюду пойду“. И все другие шли за ним всюду. В бою, под

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

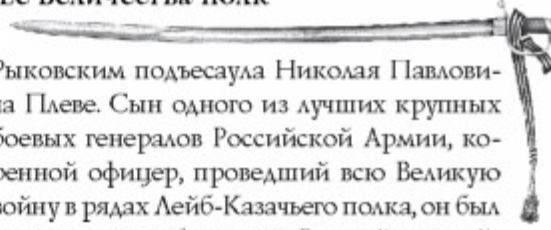
сильным орудийным огнем, идя вперед навстречу рою пуль, он совершенно спокойно и внимательно вглядывался в расположение противника и с поразительной техникой руководил действиями своего пулемета и взвода. Он горел в бою и всеми фибрами своей богато одаренной природы жил в нем... В бою у станицы Некрасовской он, выйдя далеко вперед за свои, преследующие противника, цепи, одним своим взводом гнал противника и занял хутор Горелый. Только приказание начальника заставило его отойти к своим. Приходилось часто сдерживать Рыковского его начальникам, тогда по их адресу он говорил: „Они не понимают настроение противника, он сейчас в панике, он дрожит и сейчас побежит. Ему дать надо почувствовать, что мы уже гоним его...” „Сема, Сема, вперед...” — часто он говорил своему начальнику пулемета (подъес. Краснову), и пулемет всегда был впереди. Удивительно стройно и красиво держал он в бою себя и свой взвод. В полный рост, размеренным шагом он шел в атаку, за укрытия во время атаки он не позволял заходить ни себе, ни другим, и все же потерь в его взводе почти не было.

В бою под Екатеринодаром он пылал мыслью о взятии города и, не сомневаясь, что город будет взят, рвался войти скорее.

— Нам предстоит славное дело, — сказал он перед атакой Екатеринодара. Его сердце не дрогнуло.

В последней конной атаке под Екатеринодаром он был убит». Приведенная выше статья в № 9 «Донской Волны» от 15 августа 1918 года подписана М. Нефедовым (видимо, один из соратников почившего Рыковского).

Не меньшей потерей для Лейб-Казачьего полка была и смерть убитого рядом с Я.

Рыковским подъесаула Николая Павловича Плева. Сын одного из лучших крупных боевых генералов Российской Армии, коренной офицер, прошедший всю Великую войну в рядах Лейб-Казачьего полка, он был выдающимся офицером. Ровный, спокойный в боевой обстановке, никогда и ни при каких обстоятельствах и ни при каких лишениях не терявший бодрости духа, он разительно действовал на окружающих, поднимая в них дух в трудную минуту.

Он обладал совершенно необыкновенной способностью в ориентировке: ему совершенно достаточно было пятиминутного изучения карты, чтобы на самой запутанной местности, без дорог, темной ночью, на десятки верст без ошибки определять и место стоянки, и кратчайшую дорогу к нужному пункту, не заглядывая вновь в карту.

Злому року было угодно, чтобы в те дни, когда два кадровых офицера полка пали в доблестной конной атаке под Екатеринодаром, остальные офицеры полка принимали горячее участие в борьбе за освобождение Новочеркаска, где смертью храбрых пал подъесаул Сергей Кутейников и сын и внук коренных офицеров полка вольноопределяющийся Константин Чернозубов.

Взятием Новочеркаска был заложен первый основной камень прочной базы для начала серьезной борьбы с поработившими Родину большевиками.

Однополчане при первой же возможности разыскали и вывезли тела всех трех доблестно павших лейб-казаков в Новочеркасск и похоронили здесь. Скоро к этим первым крестам прибавились новые, над новыми могилами с честно павших в бою офицеров полка.

Смерть генерала Корнилова нанесла последний удар утомленной нравственно и

физически пятидневными боями Армии, повергнув ее в отчаяние. Поэтому, ставя главной целью спасение Армии, генерал Деникин решил с наступлением темноты снять осаду Екатеринодара и быстрым маршем, большими переходами вывести Армию из-под удара Екатеринодарской группы большевиков. Ночью 31 марта Армия выступила в направлении на колонию Гначбау. Конница генерала Эрдели прикрывала отход. На заре находившиеся в обозе больной подьес. Краснов и подьес. Рыковский узнали о незаменимой потере в семье лейб-казаков. Ген. Эрдели им лично сообщил о доблестной смерти есаула Рыковского и подьесаула Плево. На просьбу обоих подьесаулов разрешить им с разездом вернуться к месту атаки и взять тела Эрдели ответил: «Нельзя, родные, смотрите» — и как бы в подтверждение его слов со стороны большевиков раздался артиллерийский выстрел, и первая шрапнель разорвалась над обозом. Быстро дошли до колонии. Здесь лейб-казаки вошли в 1-й конный полк полковника Глазенапа 3-м взводом офицерского эскадрона. Взвод принял полубольной подьесаула Краснов. Хорунжий Ляхов, братья Чекуновы, подхорунжий Мигулин и казак Харламов получили лошадей убитых офицеров 1-го конного полка.

Под вечер Армия, выдерживая нажим большевиков со стороны Екатеринодара, двумя колоннами подошла к станице Медведовской. В авангарде шла бригада Маркова, а конница генерала Эрдели была направлена севернее Медведовской, для порчи пути и отвлечения внимания противника. Шли в полной ночной тишине — вдруг раздалось несколько выстрелов, а через несколько минут со стороны станции показалась движущаяся громада бронированного поезда, медленно, с потушенными огнями надвигавшегося на Добровольцев.. Поезд

подошел вплотную. генерал Марков бросился к паровозу и бросил ручную гранату в машину, за ним кинулись марковцы. Полковник Миончинский под градом большевистских пуль подвел в упор орудие и метким огнем сбил паровоз. Несмотря на отчаянное сопротивление, бронепоезд был захвачен, а в нем артиллерийские снаряды и ружейные патроны, — все, в чем нуждалась так Армия. Боровский ворвался в станицу.

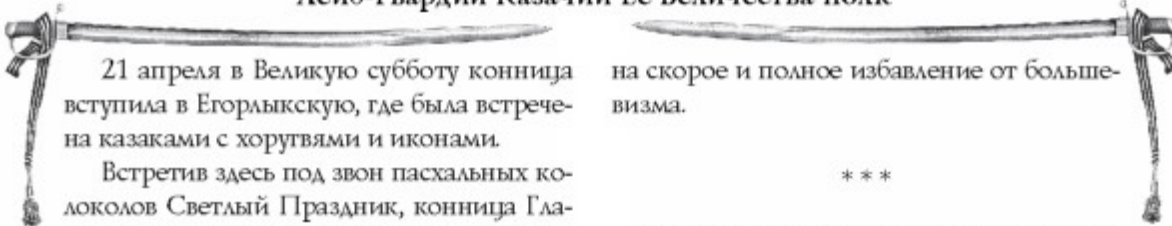
Эта победа, первая под начальством ген. Деникина, подняла дух Армии. После привала в Медведовской Армия без всякого давления противника двинулась в мирную, дружественную станицу Дядьковскую, а оттуда в пределы Ставропольской губернии.

Скоро счастье повернуло в сторону Добровольцев. Во время остановки в Ильинской пришли хорошие вести с двух сторон: Лабинский и Батапалашинский отдели прислали гонцов просить Добровольцев к себе, чтобы поднять восстание и захватить Армавир. С Дона пришли известия о поголовном восстании донцов и о захвате донской столицы — Новочеркасска. Армия воспрянула духом. В станицу Егорлыкскую был послан с разездом полковник Ген. Шт. Барцевич, который, сделав пробег в 200 верст, вернулся с сотней донских казаков и привез Радостные известия: Дон восстал, Задонские станицы ополчились поголовно, свергли большевистскую власть, восстановили командование и дисциплину и ведут отчаянную борьбу с большевиками.

Оставив отряд генерала Покровского для поднятия восстания на Кубани, Добровольческая Армия двинулась на Дон.

19 апреля полк полковника Глазенапа, в составе коего находились и лейб-казаки, был двинут прямо в Егорлыкскую станицу, а Армия двинулась на Лежанку.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

21 апреля в Великую субботу конница вступила в Егорлыкскую, где была встреча на казаками с хорутвями и иконами.

Встретив здесь под звон пасхальных колоколов Светлый Праздник, конница Глазенапа наутро двинулась в восставшую против большевиков Мечетинскую станицу. Большевики держались под самой станицей, обстреливая ее из орудий. Полк полковника Глазенапа развернулся, бывшие при нем орудия открыли огонь, и красные бежали.

На следующий день таким же порядком была очищена и Кагальницкая станица.

Казачье население тепло принимало избавителей, и радость Светлого Праздника сливалась с радостью возрождения надежда

на скорое и полное избавление от большевизма.

* * *

25 апреля, с разрешения Главнокомандующего все бывшие в составе Добровольческой Армии лейб-казаки, одновременно с генералом Богаевским, прибыли в освобожденную казаками столицу Войска Донского — Новочеркасск.

Здесь уже находились лейб-казаки, принимавшие участие в восстании и освобождении города от большевиков.

Полковая семья лейб-казаков вновь соединилась, чтобы начать работу по воссозданию старого духом родного полка.

Глава VI

ОСВОБОЖДЕНИЕ НОВОЧЕРКАССКА

Перемена в казачьих настроениях. — Взятие Новочеркасска кривянциами. — Неудача 4 апреля. — Заплавская группа полковника Денисова. — Очерк Степного похода. — Возвращение степняков на Дон. — Образование Северной и Южной групп. — Атаки Александровско-Грушевского. Взятие Новочеркасска. — Помощь Дроздовского. Общий ход восстаний на Дону. — Крут Спасения Дона

В главе IV говорилось о сдвиге в настроениях Донского Казачества по отношению к большевикам.

Интегрального большевизма в казачестве вообще не было, да и быть не могло: несмотря на громадные, повлекшие сильное обеднение казачьих краев, жертвы, им в Великую войну понесенные*, казачество с его хозяйственным, глубоко патриархальным укладом, покоящимся на прочных традициях и на относительной (в сравнении с прочим населением России) культурности, при очень малом проценте неграмотных, было органически чуждо большевизму.

Если рядовое казачество поддалось течению «нейтралитета», то только потому, что

* Казачеством было выставлено во время Великой войны 162 конных полка, 171 отдельная сотня и 24 пехих батальона при соответствующей артиллерии. (Справка: «Очерки» ген. Деникина. Том 1. Ч. 2. С. 118).

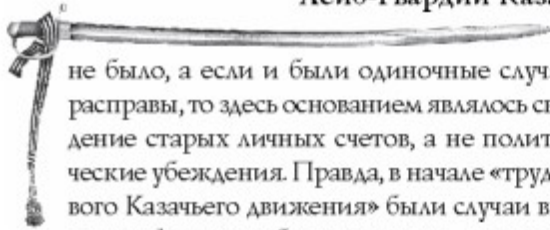
Это напряжение в отношении процента мобилизованных значительно превосходило напряжение прочих губерний России. Если же учесть, что конский состав и снаряжение были собственными и что семья выставляла часто 2 и 3 члена в строй, то коэффициент напряжения, данного казачеством относительно прочего населения России, нужно признать еще более высоким.

этим путем рассчитывало избежать борьбы и порабощения большевизмом, изверившись в способность своих правящих слоев дать тот же результат иным путем.

Именно этим следует объяснить временную полную потерю авторитета Атаманом, Кругом, казачьей интеллигенцией и казачьим офицерством. Однако если рядовое казачество от них отвернулось**, то без злобы, присущей большевизму. Массовых убийств своих офицеров казаками вообще

** Существовала тенденция объяснить этот отрыв якобы ролью, сыгранной фронтовым казачеством, привезшим с фронта Великой войны большевистские настроения, это объяснение, конечно, не верно: достаточно хотя бы указать на факт большевистского восстания в Ростове, оказавшегося возможным лишь благодаря попустительству и бездействию казаков окрестных станиц и казачьих сотен гарнизона, не из фронтовиков состоявших.

Несмотря на мужественное поведение до конца боровшегося и арестованного большевиками командующего войсками Ростова генерала Д.Н. Потоцкого (коренного лейб-казака выпуска 1900 года), восстание кончилось захватом красными Ростова. Восстание было подавлено генералом Калединым, однако Атаману пришлось прибегнуть к помощи отряда, составленного из офицеров и учащейся молодежи города Новочеркасска.

не было, а если и были одиночные случаи расправы, то здесь основанием являлось сведение старых личных счетов, а не политические убеждения. Правда, в начале «трудо-вого Казачьего движения» были случаи выдачи офицеров большевикам, но здесь играла роль не злоба к первым, а страх перед силой последних.

В дневнике большевистского комиссара Пугачевского, приставленного к Северному казачьему отряду Голубова, читаем:

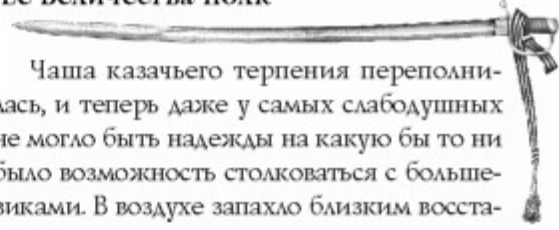
«Каким образом нам удалось взять Новочеркасск, когда полгорода настроено враждебно, трудно сказать.» («Гражданская война». Издание СССР. Т. 1. С. 401).

Эта враждебность, уже чувствуемая большевиками в первый день прихода, с течением времени усилилась, и большевики не рисковали со своими красноармейскими рабоче-крестьянскими отрядами удаляться от железной дороги и больших городов.

Казачество, раздраженное декретами, требующими коренного изменения привычного уклада жизни и полной реорганизации казачьей власти, раздражаемое поборами и советским гнетом, одновременно видело и слабость большевиков на местах.

В половине марта декретом советской власти предписывалось выдать скрывавшихся в станицах офицеров и сдать оружие, оставшееся у казаков. Декрет этот был оставлен без исполнения не только в станицах, но, как мы видели выше, даже в непосредственной близости большевистского Ростова, в Новочеркасске, где казаки не только скрывали своих офицеров, но даже следственная комиссия Ревкома, составленная из перекусавшихся в красный цвет казаков, выпускала арестованных офицеров целыми партиями на свободу.

28 марта Областным Съездом Советов в Ростове была объявлена национализация казачьих земель.

Чаша казачьего терпения переполнилась, и теперь даже у самых слабодушных не могло быть надежды на какую бы то ни было возможность столкнуться с большевиками. В воздухе запахло близким восстанием.

Красное казачество, возглавляемое Подтелковым, Смирновым, Голубовым, — вообще опорой большевикам быть не могло по причинам, кои были изложены выше. Этого еще не понимал ограниченный и туповатый Подтелков, но хорошо понимали Голубов и Смирнов. Попытка последних сыграть на два фронта привозом в Новочеркасск арестованного Голубовым М. Богаевского и устройством здесь, под предлогом суда, многолюдного митинга казаков (где Богаевский в трехчасовой горячей речи совершенно победил аудиторию, убедив в своей правоте), привела к неожиданному появлению в Новочеркасске, на заре 27 марта, красноармейского карательного отряда Антонова.

Смирнов и Голубов скрылись из Новочеркаска, за ними стали быстро разъезжаться красные казаки.

В Новочеркасске начались обыски и аресты офицеров. М. Богаевский с гауптвахты был увезен Антоновым в Ростов, где и убит.

На следующий день часть отправившегося за фуражом на Кривянку карательного отряда была там казаками разоружена и уничтожена, и в Кривянской станице стихийно вспыхнуло восстание.

На заре 1 апреля группа офицеров и казаков из ближайших станиц вошла в Новочеркасск.

Красноармейский гарнизон и карательный отряд, не оказав сопротивления, бежали на Ростов.

Все офицеры лейб-казаки, как прибывшие из Луганска, так и оставшиеся в Новочеркасске, в составе 18 человек (полковники Дьяков, Фарафонов и Оприц, есаулы Поздеев,

Чеботарев Б. и Пашков, подьесаулы Воронин, Чеботарев В., Боков, Болдырев, Кутейников С. Дубенцев Б. и герцог Лейхтербергский; сотники Кутейников П., Агафонов, Дубенцев Г.; хорунжие Греков Б. и Ефремов Н.П.) немедленно отдали себя в полное распоряжение командовавшего восставшими войсками войск старш. Фетисова и, получив на заводе Базнера винтовки и патроны, поздно вечером 3 апреля погрузились в эшелон, направлявшийся на ст. Александровскую.

Эшелоном, составом в 2—3 сотни, командовал пожилой хорунжий из вахмистров. В составе эшелона было 2—3 десятка строевых донских штаб- и обер-офицеров, но спорить не приходилось: группами командовали те, кто их привел или случайно собрал лейб-казаки влились рядовыми.

Эшелон шел без огня, в полной неизвестности, где противник.

Из разговоров между рядовыми казаками выяснилась их крайняя неуверенность в себе.

Кроме того, они полагали, что с освобождением от красных Новочеркасска их задача заканчивалась, так как дальнейшую оборону города они относили к долгу лишь казаков Черкасской станицы.

Проехав Мишкин хутор, эшелон остановился, а группа лейб-казаков под командой полк. Фарафонова, отправленная вперед, дошла до полустанка Александровка, который и заняла. Здесь подручным материалом лейб-казаки разобрали часть пути, сбросив шпалы и рельсы в воду. Не успели закончить, как показался броневик красных, уже издали начавший артиллерийский обстрел полустанка. По бокам броневика шла небольшая цепочка красноармейцев.

Пришлось бросить полустанок и отходить на отряд.

Дошли до цепи. Левый фланг волновался, что не доходит до железнодорожного

полотна и не обеспечен, почему просил оставить здесь группу лейб-казаков. Здесь остались 10 лейб-казаков во главе с полковником Оприцом, а остальные, во главе с полковником Фарафоновым присоединились к главной цепи вправо. Позади постепенно подходили станичные дружинные отряды и ложились цепями в затылок одна другой.

Все попытки хорунжего, несмотря на деятельные и энергичные усилия полковников Дьякова и Фарафонова сдвинуть залегших вперед или хотя бы частично усилить ими левый фланг, не привели ни к чему.

Ни просьбы, ни приказание не исполнялись.

Постепенно на линии первой цепи на участке, прилегающем к железной дороге, осталось лишь десятка два стрелков, из коих половина лейб-казаков, ибо остальная цепь, поддаваясь вправо, скрылась за гребнем, скрывающим ее от железной дороги.

Так как предполагалось наше наступление, то этот факт особого значения не имел, но все же для связи с оторвавшейся цепью был послан вправо урядник.

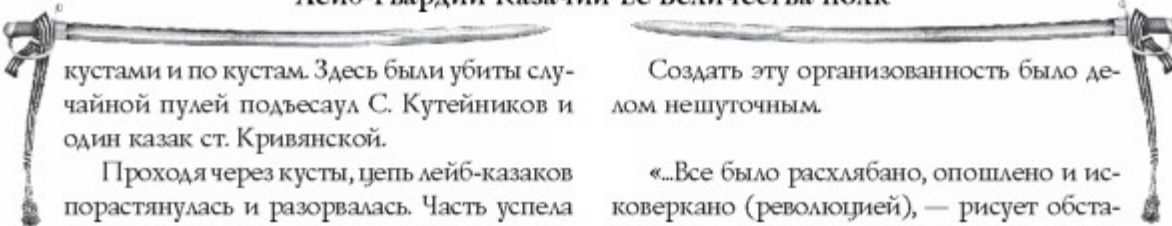
Увы, при первом разорвавшемся снаряде казачьи цепи, несмотря на усилия сорвавших голоса полковников Дьякова и Фарафонова, самовольно бросились назад, на город Новочеркасск, увлекая с собою и расположенные позади цепи резерва. С ними скрылся и посланный для связи урядник.

Небольшая цепь лейб-казаков у полотна жел. дороги, не зная об общем отходе, еще некоторое время огнем сдерживала движение броневика и красной цепи.

Наконец броневик решительно двинулся вперед, и пришлось отходить.

Пройдя версты две, цепь около хутора Мишкина вошла в сильно заросшее кустами пространство. Одновременно с кустами поравнялся и броневик, открывший огонь одним пулеметом по прогалинам между

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

кустами и по кустам. Здесь были убиты случайной пулей подъесаул С. Кутейников и один казак ст. Кривянской.

Проходя через кусты, цепь лейб-казаков порастянулась и разорвалась. Часть успела проскочить в Новочеркасск, другая же, отрезанная броневиком от станции, втянулась в город, когда он уже занимался красными, и застряла в нем.

Часть проскочивших — полковник Дьяков, полковник Фарафонов, лично вытащивший брошенный отходящими казаками пулемет, подъесаул В. Чеботарев, сотник П. Кутейников и хорунжий Н. Ефремов — отошли на Раздорскую станицу, где через 2 дня присоединились к подошедшему партизанскому отряду полковника Семилетова. Часть же — есаул Поздеев, подъес. Б. Дубенцев, хорунжий Б. Греков — отошли к станице Заплавской. Туда же из Раздор перешел полковник В.И. Фарафонов.

Позже выяснилось, что красные вели наступление и со стороны Александровско-Грушевского, причем какой-то конный казачий отряд самовольно снялся с позиции и ушел, увлекая соседей.

Обнажившийся фронт при отсутствии резерва делал невозможной оборону Новочеркаска, и вновь назначенный начальник штаба полковник Денисов, несколько задержавшись на вокзале, стянул что можно еще было спасти и с группой в 300 человек отошел на западную окраину Кривянской станицы. На утро к отошедшим присоединились казаки станиц Кривянской, Заплавской, Бесергеновской, Богаевской, и полковник Денисов приступил к организации собравшихся. Были уже сведения о восстаниях в 1-м и 2-м Донских Округах, жила надежда на партизан П. Х. Попова; почему неудача под Черкасском не получила характер катастрофы, показав лишь трудность борьбы без серьезной организации восставших.

Создать эту организованность было делом нешуточным.

«...Все было расхлябано, опошлено и исковеркано (революцией), — рисует обстановку в своих записках полковник Денисов. — Генералы забыли свое старшинство и право авторитета. Офицеры не отказывались от службы, но начальниками быть не хотели, а охотнее шли в цепь рядовыми стрелками. О погонах и знаках отличия думать пока не приходилось. О чинопочитании — забыть. Слова „приказываю“, „наказываю“ временно исключить из обихода...»

В три дня полковнику Денисову все же удалось, действуя мягко и деликатно, но настойчиво, отбросить выборное начало, поставить соответствующих назначению начальствующих лиц.

Генерал Е.И. Балабин, коренной лейб-казак (командовавший в Великую войну 12-м казачьим полком), командовал боевой линией.

Сотню Бесергеновского полка принял есаул Поздеев, производивший в свободное время занятия рассыпным строем и быстро сколотивший свою сотню.

Команду связи при штабе полк Денисова принял лейб-казак подъесаул Б. Дубенцев, а конно-саперный взвод хорунжий Б. Греков.

8-го Титовский полк красных, наступая на Кривянскую станицу, зарвался и был отброшен, потеряв своего командира полка и около 100 красноармейцев убитыми.

Победа эта была как нельзя более кстати, ибо сидение в Заплавах было не по душе казакам, видевшим численное превосходство противника и смущаемым откуда-то ползшими слухами о смерти генерала Корнилова и гибели с ним Добровольческой Армии и о якобы начавшемся распылении отряда Походного Атамана П.Х. Попова.

На следующий день, 9-го, пришла первая, уже точная весть об отряде Походного Атамана, 6-го погрузившегося в ст. Цымлянской на пароходы и двигавшегося на Раздорскую станицу.

Задонье прислало за патронами, и стало известно о восстании станиц Егорлыкской, Мечетинской и Кагальницкой. Из этого же района прибыл разъезд есаула Чеботарева, сообщивший о целостности Добровольческой Армии, несмотря на смерть генерала Корнилова, и об ее движении на Дон.

Победа и полученные сведения сильно подняли дух заплавцев*.

Оставим пока Заплавскую группу полковника Денисова и вернемся несколько назад, к отряду Походного Атамана П.Х. Попова, 12 февраля двинувшегося из Новочеркасска в Сальский округ.

14 февраля в хуторе Арпачине была дневка, и все пошедшие за Походным Атаманом и догнавшие его в пути были организованы

в отряд численностью около 2000 штыков при 40 пулеметах и 2-х батареях.

19 февраля отряд после авангардного боя (полк Семилетов) у казенного моста перешел через Маныч. 25 февраля отряд вошел в станицу Великокняжескую, где пополнял запасы. Ввиду значительного скопления красных по железной дороге, к северу и югу, не желая подвергать станицу артиллерийскому обстрелу, отряд отошел в район восточных зимовников, заняв расположение в 50 верст глубиной. Сочувственное отношение и даже помощь небольшими конными отрядами проявили калмыки станиц Граббевской и Платовской.

Красные окружили занятый степняками район мелкими бандами.

Однако борьба свелась исключительно к столкновениям небольших частей, ибо большевики не могли сосредоточить в Сальском округе сколько-нибудь значительных сил и, кроме того, по их тогдашнему состо-

* Как характерную особенность боев эпохи восстаний на Дону, нельзя не отметить резких перепадов настроений восставших — от подъема к упаду и обратно, под влиянием молниеносно распространяющихся слухов. Восприимчивость эта должна быть объяснена главным образом импровизированным характером частей, где недоверие рядового казака к офицеру и обратно, порожденное революционными переживаниями, еще не было изжито и где не могло быть прочной «сбитости», присущей дисциплинированной части, являющейся результатом предварительной более или менее продолжительной учебной подготовительной работы. Приведем несколько примеров этого непостоянства в настроениях.

Полковник Денисов в рапорте от 16/VI 5 час 25 м. Походному Атаману так доносит о боеспособности своей южной группы: «Докладываю, что вверенная мне группа совершенно небоеспособна.. Богаевский полк самовольно покинул район боевых действий и ушел в свою станицу, Кривлянский полк утомлен бессменной службой, Бесергневский и Заплавский полки в периоде начала раз-

ложения. Конница совершенно неспособна к боевой службе.»

Через день, 18 утром, южная группа полковника Денисова не только принимает атаку превосходящих сил противника, но переходит в контратаку, разбивает противника и берет с боя крупные трофеи..

18-го и 19-го генерал М.Н. Смирнов с отрядом наводил порядок в отказавшей выступать станице Семикаракорской. Несколько раньше пришлось даже разоружить дружину Кочетовской станицы. 21-го тот же генерал Смирнов с отрядом наводил порядок в непокорной Мелиховской, а 22-го в Богаевской станицах.

При наличии отмеченной выше изменчивости настроений, существование отряда степняков Походного Атамана генерала П. Х. Попова и Добровольческой Армии генерала Деникина, а затем прибытие с Румынского фронта отряда Дроздовского являлось весьма важным фактором успеха восстаний, ибо самый факт существования этих крупных отрядов являлся лучшей моральной опорой для колебавшихся.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

янию, не могли действовать, отдаляясь от железной дороги.

Некоторым исключением явились бои 20, 22 и 23-го марта, у зимовников Королькова и Степаненкова, где красные довольно значительными силами как будто хотели отрезать степняков от Дона.

Однако попытка эта успехом не увенчалась, и красные были отброшены без особых потерь для степняков, 25 марта перешедших в станицу Бурульскую.

Вообще, за время пребывания отряда П.Х. Попова в районе зимовников потери степняков ранеными и убитыми были невелики. Отряд несколько уменьшился, но это объяснялось некоторым процентом утечки наскучавшихся скитаниями по степям и ушедших в свои станицы.

С приходом в ст. Бурульскую степняки сблизилась с казачьими станицами. Здесь же было получено донесение Атамана 2-го Донского Округа о противобольшевистском восстании ряда станиц этого Округа. Первою восстала 19 марта станица Суворовская. Восстание это было поддержано станицами Н. Чирской, Есауловской, Потемкинской, Верхне-Курмолярской, Нагаевской и успешно развивалось.

Ночным переходом с 29-го на 30-е марта отряд П.Х. Попова через хутора Плетнев и Королев двинулся на север и, перейдя Дон, 2 апреля сосредоточился в станице Н. Курмолярской.

Противобольшевистское восстание распространилось уже и на 1-й Донской Округ, и ген. Попов, оставив командующим войсками 2-го Донского Округа энергичного генерала Мамонтова и поручив ему войти в связь с Усть-Медведицким и Хоперским округами, двинулся через станицу Цымянскую в 1-й Донской Округ.

В Цымянской степняки были посажены на пароход и перевезены по Дону в Ок-

ружную Константиновскую станицу, уже сбросившую коммунистическое иго.

Здесь заседал Съезд казачьих делегатов станиц Округа, избравших окружным Атаманом энергичного генерала И.П. Попова.

Пробыв в Константиновской два дня, отряд Походного Атамана ген. П.Х. Попова, усилившийся отрядами восставших станиц 1-го Донского Округа, перешел ближе к Новочеркасску, в станицу Раздорскую, куда прибыл 9 апреля.

В Раздорской станице состоялось свидание Походного Атамана с командующим восставшими казаками Черкасского Округа полковником Денисовым, на котором была принята нижеследующая организация двух центральных групп:

1-я Северная: ядро из степняков-партизан (из отрядов полковника Семилетова, Слюсарева и Яковлева), усиленное полками 1-го Донского Округа (Мелеховским, Раздорским, Нижне- и Верхне-Кундрюческим) и сводным полком есаула Климова (Константиновской станицы).

Группой командовал полковник Семилетов.

2-я Южная: из полков Новочеркасского, Кривянского, Заплавского, Бесергеновского, Богаевского, конного полка есаула Туроверова и 6-го пластунского батальона.

Группой командовал полковник Денисов.

Помимо указанных двух центральных групп самостоятельно сформировалась севернее группа полковника Быкадоровова, из казаков станиц Усть-Белокалитвенской, Усть-Быстринской, Екатерининской, Владимирской и Ермаковской. Впоследствии полковник Быкадоровов удачными боями у ст. Тащино овладел громадными запасами боевых припасов, очень ценных для успеха восстания.

Еще более к сев.-западу 15 апреля гундоровцы, митякинцы и луганцы разбили на-

голову сформировавшийся в Каменской красноармейский отряд Щаденко.

На Каменскую отходила потрепанная немцами армия Ворошилова. Ввиду недостаточности своих сил, гундоровцы послали просить помощи в город Луганск к украинцам, кои, по слухам, город заняли. Посланные вместо украинцев нашли там... немцев, кои пошли навстречу гундоровцам и выдвинули отряд на Миллерово. Совместно с этим немецким отрядом гундоровцы, мобилизовавшись до 70-летнего возраста, 19 апреля разбили армию Ворошилова, остаткам коей, однако, удалось через Чирскую прорваться на Царицын.

На крайнем юге, в Задонье, из казаков ст. Егорлыкской, Мечетинской, Хомутовской, Кагальницкой и Ольгинской уже образовалась группа ген. Семенова, опершаяся на Добровольческую Армию ген. Деникина.

Все указанные группы, как и упомянутая выше группа 2-го Донского Округа полк. Мамонтова, связались с Походным Атаманом ген. П.Х. Поповым, и таким путем был образован внушительной силы общий фронт борьбы за освобождение от большевиков Донской Области.

Согласно плану начальника штаба Походного Атамана генерала Сидорина, вопреки мнению начальника Южной группы полковника Денисова, решено было ранее атаки на Новочеркасск взять Александровск-Грушевский (сильный большевистский центр шахтного района к северу от Новочеркаска), для чего Северная группа была усилена за счет Южной двумя полками и 2 орудиями.

Атака 15 апреля на Александровск-Грушевский была вначале удачна, но Мелеховс-

кий полк неожиданно объявил нейтралитет и ушел в свою станицу, обнажив фронт. После окончания боя Раздорский полк отошел не с Северным отрядом, а самовольно за Заплавь; туда же ушел и Новочеркасский полк.

18 апреля большевики крупными силами повели наступление на Южную группу. Приняв атаку, полковник Денисов перешел в контрнаступление, и красные были разбиты наголову, оставив в казачьих руках 8 орудий, 5000 весьма ценных для восставших снарядов и 200 000 ружейных патронов.

Победа эта силою подняла дух и позволила пополнить боевые запасы не только Южной группы, но и групп полковника Семилетова и генерала Семенова. В атаке живое участие принимала и сотня Бесергневского полка под командой лейб-казака есаула Поздеева, взявшая с боя броневик «Бой» (переименованный в «Казак»), одно орудие, ящики со снарядами, винтовки и патроны.

Окрыленный успехом Южной группы, Походный Атаман генерал П.Х. Попов своей Северной группой повторил атаку на Александровск-Грушевский. Снова в начале боя был успех, но недостаток снарядов у казаков и обилие артиллерии у красных решило дело, и Северная группа отошла в исходное положение.

В этом бою из лейб-казаков был тяжело ранен в грудь навывлет подьесаул В. Чеботарев и контужен в голову есаул В.В. Кононов.

23 апреля, на второй день Светлого Праздника, Южная Заплавская группа, по личной инициативе полковника Денисова, атаковала город Новочеркасск.

Атака была начата в 3 часа утра. Красные были взяты врасплох и после короткого, хотя довольно упорного сопротивления, отошли на Ростов. Город Новочеркасск был взят.

Весь день шла очистка города от большевиков.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Полки Бесергеновский и Заплавский были двинуты на юг к хутору Мишкину, дабы прикрыть Ростовское направление. В том же направлении были двинуты конные сотни есаула Туроверова.

Лучшие полки Южной группы, Новочеркасский и Кривянский, оказавшиеся на Светлый Праздник в своем районе, разошлись в короткий отпуск по домам, и северное направление были прикрыты слабым Богаевским полком.

По диспозиции северное направление должно было быть прикрыто Северной группой, которая, оставив заслоны на Александровск-Грушевский, должна была уже к утру 23-го перейти в район станиц Мелеховской и Бесергеновской. Группа эта, однако, выступила из Раздорской лишь 25-го. Между тем, утром 25-го значительные силы красных (коих немцы гнали от Миллерова), начали наступать с севера от Персиановки на предместье Новочеркасска Хутунок, отделенный от города рекой Аксаем.

Богаевский полк и 6-й пластунский батальон отошли на Запавы, минуя Новочеркасск, и город оказался прикрытым лишь 6-ю орудиями, поставленными у Троицкой церкви (обслуживаемыми офицерами), и сборным, еще недостаточно сплоченным отрядом из наспех мобилизованных жителей Новочеркасска.

Резервов не было, как и не было времени их собрать. В Черкасске поднялась паника.

Подъехал мотоциклист офицер из пришедшего на Дон походом с Румынского фронта офицерского отряда полковника Дроздовского*. Полковник Дроздовский,

* При крушении фронта Великой войны на Румынском фронте нашелся начальник дивизии (командующий 14-й пехотной дивизией), полковник Дроздовский, не только начавший формирование добровольческих частей (преимущественно из офицеров) для движения на Дон, но продолжав-

связавшийся с Походным Атаманом ген. Поповым, по просьбе последнего выслал вперед свои две конно-горные батареи. Обе батареи стали на позицию у скакового круга и открыли огонь во фланг красных. Наступление красных приостановилось.

Через некоторое время появился и броневик «Верный» отряда Дроздовского. Полковник В.И. Фарафонов, участник боя на Хутунке, так описывает появление броневика: «Я видел, как приехал полковник Дроздовский, как вскоре за ним появился броневик, остановился около своего начальника, открылась дверь, и оттуда вышел, как сказочный принц, подтянутый офицер, в погонах, белых перчатках, отдавая честь начальнику, замер недвижно. Полковник Дроздовский отдал короткий приказ въехать в цепь красных, не щадя ни себя, ни машины. Офицер отчетливо повернулся, дверца за ним закрылась, и я

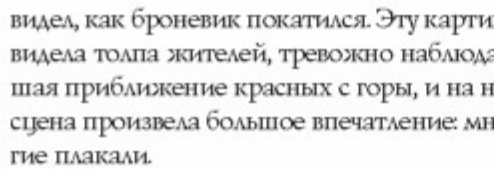
ший это дело даже после коренного изменения обстановки в Румынии.

23 февраля отряд полковника Дроздовского походным порядком двинулся на Дон и прибыл, преодолев тысячу трудностей, на 61-й день похода, в Новочеркасск. Интересен приказ полк. Дроздовского, отданный по случаю прибытия в Новочеркасск:

«...Теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней, все сетования и запутывания окружавших вас малодушных. Пусть же послужит вам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела.

Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело цели и стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славу и гибель позорному отказу от борьбы, другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру...»

Этот красочный приказ, так ярко рисующий самые ценные и светлые стороны Белой борьбы, генерал Дроздовский впоследствии скрепил своей кровью, с честью пав в бою.

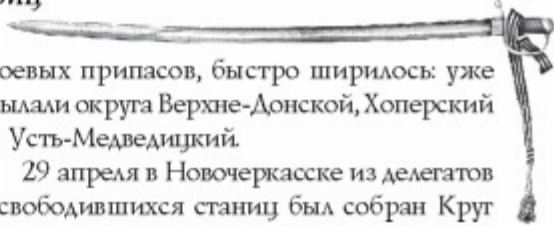
видел, как броневик покатился. Эту картину видела толпа жителей, тревожно наблюдавшая приближение красных с горы, и на нее сцена произвела большое впечатление: многие плакали.

С горы ясно было видно, как броневик врезался в цепи красных и открыл огонь, и как красные бросились уходить. Теперь мы снова перешли в наступление...» Кризис миновал. Одновременно на горизонте показались лава и цепи пехоты, переброшенной полковником Семилетовым на подводах. То подошли части Северного отряда Походного Атамана генерала П.Х. Попова, врезавшиеся во фланг красных и обративших отход их в паническое бегство. Новочеркасск на этот раз был занят прочно.

В бою на Хутунке пулей в грудь, исполняя обязанности ординарца полковника Денисова, был убит лейб-казак, вольноопределяющийся Константин Чернозубов — внук и сын коренных офицеров А.-Гв. Казачьего Е.В. полка.

На следующий день конные сотни есаула Туроверова вошли в Ростов, оставленный красными. Одновременно с казаками, но со стороны Таганрога, в Ростов входили части 1-го Армейского корпуса Германской армии.

Пламя Казачьего восстания, со взятием Новочеркаска и громадных там складов

боевых припасов, быстро ширилось: уже пылали округа Верхне-Донской, Хоперский и Усть-Медведицкий.

29 апреля в Новочеркасске из делегатов освобожденных станиц был собран Круг Спасения Дона, и через пять дней Донским Атаманом был почти единогласно выбран генерал-майор Петр Николаевич Краснов.

Соединились вновь в Новочеркасске лейб-казаки Ледяного и Степного походов с однополчанами, участниками восстаний. За три первых месяца 1918 года большие потери понес офицерский состав: расстреляны большевиками — бывший командир полка генерал Ив. Дав. Орлов, бывший офицер полка есаул Евг. Ник. Попов. Убиты под Новочеркасском и в городе — бывший офицер полка есаул П.Н. Карпов, офицер строевого состава полка подьесаул Ю. Персидский и М. Чеботарев, убит в бою на хуторе Мишкине подьесаул С. Кутейников, убит в бою под Хутунком вольноопределяющийся К. Чернозубов. В конной атаке под Екатеринодаром убиты есаул Я. Рыковский и подьесаул Н.П. Плева. Вернулись ранеными: подьесаул В. Чеботарев, хорунжий Н. Ляхов. Контужены в Степном походе есаул Кононов и в Ледяном хорунжий Г. Чекунов.

Глава VII

АТАМАНСТВО ГЕНЕРАЛА П.Н. КРАСНОВА

Избрание Атаманом генерала Краснова. — Общий характер Донской Армии. — Постоянная Донская Армия. — Возрождение Л.-Гв. Казачьего полка. — Работа офицеров. — Парад и конный праздник в Персиановке. — Переход в Ростов. Полковой праздник. — Приемы делегации союзников. — Изменения в общей обстановке. Уход и проводы генерала П.Н. Краснова.

Как было сказано выше, делегаты освобожденных станиц Донской Области, составив Круг Спасения Дона, избрали Донским Атаманом генерала П.Н. Краснова, впоследствии переизбранного в Атаманы и Большим Войсковым Кругом.

Ген. Краснов согласился принять должность лишь после того, как были утверждены Кругом внесенные им на рассмотрение Основные Законы, коими вся власть на Дону передавалась Донскому Атаману.

«..Творчество, — сказал генерал Краснов, — не дело коллектива.

Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников...»

Донского Атамана ждала большая созидательная работа.

Дон кипел восстаниями, постепенно очищаясь от большевиков. Армия восставших донцов состояла из полков станичной — дружинной организации: полки возникали по постановлению станицы, комплектовались станичниками и обычно даже и кормились станицей.

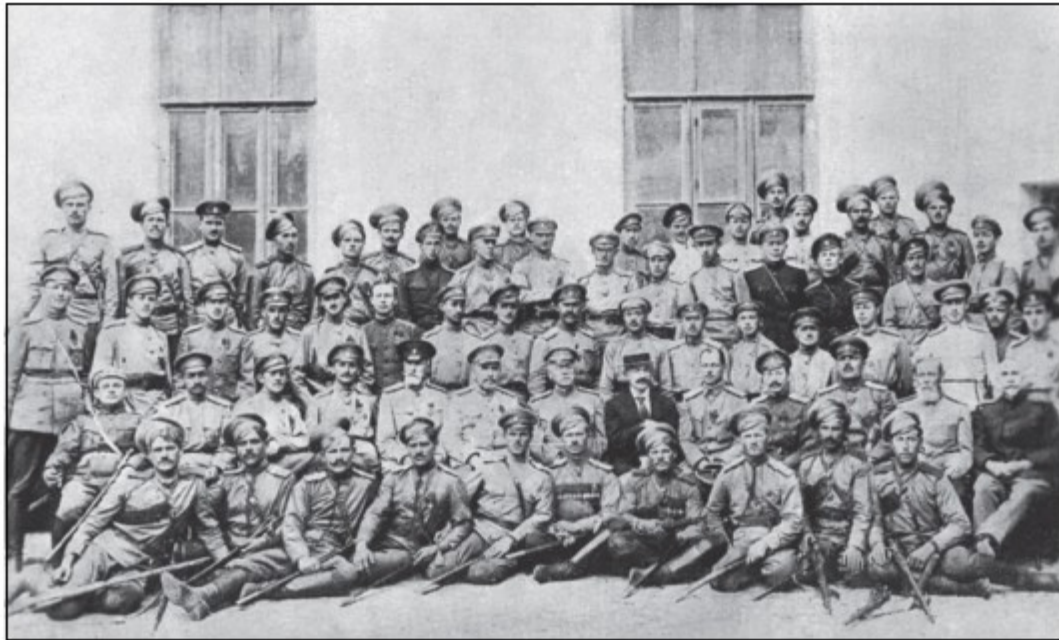
Дружинный характер организации предопределял и силу, и слабость Донских полков: силу — ибо возникновение их по почину снизу обеспечивало им глубоко народный характер, что в те времена, когда «приказ» властей имел еще условное значение, являлось особенно важным.

Слабость — ибо полки были связаны своим районом, и использование их в каком-либо другом было затруднительным.

Мы видели выше, отмечая настроение казаков перед боем 4 апреля у Мишкина хутора, как пагубно отразилась на успехе дела «местная» тенденция освободивших Новочеркасск казаков ближайших станиц.

Мы видели далее, в боях за Новочеркасск, отдельные, недружные и разновременные действия Северной и Южной групп.

Причиной этой несогласованности действий здесь явилось по обстоятельству, что Северная группа была составлена (кроме партизан) из полков 1-го Донского Округа, более заинтересованных Александровско-Грушевским направлением, как угрожавшим их станицам, тогда когда Южная группа полковника Денисова, составленная ка-

Группа коренных офицеров, вахмистров и урядников Лейб-Гвардии Казачьего полка, вошедших в состав молодого полка, вместе со своими старыми командирами и офицерскими делегациями от полков 1-й Донской конной дивизии, снятая в июне 1918 года во дворе Донского музея в городе Новочеркасске

заками Черкасского Округа, естественно, тянула на Новочеркасск.

Генерал Краснов говорит*, что в июне «в некоторых казачьих частях были митинги и выносились резолюции, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границ. Эти случаи заставляли поспешить с постепенным уничтожением станичных дружин с заменой их номерными полками», ибо, как правильно отмечает полковник Добрынин**, «нежелание борцов отрываться от своих районов в известной мере объясняет как бы кордонную систему ведения операции, т.е. разбро-

санности частей по всему фронту при отсутствии резервов...»

О невыгоде такого рода ведения операции говорить не приходится, и поэтому генерал Краснов, большим напряжением преодолевая много трудностей, в том числе самолюбия и честолюбия выдвинувшихся в процессе восстаний начальствующих лиц, приступил к реформированию армии.

Ему удалось уже в июне свести 14 самостоятельных отрядов в 6 сильных групп, а в августе свести эти группы в 4 корпуса, поставленных на четырех фронтах.

По условиям общей обстановки больших результатов достичь нельзя было, почему и после реформы все же полки сохранили свой характер относительной импровизации. Учитывая это обстоятельство, генерал Краснов немедленно же по вступ-

* Ген. П.Н. Краснов. «Всевеликое Войско Донское». С. 232.

** Полк. Добрынин. «Вооруженная борьба Дона с большевиками». «Донская Летопись», № 1. С. 106.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

лени в должность Атамана приступил к формированию и обучению постоянной Донской Армии в составе 3-х конных дивизий, 1-й пластунской бригады, 1-й стрелковой бригады, с соответственным количеством артиллерии и технических войск — все по штатам старой Российской Армии.

Часть Постоянной Армии имела и специальную цель. Уже в своей первой программной речи на Большом Войсковом Круту генерал Краснов сказал: «Россию не спасут ни немцы, ни англичане, ни американцы... Россию спасет сама Россия. Спасут Россию ее казаки... и только тогда будет закончен страшный крестный путь казачества...» Выше мы видели возникновение трудностей даже при переводе бойцов из их округа в другой, для преодоления коих потребовалось немало труда и напряжения.

Еще большего труда, а главное времени, потребовалось бы для усвоения казаками мысли о необходимости движения вперед, за пределы области. Пока казаки видели русское крестьянство еще не разочарованным в надежде на благодать большевизма, пока видели неокрепшее положение собственного края, двинуть их вперед, за границу Войска, не представлялось возможным.

Между тем обстановка могла срочно потребовать этого выдвижения.

«...Донской Атаман, — пишет генерал Краснов*, — решил идти с казаками спасать Россию не на словах только, а на деле. Он готовил и берет для этого особый 30-тысячный корпус молодых казаков; 1-я Донская дивизия — 5000 шашек, 12 конных орудий, 1-я пластунская бригада — 8000 штыков, 8 полевых и 4 тяжелых орудия, 1-я стрелковая бригада, 8 полевых орудий и 4 мортиры, 1-й саперный батальон — 1000 штыков, техни-

ческие войска, броневые поезда, броневые машины, аэропланы. должны были идти на Москву. Атаман знал, — добавляет генерал Краснов, — что эти-то казаки пойдут. а за ними пойдет еще столько же...»

В основу формирования Постоянной Армии были заложены следующие положения:

Части комплектовались в тыловом районе молодыми и необученными казаками призыва 18 и 19 годов, еще не служившими, а потому не затронутыми революционными новшествами.

Обучение и служба частей велась строго на основании уставов старой Российской Армии, без изменений революционного времени.

Обмундирование, вооружение и конский состав должны были быть казенными, от Войска.

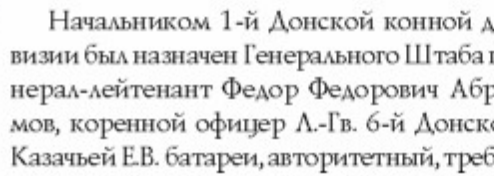
Штат конного полка в 6 сотен, пулеметной команды и команды связи состоял:

Людей	1326, из коих строевых 1061, нестроевых 265
Лошадей	1223, из коих строевых 1061, обозных 162
Винтовок	981
Шашек	1326
Пулеметов	6

Урядничий состав первоначально состоял из старых казаков, по выбору командиров полков, а впоследствии должен был быть укомплектован выпусками урядников из молодых казаков, командированных из строя и обученных в специально для этого созданном Учебном полку.

Офицерский состав подбирался начальниками дивизий, причем для 1-го и 2-го полков офицерский состав коих составили лейб-казаки и атаманы, была сохранена традиция предварительной баллотировки кандидата собранием гг. офицеров полка.

* Ген. П.Н. Краснов. «Все великое Войско Донское». С. 222.

Начальником 1-й Донской конной дивизии был назначен Генерального Штаба генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов, коренной офицер А.-Гв. 6-й Донской Казачьей Е.В. батареи, авторитетный, требовательный и знающий в совершенстве строевое дело начальник.

Командиром бригады был последний командир Гвардейской Казачьей бригады, коренной атаманец генерал-майор Тимофей Васильевич Михайлов.

Командиром 1-го полка был последний командовавший А.-Гв. Казачьим полком полковник Василий Аврамьевич Дьяков.

Обращаясь к офицерскому составу молодого полка, отметим, что он в основе был образован офицерами старого А.-Гв. Казачьего полка.

Кроме 33 офицеров старого состава, в течение лета 1918 года было вновь зачислено, а также прикомандировано 24 новых молодых офицера.

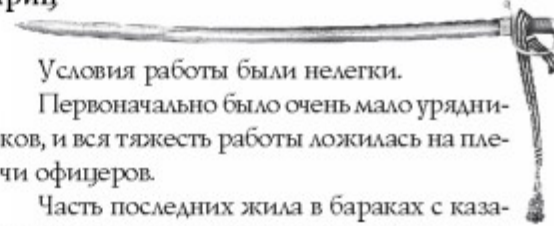
Из этого числа в течение 1918 года покинуло полк 5 офицеров старого состава и 2 молодого, и, таким образом, к концу 1918 года в полку состояло 50 штаб- и обер-офицеров.

Справка: Полный список гг. офицеров 1918 года помещен в конце главы.

К формированию полка было приступлено в конце мая, в Артиллерийских казармах города Новочеркаска, куда и прибыли мобилизованные казаки Черкасского и Донского округов.

Одновременно с организационной работой по налаживанию довольствия людей и лошадей, деятельности полковой и сотенной канцелярий, по организации сапожной, швальной, шорной и оружейной мастерских было приступлено к обучению казаков.

Условия работы были нелегки.

Первоначально было очень мало урядников, и вся тяжесть работы ложилась на плечи офицеров.

Часть последних жила в бараках с казаками, причем за недостатком урядников даже листы наряда велись офицерами.

Казаки в расчете на казенное снаряжение приходили очень плохо одетыми, частью без сапог. Интендантство же, как и полковые мастерские, находились в стадии зарождения и ничего не имели.

В казармах были размещены другие части, и было очень тесно.

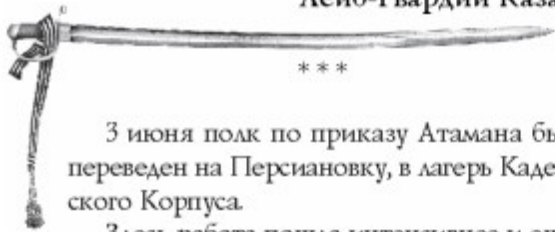
Большевизм в части населения города еще не был изжит, и среди казаков велась агитация.

Молодые казаки 18 и 19 годов, почти юноши, отличались крайней впечатлительностью, почему первое время не обходилось без беспорядков. Как пример, приведем случай паники, охватившей казаков в первые недели бытия молодого полка.

Какой-то казак упал ночью в обморок. Под влиянием каких-то посторонних лиц в казармах распространились слухи, что якобы пущены ядовитые газы, что началась чума или холера, что в такой-то сотне уже умерло столько-то казаков и что надо уходить скорее по домам. В результате некоторая часть казаков разбежалась. Остальные были остановлены и успокоены подошедшими офицерами. На утро вернулись и разбежавшиеся. Виновные в подстрекательстве были строго наказаны, и все успокоилось.

Были и другие попытки, под влиянием агитации извне, поднять беспорядки, но они пресекались в зародыше, виновные отдавались суду и несли строгое наказание, и вскоре дисциплина окрепла настолько, что в дальнейшем не было более и попыток к какому-либо неповиновению.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

3 июня полк по приказу Атамана был переведен на Персиановку, в лагерь Кадетского Корпуса.

Здесь работа пошла интенсивнее и еще успешнее.

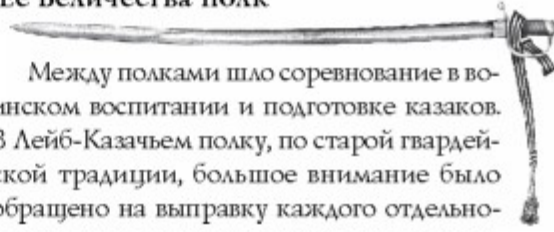
Полк постепенно оделся. Заработали интендантство и полковые мастерские. Приказом Атамана была установлена справедливая плата за полученное из дома обмундирование, белье и сапоги, что увеличило поступление из дома.

Из станицы Каменской были привезены уцелевшие от большевистского разгрома старые запасы полка, в числе коих сохранилось 1000 мундиров, 1000 пар погон, обозная упряжь, пулеметные выюки, большой запас седел и седельных принадлежностей, инструменты мастерских, пики и иное весьма пригодившееся имущество.

Из этого же запаса был привезен полный хор труб, после чего в полк были зачислены опытный старый капельмейстер Плацатка и ряд старых полковых трубачей, образовавших отличный хор.

Пища в полку была сытная и отличных вкуса и качества. По старой полковой традиции, между сотенными командирами шло соревнование в качестве пищи. Продукты, очень доброкачественные, поставлялись интендантством весьма исправно.

Строевые занятия шли интенсивно, под непосредственным наблюдением и руководством начальника дивизии генерала Абрамова, ежедневно обходившего полки.

Между полками шло соревнование в воинском воспитании и подготовке казаков. В Лейб-Казачьем полку, по старой гвардейской традиции, большое внимание было обращено на выправку каждого отдельного рядового, и скоро полк выделился в дивизии отчетливостью своих казаков.

Относительно быстро казаки усвоили все тонкости пешего строя.

Сложнее обстояло дело с конными занятиями.

Сказался недостаток лошадей, коих должно было поставить Задонское коневодство. Сильно разоренное во время смуты и Гражданской войны, последнее не смогло сразу справиться с задачей, и первое время в каждой сотне имелось лошадей лишь на один конный взвод.

Приказом Атамана была установлена выплата стоимости приводимого из дома казаком коня, и этой мерой количество лошадей сильно увеличилось. Все же, несмотря на все усилия, количество лошадей, вместе с полученными из Задонья, не превышало 50 процентов штата, и половина состава полков 1-й дивизии осталась спешенной.

Лошади, поступившие из Задонья, были прекрасных качеств, рослые, хороших кровей, но поступали в полк 3-летками, почему приходилось одновременно обучать всадника и подвезжать лошадь.

Все же к сентябрю лейб-казаки прошли курс сменной езды и владения оружием с коня, прошли взводное учение и проделали несколько сотенных учений.

Особое внимание было обращено на воспитание казака в духе старых воинских традиций и уставов, и в полку был установлен такой же твердый внутренний порядок, как и в дореволюционное время. Отношение к

рядовому казаку было строгое, без поблажек по службе, но и одновременно попечительное до высшего предела, в смысле забот об улучшении условий жизни и питания подчиненных.

Взыскания налагались по старому уставу, причем арест был заменен постановкой в боевую.

В таком же духе велось дело и в соседнем 2-м полку, офицерский состав коего был Л-Гв. Атаманского полка.

Революционная распушенность настолько вошла в нравы общества, что нашлись крути в Новочеркасске, осуждавшие внутренний порядок в бригаде.

Характерен нижеследующий случай:

Полк с июня нес караул в Новочеркасске, причем караульная служба, как имеющая большое воспитательное значение, была у лейб-казаков поставлена образцово, строго по петербургскому образцу.

Однажды в кулуарах Круга к часовому лейб-казаку подошел какой-то депутат и спросил, правда ли, что казакам в Постоянной Армии из-за строгости начальства тяжело живется. Часовой коротко ответил, что он часовой, не может разговаривать, и предложил члену Круга отойти.

«Действительно, теперь я сам вижу, — сказал обиженный избранник народа, — что вас учат только ногами топтать да руками махать, а не разговаривать с людьми...» Об этом разговоре часовой доложил командиру сотни.

Во 2-й полк однажды была послана Кругом небольшая комиссия проверить слухи об якобы излишней строгости строевого начальства.

Только энергичной поддержкой Атамана генерала Краснова и начальника дивизии генерала Абрамова попытки пережитками революционного периода ослабить порядок в частях были отбиты.

Тем большим удовлетворением для Гвардейской Казачьей бригады явился парад 26 (ст. ст.) августа, где Атаман представил Большому Войсковому Кругу всю молодую Постоянную Армию.

Уже 16 (ст. ст.) августа съехавшиеся в Новочеркасск члены Круга видели после молебна, на площади Войскового собора, сборные сотни, высланные от всех частей Постоянной Армии.

Несмотря на короткий срок обучения, сотни имели вид хорошо дисциплинированных частей подлинной Армии. Они блистали, конечно, не «революционной дисциплиной» времен Керенского, как и не дисциплиной Добровольческих частей, хотя и носившей облик трогательной идейной жертвенности, но имевшей своеобразный характер*, а дисциплиной подлинной, служившей показателем прочного внутреннего порядка, основанного на твердом законе — воинском уставе.

Если «дисциплинированность» времен Керенского свидетельствовала о полной слабости революционной армии, если дисциплина Добровольческих частей свидетельствовала о легшем невольном в основу стро-

* Ген. П.Н. Краснов. «В.В. Донское». С. 204: «...В Добр. Армии была дисциплина новая, упрощенная... часто офицерски распушенная.»

Ген. Деникин. «Очерки». Том III, гл. XVIII. «...Принцип Добровольчества — привлекая в Армию элементы стойкие и мужественные, вместе с тем создавал некоторые своеобразные формы дисциплины, не укладывавшиеся в рамки старых уставов.»

А.А. Суворин. «Поход Корнилова». С. 108: «...О Добровольческой Армии всегда можно сказать — доблести много, дисциплины мало...» «Без устава все разговоры о дисциплине останутся только разговорами.»

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

ительства Добровольческой Армии начале импровизации, то дисциплинированность впервые увиденных членами Круга частей Постоянной Донской Армии говорила о торжестве начала прочной организации, сторонником коего и талантливым представителем являлся генерал П.Н. Краснов.

Круг понимал, что война затягивается, и чувствовал, что импровизационным строительством не победить, а поэтому и первая крупная организационная задача генерала Краснова была воспринята горячо. Круг постановил отдать приказ по Войску, в котором говорилось:

«Донские орлята! Слезы гордости и бесконечной радости блестели у ваших дедов и отцов, когда вы стройными и мощными колоннами проходили мимо войсковых регалий и старых боевых знамен — немых свидетелей былых подвигов и славы казачьей...

...Только 2 1/2 месяца прошло, как вы слетелись на службу Тихому Дону... но успела вырасти из вас молодая и сильная Армия...»

26 (ст. ст.) августа предстояло показать членам Круга уже всю Постоянную Армию, и на Персиановском поле выстроилось 7 батальонов, 33 сотни спешенных казаков, 6 батарей, 16 конных сотен, одна мортирная батарея и 5 аэропланов.

«...Былая славная Армия 1914 года, — пишет генерал Краснов*, — возродилась в лице этих бравых юношей, отлично кормленных, развитых гимнастикой, прекрасно выправленных, бодро маршировавших в новой, щегольски пригнанной одежде...»

После прохождения частей кто-то из членов Круга сказал, что великолепное прохождение церемониальным маршем еще

* Ген. П.Н. Краснов. «В.В. Донское». С. 228.

не показывает готовности к бою, и генерал Краснов, вызвав 1-ю конную сотню лейб-казаков и 3-й стрелковый батальон (укомплектованный донскими крестьянами), приказал показать конное и пешее учение.

Как то, так и другое были показаны великолепно, и члены Круга пришли в восторг. Председатель Круга Харламов произнес перед строем приветственную речь, в которой говорилось:

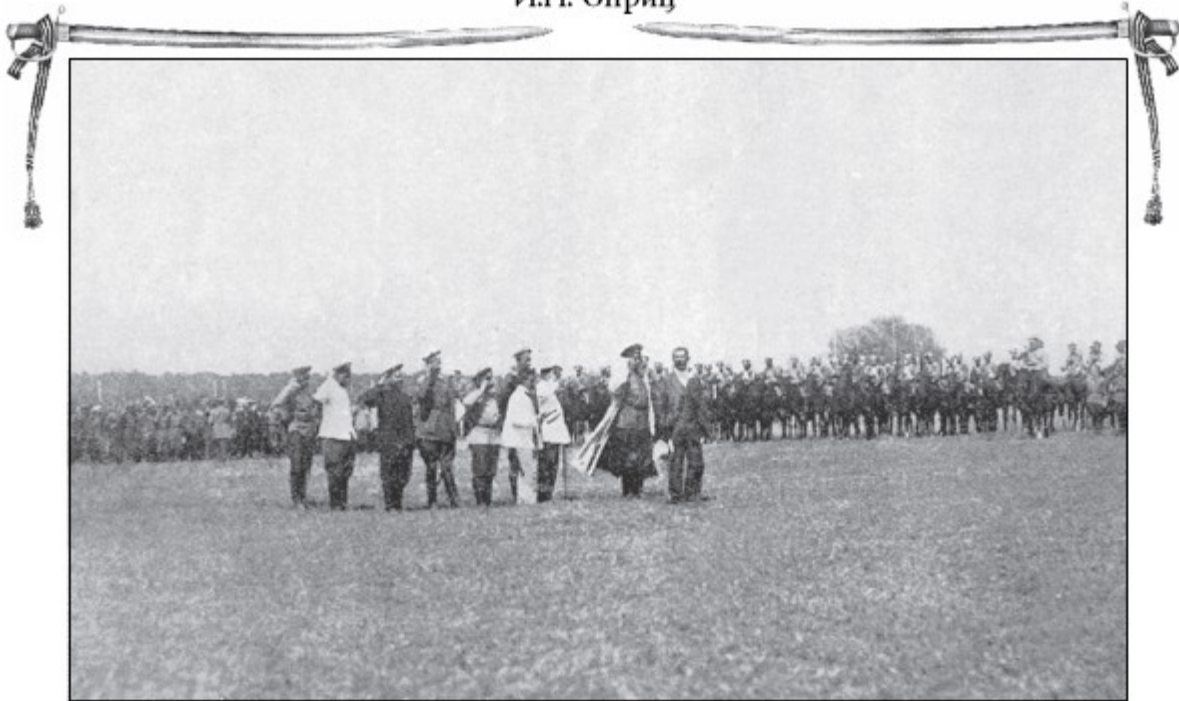
«...Армия сильна железной дисциплиной, революционной дисциплины нет, а есть одна дисциплина, требующая точного, неуклонного, безоговорочного и немедленно исполнения приказаний начальника... Армия сильна, когда она не занимается политикой... Армия сильна, когда она едидушна и составляет одну семью, проникнутую духом чести и рыцарства... Убежден, что такую сильную Армию Большой Войсковой Круг видит в вас... Донские орлы, Донской Круг гордится своей Армией...»

Объявляю постановление Круга о производстве генерала П.Н. Краснова в генералы от кавалерии...»

Успех смотра подготовил почву в Круге для возбуждения вопроса о восстановлении наименований исторических Донских полков. Вопрос этот был решен Кругом 3 сентября, а 4-го был отдан нижеследующий приказ:

Приказ Всевеликому Войску Донскому, № 391, 4 сентября 1918 года, Новочеркасск.

«Согласно с постановлением Большого Войскового Круга, в 3-й день сего сентября состоявшегося, в увековечение доблести и воинской славы казачьих полков, победами и кровью заслуживших себе Георгиевские штандарты и знамена, и дабы история под-

Речь Председателя Большого Войскового Круга В.А. Харламова
на смотре постоянной молодой Донской армии 26 августа 1918 года

вигов их, передаваемая из рода в род, от отца к сыну, запечатлевала в сердцах казачьих былую мощь казачью и удаль, и благородство, и красоту воинских подвигов, кои хранились в заветах предков, в их старых обычаях, в полковых маршах и почитании святых, покровителей полков, преемственно благословлявших полки на подвиги; сохраняя в неприкосновенности полное равенство в чинах и окладах содержания и не давая никаких преимуществ по службе, предписываю:

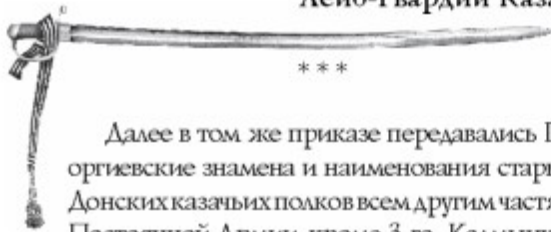
1-му Донскому Казачьему и 2-му Донскому Казачьему полкам, как составленным из казаков Черкасского и 1-го Донского округов, — самых старинных казачьих станиц низовой вольницы Донской, приять отныне и впредь наименование, боевые Георгиевские штандарты, бунчук и знамена, серебряные трубы, отличия на шапки и боевые марши, историю и дни полковых праздников:

1-му Донскому Казачьему полку — Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка и именоваться впредь Л.-Гв. Казачьим полком.

2-му Донскому Казачьему полку — Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка и именоваться впредь — Л.-Гв. Атаманским полком.

6-й Донской Казачьей батарее — формируемой из казаков Хоперского, Усть-Медведицкого и Верхне-Донского Округов старейших казачьих поселений по Хопру, Медведице и Бузулуку старинной верховой вольницы казачьей, приять наименование, серебряные Георгиевские трубы, историю и марш Гвардейской Конной Артиллерии Л.-Гв. 6 Донской, Казачьей Его Величества батареи и именоваться впредь Л.-Гв. 6-й Донской батареей...»

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Далее в том же приказе передавались Георгиевские знамена и наименования старых Донских казачьих полков всем другим частям Постоянной Армии, кроме 3-го Калмыцкого, укомплектованного калмыками, полка, получившего особое знамя, калмыками ему поднесенное, и сохранившая наименование Калмыцкого, и 3-го и 4-го стрелковых полков, укомплектованных донскими крестьянами. (Примечание: в 3-й стрелковый полк влились офицеры Л.-Гв. Финляндского и Л.-Гв. Измайловского полков. К 26 ноября в полк было доставлено знамя Л.-Гв. Финляндского полка, и 3-й полк приказом Донского Атамана был переименован в Лейб-Гвардии Финляндский).

8 сентября (ст. ст.) в Л.-Гв. Казачьем полку, на Персиановке, был устроен конный праздник.

Плац, находящийся между рожей и питомником, был убран зеленью и приведен в праздничный вид. Для гостей — устроена трибуна. У рожи был организован офицерами открытый буфет для приглашенных.

В 2 часа подошел специальный поезд из Новочеркасска, заполненный гостями. Прибыли: Донской Атаман с супругой, некоторые члены Круга, Командующий Армией, начальствующие лица, представители воинских частей и учреждений и много представителей и представительниц новочеркасского общества.

Прибывшие заняли трибуну, а напротив, по другую сторону спортивной дорожки, широко разместились казаки и казачки, родственники казаков полка, съехавшиеся из ближайших станиц.

Было показано: 1) преодоление офицерами полка на собственных и казенных

лошадях многочисленных и разнообразных препятствий, высотой не менее 1 % аршин.

2) Сокольская гимнастика в составе сотни казаков с винтовками, под оркестр.

3) Вольная гимнастика казаков.

4) Гимнастика офицеров на снарядах.

5) Рубка шашкой и уколы пикой офицеров и казаков. Предполагалась джигитовка офицеров, но генерал Краснов категорически воспротивился, сказав: «Офицеров у меня мало, и не могу ими рисковать, так как они мне нужны для более серьезного дела».

Хорошая организованность и блестящий результат праздника произвели глубокое впечатление на присутствующих.

Было наглядно показано, что можно сделать в 2—3-месячный срок из сырого необученного казака в условиях правильно организованной работы хорошего офицерского состава, спаянного любовью к своему полку.

Лестно и горячо отозвались о всем виденном приглашенные генералом Красновым представители германского командования.

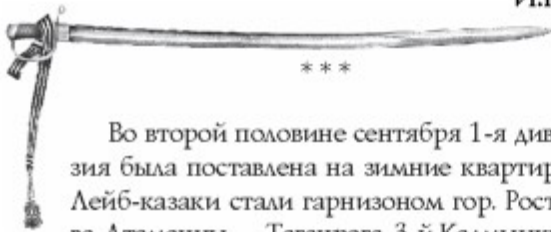
Большое удовлетворение дала офицерам полка похвала присутствовавших на празднике, одной с лейб-казаками школы Гвардейского корпуса, офицеров Л.-Гв. Финляндского полка, пришедших в восторг от порядка выхода на сокольскую гимнастику 1-й сотни полка, державшей равнение и ногу, как учебная команда старого времени.

Еще большее удовлетворение дал как всегда немногословный приказ по 1-й дивизии обычно не щедрого на похвалу генерала Абрамова:

«Лейб-Гвардии Казачий полк устроил конный праздник.

Красивый был праздник.

Благодарю гг. офицеров за старание и работу».

Во второй половине сентября 1-я дивизия была поставлена на зимние квартиры. Лейб-казаки стали гарнизоном гор. Ростова. Атаманы — Таганрога, 3-й Калмыцкий полк — Александровска-Грушевского и 4-й Донской — Новочеркаска.

К 29 сентября лейб-казаки сосредоточились в казармах 136-го Таганрогского полка в гор. Ростове. Первое время было тесновато, ибо в тех же казармах размещался батальон германской пехоты, отношения с коим, однако, были обоюдно корректны. С уходом германцев, в ноябре, полк занял все помещения казарм и разместился достаточно хорошо и просторно.

К тому же времени Инженерное Ведомство пристроило три деревянных конюшни на 200 лошадей каждая.

В Ростове по-прежнему шла интенсивная работа строевой подготовки казаков и, кроме того, полк нес наряд по окарауливанию некоторых учреждений в городе.

Ежедневно в наряд уходил один командир сотни, 4—5 офицеров и от 50 до 100 казаков.

Кроме того, полк принимал периодическое участие в облавах на большевиков, коих в Ростове было еще довольно много. К последнему наряду казаки относились с большим рвением, почему никаких большевистских выступлений в городе не было.

Служба офицера в полку была нелегка:

Командиры сотен кипели, как в котле, с раннего утра до позднего вечера, ибо, хотя состав урядников сильно увеличился еще в

Персиановке, но полного штата все же не было.

Младший офицер, если он был свободен от наряда, начинал занятия в сотне в 8 час. утра. В 12 час. обедал в собрании, а затем снова шел в сотню на послеобеденные занятия, по окончании коих, до ужина, велись специально офицерские занятия по усовершенствованию военных знаний. Только в 7 час. вечера офицер освобождался.

Функционировало офицерское собрание.

Так как полк готовился к выступлению на фронт, то особых мер к украшению собрания не принималось, но все же собрание было благоустроено, и офицеры имели недорогое и приличное довольствие, насколько то позволял скромный оклад содержания (350 рублей в месяц). Главное же, в собрании офицер имел место, где мог отдохнуть душой в общении с другими офицерами, делаясь впечатлениями, надеждами на будущее, а также слушая повествования старших о славном прошлом Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка.

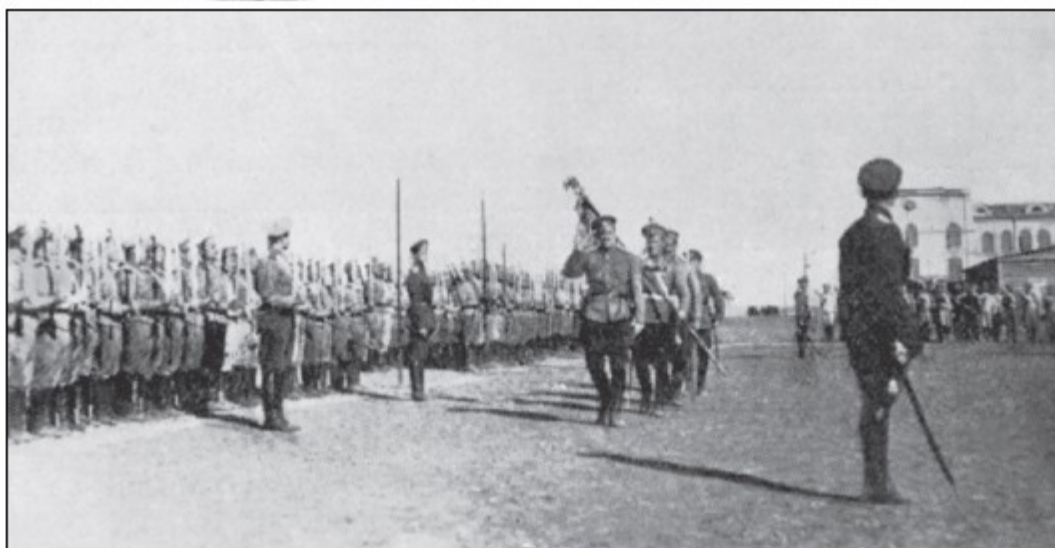
Первый раз собрание зажило полной жизнью 4 октября, когда съехались на полковой праздник и все старослуживые лейб-казаки.

В этот день перед строем спешенного полка Атаман генерал Краснов торжественно передал молодому полку старый седой Лейб-Казачий Штандарт, хранившийся до этого дня в полковом музее, при войсковом, в гор. Новочеркасске.

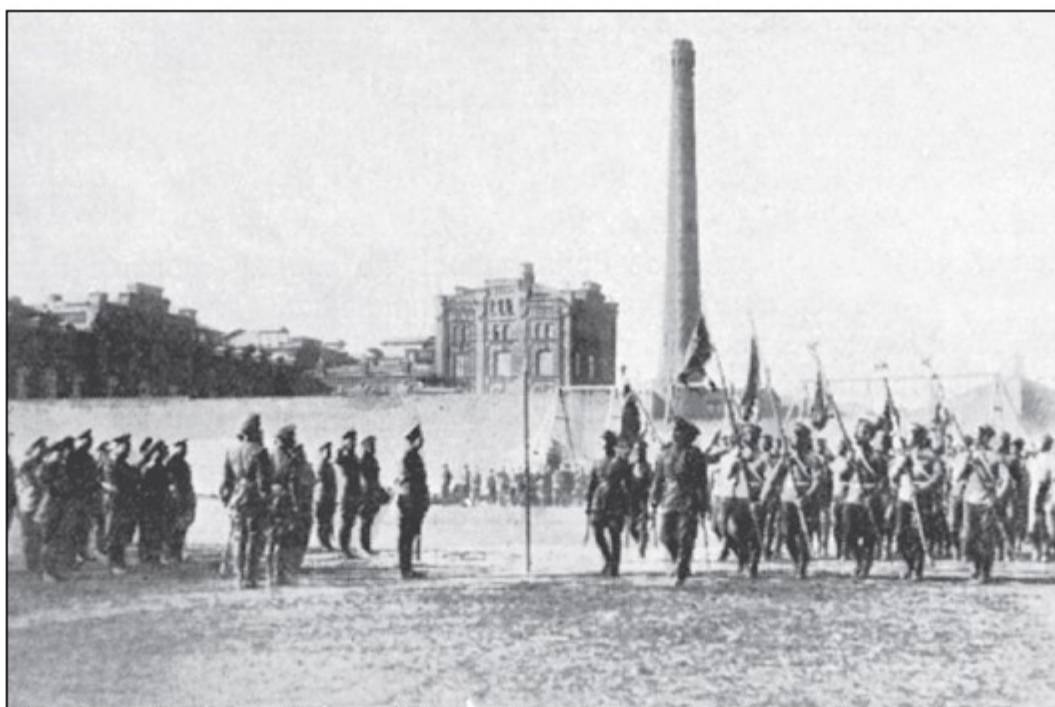
После молебна состоялся парад, а затем гости были приглашены на традиционный обед в собрание.

Играл прекрасно сыгравшийся хор полковых трубачей, и обед прошел с громадным подъемом.

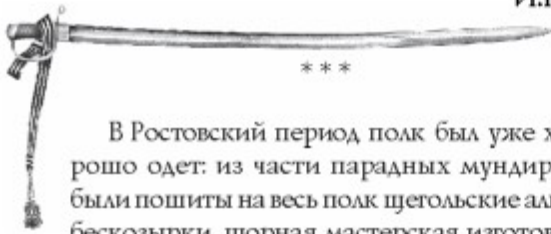
Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Полковой праздник 4 октября 1918 года

Прохождение полка церемониальным маршем
перед Донским Атаманом генералом П.Н. Красновым.
В голове штандарты полка

В Ростовский период полк был уже хорошо одет: из части парадных мундиров были пошиты на весь полк щегольские алые бескозырки, шорная мастерская изготовила полный комплект белой гвардейской амуниции, получены из интендантства новые шинели, на кои полковой швальней нашиты новые алые погоны.

Красивый внешний вид нужен был не только как воспитательное начало для казаков, но и потому, что в Ростове (как в прежнее время в Петербурге) полк нес представительства Войска Донского, участием в приемах разного рода делегаций.

Прежде чем перейти к краткому описанию этих приемов, скажем несколько слов о тех настроениях казачества, кои были связаны с приездом союзных делегаций.

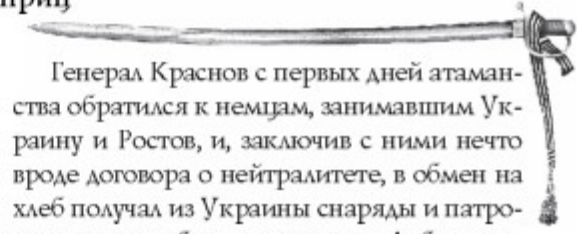
С победой над германцами возникла надежда на помощь союзников в деле борьбы Юга России с коммунизмом.

Казалось, что теперь союзники должны отдать свой долг России, принеся в свое время для успеха общего дела неисчислимое число жертв.

Юг России не имел почти фабрично-заводской промышленности. Затяжная война требовала пушек, снарядов, патронов, медикаментов и обмундирования, что можно было достать только извне.

Донское казачество в борьбе с большевиками выставило до 100 000 бойцов, дав предельное напряжение, и этого напряжения оказалось достаточным лишь для удержания границ области.

Было ясно, что без помощи извне нельзя сдвинуться вперед, а без движения вперед не могло быть решительной победы и конца войны.

Генерал Краснов с первых дней атаманства обратился к немцам, занимавшим Украину и Ростов, и, заключив с ними нечто вроде договора о нейтралитете, в обмен на хлеб получал из Украины снаряды и патроны, коими по-братски делился с Добровольческой Армией.

С уходом немцев не только отпал украинский источник снабжения, но и образовался новый Донецкий фронт борьбы с большевиками, протяжением в 600 верст.

Потребность в помощи извне усилилась.

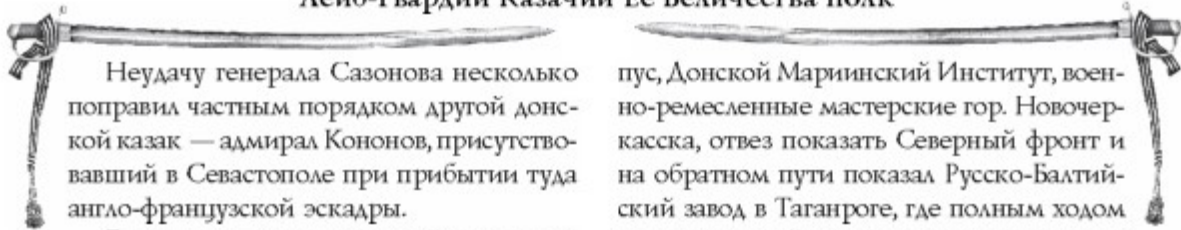
Союзники же не появлялись, и дух казаков на фронте, напряженно, в условиях невероятных лишений, почти уже год ведших борьбу и поэтому усталых, начинал заметно понижаться.

Генерал Краснов спешно послал делегацию, с генералом Сазоновым во главе, в Яссы, где под главенством маршала Франшэ-д-Эсперэ шло совещание союзников.

Донская делегация запоздала и нашла на месте лишь генерала Бертелло, имевшего все исчерпывающие инструкции из Версаля.

«...В Версале, — пишет ген. Краснов, — решено было признать единым Вождем на Юге России генерала Деникина... Агенты Добр. Армии были уже при французском командовании... Они доложили об измене Скоропадского, они нарисовали Донское Войско полубольшевистским государством, руководимым немцами, не имеющим никакой армии, словом, *quantite negligible*, а Донского Атамана, как ставленника и клеветника германского императора... Все это было высказано генералом Бертелло генералу Сазонову...»*

* Ген. П.Н. Краснов. «В.В. Донское». С. 254.

Неудачу генерала Сазонова несколько поправил частным порядком другой донской казак — адмирал Кононов, присутствовавший в Севастополе при прибытии туда англо-французской эскадры.

Ему удалось свести с английским адмиралом атамана зимовой станицы в Крыму полковника А.Е. Власова (лейб-казака — выпуска 1892 г.), которому удалось заинтересовать англичанина в военной и строительной деятельности Донского Войска настолько, что 21 ноября (ст. ст.) в целях разведки в Таганрог на двух миноносцах были высланы англичанин кап. Бонд и француз кап. Кошен с несколькими офицерами и матросами.

«...Как потом признавался капитан Борд, ехали не без страха: а что, если на Дону большевики? Союзных офицеров отговаривали ехать на Дон, там, мол, все держалось на немцах, а сейчас беспорядок и большевики...

...Однако в Мариуполе их ожидал прекрасный поезд.

В Таганроге на перроне стоял прекрасный одетый караул Л.-Гв. Атаманского полка с хором трубачей. Смело и уверенно трубачи заиграли английский гимн и, когда офицеры дошли до середины фронта, начали играть гимн Франции.

Все это отзывало старым, твердым строем, а не большевизмом.

В 10 часов утра поезд прибыл в Ростов. Такой же прекрасный караул от Лейб-Казачьего полка их ожидал...

...В Новочеркасске — почетный караул от 4-го Донского Казачьего полка по двухверстному пути от станции до собора стояли шпалерами войска молодой Армии, пехота, кавалерия и артиллерия...»*

Прибывшей делегации генерал Краснов показал Донскую Офицерскую Школу, Военное Училище, гимназии, Кадетский Кор-

пус, Донской Мариинский Институт, военно-ремесленные мастерские гор. Новочеркасска, отвез показать Северный фронт и на обратном пути показал Русско-Балтийский завод в Таганроге, где полным ходом шла перестройка завода на изготовление снарядов и патронов.

В своем офицерском собрании, по пути в Ростов, лейб-казаки чествовали делегацию торжественным обедом. Было много речей, и звуки русского гимна чередовались с гимнами французским и английским.

Доклад делегации главе прибывшей через Новороссийск в Екатеринодар союзнической миссии генералу Пулю произвел впечатление, и генерал Пуль пожелал видеть генерала Краснова.

Свидание состоялось 13 декабря в Кушцевке, причем генерал Пуль условием помощи союзников Дону поставил признание Донским Атаманом принципа единого командования на Юге России генерала Деникина.

Одновременно выяснилось, что командование Добровольческой Армии желает получить в свои руки, как условие максимального успеха военных общих операций, не только оперативное объединение всех Армий Юга России, но и распоряжение Донской Армией в организационном отношении (назначение командного состава, перевод Донской конницы в состав Добр. Армии), как и распоряжение средствами военного снабжения Донского Края и его железнодорожного транспорта**.

Генерал Краснов согласился лишь на объединение Армии в оперативном отношении и на единое представительство в порядке внешних сношений с союзниками.

** Ген. П.Н. Краснов. «В.В. Донское». С. 281 и 285. К. Соколов. «Правление ген. Деникина». С. 64—66.

* Ген. П.Н. Краснов. «В.В. Донское». С. 270.

На большее он согласиться не мог, ибо главным фактором широкого участия рядового казачества в Белом движении, где на 100 000 донцов и 40 000 кубанцев приходилось всего 10 000 добровольцев не-казачков, являлось прямое участие рядового казачества в строительстве своих краев. Всякая попытка хотя бы частичного установления бесконтрольного распоряжения свыше и извне несомненно была бы истолкована как нарушение прав казачества свободно распоряжаться своею участю и как возвращение к недоброй памяти практике С.-Петербургского Главного Управления Казачьих Войск, систематически нарушавшего законные казачьи права, не так по соображениям общегосударственной пользы, сколько по невежеству в казачьих вопросах.

В этих условиях все выгоды более широкого объединения Южно-Русской власти в одних руках были бы сведены на нет охлаждением к делу борьбы в рядовом Донском казачестве. Не мог генерал Краснов согласиться на большее и потому, что в смысле организационной работы Донское Войско, по его глубокому убеждению, стояло много выше чисто бюрократического типа оторванных от населения учреждений Добровольческой Армии, вынужденных вести работу преимущественно в порядке импровизационном.

Объединение командования Вооруженными Силами Юга России в руках ген. Деникина было встречено в Лейб-Казачьем полку спокойно.

Офицеры полка сознавали, что объединение командования, кроме значения чисто боевого, не может не отозваться и на политической стороне общего дела и, в час-

тности, неминуемо вызовет отход на второй план генерала П.Н. Краснова.

Генерала Краснова хорошо знали и высоко ценили в полку по всей его службе как твердого монархиста, а, следовательно, сторонника Великодержавности Российской, и Верили его словам, неоднократно им повторенным, что по окончании устройства Казачьих Краев и Юга России и прочному обеспечению прав Донского Казачества он поведет далее на воссоздание Державы Российской.

Лозунгом генерала Краснова «Императорская Россия» всецело поглощался лозунг Добровольческой Армии «Единая Неделимая».

Генерала Деникина судили по строительству Добровольческой Армии, где при большой неопределенности в целях была вложена мысль об исключительном представителе ею, уже в данное время, Российской Государственности.

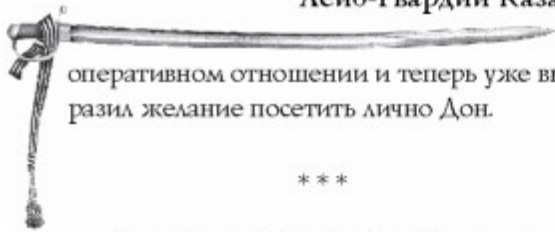
В понимании офицеров генералы Краснов и Деникин строили одно и то же здание, причем если генерал Краснов начинал постройку с фундамента и 1-го этажа — устройством казачества и Юга России и только тогда предполагал двигаться вперед для надстройки и увенчания здания, то генерал Деникин начинал постройку с крыши, имея в фундаменте лишь окружение Добровольческой Армии, не представлявшее для сего достаточно глубокой и широкой базы.

Однако генерала Деникина знали и по Великой Войне, как доблестного боевого генерала, и по 1917 году, как честного и мужественного представителя строевого офицерства.

Поэтому объединение командования в его руках было принято в полку спокойно, с верой в конечный успех борьбы с большевиками.

Генерал Пуль вполне удовлетворился объединением Армии Юга России лишь в

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

оперативном отношении и теперь уже выразил желание посетить лично Дон.

До приезда генерала Пуля Ростов посетили, перед отъездом в Париж, делегаты Юга России на Союзническую Конференцию бывший министр Иностранных Дел Императорской России С.Д. Сазонов и Нератов.

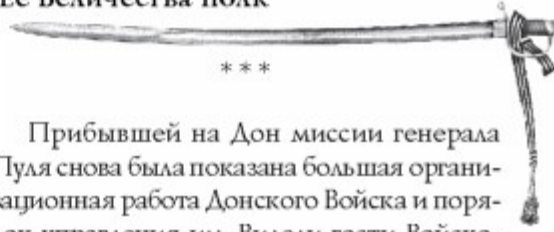
Делегаты Юга России были повествованы лейб-казаками интимным обедом в офицерском собрании. Были речи, и вспоминалось державное прошлое Великой России. Сазонов был сдержан. Нератов плакал при звуках российского гимна.

28 декабря (ст. ст.) в Ростов прибыла союзническая миссия во главе с генералом Пулем в составе 3-х английских офицеров и французов — капитана Фукэ, капитана Бертелло, лейтенантов Эглон и Эрлиш.

На станции Ростов был выставлен почетный караул Л-Гв. Казачьего полка в составе сотни с трубачами.

Хорошо выправленные казаки караула, щегольски и однообразно одетые в серые новые шинели, в новых алых погонах и алых однообразных бескозырках, в высоких форменных сапогах, в свежевывеленной гвардейской амуниции, произвели большое впечатление на прибывших, по контрасту со всем виденным ими в Новороссийске и Екатеринодаре.

Долго стоял, почтительно вытянувшись, старый английский генерал перед седым Георгиевским штандартом полка, увеченным серебряным двуглавым орлом и Императорскими коронами...

Прибывшей на Дон миссии генерала Пуля снова была показана большая организационная работа Донского Войска и порядок управления им. Видели гости Войсковой Круг, посетили фронт, видели восстановленный Провальский Конный завод, снабжавшие Донскую Армию военно-ремесленные мастерские и заводы Ростова. Был показан в Таганроге переделанный генералом Красновым Русско-Балтийский завод, уже выпускавший до 300 000 патронов в день.

В Ростове генерал Краснов подробным обходом казарм во время занятий показал гостям жизнь и учебную работу Лейб-Гвардии Казачьего полка как образцовой части Постоянной Донской Армии.

После завтрака в офицерском собрании лейб-казаков, за которым играли трубачи полка, генерал Краснов приказал трубить тревогу. Тревога удалась блестяще, и через несколько минут быстро, без всякой суеты, стройная и нарядная масса полка выстроилась на плацу казарм и замерла в полной боевой готовности.

31 декабря (ст. ст.) снова по приказанию генерала Краснова лейб-казаки чествовали интимным обедом в собрании уже только часть делегации, без генерала Пуля.

Очень хорошее впечатление производили англичане, в особенности один молодой, типичный кадровый офицер. Ему, видимо, много говорила обстановка обеда в офицерском собрании старого Российского Императорского полка, и он говорил коротко и удивительно созвучно общему настроению офицеров. К российскому гимну он относился, как англичанин к своему великобри-

танскому, явно полагая, что вне Императора не может быть и Империи, другими словами говоря, никакой единой и неделимой России. После каждой своей речи он просил исполнить российский гимн, причем по исполнению просьбы игрался и ответный английский.

Иначе держал себя хорошо владевший русским языком, изученным им во время адвокатской практики в Одессе, французский делегат, депутат Парламента, офицер производства военного времени Эрлиш*.

Последний говорил много и трескуче, главным образом восхваляя Францию, ее верность союзническим обязательствам; обещая широкую помощь, до войск включительно.

Ему отвечали французским гимном... и снова англичанин требовал российский гимн...

Вина было выпито море... Так как гости были приглашены встречать Новый Год в Коммерческий Клуб, то их с трубачами впереди, исполнявшими поочередно гимны российский, французский и английский, доставили в клуб.

В клубе союзников чествовали ужином представители ростовских коммерческих и общественных кругов.

Уехали депутации...

«...Приезд союзников, — говорит генерал Краснов**, — был наркоз, опьянивший казаков... работать под наркозом долго нельзя,

* Позже выяснилось, что Эрлиш настойчиво жаловался Атаману генералу Краснову, что в Лейб-Казачьем полку афишируются монархические настроения и что «такая монархическая пропаганда не входит в планы союзников».

Справка: Ген. П.Н. Краснов. «В.В. Донское». С. 274.

** Ген. П.Н. Краснов. «В.В. Донское».

после одной дозы нужны более сильные, нужно исполнение обещаний — помощь, и помощь реальная...»

Реальной помощи союзников все не было...

Противник летом 1918 года произвел крупную организационную работу, мобилизовал тысячи офицеров, сосредоточил против Дона 130 000 бойцов при 460 орудиях.

«...Весь ноябрь и декабрь, в мороз и стужу... изнемогая от потерь и лишений, Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое сильнейшего врага... Донская Армия неизменно одерживала верх... По существу — стратегическая победа была уже на стороне Донцов, зимняя операция красных расстроилась... Но в гражданской войне моральный элемент властвует над прочими... То, что было выиграно в течение месяцев оружием и моральным подъемом, в один миг было утеряно упадком духа. В казачьем настроении наступил перелом, который использовала советская пропаганда...» — характеризует генерал Деникин*** обстановку Донского фронта конца декабря 1918 года.

«...Переутомленное непосильной войною и обманувшееся в ожидании помощи союзников, казачество дрогнуло не перед силой противника, а перед его пропагандой...», — говорит донской историк полковник Добрынин****.

Вопрос, в чем же именно обрела новую силу пропаганда красных, казалось бы в момент для них неблагоприятный, когда Красная армия боевыми неудачами была расстроена в значительно большей степени, нежели Донская, имеет первостепенный интерес.

*** Ген. Деникин. «Очерки». Т. VI. С. 62.

**** «Донская Летопись». Книга I. С. 113.

Отметим, что именно в ноябре 1918 года VI Съезд советов принял постановление энергично провести в жизнь (провозглашенный раньше теоретически Лениным) принцип ставки на среднего крестьянина-единоличника, с привлечением середняка к жизненному строительству на местах.

На практике постановление VI Съезда советов привело к упразднению в деревне комбедов (комитетов, состоявших исключительно из беднейших крестьян, доселе терроризовавших всех остальных) и к ряду распоряжений центра, декретировавших переход к «нормальному строительству» в деревне*, достаточно полно проведенных в жизнь на местах.

Ухаживание, пусть и временное, за средним крестьянством, составлявшим наиболее численный слой в деревне, а главное, привлечение этого слоя к строительной работе на местах, быстро дало свои плоды.

Советская «История Гражданской войны» именно в конце 1918 года отмечает**:

«..Быстрое падение кривой дезертирства из Красной армии.. быстрое падение крестьянских волнений.. характерно, что теперь недели дезертиров на Южном фронте давали наибольший процент вернувшихся крестьян, как раз в момент наиболее тяжелого положения на фронте..»

Другой советский историк***, правда, видимо несколько преувеличивая, говорит: «Линия ставки на середняка-крестьянина и отказа от командования деревней окончательно определилась в ноябре 1918 года, когда и наметился массовый переход крестьян на сторону пролетариата.. Колебания

* «История Гражданской войны». Советское издание. Т. III. С. 127.

** Там же. С. 127 и 128.

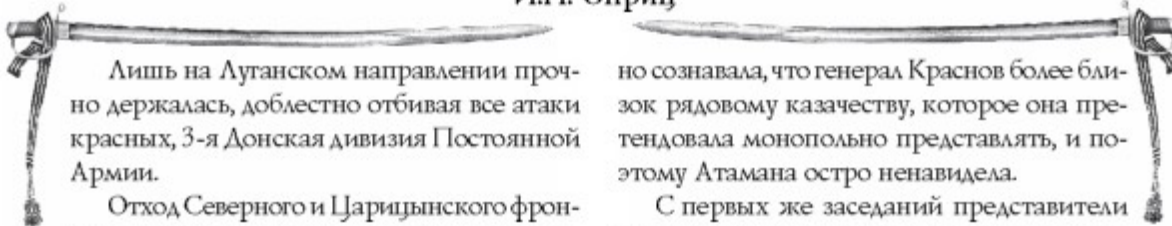
*** Анишев. «Очерки истории Гражданской войны». С. 193 и 196. Гос. Издат, Ленинград, 1925.

и восстания крестьян были и дальше, но основное условие победы в вооруженной борьбе — военный союз со средним крестьянством был заключен.. Только на основе этого союза могла быть создана регулярная Красная армия, т.е. такая военная система, которая охватывает всех граждан установленной декретом категории..» (Скажем яснее, стала возможной сколько-нибудь действительная мобилизация крестьянства.)

Новые настроения крестьян передалось и ближайшим соседям, казакам, тем более что лозунг «перехода в деревне на новый курс» давал советской пропаганде хороший козырь в руки.

Первыми «новому курсу» поверили казаки Вешенской станицы, которым большевики-агитаторы обещали соблюдение принципа «нормального строительства» с сохранением Казачьего уклада жизни. Усталость казаков от тяжелой войны, повлекшая временный упадок веры в свои силы, с одновременным разочарованием в возможность помощи союзников, довершили остальное, и за Вешенской станицей весь Верхне-Донской округ заключил мир с большевиками.

Хотя разрыв Донского фронта произошел против самого слабого места фронта противника, где бездействовала в корень разбитая 8-я советская армия, однако измена верхне-донцов принудила к отходу соседей хоперцев, фланг коих повис в воздухе. Отход хоперцев обнажил фронт Царицынской группы Мамонтова. Последняя, усиленная с сентября частями Постоянной Армии (2-й Донской дивизией и Пластунской бригадой), первоначально продолжала развивать свой прежний успех и 5 января подошла вплотную к Царицыну, готовясь к штурму. Однако дальнейший отход Северных групп, уже на коммуникацию Мамонтова, заставил и последнего начать отход.

Лишь на Луганском направлении прочно держалась, доблестно отбивая все атаки красных, 3-я Донская дивизия Постоянной Армии.

Отход Северного и Царицынского фронтов, советская пропаганда, известие об измене верхнедонцов, быстрая утрата всего добытого тяжелыми и кровавыми боями, разочарованием в союзниках, деморализовало казаков, и Донская Армия быстро начала таять, уменьшившись к 1 февраля в своей численности до 15 000.

В резерве оставалась лишь 1-я дивизия Постоянной Армии, составлявшая гарнизоны Таганрога, Ростова, Новочеркаска и Александровска-Грушевского.

Фактором, сильно способствовавшим восприимчивости к пропаганде противника понесших за лето и осень громадные потери казаков, несомненно, являлось падение атаманского авторитета Атамана Краснова, подорванного яростной агитацией оппозиции в Круге и агитацией окружения командования Добровольческой Армии.

Генерал Краснов был выдвинут на пост Атамана Кругом Спасения Дона, почти целиком состоявшим из рядовых казаков, участников вооруженной борьбы с большевиками. Представителей Донской либеральной интеллигенции в числе депутатов этого Круга почти не было.

Совершенно иная картина создавалась на Большом Войсковом Кругу, на одну треть состоявшим из представителей интеллигенции.

В значительной степени оторвавшаяся от рядового казачества, эта городская интеллигенция была проникнута пустым пафосом обанкротившегося в феврале 1917 года и судорожно боялась потерять «завоеванное» его ходом революции место. Она смут-

но сознавала, что генерал Краснов более близок рядовому казачеству, которое она претендовала монопольно представлять, и поэтому Атамана остро ненавидела.

С первых же заседаний представители указанной части Круга составили оппозицию, начав травить генерала Краснова и стараясь увлечь за собой рядовую депутатскую массу.

Был момент, когда ген. Краснов бросил на стол перед Кругом тяжелый атаманский пернач, в знак сложения атаманских полномочий, однако рядовая масса депутатов энергично протестовала, ген. Краснов согласился взять отставку обратно, и интрига оппозиции сорвалась.

Тем не менее враждебная ген. Краснову агитация, при поддержке Екатеринодарской, обслуживающей Добровольческое командование, прессы, продолжалось. Казакам систематически вдалбливалось в головы, что при создавшихся у ген. Краснова с ген. Деникиным отношениях Дон не может рассчитывать ни на помощь Добр. Армии, ни на помощь союзников.

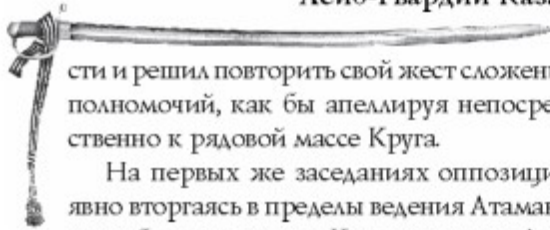
Эта агитация роняла авторитет Атамана и конечно понижала боеспособность Донской Армии.

1 февраля 1919 года собрался снова Большой Войсковой Круг.

Оппозиция сочла момент подходящим для сведения счетов с генералом Красновым, и последнему дано было понять, что если он желает оставаться Атаманом, то должен согласиться передать фактическое управление Доном лицам, пользующимся симпатиями и послушным оппозиции.

Генерал Краснов не мог согласиться на сведение своей работы к нулю и на чисто номинальное занятие атаманской должно-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

сти и решил повторить свой жест сложения полномочий, как бы апеллируя непосредственно к рядовой массе Круга.

На первых же заседаниях оппозиция, явно вторгаясь в пределы ведения Атамана, потребовала отставки Командующего Донской Армии генерала Денисова.

В ответ генерал Краснов с силой бросил атаманский пернач на стол.

Круг взволновался, однако положение на фронте было грозное, срочно требовалась помощь Добровольческой Армии, и агитация, выставлявшая генерала Краснова препятствием этой помощи, сделала свое дело: лишь депутаты Черкасского, 1-го Донского и Таганрогского Округов протестовали, а депутаты остальных Округов, составлявшие большинство, отставку приняли.

На пост Атамана был избран мягкий и податливый генерал А.П. Богаевский.

Генерал Краснов уехал на Север, к генералу Юденичу, где он полагал быть полезным делу борьбы с большевиками.

Уход генерала Краснова произвел в Лейб-Гвардии Казачьем полку тяжелое впечатление: ушел со сцены талантливый человек и крупный организатор, последними же Россия издавна была бедна, тем более был небогат и Юг России.

По приглашению командира Лейб-Гвардии Казачьего полка генерала Дьякова, отвечавшего желанию лейб-казаков, и с разрешения сопровождавшего его до Ростова нового Донского Атамана генерала Богаевского генерал Краснов вышел на станции Ростов к построенному частью на перроне (сотня почетного караула со штандартом и трубами), частью на дворе вокзала Лейб-Гвардии Казачьему полку и сказал: «Я глубоко тронут вашим вниманием ко мне, дорогие Лейб-

казаки. Я уже больше не Атаман и не имею права на почетный караул. Я смотрю на ваш приход сюда со святым штандартом, как на высокую честь и внимание. Вы мне дороги, ибо я связан с вами долгими узами, и узами кровными: мои предки служили в ваших рядах; в течение двадцати лет моей службы в Лейб-Гвардии Атаманском полку я был в рядах одной бригады, и сколько раз я стоял со своим Атаманским штандартом подле вашего штандарта.

Служите же Всевеликому Войску Донскому и России, как вы служили до сего времени, как служили всегда ваши отцы и деды, как подобает служить первому полку Донского Войска, доблестным Лейб-Гвардии Казакам.

Благодарю вас за вашу верную и доблестную службу в мое атаманство на Дону».

Отсалютовав сотне, стоявшей на перроне, генерал Краснов подошел к штандарту, преклонил колено и поцеловал полотнище.

Тепло простившись с полком, ген. Краснов отбыл.

Из вагона вышли новый Атаман генерал Богаевский и новый Командующий Армией генерал Сидорин, обошедшие строй полка. Начинался новый период Гражданской войны.

Дабы закончить главу, упомянем о командировке в середине января группы офицеров Л.-Гв. Казачьего полка в Сарепту и сел. Райгород на Волгу, для формирования из крестьян Приволжского района Волжско-Астраханского полка.

Были командированы: на должность помощника командира полка — войсковой

старшина Поздеев, адъютанта — подьесаул Евфимьев и младшими офицерами — подьесаул Авиллов, сотник Могилынский и хорунжий Скалозубов. Этот полк вошел в состав Царицынской группы генерала Мамонтова. Офицеры лейб-казаки прибыли на место в конце января. Закончить формирование не удалось, ибо начался отход Царицынской группы, с которой отходил и Волжско-Астраханский полк.

По определению войскового старшины Поздеева, крестьяне, составлявшие полк, явились прекрасным элементом, состав офицеров был сборный и не спаянный; тре-

бовалась некоторая работа по обучению солдат и по общей воинской спайке, чего не позволили сделать обстановка и отсутствие времени.

Ко 2 марта (ст. ст.) Волжско-Астраханский полк через Аксай, Н. Ортовскую, Великокняжескую отошел на Мечетинскую станицу, откуда лейб-казаки были телеграммой отозваны и Лейб-Казачий полк, уже к тому времени сражавшийся на фронте и несший потери в офицерском составе.

16 марта (ст. ст.) командированные лейб-казаки прибыли к полку обратно и стали в строй.

СПИСОК ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА в 1918 году

А. Офицеры старого состава полка

Чин, фамилия, имя, отчество	Год пр. в офиц.	Примечание
1. Полк. Дьяков Василий Авраамьевич	1905	Командир полка.
2. Полк. Фарафонов Владимир Иванович	1905	П-к к-ра п. по стр. ч.
3. Полк. Оприц Илья Николаевич	1906	П-к к-ра п. (вернулся в полк в окт.).
4. Войск. ст. Поздеев Константин Ростиславович	1907	Помощник к-ра полка.
5. Войск. ст. Кононов Владимир Владимирович	1907	Завед. хозяйством.
6. Есаул Номикосов Николай Васильевич	1909	К-р 4-й сотни с сент.
7. Войск. ст. Чеботарев Борис Васильевич	1909	К-р 2-й сотни по сент., когда выб. в ком. в Донск. Кад. К.
8. Есаул Нарышкин Александр Михайлович	1905	Нач. нестр. команды.
9. Есаул Полковников Сергей Петрович	1912	К-р 2-й сотни с сент.
10. Есаул Воронин Николай Павлович	1912	К-р 6-й сотни.
11. Есаул Краснов Семен Николаевич	1913	К-р 1-й сотни.
12. Есаул Болдырев Александр Никандрович	1914	Н-к пул. к-ды.
13. Есаул Пашков Александр Тимофеевич	1914	Ст. оф. 5-й сотни.
14. Подьесаул Чеботарев Владимир Степанович	1915	Полк. квартирмейст.
15. Есаул Воков Петр Алексеевич	1914	Полковой казначей.
16. Есаул Дубенцев Борис Федорович	1914	К-р 3-й сотни.
17. Есаул Рыковский Федор Федорович	1914	К-р 4-й сотни по сент.
18. Сотник Кутейников Петр Николаевич	1915	Пом. полк. адъютанта.
19. Подьесаул Греков Андрей Александрович	1915	Ст. оф. 5-й сотни.
20. Подьесаул Агафонов Георгий Николаевич	1916	Н-к к-ды связи.
21. Сотник Дубенцев Георгий Федорович	1916	Ст. оф. 1-й сотни.
22. Хорунжий Вфремов Николай Петрович	1917	Младший офицер.
23. Хорунжий Иловыйский Иван Димитриевич	1917	» »
24. Хорунжий Ротов Михаил Михайлович	1917	» »

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

						
25. Хорунжий Греков Борис Петрович	1917	»	»			
26. Сотник Ляхов Николай Димитриевич	1917	»	»			
27. Сотник Чекунов 1-й Сергей Акимович	1917	»	»			
28. Сотник Чекунов 2-й Григорий Акимович	1917	»	»			

Б. Офицеры, вновь принятые в полк в 1918 году

1. Есаул Шамин Иван Григорьевич	1908					Прин. в июле в 5-ю с.
2. Войск. ст. Кундарюков Исаак Алексеевич	1908					Полк. адъют. до окт., когда выбыл по бол.
3. Подъесаул Кундарюков Сергей Алексеевич	1915					Ст. оф. 2-й сотни.
4. Подъесаул Гринев Геннадий Модестович	1915					Адъют. п. с октября.
5. Сотник Туркин Владимир Иванович	1915					Ст. оф. пул. к-ды.
6. Подъесаул Евфимьев Николай Гаврилович	1915					Старш. оф. 4-й сотни.
7. Подъесаул Авилон Александр Капитонович	1915					Младший офицер.
8. Сотник Могиланский Юрий Алексеевич	1917					»
9. Сотник Чекунов 3-й Александр Яковлевич	1916					»
10. Хорунжий Денисов Борис Максимович	1916					»
11. Сотник Усачев Иван Куприянович	1917					»
12. Сотник Какурин Иван Иванович	1917					»
13. Корнет Прокофьев Павел Павлович	1917					»
14. Хорунжий Семилетов Василий Степанович	1917					»
15. Хорунжий Поляков Николай Михайлович	1917					»
16. Хорунжий Ананьев Борис Васильевич	1917					»
17. Хорунжий Скалозубов Владислав Ефимьевич	1917					»
18. Сотник Саатъсов Константин Константинович	1917					»
19. Хорунжий Дубенцев Георгий Андреевич	1917					»
20. Хорунжий Филатъев Владимир Георгиевич	1917					»
21. Сотник Чернов Иван Андреевич	1917					»
22. Хорунжий Балабин Олег Александрович	1917					»

Примечание. Кроме упомянутых выше офицеров, кратковременно служили в молодом Л.-Гв. Казачьем полку (покинув его в 1918 году либо выходом по болезни в отставку, либо переходом на другую службу) нижеследующие офицеры:

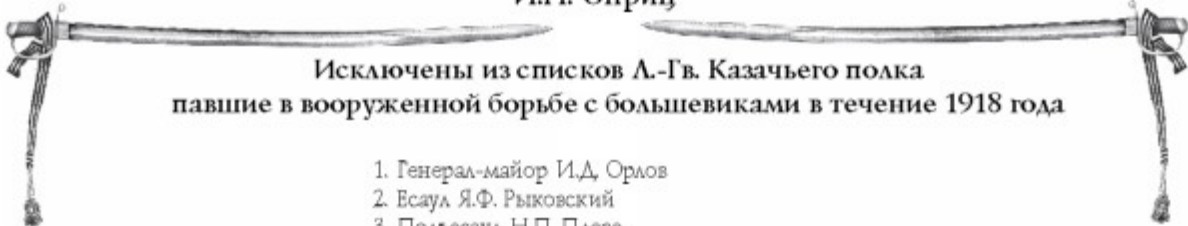
А. Из офицеров старого состава полка

1. Есаул герцог Лейхтенбергский, Ник. Ник.
2. Подъесаул Сиверс Влад. Влад.
3. Подъесаул граф Канкрин Ив. Ив.
4. Подъесаул князь Трубецкой Ник. Петр.
5. Хорунжий Сиверс Яков Ва.

Б. Из вновь принятых или прикомандированных

1. Корнет Голубинцев Святослав
2. Юнкер Кутепов (умер летом 1918 года)

И.Н. Оприц

Исключены из списков А.-Гв. Казачьего полка
павшие в вооруженной борьбе с большевиками в течение 1918 года

1. Генерал-майор И.Д. Орлов
2. Есаул Я.Ф. Рыковский
3. Подъесаул Н.П. Плева
4. Подъесаул С.С. Кутейников
5. Вольноопределяющийся К. Чернозубов
6. Подъесаул Ю.П. Персидский
7. Подъесаул М.М. Чеботарев

Глава VIII

ФЕВРАЛЬ 1919 ГОДА НА ДОНЦЕ

Кризис Донской Армии и общая обстановка. — Переброска на фронт 1-й Донской конной дивизии. — Прибытие в станицу Владимирскую. — Боевой состав полка. — Отход хоперцев и местные настроения. — Бой 19 февраля. — Трофеи. — Поздравления и благодарственные полку приказы. — Бой 22 февраля. — Отход красных за Донец. — Значение боев 19 и 22 февраля. — Переброска 1-й Донской дивизии в Каменноугольный район. — Потери полка за бои на Донце.

В предыдущей главе было сказано, что после блестящих боевых успехов середины и конца 1918 года в настроениях Донской Армии наступил перелом, и она, быстро уменьшаясь в численности, покати-лась назад.

Помимо потерь в боях и от сыпного тифа ослабляло ряды начавшееся большое дезертирство из частей, составленных из казаков округов, занятых или занимаемых красными.

По мере продвижения красных на юг деморализация в Донских частях быстро увеличивалась.

«...Развал Донской Армии окончательно определился, — говорит советская «История Гражд. войны» (т. III, с. 140—141), — что выразилось в массовой сдаче в плен и в самовольном уходе по домам целых казачьих полков...»

«...31 января в районе станицы Алексеевской сдались добровольно, в полном составе, 23, 24, 26, 27 и 39-й каз полки с 5 орудиями и 6000 снарядами (Егоров, с. 51)...»
«С 4-го по 23-е января сдалось 3000 каза-

ков и взято красными 31 орудие, 115 пулеметов, 3 броневика и 3 бронепоезда. 8 февраля на ст. Арчеда 7 каз. полков сдались с артиллерией, бронепоездами и самолетами. 11 февраля на ст. Котлубань сдались еще 5 полков», и т.д. (Егоров, с. 72).

К середине февраля остатки Донской Армии, снизившейся до 15 тыс. бойцов. (Полк. Добрынин. Нач. разв. и операт. части Донармии. «Борьба с большевиками на Юге России», с. 69), отошли за Донец.

О настроении отошедших можно судить по телеграмме нач. штаба Донармии ген. Кельчевского за № 1225/К, посланной им Главнокомандующему: «Части ДонАрмии, особенно Северного фронта, ослаблены до крайности. Малейший нажим со стороны противника, даже небольшим кулачком, может вынудить нас отдать приказ об отходе к югу от Донца и бросить Зверевский узел»...

«...«Главное красное командование, — говорит Егоров (с. 78), — учитывая низкое морально-политическое состояние войск противника, меняет направление фронта на

более южное и 1 февраля директивой № 519 ставит новый объект действий Южного фронта: Новочеркасск—Ростов.»

Один из советских главковерхов, Антонов-Овсеенко, — говорит:

«Увлеченное преследованием разбитых казачьих шайк, красное командование бросило главные наши силы велуьбь Донской Обла-

сти, пренебрегая развитием удара на Донецкий бассейн, и этот марш через казачьи земли шел так успешно, что в начале марта (нов. ст. или середина февраля по ст. ст.) нам официально обещали через две недели быть в Ростове.» (Антонов-Овсеенко. Т. IV. С. 333.)

Создалось грозное положение, ибо с дальнейшим продвижением большевиков

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

по кратчайшему пути в сердце Области и занятием ими Новочеркаска и Ростова Донское Казачество выбывало из борьбы, Добровольческая же Армия могла быть отрезанной от выделенной ею на защиту Угольного бассейна Кавказской Армии ген. Май-Маевского, боровшейся в районе Юзовки с украинскими бандами Махно и Онищенко.

Казалось, вновь надвигались грозные дни февраля 1918 года, и в Новочеркасске, где царила тревога, была открыта вновь запись детей в отряды партизан.

Для парирования красного удара генерал Деникин спешно перебрасывал с Северного Кавказа в район Шахтная — Александровск-Грушевск кубанские полки генералов Шкуро и Покровского для образования здесь своего резерва.

Однако представлялось технически невозможным закончить переброску Кубанских частей ранее конца февраля.

Донская армия должна была во что бы то ни стало продержаться на Донце своими силами до оттепели, обращавшей эту реку в серьезную для противника преграду.

Учитывая создавшуюся обстановку, Донское командование решило использовать последний свой резерв, 1-ю Донскую дивизию, до сего времени занимавшую гарнизонами Ростов, Таганрог и Новочеркасск.

11 февраля Лейб-Гвардии Казачьим полком было получено приказание о выступлении на фронт. Направление и дата выступления несколько раз менялись, ибо в Таганрогском округе, поблизости от Ростова и Таганрога, начались какие-то выступления крестьян.

Только 13-го выяснилось, что 1-я дивизия направляется на защиту Донца.

14 февраля погрузился и отбыл 1-й эшелон полка, а 15-го — остальные.

В гор. Ростове оставлена была база полка: полковой и сотенные цейхгаузы, полковые мастерские, хозяйственное и часть строевого отделения полковой канцелярии, во главе с заведующим хозяйством войск ст. Кононовым, немедленно приступившим к открытию лазарета на 150 кроватей.

На станции Новочеркаска Донской Атаман лично встречал каждый проходивший эшелон. Он говорил, что Донским командованием задумана операция, выполнение которой возлагается на части 1-й дивизии. «От успешного выполнения этой задачи зависит судьба Новочеркаска... На вас последняя надежда, — говорил генерал Богаевский, — уверен, что поддержите славу своего гвардейского звания.»

В 6 часов вечера 15 февраля полк стал по квартирам в станице Владимирской, совместно с прибывшим из Таганрога Л.-Гв. Атаманским полком (без его дивизиона, еще находившегося в Каменноугольном районе и прибывшего лишь 21-го).

Через несколько дней ожидалось прибытие 2-й бригады, 2-х батарей и придаваемого 1-й дивизии Донского учебного полка.

18 февраля, на рассвете, Гвардейская бригада получила приказание построиться, и Начальник дивизии ген. Абрамов объяснил предстоящую задачу. Ввиду тревожного положения, сложившегося на фронте, эту задачу предстояло разрешить силами Гвардейской бригады, не ожидая подхода своей артиллерии и 2-й бригады.

Начальник дивизии выразил уверенность, что успешная деятельность Гвардейской бригады подымет дух казачьих частей,

действовавших в районе хуторов Грушевского и Семимаячного.

В тот же день, к вечеру, бригада прибыла в хутор Грушевский, в направлении которого развивалось наступление красных.

Перед выступлением из станицы Владимирской по приказанию начальника дивизии конные полусотни были сведены в три конные сотни, а пешие — в три пешие сотни.

Состав полка на фронте определился в нижеследующем виде:

- Ком. полка — полк. Дьяков.
 - Пом. по строевой части — полк. Фарфонов.
 - Пом. по хоз. части — полк. Оприц.
 - Адъютант — подесаул Гринев.
 - 1-я конная сотня — есаул Краснов.
 - 2-я пешая сотня — есаул Полковников.
 - 3-я конная сотня — есаул Б. Дубенцев.
 - 4-я пешая сотня — войск. старш. Номикосов.
 - 5-я пешая сотня — есаул Шамин.
 - 6-я конная сотня — есаул Воронин.
 - Пулеметная команда — есаул Болдырев.
 - Врач — ст. сов. Евфанов.
 - Священник отец С. Лебедев.
- Всего в рядах полка состояло около 800 шашек и штыков при 8 пулеметах.

Уже по дороге в хутор Грушевский можно было видеть яркие картины разложения отходивших Донских частей.

Нестройными группами и одиночно брели в тыл казаки с винтовками и без винтовок. Их обгоняли подводы с ранеными и здоровыми людьми, торопливо двигавшиеся в направлении на Александровск-Грушевск.

«Чего вы бежите от красных?» — спрашивали лейб-казаки.

«Погоди, завтра сам узнаешь», — был ответ.

Некоторые отходившие группы были настроены злобно: «Вот доберемся до Новочеркаска, там покажем нашим правителям, как доводить нас до такого положения».

Тревогой был охвачен и хутор Грушевский, где помещался штаб командующего войсками полковника Савватеева. Только что было получено сведение о наступлении красных на неподалеку расположенный хутор Семимаячный, и ясно слышался гром близкой артиллерийской стрельбы.

Уверенности в своих войсках в штабе не было никакой.

Приведем запись из дневника есаула А.С. Моргунова, бывшего в те дни личным адъютантом командующего войсками полковника Ген. Штаба Савватеева:

«...Длительное отступление полков из Хоперского округа, в холодную зиму, с отрывом от своих станиц и хуторов, привело отходившие полки к состоянию полной небоеспособности.

В относительно лучшем состоянии была лишь одна Бузулукская полк.

Все предыдущие бои давали отрицательный результат, боеспособность частей не повышалась, а понижалась, и перелом в лучшую сторону не предвиделся.

Полковнику Савватееву представлялось два решения: отходить на Александровск-Грушевск, либо дать красным бой и попытаться сбросить переправившиеся через Донец красные части обратно за реку.

Было принято второе решение, однако без всякой уверенности в успехе. В этот решающий момент и прибыла Гвардейская бригада.

После свидания полк. Савватеева с ген. Абрамовым был немедленно выпущен приказ о наступлении.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Прибытие Гв. Каз. бригады сыграло решающую роль в победе над обнаглевшим противником...» (Спр: Записки ес. Моргунова.)

Стройной колонной, под звуки своих трубачей, вошел Лейб-Казачий полк в хутор Грушевский.

Прибытие свежих, бодрых и хорошо настроенных полков Гвардейской бригады внесло коренное изменение в обстановку.

Полковником Савватеевым было отдано распоряжение задержать продолжавшийся из хутора Грушевского отход разрозненных групп.

Немногочисленные части, слабо сдерживавшие наступление красных у хутора Семимаячного, получили подкрепление из казаков местных станиц и, узнав о подходе Гвардейской бригады, воспрянули духом.

Общее наступление было назначено на утро. На ночлег конные сотни бригады были отведены в хутор Дубовой, пешие остались в Грушевском.

На рассвете 19 февраля, в 5 час утра, 3 пешие Лейб-Казачьи сотни под общей командой полковника Дьякова, раскинув цепи, повели наступление из хутора Грушевского на занятый накануне противником хутор Семимаячный.

Часом раньше, еще в полной темноте, двинулись из Дубового под общей командой генерала Михайлова конные сотни. Они направились, в обеспечение фланга и для содействия наступлению полк. Дьякова, в направлении на хутор Ясеноватый.

Наступление на Семимаячный было начато 2-й и 4-й сотнями лейб-казаков, под общей командой войск старш. Номикосова.

5-я Лейб-Казачья сотня, как и половина пулеметной команды, вначале оставались в резерве и лишь постепенно влились в бой.

При резерве находился и штандарт полка.

Противник пытался оказать сопротивление, однако стремительностью атаки и угрозой его флангу, произведенной взводом сотника Солтысова (тяжело при этом раненного в живот), был вынужден к отходу, и хутор был взят.

Ценной помощью явился удачный выход полувзвода хорунжего Балабина в тыл Семимаячному. Огонь этого полувзвода и его ручного пулемета с тыла привел красных в замешательство и ускорил очищение ими хутора.

«...Наступление было начато еще в темноте и в густом тумане, — говорит записка полк. Дьякова, — слева от нас была пустота, справа где-то должен был быть полковник Овчинников с его отрядом стариков.

Развернув сотни, я быстро повел их на занятый красными хутор Семимаячный. Взяли и прошли его буквально с налета.

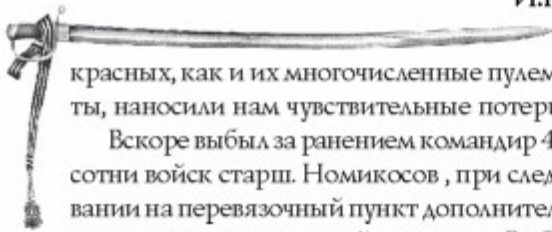
Интересно было посмотреть на лица казаков: молодые, розовые от мороза, они никак не напоминали людей, находящихся в бою.

Выражение лиц напоминало скорее непроказивших детей.

На эту легкость восприятия опасности молодыми казачатами, из коих полк в 1919 году состоял, я неоднократно и потом обращал внимание. Не раз приходило в голову: не лучше ли начинать подготовку к войне и ее вести людьми именно в этом возрасте?

Хутор Семимаячный был взят без больших потерь, хотя в числе раненых выбыли ком. 2-й сотни есаул Полковников и сотник Солтысов.

Около 8 час. утра взошло солнце, и положение утяжелилось: совершенно ровное плато по направлению станицы Екатерининской, путь отхода красных, не давало никаких укрытий. У нас не было артиллерии, и бившие с открытых позиций орудия

красных, как и их многочисленные пулеметы, наносили нам чувствительные потери.

Вскоре выбыл за ранением командир 4-й сотни войск старш. Номикосов, при следовании на перевязочный пункт дополнительно тяжело контуженный снарядом. Выбыло много раненых казаков.

Тем не менее наступление шло таким темпом, что наши пулеметы не поспевали, и работали одни ручные Люисы.

Экзамен первого боя был сдан нашими молодыми казаками хорошо».

«..Лейб-казаки наступали, не ложась и не задерживаясь, — говорит записка заменившего раненого войск. ст. Номикосова есаула Шамина, — сближались с противником так, что переходили на штыки и каждый раз сбивали его..»

Попытки отвыкших от таких боев красных задержаться на промежуточных рубежах были ликвидированы, и противник был окончательно отброшен на станицу Екатерининскую.

Полковник Дьяков, приблизившись к станице, дождался подхода частей полк. Овчинникова и, передав им преследование разбитых красных, двинулся далее на север, на хутор Ясеноватый.

Однако наступила полная темнота, полк Дьяков отложил атаку Ясеноватого и повел сотни, прошедшие за день с боем более 25 верст, на ночлег в хутор Грушевский.

Как было сказано выше, конные сотни еще до рассвета выступили из хутора Дубового. Ввиду того что выступили они с опозданием на час, полк. Фарафонов испросил разрешения ген. Михайлова двигаться со своим Лейб-Казачьим дивизионом рысью.

Выйдя крутыми балками, под названиями Большая Грушевая и В. Семимаячная, в

обход хут. Семимаячного с сев.-запада, полк Фарафонов получил донесение правого дозора о движении по дороге от атакованного пехотой х. Семимаячного на х. Ясеноватый какой-то колонны с артиллерией.

Желая помочь своей пехоте, полк Фарафонов решил атаковать противника и развернул первую сотню ес. Краснова в лаву.

Сотня вышла из балки в направлении на восток. Восходящее на горизонте солнце светило прямо в глаза, и ничего нельзя было разобрать. Сотня уперлась в глубокую балку с крутыми обрывистыми стенками и приостановилась. Неприятельская артиллерия открыла огонь, и появились первые раненые. Здесь мелким осколком снаряда был легко ранен в щеку полковник Фарафонов.

Было решено выждать подхода других сотен, и первая сотня была оттянута в балку.

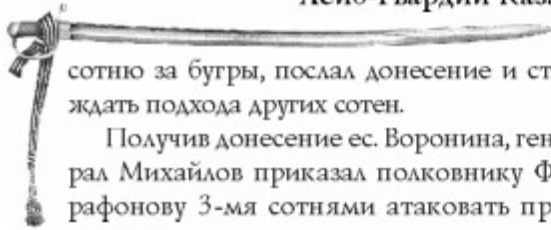
Привлечением на себя, на короткое время, артиллерийского огня противника собственно и ограничилось содействие конницы взятию Семимаячного, ибо, вследствие полученного донесения от командира 6-й сотни есаула Воронина, конные сотни повернули на север.

Сотня есаула Воронина была ранее послана на север, в направлении на хутор Мечетный, с задачей выяснить там присутствие своих или неприятельских сил и войти в соприкосновение с должностными подойти в этом направлении передовыми частями генерала Дукмасова.

Около 10 час дня 6-й сотней было обнаружено продвижение к Мечетному какой-то колонны, в составе одной батареи и пеших и конных частей. Пройдя Мечетный и оставив там конницу, неизвестная пехота стала разворачиваться против 6-й сотни.

Есаул Воронин сомневался — имеет ли против себя противника, однако подошедшая пехота открыла огонь. В ее цепь въехало два орудия. Есаул Воронин отвел свою

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

сотню за бугры, послал донесение и стал ждать подхода других сотен.

Получив донесение ес. Воронина, генерал Михайлов приказал полковнику Фарафонову 3-мя сотнями атаковать противника.

Дивизион лейб-казаков вышел из балки. На горизонте показались цепи красных и над головами засвистали пули.

Приказав есаулу Воронину помочь атакой левее и оставив 3-ю сотню в своем резерве, полковник Фарафонов двинулся на противника. Когда дивизион прошел уже полпути, по приказанию ген. Михайлова, 3-я сотня была отведена к нему назад.

Несколькими минутами ранее, и правее, двинулась в атаку по инициативе командира сотни ес. В. Андрианова сотня Лейб-Гвардии Атаманского полка.

Ес. Андрианов, видя начало движения лейб-казаков, решил оказать братскую помощь. К сожалению, доблестное его намерение не увенчалось полным успехом, ибо его атака оказалась несогласованной по месту и времени с лейб-казачьей. Потеряв убитыми двух доблестных офицеров, подесаула Алексея Андрианова и хорунжего Реуцкого, сотня была отведена в исходное положение.

Пройдя подъем местности, лейб-казаки увидали пехотные цепи, пулеметы и орудия красных, а слева — около эскадрона конницы — всего около 1500 человек. Противник открыл беглый огонь.

Несмотря на то что в дивизионе было немного более 200 шашек, лава продолжала двигаться вперед.

Вот блеснули в воздухе клинки шашек, в морозном воздухе раздалось «ура», и лава перешла в карьер, топоча по ровной мерзлой степи, как по торфовой мостовой. Стали падать убитые и раненые люди и лошади. Порыв был, однако, так силен, что каза-

ки, потерявшие лошадей, бежали за лавой с винтовками и шашками.

Лава дошла до красной цепи. Часть всадников проскочила к резервам и орудиям. Заработали пики и шашки.

В 1-й сотне командир взвода сотник Г.Ф. Дубенцев атаковал пулеметный взвод противника и уже почти дошел, как крикнул: «Урядник Золотарев, команду — я ранен» и упал мертвым.

Есаул Пашков и сотник Ляхов рубили прислугу у орудия, когда красноармеец из-за щита орудия выстрелом в упор убил есаула Пашкова, причем его кровью был забрызган сотник Ляхов. Подлетевший казак ударом пики снес череп убившего ес. Пашкова красноармейца.

В барабанах наганов командиров сотен ес. Краснова и ес. Воронина после атаки не осталось ни одного не выпущенного патрона.

Сотник Ротов, бывший со взводом в поддержке лавы 6-й сотни, атаковал полуэскадрон красных, порубил 12 всадников и обратил остальных в бегство.

В атаке под сотником Ротовым убита была лошадь. Придавленный своим конем, сотник Ротов получил перелом четырех ребер и ключицы.

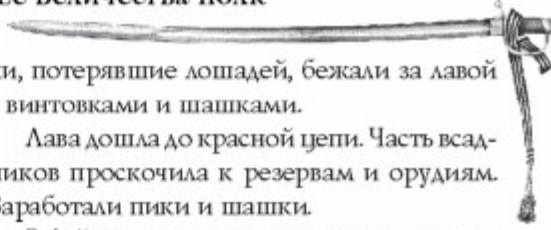
По свидетельству командира 1-й сотни ес. Краснова, особенно отличились в атаке подхорунжий Мигулин и вахмистр Бодрухин.

Красные не выдержали удара и побежали. Орудийная их прислуга рубила построумки и бросала орудия.

Казаки продолжали рубить бегущих.

1-я сотня дошла до места атаки Атаманской сотни ес. Андрианова, подобрала и вывезла тела доблестно павших подесаула А. Андрианова и хорунжего Реуцкого.

Опасаясь атаки оставшейся в Мечетном красной конницы, полковник Фарафонов остановил преследование, приказал стянуть

сотни и подобрать трофеи. Одновременно им было послано нижеследующее донесение:

«Начальнику 1-й Донской дивизии в хут. Семимаячный.

19 февраля, 11 часов. Южнее хут. Мечетного — 5 верст. В 10 час. сотнями ес. Краснова и ес. Воронина атаковал красных в 5-ти верстах южнее хут. Мечетного. Наши трофеи: 3 орудия с передками и одной запряжкой, 7 пулеметов, много пулеметных лент и патронов, 150 снарядов, 130 винтовок, 2 походных кухни, 15 повозок с лошадьми, 38 пленных. На поле боя осталось около 400 трупов и много несобранного оружия.

Наши потери: убиты есаул Пашков, сотник Дубенцев, 2 казака и 10 лошадей. Ранено 13 казаков и 13 лошадей. Полковник Фарафонов».

На ночлег пешие и конные части Гвардейской бригады по приказанию Начальника дивизии были стянуты в хут. Грушевский.

Разгром красных частей, было переправившихся через Донец, сильно поднял дух казаков-хоперцев полковника Савватеева, за свой длительный отход терпевших в последнее время одни неудачи.

Поднялось настроение и казаков местных станиц, добровольно мобилизовавшихся и образовавших дружины.

Тот же разгром понизил дух красных, уже было отвыкших от стойкого отпора их продвижению вперед. Красная конница, занимавшая хут. Мечетный, спешно ушла без боя за Донец.

Воспрянувшими духом донцами весь занятый было красными плацдарм был быстро очищен.

Расчеты красных, изложенные в найденном в бою 19 февраля приказе красного

командования, «взять 20 февраля Александро-Грушевск, а 22 устроить обед в Новочеркасске...», не оправдались.

За бой 19 февраля лейб-казаки получили ряд благодарностей. Штабом Донской Армии 22 февраля была опубликована нижеследующая сводка:

«В тяжелые дни, переживаемые Доном, многие части Донцов, сознавая важность серьезной задачи — защиты Родины, продолжают проявлять геройские усилия и не только сдерживать натиск противника, но и мощным напором теснить его. Около 5 часов 19 февраля наши молодые Лейб-казаки, совместно с частями полковника Овчинникова, дружным натиском выбили противника из хут. Семимаячного и беспрерывными боями отбросили его к станции Екатерининской, нанеся красным большие потери и захватив 3 пулемета и 3 зарядных ящика.

Одновременно, другая колонна лейб-казаков и Атаманцев, содействуя в конном строю, наступлением во фланг и тыл противника, встретили его колонну, наступающую от хут. Мечетного на хут. Дубовский. Стремительной атакой в конном строю колонна красных была большей частью изрублена сотнями молодой Гвардии, а уцелевшие красноармейцы бежали частью на хут. Ясеноватый, частью на восточный берег р. Донца. Атаке нашей Гвардии красные оказали упорное сопротивление, встретив наши атакующие части огнем из карэ. Изрубив до 300 красных, молодая Гвардия, недаром пролившая свою кровь в боевом крещении, захватила 3 орудия в полной запряжке, 1 зарядный ящик, 6 пулеметов, 2 походных кухни, 15 повозок и пленных».

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Войсковой Круг послал следующую телеграмму.

Генералу Чернозубову*: «Войсковой Круг гордится Вашей победой над обнаглевшим врагом, желающим вырвать у Дона свободу и право жить по казачьему обычаю. Передайте славным полкам Донской Гвардии и всем другим участникам лихого боя, что Войсковой Круг всегда верил и верит в казачью доблесть и знает, что никогда казаки не склонят свои головы перед насильниками и грабителями».

В газете «Донские Ведомости» от 21 февраля 1919 г. № 44 была напечатана следующая телеграмма Донского Атамана генерала Богаевского Начальнику 1-й Донской конной дивизии:

Генералу Абрамову: «С чувством радостного волнения читал я сегодня донесение о боевом крещении полков Гвардейской бригады, увенчавшемся ее славною победою. Глубоко верю, что эта победа переломит ход событий, и мы перейдем к ударам по всему фронту. Передайте полкам и батареям, что недалек тот день, когда полки Кубанского Казачьего Войска в битве плечом к плечу с нами за наш Дон и за победу всего казачества подтвердят свое единомыслие и братство. Я полон верой, что в этих битвах молодые полки Донской Армии будут прямыми отпрысками старой русской непобедимой армии и окажутся достойными ее старой славы и традиций. Тяжелые потери первого боя увеличивают славу молодой Гвардии. Я и все Войско с неослабным вниманием продолжаем следить за боевыми действиями Вашей дивизии. Передайте полкам мое поздравление, глубокую благодарность и лучшие пожелания. Да поможет Вам Господь. Вечная память павшим в славном бою 19 февраля».

* Ген. Чернозубов командовал фронтом на Донце.

От Командующего Донской Армией генерала Сидорина генерал Абрамов получил следующую телеграмму:

«Передайте Гвардейской бригаде, что я восхищен боевым крещением и убежденно верю, что ее слава разрастется в былую славу старой русской гвардии. Тяжелые потери боя увеличивают значение достигнутого успеха и свидетельствуют о несокрушимой доблести молодых полков. Прошу Ваше Превосходительство передать мою искреннюю благодарность всем бойцам от казака до генерала представить списки убитых для оказания помощи семьям и списки особо отличившихся для награждения. Да укрепит Господь Бог Вас и Ваши полки в это тяжелое время и да поможет Он нам с такою же славою, с какой дрались Донская Гвардия, бить супостата и гнать его вон с лица родной земли».

На большом Войсковом Круге в заседании 21 февраля Донской Атаман сказал речь, посвященную боевой обстановке. Вот выдержки из нее:

«...Сказывается факт объединенного командования: не только доблестные полки генерала Шкуро, но и генерала Покровского, которого вы завтра увидите, уже идут сюда. Эта помощь дает нам возможность твердо выполнить наши задания — и развить блестящий успех, о котором вы уже отчасти слышали. Это — действия нашей Молодой Казачьей Гвардии. Я счастлив засвидетельствовать, что не ошибся, когда, провозжая на фронт Гвардейские Казачьи части и говоря им напутственное слово, я выразил уверенность, что они недаром несут имя старой Гвардии и что они оправдают наше доверие. Они дали блестящее доказательство этому. Они не только одержали победу, но и подняли ею дух других полков».

В газете «Военный Листок» в № 4 за 24 февраля 1919 г. (ст. ст.) в оперативной сводке Штаба Донской Армии было сказано:

«По дополнительным сведениям, при атаке лейб-казаки и Атаманцев 19 февраля в районе хут. Семимаячного батальоны противника перестроились в карэ и встретили атакующих огнем в упор и были смяты только натиском коней. У многих лошадей есть штыковые раны. По показанию пленных 199-го полка красных, полк почти полностью уничтожен».

За конную атаку 19 февраля полковник Фарафонов был награжден очередной наградой — орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. Есаулы Краснов и Воронин — чином войскового старшины, сотник Ротов — орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Сотник Ляхов — орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

На следующий день состоялись похороны убитых казаков на местном хуторском кладбище.

Тела ес. Пашкова и сотн. Дубенцева были отправлены в Новочеркасск. После панихиды наскоро сколоченные гробы были положены на простую телегу и в сопровождении брата одного из убитых отправлены в последний путь.

Трубачи, игравшие при выносе из церкви «Коль Славен», как только повозка двинулась в дорогу, перешли на полковой марш, что хотя и не предусмотрено уставом, но было к месту и имело для оставшихся однопольчан глубокий смысл.

В последующие дни в станице Владимирской состоялись похороны скончавшегося от ранения на руках у матери, под сенью родительского дома, сотника Солтысова.

Еще только трое суток назад, при стоянке полка в ст. Владимирской, почивший приютил офицеров своей сотни в доме своей матери.

Добрая старушка, потерявшая мужа в Германской войне, с умилением смотрела на своего сына, которого давно не видала, и с удивительным радушием принимала его однопольчан.

Теперь же однопольчане старались, как могли, облегчить тяжкое материнское горе.

В боях 19 февраля были разбиты и потрепаны красные части, принадлежавшие к составу 23-й сов. дивизии.

Однако в районе станицы Усть-Быстрианской оставались еще весьма активно настроенные части 16-й стрелковой сов. дивизии имени Киквидзе, коих надлежало отбросить за Донец.

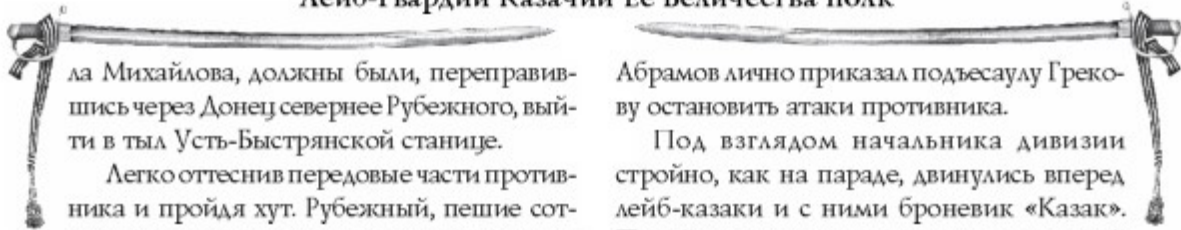
Состав 1-й Донской дивизии увеличился.

20 и 21 февраля подошли вернувшиеся из Каменноугольного района три сотни атаманцев. В те же дни прибыл из Новочеркаска Донской Учебный полк в составе двух конных и четырех пеших сотен, общей численностью в 500 штыков и шашек; 3-й Каалмыцкий полк в составе 320 штыков и шашек сосредоточился в хут. Дубовом. В состав 1-й дивизии вошли подошедшие батареи: 1-я Донская (4 орудия), 2-я Донская (2 орудия), Л.-Гв. 6-я Донская (2 орудия) и 27-я Донская (2 орудия).

(4-й полк 1-й дивизии находился в отряде ген. Постовского и присоединился к дивизии лишь 6 марта.)

22 февраля частям 1-й Донской дивизии приказано было, овладев хут. Рубежным, атаковать противника, занимавшего Усть-Быстрианскую станицу.

Конные три сотни лейб-казаков и четыре атаманцев, под общей командой генера-

ла Михайлова, должны были, переправившись через Донец севернее Рубежного, выйти в тыл Усть-Быстрианской станице.

Легко отгеснив передовые части противника и пройдя хут. Рубежный, пешие сотни подошли к садам, окружавшим станицу Усть-Быстрианскую.

Командовавший пешими частями полковник Дьяков рассыпал в цепь Учебный полк и сотню лейб-казаков есаула Шамина, оставив в резерве сотню лейб-казаков подесаула Грекова Андрея, послал две сотни Л.-Гв. Атаманского полка под командой войск ст. Жирова по балке, в охват слева позиции противника.

1-я Донская батарея есаула Бабкина открыла огонь, и цепи двинулись вперед. Противник открыл сильный артиллерийский и пулеметный огонь.

Учебный полк, в ряды которого перед отправкой из Новочеркасска было влито значительное число мобилизованных казаков и крестьян и имевший в своем составе много офицеров, не имевших боевого опыта и не смогших удержать людей в руках, замялся. Пришло сведение, что дружины казаков местных станиц, занимавшие позицию вправо, отошли. Противник перешел в контратаку. Л.-Казачья сотня ес. Шамина было выдвинулась вперед, но, понеся большие потери от пулеметного огня и утратив ранеными всех своих офицеров, кроме командира сотни, залегла и открыла огонь. Учебный полк начал отход, скоро принявший беспорядочный характер и образовавший прорыв, в который устремились красные.

Помогая начальнику дивизии задержать на месте учебников, был здесь ранен ружейной пулей и. д. нач. шт. дивизии Ген. Шт. полк. Иванов.

Уже и сотня резерва подесаула Грекова, и батарея есаула Бабкина несли потери от ружейного огня красных, когда генерал

Абрамов лично приказал подесаулу Грекову остановить атаки противника.

Под взглядом начальника дивизии стройно, как на параде, двинулись вперед лейб-казаки и с ними броневики «Казак». Подойдя к цепям противника, старенький броневики испортился, причем одновременно заклинился и его пулемет. Красные с криком «ура» бросились было к броневикам, но подоспела полусотня лейб-казаков, и броневики были отбиты и вытасканы назад.

Красные, сильно превосходившие числом и имевшие в цепи много пулеметов, залегли и открыли частый огонь.

Сотня Грекова, дошедшая совсем близко, несет потери. Ранен в грудь молодой хорунжий Г.А. Дубенцев. «Куда ранены?» — «В сердце, господин подесаул». — «Можете идти?» — «Могу, господин подесаул». — «Ну, тогда ничего, двигайтесь с Богом назад».

Цепь залегла. Впереди ранен кадровый лейб-казак, взводный урядник подхорунжий Савостьянов. Два казака бросаются его поднимать и падают — один смертельно ранен в живот, другой ранен в ногу.

Бросаются следующие два казака, и опять отползают ранеными. Кидается вперед сам командир сотни. Вот он рядом с Савостьяновым. Последний поднимает голову и говорит: «Господин есаул, они ловко пристрелялись, лягте» и... замолкает, ибо вторая пуля попадает в голову. Подползает вахмистр сотни, гигант, кадровый лейб-казак, подхорунжий Головков, легко, как перышко, подымает Савостьянова, встает во весь богатырский рост и уносит в тыл.

Падают убитые, отползают назад раненные; велики потери, но противник остановлен...

Между тем конные сотни, двинувшиеся утром на переправу по льду через Донец севернее Рубежного, переправиться не смогли из-за непрочности льда. Генерал Ми-

хайлов решил пассивно охранять левый фланг пехоты, от которой был отделен крутой и длинной балкой. По просьбе полковника Фарафонова к вечеру, дабы стать ближе к своей пехоте, конница была переведена в вершину балки. Ввиду выхода из боя Учебного полка, отсутствия сведений от войск старш. Жирова и трудного положения пехоты, генерал Абрамов приказал коннице выдвинуться и атаковать противника в конном строю.

Генерал Михайлов приказал полковнику Фарафонову взять две сотни лейб-казаков и выдвинуться вперед в указанном направлении. Уже стемнело, и ориентироваться стало очень трудно. Сотни развернулись в лаву и не успели пройти и версты, как были встречены в упор огнем из винтовок. Определить — стреляли ли свои или противник, и атаковать в конном строю ввиду наступившей абсолютной темноты не представлялось возможным, и сотни спустились в балку, выслав вперед разведку. Последняя установила наличие противника и донесла о начавшемся его отходе на станицу Усть-Быстрианскую. Ввиду наступившей темноты, понесшие большие потери пешие сотни были отведены на хут. Голубинский. В конце отошел, вынося с небольшой группой казаков последних раненых, подьесаул Греков*.

* Генерал Дьяков в своих комментариях к описанию боя 22-го придает большое значение порядку выхода в бой сотни подьеса. Грекова: «Часам к двум положение стало критическим. Красные напирали. С большим трудом удавалось сдерживать учебников, отошедших на уступ назад, а частью и покинувших поле боя.

Видно было, что из последних сил держится понесшая большие потери сотня лейб-казаки ес. Шамина. Отлично работал пулеметный Лейб-Казачий взвод, с прекрасной по обстрелу, но к сожалению открытой позиции, почему у одного пулемета были перебиты все номера.

Конницу генерал Абрамов развернул лавой и пустил в темноте вперед подобрать раненых, убитых, оружие, что и было сделано.

Таким образом, из-за опоздания выхода конницы, неучастия Калмыцкого полка, потери связи со сбившимся с верного направления войск старш. Жировым и неучастия поэтому в бою его пеших сотен, как и вследствие неудачи, понесенной Донским Учебным полком, бой закончился несколько неопределенно.

(Первая неудача Учебного полка мало отразилась на его дальнейшей работе, и впоследствии этот полк хорошо дрался в рядах 1-й Донской дивизии в Каменноугольном районе.)

(Именно около этого взвода была и „штаб-квартира“ генерала Абрамова. Один раз, к своему ужасу, я видел его подвезжающим к этим пулеметам верхом.)

Сдали свою позицию старики казаки, стоявшие правее и теперь отошедшие назад.

Ожидаемая помощь от высланных в обход сотен войскового старшины Жирева не приходила.

В воздухе чувствовалась возможность катастрофы. Был двинут последний резерв — сотня подьеса. А. Грекова.

Полным ростом, твердым шагом, под сильным огнем, сквозь образованный уходом учебников прорыв, сотня вышла шагов на 200 вперед за наши позиции и, там залегши, открыла спокойный, прицельный огонь.

Совершился психологический перелом в наших цепях — они сразу окрепли. Совершился перелом и у красных, остановивших наступление и подавшихся назад. Опасность катастрофы миновала.

Подсознательное чувство подсказало Грекову, что в условиях данной минуты, вопреки правилам пешего боя, он должен был идти в полный рост и выдвинуться вперед за линию наших цепей. Исполнил он то же приказание перебежками по звеньям, пригнувшись, уложи он людей на линии друтих цепей, — результат получился бы иной.

По силе духа, подьесаулом Грековым здесь проявленным, можно, не боясь преувеличения, назвать этот выход в бой воинским подвигом...»

Однако на следующее утро выяснилось, что части 16-й стрелк. советской дивизии, понесшие большие потери от огня и сильно расстроенные боем, по предшествовавшему примеру разбитых 19 февраля частей 23-й советской дивизии, отошли ночью полностью за Донец.

Советская «История Гражданской войны» говорит: «Не поддержанная соседями и испытывая острый недостаток в патронах, 16-я стрелковая дивизия была вынуждена отойти за Донец.» («Гражданская война». Т. 3. С. 230).

В бою 22-го был ранен пулей в руку командир полка полковник В. Дьяков, оставшийся в строю и до конца руководивший боем.

Из числа офицеров были ранены: хор. Г.А. Дубенцев 2-й, хор. Денисов, хор. Балабин и сотник Какурин.

Какое же значение имели бои 19 и 22 февраля 1919 года, главная тяжесть коих легла на молодой Лейб-Гвардии Казачий полк и успех коих был им куплен ценою крупных потерь?

1. Приведем выдержку из статьи б. нач. разв. и операт. части Донской Армии полковника Добрынина («Военный Сборник», кн. 2-я, статья «На Донце и Маныче», полк. Добрынин).

«...День 19 февраля 1919 года является датой, послужившей началом новых событий на Донском фронте. В этот день произошел перелом, давший казачеству окончательную веру в возможность дальнейшей борьбы. Этот день, после ряда тяжелых дней отхода за Донец, принес радостную, встряхнувшую всех весть о начале побед.

...19 февраля был дан первый отпор красным, пытавшимся захватить Новочеркасск с налета. Успехи стоили значительных потерь Донским полкам, в особенности Гвардии, но достигнутый результат компенсировал тяжкие жертвы...»

Отсюда следует первый вывод: успех на Донце 19 февраля поднял дух других частей Донской Армии.

2. Переправившиеся через Донец части 23-й и 16-й советской дивизии принадлежали к составу 9-й сов. армии, коей красным командованием была поставлена задача взять 20-го Александровск-Грушевск, а 22 февраля — Новочеркасск.

Разбитые и потрепанные 19 и 22 февраля, они отошли за Донец, потеряв захваченный ими до начала ледохода плацдарм на нашем берегу Донца. Последний вскоре разлился и обратился в серьезную преграду.

Отсюда второй вывод: боями 19 и 22 февраля была сорвана попытка красных выйти в сердце Войска кратчайшим путем, с налета, на плечах отходившей и расстроенной Донской Армии.

3. Отметим, что именно к концу февраля красное командование изменило юго-восточное направление своего наступления на Новочеркасск — Ростов, кратчайшее, на более западное и более длинное, через Каменноугольный район.

Изменение направления красного наступления нам было весьма выгодно, ибо его осуществление требовало длительных и сложных передвижений красных частей вдоль фронта, с востока на запад, и, следовательно, давало нам некоторый выигрыш времени, совершенно нам необходимый для привода в порядок Донской Армии и подвоза свежих кубанских частей с Северного Кавказа.

Правда, перемена плана была принята красным командованием не без колебаний,

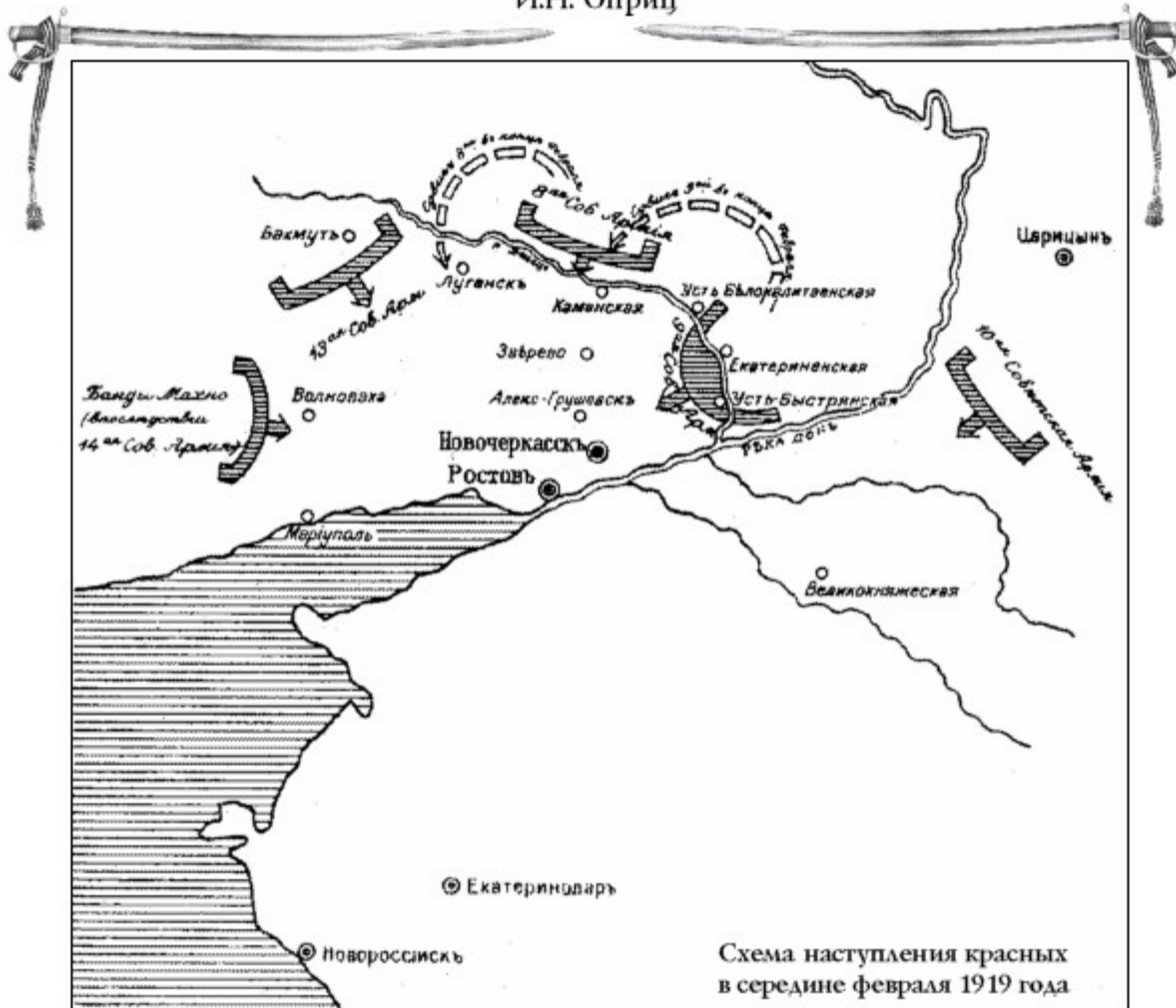

Схема наступления красных
в середине февраля 1919 года

не сразу, а постепенно, в течение всего февраля, и обуславливалась наличием весьма разнообразных факторов, из коих на первом месте стояло значение, придаваемое партийцами Каменноугольному бассейну.

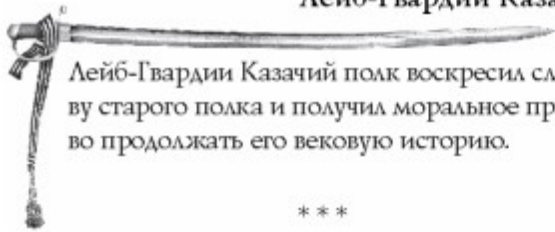
Однако если учесть, что взятием Новочеркаска и Ростова, с какой бы стороны их ни взять, предreshалась участь и Донецкого бассейна, и если учесть, что изменение главного направления наступления красных оформилось окончательно и бесповоротно лишь в директиве ком. Южного фронта Гиттиса № 2289, отданной 26 февраля (11 марта нов. ст.), то представится весьма вероят-

ным, что именно потеря IX сов. Армией плацдарма на нашем берегу Донца послужила последним толчком к выгодной нам перемене решения красного командования.

4. Из приведенных выше откликов командных и правящих Донских верхов на бой 19 февраля — ясен перелом в настроениях Новочеркаска, было уже начавшего поддаваться панике. Ныне население успокоилось, и в столице Дона создалась вновь нужная для продолжения борьбы атмосфера.

5. Наконец, бои 19 и 22 февраля имели и чисто свое, полковое значение: молодой

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Лейб-Гвардии Казачий полк воскресил славу старого полка и получил моральное право продолжать его вековую историю.

Генерал Абрамов в своих комментариях к боям 19 и 22 февраля говорит: «Блестящий успех боевого крещения молодого Лейб-Казачьего полка в боях под Семимаячным и Рубежным надо отнести к личной доблести и умелому руководству командира полка полк. Дьякова и беззаветной храбрости гг. офицеров и кадровых вахмистров и урядников Л-Гв. Казачьего полка. — Ген. Абрамов».

В течение шести дней Лейб-Гвардии Казачий полк простоял на хуторе Голубинском. 24-го полковник Дьяков эвакуировался в Ростов для лечения раны, и во временное командование полком вступил полковник Фарафонов. 25-го состоялись похороны убитых в последнем бою лейб-казаков.

Чтобы очистить район левого берега Донца от красных, генерал Абрамов приказал 28 февраля Гвардейской бригаде занять хутор Мечетный, где еще держались красные и откуда ими высылалась разведка. Пешие части дивизии под общим командованием генерал-майора Михайлова повели наступление на хутор Мечетный, конные же части Гвардейской бригады с 2-я орудиями были направлены под начальством полковника Фарафопова в обход хутора Мечетного с юго-востока.

Хутор Мечетный красные поспешно очистили, не приняв боя. Пешие сотни заночевали в хут. Мечетном, конные же прошли хут. Какичев и только из хут. Богатого были обстреляны артиллерией спешно отходивше-

го за Донец противника. Два орудия, приданные конным частям Гвардейской бригады, открыли огонь по обозам красных, и было видно, как повозки разлетелись по степи во все стороны. Высланные вперед две сотни заняли хут. Бугураев, откуда красные тоже поспешно ушли. Дальше шел Донец, представлявший естественную преграду.

Весь левый берег Донца, таким образом, был очищен от красных, и генерал Абрамов вернул конные части на ночлег в хутор Ясиноватый.

Потеряв плацдарм, было захваченный 9-й советской армией на правом берегу Донца, противник потерял возможность нанести удар по кратчайшему направлению на решающую линию Новочеркасск — Ростов, притом в момент, критический для Донской Армии.

Противник произвел было попытку перейти Донец в районе Усть-Белокалитвенской, но 23 февраля и эта попытка ободрившимися Донскими частями была отбита.

Начался весенний разлив рек, и фронт по Донцу принял пассивный характер.

Противник начал перегруппировку своих частей, перенося центр своих усилий на запад, в район Луганска и Каменноугольного бассейна.

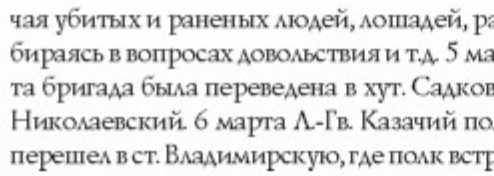
Донская Армия получила передышку, начала расти численно и оправилась морально.

С Сев. Кавказа успели подойти Кубанские и Добровольческие части.

Кризис миновал...

3 марта Лейб-Гвардии Казачий полк перешел в хут. Голубинский, где заработали полковая и сотенные канцелярии, исклю-

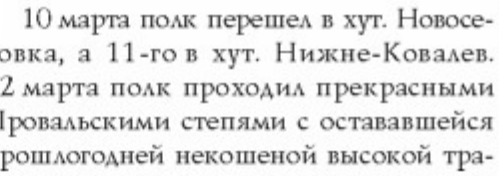
И.Н. Оприц

чая убитых и раненых людей, лошадей, разбираясь в вопросах довольствия и т.д. 5 марта бригада была переведена в хут. Садково-Николаевский. 6 марта Л.-Гв. Казачий полк перешел в ст. Владимирскую, где полк встретил Командующий фронтом генерал Чернотубов (старый лейб-казак). Он ласково приветствовал полк и благодарил его за боевую работу и особенно за атаку 19 февраля.

До 10 марта полк простоял в ст. Владимирской — был Великий пост. Полковым священником о. Сергием было начато великопостное служение, весь полк говел и 8-го — принимал Св. Причастие.

Здесь было произведено окончательное переформирование полка: как уже было выше сказано, во время последних боев конные полусотни были сведены вместе, однако казаки и лошади продолжали числиться в своих сотнях. По просьбе командиров сотен начальник дивизии разрешил свести все конные полусотни в 3 постоянные сотни — в 1-ю есаула Краснова, в 3-ю есаула Дубенцева и в 6-ю есаула Воронина. Пешими же постоянно остались 2-я сотня есаула Полковникова и 5-я есаула Шамина. (Ввиду больших потерь, 4-я была влита на усиление 2-й и 5-й сотен).

10 марта полк перешел в хут. Новоселовка, а 11-го в хут. Нижне-Ковалев. 12 марта полк проходил прекрасными Провальскими степями с остававшейся прошлогодней некошеной высокой травой. В Провальском Конном заводе, уже эвакуированном, полк сделал получасовой привал. На ночевку пришли в хут. Деревянский, и Л.-Гв. Казачий полк вошел в Каменноугольный район.

Полку предстояла новая боевая работа.

Всего за рассмотренный нами период боев на Донце потери Л.-Гв. Казачьего полка выразились в следующих цифрах:

Офицеров:

Убито	3
Ранено	9

Казаков:

Убито	35
Ранено.....	94

Лошадей:

Убито.....	22
Ранено.....	32

С приходом полка на фронт появились заболевания сыпным тифом. В течение февраля было эвакуировано в тыл сыпнотифозных 40 казаков и 2 офицера.

Глава IX

КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ РАЙОН В МАРТЕ И АПРЕЛЕ 1919 г.

Общая обстановка. — Переброска 1-й Донской дивизии. — Характер борьбы в новом районе. — Бои за район Круглик — Успенка — Орехово — Шелковый проток. — Пешие и конные атаки лейб-казаков. — Благодарственные приказы по дивизии. — Переброска на хут. Б. Зверев. — Страстная неделя и походная церковь. — Возвращение в Каменноугольный район. — Смотр Командующего Донской Армией генерала Сидорина. — Бои у госп. дв. Максимовка, хут. Мечетного, ст. Щетово, села Ребрикова и взятие Орехова. — Перелом настроения красных. — Оценка результата действий 1-й Донской дивизии в Каменноугольном районе. — Полковой лазарет в Ростове. — Потери полка и боевой состав к концу апреля.

В начале марта, после окончательно определеннейшей неудачи захвата Новочеркасска прямым наступлением с северо-востока, красное командование приняло новый план удара в юго-восточном и восточном направлениях для захвата Каменноугольного Донецкого бассейна и выхода в самое сердце Донской Области, на линию Новочеркасск — Ростов.

«...Нам смертельно нужен уголь, — писал в то время Бронштейн-Троцкий. — Донецкий фронт является важнейшим для советских республик... Потеря Петрограда для нас не была бы так тяжка, как длительная потеря Донецкого бассейна. Вот почему все внимание сосредотачивается на этом фронте...»

Оставив 10-ю армию Егорова (23 тыс.) обозначать наступление на юг, вдоль линии жел. дороги Царицын-Торговая, и растянув на пассивном фронте, от Чира по Дону и далее по Донцу, до впадения в него Луган-

чика, 9-ю армию (28 тыс.), советское командование перебросило в район Луганска 8-ю (27 тыс.) армию Тухачевского, сгруппировав южнее, в районе Никитовки, 13-ю армию Кожевникова (25 тыс.) и в районе Волновахи 14-ю, состоявшую из украинских формирований (20—25 тыс.).

8-я, 13-я и 14-я армии, общей численностью в 70—75 тысяч бойцов, должны были уничтожить группы белых, прикрывающих Донецкий бассейн, захватить последний и выйти на линию Ростов — Новочеркасск.

В конце февраля против этих трех советских армий мы имели:

на правом фланге, в районе Луганска, конную ударную Донскую группу генерала Коновалова численностью в 3—4 тысячи, составлявшую левый фланг Донской Армии.

Далее на юг, до Колпакова, шло никем не обороняемое пространство, а от Колпакова до Мариуполя и Бердянска шел более нежели растянутый фронт 12-тысячной

Добровольческой Кавказской Армии генерала Май-Маевского.

В далеком тылу, у города Александро-Грушевска, еще только сосредоточивались перебрасываемые с Кавказа дивизии генерала Покровского и генерала Шкуро.

Как сказано было в предыдущей главе, 1-я Донская дивизия по окончании своей боевой задачи на Донце в начале марта была перебросана в Каменноугольный район, где заняла стык между Кавказской Армией и Донской группой генерала Коновалова, дабы совместно с последней и правым флангом Кавказской Армии нанести встречный удар наступающим красным армиям, направляя его, согласно директиве генерала Деникина, на линию Дебальцево — Луганск.

Задача 1-й Донской дивизии была крайне тяжела: занимая участок в несколько десятков верст по фронту, дивизия имела перед собою наступавшего, многократно превосходящего численностью противника. Действия дивизии затруднялись как недоброжелательным отношением местного шахтерского, большевистски настроенного населения, так и главным образом весенней распутицей и бездорожьем, мешавшим быстрым переброскам конницы, затруднявшим подвоз из тыла отсутствующих на месте фуража, хлеба и боевых припасов.

Помимо потерь в боях ряда полка косила свирепствующая кругом эпидемия сыпного тифа.

Боевые действия дивизии сводились к энергичным коротким ударам по противнику, причем, ввиду невозможности обнажать весь многоверстный участок, не представлялось возможным сосредоточивать всю дивизию, и удары наносились комбинированными группами, силою от двух до трех полков.

Ведя бои в районе деревень Круглик, Орехово, Успенка, Лейб-Казачий полк бил противника короткими ударами, причем действия сотен носили такой смелый и решительный характер, что скоро полк внушил к себе страх и уважение. В частях противника, по словам пленных, «белая амуниция» наводила панику на красноармейцев, почему казаки особенно тщательно белили ремни своей гвардейской амуниции.

По выступлении в Каменноугольный район 1-я Донская дивизия, наступая широким фронтом на запад, 13 марта, после небольшой стычки, вступила в пределы Екатеринославской губернии. На правом фланге наступал Л.-Гв. Казачий полк в составе Гвардейской Казачьей бригады. 14 марта Гвардейская бригада получила задачу занять Орехово, для чего в виде авангарда были выдвинуты конные сотни под командой полковника Фарафонова. Пройдя Власово-Александровку, сел. Картушино, хут. Щетовский и Веселомарьевку, спешенные части конницы завязали бой с занимавшими Орехово красными. Увидя обход конных сотен, красные бежали, но преследовать их не было никакой возможности, так как весенний грунт черноземного района обратился в непролазную грязь: лошади с трудом вытягивали ноги, а двуколки с пулеметами останавливались на каждом шагу.

Полк заночевал в Орехове*.

* При подходе конных сотен из Орехова произошел следующий эпизод: к полковнику Фарафонову, за коим казак вез командирский Лейб-Казачий значок — алый флаг с Мальтийским малиновым крестом, — подскакал всадник и, круто осадив лошадь, крикнул: «Товарищи, держитесь, сейчас подходит подмога!»

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

На 15 марта Гвардейская бригада получила задание взять сел. Успенское и ст. Шмитовскую. Эти оба пункта имели для красных громадное значение, так как прикрывали гор. Луганск. Они были прочно заняты крупными частями, усиленными бронепоездами. Высланные вперед конные части встретились с цепями красных, занявших кряжистые гребни, по местному выражению, «скели», и поэтому принуждены были спешиться. Быстро, без перебежек двинулись вперед спешенные цепи. Было усилившийся огонь красных сразу заглох, и они очистили свою позицию, не приняв удара. Однако по занятии гребня спешенные сотни имели перед собою совершенно открытую местность, почему пришлось ждать подхода пеших сотен. В бинокль было видно, как к красным подходили по железной дороге новые эшелоны, усилившие их настолько, что дальше продвинуться не удалось, и с наступлением темноты сотни, оставив на взятом гребне наблюдение, вернулись на ночлег в Орехово.

17 марта красные с утра атаковали занятое Гвардейской Казачьей бригадой Орехово и дер. Круглик, занятую 4-м Донским полком, причем им удалось выбить последний из Круглика.

Гвардейская Казачья бригада встретила атаку красных на Орехово контратакой и, опрокинув их, двинулась на помощь 4-му полку.

Всадник был красным разведчиком, принявшим полковой значок за красное знамя, а полковника Фарафонова за красного командира. Увидев потоны офицера и казака, он окаменел.

Полковник Фарафонов не успел сказать слова, как ударом шашки казака-ординарца красный был зарублен.

К вечеру совместно с 4-м Донским полком Гвардейская Казачья бригада выбила из Круглика красных, отошедших под защиту своих бронепоездов на Успенку.

Пешие сотни лейб-казаков ночевали в Круглике, конные — в Орехово.

На следующий день, 18 марта, генерал Абрамов, руководя сам боем, сосредоточив почти всю дивизию, начал наступление на Успенское, выдвинув конные части под начальством полковника Фарафонова к дер. Ново-Павловка.

Пешие сотни, выступив на рассвете из Круглика, в 8 часов атаковали дер. Булахово, занятую конной бригадой противника, после короткой перестрелки отошедшей на запад.

Заняв к 10 часам Булахово, пешие сотни продвинулись еще две версты вперед, но дальше не двигались, ввиду появления за правым флангом крупных сил противника, парировать удар коих было нечем. Однако появившийся за флангом противник ограничился пассивным огневым боем, и к вечеру пешие сотни, свернувшись в колонну, двинулись на ночлег в Орехово.

Туда же вернулись и конные сотни, ведшие днем огневой бой с пехотой и артиллерией противника у дер. Поповки, кончившийся, благодаря значительному превосходству в силах противника, в ничто.

19-го 1-я Донская дивизия принимала участие в общей атаке на Луганск. Главный удар по направлению на Луганск должен был быть нанесен Конным корпусом, состоявшим из 2-й и 8-й Донских дивизий, а 1-я Донская дивизия имела задачей содействовать удару выходом в тыл Луганска, с занятием сел. Успенское, Белое и станции Меловая — Сборная.

Выступив в 7 часов утра, дивизия атаковала и взяла село Успенское. Противник отошел на Иллирию, Белое и Ново-Павловку (что на левом берегу Ольховки).

Пешие сотни лейб-казаков, пройдя Успенку, завязали огневой бой с противником, занимавшим Ново-Павловку. В 3 часа дня пришло приказание генерала Абрамова ночевать в Ново-Павловке.

Пешая сотня лейб-казаков под командой есаула Шамина быстро развернулась и с маху ворвалась в деревню. Выбитый из Ново-Павловки, противник отошел на Белое.

Было уже совершенно темно, когда остальные сотни вошли в деревню. Грязь была такая непролазная, что еле вытягивали ноги.

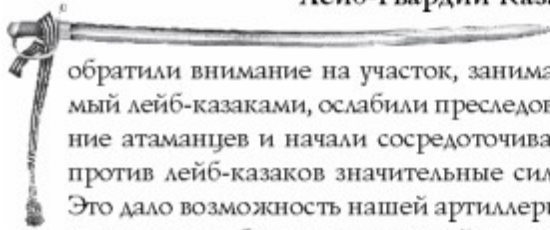
Конным сотням несколько позднее было приказано ночевать в дер. Ушаковке, занятой противником. Уже солнце зашло и стемнело, когда 3-я спешенная сотня лейб-казаков есаула Рыковского, подойдя к деревне, неожиданно для красных, уже расположившихся на ночлег, ворвалась в Ушаковку, очистив ее штыковым боем, после чего, дабы дать людям полный отдых, перешла на ночлег в Ново-Павловку.

На следующий день, 20 марта, генерал Абрамов продолжал выполнение задачи предыдущего дня, для чего с утра на с. Белое повел наступление отряд полковника Лобова, в составе пешех сотен Атаманского полка, 5-й пешей сотни лейб-казаков и пешей сотни 4 Донского полка, с двумя орудиями. В 10 часов утра отряд подошел к ст. Белой и развернул боевой порядок. Наступление повели цепи атаманцев и 4-го полка, при пулеметной команде Лейб-Казачьего полка. Сотня лейб-казаков была оставлена в резерве и находилась непосредственно за артиллерией. Наступающие цепи были встречены сильным и метким артиллерийским огнем, почему, пройдя некоторое расстояние, залегли. Завязалась

ружейная перестрелка. Артиллерия красных, скоро пристрелявшись, начала засыпать цепи снарядами. Несколько очередей было послано и по резерву. Наша же артиллерия отвечала редко, так как имела всего по 15 снарядов на орудие.

В цепях быстро стали расти потери. В пулеметной команде лейб-казаков был перебит кожух одного пулемета и два пулемета заклинились. Убито и переранено более 50 процентов состава пулеметной команды. Ранен, но остался в строю начальник пулеметной команды подесаула Туркин.

Вскоре неожиданно со стороны дер. Иллирия, угрожая нашему левому флангу и тылу, появилась наступающая цепь красных. Сотне лейб-казаков было приказано встретить противника. Лейб-казаки немедленно развернули боевой порядок и по установившейся уже привычке, во весь рост, не ложась, без перебежек, стреляя на ходу, повели энергичное наступление. В частном резерве была оставлена одна полусотня. Красные, силою около роты с 2-мя пулеметами, увидя лейб-казаков, сперва залегли, а затем побежали, оставив на месте более трех десятков убитых и 1 пулемет. Лейб-казаки бросились преследовать. В это время цепи Атаманского и 4-го полков, под давлением введенных в бой свежих частей красных, под артиллерийским огнем, усиленным тяжелыми снарядами с двух красных бронепоездов, начали отходить. Цепи красных перешли в преследование. Тут оставшейся в резерве полусотне лейб-казаков было приказано переменить фронт, рассыпаться в цепь и открыть по красным огонь, остальным двум взводам было послано приказание — одному взводу держать тот же фронт, а другому переменить фронт и оказать сопротивление красным, наступавшим со стороны с. Белое. Красные, видя, что наступление идет не по всему фронту,

обратили внимание на участок, занимаемый лейб-казаками, ослабили преследование атаманцев и начали сосредоточивать против лейб-казаков значительные силы. Это дало возможность нашей артиллерии и пулеметам благополучно отойти и перейти реку по единственному мосту у д. Ушаковки. Обеспечив благополучный отход артиллерии, лейб-казаки начали, в свою очередь, отходить. В особенно трудном положении оказался взвод подесаула А. Грекова, зарвавшийся в преследовании далеко вперед. Двигаясь назад на р. Ольховку и выйдя из балки, он увидел неожиданно вправо от себя густую цепь красных, наступавшую параллельно отходящему взводу. Дозорные этой цепи были открыли огонь, но затем начали кричать, не 1-й ли батальон. Подесаул Греков остроумно использовал их ошибку, ответил утвердительно и, для вящей убедительности, послал им град ругательств за стрельбу по своим, приказав податься вправо и не лезть в чужой участок.

Красные дозорные послушно стали махать шапками своей цепи, которая и стала поддаваться вправо. Подесаул же Греков продолжал свой путь и благополучно вышел на мост у Ушаковки.

В этом отходе отличился взятый накануне подесаулом Грековым и поставленный в строй пленных красноармейцев, крестьянин с Волги: он не только не пытался бежать, но, несмотря на тяжесть отхода, лично тащил пулемет Максима, отобранный у красных в начале атаки, доставив его в лейб-казачью пулеметную команду.

Дойдя до реки, лейб-казаки группами, где удобнее, вплавь переправились и вернулись в д. Орехово.

В этом бою были ранены: есаул Шамин пулей в лицо, подесаул Туркин и хорунжий Прокофьев.

Конные сотни полка в это время занимали с. Илирию. Видя отход своих пеших частей, конница заняла гребень севернее Ушаковки и прикрыла отход пехоты.

В виду трудностей, встреченных конным корпусом, не сможем продвинуться вперед, операция под Луганском была отложена. От генерала Коновалова был получен приказ активно оборонять свои участки: 2-й дивизии — 5 верст; 8-й дивизии — 7 верст, а 1-й Донской дивизии — 40 верст, да еще с приказанием оборонять правый фланг кубанцев на жел. дороге у ст. Волнихино.

23 марта генерал Абрамов снова повел наступление на с. Успенское. Завязался бой на буграх, «скелях». Но на этот раз Гвардейская Казачья бригада приурочила свой решительный удар ко времени выдвижения правее частей генерала Коновалова.

Последние, однако, не появились, и противник, имевший сильнейшее превосходство в силах, распространялся по реке Луганчику, охватывая справа участок 1-й Донской дивизии.

Конные сотни Гвардейской Казачьей бригады, спешившись, прикрывали правый фланг позиций. Когда красные, обходя фланг, появились в балке, спешенная сотня (6-я) с войск старш. Ворониным и сотником Могиланским энергично перешла в контратаку, погнала красных к почти дошла вплотную для штыкового удара, но была встречена новыми подошедшими подкреплениями и стала с потерями отходить. Сотник Могиланский был ранен тяжело в ногу и под руки выведен из боя двумя казаками. Ранен был вольноопределяющийся Реми.

Отличилась восстановившая положение пешая полусотня лейб-казаков, бывшая в резерве и в критический момент выдвинутая вперед.

24 марта снова был бой, не приведший ни к каким результатам в районе с. Успенского — Орехово — Шелковский Проток.

25 марта из Ростова прибыло в полк конное пополнение во главе с командиром полка полковником Дьяковым, из выздоровевших от ранений офицеров, казаков и лошадей и распределено по сотням. В этот день красные, снова из д. Круглик, повели наступление на с. Орехово, которое защищалось полковником Лобовым, с 4-м Донским Казачьим полком. После небольшой перестрелки полк этот, очистив Орехово, отступил за железнодорожную линию, обнажив левый фланг дивизии. Получив донесение и просьбу полковника Лобова помочь ему, генерал Абрамов выслал 3-ю конную сотню лейб-казаков с есаулом Дубенцевым и есаулом Рыковским и две конные сотни атаманцев с полк. Матвеевым. Сотни заняли командующую позицию и огнем не позволили красным выйти в лежащую в долине слободу. Но так как полковник Лобов продолжал просить помощи, генерал Абрамов приказал полковнику Фарафонову с двумя конными сотнями лейб-казаков, войсковых старшин Краснова и Воронина, а также с двумя пешими сотнями Учебного полка отбить наступление красных. Сотни Учебного полка были рассыпаны в цепь рядом с 3-й сотней и со спешенными сотнями атаманцев, а 1-й и 6-й сотням лейб-казаков полковник Фарафонов приказал атаковать цепи красных на открытой низине, эшелонами в конном строю. При виде разворачивающихся из-за горы конных лейб-казаков красные уменьшили сперва огонь, а затем побежали. Эта картина увлекла, и наши цепи, которые с криками «ура!» бросились в атаку. Красные проскочили в панике деревню Круглик и враспынную карабкались на возвышенность. Конные сотни изрубили около 70 красных и захватили 3 пулемета и 60 пленных. На опросе пленных было выяснено, что против дивизии действовали

следующие полки: 10-й Воронежский, 33-й советский, 1-й конный Ахтырский и 1-й Восточный.

В этом бою был тяжело ранен в обе щеки навывлет есаул Ф. Рыковский и легко в ухо оставшийся в строю есаул Дубенцев. Тяжело был контужен снарядом сотник Б. Греков. Полк ночевал в Орехове.

Заметка ген. Абрамова говорит: «К 15 часам красные навалились на Орехово. Лобов отошел, и положение создавалось скверное — полный прорыв фронта дивизии... Спасибо лейб-казакам и Лобову: конной атакой лейб-казаки во фланг и тыл уже вошедших в Орехово красных, при поддержке сотен Учебного полка и Лобова с юга — красные обращены в бегство. Орехово к 19 час. нами взято обратно.»

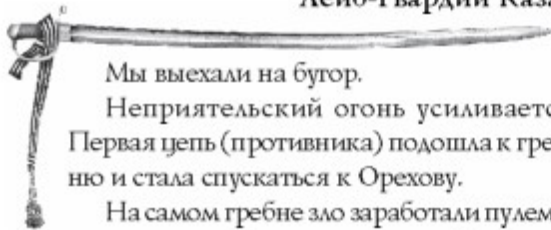
Приводим здесь (в выдержках) описание конной атаки 1-й и 6-й сотен, сделанное приехавшим из Ростова на побывку в Л.-Гв. Казачий полк очевидцем Борисом Сувориным и помещенное им в газете «Вечернее Время» (№ 1232 от 29 марта 1919 г.):

«День Благовещения был ярким, солнечным и теплым... В этот день мне повезло, я видел блестящий бой первой Донской дивизии у Орехова...»

«Неприятель перешел в наступление на Орехово и потеснил стоявший там полк. Двинуты на подмогу пешие и конные сотни других полков дивизии.»

Стройными рядами проходили конные сотни Гвардейских полков мимо командира бригады полковника Дьякова. Вид у казаков был блестящий и уверенный в себе...

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Мы выехали на бугор.

Неприятельский огонь усиливается. Первая цепь (противника) подошла к гребню и стала спускаться к Орехову.

На самом гребне зло заработали пулеметы, то там, то здесь вздымаются облачка сухой земли.

Полковник Дьяков подходит к полковнику Фарафонову; сейчас будет конная атака...

Уже две сотни лейб-казаки выравниваются в балке...

Вот они двинулись вперед...

Неприятельская стрельба усиливается, но ненадолго...

Трудно описать тот восторг, который охватывает вас, когда видите, сравнительно с врагом, горсточку людей, идущих в конную атаку...

Увеличивается ход, шире становится лава. Вот спускаются — одни с шашками, другие с пиками наперевес, к балке, по которой ведет наступление противник.

Карьер...

И тут происходит нечто удивительное: неприятельская стрельба на этом участке сразу прекращается, орудийная, и пулеметная, и ружейная.

Противник не принял удара и бежит.

„Догонят или не догонят” — гадаем мы, стоя на бугре.

Кое-где возвращаются раненые.

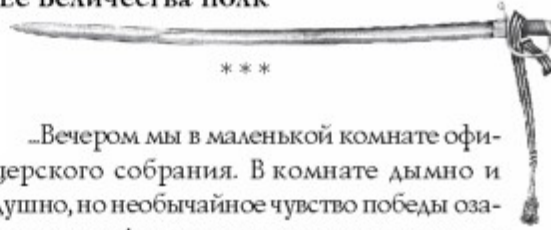
Вот ведут пленных...

„Значит, догнали”, — говорит полковник Дьяков.

По балке возвращаются сотни лейб-казаков.

Командир 1-й сотни войсковой старшина Краснов взял 3 пулемета и зарубил много красных. Командир 6-й сотни войсковой старшина Воронин также взял пулемет и порубил большевиков...

Хорошо работали и пешие части дивизии...

..Вечером мы в маленькой комнате офицерского собрания. В комнате дымно и душно, но необычайное чувство победы озаряет лица. Душа радуется, глядя на эту молодежь. Невольно вспоминаются ростовские окопники, и становится противно — эти люди в озарении победы слишком высоки, чтобы допустимо было какое-либо сравнение...»

Македоновка. 27 марта. Борис Суворин».

На следующий день д. Круглик вновь была занята красными. генерал Абрамов решил их выбить оттуда в ночь на 28-е марта ночной атакой, ввиду совершенно открытых подступов. Ночь была на редкость темная, пешие сотни бригады под начальством полковника Поздеева были направлены на д. Круглик; три конные сотни под начальством полковника Фарафонова — в обход с юга-запада д. Круглик и для прикрытия левого фланга дивизии. Только что приехавшему полковнику Дьякову поручено было общее наблюдение. 4-й Донской полк был оставлен в резерве дивизии; 3-й Калмыцкий полк под командой полковника Слюсарева был в отделе, при 4-м корпусе, в районе ст. Штеровка. Все части выступили в час ночи, имея каждая проводников из местных жителей.

Когда атаманцы, шедшие впереди, подошли к мостику у самого селения, раздался одиночный выстрел, а затем началась перестрелка с обеих сторон. Цепи красных, судя по вспыхивающим огням, начали удлиняться, охватывая левый фланг. В этом направлении была выслана полусотня лейб-каза-

ков с сотником Семилетовым* и подхорунжим Головковым. Полусотня решительно двинулась, и огонь противника скоро начал утихать.

Одновременно в д. Круглик ворвались пешие сотни атаманцев под командой войскового старшины Захарова и принялись штыками выбывать красных из домов деревни.

Вахмистр пешей Лейб-Казачьей сотни Головков лично заколол штыком комиссара полка.

Скоро красные отошли на с.-в. окраину Круглика, заняв лес и гребень скалистых выступов.

Оправившись, они перешли в атаку, пытаясь снова занять Круглик. Атака была отбита, а затем пешие сотни Гв. Казачьей бригады, усиленные сотней Учебного полка, атаковали, в свою очередь, гласисообразный гребень. Противник был опрокинут и, одновременно взятый во фланг конной атакой 1-й и 6-й сотен лейб-казаков войсковых старшин Краснова и Воронина, в беспорядке отошел на Успенку.

Конные сотни, заняв бугры на левом фланге, стояли спешенными в ожидании развития боя. На рассвете, когда уже пешие сотни заняли Круглик и вели наступление на холмы к северу от него, к конным сотням прискакал командир 3-го Калмыцкого полка полковник Слюсарев, который с полком отходил под натиском красных, выходявших на левый фланг 1-й дивизии. Полк. Фарафонов, оставив цепь 3-й сотни на буграх, приказал 1-й и 6-й сотням войсковых старшин Краснова и Воронина эшелонами идти на д. Булахово. Как только сотни развернулись цепи красных, лежавшие

против пеших частей дивизии и бывшие в 3—5 верстах от конных сотен, поднялись точно по команде и стали отходить. Выйдя из балки, сотни увидели к югу от д. Булахово красных и двинулись в атаку. Скоро сотни врубались в цепи. Сотник Денисов, рубя красных, был убит выстрелом из винтовки почти в упор в живот. В свою очередь, стрелявший красноармеец был пронизан пикой скакавшего за сотником

Денисовым казака. Убитого сотника Денисова перекинули через седло на его же лошадь, и пеший казак, поддерживая тело, вывез его из поля боя. Красные вначале проявляли небывалое упорство, стреляли в упор и не сдавались. Наконец, не выдержав рубки, они начали беспорядочный отход. В этой атаке было порублено до 100 человек красной пехоты, взято много оружия и 1 пулемет. (Всего же за ночной бой было взято 8 пулеметов.)

4-й полк был оставлен в д. Круглик, а бригада на ночлег отведена в д. Орехово.

Тело сотника Денисова было отправлено в Ростов.

28 марта был отдан нижеследующий приказ

Приказ 1-й Донской Конной дивизии 28 марта 1919 года

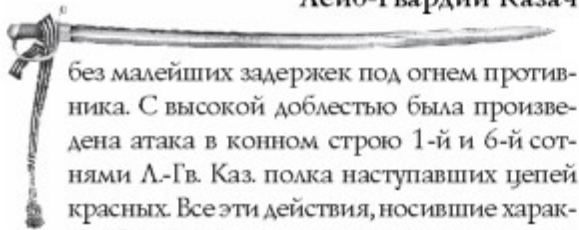
№ 25/Б с. Орехово.

Сегодня, 28. III, дивизия вела бой за овладение районом Круглика, как за исходный пункт для содействия нашей ударной группе 4-го корпуса при операции его на ст. Шмитово и с. Успенское.

Ночное нападение на деревню, преследование, отражение контратак, переход в наступление по гласисообразному подъему на скалистый гребень, контратаки цепей — все это было выполнено частями 1-й бригады и Учебным полком выше всякой похвалы, — стремительно, в полном порядке и

* По приказанию генерала Абрамова сотник Семилетов за свои действия в этот день был представлен к ордену Св. Владимира IV степени с мечами.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

без малейших задержек под огнем противника. С высокой доблестью была произведена атака в конном строю 1-й и 6-й сотнями Л.-Гв. Каз. полка наступавших цепей красных. Все эти действия, носившие характер быстрого наступления и движения вперед, обошлись очень дорого врагу и были почти без жертв для нас. Потери же, где таковые были, понесены главным образом при стоянии на месте. Это вывод из истории всех войн, и им необходимо руководствоваться во всех наших операциях, чтобы нести меньше потерь.

За отличное ведение частей в бой благодарю командиров полков и сотен и всех офицеров. Молодцам казакам спасибо за неизменный порыв вперед, за порядок в строю и за презрение к кажущейся опасности.

Начальник дивизии генерал-лейтенант
Абрамов.

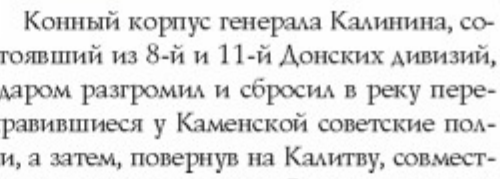
30 марта 1-я Донская дивизия была смещена частями 4-го Донского корпуса и отведена в Восточную Каменку (в 12 верстах к югу от Орехова).

31 марта Лейб-Казачий полк, сделав переход в 65 верст, прибыл на хутор Б. Зверева.

Оказалось, что противник, на фронте 9-й Советской армии, стоявшей до сего времени пассивно, перешел значительными силами Донец сразу в двух пунктах — у ст. Каменской и у Белой Калитвы — и, потеснив слабые здесь численно Донские части, угрожал Лихой.

Пользуясь подавленностью 8-й Советской армии, Донское командование временно сняло с Луганского направления конный Донской корпус генерала Калинина и ударило им внезапно у Каменской.

Кроме того, с Луганского же направления была снята 1-я Донская дивизия, переброшенная на всякий случай в район Зверева.

Конный корпус генерала Калинина, состоявший из 8-й и 11-й Донских дивизий, ударом разгромил и сбросил в реку переправившиеся у Каменской советские полки, а затем, повернув на Калитву, совместно с корпусом генерала Семилетова с тем же успехом повторил удар, и здесь трофеями были — 50 орудий, 200 пулеметов. Противник был потрясен, и на фронте IX армии настало снова затишье.

1-й Донской дивизии у Зверева* не пришлось действовать, и Лейб-Казачий полк получил неожиданный отдых**.

* Была и другая причина постановки 1-й дивизии в Звереве. В Новочеркасске было неспокойно: станицу Богаевскую заняли красные, а 8-й корпус И. Выкадорова из ст. Кочетовской разбежался, причем разложившиеся группы казаков 8-го корпуса появились в станицах Раздорской, Заплавской, Аксайской и Новочеркасской, и правительство опасалось, как бы они не учинили переворота.

Уже 1 апреля был заготовлен Правительством приказ о вызове в Новочеркасск 1-й дивизии, как сохранившей строгий порядок, но был отменен, так как от станичных атаманов пришли успокоительные донесения о настроениях разбежавшихся выкадоровских казаков. По слухам, Круг постановил предать И. Выкадорова и его штаб суду за пьянство и бездействие во время разрухи его корпуса, но ген. Сидорин не дал своего согласия.

** Характерно, что при получении сведений о предполагаемом приходе в Новочеркасск Гвардейской бригады по городу поползли слухи о якобы готовящемся перевороте в противную сторону, с удалением Харламова, Попова и Сидорина и с возвращением ген. П.Н. Краснова.

В действительности, хотя как казаки Выкадоровского корпуса, так и казаки Гвардейской бригады и имели все основания быть недовольными административной и организационной деятельностью своих тыловых учреждений, но ни те, ни другие ни о каких переворотах не помышляли.

Возникновение этих слухов служит лишним доказательством оторванности не только общероссийской, но и казачьей городской интеллигенции от своих рядовых масс населения и полного непонимания ею настроений последних.

Наступила Страстная неделя, и в расставленной походной церкви на хут. Б. Звереве шли богослужения.

С 3 апреля неотговорившие в ст. Владимирской начали говеть. В Страстную субботу все казаки причастились и начали готовиться к празднику Св. Пасхи, однако его не удалось провести, как предполагали. В субботу 6 апреля было получено приказание о возвращении 1-й Донской дивизии в Каменноугольный район. Общий пасхальный стол пришлось отложить до новой стоянки. В 12 часов ночи отслужили заутреню, офицеры разговелись в своих сотнях, а рано утром полк уже выступил: конные походным порядком, а пешие на ст. Звереве для следования по железной дороге.

6 апреля полковник Дьяков* был произведен в генерал-майоры, с назначением Командиром Гвардейской бригады, а командиром Лейб-Гвардии Казачьего полка был назначен полковник Фарафонов.

9 апреля пешие сотни прибыли на ст. Должик, разгрузились и двинулись на хут. Медвеженский, где стояли уже пришедшие походом конные сотни.

1-я Донская дивизия сменила конный Кубанский корпус генерала Покровского, спешно перебрасываемый на Маныч, где 10-я и 12-я Советские армии, наступая вдоль желдор. пути Царицын — Торговая, настолько продвинулись, что создали угрозу Ростову.

Таким образом, 1-я дивизия снова вернулась в Каменноугольный район, став

* 7 апреля генерал Дьяков заболел сыпным тифом и был эвакуирован к Ростов.

лишь несколько южнее прежнего местоположения.

За месяц упорных, почти каждодневных боев марта, дивизия понесла большие потери ранеными и убитыми. Свирепствовал сыпной и возвратный тиф. Запись ген. Абрамова говорит: «...Полки тают от болезней в месяце на 50 %...»

В Лейб-Гвардии Казачьем полку урон убитыми и ранеными и сыпно-тифозными был настолько велик, что уже к концу марта две пешие сотни были сведены в одну сводную, а три конные — в две.

1-я Донская дивизия, несмотря на малочисленный состав, получила ту же задачу, что имел и уходивший Кубанский корпус, т.е. прикрыть участок жел. дороги Лихая — Ровеньки — Колпаковка, занимая фронт протяжением в 100 верст.

Задача, казалось, была в несоответствии с силами дивизии. Однако противник был далеко не тот, что месяц назад, ибо его армии переживали кризис и упадок духа.

Сыграли роль не только огромные потери, понесенные красными в боях, не увенчанных никаким успехом, но и настроения в крестьянстве, надежды коего на возмещенный в ноябре «новый курс советской власти в деревне» быстро поблекли.

Причину неудачи курса «нормального строительства в деревне» и недовольства в крестьянстве советский официоз видел в «бесчинствах советских войск, в тяжести поборов и разверсток» и в «самодурстве опьяненных властью своих большевистских помпадуров...»

Причина, конечно, была еще глубже и заключалась в несоответствии марксистской доктрины чаяниям и природе крестьянства.

Советская статистика в феврале, марте и апреле давала соответственные цифры дезертирства с Южного фронта в 15, 21 и 23 процента.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Что же касается восстаний в тылу фронта, то первыми восстали, уже в конце февраля, казаки Верхне-Донского округа, выставившие против красных 25 000 бойцов (правда, плохо вооруженных и без достаточного командного состава).

Восстание это вызвало большую оттяжку сил с фронтов 8-й и 9-й советских армий, однако подавить его не удалось, причем были случаи перехода красных частей к восставшим (Сердобский советский крестьянский полк).

Волновались и крестьяне на Украине.

Настроения последних передавались в Красную армию. Замитинговала в районе Волновахи (14-я) Украинская советская армия, где начались и внутренние столкновения составляющих ее частей. Несколько позднее брожение охватило 13-ю армию Кожевникова, состоявшую в большинстве из крестьян. Дольше держалась в Луганском районе 8-я армия, в составе которой имела более сильная пролетарская рабочая прослойка, но к началу апреля митинги коснулись и этой армии.

Рейды по красным тылам конницы генерала Шкуро, с 17 марта по 20 апреля, от Горлова до Азовского моря (тылы 13-й и 14-й советских армий), и в апреле удар конного корпуса донцов генерала Калинина по тылам Луганского района (8-я советская армия) ускорили и углубили разложение красных войск.

Лейб-Гвардии Казачий полк в составе одной конной и одной пешей сотен (1-я конная сотня была в резерве дивизии), прикрывая Ровеньки и Колпаково и занимая правофланговый участок, почти ежедневно участвовал в боях.

8 апреля Л.-Гв. Казачий полк прибыл в хутор Медвеженский и выставил сторожевое охранение. Противник держался пассивно. В 8 часов вечера прибыл Командующий Донской Армией генерал Сидорин. Для встречи полк выстроился вдоль дороги. Поздоровавшись с полком и поблагодарив за отличную службу, генерал Сидорин обратился к полкам Гвардейской бригады с речью. Ген. Абрамов в своих комментариях говорит: «...Генерал Сидорин держал речь вообще с благодарностью за верность службы, а в 1-й бригаде — за беспремерную верность долгу в период отступления дрогнувших частей: „Вы своей храбростью и победой остановили врага, отбросили его и тем дали возможность организовать и подойти подкреплениям“. Раздавал кресты и утвердил все представления к ним.» (Справка: выдержки из зап. книжки генерала Абрамова С. 7).

11 апреля, согласно приказа Начальника дивизии, полк перешел на ст. Ровеньки, где сменил 3-й Калмыцкий полк. В сторону противника, обстреливавшего станцию редким артиллерийским огнем, были высланы разъезды. Лейб-казаки заняли боевую позицию на участке свыше 6 верст. Штаб полка и резервная сотня расположились в имении Максимовка, в 3-х верстах к востоку от

д. Картушина.

В это время заболели и были эвакуированы в Ростов командир полка полковник Фарафонов и полковник Поздеев. В командование полком вступил полковник Оприц. Прибыли в полк выздоровевшие подесаул Греков, сотник Ротов и хорунжий Иловайский.

13-го противник пытался сбить правофланговую заставу лейб-казаков, но был отбит ружейным огнем. Во время перестрелки был ранен один казак. Ночь прошла спокойно. Но на следующий день противник снова перешел в наступление на участке Л.-Гв. Казачьего полка.

На крайнем правом фланге, против хутора Мечетинского, стояла застава подесаула Агафонова, левее — застава сотника Ротова, занимавшая большой холм, господствующий над всей местностью; далее влево и несколько назад, в Максимовом дворе, — штаб полка с сотней резерва, игравший роль и главной заставы, и, наконец, в версте влево — застава сотника Чекунова 2-го.

Позиция у поселка Максимов двор, расположенного на совершенно открытой местности, с хорошим обстрелом, закрывала путь наиболее вероятного наступления противника — дорогу на ст. Ровеньки, где находился штаб 1-й Донской Конной дивизии.

Красные два раза пытались наступать на заставу подесаула Агафонова, но были отбиты пулеметным огнем. К вечеру красные обрушились на заставу сотника Чекунова 2-го, положение которого стало серьезным. Высланы были поддержки из резерва, перестрелка приняла горячий характер, и противник был отброшен.

16 апреля с раннего утра красные открыли артиллерийский огонь, засыпая заставы шрапнелями и гранатами. В 2 часа дня противник повел наступление на заставы, но снова был отбит. К вечеру разведка донесла, что красные подтягивают значительные силы.

Одновременно пришло сообщение командира 4-го полка, занимавшего участок у жел. дор. левее лейб-казаков, об отходе всех его застав под натиском противника, с предупреждением, что ранее утра и подхода резервов он восстановить положение не может.

В первом часу ночи поднялась сильная перестрелка на заставе сотника Чекунова, а затем — есаула Болдырева (сменившего вечером сотника Ротова). Скоро выяснилось, что обе заставы отошли в темноте, без дороги, и связь с ними временно утерялась.

На месте остался штаб полка с пешей сотней при двух пулеметах, засветло еще наведенных на подступы к Максиму двору, и на правом фланге, в 3-х верстах, подавшаяся на $\frac{1}{2}$ версты назад — застава подесаула Агафонова.

Противник, сбивший заставу есаула Болдырева, открыл огонь по Максиму двору, но благодаря полной темноте огонь был недействителен.

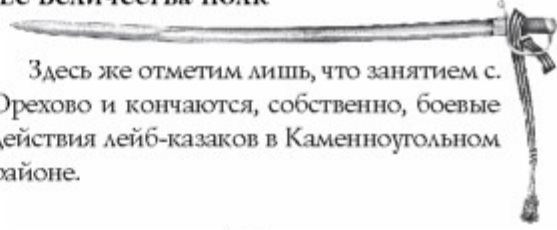
Для восстановления положения пешая сотня подесаула А. Грекова и конная полусотня подесаула Агафонова в 3 часа ночи направлены на крайний правый фланг с приказанием, пользуясь темнотой и балками у хутора Мечетинского, выйти во фланг и тыл противнику.

Фронт изображали: 4 пулемета и команда ординарцев командира полка у Максимова двора, и правее, в $\frac{1}{2}$ верстах, 2 орудия, приданные полку, выдвинутые вперед и поставленные открыто на позицию. При орудиях — конный полувзвод лейб-казаков и команда в 30 человек, составленная из пленных красноармейцев.

На рассвете сотня подесаула А. Грекова, удачно обойдя левый фланг противника, наткнулась на значительные силы красных, окопавшихся у хутора Мечетного. Открыв неожиданно для красных ружейный огонь, полусотня бросилась в атаку, выбила их из окопов и обратила в паническое бегство. Конная полусотня 6-й сотни под начальством подесаула Агафонова развернула лаву и кинулась преследовать бегущую пехоту. Преследование и рубка продолжались на протяжении 3-х верст. К семи часам утра красные начали общий отход, и через час положение было восстановлено на всем участке полка.

За этот бой, проведенный почти без потерь, полк получил «за стойкость и упорство» благодарность генерала Абрамова.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

К вечеру разведчики начали доносить об отходе значительных сил красных на северо-запад.

17 апреля пешая сотня, вместе с атаманами и 4-м полком, участвовала в наступлении на ст. Щетово, которая и была занята.

18 апреля 1-й сотне было приказано произвести боевую разведку хуторов Мечетного, Шляхтина и Власова. Выбив оттуда противника, сотня заняла вышеуказанные хутора и выслала разъезды на с. Ребриково. В то же время 3-я сотня заняла с. Картушино. В 3 часа дня обе сотни овладели сел. Ребриковым, на следующий день 6-я сотня с боем заняла с. Орехово, куда и сосредоточился весь полк.

Собственно, последний серьезный бой в этом районе был ночной бой у господского двора Максимовка, в остальных же боях красные не принимали удара. Так, 18 апреля для преследования красных, выбитых из хуторов Мечетного, Власова и Шляхтина и отходивших массой в несколько тысяч человек на Ребриково, был снаряжен из всех свободных конных казаков, включая до ординарцев командира полка, разъезд силою во взвод под командою командира 1-й сотни войск старш. Краснова. Разъезду было придано 1-е орудие из двух, бывших при Лейб-Казачьем полку. Разъезд прошел верст 6, пока догнал уже свернувшихся в густую колонну красных.

Подъехав на версту, разъезд снял с передка орудие и десятком метких выстрелов распылал всю охваченную паникой колонну.

Держались еще относительно крепко красные войска в районе Луганска. К описанию участия в действиях против них Лейб-Казачьего полка вернемся в следующей главе.

Здесь же отметим лишь, что занятием с. Орехово и кончаются, собственно, боевые действия лейб-казаков в Каменноугольном районе.

1-я дивизия, несмотря на исключительно тяжелую обстановку боев в марте и первой половине апреля, кои каждодневно вела со значительно превосходящим в численности противником, отстояла полностью порученный ей растянутый район, обеспечила как правый фланг Добровольческой Армии, так и свободу действий конной группы генерала Коновалова у Луганска и нанесла противнику тяжелые, подорвавшие его моральные силы потери. Кроме того, 1-я дивизия освободила для переброски на Маньч крупный конный корпус генерала Покровского.

Результат этот был достигнут большими жертвами.

Немалые потери понес и Лейб-Гвардии Казачий полк.

Эти потери требовали пополнения.

К сожалению, полк не получал в значительной части обратно своих выздоровевших раненых и больных казаков, ибо они часто попадали в станичные полки, где служба шла легче и где служили рядом с родственниками.

Приказы Атамана, запрещающие станичным полкам задерживать в своих рядах казаков призывных, по постоянной Донской Армии, годов, не исполнялись, так как трудно было проверить выполнение, при тенденции местных начальств задержать при своей части хорошо обученного и дисциплинированного казака.

Единственным подспорьем в борьбе с этой своеобразной «утечкой» казаков служил лазарет полка в г. Ростове, где раненый или заболевший казак проходил курс лечения, не выбывая из состава полка.

Лазарет этот был, с разрешения Донского Атамана, энергичной работой войск старш. Кононова сформирован и размещен в двух зданиях казарм бывшего Таганрогского полка.

Штат лазарета был следующий:

3 врача, 2 фельдшера, 6 сестер милосердия, комендант, заведывающий хозяйством и 12 санитаров (из взятых полком в плен красноармейцев).

Лазарет делился на два отделения: раненых и сыпнотифозных, и был рассчитан на 150 кроватей.

В нижнем этаже первого здания было отведено несколько комнат для больных и раненых офицеров, там же была комната для офицеров, приезжавших в командировку с фронта. Лазарет был оборудован небогато, но имел все самое необходимое. Сложных операций в лазарете не делали, а в таких случаях больных отправляли в Ростовский Военный госпиталь, где работали видные профессора. Последние в случаях надобности вызывались в полковой лазарет для консультации.

Особенно часто бывал в полковом лазарете профессор Агаджаньян, несмотря на свою перегруженность работой, никогда не отказывавший в приезде.

При этом профессор Агаджаньян неизменно отказывался от какого бы то ни было гонорара, говоря, что он из принципа считает своим долгом пользоваться раненых на фронте бесплатно.

Довольствие, как офицеров, так и казаков, было налажено хорошо.

Лазарет имел громадное нравственное значение: попадая в свой лазарет, казаки не теряли связи с полком и не теряли лейб-казацкого облика, оставаясь под надзором и влиянием своих, поддерживавших в них дисциплину и дух полка, офицеров.

Казаки, случайно побывавшие в других лазаретах, попадая в свой лазарет, все заявляли, что в чужих лазаретах им было плохо. В то время большинство лазаретов помещалось в реквизируемых частных зданиях, было не оборудовано, и при наплыве эвакуированных раненые и больные лежали на полу, на соломе без должного ухода, вследствие малочисленного медицинского персонала. В полковом же лазарете они были в тепле, каждый имел отдельную кровать и, помимо хорошего ухода, чувствовал и заботу о себе.

Так как полк из боев не выходил, то оба отделения лазарета были полны ранеными и сыпнотифозными офицерами и казаками, которые, кроме лечения, находили здесь и нравственный отдых после всех волнений и лишений фронтовой жизни. Офицеры жили очень дружно — поддерживалась живая связь с полком, каждый вновь прибывший раненый и больной рассказывал о боевой жизни полка, каждый выздоровевший — о жизни офицеров в лазарете. Иногда во время обеда играл струнный оркестр под управлением капельмейстера Плацатко.

Сестрами милосердия были — старшей сестрою Мария Владимировна Шамина, младшей — Мар. Ал. Калута, и волонтерками (т.е. сестрами без образовательного ценза) — Ал. Гр. Лопато, Мар. Ник. Петрик и С. Берг.

В сыпнотифозном отделении лазарета, где работа была исключительно тяжелой, сестрами милосердия были Татьяна Владимировна Реми и Надежда Александровна Маркова.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Некоторое время служили сестрами Н.Н. Упорникова (выбыла в марте, заболев сыпным тифом) и О.Ф. Рыковская (выбыла в апреле, заболев воспалением печени).

Старшим врачом лазарета был доктор Петр Петрович Рахт. Младшим врачом — Михаил Михайлович Пейкорьянец.

Полковой старший врач, ст. сов. Валентин Никанорович Евфанов преимущественно находился на фронте; однако за ним сохранялось общее наблюдение за госпиталем, в смысле санитарно-хозяйственном.

Валентин Никанорович проделал с полком всю Великую войну, не хотел отставать от полка и теперь и потому работал обычно на передовом перевязочном пункте.

Подчеркнем здесь, что в условиях Гражданской войны, прерывчатости и крайней подвижности участков фронта работа врача на передовом перевязочном пункте требовала большого самоотвержения.

За период боев в Каменноугольном районе, с 14 марта по 18 апреля, полк понес нижеследующие потери:

Дата	Места боев	Офицеры			Казачи			Лошади		
		уб.	пан.	сыпн. тиф	уб.	ран.	сыпн. тиф	уб.	ран.	чесотка и подбивш.
Март										
13 и 14	Орехово				1	3			3	
15—17	Орехово—Круглик				2	6		1	5	
18	Булахово				1	10		2	8	
19	Ушаковка—Н.Павловка				1	5		2	9	
20	Белое—Иллирия		3		10	40		1	6	
23	Успенка		3		6	20		7	7	
25	Орехово—Круглик		2		1	14		6	17	
28	Круглик	1			9	20		3	10	
Апрель										
13	Максимов двор					5		1		
16, 17, 18	Щетово—Ребриково					9			5	
ИТОГО с 13 марта по 18 апреля		1	8	8	31	132	204	23	70	87

Таблица боевых составов полка в феврале, марте и апреле 1919 года

	18 февраля	15 марта	10 апреля	
1-я конная сотня	110	100	Сводная конная	100
6-я конная сотня	110	100		
3-я конная сотня	110	100	3-я конная	80
2-я пешая сотня	120	130		
4-я пешая сотня	120	упразднена	Сводная пешая	120
5-я пешая сотня	120	130		
Пулеметная к-да	90	70	Пулеметная к-да	30
Ком. связи	20	15	Команда связи	10
Итого	800	645		350

За рассматриваемый период
прибыло всего одно
пополнение 25 марта
в 100 казаков
и 30 лошадей

Глава X

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ДОНСКОЙ АРМИИ В АПРЕЛЕ 1919 Г.

Бои под Луганском. — Атака 4 мая. — Участие полка в общем наступлении Донской Армии. — Взятие Грачинских хуторов, Митякинской станицы, Роговского, Городище, города Беловодска и Марковки. — Укомплектование полка в Великоцком. — Приезд на фронт и смотр генерала Деникина. — Московская директива и отношение к ней казачества.

Официальное сообщение Штаба Кавказской Армии от 20 апреля говорило: «19 апреля, прервав железнодорожную линию Дебальцево-Кодамов, доблестные Кубанцы и Терцы, после ряда кровопролитных боев, заняли хутор Тавричаный, станцию Петровеньки, станцию Штеровку и гнали противника по направлению на Радаково до Иллирии...» То было движение мощного корпуса генерала Шкуро по тылам 8-й советской армии.

21-го в районе Луганска также по тылам той же 8-й армии дал толчок Донской корпус генерала Калинина.

Потрясенная этими ударами 8-я советская армия подалась на север, очистив Луганск.

Лейб-казаки в составе 1-й Донской дивизии наступали в промежутке между корпусом Шкуро и 2-й Донской дивизией, в общем направлении Радаково — Луганск. Противник быстро отходил, и 1-я Донская дивизия двигалась, почти не встречая сопротивления, забирая пленных и подбирая застрявшие повозки (главным образом с патронами и снарядами).

24-го лейб-казаки прошли Луганск и остановились к 5 верстам к северу, в дер. Б. Вергунки.

27-го лейб-казаки сменили вправо части 2-й Донской дивизии, заняв линию сторожевого охранения от села Красный Яр до жел.-дор. моста через Донец.

Заставы стали на места с боем, отбросив противника более нежели на версту.

29 апреля конные сотни лейб-казаков, атаманцев и сводная сотня Каалмыцкого полка, под общей командой командира Л.-Гв. Атаманского полка полковника Матвеева, были временно переданы в подчинение нач. 2-й Донской дивизии ген. Коновалову и переходами через Анновку, Давыдовку и хутор Орлов 2 мая прибыли в Георгиевку, где поставлены биваком в балке, что в 3-х верстах от указанной деревни.

«Потеря Луганска тяжелый и жестокий удар по советской власти», — писал председатель Реввоенсовета Ленин главноверху Вацетису и категорически приказал восстановить положение. (Справка: Егоров. «Разгром Деникина». С. 92).

Несмотря на митинги в своих частях и крестьянские восстания в тылу, красное командование дает крайнее напряжение и 2 мая делает отчаянную попытку перехода в наступление своими 14-й, 13-й и усиленной новыми частями и пополнениями 8-й армиями.

В ночь со 2-го на 3-е мая 8-я советская армия вновь овладевает Луганском без, впрочем, большого сопротивления со стороны генерала Коновалова.

Конные сотни 1-й Донской дивизии находились в резерве последнего и в бой не вводились. По справке в штабе генерала Коновалова выяснилось, что штаб рисует обстановку благоприятно: красные находятся в состоянии разложения, и, по мнению генерала Коновалова, достаточно легкого удара, дабы взять Луганск обратно.

Поздно ночью конные сотни Гвардейской казачьей бригады получают приказание до рассвета перейти к буграм, что южнее Голубевки, и стать в промежутке между участком Гундоровского полка и 2-й Донской дивизии. На 4 мая назначается общая атака города Луганска. Конным сотням Гв. Каз. бригады приказано с рассветом, внезапно для противника, при поддержке огня бронепоезда, в конном строю, атаковать позицию красных. Атака должна быть поддержана слева гундоровцами, а справа частями 2-й Донской дивизии. Позиция противника предполагалась в версте от исходного места атаки.

По получении изложенного выше приказа сотни поседдали и в ночной темноте двинулись на указанное место.

Пока дошли — начало рассветать.

С прибытием конницы зашевелились гундоровцы, торопясь занять исходное для наступления положение. Командующий гундоровским полком (в то время сведенным в батальон) говорил, что части генера-

ла Коновалова измотаны, и он не верил в действительность наступления, но, видя прибытие на место Гв. Каз. бригады, горячо поддержит атаку. О противнике отозвался неопределенно, указав лишь, что позиция его отстоит не то в полтора, не то в двух верстах.

Где-то вдали послышался стук маневрировавшего нашего бронепоезда, и вскоре заговорили его орудия. Куда стрелял в пред-рассветных сумерках наш бронепоезд, не знали ни лейб-казаки, ни, вероятно, сам бронепоезд, во всяком случае, стрелял он не по целям атаки. Связи с бронепоездом не было.

Быстро рассветало, и откладывать далее атаку, успех коей был основан на внезапности, не представлялось возможным. Конные сотни бригады под командой назначенного полковником Матвеевым полковника Хрипунова двинулись рысью вперед.

Вправо шли атаманы, влево — Лейб-Казачья третья сотня ес. Дубенцева и между ними, на уступе назад, в поддержке — 6-я сотня лейб-казаков подъесаула Агафонова.

1-я сотня войск. старш. Краснова была оставлена полковником Матвеевым при себе, в исходном пункте атаки.

С началом движения вышедший из туннеля красный бронепоезд стал посылать тяжелые 6-дюймовые снаряды.

До позиции противника оказалось не две, а около пяти верст: пока сотни дошли, совершенно рассвело, и к огню бронепоезда присоединился огонь полевых пушек и пулеметов красных.

Позиция противника состояла как бы из трех групп холмов, из коих крайние разделялись слабо занятым полтораверстным промежутком. За промежутком, отступя назад, находилась главная группа холмов, занятая, как потом выяснилось, только что прибывшей из Москвы пролетарской бригадой.

Атака пришлось против промежутка, и 3-я сотня двигалась под фланговым огнем левой группы. Шедшая правее Атаманская сотня попала под близкий фланговый огонь правой группы и, понеся потери, отошла на свою поддержку, в поросшую лесом балку, где и задержалась.

Тем не менее 3-я сотня есаула Дубенцева и усилившая ее справа под командой есаула Агафонова 6-я сотня дошли до бросивших пулеметы цепей красных. Взвод 3-й сотни под командой хорунжего Полякова дошел до батареи противника, прислуга коей уже оставляла орудия и была изрублена; 6-я сотня есаула Агафонова прошла окоп противника, изрубив занимавших его красных и взяв несколько пулеметов.

Казалось, лихая атака увенчалась успехом.

Однако был атакован и прорван лишь относительно небольшой участок позиции противника.

Лейб-казаки были одиноки: вторая дивизия не двинулась с места, доблестный Гундоровский пеший батальон далеко отстал, хотя добросовестно, почти бегом, двигался на поддержку.

Противник, видя малочисленность атакующих, быстро оправился и, открыв сильный огонь с оставшихся в стороне и позади холмов, пытался замкнуть прорванный атакующей участок своей позиции.

1-я сотня есаула Краснова, выдвинутая из резерва, могла только обеспечить свободный выход обратно прорвавшихся сотен и вывоз их убитых и раненых.

Помогла и доблестная батарея гундоровцев, самоотверженно, рысью опередившая свою пехоту, снявшаяся открыто с передков и пытавшаяся беглым огнем сбить ожившие на холмах пулеметы противника.

Сотни лейб-казаков вернулись обратно, понеся при отходе потери: в одной только 3-й сотне выбыло ранеными — командир

сотни есаул Дубенцев и 19 казаков и 24 лошади, убитыми 6 казаков и 14 лошадей.

Конец атаки видела делегация иностранной миссии, объезжавшая фронт.

Раненый командир сотни есаул Дубенцев был приглашен в поезд миссии, в коем и доехал до Ростова. В дороге один из иностранных офицеров выразил свое восхищение стремительностью и стройностью виденной им атаки, однако подчеркивал несоответствие сил атакующих силами противника, притом в условиях совершенно открытой местности.

6 мая конные сотни снова были вызваны на участок Гундоровского полка, ибо противник пытался наступать. Красные были отбиты огнем, и конные сотни в 12 часов дня отведены на отдых в Георгиевку.

7 мая противник вел частичное наступление, быстро ликвидированное без участия конных сотен.

8 мая противник перешел в общее наступление по всему фронту 2-й и 7-й Донских дивизий. Конные сотни Гв. Казачьей бригады были двинуты на участок Гундоровского полка, в 5 верстах к северу от Успенского. Подпустив пехоту противника на 200 шагов, гундоровцы, с пением в строю, лейб-казаки и калмыки — в конном, стремительно бросились в контратаку. Красные дрогнули и побежали. К сожалению, справа отошла 2-я Донская дивизия, и вырвавшиеся далеко вперед гундоровцы и лейб-казаки были вынуждены отходить под сильным фланговым огнем противника.

9 мая конные сотни Гв. Каз. бригады двинулись на присоединение к своей 1-й Донской дивизии, занимавшей линию Донца от Давыдовки до Макарова Яра.

* * *

К середине мая боевой состав полка снизился до 200 штыков и шашек.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Полковой лазарет в Ростове был переполнен ранеными и сыпнотифозными офицерами и казаками полка. Для разгрузки лазарета все еще не вполне оправившиеся от ранений и тифа, но уже не нуждавшиеся в лечении, были переведены в особую полковую команду, образованную наряду с другими полками 1-й дивизии на Персиановке.

Туда же прибывали на пополнение молодые казаки призыва 1921 года. Так как они не получили никакой воинской подготовки, то здесь обучались в ускоренном порядке военному делу.

Общим руководством и наблюдением за Персиановскими командами ведал генерал Т.В. Михайлов, прежний командир Гв. Каз. бригады. Инструкторский состав состоял из командированных полками дивизии офицеров (преимущественно из числа поправившихся от ранений).

На Персиановку был переведен и ветеринарный лазарет полка, включавший всех раненых и больных лошадей.

Наличие тыловых команд, частая смена, за ранениями и заболеваниями тифом, командиров сотен и вахмистров; сведение сотен в сводные; неудовлетворительная работа находившейся вместе с нестроевой командой в Ростове строевой канцелярии полка — сильно запутали числовые данные: списочный состав полка резко разошелся с наличным составом.

Ввиду необходимости спешно разобраться в числовых данных, как для расчетов с казной, так и для срочного составления акта о сдаче и приеме полка (ген. Дьяковым — ген. Фарафонову), председатель приемной комиссии и временно командующий полком полковник Оприц выехал 5 мая в Ростов.

Командование оставшимися на фронте частями было им передано вызванному из Ростова войск. старш. Кононову, сдавшему

заведование хозяйством еще не оправившемуся от ранения войск. старш. Номикосову.

Прибывший на фронт 3 мая войск. старш. Кононов 14 мая заболел тифом и эвакуировался, будучи с того же числа заменен на фронте прибывшим по выздоровлению полковником Поздеевым.

К этому времени боевой состав полка свелся: к одной сводной пешей сотне в 120 штыков, к кадрам трех конных сотен общей численностью в 80 шашек и к пулеметной команде в 4 пулемета.

Сводной пешей сотней командовал сотник Гр. Чекунов 2-й, имея младшими офицерами хор. Иловайского и хор. Скалзубова.

Кадром 1-й конной командовал подьесаул Агафонов, имея младшим офицером сотника Ротова (последний заболел тифом и был эвакуирован 17 мая).

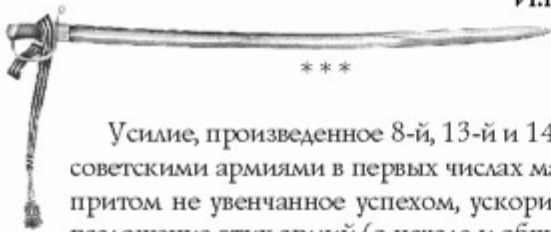
Кадром 3-й конной командовал подьесаул Авилов, а 6-й конной — сотник Сергей Чекунов 1-й.

Пулеметной командой командовал есаул Александр Болдырев, при младшем офицере сотнике Какурине.

Полкового адъютанта на фронте замещал подьесаул П. Кутейников.

Кадры конных сотен, собственно, представляли собою взводы, но так как они пользовались относительной самостоятельностью, то для удобства дальнейшего изложения будем их условно именовать сотнями.

Здесь мы несколько остановимся на кратком обзоре общей обстановки, ибо именно к этому времени произошло резкое ее изменение, отразившееся на последующих действиях частей Донской Армии.

Усилие, произведенное 8-й, 13-й и 14-й советскими армиями в первых числах мая, притом не увенчанное успехом, ускорило разложение этих армий (о начале и общих причинах коего уже говорилось в прошлой главе).

Не лучше обстояло дело и на фронтах 9-й и 10-й армий.

10-я советская армия еще в конце апреля занимала исключительно выгодное, выдвинутое в наш глубокий тыл положение, и подходила к Ростову. Однако в период с 27 апреля по 7 мая новая армия генерала Врангеля, усиленная мощным конным корпусом генерала Покровского*, при поддержке слева донцов генерала Савельева, а справа конного кубанского корпуса генерала Улагая, наголову разбила 10-ю советскую армию, взяв 15 000 пленных, 55 орудий и 150 пулеметов и прогнав остатки ее на Царицын.

Что касается 9-й советской армии, то ее положение с марта, когда восстали в тылу казаки Верхне-Донского округа, сильно затруднилось**. Восстание ширилось, несмотря на командировку на подавление крупных сил из центра и на выделение с той же целью двух дивизий из состава 8-й и 9-й советских армий. Восстание это было поддержано и крестьянами, причем помимо ши-

* Смененного в Каменноугольном районе 1-й Донской дивизией.

** К концу апреля, говорит советский главнокомандующий Егоров, силы восставших доходили до 30 000 при 27 пулеметах и 6 орудиях, причем деятельность не ограничивалась районом, очерченным в схеме повстанцы выходили на сообщения армии, грабя обозы и нарушая жел. дор. сообщения и управление армией. (Справка «Разгром Деникина», с. 87 и 88).

рокого участия местных крестьян, был случай перехода целой советской части (Сердобский полк), как и случаи присоединения крестьянских отрядов соседней Воронежской губернии (слобода Березняги прислала отряд в 800 штыков при 8 пулеметах).

1 мая в районе станицы Калитвенской переправилась через Дон Донская конная группа генерала Секретева, силою в три казачьих свежеполненных дивизии, прорезала фронт 9-й армии и двинулась в район восставших.

Прорыв генерала Секретева получил решающее значение для всего Южного фронта, и советская «История Гражданской войны»* отмечает: «...Окончательно надломил силы Южного фронта прорыв центра 9-й армии 11 мая на стыке 23-й и 16-й дивизий. Белые 16 мая дошли до Миллерова, углубившись в тыл красных на 75 километров, окончательно разрезали 9-ю армию на две части: находившаяся на правом фланге армии 16-я дивизия отходила на сев.-зап., в район станицы Митякинской, в расположение 8-й армии, а другие две дивизии, 23-я и 14-я, отходили в общем направлении на сев.-восток, огибая район восстания с востока...»

Учтя обстановку, Донское командование 15—20 мая переходит в решительное наступление по всему фронту в следующем порядке:

1-й Донской корпус наступает по Дону на Чир, Усть-Медведицкую станицу и Арчеду.

2-й Донской корпус — на Усть-Хоперскую и далее на Поворино и Балашев.

* «История Гражданской войны 1918—1920 гг.», Т. 3. С. 239—240.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

3-й Донской корпус наступает в Воронежском направлении, поддерживая связь с добровольцами по линии жел.-дор. на Елец.

Во исполнение этой директивы, часть 3-го Донского корпуса двинулась вдоль жел. дор. в Воронежском направлении. Другая часть 3-го корпуса, по взятии 19 мая Луганска, двинулась вдоль жел. д. в Елецком направлении. В промежутке между указанными направлениями наступала группа генерала Абрамова, в состав коей входили 1-я Донская дивизия и двигавшаяся на уступ влево 2-я Донская дивизия.

Задача 3-го корпуса была нелегкой, ибо, помимо всей 8-й советской армии, он имел перед собою, как мы видели выше, и часть 9-й (16-я советская дивизия).

Боевой состав 1-й Донской дивизии в боях февраля—марта—апреля и начала мая уменьшился до 250 штыков, 300 шашек, 4 орудий, 20 пулеметов; люди и лошади были вымотаны непрерывными боями, однако обстановка требовала энергичного наступления, ибо надлежало во что бы то ни стало использовать перелом в духе войск противника и не дать ему оправиться. В силу всего вышеизложенного, 1-я Донская дивизия с лейб-казаками во главе 15 мая была двинута вперед.

10 мая, согласно приказанию начдива

1-й Донской, конные части Лейб-Казачьего полка выступили из с. Политровки и присоединились к пешим, занимавшим участок на правом берегу Донца, от устья реки Деркул, через селение Макаров Яр, Новобожедаровка, до ст. Давыдовка включительно. Штаб полка и 6-я сотня разместились в х. Ильевском. Противник, находившийся на левом берегу Донца, в течение 10, 11, 12, 13 и 14 мая обстреливал части полка орудийным и ружейным огнем. В районе Новобожедаровки он пытался навести паром, но попытка эта была отбита огнем.

В ночь на 15 мая было получено приказание начальника 1-й Донской конной дивизии конным сотням переправиться на пароме у с. Суходол через Донецк к 12 час 15 мая занять станицу Митякинскую, двигаться далее в сев.-зап. направлении, выйти на жел.-дор. участок между ст. Чебатовка и р. Деркул и разрушить жел.-дор. полотно.

На рассвете 15 мая конные сотни лейб-казаков под командой подъесаула Агафонова переправились через Донец у Суходола и двинулись вперед через хутор Верхне-Грачинский-Гундоровский. Правее хутор Нижне-Грачинский-Гундоровский должен был быть занят Гундоровским батальоном (из стариков гундоровцев), а еще правее должны были находиться (такие же) Луганно-Митякинский и Каменский полки.

В 5 верстах к северу от указанных хуторов расположены хутора Н-Грачинский-Митякинский и В-Грачинский-Митякинский.

Из указанных хуторов на головную 3-ю сотню подъесаула Агафонова противник, силою в полк пехоты и конницы, повел наступление.

За неравенством сил подъесаул Агафонов не принял боя и отошел на хут. В-Грачинский-Гундоровский, где и ночевал.

По данным разведки, хутора Грачинские-Митякинские были заняты 25, 37 и 41-м сов. пех. полками и 2-м револ. казачьим.

Кроме того, по агентурным данным, где-то поблизости находились 31, 33, 41 и 43-й сов. пех. полки.

16 мая в 3 часа утра конные и пешие части лугано-митякинцев и гундоровцев заняли было хутора Грачинские-Митякинские, но их не удержали и закрепились на песчаных буграх, что на версту южнее, выставив здесь сторожевое охранение.

В командование конными частями вступил прибывший с того берега полковник Поздеев.

Днем к лугано-митякинцам перешел разъезд казаков из красного рев. каз. полка. Оказались они мобилизованными верхнедонцами.

17 мая в 9 час утра лугано-митякинцы и гундоровцы атаковали Грач.-Митякинские хутора с целью облегчить движение конных Лейб-Казачьих сотен берегом Донца в станицу Митякинскую. Красные встретили митякинцев и гундоровцев контратакой.

Гундоровский батальон, атакованный конницей противника, начал беспорядочно отходить. Полковник Поздеев бросил 1-ю сотню в атаку с фронта, а остальными двумя ударил красную конницу во фланг и тыл. Ободренные гундоровцы остановились, и красные были отброшены в исходное положение.

Ночью на 18 мая сторожевое охранение занимала сотня подьесаула Агафонова. Остальные сотни находились на попасе за хутором.

Утром в сторожевом охранении завязалась перестрелка.

Полковник Поздеев с адъютантом подьесаулом Кутейниковым выехал на выстрелы.

«...На песчаных буграх, где стояло сторожевое охранение, — говорит дневник полк. Поздеева, — какое-то смятение, масса всадников, а затем сильный пулеметный огонь. Сотня подьесаула Агафонова отходит. Несут тяжело раненного в живот подхорунжего Черепяхина*. Вправо от рожи в беспоряд-

* Подхорунжий Федот Черепяхин, кадровый (довоенного времени) урядник, высокого роста красивый казак, умный, рассудительный, отличавшийся храбростью и исключительной боевой добросовестностью, пользовался большим авторитетом и любовью в сотне. Принимал неизменное участие во всех боях полка и, сам уроженец станицы Митякинской, был теперь убит накануне освобождения станицы, в какой-нибудь версте от своего дома, где его ждали отец, мать и жена.

ке отходят старики гундоровцы. Влево какая-то лава.

Послав ординарца за 3-й и 6-й сотнями с подьесаулом Авиловым, я его немедленно двинул на помощь старикам гундоровцам.

Но тут от подьес. Агафонова узнаю, что влево не его лава, а эскадроны противника, уже заходящие нам в тыл.

Немедленно карьером отзываю подьес. Авилова, а сотней подьесаула Агафонова атакую эскадрон красных. Одновременно подьесаул Авилов заходит плечом и атакует три эскадрона противника во фланг и тыл. Красные бегут. Наша пехота восстанавливает свое положение.

Кроме порубленных нами, взято 20 пленных, принадлежавших к 3-му эскадрону 33-го особого железного полка (из Астрахани, в 4 эскадрона общей численностью в 240 шашек), заменившего 2-й рев. казачий, убранный красными с фронта за ненадежность.

Наши потери: умерший от раны подхорунжий Черепяхин и 3 раненых казака».

19 прибыли атаманцы (28 конных с одним пулеметом) и конная сотня 4-го полка (60 конных) с пулеметной командой в 4 пулемета. Одновременно прибыл командир 4-го полка полковник Лобов, который, как старший, принял командование конницей.

Охранение занимала сотня подьес. Авилова.

Сотня подьес. Агафонова находилась в хуторе, а остальные, за отсутствием фуража, на попасе.

День клонился к вечеру, как в сторожевом охранении началась стрельба. Немедленно были собраны все сотни.

Красные пытались повторить вчерашний маневр, но только на этот раз их конница была усилена большим количеством пулеметов.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Обходящий эскадрон был с двумя пулеметами, три атакующие пехоту не менее чем с четырьмя. Наша пехота, охваченная внезапным маневром слева, начала поспешный и беспорядочный отход, и еще несколько минут — могла наступить катастрофа.

Видя тяжелое положение пехоты, полковник Поздеев приказал подьесаулу Агафонову немедленно задержать противника маневром во фланг, а сам послал просить поддержку у полковника Лобова. Полковник Лобов прислал 4 пулемета Максима, которые открыли очень удачный огонь. Подьесаул Агафонов несколько раз бросался в атаку, но силы красных были очень велики, и сбить их не удавалось. К этому времени подошли 3-я, 6-я Лб.-Казачьи и сводная Атаманская сотни, которые, развернувшись влево от подьесаула Агафонова, ударили во фланг красной конницы. Как только красные увидели разворачивающиеся наши части, то немедленно отошли.

В то же время, в 4 часа, у хутора Манохина, что в 3-х верстах от В. Грачинского хутора, переправилась пешая сотня сотника Г. Чекунова вместе с пулеметной командой есаула Болдырева. В то время когда она подходила к хут. В.-Грачинскому, на нее напоролся красный эскадрон. Встреча обошлась последнему дорого: потеряв много убитых и раненых и один пулемет, красный эскадрон поспешно ушел.

В этот день командир Гундоровского батальона особенно горячо благодарил лейб-казаков за поддержку: положение удалось восстановить полностью.

20 мая к 12 час. в хуторе сосредоточилась вся 1-я Донская дивизия. В сущности, это были лишь ее кадры: лейб-казаки — 110 штыков, 64 шашки, 4 пулемета; атаманцы — 30 штыков, 25 шашек, 1 пулемет; 3-й Калмыцкий полк — 30 штыков, 4 пулемета; 4-й полк — 17 штыков, 60 шашек,

4 пулемета; прикомандированный к дивизии Чугуевский уланский полк — 60 штыков, 60 шашек, 4 пулемета.

Всего около 250 штыков, 300 шашек при 17 пулеметах и 4 орудиях.

Приказ по Донской Армии требовал во что бы то ни стало прорыва красного фронта на участке 3-го Донского корпуса.

Задача возлагалась на 1-ю Донскую дивизию при поддержке стариков Гундоровского батальона, Лугано-Митякинского и Каменского полков.

Начало атаки было назначено на 3 часа утра в ночь на 21 мая.

Удар должна была наносить Лейб-Казачья сводная пешая сотня, имея в поддержке атаманцев. В содействие ей половина конницы должна была обходить хутор Н.-Грачинский-Митякинский с запада, другая половина с востока. Артиллерия дивизии должна была поддержать атаку, оставаясь на правом берегу Донца.

В три часа утра сотник Гр. Чекунов начал атаку под звуки сотенной гармонии, бойко наигрывавшей задорный мотив модной песенки «Карманчики». Ночь была тихая и теплая, и звуки мотива слышались далеко. Через короткое время послышались отдельные выстрелы, вскрик «ура» и частая стрельба уже в самом хуторе.

Сотник Чекунов, уничтожив полностью захваченную врасплох сторожевую заставу, своевременно не сообразившую, что ей несет в темноте приближавшийся звук гармонии, ворвался в хутор и, разбив сотню на взводы, ввязался в уличный ночной бой.

Хутор кишел красными, в помощь Чекунову были двинуты резервы, и к рассвету, кроме убитых и плененных, никаких красных в хуторе не осталось.

Из опроса плененных выяснилось, что хутор был занят 35-й сов. пех. и 33-м особым «железным» конным полками.

Командир 33-го конного полка товарищ Лепин был в схватке застрелен лично хор. Иловайским. На Лепине оказалась палетка с донесениями и около 40 000 рублей деньгами. Деньги были розданы казакам, а в палетке найден рапорт красного командира о боях 17, 18 и 19 мая, в коем доносилось, что только за бой 19 мая красный конный полк потерял 102 лошади и 53 всадника.

Полковник Поздеев с конницей лейб-казаков и калмыков занял, в обеспечение правого фланга, хутор В-Грач-Митякинский, отданный противником без боя.

Собственно, этот хутор должен был быть занятым лугано-митякинцами, но последние выступили много позднее назначенного времени и опоздали, лишь в 8 часов освободив для движения вперед конницу полковника Поздеева.

В 9 часов были заняты хутора Садковский и Дубовый, а к 3 часам конница догнала пешую Лейб-Казачью сотню, уже успешную на плечах отходивших красных занять станицу Митякинскую.

Население казачьих хуторов и станицы Митякинской встретило освободителей колокольным звоном и крестным ходом. Казачки-хозяйки в прибранных по-праздничному хатах, нарасхват, досыта кормили пришедших лейб-казаков.

За день 21 мая пешей Лейб-Казачьей сотней, помимо больших потерь, нанесенных красным в ночном бою убитыми и ранеными, взято не ранеными 102 пленных, 4 пулемета и большой обоз. Конной сотней подъесаула Авилова в атаке под хут. Маноцковым взято 30 пленных и два пулемета. В полку пулей в горло легко был ранен сотник Гр. Чекунов 2-й.

Весь фронт красных против 3-го корпуса, приблизительно на протяжении 10—12 верст, стремительно катился на-

зад. Отступавшая масса противника представляла собой огромный, неожиданно взбудораженный муравейник. Отходившие толпы противника представляли отличные мишени для артиллерии, но последняя еще только переправлялась через Донец, и ее не было. Растянутых небольших сил 1-й дивизии было мало для ударов по отходившим плотным группам противника.

Через день дивизия, не встречая стойкого сопротивления, двинулась вперед и 23 мая заняла хутора Роговской, Ушаков и Н. Герасимов.

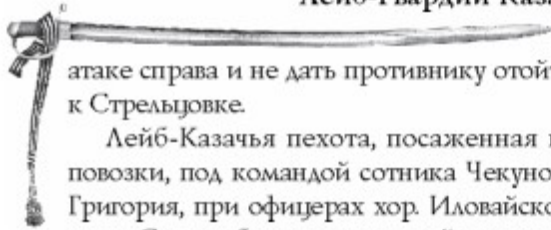
25 мая занята была крестьянская и большевистски настроенная слобода Волошина, 27-го такая же слобода Титовка и хутора Чугинские.

28 мая 1-я дивизия, сбив коротким боем пытавшегося задержаться противника, заняла Городище.

Отступивший от Городища противник сосредоточился 29 мая в Беловодске. Беловодск довольно крупный город, лежащий на левом низменном берегу р. Деркул, и предполагалось, что красные будут упорно его защищать. Командующий группой генерал Абрамов решил атаковать Беловодск двумя дивизиями: 2-й, наступающей по правому берегу р. Деркул, и 1-й, наступающей по левому. 2-я Донская конная дивизия должна была начать движение раньше, дабы облегчить атаку 1-й Донской кон. див.

В 7 часов утра 1-я Д.к.д. выступила из Городища, имея в голове лейб-казаков. Пройдя Деркульский государственный конный завод, Лейб-Казачий полк получил боевую задачу: пехоте, двигаясь долиной р. Деркул, атаковать г. Беловодск с юга; коннице лейб-казаков в 55 шашек и атаманцев в 12 шашек, при 1 пулемете, под общей командой полковника Поздеева, содействовать этой

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

атаке справа и не дать противнику отойти к Стрельцовке.

Лейб-Казачья пехота, посаженная на повозки, под командой сотника Чекунова Григория, при офицерах хор. Иловайском и хор. Скалозубове, с пулеметной командой под командой есаула Болдырева, быстро отделилась от колонны дивизии и рысью направилась в сторону Беловодска. Конница, свернув по дороге на Баранниково, пройдя около $3\frac{1}{2}$ верст, круто повернула на север, держа видимую связь с пехотой.

К 9 часам утра пехота, подойдя на версту к городу, не слезая с повозок, построила фронт и рысью направилась к Беловодску. Подойдя на 700—800 шагов, казаки соскочили с повозок и под сильным огнем бегом атаковали противника. В то же время ес. Болдырев с пулеметной командой, имея пулеметы на тачанках, опередив цепи пехоты, на карьере ворвался в Беловодск и начал расстреливать красных. Подскакавший к есаулу Болдыреву комиссар со словами: «Товарищи, что вы делаете, стреляете по своим», увидев погоны, выхватил револьвер и, выстрелив несколько раз, ранил есаула Болдырева в голову и ускакал. Пехота ворвалась в город и после часового боя его взяла, захватив в плен 80 человек и 3 пулемета. В то же время полковник Поздеев с конницей подошел к болотистой речке Дубровец и увидел на северном ее берегу группу красной пехоты с 10 пулеметами. Построив свою конницу в 4 эшелона, на очень больших интервалах, он атаковал через речку эту группу и частью порубил, захватив в плен 156 человек и 8 пулеметов Максима.

Открывшая огонь артиллерия красных и появившаяся их конница не позволили развить преследования.

Потрясенный противник отошел к дер. Бондаревке. 1-я Донская дивизия заноче-

вала на Лимаревском государственном заводе.

В полку были ранены есаул Болдырев и сотник С. Чекунов.

30 мая дивизия продолжала наступать на север. Лейб-казаки двигались в конце колонны.

Подойдя к Бондаревке, 2-я бригада повела наступление, но не справилась. Полковник Лобов вызвал вперед лейб-казаков. Полковник Поздеев с конницей и пулеметной командой отделился от пехоты, послав предварительно вперед урядника с двумя пулеметами на правый фланг 4-го Донского полка. Пулеметчики, выехав на правый фланг 4-го полка, карьером понеслись на красную пехоту. Обстреляв с близкого расстояния противника, восемь человек пулеметной прислуги атаковали красных и взяли 3 пулемета и 70 человек пленных. В это время полковник Поздеев с конницей ворвался в восточную часть Курячевки, что на левом берегу Держула, и взял 50 пленных, 21 повозку со снарядами, хлебом и одной большой бочкой со спиртом.

Противник отошел на север, и 1-я дивизия заночевала в селе Марковке.

* * *

Общая обстановка на всех фронтах резко и быстро менялась в нашу пользу: потрясенные ударами, разложенные и утратившие дух красные армии беспорядочно отходили.

Мы выигрывали громадное пространство. Пали Харьков, Полтава, Царицын, и под ударами донцов, Добровольцев, кубанцев и териев фронт передвинулся на линию Царицын — Балашев — Белгород — Екатеринослав — Херсон. Совершенно освобождена была от красных Донская Область и ряд южных губерний.

Беглый взгляд на карту показывает громадную растянутость нашего фронта относительно того, который мы только что занимали.

Этим и обусловился конец наступления. «Силы красной армии окончательно надорвались, — признает советская «История Гражданской войны». — Инерция отката продолжала увеличиваться. Необходимо было время для того, чтобы привести в порядок, устроить, пополнить части и вернуть им боеспособность.

Это время нашлось не раньше, чем, в свою очередь, сила удара белых не начала рассасываться в пространстве...» («История Гражданской войны». Госиздат. Т. 3. С. 241).

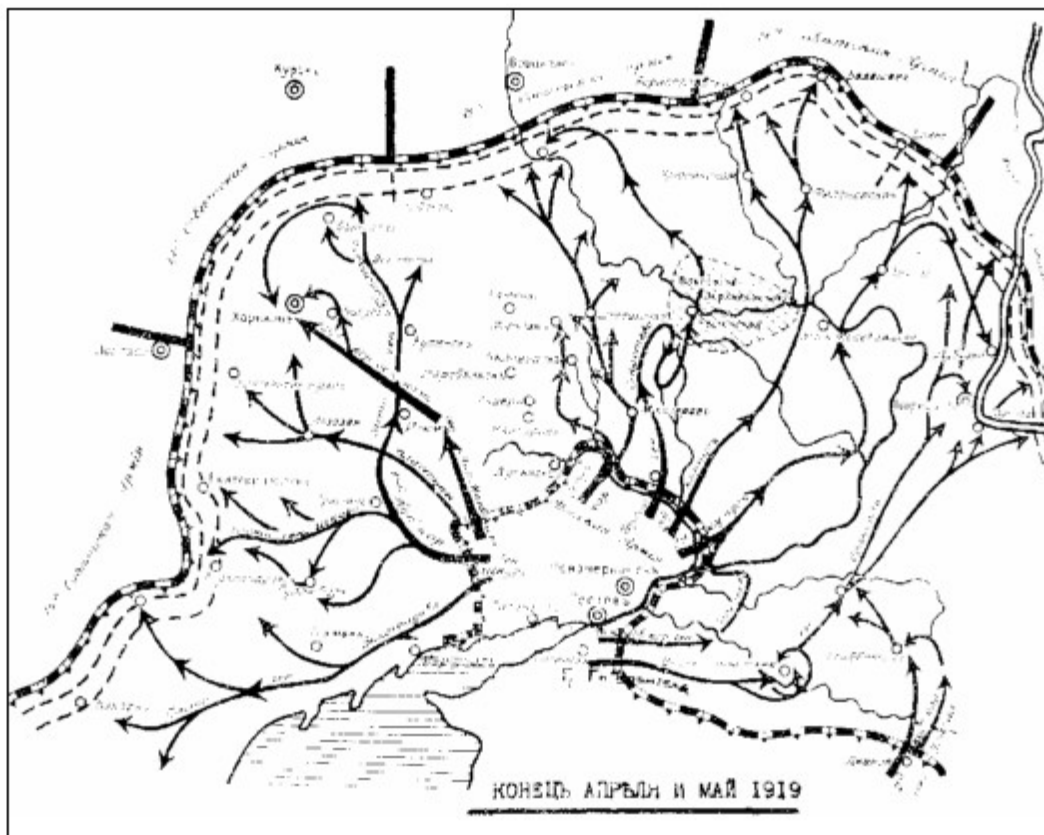
Наступление наших армий шло по расходящимся и, разойдясь в пространстве, остановилось.

К сожалению, красные кадры уничтожены не были.

Наступила полоса затишья. Обе стороны собирались с силами.

Приведем итоги боевой деятельности Лейб-Казачьего полка за истекший май, проведенный в непрерывных боях.

Отметим, что только за период с 17-го по 31-е мая полк имел пять пеших и шесть конных атак, доведенных до удара холодным оружием, в коих, кроме потерь, нанесенных противнику убитыми и ранеными и выигрыша пространства, было взято с боя 550 пленных и 20 пулеметов.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Благодаря небольшому численному составу полка в этот период, потери полка относительно невелики:

Дата	Места боев	Офицеры			Казачи			Лошади		
		уб.	пан.	сыпн. тиф	уб.	ран.	сыпн. тиф	уб.	ран.	чесотка и подбивш.
4-го	гор. Луганск		1		8	29		19	39	
5-е и 8-е	Тоже				1	4		2	5	
С 10 по 14	Защита Донца					4		1	2	
18-го	Грачинские хутора				1	3		2	4	
19-го	Тоже					8			10	
21-го	Тоже и Митякинская				2	6		1	3	
28—29-е	Городище—Беловодск	1	2		1	9			2	
ИТОГО с 4 по 31 мая		1	3	4	13	63	90	26	55	30

К 1 июня боевой состав полка еле достигал 140 штыков и шашек при 4-х пулеметов.

2 июня 1-я Донская дивизия получила приказание оставить преследование противника и перейти двумя переходами в с. Великоцкое на отдых и пополнение людьми и лошадьми.

4 июня Лейб-Казачий полк прибыл в Великоцкое, куда почти одновременно пришло из Персиановской команды и лазаретов полка пешее и конное пополнение.

Полк вновь развернулся в составе трех конных сотен, в 100 шашек каждая, и в две пешие, по 120 штыков, при пулеметной команде в 8 пулеметов и при команде связи.

В командование полком с 4 июня вступил выздоровевший полковник Фарафонов. В заведование хозяйством и снабжением полка, с переносом управления им из Ростова на фронт, вступил полковник Оприц. Помощником к-ра по строевой части остался полковник Поздеев. (Позднее, по выздоровлении, прибыл второй помощник полковник Кононов.) 1-й сотней командовал войск. ст. Краснов, 2-й — войск. ст. Полковников, 3-й — есаул Рыковский, 5-й —

подъес. Греков, 6-й — войск. ст. Воронин. Пул. ком. — есаул Болдырев, ком. связи — подъесаул Кундюков.

Началась усиленная работа по приведению сотен в порядок и по обучению пеших и конных людей, а также по их снаряжению и обмундированию. Эта работа продолжалась и в с. Россоше, куда дивизия была переведена 7 июля и где стала в резерв Главнокомандующего.

* * *

Плохо обстояло дело с обмундированием, ибо полковые запасы погибли на выбывших убитых, раненых и тифозных.

Лишь ничтожная часть выздоровевших раненых и больных попадала обратно в полк — большинство рассасывалось по станичным полкам, где, по образному выражению казаков, «пуля была мягче», а служба, при отсутствии строгого внутреннего порядка 1-й дивизии ген. Абрамова, доходнее.

Отпуск обмундирования интендантством был недостаточен.

Английское обмундирование только начало поступать, задерживаемое волокитой

донских и добровольческих канцелярий. Донское интендантство выдавало изготовляемые им, за отсутствием сукна, шаровары и рубахи из очень непрочной джутовой ткани, именовавшейся мешочной, быстро приходившей в негодность.

Особенно остро стоял вопрос с обувью, так как часть людей пополнения пришла босыми, другая часть имела обувь в состоянии, близком к негодности.

8 июля прибыл на смотр 1-й дивизии Главнокомандующий генерал Деникин. Дивизия в строевом отношении представлялась блестяще, но последние сотни в полках были выведены босыми.

При прохождении церемониальным маршем беззапозных сотен мелькание бе-

лых ног было особенно заметно, и ген. Деникин обещал лично распорядиться об отпуске на дивизию обуви.

После смотра в честь Главнокомандующего состоялся завтрак всех офицеров полков дивизии.

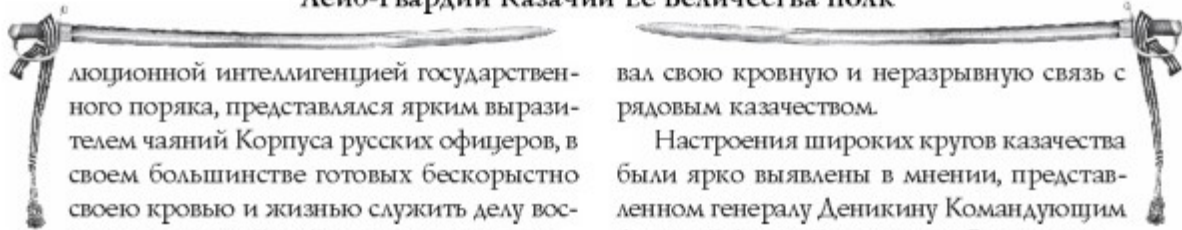
Генерал Деникин произнес горячее слово, поздравив с походом на Москву.

Речь генерала Деникина, как всегда точно и красочно формулировавшего свои мысли, полная веры в скорую победу над большевизмом, вызвала несомненный подъем.

Генерал Деникин, известный офицерству своими полными гражданского мужества, честными и сильными выступлениями 1917 года в защиту основ погрязшего рево-

Главнокомандующий генерал А.И. Деникин, 8 июля 1919 года на фронте, среди офицеров 1-й Донской конной дивизии

люционной интеллигенцией государственного порядка, представлялся ярким выразителем чаяний Корпуса русских офицеров, в своем большинстве готовых бескорыстно своею кровью и жизнью служить делу воссоздания российской государственности.

Офицеры 1-й дивизии проводили Главнокомандующего до ближайшей станции.

Возвращаясь с провод, офицеры лейб-казаки делились впечатлениями, призыв движения на Москву был принят, в общем, сочувственно, однако у большинства в душе шевелилось сомнение — не зарвемся ли?

Основная и первая задача — разбитие и уничтожение кадров красной армии, воссоздать кои большевикам было нечем*, могла быть разрешена и не выходя за пределы Дона. Выход за пределы Области требовал, казалось, иного настроения в широких кругах русского населения, и в первую голову в крестьянстве, нежели то, кое создалось в крестьянских губерниях, занятых армиями Юга России.

Кроме того, казачий офицерский состав полков 1-й Донской дивизии твердо созна-

* Кадры красной армии состояли из: 1. Остатков старой Российской Армии с прикннувшим к революции командным составом (к 1 апреля 1919 г. 28 500 офицеров и 165 000 унт.-офицеров). — Справка: «Гражданская война». Т. 2. С. 95). 2 Революционных группировок Дона, Кубани, Ставропольской, Черноморской, Воронежской губ., создавшихся на почве расслоения населения в процессе противобольшевистского восстания 1918 г. 3. В относительно значительно меньшей степени — рабоче-пролетарских дружин крупных фабричных тыловых центров. Особого интереса заслуживает указание Егорова (командовавшего красным Южным фронтом) и появление партийных коммунистов в качестве рядовых бойцов лишь с сентября 1919 г., причем в количестве лишь 1 проц. присланных пополнений (Егоров. С. 146). Несколько позже появились и добровольцы коммунисты, также в относительно скромном количестве.

вал свою кровную и неразрывную связь с рядовым казачеством.

Настроения широких кругов казачества были ярко выявлены в мнении, представленном генералу Деникину Командующим Донской Армией генералом Сидориным.

Командующий Донской Армией, в противовес Московской директиве генерала Деникина, предлагал временную приостановку общего движения вперед, предлагал сократить занятую территорию оставлением Харькова, но настаивал на строительстве по внутреннему устройству и укреплению тыла.

Временная оборона занятого пространства могла быть легко осуществлена кордонным занятием сокращенной границы, с постановкою местами сильных конных отрядов, кои по образцу мартовских действий генералов Шкуро, Калинина, Покровского, Улагая ликвидировали бы все частные попытки переходов красных в наступление.

В случае же более широкого красного наступления в дело вводилась бы спокойно организованная в тылу армия, удар коей разбил бы живую силу противника и уничтожил бы его воинские кадры.

К тому времени предположительный рост антибольшевистских настроений в занятых красными частях России, как и относительное благополучие крестьянства занятых белыми губерний (благополучие могло быть создано соответствующим законодательством по крестьянскому и земельному вопросам, отвечающим чаяниям и интересам решающего для России крестьянского слоя) создали бы нужную предпосылку для успеха движения вперед.

Вне наличия указанных предпосылок, по мнению казачества, даже занятие Москвы не означало бы еще не только победы, но и близости окончания борьбы с большевизмом.

Глава XI

Переход Донской Армии в наступление согласно «Московской директиве». — Бои Лейб-Гвардии Казачьего полка в районе Бутурлиновки и Велико-Архангельского. — Рейд генерала Мамонтова. — Августовский удар красных, направленный по Дону и Кубани. — Ликвидация операции группы Селивачева. — Действия 1-й Донской дивизии и бои лейб-казаков севернее линии Подгорная — Павловск. — Атака Лисок 8 сентября. Общие условия борьбы: пополнение людьми, питание, обмундирование, организация снабжения, обоз 2-го разряда, оружие, боевые припасы. Общий подсчет потерь Лейб-Гвардии Казачьего полка июля и августа 1919 года.

Решение генерала Деникина перейти в широкое общее наступление на Москву вылилось в директиве от 20 июня, коею указывалось:

1) Кубанцам генерала Врангеля от Царицына выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях Донские части и наступать далее, через Пензу — Арзамас — Н. Новгород, на Москву.

2) Донской Армии генерала Сидорина правым крылом, до подхода Врангеля, продолжать прежнюю задачу выхода к Камышину — Балашов, остальными частями развить удар на Москву в направлениях Воронеж — Козлов — Рязань — Оскол — Елец.

3) Кубанцам, Добровольцам и Терцам генерала Май-Маевского, обеспечив свой левый фланг занятием Киева, — наступать через Курск — Орел — Тулу, на Москву.

В исполнение этой директивы, 1-я Донская дивизия перебрасывает усиление правого фланга 3-го Донского корпуса в район Бутурлиновки и смены здесь конных частей

4-го Донского корпуса генерала Мамонтова, освобождаемых для операции прорыва красного фронта и рейда в тыл.

18 июля Лейб-Гвардии Казачий полк в составе 1-й Донской дивизии прибыл в район Бутурлиновки и ночевал в указанном селе, сменив здесь стоявшую (из состава 4-го корпуса) бригаду генерала Каргальского.

Той же ночью противник атаковал расположенное в 10 верстах к северо-востоку село В.-Архангельское, занятое 3-м Калмыцким полком.

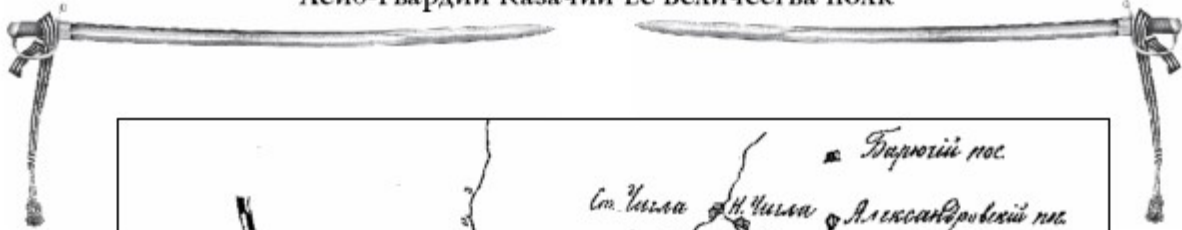
Захваченные ночью врасплох калмыки, понеся в составе своих пеших сотен большие потери, очистили В.-Архангельское.

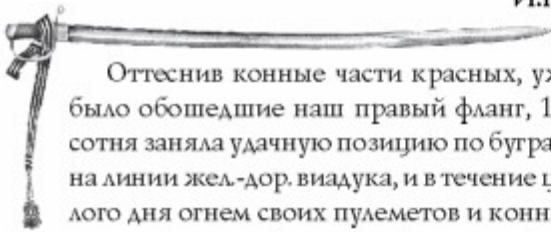
За отсутствием донесений командира Калмыцкого полка и в предположении движения противника от В.-Архангельского на юг, гвардейская бригада была двинута через Филиппенково на Патокино.

4-й Донской полк и Чутуевский уланский были оставлены южнее Бутурлиновки для прикрытия дороги на дер. Гвазды.

Для прикрытия указанной перегруппировки, в направлении В.-Архангельского, на рассвете 19 июля была выслана 1-я сотня войск. старшины Краснова.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

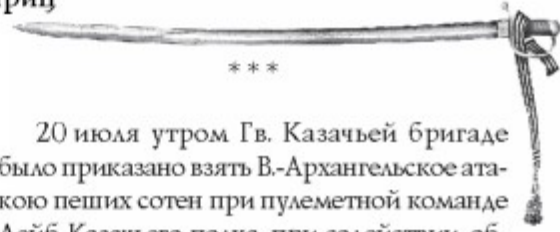
Оттеснив конные части красных, уже было обошедшие наш правый фланг, 1-я сотня заняла удачную позицию по буграм, на линии жел.-дор. виадука, и в течение целого дня огнем своих пулеметов и конными ударами во фланг задерживала красных.

На правом фланге сотни отлично работал 1-й взвод под командой только накануне прибывшего в строй подьесаула Жеребкова. Пользуясь балками и лесом подсолнухов, подьесаул Жеребков удачно парировал несколькими конными ударами во фланг попытки красных к обходу.

К 6 час вечера было обнаружено скопление красной пехоты в балке на левом фланге сотни. Скрытно стянув сюда три взвода, войск. старшина Краснов выехал на разведку с вестовым Герасимовым по балке вперед и неожиданно для себя натолкнулся в подсолнухах на густую цепь красных. Кругом крик «держи белого полковника!» и беспорядочная стрельба. Отстреливаясь из нагана, войск. старшина Краснов поворачивает к оставленной им в полуверсте сотне, которая, услыша выстрелы и крики, без команды карьером бросилась вперед на выручку командира сотни. В этот момент ранение пулей в ногу едва не выбивает в ст. Краснова из седла, если бы не помощь вестового казака Герасимова, вовремя подхватившего командира сотни. С криком «ура!» и «ти!» сотня врзалась в цепь и рубкой обратила красных в бегство.

Оставив на месте несколько десятков трупов, красные ушли в В.-Архангельское.

Во избежание лишних потерь, оставшийся в строю в ст. Краснов сигналами «стой» и «сбор» остановил преследование и с наступлением темноты со своей сотней присоединился к полку в Патокино.

20 июля утром Гв. Казачьей бригаде было приказано взять В.-Архангельское атакою пешеходных сотен при пулеметной команде Лейб-Казачьего полка, при содействии обхода этого села с северо-востока конных сотен, при пул. команде Л.-Гв. Атаманского полка.

Пройдя половину пути от Потокина к В.-Архангельскому, две пешие сотни атаманцев были развернуты в боевой порядок и повели наступление по местности, густо засаженной подсолнухами выше человеческого роста, почему на некоторых участках создались условия боя как в лесу.

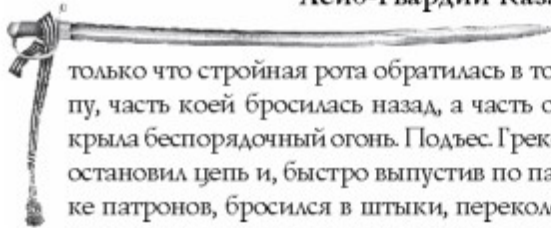
Через полчаса по началу наступления вправо на поддержку атаманцам была выдвинута 5-я пешая сотня подьесаула Грекова, двинувшаяся по выходящей на В.-Архангельское балке.

Дойдя до вершины балки, подьес. Греков увидел недалеко дома деревни, а влево от балки, шагах в 450-ти, спокойно стоявшую в колонне на дороге роту красных.

Подьес. Греков, оставив в резерве один взвод, три остальных, прикрываясь балкой, рассыпал в цепь и, появившись неожиданно для красных, двинулся на них без выстрела. Рота повернулась и без всякой суеты, оставаясь сомкнутой, развернула фронт. Как потом выяснилось, то была рота красных курсантов.

Подьес. Греков двигался без выстрела, но не стреляли и красные, почему, по мере сокращения расстояния, нервное напряжение сторон быстро увеличивалось.

Вот уже остались последние 150 шагов. Подьес. Греков обернулся назад и успокоился — его цепь шла спокойно и уверенно на ровных, как на учении, интервалах. Со стороны курсантов раздался первый одиночный выстрел, за ним второй, третий, и

только что стройная рота обратилась в толпу, часть коей бросилась назад, а часть открыла беспорядочный огонь. Подъес Греков остановил цепь и, быстро выпустив по пачке патронов, бросился в штыки, переколов несколько десятков оставшихся на месте курсантов.

Влево, шагах в 100, показалась отходящая цепь красных. Оставив в направлении на В.-Архангельское один взвод, открывший огонь по метавшимся по деревне красным, подъес Греков двинулся на нового противника.

Противник открыл ружейный и на этот раз и пулеметный огонь. Здесь подъес Греков был ранен в грудь навывлет и, сдав сотню хорунжему Б. Грекову, двинулся с группой своих раненых казаков назад на перевязочный пункт.

Одновременно с 5-й сотней, на поддержку атаманцам, влево была двинута и 2-я пешая Л.-Казачья сотня войск ст. Полковникова. Последний, не слезая с коня, смело повел сотню сквозь подсолнухи вперед. Красные вначале не стреляли и, только подпустив атакующих вплотную, открыли сильный пулеметный и ружейный огонь. Сотня понесла большие потери, но опрокинула противника. Войск ст. Полковников был дважды ранен, причем после второго ранения (в подъем ноги с раздроблением кости) выбыл навсегда из строя.

Были ранены тяжело сотник Какурин и легко хорунжий Филатьев.

Бой этот был первым боем для молодых казаков призыва 1921 года, составлявших значительную часть полка.

Боевое испытание было выдержано ими с честью.

«...Среди наших молодых казачат, — говорит интересная запись дневника пулеметного урядника Колбасина, — были такие, что еще говорили по-детски и задавали наи-

вные вопросы: „А ежели ранят, не больно ли?“ Старшие, бывалые в боях, отвечали: „Не бойсь, ежели ранят, то тебя сразу перевяжут, ежели же убьют, то ты не будешь знать“.

Мерным шагом, равняясь в цепи, шла молодежь. Кто-то из казаков шутку пустил, что молодежь винтовки в руке держит, как вилку перед обедом. Тут заметили, что действительно, все молодые несут ружья в руках, а старые на ремне за плечом.

Первые пули запели в воздухе — молодой пригнул голову, старшие шутят: „С кем поздоровался — их ишшо нету“.

Но вот противник ближе. Закипела перестрелка, старшие по привычке увлеклись боем, молодежь тянется за ними, прямо рвутся в штыки.

Работает мой пулемет. Пулеметчик всегда в деле. Да еще как. Вот сюда, нет вот сюда. Да вот там еще кучка. Так по кучкам да по кучкам не заметишь, как и время пройдет.

Минут через двадцать разорвался снаряд по пулеметной двуколке, все 4 лошади убиты, и казак Васильев — Мечетинской станицы — ранен с раздроблением правой руки и бедра. Только его унесли — новый разрыв по пулемету, и меня ударило шрапнелью в спину. Как будто кто палкой рубанул по спине. Так как раны большой не было, то я остался в строю: шрапнель пробил сумку, кожаный пояс и зарылась в мясо, где и протаскал ее до сентября месяца.»

«...Характер местности был таков, — говорит ген. Дьяков, — что каждое движение нашей пехоты было ясно видно неприятельской артиллерии, и именно от ее огня мы несли наибольшие потери. Наша батарея не имела более или менее удовлетворительного наблюдательного пункта. Тем не менее наступление быстро развивалось.»

Тем временем конные сотни лейб-казачков и атаманцев, при пулеметной команде

последних, совершив глубокий обход, были двинуты полковником Фарафоновым лавой в атаку на подходившую по дороге из Васильевки красную пехоту.

Несмотря на сильнейший огонь, шедшие головным эшелоном Лейб-Казачьи 1-я сотня в. ст. Краснова и полусотня 6-й в. ст. Воронина, проскочив глубокую параллельную фронту балку, дошли до шашечного удара.

«Полторы сотни лейб-казаков, — говорит запись полковника С.Н. Краснова, — развернув эшелоны в лаву, прошли сдавшихся им и уже бросивших винтовки три очень широкие по фронту цепи; красных атаковали две роты резерва и были уже шагах в 100—150 от красных орудий. Однако, не поддержанные другими эшелонами бригады, застрявшими в глубокой балке, опрокинуть противника окончательно не смогли. Рота прикрытия красной батареи, видя нашу малочисленность, стойко отбилась огнем и ручными гранатами. Пройденные нами цепи красных, видя, что их никто не забирает, взялись снова за винтовки и открыли огонь. Под перекрестным огнем падали люди и лошади. Стреляя из револьвера, я стал пробиваться назад и был ранен пулей в руку. Несмотря на мое приказание отходить лавой, меня окружили ближайшие казаки, пробили путь назад и вывели из сферы огня. Одновременно вышла и сотня. Потери — 50 % состава...»*

* Интересно примечание полк. Краснова: «Здесь уместно будет сказать, что традиционные полку заботы офицеров о казаках широко вознаграждались обратными проявлениями преданности и заботливостью рядовых казаков. Кроме приведенных мною примеров выручки раненого командира сотни из бою и вне боя, имели место случаи охраны от опасности казаками своих офицеров.

Так, в условиях прерывчатого фронта и малочисленного сторожевого охранения, иногда на сто-

Видя неудачу головного эшелона, прочие сотни, застрявшие в глубокой и сильно обстреливаемой балке, отхлынули назад.

Полковник Фарафонов выдвинул вперед пулеметную команду атаманцев и огнем 8 пулеметов заставил красную пехоту залечь вдоль дороги, не позволяя ей двигаться в В.-Архангельское.

Пешие сотни опрокинули противника и ворвались в В.-Архангельское с юга.

Противник, понесший большие потери, отошел на бугор севернее деревни, и в 12 часов дня бригада уже готовилась вновь его атаковать, как пришло приказание остановиться, так как операция прорыва конницы Мамонтова откладывалась на 22 августа.

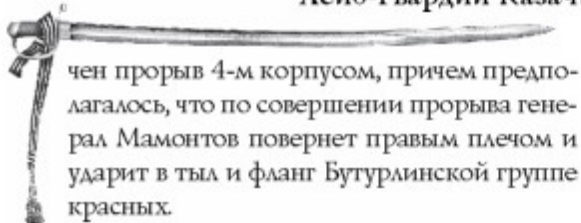
Это было крупным разочарованием: за день 20-й лейб-казаки потеряли ранеными 3-х сотенных командиров (войск. старш. Краснов, войск. старш. Полковников, подьес. А. Греков), двух офицеров — сотника Какурина и хорунжего Филатьева — и, понеся крупные потери казаками и лошадьми, уже достигли известного результата; теперь же эти потери оказались напрасными, ибо с наступлением темноты было приказано вернуться на ночлег в Патокино.

21-го велась лишь конная разведка, на 22-е же, как сказано было выше, был назна-

янок поездки командира и офицеров ночью в штаб полка или в соседние сотни были сопряжены с некоторой опасностью. Возвращаясь из таких поездок, офицеры часто встречали по пути патрули своих казаков, высланные инициативой последних.

После запрещения высылки подобных патрулей, отрывающей людей от отдыха, казаки продолжали их иногда высылать, делая это только более скрытно от командира сотни».

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

чен прорыв 4-м корпусом, причем предполагалось, что по совершении прорыва генерал Мамонтов повернет правым плечом и ударит в тыл и фланг Бутурлинской группе красных.

Боевой приказ 1-й дивизии был аналогичен прежнему, и Гв. бригада снова атаковала В.-Архангельское.

На этот раз близко справа слышалась канонада: то в районе Васильевки выходила вперед семитысячная масса конного корпуса генерала Мамонтова.

В голове Гв. Казачьей бригады шли лейб-казаки, кои рассыпались в цепь и быстро повели наступление. Противник у Велико-Архангельского (40-я сов. див.) большой стойкости не обнаружил и под ударом пеших сотен очистил село.

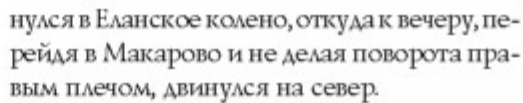
В цепи 5-й сотни был ранен только что принявший сотню сотник Б. Греков.

Конные сотни атаковали красных восточнее В. Архангельского и оттеснили их к жел. дороге Бутурлиновка — Терехов.

Красные отходили, однако, в порядке, прикрываясь своею не жалевшей снарядов артиллерией.

С высоты взятого В.-Архангельского лейб-казаки видели движение в районе Васильевки крупных конных масс: то двигался 4-й конный корпус генерала Мамонтова. Настроение поднялось, забыты были потери, ибо казалось, что в ближайшие часы все будет вознаграждено полным разгромом красных.

Однако и на этот раз пришлось разочароваться: скоро пришло донесение от лейб-казака сотника Ляхова, посланного для связи в штаб генерала Мамонтова, сообщавшего, что 4-му корпусу, взявшему Васильевку, пробиться не удалось, и операция генералом Мамонтовым отложена. Лишь 27-го генерал Мамонтов ночным маневром, обходя Архангельскую группу красных, выдвинулся в Еланское колено, откуда к вечеру, перейдя в Макарово и не делая поворота правым плечом, двинулся на север.

Мамонтовский прорыв обошелся лейб-казакам недешево: за бои с 19-го по 22-е полк потерял ранеными 7 офицеров (из коих двое тяжело); казаков: убито 16, ранено 116, контужено 4, без вести пропало 3; лошадей: убито 37, ранено 104.

Рейд генерала Мамонтова достаточно полно освещен военной литературой, и нет надобности излагать его здесь подробно.

Несколько остановимся лишь на объяснении причины неисполнения 4-м Донским корпусом директивы Командования о повороте плечом.

По выходе в тыл противника генералу Мамонтову предстояло разрешить две различных задачи: первую, боевую — ударить с тыла по живой силе противника, вторую, политическую — появлением в тылах поднять крестьян против большевиков.

Если первая задача требовала поворота правым плечом, то вторая требовала проникновения дальше вглубь, возможно более мощной, не потрепанной в боях массой.

Генерал Мамонтов начал рейд с выполнения второй задачи.

Интересно отметить, что в конечном счете значение и последствия рейда выявились как раз в обратном порядке: крестьянского восстания не произошло*, так как отсутствовали необходимые предпосылки в

* Отсюда отнюдь не вытекает заключения о якобы большевистском настроении русского населения.

Очень показательна приводимая ниже таблица распределения к августу 1919 г. вооруженных красных сил («История Гражданской войны». Госизд. С. 250).

виде соответствующей земельной и крестьянской политики Юга России. Хотя генерал Мамонтов и вывел Тульскую дивизию, составленную из восставших против большевиков крестьян, но в целом, в смысле крестьянских настроений, значение рейда явилось скорее отрицательным: корпус приходом возбуждал надежды населения, а затем двигался дальше, оставляя население на расправу большевикам.

Что же касается до боевого значения рейда, то если рейд мало отозвался на участках фронта, ближайших к месту прорыва, то значение его в более широком масштабе для всего Южного фронта выявилося очень широко.

Так значительно облегчилось тяжелое положение Армии генерала Врангеля, с фронта коей красные сняли наиболее боеспособный корпус Буденного, направленный ими на борьбу с Мамонтовым.

В тех же целях с фронтов 8-й и 9-й советских армий были сняты бригада 40-й дивизии, 31, 36 и 56-я дивизии, части 3-й стр. дивизии и, наконец, из тыла привлечены 21 стр. дивизия, 4 полка коммунаров и 5-й Латышский полк. Увод частей с фронта ос-

Западный фронт.....	140 тыс.	797 орудий
Южный фронт.....	171 ¹ / ₂ тыс.	611 »
Восточный фронт.....	125 тыс.	445 »
6-я отдельная армия.....	14 тыс.	136 »
Войска вспомогат. и запасные части.....	14 ¹ / ₂ тыс.	74 »
Войска специальн. назначения.....	180 тыс.	763 пулем.

Советская «История Гражданской войны» «застенчиво» добавляет: «Сравнительная многочисленность войск специального назначения и тылового района объясняется серьезностью и разнообразностью задач, кои советская власть должна была разрешать в тыловом районе...» Яснее и короче говоря, наибольших сил требовала война на внутреннем фронте северных и средних полос России, казалась бы, прочно занятых большевиками.

лабил ударные группы Селивачева и Шорина, о коих речь будет ниже.

По свидетельству красных главковерхов (Егоров. С. 120; Буденный. «Гражд. война». Т. I. С. 106), генерал Мамонтов «коренным образом нарушил военное управление Южным фронтом, испортил ряд участков важнейших жел. дор. и уничтожил много складов, баз и запасов, расстроив надолго снабжение Красной Армии...» «Притом в момент, когда последняя должна была давать полное напряжение».

23 июля пешие части ночевали в В.-Архангельском, конные сотни после небольшой перестрелки выбили противника из селения Чулок, где и ночевали.

24 июля 1-я дивизия переходами через Бутурлиновку перебрасывается в Карачевку, куда прибывает 25 днем.

Донское Командование решило взять гор. Бобров согласованной атакой с двух сторон, причем 1-й Донской дивизии надлежало переправиться через Битюг у Мечетки и атаковать город с юго-запада.

Боевыми разведками, произведенными 2-й бригадой, при поддержке конных Лейб-Казачьих сотен, 26 июля, и конными сотнями Гв. Каз. бригады, 29 июля, выяснено, что Битюг прочно занят противником и переправиться можно только с боем. Несколько дней 1-я дивизия занимала позицию Лиечетовка — Анновка, причем на позиции находится лишь очередной полк, прочие же располагались в деревне Козловке.

Противник все дни вел огневой бой, а 28-го пытался нанести удар, хотя и с потерями, но отбитый в тот же день занимавшими позицию пешими сотнями Л.-Гв. Атаманского полка.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

1 августа начальником дивизии генералом Абрамовым, совместно с командным составом, до командиров сотен включительно, была произведена рекогносцировка подступов к переправе для намеченной на 2-е августа общей атаки.

Однако атака была отменена свыше, и 1-я дивизия далее переброшена а правый берег Дона на линию г. Павловск — Подгорная, оставив в районе Бутурлиновки Чугуевский и 3-й Калмыцкий полки.

Остановимся на причинах этой переброски и вернемся несколько назад.

Со времени майского и июньского отхода красное командование не теряло времени даром.

Пользуясь тем, что красные армии, отброшенные майским наступлением, отошли на новый фронт, сохранив в целостности свои кадры, красное возглавление проявило незаурядную энергию по приведению в порядок (с придачей характера «регулярства») и усилению своих частей.

Были объявлены новые мобилизации от 18 до 45 лет и был значительно усилен учет бывших офицеров и унтер-офицеров старой Российской Армии, составлявших, совместно с прослойкой коммунистов из рабочего класса, основную часть Красной армии*.

* Общее количество чинов старой Российской Армии, мобилизованных в Красную армию, представлено в нижеследующей таблице. («Гражданская война». Москва. Госиздат. Том 2. С. 78, 79—87, 95).

	К 1 января		К 1 апреля	
	1919 года		1919 года	
Офицеров	22	315	28	410
Военных чинов.	2409		2919	
Унтер-офицеров	128	168	165	191
Военных врачей	2508		4365	
Низший медиц. персон.	9713		15395	
Итого	165	113	216	280

Главковерх Вацетис был сменен бывшим полковником Генерального Штаба Каменевым, а командующий Южным фронтом Гитис — Генерального Штаба бывшим генерал-лейтенантом Егорьевым.

На Южный фронт было переброшено 6 1/2 дивизий с Восточного фронта и 3 дивизии с Западного.

Всеми этими мерами численность Южного красного фронта была доведена до 172 тысяч бойцов при 610 орудиях («История Гражданской войны». Т. 3. С. 250).

Был принят следующий план генерального наступления, целью которого ставилось «уничтожение источника живой силы Вооруженных Сил Юга России ударом по Дону и Кубани*».

Главный удар наносился группой полковника Генерального Штаба Шорина, 9-й и 10-й советскими армиями с фронта — Камышин — Балашов, и был направлен на Нижний Дон против 1-го и 2-го Донских корпусов и Царицынской Кубанской Армии генерала Врангеля.

Вспомогательный удар наносился группой генерала Селивачева (8-я армия и две дивизии 13-й армии) с фронта Лиски — Новый Оскол, и был направлен на фронт 3-го Донского корпуса и стык его с Добровольческой Армией.

В группе Шорина к 1 августа состояло: 45 000 штыков, 12 000 сабель, 1080 пулеметов, 240 орудий.

В группе Селивачева: 32.800 штыков, 4000 сабель, 1407 пулеметов, 251 орудие.

Остальные части 13-й и 14-й армий должны были содействовать общему наступлению ударных групп Шорина и Селивачева, начав наступление на Лозовую и на Готню. (Однако генерал Кутепов, за три дня до на-

* «Гражданская война». Т. 3, С. 259 и Егоров. С. 112.

чала операции, наступая 1-м Армейским корпусом, разрезал 13-ю и 14-ю армии и отбросил их к Курску и за Ворожбу, почему никакого содействия наступлению групп Шорина и Селивачева указанные части оказать не могли.)

Общее наступление ударной 38-тысячной группы Селивачева началось 3 августа против всего фронта 3-го Донского корпуса, к тому времени насчитывавшего в своих рядах лишь около 10 000 штыков и шашек и занимавшего фронт протяжением в 200 верст.

Под натиском значительно превосходящих противника 3-й Донской корпус осадил с боем назад. На его правый фланг — линию Подгорная — Павловск и далее стык с 2-м Донским корпусом — были поставлены 1-я и 3-я Донские дивизии под общим командованием генерала Абрамова. Последний, оставив на левом берегу Дона, для обеспечения стыка с 2-м Донским корпусом против 40-й советской дивизии, группу, составленную из 9-го Донского полка, Л.-Гв. Донской батареи (от 3-й Донской дивизии) и Чугуевского, 3-го Калмыцкого полков, взвода 2-й Донской батареи (от 1-й Донской дивизии), остальные полки своих дивизий перевел на правый берег Дона с целью остановить продвижение на Евстратовку сильной Лискинской группы противника, имевшей в своем составе полнорodную, усиленную бронепоездами 33-ю советскую дивизию.

10, 11 и 12-й полки 3-й Донской дивизии были весьма малочисленны и наполовину состояли из недавно влитых казачьих дружин стариков мешковцев.

Полки 1-й Донской дивизии были более свежи, однако, группа 3-х полков 1-й дивизи

зии (Гв. Каз. бригада и 4-й Донской полк), поставленных на линии Подгорная — Павловск, не превосходила в своем боевом составе численности в 1200 штыков и шашек, при 18 пулеметах и 1 1/2 батареях.

1-я дивизия, выступив 6 августа переходами через Бутурлиновку, Клопово — Павловск, 8 августа прибыла в Белогорье.

9 августа на рассвете группа из 3-х полков 1-й дивизии и бригады 3-й дивизии сосредоточилась на перекрестке дорог Белогорье — Морозовка и Белогорье — Сагуны для наступления на Сагуны.

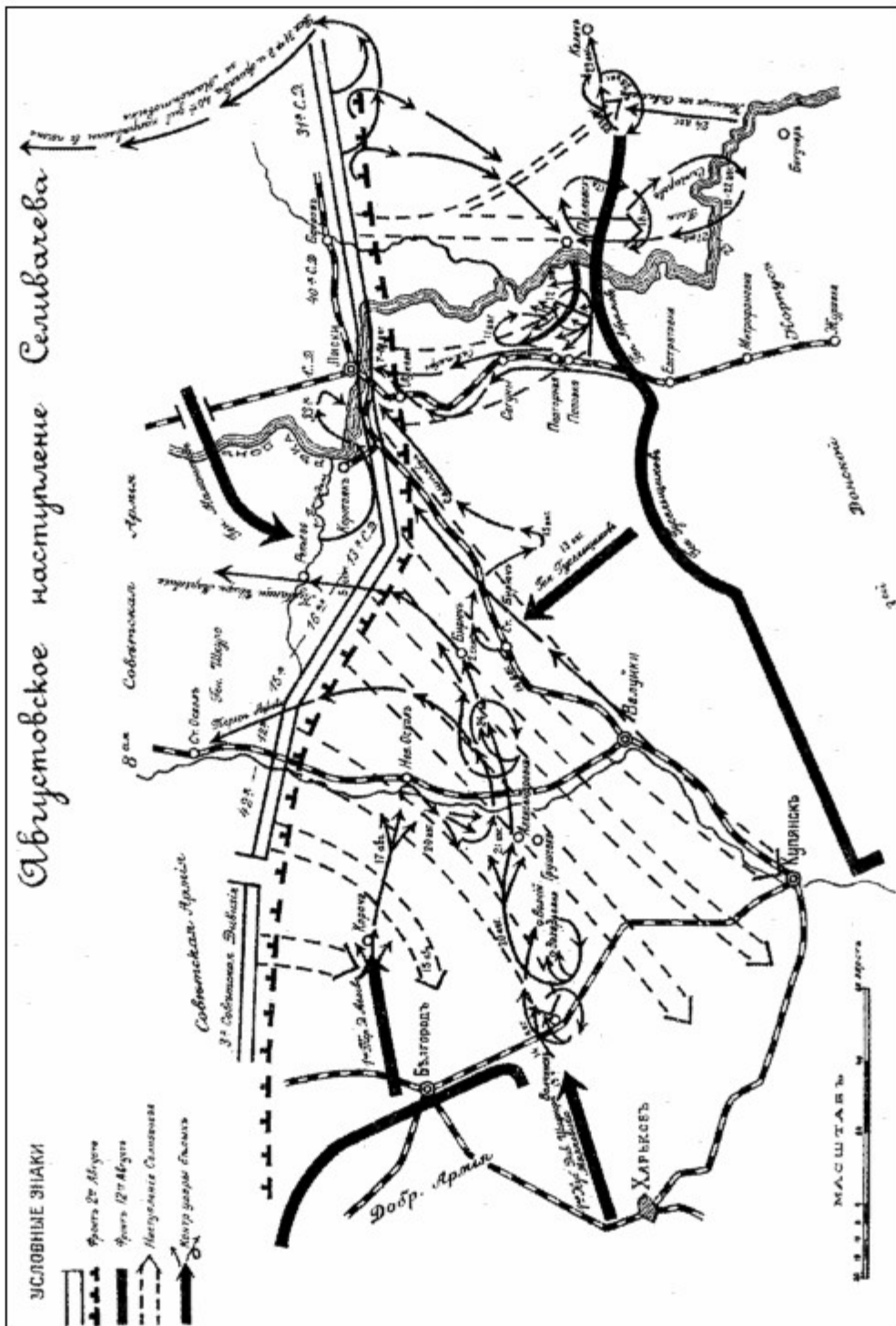
Полки 3-й дивизии должны были наступать, через Карабут, правее дороги Белогорье — Сагуны. Полки 1-й дивизии наступали левой той же дороги, причем пешим сотням Л.-Гв. Атаманского полка под командой полк. Андрианова надлежало атаковать предварительно дер. Лыково, а пешим сотням Лейб-Казачьего полка под командой войск. старш. Кононова — деревню Андреевку.

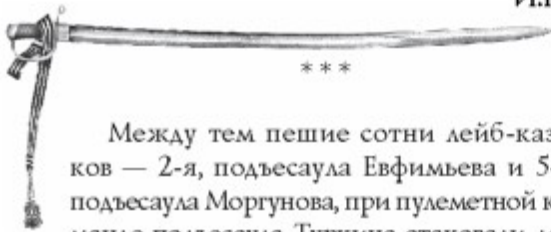
Конные сотни Лб.-Казачьего полка под командой полк. Поздеева шли в интервале между лейб-казаками и атаманцами. По очищении обойденным с фланга противником дер. Лыково полк. Поздеев двинулся на Сагуны, оторвавшись от пехоты.

Туда же подошли конные сотни 3-й дивизии, остановившиеся в очищенном его от противника Карабуте.

Собравшейся под Сагунами конница оказалась мало для атаки деревни, так как 6-я сотня, обойдя Сагуны с севера и дойдя до железной дороги, обнаружила подход сильных эшелонов противника.

Продержавшись перед Сагунами до вечера, полк. Поздеев отошел на Лыково, где и ночевал.

Между тем пешие сотни лейб-казачков — 2-я, подесаула Евфимьева и 5-я, подесаула Моргунова, при пулеметной команде подесаула Туркина атаковали дер. Андреевку и, выбив противника, на его плечах прошли деревню и перешли в преследование.

Пройдя версту, они принуждены были остановиться, так как противник, получив по жел. дороге сильное подкрепление, перешел в контратаку и охватил левый фланг.

Два пулемета подесаула Туркина быстро ликвидировали охват, однако через полчаса атака была повторена, причем красным удалось занять небольшой лесок за нашим левым флангом. 5-я сотня, а за ней и 2-я осадилась назад за Андреевку, заняв позицию в полуверсте за этим селом. Цепи противника подошли настолько близко, что были видны лица. Наши пулеметы не давали им возможности подняться для удара и наносили большие потери. Со стороны красных кричали, что они сдаются. Есаул Моргунов бросился с полусотней 5-й сотни в штыки, но.. был встречен таким огнем, что, понеся большие потери, стал отходить, причем красные бросились за ним.

Быстро выдвинутые лично подесаулом Туркиным и хорунжим Грековым пулеметы, занявшие выгодное положение, срезали первую, а затем и вторую цепь красных, и позиция осталась за нами.

«...Противник наседавал и патронов не жалел, — говорит пул. ур. Колбасин, — когда проходили Андреевку, огонь его был поистине сквозняковый. В наших цепях патроны были на исходе. В полуверсте от Андреевки мой пулемет остановился на холмике, и огнем, без прицела, по рикошетам, я начал задерживать противника. Огонь был удачный: по хорошо видимым рикоше-

там страшно удобно было стрелять. При поддержке своей не жалевшей снарядов артиллерии красные пытались наступать. Шум от стрельбы такой, что мы между собой кричали друг другу. Я стреляю и приговариваю, а рядом начальник команды тоже приговаривает и в одобрение бьет меня по спине. А второй и третий номера каждый за кожух пулемета тянет в свою сторону. Направляет на свои кучки красных.

Был момент, что красные стали подниматься на холм, и мы приготовились уже сниматься, как удачной лентой, на постоянном прицеле, удалось уложить передовую цепь. Теперь красные сразу хлынули назад и покатались на Андреевку. Господи, что тут происходило на моей спине и как вообще она выдержала: и подесаул Туркин, и оба номера в азарте лупили. Ей-богу, вся спина потом красная была..

Противник стремился теперь скрыться в Андреевку, и чем ближе к деревне, тем плотнее сбивались его кучки и тем разительнее был огонь нашего пулемета.

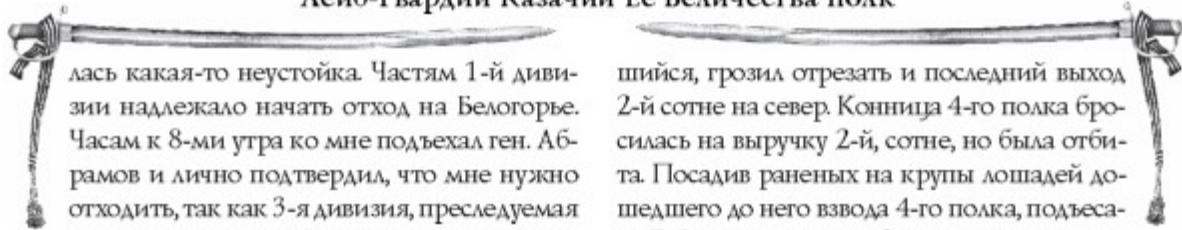
Я хотел стрелять по оставшимся в поле, но подесаул мне сказал: „Разве не видишь, что они побиты“. Когда я поглядел на поле, оно было все усеяно трупами..»

Поле боя осталось за нами.

Ночевали сотни в лесу, что к востоку от позиции, выслав вперед в дер. Андреевку разведку. Команда разведчиков 5-й сотни в темноте захватила и вывезла из деревни походную кухню красных с запряжкой и котлом, полным горячего борща, пришедшимся кстати, так как ночь была холодная.

Запись генерала Дьякова говорит:

«...С утра 10 августа ген. Абрамовым было отдано приказание атаки Сагунов не возобновлять, так как в 3-й дивизии случи-

лась какая-то неустойка. Частям 1-й дивизии надлежало начать отход на Белогорье. Часам к 8-ми утра ко мне подъехал ген. Абрамов и лично подтвердил, что мне нужно отходить, так как 3-я дивизия, преследуемая противником, уже находится на уступе сзади. К этому времени у меня впереди находилась 2-я Лб.-Казачья сотня подьесаула Евфимьева, ввязавшаяся в горячий бой, из которого, видно было, она самостоятельно выйти не могла. На выручку ей я двинул две пешие сотни атаманцев под командой доблестного, но несколько медлительного полковника В. Андриянова. Атаманский дивизион положения 2-й сотни не спас, ибо, выйдя к уже расправившемуся со 2-й сотней, значительно превосходящему в силах противнику он был стремительно атакован и принужден к отходу...»

«...10 августа, — говорит дневник командира 2-й сотни подьес. Евфимьева, — противник нас предупредил и на рассвете повел наступление. Когда сотня была поднята и приведена на опушку леса, его цепи уже находились в 400 шагах. Быстро командир бригады отдал распоряжение: 2-й сотне идти в контратаку, а 3-й конной обеспечить ей левый фланг... Противник, находившийся уже в 300 шагах, встретил контратаку огнем, но сотня бросилась в штыки на „ура“, и красные побежали. Преследуя противника, вторая полусотня начала уже загигать фланг, охватывая Андреевку, как я получил приказание: „Остановите наступление и немедленно соберите один или два взвода в свой резерв. — Андреев“».

Одновременно в тылу 2-й сотни показались густая цепь, принятая вначале за свой резерв, но оказавшаяся противником.

Подьесаул Евфимьев принужден был отбиваться на два фронта.

В довершение беды, 4-й полк отходил от Сагунов, причем противник, за ним спускав-

шийся, грозил отрезать и последний выход 2-й сотне на север. Конница 4-го полка бросилась на выручку 2-й, сотне, но была отбита. Посадив раненых на крупы лошадей дошедшего до него взвода 4-го полка, подьесаул Евфимьев, во главе 2-й полусотни, начал пробиваться на северо-восток. Что касается до 1-й полусотни, то стремительно и неожиданно атакованная с тыла, она почти целиком была уничтожена, и пробиться удалось лишь одиночным казакам. От них узнали, что командир 1-й полусотни, доблестный хорунжий Филатьев, раненный в руку, зажимая рану здоровой рукой, пробивался с группой казаков, когда упал, сраженный пулей в грудь. Набежавшими красными хорунжий Филатьев был поднят, брошен на копну соломы и сожжен заживо.

Подьесаул Евфимьев, двигаясь с боем на сев.-восток, дошел до Дона. Здесь он повернул круто на юг и пробился сквозь красных на Белогорье, откуда поздно вечером присоединился с уцелевшей частью сотни к полку.

В этот день сотня потеряла две трети своего состава.

В то же утро 3-я конная подьес. Рыковского, обеспечивая левый фланг 2-й, в конном строю ворвалась было с юга в Андреевку, но была отброшена на юго-запад, потеряв связь с ес. Евфимьевым.

Что же касается 5-й сотни подьес. Моргунова и пулеметной команды подьес. Туркина, то они, получив своевременно приказание об отходе на бугры в направлении Морозовки, спокойно на рассвете туда двинулись, не подозревая о происходящем со 2-й сотней.

«...Командиром бригады было сказано, что первая цепь за нами будет наша, а следующая за ней — противника, — отмечает подьес. Моргунов. — Подходя ложиной к бутрам, кои надлежало занять, моя сотня, в

колонне по-три, попала под ружейный и пулеметный огонь. Оказалось, что цепь, двигавшаяся за нами, была не наша, а красных. Под прикрытием огня ранее прибывших и уже ставших на позицию пулеметов подьес. Туркина сотня развернулась, заняла бугры и последовательно отбила три атаки противника...»

«...Мы заняли, — говорит ген. Дьяков, — позицию с отличным обстрелом, и наступавшие красные были легко отбиты огнем одних лейб-казаков и их пулеметной команды. В резерв стали сотни 4-го полка.

После четырех попыток нас атаковать, без труда нами отбитых, бой к вечеру затих. Позиция осталась за нами...»

На ночь бригада 3-й дивизии сосредоточилась в Белогорье — 1-я дивизия в Морозовке.

Утром 11 августа 1-я дивизия перешла в наступление. Очередь наступать была атаманцев, и лейб-казаки были в поддержке.

Наступление в начале шло успешно, но встреченное на подороге к Андреевке контратакой красных, оно остановилось.

Одновременно создалось тревожное положение на правом участке, где без предупреждения отошла 3-я дивизия, и противник, подошедший к дороге Морозовка — Белогорье, обстреливал уже ружейным огнем штаб генерала Абрамова, угрожая занять Морозовку.

Спешно идут на правый участок конные сотни лейб-казаков и туда же двигаются 2-я и 5-я пешие сотни полка.

Конные сотни разворачиваются пошелонно и бросаются в атаку под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника, хорошо применившегося к местности и почти невидимого.

Местность изобиловала глубокими оврагами, вымоинами, и часть атакующих запуталась в оврагах и вышла впустую, и только меньшая часть, группами, во главе с командиром 3-й сотни подьесаулом Рыковским и сотником Усачевым, вышла верно на противника.

Сотник Усачев, только с несколькими казаками проскочив через сеть оврагов, не задумываясь, врубился в красных, кои, видя малочисленность дошедших, не дрогнули, и группа Усачева быстро была перебиты. Под сотником Усачевым была убита лошадь, он вскочил на ноги и отстреливался до последнего патрона, пока не был поднят, в прямом смысле этого слова, на штыки.

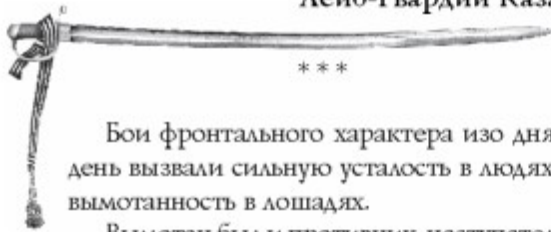
В группе подьесаула Рыковского был ранен вольноопределяющийся граф Ребиндер, вывезенный из схватки на крупе лошади лично подьесаулом Рыковским.

В результате, хотя конные сотни и понесли потери людьми и лошадьми, но было выиграно нужное время для подхода немедленно перешедших в наступление пеших сотен.

Полусотня 5-й сотни под командой сотника Б. Грекова взяла уже 2 пулемета противника, когда смертельно был ранен в голову Б. Греков. Полусотня пришла было в замешательство, но подоспевший со взводом подьес. Моргунов привел ее быстро в порядок и отбил контратаку красных. Удачна была атака и 2-й сотни, потерявшей тяжело раненным сотника Семилетова, но отбросившей противника от Морозовки.

Во время боя тяжелый снаряд разорвался под конем полк. Поздеева. Взрывом конь и всадник были подброшены вверх. По счастливой случайности полковник Поздеев отделался лишь контузией.

Противник, понесший большие потери, с наступлением сумерек отошел. 1-я Донская дивизия ночевала в дер. Саприно.

Бои фронтального характера изо дня в день вызвали сильную усталость в людях и вымотанность в лошадях.

Вымотан был и противник, наступательный порыв коего был отбит, и до 17 августа 1-я дивизия простояла спокойно, поддерживая соприкосновение с противником лишь своим сторожевым охранением и ведя разведку.

16-го прибыла очередная партия пополнения, и ряды пеших сотен пополнились до 150 человек. Кроме того, прибыло две сотни калмыков — одна в 67, а другая в 97 штыков, кои за отсутствием 3-го калмыцкого полка временно, на несколько дней были приданы лейб-казакам.

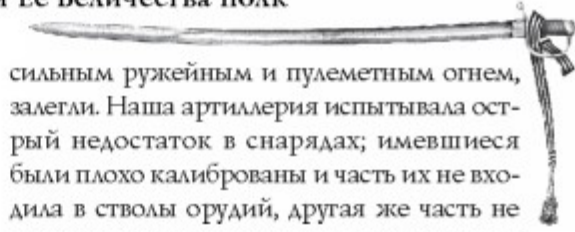
Того же числа подошла по железной дороге стрелковая Донская бригада (Л.-Гв. Финляндский и 3-й Стрелковый полки), взявшая с боя ст. Подгорная.

17 августа генерал Абрамов решил ударить по противнику, занимавшему Сергеевку и хут. Погорельский. Наступление повели вначале цепи атаманцев и 4-го полка, 2-я же пешая сотня есаула Евфимьева и 5-я пешая сотня, которую только что принял сотник Чекунов Сергей, первоначально оставались в резерве командира бригады генерала Дьякова.

Вправо была выслана конница Гв. бригады под командой полковника Фарафонова, влево — сотня калмыков.

Пройдя деревню Сергеевку, пешие сотни уперлись в основательно окопавшегося противника, который открыл сильнейший артиллерийский огонь легкими и тяжелыми снарядами. Огонь красной артиллерии корректировался с поднятой в красном тылу наблюдательной колбасы и был относительно меток.

Усиленные 2-й Л.-Каз. сотней вправо, цепи бросились в штыки, но, встреченные

сильным ружейным и пулеметным огнем, залегли. Наша артиллерия испытывала острый недостаток в снарядах; имевшиеся были плохо калиброваны и часть их не входила в стволы орудий, другая же часть не разрывалась при попаданиях, и огонь наших пушек совершенно не облегчал задачи.

Ввиду появления конницы противника от Морозовки, 5-я сотня развернулась на уступе вправо и огнем остановила эту конницу. Противник спешил и открыл огонь, выдвинув вперед пулеметы. Здесь был тяжело ранен в пах сотник Чекунов Сергей.

Вот тяжело ранят взводного урядника флангового взвода Крылова, и взвод, потеряв начальника, открывает беспорядочную стрельбу. Взводный Крылов, вырвавшись из рук ведших его на перевязочный пункт казаков, возвращается к своему взводу; берет казаков снова в руки и открывает огонь выдержанными залпами по пулеметному взводу противника, который не выдерживает и, прекращая огонь, отходит.

Только по прибытии на фланг командира сотни есаула Моргунова, заменившего сотника Чекунова, урядник Крылов позволил себе покинуть строй.

Между тем другая часть конницы красных (красные кубанцы), обойдя левый фланг, атаковала сотню калмыков и, порубив часть, остальных загнала в деревню Сергеевку. Атака красных кубанцев была остановлена высланными из резерва конными сотнями 4-го полка.

Бой заглох, и 1-я дивизия отошла в исходное положение.

18 августа дан был отдых, а 19-го дивизии было приказано взять Сергеевку и хут. Погорельский, которые противник отдал без боя, заняв позицию в версте к северу. В голове наступали пешие Лейб-Казачьи сотни. Есаул Евфимьев, со 2-й сотней быстро пройдя Погорельский, выдвинувшись

влево, был встречен конной атакой, которую отбил огнем.

Выдвинутая вправо 5-я сотня и две сотни атаманцев, встреченные сильным огнем, без содействия нашей артиллерии, по-прежнему не имевшей достаточного количества снарядов, продвинуться не смогли, и 1-я дивизия заночевала в Сергеевке.

С 21 августа по 3-е сентября дивизия простояла в районе Сергеевка — Погорельский — Саприно, ведя небольшие бои с противником и не давая ему продвигаться вперед. Относительно крупным был бой 27 августа, когда Гв. Казачья бригада, имея влево от себя стрелковую Донскую бригаду, вела бой к северу от Погорельского со значительно превосходящим в силах, перешедшим в наступление противником.

Отлично работали по красной коннице пулеметы подьесаула Туркина, огнем коих было перебито много людей и лошадей, причем первой лентой была начисто срезана группа красных начальников и их ординарцев.

Небольшой, но характерный эпизод этого боя приводит записка урядника Колбасина: «...Красная пехота густыми цепями спускается к Погорельскому. Увлечшись стрельбой, наш пулемет не заметил, как отошла наша пехота и с ней пулеметная двуколка. По нас сосредотачивается близкий огонь красных. Первому номеру, казаку Рябичеву, пуля перебивает позвоночник, у него совершенно не шевелятся ноги. Второму номеру, молодому казаку Самофалову, пуля вошла в глаз и вышла за ухом; почему-то не было большого выходного отверстия. Мальчик проявил страшно большое мужество и окончательно отказался оставить пулемет.

Стали сниматься. Приказный Скаржинцев взял Рябичева на плечи, а я тянул пулемет и 4 коробки с лентами, связав все кожаным поясом. Самофалов нес одной рукой

коробку с лентами, а другой рукой зажимал рану за ухом.

Устав с тяжестью, снова залегли. Постреляв, стали вновь сниматься. Тут за бедой радость: видим, возвращается нам навстречу наша пехота — подьесаул Моргунов, узнав, что оставлен пулемет, повернул свою сотню обратно.

Вдруг залп — пули проскрежетали над головами, второй залп — пули прямо под ногами. Стали кричать и махать. Оказалось, ускокавшая последней наша двуколка сказала, что колбасинский пулемет забрали красные, и наша пехота, стремясь его отбить, приняла нас за красных.

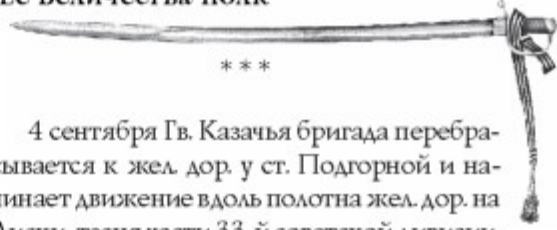
Подходящую пехоту обгоняет скачущий верхом нач. пул. команды подьесаул Туркин и еще издали нам кричит: „Не поверил, не поверил!“ Оказалось, что когда начальнику команды сообщили о гибели нашего пулемета, он не поверил и, сев на коня, поскакал к нам.»

В результате боя деревня Сергеевка и хутор Погорельский остались за нами.

К тому времени общая обстановка на фронте 3-го Донского корпуса вновь резко изменилась, уже на этот раз в пользу Донской Армии.

По началу наступление красной ударной группы генерал-лейтенанта Селивачева развивалось удачно для последнего. Малочисленные 2-я и 8-я Донские дивизии, составлявшие левый фланг 3-го корпуса, с боем осадил сильно назад, и левый фланг Донской Армии повис в воздухе. Красные оказались в одном переходе от Харькова и заняли Купянск, отделив Добровольческую Армию от Донской и забив клин шириной в основании около 200 верст и высотой, у Купянска, в 120 верст. Директивой красного

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

командования от 13 августа Селивачеву приказывалось взять Харьков и Евстратовку (лежащую на линии жел. дороги Лиски — Новочеркасск). (Егоров. С. 138.)

В то же время Командование Юга России решило срезать красный клин в его основании ударами с востока и с запада.

Первым бросился генерал Гусельщиков с пешей ударной группой 3-го Донского корпуса. 13 августа он прорвал фронт противника, а 14-го занял станцию Бирюч, перерезав жел. дор. Купянск — Лиски. Будучи обойден с тыла, генерал Гусельщиков был вынужден отойти в район Марьевки — Шемякино, откуда новыми боями стал теснить противника на север.

Большой результат дал фланговый удар с запада Кубано-Терского конного корпуса генерала Шкуро, усиленного некоторыми Кубанскими частями и 3 1/2 батальонами марковцев, корниловцев и самурцев.

Корпус Шкуро 15 августа у Корочи разбил 3-ю и 42-ю советские дивизии, между 15 и 20 августа у Волчанска разбил крупные силы, угрожавшие Харькову, 21 августа разбил 12-ю советскую дивизию с крупной группой противника южнее Н. Оскола и у Грушевки-Александровки, и двинулся далее в направлении на Бирюч, гоня потрепанные дивизии.

Надавил своими левыми флангами и 3-й Донской корпус, причем особенную активность проявляли 7-я пластунская бригада и группа генерала Гусельщикова, действуя восточнее жел. дор. Валуйки — Лиски.

Группа красных Селивачева, получая удары со всех сторон и имея в тылу конницу генерала Мамонтова, спешно стала уводить свои разбитые дивизии на юг и юго-восток. Красные уходили, не будучи в состоянии удержаться на указываемых своим командованием рубежах, и скоро, с падением линии Н. Оскол — Бирюч, качнулся и левый Селивачевский фланг у Подгорной.

4 сентября Гв. Казачья бригада перебрасывается к жел. дор. у ст. Подгорной и начинает движение вдоль полотна жел. дор. на Лиски, тесня части 33-й советской дивизии.

5 сентября бригада проходит Подгорную, 6-го предполагалась атака дер. Лобановки, однако противник боя не принял, и Лобановку прошли не задерживаясь. Несмотря на то что для скорости движения пешие сотни были посажены на повозки, противника догнать не удалось.

7 сентября Гв. Казачья бригада ночевала в хуторах, на подороге от дер. Кольбельки к Лискам. Уже с вечера командиром полка полковником Фараоновым было получено приказание утром 8-го занять жел.-дор. ст. Лиски и слободу Ново-Покровскую, лежащие на противоположном берегу Дона.

Гв. Казачья бригада должна была наступать правее жел. дор., а Донская стрелковая бригада левее.

8 сентября с рассветом Гв. Казачья бригада двинулась и к 8 часам утра уже была в 3-х верстах от Лисок.

Местность, отделяющая бригаду от Лисок, была относительно ровная и покатая к реке, лишь у берега Дона тянулись широкие овраги, в глубине коих лежала сл. Залужное.

Слобода соединилась через Дон со ст. Лискама и слободой Ново-Покровской деревянным, хорошо видимым мостом.

Хорошо были видны ст. Лиски и жел.-дор. пути, буквально забитые эшелонами вагонов. Противника нигде не было видно, и казалось, он очистил Лиски, как очищал без боя и все пройденные бригадой за последние три дня пункты.

Влево от железной дороги, где должна была разворачиваться стрелковая Донская бригада, царил полная тишина. Видимо, и там противника не было.

Очередь наступать была лейб-казакам. Атаманцы шли в поддержке.

Командир полка подошел к командовавшему в тот день пешими сотнями полковнику Поздееву: «Ну-ка, Константин Ростиславович, рассыпай цепи и вали прямо на мост».

Быстро рассыпалась 5-я пешая сотня подъес. Моргунова в направлении на мост, а правее — 2-я сотня подъес. Евфимьева. Еще правее, на уступе назад, построила лаву конная сотня атаманцев.

Сотни накануне получили крупное пополнение, приведенное из 1-го запасного полка хор. А. Анищенко, и имели 180 штыков каждая, настроение было поэтому приподнятое и уверенное, и наступление быстро развивалось.

Впереди ясно обозначалась длинная линия свежих окопов, казавшихся пустыми.

Вот цепи подошли на 800 шагов.

Окопы противника ожили частым ружейным и пулеметным огнем. Одновременно открыла огонь расположенная по ту сторону Дона артиллерия красных.

Сотни рванулись вперед. Быстро стали расти потери, и лейб-казаки, местами дошедшие на 200—300 шагов, залегли. Было ясно, что без поддержки нашей артиллерии противника не выбить. Наши батареи отстали, и полковник Фарафонов послал поторопить выдвижение их вперед.

Подошли 1-я и 2-я батареи, из коих 1-я полковника Афанасьева недавно была перевооружена новыми английскими орудиями и имела достаточный запас снарядов.

Первой же очередью полковник Афанасьев сбил пулеметный взвод противника, мешавший продвижению 5-й сотни, причем красные стали здесь выбегать из окопов назад. Видя это, хорунжий Иловайский бросился со своим взводом в штыки, но упал, простреленный в грудь навывлет, и взвод залег.

Большие потери понесла и 2-я сотня, где был убит хорунжий Анищенко.

Тем не менее, подбодренные огнем своих двух батарей, вызвавших явное замешательство у противника (были видны четыре больших взрыва в Лисках, очевидно, уничтожаемых красными складам снарядов), сотни готовились к атаке, когда пришло приказание остановить наступление и окопаться до смены стрелковой бригадой. Смена состоялась вечером.

Выяснилось, что 1-я дивизия получила еще накануне новую боевую задачу и должна была спешно перейти в район гор. Павловска.

Приказание ошибочно не дошло своевременно до штаба 1-й дивизии, но дошло до соседей, почему лейб-казаки и наступали в одиночестве. За начатую и неоконченную атаку Лисок лейб-казаки потеряли офицеров:

убитыми — хорунжий Анищенко;
тяжелоранеными — хорунжий Иловайский (скончался в лазарете полка в Ростове);
легкоранеными — подьесаул Моргунов;
казаков:
убитыми — 30;
ранеными — 97.

Особенно велики были потери 5-й сотни, где выбыли вахмистр подхорунжий Бондарчуков и все взводные урядники, а также и в пулеметной команде, где полностью выбыла прислуга двух пулеметов.

Вообще, бои 3-го Донского корпуса под Лисками в начале сентября были неудачны: 6 сентября Селивачев приказал (Егоров, стр. 125) 15-й, 13-й, 33-й и 31-й советским дивизиям (последняя вернулась из скитаний за Мамонтовым) отойти на левый берег Дона, переправляясь у Коротояка и Лисок.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Таким образом, на коротком отрезке Дона, у Коротояка и Лисок, было сосредоточено 4 советских дивизии.

Принимая во внимание истощенность этих дивизий (кроме 33-й), наступление донцов на Лиски, казалось, должно было увенчаться успехом, если бы удары групп были бы согласованы и были бы направлены не только в лоб расположенной за естественной преградой (р. Дон) позиции противника. К сожалению, атаки частей 3-го и 4-го корпусов были не согласованы по времени и связь между соседними частями отсутствовала.

В результате — большие потери при попытке взять Лиски лобовой атакой понесла группа доблестного генерала Гусельщикова, где выбыл весь старший командный состав во главе с самим генералом Гусельщиковым, начальниками штабов, командирами бригад, и несколько командиров полков. (Справка: Операт. Донской Армии, № 013386.)

Большие потери понес и 4-й Донской корпус, в целях занятия Лисок было перешедший через Дон у Копанище (восточнее Коротояка).

Здесь за ранением выбыли командир бригады генерал Татаркин, несколько командиров полков, командиры всех батарей, в одной из коих была перебита вся прислуга.

4-й корпус, правда, по признанию красных, уничтожил бригаду противника, но сам понес потерю до трети состава. (Справка: Оперативная Донской Армии от 9 сентября).

Однако то были последние судороги почти что добитой 8-й советской армии, отбивавшейся у Лисок своими последними кадрами.

В большевистской официальной сводке первых чисел сентября говорилось:

«Бесперывные бои, продолжавшиеся 2 недели, привели 8-ю армию к полному расстройству в смысле потери тыловых учреждений и больших потерь в дивизиях.

12-я и 13-я дивизии, имея по 500 штыков каждая, в настоящее время небоеспособны. 15-я дивизия, имевшая 7 сентября 1700 штыков, в бою 8 сентября потеряла батарею и целиком 2 полка. 16-я дивизия имеет только одну бригаду из двух потрепанных полков.

33-я дивизия ежедневно в боях несет большие потери, а к 2-му сентября имела до 4000 штыков.

31-я дивизия совершенно деморализована, частью разбежалась, частью обезоружена.»

(Справка: Какурин. «Как сражалась революция». Т. 2. С. 310). То была та самая 8-я армия, коя еще 2 августа, месяц назад, считывала в своем составе 27 1/2 тыс. штыков и сабель... (Справка: Егоров. С. 112.)

В следующей, XII главе мы увидим, что участь группы Селивачева разделила и главная ударная группа Шорина, и генеральное наступление красных полчищ, для выполнения августовского плана «удара по Дону и Кубани, как по источникам живой силы Армии Юга России» («Гражданская война». Т. 3. С. 259) было полностью ликвидировано.

Интересно привести заключение советского военного министра Троцкого и командарма, Генерального Штаба полковника Егорова (вскоре принявшего командование Южным фронтом) о причинах большевистской неудачи:

«...Мы, — говорит Троцкий (в своем труде Т. 2. Кн. 1. С. 301), — пошли по линии наибольшего сопротивления, по местам, сплошь населенным казачеством, которое

обороняло свои очаги в атмосфере на-родной войны...»

«...Вместо того чтобы развивать главный удар по линии Харьков — Бердянск, Харьков — Таганрог, обещавший наибольший успех с наименьшей затратой сил...»

То же говорит и Егоров (С. 129, 130 и 232 его труда):

«...Действия Южного фронта закончились катастрофической неудачей. План наступления ни в какой мере не отвечал обстановке на Южном фронте — ни в отношении политическом, ни географическом, ни в стратегическом... Вместо того чтобы оставить против Донской Армии, не имевшей желанья выходить за пределы своей области, но сильной и активной в обороне, слабые заслоны, сосредоточив максимум сил против Добровольческой Армии, мы располагаем сильнейшую наступательную группировку против Донской Армии, а слабейшую против Добровольцев. За это жесточайшим образом и платимся...»

«...Мы грудью шли на Дон, увеличивая с каждым шагом казачий барьер перед собою...»

В заключение скажем несколько слов об общих условиях существования на фронте Вооруженных Сил Юга России, в коих Лейб-Гвардии Казачий полк боролся.

Конец июля и август прошли в тяжелых фронтальных боях с сильнейшим (и количественно, и технически) противником. Лейб-казаки неизменно выполняли боевые задачи, почему почти не бывало боев 1-й дивизии, когда полк, даже будучи в резерве, не вызывался бы вперед. Потери полка были велики.

Кроме потерь от огня, безжалостно косил ряды свирепствовавший кругом сып-

ной тиф. По условиям непрерывных боев и переходов, никаких предохранительных мер принять нельзя было. Не только не приходилось мечтать о стирке белья горячей водой, но и в самом белье, как и в обмундировании, чувствовался острый недостаток.

Дон дал крайнее напряжение и 19 августа объявил общую мобилизацию всего своего казачьего населения. Под ружьем, вместе с ранее призванными, стали 28 возрастов. Рядом с седым дедом за винтовку взялся и малолетний внук.

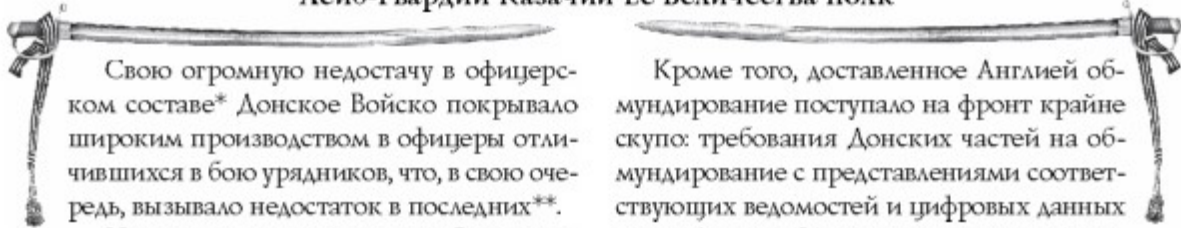
Полки 1-й дивизии пополнялись молодыми, еще не обучавшимися казачатами 20 и 21 годов призыва. Первоначально их ускоренно обучали в Персиановских полковых командах, о коих говорилось выше. Команды эти имели импровизированный характер, почему в конце августа Донское Войско для обучения молодых казаков сформировало три постоянных запасных полка.

Командиром 1-го Донского запасного конного полка, обслуживавшего 1-ю дивизию и поставленного в Ростове, был назначен лейб-казак полковник Н.В. Номикосов. Командиром 1-й сотни, готовившей пополнение для Лейб-Казачьего полка, был назначен лейб-казак есаул В.П. Андрианов. Младшие офицеры и урядники сотни были лейб-казаки, оправлявшиеся от ранений и тифа в Ростовском полковом лазарете.

Несмотря на относительно большое количество пополнений, влитых за разбираемый период в ряды полка, с трудом поддерживался скромный боевой состав в две пеших и одну или полторы конных сотни при пулеметной команде, что давало средний боевой состав в 400—450 штыков и шашек при 8 пулеметах.

В полку чувствовался сильный недостаток в урядниках.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Свою огромную недостачу в офицерском составе* Донское Войско покрывало широким производством в офицеры отличившихся в бою урядников, что, в свою очередь, вызывало недостаток в последних**.

Недостаток в урядниках особенно остро давал себя знать в казачьей пехоте, ибо боевое управление современным рассыпным строем зиждется на управлении рамкою начальников над взводами, отделениями и звеньями.

Недостаток подготовленных низших начальников вел к затруднению управляемости цепи и, следовательно, к соответствующему сильному понижению ее боевых качеств.

Вопрос обмундирования, как и вопрос обуви, стоял острох несмотря на наступившие холода, не было не только теплых вещей, но часть людей не имела даже шинелей.

К сыпнотифозным заболеваниям прибавилась простудная, а с холодами появились и обмороженные казаки.

Англия доставила не имевшему своего сукна Югу России 250 тысяч комплектов обмундирования. Это количество, принимая во внимание число мобилизованных, как и потери убитыми, ранеными и тифозными, конечно, являлось недостаточным.

* Нельзя не отметить, что просьбы Донского Командования о командировании офицеров из состава Добровольческой Армии, где офицеры за отсутствием вакансий несли службу рядовых, не исполнялись.

** Так, 21 сентября генерал Сидорин отмечал в своем донесении НР 0453/К генералу Деникину: «Донская Армия не снабжалась совершенно техническими средствами, чувствует недостаток в боевых припасах, кои начали поступать лишь в последнее время, и испытывает громадный недостаток в офицерах, в пополнении коего Вами отозвано».

Кроме того, доставленное Англией обмундирование поступало на фронт крайне скупо: требования Донских частей на обмундирование с представлениями соответствующих ведомостей и цифровых данных шли в Донское Интендантство, коим передавались в Добровольческое, а не непосредственно англичанам.

Создавались таким образом лишняя контрольная инстанция (притом при сомнительности вообще действительности какого бы то ни было контроля в условиях Гражданской войны) и лишняя проволочка времени.

По-видимому, имела место и намеренная затяжка выдач интендантством, ввиду ограниченности общего запаса обмундирования желавшим растянуть его на возможно более долгий срок. Это предположение подтверждается фактами сожжения в конце 19 года в покидаемых больших центрах, как Новороссийск, Ростов, Екатеринодар, а позднее и Новороссийск, громадных складов нерозданного обмундирования.

Вопрос питания разрешался благополучно: благодаря разреженности фронта можно было покупать необходимое на месте, если же не хватало местных средств, то покупки производились в ближайшем тылу.

При дивизии имелось дивизионное интендантство.

Дивизионный интендант делал что мог, однако возможности его были весьма ограничены неудовлетворительной работой тылового интендантства и слабостью железнодорожного транспорта.

Тыловое интендантство не составляло исключения в числе прочих учреждений тыла Гражданской войны, перегруженных

личным составом, а потому развивавших тормозившую работу канцеляршину.

Железнодорожный транспорт работал слабо, ибо сказывался недостаток вагонов и забитость путей. Да и как могли они не быть забитыми, если кроме опытных и, как общее правило, добросовестно работавших железнодорожников на путях командовал и распоряжался ряд лиц, от комендантов до командиров бронепоездов и начальников «баз»*, имевших слабое представление о железнодорожном деле.

Дивизионный интендант доставлял все добытое им от казны по железной дороге на базу, с коею обоз 2-го разряда держал постоянную связь. В случае недостатка в продовольствии обозом 2-го разряда закупалось мясо, фураж, даже выпекался хлеб, и все доставлялось в свои полки.

* Каждый уважающий себя начальник бронепоезда имел за собою 2—3 базы, представлявшие собою солидное количество товарных вагонов, с нередко прицепленным паровозом, норовившие стать обязательно на жел.-дор. узлах.

Были и базы, носившие анекдотический характер: полковник Добрынин в своей работе «Борьба с большевизмом на Юге России» приводит случай, когда при разгрузке станции Звереве была обнаружена «автобаза» в 22 вагона одного из Донских корпусов, не имевшего ни одного автомобиля.

При июльском прорыве красного фронта 4-м Донским корпусом генерала Мамонтова вся громада обозов частей этого корпуса, естественно до начала операции, была оставлена и отправлена в тыловой район Донецкого округа.

Корпус генерала Мамонтова вернулся из рейда, обзаведясь новым обозом, прежний же продолжал оставаться чуть ли не до ноябрьского наступления красных в глубоком тылу, благодушно предоставляя вихрю событий, потрясавших всю Россию, нестись мимо.

В том же труде полковника Добрынина приводится и другой случай извлечения генералом Мамонтовым (при отходе от Сватова) из состава обозов 4-го корпуса до 4000 бойцов.

На обоз 2-го разряда ложились не только перевозка и доставка запасов, но и выполнение всех пробелов скверной работы тыла.

Так, — за неналаженностью, а часто и за отсутствием тыловых этапов, эвакуация раненых шла на свой полковой обоз, который озабочивался дальнейшей эвакуацией.

Так, — за удаленностью госпиталей, раненые и больные люди лечились в составе особых команд при обозе.

Так, — за скверным состоянием обуви, при недостаточной работе интендантских и тыловых починочных мастерских, образовывались полковые починочные мастерские при обозе.

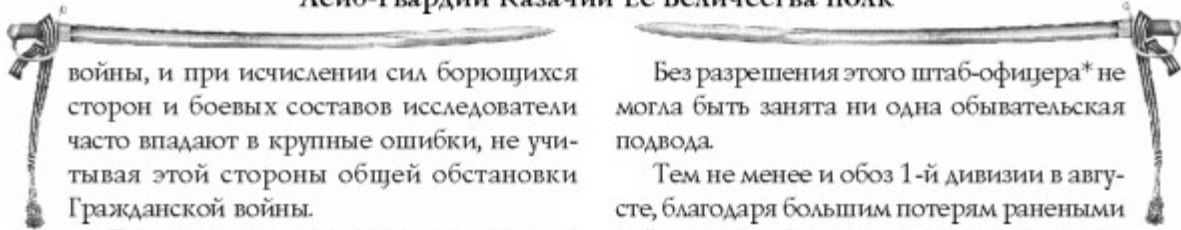
Так, — за неполучением лошадей в должном количестве 1-й дивизией и за необходимостью дорожить каждой лошадию, легко раненные лошади задерживались для лечения в обозе. (Лишь лошади, нуждавшиеся в продолжительном лечении, направлялись в полковой ветеринарный лазарет, ввиду удаленности Ростова и фуражных трудностей там, переведенный ближе к фронту, в район, где у полка имелись свои заготовки фуража.)

Обычно пополнения, направленные в полк из тыла, шли через обоз 2-го разряда. В начале августа полку было предложено взять около 250 мобилизованных крестьян-хохлов Воронежской губернии. Полк не отказался, свел их при обозе 2-го разряда в команды при 2—3 офицерах, где люди были подучены и постепенно, партиями от 50 до 100 человек, влиты в пешие сотни. (Поступив в твердые кадры полка, крестьяне эти, не желая отставать от казаков, хорошо дрались с красными.)

Многообразие функций обоза 2-го разряда вело к его «распуханию».

Вообще громоздкость обозов и их «распухание» были большим злом Гражданской

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

войны, и при исчислении сил борющихся сторон и боевых составов исследователи часто впадают в крупные ошибки, не учитывая этой стороны общей обстановки Гражданской войны.

Помимо указанной основной причины «распухания» обозов часто действовала и другая, заключающаяся в стремлении людей, истомленных жестокой обстановкой Гражданской войны, хоть немного передохнуть в своем ближайшем тылу.

В 1-й Донской конной дивизии, благодаря строгому внутреннему порядку, влияние последней причины было доведено до минимума. Всеми обозами частей дивизии командовал один из старших строевых штаб-офицеров, ведший строгий учет поступавших из полков людей и лошадей.

Без разрешения этого штаб-офицера* не могла быть занята ни одна обывательская подвода.

Тем не менее и обоз 1-й дивизии в августе, благодаря большим потерям ранеными и большой заболеваемости людей, сильно увеличился, и было время, когда в составе его находилось более 1200 человек (т.е. средний боевой состав того времени 3-х полков дивизии), а количество лошадей значительно превышало число их в строю.

Начальник дивизии генерал Абрамов командировал полковника Фарафонова для детальной проверки и отбора всего возможного в строй.

Из сохранившегося в делах полка рапорта полковника Фарафонова видно, что в день проверки в обозе 2-го разряда Лейб-Гвардии Казачьего полка состояло:

Лошадей:

раненых	и больных	1-й сотни:	111
»	«	3-й сотни	87
»	«	6-й сотни	73
»	«	пул. к-ды	41
		<hr/>	
Итого			312
обозных (верхов. и упряжн.)			32
		<hr/>	
		Всего	344

Людей:

легкораненых, больных и уборщиков	
из расчета 1 на 3 лош.	156
санитаров (они же церк. певчие)	14
фельдшеров (медиц. и ветер.)	5
кузнецов	16
обозных казаков	17
писарь и два урядника-приемщики,	
зав. хозяйством	3
<hr/>	
Итого людей	211

* Одновременно этот штаб-офицер заведовал всем снабжением своего полка. В Л.-Гв. Каз. полку эту должность последовательно занимали полк. Оприц, в с. Шепетовский, в с. Дубенцев и полк. Воронин.

К большой чести Лейб-Казачьего полка, этой ревизией в составе обоза полка не обнаружено людей и лошадей, не подлежащих там находившихся и годных для строя.

Изложенная организация питания, снабжения и пополнения имела недостатком некоторую сложность и вызывала большой расход людей. Однако необходимость такой организации вызывалась плохой работой тыла Гражданской войны, вынуждавшего части самостоятельно заботиться об удовлетворении своих острых нужд. Отметим попутно, что именно эта форма работы частей 1-й дивизии обусловила в 1919 году полное отсутствие в 1-й дивизии практики «самоснабжения» или, проще говоря, разьедавшего многие другие части на фронте воровства и грабежа у населения. (Обычно первоначальной причиной практики «самоснабжения» являлось неудовлетворение людей необходимыми и полагающимися предметами довольствия.)

Скажем несколько слов о вооружении, снабжении боевыми припасами и техническими средствами борьбы.

Главным оружием являлась трехлинейная винтовка со штыком и станковый пулемет Максима.

Недостатка в винтовках не было. В случаях порчи они легко заменялись из числа имевшихся отобранных у красных трофеев.

В конце 1919 года появилось некоторое количество изготовленных в Англии русских новых трехлинейных винтовок, отлично бьющих и имеющих прицел с диоптром. В следующем году, в Крыму, этими винтовками был перевооружен весь полк.

Хуже обстояло дело с пулеметами. Первые полученные полком из артиллерийско-

го склада в Новочеркасске были запущены и разболтаны. При проверке их стрельбого бывший начальник полковой пулеметной команды мирного времени, отличный стрелок, хорошо владевший пулеметом, полковник Поздеев не мог выбить и минимальной оценки.

С выходом полка на фронт казенные пулеметы постепенно заменялись взятыми у большевиков с боя трофейными.

Однако и красные пулеметы были не лучше: так, в бою 23 марта у Успенки, при проверке их лично полковником Поздеевым, половина пулеметов не подавала ленты, что приходилось делать третьему номеру. Стреляя по противнику, полк Поздеев не мог добиться должного результата, ибо вероятность попадания отсутствовала.

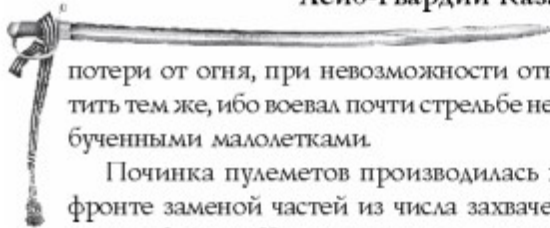
Надежит попутно заметить, что боевая стрельба была слаба и по другой причине: казаки призыва 18-го и 19-го годов прошли очень малый курс стрельбы, ибо на их учебную стрельбу было отпущено очень мало патронов.

В дальнейшем, по мере выбытия за ранениями и болезнями казаков 18-го и 19-го годов и их замены почти необученными молодыми казаками 20-го и 21-го годов, дело стрельбы еще более понизилось.

Как общее правило, противнику на дистанции 1500—2000 шагов поражения не наносилось, а между тем огонь на этой дистанции уже должен быть действительным.

Выручало то, что красные стреляли еще хуже. Однако там, где полк встречался с хорошими частями, как, например, с Богучарским полком (из состава 40-й советской дивизии), состоявшим из отличных солдат 13-го 14-го и 15-го годов, а также 33-й советской дивизии, переформированной из Таманской армии (остатки 1-го, 2-го и 3-го Кавказских корпусов), полк нес большие

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

потери от огня, при невозможности ответить тем же, ибо воевал почти стрельбе необученными малолетками.

Починка пулеметов производилась на фронте заменой частей из числа захваченных трофейных. Как исключение — отправляли в обоз 2-го разряда, где находился оружейный мастер.

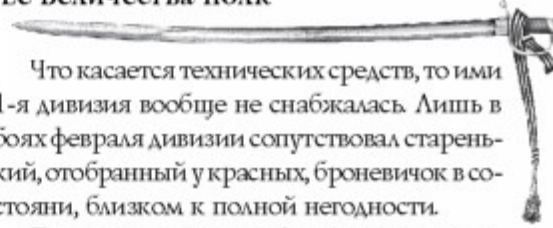
После отступления из Ростова, в январе 1920 года, полк получил 6 пулеметов Веккерса под английский патрон, а также ручные пулеметы Льюиса под английский же патрон. Пулеметы были новые или же исправленные, но в очень хорошем состоянии и били прекрасно.

С такими пулеметами можно было делать чудеса, и под Новороссийском они себя хорошо показали.

Если бы полк с самого начала Гражданской войны был снабжен новыми станковыми и новыми ручными пулеметами, то это бы сберегло до 50 процентов из понесенных потерь, а кроме того, многие бои приняли бы совсем другой оборот.

Питание патронами производилось из огнескладов тыла. Доставка их на фронт хромала, и бывали случаи, когда выручали запасы патронов, взятых с боя у красных.

Хуже обстояло дело с артиллерийскими снарядами, в коих две полевые батареи (тяжелой артиллерии при дивизии не было) весьма часто испытывали недостаток.

Что касается технических средств, то ими 1-я дивизия вообще не снабжалась. Лишь в боях февраля дивизии сопутствовал старенький, отобранный у красных, броневичок в состоянии, близком к полной негодности.

Танки и аэропланы 1-я Донская дивизия видела лишь на фотографиях.

Примитивны были средства связи: телефонная связь благодаря отсутствию аппаратов поддерживалась лишь со штабом дивизии. Поэтому, как общее правило, должной связи наступающей пехоты со своей артиллерией не существовало: батарея стреляла по целям, ею самостоятельно выбираемым (обычно по принципу выгоды для попадания). Мешающие продвижению цепи вперед пулеметы противника часто сбивались залповой ружейной стрельбой, за отсутствием возможности сообщить об их местонахождении на батарею.

В августе, согласно приказу Донского Атамана, в Ставку генерала Деникина была командирована сотня казаков от Лейб-Гвардии Казачьего и Лейб-Гвардии Атаманского полков, по 60 казаков от каждого, при командире сотни лейб-казаке есауле Рыковском и младших офицерах лейб-казаке сотнике Ляхове и двух от Лейб-Гвардии Атаманского полка.

Период июля и августа по 8 сентября, проведенный в боях с 40-й и 33-й советскими дивизиями, был исключительно велик потерями:

И.Н. Оприц

Дата	Места боев	Офицеры			Казачи			Лошади		
		уб.	пан.	сыпн. тиф	уб.	ран.	сыпн. тиф	уб.	ран.	чесотка и подбивш.
Июль										
19	Бутурлиновка		1		1	4		1	4	
20	Вел. Архангельское		6		12	96		25	69	
22	Вел. Архангельское		1		3	20	3	11	31	
23	Чулок					1			1	
26–29	р. Витюг				1	4		1	11	
Август										
9	Андреевка				6	28			3	
10	Андреевка	1			14	30	30	1	10	
11	Морозовка	2	3		8	32		8	35	
12–15	Стычки, разведка				1	4			4	
17	Сергеевка				1	4			1	
19	Сергеевка		1		8	43			2	
по 3 сент.	Разведка					4			2	
8 сент.	Атака Лисок	2	1		30	97				
ИТОГО с 18 июля по 9 сентября		1	8	8	31	132	204	23	70	87

Глава XII

КРУШЕНИЕ «МОСКОВСКОЙ ДИРЕКТИВЫ» И ЗИМНЯЯ НЕУДАЧА 1919 Г. ФРОНТА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ

Общая боевая обстановка сентября 1919 года. — Продвижение Добровольческой Армии вперед и признаки внутреннего ее неблагополучия. (Недостатки снабжения. Отношения Добр. Армии с крестьянством и казачеством. Начало разложения Кубанских частей.) Бой Гвардейской Казачьей бригады у дер. Бабки и г. Павловска. — Переход в Таалы и Калитву. — Сентябрьское наступление Донской Армии и действия 3-го Донского корпуса и 1-й Донской дивизии, наступавшей от Мамона на Таловую и Ел. Колено. — Бои лейб-казаков у Гнилуши, Журавки, Семеновки, Бутураиновки, Макогонова и Колодеевки. — Бои октября у Таловой, Александровского поселка, Нов. Чиглы, станции Чиглы, Бирючинского поселка. — Общие условия зимней борьбы с красными на фронте 3-го Донского корпуса. — Расстройство снабжения фронта и дезорганизация белого тыла. — Работа красного тыла. — Общий переход красных в наступление. — Бои лейб-казаков под Богучаром. — Общий отход на Кубань. — Потери лейб-казаков за осень и зиму 1919 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ: А) Изменения в списочном офицерском составе полка за 1919 г. Б) Донское дворянство в борьбе с большевизмом. В) Заключение Нач. 1-й Донской конной дивизии ген. Дьякова о действиях в 1919 году Лейб-Гвардии Казачьего полка.

Одновременно с ударом советских армий Селивачева 1 августа перешла в наступление против Кавказской Кубанской Армии Врангеля и 1-го и 2-го Донских корпусов пятидесяти тысячная, усиленная пополнениями с Восточного фронта, группа 9-й и 10-й советских армий бывшего полковника Ген. Штаба Шорина.

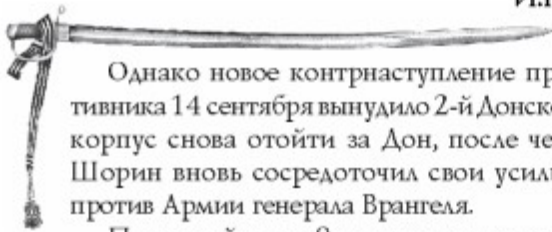
В тяжелых непрерывных боях с сильнейшим противником генерал Врангель отдал Камышин и 23 августа отошел к Царицыну. Здесь начались особенно жестокие бои, в коих генерал Врангель, введя в

бой последние резервы, широко пользуясь Кубанской конницей и боевой помощью соседнего 1-го Донского корпуса, нанес противнику поражение и отбросил его, сохранив за собою Царицын.

При этом с 23-го до 27-е августа Кавказской Армией было взято 18 тысяч пленных, 31 орудие и 160 пулеметов.

Одновременно тяжкие бои вел и 2-й Донской корпус, где противник, пользуясь оттяжкой 1-го Донского корпуса к флангу генерала Врангеля, заставил 4 сентября донцов отойти за Хопер и Дон.

Совершив перегруппировку, 1-й и 2-й Донские корпуса перешли в наступление и к 9 сентября отбросили противника за Хопер, захватив 15 000 пленных, 11 орудий и 70 пулеметов.

Однако новое контрнаступление противника 14 сентября вынудило 2-й Донской корпус снова отойти за Дон, после чего Шорин вновь сосредоточил свои усилия против Армии генерала Врангеля.

Последний, после 9-дневного ожесточеннейшего боя, контратакой окончательно разбил главную массу войск Шорина и отбросил ее на 70 верст к северу от Царицына.

Удар группы Шорина был окончательно этим ликвидирован.

Как и группа Селивачева, группа Шорина понесла громадные потери.

Однако большие потери понесли и донцы с кубанцами.

В прошлой главе уже говорилось о больших потерях 3-го и 4-го корпусов у Корояка и Лисок. Численность 4-го Донского корпуса опустилась до 2000 шашек, что являлось особенно печальным, ибо этот конный корпус являлся как бы подвижным резервом всего Донского фронта.

Крупные потери понесли и 1-й и 2-й Донские корпуса.

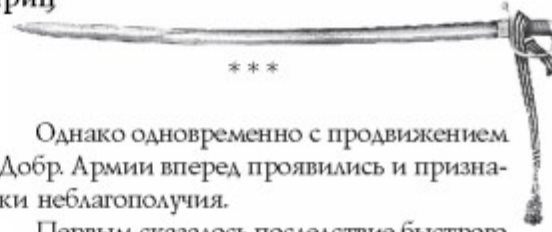
Уменьшилась сильно численность и Кавказской Армии Врангеля.

Как будто блестяще было положение дел на фронте Добровольцев.

Пользуясь тем, что главный удар августа был направлен против Донской и Кавказской Армий, Добровольческая Армия с боями быстро продвигалась на запад, пополняясь и разворачиваясь за счет местного населения и взятых в плен красноармейцев.

17 августа был взят Киев, 10 августа Одесса, и, таким образом, двухмесячным продвижением освобожден весь Юг России. Только теперь Добровольческая Армия, в исполнение Московской директивы, двинулась на север.

7 сентября был взят Курск, а 30 сентября — Орел.

Однако одновременно с продвижением Добр. Армии вперед проявились и признаки неблагополучия.

Первым сказалось последствие быстрого продвижения без прочно организованного тыла: части Добровольческой Армии, не получая необходимого им снабжения, принуждены были самостоятельно заботиться о себе.

Практика «самоснабжения» при невозможности контроля перешла в злоупотребления, кои губительно отразились на морали войск, а также на отношении к ним населения.

Далее сказалось влияние, не отвечающего обстановке земельного законодательства В.С.Ю.Р., встреченного крестьянством враждебно.

По смыслу этого законодательства, крестьяне лишались попавшей в их руки революционным порядком земли, так как было неизвестно — кем, когда и за какую плату (и каких именно участков) будет производиться отчуждение в их пользу.

Особенно враждебно было встречено установление уплаты за текущий урожай в размере трети сбора хлебов (3-й сноп) и половины трав. (Впоследствии указанные нормы выплаты были уменьшены, что, впрочем, дела не поправило.)

Расчет крестьянина за текущий урожай производился не в кредит через казну, а непосредственно с владельцем захваченной земли, и, таким образом, гражданская администрация оказалась втянутой в враждебные крестьянству действия.

Если учесть, что и сама гражданская администрация была такова, что при одной мысли о ее деятельности, по определению правого деятеля Шульгина, «цепенел разум и опускались руки», то и результат не мог не быть печальным: начались крупные крестьянские восстания в тылу, отвлекавшие, за

отсутствием у Командования В.С.Ю.Р. резервов, части с фронта.

Наблюдалось и массовое уклонение населения от мобилизации.

Генерал Деникин говорил, что Добровольческая Армия, расширяя фронт на сотни верст, становилась не слабее, а численно сильнее.

Однако это соображение подтверждалось в степени далеко недостаточной, ибо даже во время максимального продвижения Добровольческой Армии к Орлу все же большинство войск громадного района активной борьбы на Южном фронте составляли казаки — донцы и кубанцы. Это означало, что казачество, несмотря на его громадные потери 1918-го и первой половины 1919 года, продолжало давать численно много больше, чем 50-миллионное население освобожденных от большевиков крестьянских губерний, и, следовательно, продолжало оставаться главной базой борьбы с большевиками.

К сожалению, в отношениях Командования В.С.Ю.Р. к своей главной базе — казачеству — наблюдалось большое неблагополучие, особенно остро проявлявшееся еще со времен 1-го и 2-го Кубанских походов в отношениях с Кубанью.

Чем дальше на север продвигалась Добровольческая Армия, чем полагало себя Добровольческое Командование сильнее, тем более непримиримее становилось оно в отношении вопроса о границах казачьих прав.

В глазах же казачества, поскольку за Командованием Добровольческой Армии не стояло достаточно широких слоев русского населения, а главное, русского крестьянства, Командующий Добровольческой

Армией генерал Деникин далеко еще не представлял собою России, почему в своих пожеланиях казачество предъявляло требования «с запросом», дабы было впоследствии с чего сбавлять*. Эта «осторожность» казачества оправдывалась не только отношением окружения генерала Деникина, но и общим тоном большинства неказачьих газет, пооткрывавшихся в Ростове и Екатеринодаре**, своими бестактными нападка-

* Эту черту отмечает и генерал Деникин (т. 5. С. 204): «Эта черточка казачьей психологии весьма своеобразно проявилась на Донском Кругу, где слышались речи: „Надо настаивать на федерации, тогда получим автономию, не то, говоря об автономии, получим.. генерал-губернатора..“».

** Авторы статей не знали, да и не хотели знать казачества, его истории, его былой свободно-жертвенной роли в строительстве Российского Великогодержавия, и не скупилась на раздражавшие казаков обвинения в «самостийности», «в измене России», совершенно необоснованно присваивая себе своеобразную монополию на патриотизм и чувство государственности.

Они не понимали, что свидетельствуют лишь об отсутствии собственной веры в Россию, которую представляли себе только как географическое пространство, покрытое искусственно связанным между собой населением.

Интересно сопоставить отношение к прошлой, настоящей и будущей России такого крупного немца, каким был один из главных спасителей Германии, строитель Рейхсвера, генерал фон Зект.

В своей книге «Германия между Западом и Востоком», изд. 1933 г., фон Зект говорит, что Россия есть нечто большее, чем географически замкнутая страна. Она сильна не пространством и не механическими формами сцепления ее разнородных частей, а способностью россиян переплавлять в одно духовное, притом свое, целое, казалось несовместимые элементы. Именно так нашли приют в широкой российской душе монгольская жестокость, кавказская храбрость, немецкое начало порядка и французская одухотворенность.

Фон Зект говорит о сильном подозрительном, почти мистическом духе, живущем в народах, населяющих Россию, внушающем им необходимость мыкания к середине, дабы быть способными к внешнему сопротивлению и не потерять «всякого значения». Так было есть и будет, как бы говорит книга фон Зекта, не верящего даже в долговечность отделения от России балтийских лимитрофов.

ми на казачество и отдельных его представителей близоручко увеличивавших рознь.

Донское казачество, самостоятельно освободившееся от большевиков, имевшее свою Армию и сохранившее достаточно полную независимость, чувствовало себя сильным, почему и трения его с Добровольческим Командованием не принимали особого острого характера.

Иначе обстояло дело с Кубанью, пополнившей своими полками непосредственно Добровольческую Армию, не имевшей своей Армии и поэтому попавшей в более тесную зависимость.

Рознь углублялась и некоторыми особенностями политики Командования Добровольческой Армии, подчас без всякой компенсации нарушавшей интересы Кубани*.

Зародившееся еще на первых порах бытия Добр. Армии недовольство Кубани ярко проявилось в подборе членов Рады из левых группировок Кубанского казачества, особенно отрицательно относившихся к генералу Деникину и одновременно по своим убеждениям (соц.-рев.) не имевших глубоких корней в рядовом Кубанском казачестве.

Указанные выше обстоятельства, как и позиция генерала Деникина в казачьих вопросах, осложнили трудности в отношении необходимого согласования работы Рады и

* Дабы не быть голословным, укажем, что именно так обстояло дело с введенной Добровольческой Армией монополией на внешнюю торговлю в виде репрессии на законное, по существу, желание Кубани использовать свой громадный урожай с наибольшей пользой для края.

Указанная монополия совершенно установила сбыт за границу более нежели крупных избытков кубанского хлеба, причем наряду с этим в дальнейшем Управление Добровольческой Армии проявило полную неспособность организовать вывозную торговлю сколько-нибудь с пользой для общего дела.

правления В.С.Ю.Р., а попутно неудачный состав Рады, избранный и работавший под влиянием нездорового духа оппозиции, ослабил до крайности моральную связь этого учреждения с низшим органом Казачьего самоуправления — Кубанскими станицами.

Между тем в казачестве именно низший аппарат — станица — давал людей, лошадей и средства борьбы с большевиками, и именно в нем лежал источник казачьей силы, заключавшийся в сознании рядовым казачеством своего реального и непосредственного участия в устройстве судьбы своего края и тем самым своего участия в государственном строительстве.

На свои высшие органы, Крут и Раду, казачество смотрело, как на нужные и необходимые аппараты координации работы станиц и как на ценнейшие залогов прочности кровью отвоеванных своих исконных прав.

На глазах Кубанской станицы ее же высший орган Рада и Добровольческая Армия, которой Кубань, неся большие потери, давала людей и лошадей, вели между собой войну. Ясно, что такое ненормальное положение не могло долго продержаться и не привести к умалению авторитетов как генерала Деникина, так и Рады с Кубанским Атаманом. С падением авторитетов последних станица, потеряв веру, перестала давать пополнения.

Яркую картину положения, создавшегося в конце лета 1919 года, дает генерал Деникин в своих «Очерках Смуты»:

«...Шел полный разброд в казачьих построениях... всякий подъем угасал...

...С фронта началось повальное дезертирство, не преследуемое Кубанской властью».

А к осени 1919 года, по словам тех же «Очерков»:

«...На Царицынском фронте стояла страшно поредевшая Кавказская (из Кубан-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

ских частей) Армия.. С тыла, с Кубани, к Армии не шло уже пополнения — ни казаков, ни лошадей..»

Политика войны с Радой привела генерала Деникина в первых числах ноября к вытекающему из этого состояния, а следовательно, в данном случае логически неизбежному концу — применению силы.

Был арестован и повешен за государственную измену член Рады Калабухов, а 12 других членов были высланы за границу.

Применение силы могло, конечно, временно «замирить» Раду, но отнюдь не могло поднять ее авторитета в Кубанских станицах и снова поднять работу последних.

Поднять дух станицы с помощью агитационного аппарата Добровольческой Армии, «Освага», конечно, нельзя было, ибо это учреждение своей деятельностью настолько восстановило против себя казачество, что и на Дону, и на Кубани поднимался вопрос об удалении осважников из пределов казачьих краев.

Попытка поднять дух станиц, пользуясь авторитетом боевых начальников (Врангель, Шкуро, Улагай), явилась покушением с не отвечающими цели средствами и успеха не имела.

Основная задача, заключавшаяся в разрешении вопроса о пополнении людьми и лошадьми кубанских фронтовых частей, осталась, таким образом, неразрешенной.

Дабы не возвращаться к этому вопросу, забежим несколько вперед и приведем выноску из «Очерков» генерала Деникина, рисующую положение дела с Кубанскими частями в декабре 1919 года:

«...Дезертирство Кубанцев приняло массовый характер... за Дон, домой потекли довольно внушительного состава полки, на хороших конях, вызывая недоумение и озлобление в Донцах, в подходящих подкреплениях, и соблазны в Кубанских дивизиях, еще оставшихся на фронте..»

Дома они окончательно разложились..» (Т. 5. С. 262).

Очертив возможно кратко общую обстановку начала зимы 1919 года, вернемся к действиям 1-й Донской дивизии, переброшенной 9 сентября в район дер. Карабут, для совместной с 3-й Донской дивизией операции форсирования Дона и удара по 40-й советской дивизии, почти не принимавшей участия в августовских боях и сохранившей относительную свежесть.

Согласно диспозиции пешие сотни лейб-казаков и атаманцев должны были в ночь на 11 сентября, под покровом темноты, переправиться через Дон и при поддержке огня своей занимавшей правый нагорный и командующий берег Дона артиллерии овладеть дер. Бабками, чем и обеспечить наводку моста.

По переходе на другой берег конных сотен и 4-го Донского полка, Гв. бригада под общей командой полковника Фарафонова, должна была перейти в наступление в южном направлении на гор. Павловск, оставив для обеспечения моста 4-й полк со сводной конной Лейб-Казачьей сотней.

Одновременно с пешими сотнями Гв. Каз. бригады должна была переправиться несколько севернее, у хут. Прилепина, 3-я Донская дивизия.

День 10 сентября Гв. Каз. дивизия провела в дер. Лыково, перейдя вечером в дер. Малый Карабут, и точно, в 2 часа утра 11 сентября, как полагалось по диспозиции, приступила к переправе. Тихо, без шума, в темноте, не замеченные противником, переправились на другой берег первые понтоны с атаманцами, однако к началу переброски лейб-казаков начало рассветать, и, когда понтоны вышли на середину реки, то

по ним был открыт пулеметный огонь. Пулеметы противника давали недолеты в 100 шагов, огонь был малодействителен и потери свелись лишь к 3 раненым казакам.

Огнем нашей артиллерии пулеметы противника были сбиты, и пешие сотни быстро вытеснили из дер. Бабки отошедший на дер. Березки Богучарский красный полк.

Работа по наводке моста пошла полным ходом.

В 12 часов прибыл полковник Фарафонов, привезший приказание генерала Абрамова наступать: Гв. Казачьей бригаде в южном направлении на Александровско-Донскую, а 3-й дивизии в восточном на Березки-Лосевую.

Ввиду отсутствия веры в стойкость весьма слабого боевого состава 3-й Донской дивизии, полковник Фарафонов послал просить разрешения генерала Абрамова не начинать движения на юг до подхода своих конных сотен и пулеметных двуколок.

В 3 часа пришло приказание генерала Абрамова начинать незамедлительно наступление на юг, и полковник Фарафонов, выбросив конную Атаманскую сотню вперед на разведку, двинулся на Александровско-Донскую.

Конной разведкой после перестрелки было установлено наличие в этой деревне пехоты противника.

Ввиду наступившей темноты, полковник Фарафонов, отложив атаку до рассвета, вернулся ночевать в Бабки.

На рассвете 12 сентября Гв. Каз. бригада при 4-х орудиях 2-й батареи двинулась на юг. В голове шли Лейб-Казачьи пешие сотни под командой полковника Поздеева. Подходя к Александровско-Донской, последний развернул 2-ю сотню есаула Евфимьева и двинул ее вперед. Противник, не приняв удара, начал отход на Павловск.

Непосредственно за ним, пройдя Александровско-Донскую, двигались лейб-казаки. Пройдя реку Осередь, противник пытался задержаться. 2-я сотня кинулась вперед. Здесь пулей в грудь навывлет был ранен есаул Евфимьев, и сотня замялась. Красные выбросили в контратаку свою конницу, было разрезавшую 2-ю сотню пополам, но выдвинутая бегом вперед полусотня 5-й сотни подьесаула Моргунова ликвидировала красную атаку и сотни двинулись дальше. Противник спешно отходил на хорошо видимый с места наступления лейб-казаков гор. Павловск.

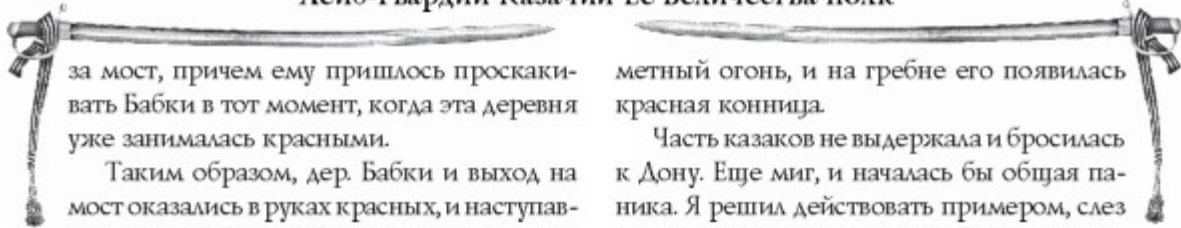
Вскоре огонь противника заглох, и уже ясно видны были выскакивавшие из города на восток обозы, отдельные группы и всадники.

Противник явно очищал город. лейб-казаки рванулись вперед, но... одновременно в тылу наступавшей Гвардейской Казачьей бригады начали падать снаряды и показалась с востока лава красной конницы.

Оказалось, что атакованный 3-й дивизией противник перешел в контратаку и, подержанный подошедшими с севера частями опрокинул ее и отбросил на юг. 3-я дивизия в беспорядке отошла на наведенный 1-ю дивизией мост, потянув за собою на дер. Бабки преследовавшего ее с севера противника.

Южнее Бабок находился 4-й полк полковника Грекова, ведший наступление на восток. Дабы не быть отрезанным от переправы, 4-й полк отошел на мост, где перемешался с переправлявшимися в беспорядке частями 3-й дивизии и временно выбыл из строя.

Есаул Агафонов, с 1-й конной сотней лейб-казаков находившийся при 4-м полку, прикрывая отход, два раза бросался в конную атаку, но успеха не имел. В исполнение полученного им приказа генерала Абрамова, есаул Агафонов отвел сотню

за мост, причем ему пришлось проскакать Бабки в тот момент, когда эта деревня уже занималась красными.

Таким образом, дер. Бабки и выход на мост оказались в руках красных, и наступавшие на юг сотни лейб-казаков и атаманцев оказались отрезанными от единственной переправы, имея: на юг — отходящего перед собою противника; на восток — пытающуюся атаковать конницу красных; на север — занявшую дер. Бабки пехоту противника, и, наконец, на запад, за своей спиной — тонкую полоску берега и широкую ленту Дона.

Полковник Фарафонов решил пробиться к переправе и, остановив огнем первую атаку красной конницы, приказал полковнику Поздееву перейти на левый фланг, где пробивать дорогу на Бабки.

Полковнику Поздееву удалось оторваться с южного направления благополучно, но при малом количестве офицеров и при полном почти отсутствии настоящих взводных и отделенных урядников провести намеченный сложный маневр в стройном порядке оказалось невозможным.

Между тем красная конница снова двинулась в атаку. Перемешались было лейб-казаки и атаманцы, и часть кинулась к Дону, дабы бросаться вплавь.

Момент был критический.

«...Рассыпав лавой конную сотню Атаманцев есаула Рудакова, лицом на Павловск, — читаем мы в записках ген. Поздеева, — я быстро стянул свои две пешие сотни и двинулся на север, по узкой полосе между Доном и цепью пеших Атаманцев, развернутой фронтом на восток. Дорога на Бабки была уже занята противником. Положение наше было тяжелым. Шли мы быстро, и колонна сильно растянулась.

Пройдя атаманцев, мы вышли к ручью. С холма напротив был открыт по нас пуле-

метный огонь, и на гребне его появилась красная конница.

Часть казаков не выдержала и бросилась к Дону. Еще миг, и началась бы общая паника. Я решил действовать примером, слез с коня, сам взял винтовку и обратился к казакам со следующими словами: „Видите наше безвыходное положение, однако, если будете соблюдать порядок, выйдем с честью, а будете балдеть — все погибнем“. Слова мои подействовали, и, став у ручья, я начал пропускать казаков поодиночке по служившей мостом доске. Когда набралось казаков сорок, я приказал подъес. Моргунову атаковать холм. Следующую такую же партию я пустил уступом вслед ес. Моргунову, а сам с остальными 70 казаками и двумя пулеметами двинулся на Бабки. Навстречу из Бабок вышла колонна красных, человек в 250 пехоты, начавшая разворачиваться в цепь. Я открыл огонь. Одновременно с другого берега Дона раздался орудийный залп, и очередь английских гранат разорвалась в самой цепи красных. Мы бросились вперед — противник побежал, преследуемый огнем батареи. Справа подходила полусотня подъес. Моргунова...»

Далее читаем в записках подъес. Моргунова: «Согнав противника с холма, я двинулся на Бабки. Пулей ранило меня в левую руку, но по счастью легко. По дороге мы встретили английскую, завязшую в болоте пушку*, из которой вынули и взяли с собой замок. Рядом загрузла чья-то патронная двуколка, и мы набили патронами все карманы и вещевые мешки. Прискакал казак от

* Как только обозначился откат 3-й дивизии и 4-го полка у Бабки, полковник Фарафонов, не желая рисковать батареей полковника Афанасьева, разрешил ему перебросить ее обратно за Дон. Полковник Афанасьев с трудом проскочил на мост под носом уже занимавших Бабки красных, но одно его орудие застряло в болоте и было оставлено.

полковника Поздеева с приказанием идти как можно скорее, ибо появилась красная конница, а у него патроны и пулеметные ленты на исходе. Выйдя из леса, я увидел разворачивающуюся конницу красных. Бегом я рассыпал в цепь свою полусотню, а есаул Болдырев по приказанию полк. Поздеева выставил рядом пять пулеметов. Открыли мы бешеный огонь, и конница не выдержала и повернула...»

Между тем полковник Фарафонов с атаманцами был двоекратно атакован красной конницей с востока.

«...Кавалерия красных, — пишет в своих записках ген. Фарафонов, — бросилась в атаку, но частым ружейным и пулеметным огнем была отброшена. У казаков вырвался крик „ура“, благотворно действовавший на тех казаков, кои было кинулись к Дону, сбрасывая амуницию и шинели, дабы спастись вплавь, а теперь возвращались на свои места, своим прибытием еще более поднимая дух оставшихся на местах казаков».

«...Приказав подъес. Моргуну двигаться на Бабки, — читаем мы в записках ген. Поздеева, — я отправил остальных в тыл противнику, сражавшемуся у переправы. Противник, не ожидавший нашего появления, бежал. Его батарея выехала на открытую позицию в двух верстах от нас и открыла огонь. Вновь появилась красная конница. Подъем был так велик, что казаки просили ее подпустить ближе. Однако беглый огонь с того берега батареи полковника Упорникова заставил красную конницу повернуть на восток. Мы заняли Бабки, выбив последних красных из ее окраин. Начинало быстро темнеть...»

В бою под Бабками большую услугу оказал бригаде офицер полка хорунжий Скалозубов. Возвращаясь в этот день из отпуска, он ехал в полк и попал на мост в момент

беспорядочного отхода перемешавшихся частей 3-й дивизии.

Он вместе со взводом 1-й Аб-Казачьей конной сотни хорунжего Дубонцева бросился в толпу отходящих, своей инициативой собрал около 200 казаков с несколькими офицерами и, продвинувшись к леску, что у моста, удержал последний вплоть до подхода пробившейся к Бабкам Гвардейской Казачьей бригады.

«...12 сентября, — читаем мы в записке командира бригады генерала В.А. Дьякова, — я никакого участия в деле не принимал, так как в этот день прибыл из отпуска, с похорон убитого в августовских боях моего брата Атаманца.

Подъехал я к штабу дивизии, находившемуся на правом берегу Дона, вскоре за тем, как состоялся беспорядочный откат 3-й дивизии и 4-го полка с того берега и когда Гвардейская бригада была уже отрезана от нас противником.

Генерал Абрамов, хотя и сдерживал себя, определенно сильно волновался и совершенно не отрывал бинокля от глаз. Разобраться в обстановке на другом берегу было трудно: цепи конницы с артиллерией двигались в разных направлениях. Прошел час, и какой-то порядок восстановился, причем ясно обозначилось движение цепей с юга в направлении на Бабки. Обозначилось и движение наступавшего на них противника. Хотелось верить, что это Гвардейская бригада пробивает себе путь. Огонь нашей артиллерии с правого берега Дона всячески старался облегчить положение. Прошло 30—40 минут, и цепи, подходившие к Бабкам, взяли направление на северо-восток, а из Бабок, в том же направлении, стали выкачивать повозки и отдельные группы конных и пеших. Еще короткий срок, и Бабки определенно были заняты Гвардейской Казачьей бригадой.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Генерал Абрамов с глубоким вздохом произнес: „Слава Богу, вышли”.

Я был лишь свидетелем, наблюдавшим бой со стороны, и должен сказать, что видел здесь один из лучших боев, данных лейб-казаками. Это был незаурядный экзамен силы духа, стойкости и проверка военного воспитания офицера лейб-казака.

Этот бой, как и бой 19 февраля, представляет наиболее славные строки в послужном списке моего однополчанина, а затем помощника, полковника Фарафоновна...»

«...Полковник Поздеев, есаул Болдырев, подьесаул Моргунов и хорунжий Скалозубов, правильно и спокойно ориентировавшиеся в сложной боевой обстановке, своими действиями способствовали благополучному выходу сотен Гв. бригады из крайне тяжелого положения», — свидетельствует полковник Фарафонов.

Пешим сотням Гв. Казачьих бригад, несмотря на их крайнюю усталость, было приказано ночевать в дер. Бабки.

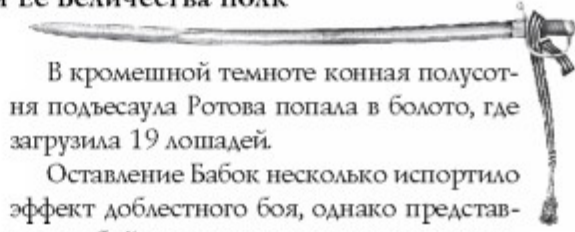
Пешие сотни втянулись в деревню уже в кромешной темноте. Люди не спали две ночи. С утра ничего не ели.

Переправа и бой на три фронта (причем движением на Павловск и обратно было пройдено около 40 верст) вызвали сильное нервное напряжение и физическую усталость.

Казачи рассыпались по деревне.

Полковник Фарафонов приказал выставить сторожевое охранение, однако исполнить это приказание еще не успели, как подошедшие вплотную красные неожиданно атаковали деревню.

Сотни в полной темноте отхлынули на мост и перешли обратно Дон.

В кромешной темноте конная полусотня подьесаула Ротова попала в болото, где загрузила 19 лошадей.

Оставление Бабок несколько испортило эффект доблестного боя, однако представляло собой грустную, явившуюся следствием неблагоприятного стечения обстоятельств, случайность.

Во время движения к Бабкам командир 2-й сотни есаул Евфимьев, раненный при атаке Александровки в грудь навывает и вынужденный бросить застрявшую в болоте его вывозившую повозку, разделся и, взяв в зубы бывший при нем денежный аванс командира сотни, бросился вплавь через Дон. Выплыл он против нашей батареи, где ему дали шинель и откуда доставили на перевязочный пункт.

Здесь его поздно вечером нашли офицеры полка. Несмотря на сквозную рану в грудь, уже перевязанный старшим врачом полка доктором Евфановым, есаул Евфимьев, сидя за общим столом, мирно пил чай, разложив около печки сушиться кредитные билеты — «колокольчики» казенного «аванса», — и улыбался на остроту полковника Фарафопова:

— Смотрю, — плывет и из спины фонтан бьет; думал — кит, а это Евфимьев...

Кроме ес. Евфимьева были ранены: оставшийся в строю подьесаул Моргунов и находившийся при нач. дивизии на наблюдательном пункте у дер. Карабуг вр. и д. нач. штаба див. полк. Воронин.

14 сентября пришло приказание о переброске 1-й дивизии на сто верст на юг, в дер. Талы, ввиду появления в районе ст. Казанс-

кой отряда Буденного, имевшего намерение, перейдя Дон, двинуться по тылам 2-го и 1-го Донских корпусов. Для парирования этого маневра спешно сводилась в Талы крупная группа из частей 2-го и 3-го Донских корпусов.

Конные части 1-й и 3-й дивизии образовали полк в 7 сотен при 10 пулеметах, составом в 700 шашек, под командой полковника Фарафонова, и прибыли в Талы 16 сентября.

Того же числа туда же от 4-го корпуса прибыла бригада в 900 коней генерала Старикова, как и конница из состава 2-го Донского корпуса. Образовалась сильная конная группа.

Однако 18-го выяснилось, что корпус Буденного, не переходя через Дон, круто повернул кругом и спешно двинулся на север, почему и Донская группа у Тал была расформирована.

1-я дивизия была двинута в дер. Черную Калитву, куда прибыла 17-го. Здесь ей был дан отдых, причем 19-го приезжала английская миссия, осматривавшая бывшее в очень плохом состоянии обмундирование и снаряжение казаков.

Лейб-казаками был предложен англичанам скромный завтрак.

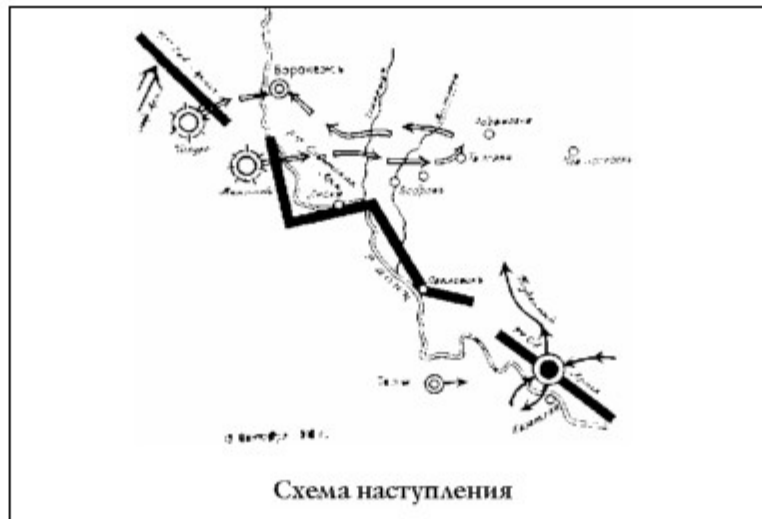
Миссия уехала, обещав, что 1-я дивизия будет срочно удовлетворена всем необходимым.

К сожалению, обещание это осталось невыполненным.

Между тем общая обстановка быстро менялась.

Учитывая неудачу красного командования и поражение групп Шорина и Селивачева, Донское Командование перешло в широкое наступление.

14 сентября, хотя и сильно поредевший, 4-й Донской корпус Мамонтова благополучно переправился через Дон, прошел фронт красных и двинулся по их тылам на ст. Таловую, откуда 17-го повернул на Воронеж. Почти одновременно фронт противника у Нижнедевическа был прорван Кубано-Терским конным корпусом Шкуро, захватившим 21-го Воронеж и соединившимся здесь с генералом Мамонтовым.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

К 15 октября правofланговый 1-й Донской корпус снова выдвигается на Грязе-Царицынскую железную дорогу, а центральный 2-й корпус вновь очищает от противника правый берег Хопра.

К сожалению, наступление 1-го и 2-го Донских корпусов не поддерживается Царицынской Армией генерала Врангеля, чему причиной, по-видимому, является сильно упавшая численность этой, состоявшей из переставших получать пополнения кубанцев, Армии.

Невыход вперед Армии Врангеля не позволил 1-му и 2-му Донским корпусам сократить свой фронт и усилить 3-й Донской корпус, наступавший в Воронежском направлении, где в дальнейшем решилась судьба всего Донского фронта.

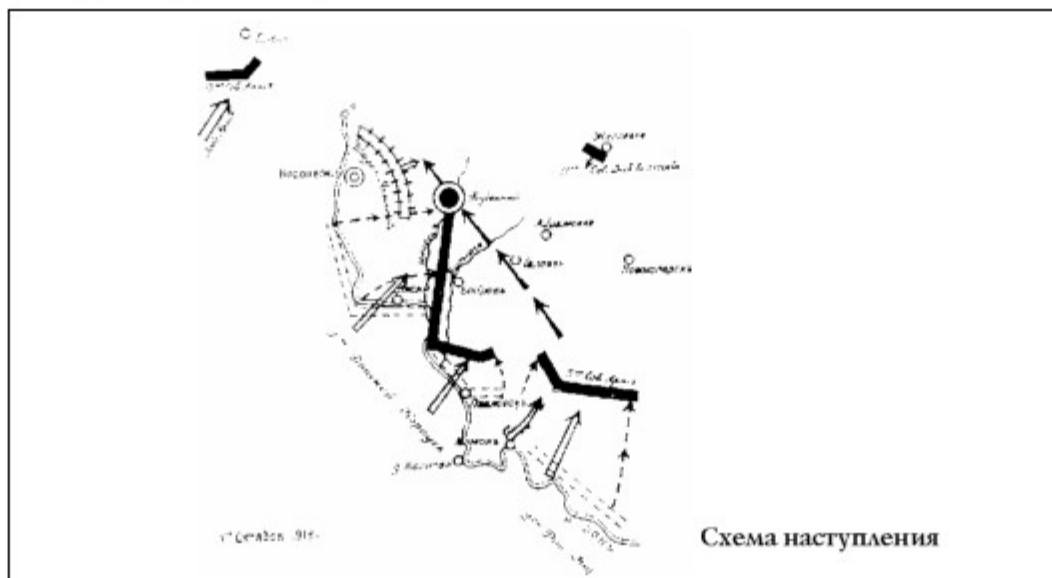
«...С начала октября, говорит генерал Деникин (Т. V. С. 235), стало ясным, что центр тяжести всей операции перенесен на Воронежско-Харьковское направление. Только разбив ударную группу 8-й сов. армии и конного корпуса Буденного, мы приобретали вновь инициативу, возможность маневра и широкого наступления...»

Для этого нужны были свободные свежие силы. Таковых не только не имелось, но ген. Деникин принужден был еще ослабить Воронежскую группу войск и снять с фронта здесь целую, сражавшуюся против Буденного, Терскую дивизию для ее отправки в тыл против Махно...

Обратимся теперь к действиям сражавшегося с 8-й советской армией 3-го Донского корпуса.

Перед его левым флангом, под влиянием выхода к Воронежу Мамонтова и Шкуро, противник (16, 15, 12-я и отчасти 33-я советские дивизии) первоначально очистил Лискинский узел и отошел на северо-восток, заняв фронт по реке Икорец.

3-й Донской корпус, тесня противника своим левым флангом, правым форсировал Дон, стремясь сбить 33, 40 и 13-ю дивизии красных и выйти в тыл Икорецкому фронту. Усилия правого фланга 3-го корпуса уже почти увенчались успехом, и противник был

отброшен за Бобров-Таловая, как одновременно левый фланг 3-го корпуса, в свою очередь, был 11 октября отброшен от Воронежа, и правый фланг противника снова выдвинулся к Лискам.

Сказался выход к Воронежу корпуса Буденного, против коего действовала относительно более слабая конная группа Шкуро и Мамонтова.

Дело было легко поправимо, ибо положение левого фланга 8-й советской армии, отделенного большим промежутком от фланга 9-й советской армии (при том совершенно неспособной к активной деятельности), было катастрофичным (Егоров. С. 184), и достаточно бы было удара свежего кулака, чтобы его уничтожить и тем свести на нет весь успех Буденного.

Донцы полагали, что этим кулаком явится конница генерала Коновалова из состава 2-го Донского корпуса, однако пассивность Армии Врангеля позволила Шорину перебросить на свой правый фланг 21-ю стрелковую дивизию, что, как и наличие в 9-й армии конных групп Блинова и Думенки, не позволило снять с фронта 1-го и 2-го Донских корпусов конницу генерала Коновалова и двинуть ее на Воронежское направление.

Командующий 8-й советской армией перебросил на свой левый фланг, в район Жердевки, свой последний резерв, только

что пополненную 31-ю советскую дивизию, откуда она должна была действиями во фланг и тыл 3-го Донского корпуса ликвидировать продвижение последнего.

Теперь вернемся несколько назад — ко времени начала наступления 3-го Донского корпуса, на правом фланге которого двигалась 1-я Донская дивизия, с Лейб-Гвардии Казачьим полком.

20 сентября 1-я Донская дивизия переправилась через Дон в район Ч. Калитвы и

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

заняла Гороховку, откуда в следующие дни перешла в д. Мамон.

23 сентября Гв. Казачья бригада атаковала конницу красных, занявшую Гнилуши. Наступление повели пешие Лейб-Казачьи сотни, встреченные с фронта сильным оружейным и ружейным огнем спешенных красных эскадронов, а с правого фланга — конной атакой.

Командир бригады генерал Дьяков двинул в контратаку конные сотни лейб-казачков есаула Агафонова и подесаула Ротова. Красная конница, не принимая удара, повернула обратно через мост в деревню на р. Гнилуше. За ней бросились уходить и спешенные красные эскадроны.

Деревянный мост под массой людей рухнул в воду, и группы красных, не успевшие перейти моста, были изрублены. В числе изрубленных был и красный командир полка, бывший прапорщик.

Деревня Гнилуши, в коей осталось много раненых красноармейцев, была взята.

24 сентября бригада вела огневой бой на подступах к Журавке, очищенной в ночь на 25-е противником.

26 сентября бригада заняла хутор Морозов и повела наступление на Семеновку.

Противник оказался в превосходных силах, сбить его не удалось, и пешие сотни, понеся потери, вернулись ночевать в дер. Журавку.

Тут выяснилось полное отсутствие связи с начальником дивизии генералом Абрамовым. Оказалось, что довольно крупный отряд красной конницы проскочил в наш тыл в дер. Гнилушу, где находился штаб отряда, порубил часть обозов и прервал связь.

По счастливой случайности генерал Абрамов с начальником штаба двигался к частям и в деревне не находился. Спешно в Гнилушу были посланы 2 конные сотни лейб-казачков. Однако противник уже

ушел, и 28 сентября обе сотни вернулись обратно.

Того же числа 1-я дивизия с легкого боя взяла гор. Сторожев и, так как противник стойкости не обнаружил, то 29-го и 30-го захватила район Медвежье-Ясиновка и Новая Меловатка.

В Фащеватой было красными понарыто много основательных окопов, среди коих имелись укрытия и для тяжелой артиллерии, однако противник их очистил после первых же выстрелов.

2 октября атакой пеших сотен Гв. бригады, после небольшой перестрелки, была взята Бутуриновка, и 3 октября вся дивизия сосредоточилась в Велико-Архангельском.

* * *

4 октября, в день полкового праздника, Лейб-Казачий полк был оставлен в резерве, в селе В.-Архангельском.

Накануне вечером была в местной церкви отслужена панихида по Державным Шефам и однополчанам, за Веру, Царя и Отечество живот свой положившим. Полкового священника не было, а местный священник, боясь большевистских репрессий, наотрез отказался поминать вслух Державных Шефов полка. После долгих уговоров ему была составлена записка, которую он читал, останавливая возгласы в тех местах, где надлежало помянуть имена Шефов, и произносил их мысленно.

4 октября был отслужен молебен, после которого офицеры во главе с генералом Абрамовым сромно без вина пообедали. Через час полк был вызван вперед, ибо красные наступали от Макогонова. Коротким ударом они были опрокинуты, и Макогоново осталось за нами. В этом бою был ранен сотник Георгий Дубенцев.

5 октября атакой пеших сотен была взята дер. Сериково. Одновременно подошедшая сильная конная группа генерала Старикова атаковала у ст. Терехова бригаду красных, порубила 200 человек, а 600 взяла в плен. Все поле после боя как подсолнухами было покрыто воткнутыми штыками в землю винтовками красных.

6 октября Гв. Казачья бригада коротким боем взяла Колодеевку. Противник быстро отходил, и в следующие дни 1-я дивизия почти без боя последовательно овладела ст. Таловой, Абрамовкой и Еланским Коленом.

Перед 1-й дивизией был теперь стык 8-й и 9-й сов. армий.

Будучи вызван в Новочеркасск Донским Атаманом, в октябре уехал ген. Абрамов, и в командование дивизией вступил ген. Лобов. 24 октября ген. Лобов получил в командование 4-ю Донскую, а в командование 1-й вступил ген. Дьяков (ген. Абрамов получил высшее назначение). Полковник Фарафонов (вскоре произведенный в ген.-майоры) уехал в отпуск, передав командование полком на фронте, до приезда из командировки полковника Оприца, полковнику Кононову.

11 октября в командование полком на фронте вступил полковник Оприц. 12 ноября был эвакуирован в Ростов заболевший возвратным тифом полковник Кононов.

Состав полка на фронте сводился к двум пешим сотням по 110 штыков (есаулы Болдырев и Чеботарев), к одной сводной конной (ес. Агафонов) и пулеметной команде в 6 пулеметов (подъесаул Туркин).

Наступила зима с ее холодами, и отсутствие обмундирования давало себя сильно знать. Особенная нужда была в обуви, ибо движение с боями вперед от Калитвы до

Таловой по весенним размокшим дорогам окончательно истрепало обувь, и появились босые. Наступившие холода не позволяли ими пользоваться для боя, и они отсылались в обоз, где образовалась команда босых и была организована починочная мастерская. Численность людей при обозах увеличилась, а боевые составы полков потаяли.

В не лучшем состоянии были истощенные отсутствием фуража лошади. Не было подков, и только часть лошадей была кована лишь на перед. Движение по замерзшей грязи некованых лошадей быстро выводило их из строя. Аллюр был один — лишь шаг и только в случаях атаки — короткая рысь.

Район несколько раз переходил из рук в руки, был обобран и белыми, и красными; ни фуража, ни продовольствия достать на месте нельзя было, подвоз интендантством был более нежели слаб. Полки недоедали.

Деревни были полны сыпнотифозными, и ночевка в избе, где лежали в тифу хозяева, была не исключением, а правилом.

Заболеваемость сыпным и возвратным тифом достигла небывалых размеров.

Болезнь начиналась 40-градусной температурой, и больной часто сразу впадал в беспамятство. Из состава офицеров заболели тифом и были эвакуированы в октябре: есаул Чеботарев, есаул Агафонов, подъесаул Туркин; в ноябре — Моргунов, только что оправившийся от ранения, и пробывший на фронте неделю войсковой старшина Краснов, подъесаул Чекунов, есаул Дубенцев, подъесаул Гринев и в декабре — хорунжий граф Граббе.

Сыпной тиф, при общей истощенности организма, давал относительно высокий про-

цент смертности. Из числа заболевших офицеров в полковом лазарете скончались подесаул Чекунов и хорунжий граф Граббе.

«...Я из коменданта полкового лазарета (говорит записка сотника Прокофьева) обратился в гробовщика, то и дело бегая в мастерскую заказывать гробы, которые не успевали готовить. В лазарете лежал тяжелобольной сотник Н.П. Ефремов. Наученный горьким опытом, я и ему заранее заказал гроб. По счастью, он поправился, и я был рад, что моя предусмотрительность оказалась излишней...»

Выше было сказано, что 1-я дивизия, имея задачей обеспечить фланг 3-го Донского корпуса, вышла в стык 8-й и 9-й советских армий.

12 октября советское командование двинуло для действия во фланг и тыл 3-му Донскому корпусу свою сосредоточенную в районе Жердевки 31-ю дивизию. Если в воздухе висел фланг 8-ю советской армии, то точно так же висел в воздухе и отделенный почти 80-верстным промежутком от фланга 2-го Донского корпуса фланг 3-го Донского корпуса, если движение частей 31-й советской дивизии и было остановлено 1-й Донской дивизией, то все же ничто не мешало противнику сквозь незанятый промежуток бросать в тыл 1-й дивизии мелкие партии своей конницы.

Конница красных была низкого качества, однако, перехватывая людей и повозки, она затрудняла сообщения с ближайшим тылом. Вообще недостаточное снабжение остановилось совершенно. Посылка одиночных людей из обоза и обратно сильно затруднилась.

Еще болезненнее отражалась на психике сражавшихся необеспеченность вывоза

раненых и больных, коих приходилось эвакуировать сквозь район, где бродила неприятельская конница*.

Постановка дела эвакуации раненых была кошмарна: никаких этапов в тылу организовано не было, а между тем эвакуация шла на ст. Евстратовку через Бутурлиновку, Гвазды и Павловск, причем почти 150-верстное расстояние до железной до-

* Полковник Поздеев и есаул Моргунов, возвращаясь 22 октября из отпуска в полк, чуть не погибли, наскочив в тылу на красную конницу, причем есаул Моргунов спасся только тем, что бросил подводу, на которой ехал, отделавшись потерей всего своего багажа.

24 октября, раскрытый в лесничестве в 10 верстах на юг от Таловой перевязочный пункт 1-й Донской дивизии, где находилось 4 десятка раненых, был атакован отрядом красной конницы. Кто мог из раненых, разобрал винтовки, огнем коих красная лава была остановлена и, спешившись, в свою очередь открыла огонь. Приостановка атаки, наступившие сумерки, как и выдержка и спокойствие врача Л.-Гв. Атаманского полка, обеспечили спешный вывоз всех раненых в западном направлении на Козловку. Большую помощь оказали три конных лейб-казака, только что вывезшие из боя под Таловой и доставившие на перевязочный пункт тяжелораненого командующего полком полк. Оприца.

Эти три казака не дали уйти без раненых уже было под влиянием паники разлетавшимся во все стороны обывательским повозкам и, собрав их вновь, под огнем противника помогли всех нагрузить.

При ночной пятнадцативерстной перевозке часть раненых, перевязка коих не была закончена, скончались от потери крови; в числе их был Л.-Гв. Атаманского полка есаул Абрамов, при перестрелке на перевязочном пункте получивший вторичное пулевое ранение.

Несколько позднее указанного случая Л.-Гв. Казачьего полка подесаул Туркин, заболевший сыпняком и с 40-градусной температурой в бесспамятстве эвакуированный в тыл, пропал без вести, даже не доехав до обоза 1-го разряда, явно попав в руки красных.

роги раненные проезжали на обывательских подводах, двигаясь по замерзшей грязи и ухабам разбегенных грунтовых дорог. Крестьянские клячи, вымотанные бескормией и бесконечными нарядами, еле двигались, проходя за день 15—20 верст. Раненый, изголодавшийся и наполовину замерзший, попадал в санитарный поезд на 8—10-й день своего ранения, причем не сменявшиеся с полкового перевозочного пункта его бинты буквально кишели вшами.

При таких условиях эвакуации и легкие ранения получали самые тяжелые осложнения и последствия.

Не лучше обстояло дело эвакуации сыпнотифозных.

В своем дневнике один из офицеров полка, подьесаул Могиланский, рассказывает, что он лично видел на станции Чертково громадный сарай, набитый сложенными, как дрова, замерзшими трупами раненых и сыпнотифозных казаков, умерших в дороге и выгруженных из санитарных поездов.

«На станцию Миллерово, — говорит Раковский («В стане белых». С. 32—33), — привозили целые поезда сыпнотифозных, умерших от голода, холода и отсутствия примитивных удобств и какого-либо ухода. Все это можно было наблюдать и на других станциях. Нередко можно было видеть вокзальные здания, переполненные больными и мертвыми, беседки в станционных садах, переполненные трупами, сложенными, как дрова, в высокие штабеля...»

Если взвесить все изложенные выше обстоятельства, то нет ничего удивительного, что на фронте нарастало раздражение против организационной беспомощности тыловой администрации и против индифферентизма так называемой «общественнос-

ти», не понимавшей своего долга перед Армией и ничего не делавшей для упорядочения тыла.

Очень плохо работал административный аппарат Добр. Армии, но не лучше обстояло дело и в казачьем тылу. Доклад председателя ревизионной комиссии Большого Войскового Круга М.И. Мельникова от 25 октября 1919 года, о результате ревизии Донских органов интендантства, транспорта, снабжения и продовольствия раскрывает удручающую картину крупных хищений, взяточничества, непредусмотрительности, бесхозяйственности и отсутствия запасов и заготовок. (Справка: Отчет ревизионной комиссии, опубликованный в газете «Приазовский Край», № 243 от 27 октября 1919 года.)

Городская интеллигенция, забившая все указанные органы снабжения, не выдержала экзамена, предложенного ей жизнью.

Растущее в частях на фронте раздражение не могло не подрывать боевого духа войск, роняя веру в возможность скорой победы.

Однако вернемся к действиям охранявшей стык 2-го и 3-го Донских корпусов 1-й Донской дивизии и ко времени наступления 31-й советской дивизии.

Выдвижение последней явилось несколько неожиданным, и 15 октября сильно пострадали расположенные на отшибе и захваченные врасплох 2 пешие сотни 4-го Донского полка. Однако 1-я дивизия быстро развернулась на фронте Александровский поселок — Таловая и боем остановила дальнейшее продвижение противника. Вскоре фланг был усилен выдвинутой на Таловую пешей бригадой генерала Овчинникова, и 50-верстный участок 1-й дивизии несколько сократился.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

19 октября красные было выбили генерала Овчинникова из Таловой, однако, быстро переброшенные из Алекс. поселка части 1-й Донской дивизии, с Л.-Гв. Казачьим полком, отбили красных к полустанку Чигла.

20 октября части 1-й дивизии совместно с бригадой генерала Овчинникова с боем вытеснили красных из Чиглы и отбросили их к станции Абрамовка.

В тот же вечер пришло сообщение, что красные заняли Новую Чиглу, что к западу от Александровского поселка.

Принявший временное командование 1-й дивизией генерал Лобов решил повторить маневр 20-го, но только в сторону Нов. Чиглы, направив в западном направлении, для содействия казачьим частям, должествующим 21-го атаковать Н. Чиглу, Гв. Казачью бригаду. Так как противник проявлял активность и у Абрамовки, то бригада ген. Овчинникова была усилена 4-м Донским полком, и в Александровском поселке остался лишь штаб дивизии с малобоеспособным Каалмыцким полком.

В 9 часов утра Гв. Казачья бригада под командой генерала Дьякова выступила на Н. Чиглу и уже прошла версты четыре, когда прискакал присланный генералом Лобовым казак с сообщением о начавшемся наступлении красных на Александровский поселок. генерал Дьяков, продолжая движение на Н. Чиглу, повернул обратно две пехотные сотни лейб-казаков под командой полк. Оприца. Последний, обогнав свои сотни, широкой рысью двинулся в Александровский поселок, где ему представилась следующая картина: в восточной окраине поселка шла ружейная и пулеметная стрельба. По дороге, выходящей с восточной части поселка на юг, в Таловском направлении, вытянулся атакованный красной конницей обоз 1-го разряда дивизии. Повозники, обрубив-

шие постромки, и отдельные повозки скакали на запад в тянувшийся в юго-восточном Таловском направлении овраг. В тот же овраг одиночно и группами сметались калмыки, во главе коих мчался их командир полка полковник С.

На вопрос: «Куда вы отходите?», полковник С. только махнул рукою: стало ясно, что калмыки на сутки вышли из боя и ближе Таловой не останутся. За калмыками неслись и орудийные запряжки 1-й батареи, и на южной окраине поселка оставалась лишь группа конных ординарцев во главе с начдивом генералом Лобовым. Узнав о близком подходе двух Лб.-Казачьих сотен, генерал Лобов приказал не втягиваться в занятый красными с востока и охваченный ими с севера поселок, а развернуться южнее, прикрыв дорогу на Таловую и овраг с отходящими в беспорядке частями.

Подошли лейб-казаки. Быстро и стройно развернулась фронтом на восток сотня есаула Чеботарева и, имея на выступе влево и сзади разомкнутую сотню есаула Бокова, без выстрела двинулась в штыки на красную рубившую обоз конницу. Часть красной конницы, уже двигавшаяся по направлению на овраг, была взята подъясаулом Туркиным под пулеметный огонь и в беспорядке бросилась уходить обратно на юго-восток. Туда же поспешно отошла не принявшая атаки рубившая обоз конница.

Сотня есаула Чеботарева прошла уже линию отбитых повозок обоза, как накопившийся в восточной и центральной части Александровского поселка противник развернулся фронтом на юг и перешел в наступление, угрожая левому флангу сотни. Быстро развернулась фронтом на север сотня есаула Бокова, и противник, не выдержав ее огня, залег.

Оправившаяся конница противника вновь пыталась, уже в почтительном отда-

лении, обогнуть правый фланг сотни есаула Чеботарева, перерезать дорогу на Таловую и выйти в овраг, однако жиденская лава конных ординарцев дивизии во главе с генералом Лобовым, усиленная двумя пулеметами подъесаула Туркина, ликвидировали эту попытку, и красная конница отошла. (Другой пулеметный взвод, с командиром полка и его ординарцами, занял стык между 2 и 5 сотнями).

Дорога на Таловую и овраг были таким образом прикрыты.

Так прошло часа два. Сотня есаула Чеботарева несла потери от флангового пулеметного огня противника, и генерал Лобов приказал оттянуть обе сотни на версту на юг, к глубокой канаве, тянувшейся параллельно южной окраине Александровского поселка. Противник было перешел в наступление с южной окраины поселка и из рожицы, что у восточной его оконечности, но немедленно огнем был загнан обратно. Здесь был ранен сотник Поляков.

Между тем слева послышалась артиллерийская стрельба, причем разрывы шрапнели ложились над западной окраиной поселка. Было ясно, что подходил генерал Дьяков с атаманцами, и полковник Оприц обратился к генералу Лобову за приказаниями. «Хорошо бы атаковать одновременно с двух сторон поселок, — сказал задумчиво генерал Лобов, — да поздно, ибо до темноты не успеем связаться с генералом Дьяковым, кроме того, и конница, что висит у нас на правом фланге, как только мы начнем наступать на север, окажется в нашем тылу...» Между тем стрельба слева стихла, начало темнеть, люди замерзли, генерал Лобов приказал стягиваться в колонну и двигаться на Таловую, куда лейб-казаки пришли в полной темноте.

Что же касается генерала Дьякова, то он, подойдя с востока к Н. Чигле одновремен-

но с наступавшими с юга частями генерала Овчинникова, сейчас же повернул обратно на Александровский поселок, так как красные, увидя наступление с двух сторон, быстро очистили Нов. Чиглу без боя.

Подойдя с запада к Александровскому поселку, уже занятому красными, генерал Дьяков оттеснил их цепи в поселок, но, не слыша артиллерийского огня с юго-востока, решив, что все части отошли на Таловую, двинулся по оврагу туда же.

Атаманцы сбились с верного направления, долго блуждали по оврагам и только поздно ночью добрались до Таловой.

Это обстоятельство послужило причиной выдвижения в голову в бой 22 октября снова лейб-казаков, несмотря на очередь атаманцев и несмотря на проведенный исключительно лейб-казаками накануне трудный бой, где они с потерями выполнили полностью задачу прикрытия отходивших в беспорядке частей и одновременно не дали противнику, значительно превосходящему их в силах, продвинуться на Таловую.

План боя 22-го был следующий: западную половину Александровского поселка должны были атаковать лейб-казаки, восточную — калмыки; 2 конные сотни 4-го полка и 1-я конная Атаманская под общей командой, полковника Жирова должны были охватить противника справа, а Лейб-Казачья конная — слева.

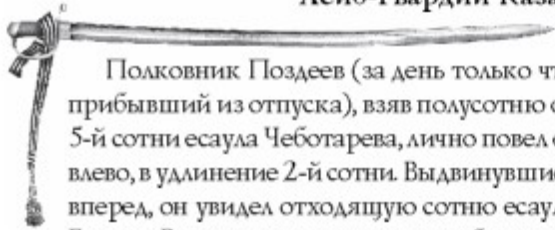
Несмотря на усталость, Лейб-Казачьи сотни быстро развернулись и смело двинулись вперед.

Прямо на поселок двигалась 2-я сотня есаула Бокова, левее на уступе 5-я сотня есаула Чеботарева. Значительно правее лейб-казаков рассыпались калмыки.

2-я сотня есаула Бокова, быстро продвигаясь, несколько зарвалась.

Противник открыл огонь и пытался охватить ее левый фланг.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Полковник Поздеев (за день только что прибывший из отпуска), взяв полусотню от 5-й сотни есаула Чеботарева, лично повел ее влево, в удлинение 2-й сотни. Выдвинувшись вперед, он увидел отходящую сотню есаула Бокова. Выяснилось, что, наступая без перебежек, в рост, сотня подошла вплотную к пулеметам противника и, понеся потери и потеряв командира сотни есаула Бокова, стала отходить. Полковник Поздеев бросился ее останавливать, но тут же сам был ранен пулей в ногу и выбыл из строя. В командование сотней лично вступил командующий полком полковник Оприц, которому удалось не без труда восстановить порядок и, усилив 2-ю сотню полусотней от 5-й сотни, снова продвинуться несколько вперед.

Однако дойти до места, где упал есаул Боков, не пришлось, так как пришло приказание отходить, ввиду создавшегося угрожающего положения на правом фланге боевого порядка, где под натиском противника быстро отходили и без того бывшие далеко на уступе назад калмыки и конница полковника Жирова.

Попытки достать тело есаула Бокова не увенчались успехом: пулеметы красных хорошо пристрелялись, и казаки, пытавшиеся продвинуться, отползали ранеными. Пытаясь приблизиться к Бокову, был смертельно ранен двумя пулями в живот взводный 2-й сотни подхорунжий Плешаков (умер по пути в госпиталь).

Через два дня Александровский поселок был взят, тело есаула Бокова найдено и отправлено в Новочеркасск. Тело не носило никаких признаков разложения, из чего можно было заключить, что есаул Боков, будучи тяжело ранен в живот, по всем данным, замерз еще на месте боя.

В бою 22-го лейб-казаки потеряли убитыми и ранеными 2 офицеров и 45 казаков, и боевой состав опустился до 1 сводной пе-

шей сотни в 100 штыков и одной конной в 60 пашек.

Приблизительно в той же пропорции уменьшилась и численность других полков дивизии.

* * *

24 октября генерал Лобов решил повторить атаку Александровского поселка. Теперь в центре наступали лейб-казаки и атаманцы, а на уступе назад влево две конные сотни 4 полка и калмыки.

Наступление развивалось гладко, несмотря на сильный огонь противника. Однако под самым поселком противник перешел в контратаку. Калмыки и 4-й полк не выдержали и начали вскоре перешедший в общее отступление отход.

Противник, пользуясь численным превосходством, глубокими обхватами обоих флангов не давал задержаться до самой Таловой.

Последней отходила Лейб-Казачья пешая сотня (вернее, полусотня) подьесаула Моргунова, которой предшествовала сотня ес. Чеботарева, только что оттянутая назад (так как предстояло вскоре проходить дефиле-мост через речку).

Патроны на исходе. Противник нагло наседает.

Видя трудное положение прикрывающей отход сотни, ес. Чеботарев останавливается, пропускает сквозь свою цепь сотню подьесаула Моргунова и строино, в рост, начинает движение на сближение с противником.

Огонь красных сразу принимает беспорядочный характер, они останавливаются и начинают частью отходить. Ес. Чеботарев останавливает свою цепь и возобновляет спокойный отход.

«...Скажут, что в маневре ес. Чеботарева не было ничего особенного (говорит ген.

Дьяков), однако, принимая во внимание общую вымотанность за день неудачного боя, принимая во внимание совокупность условий данного момента, лично наблюдая этот бой, скажу, что выполнение маневра требовало совершенно исключительной силы духа и веры в своих казаков командира сотни и обратно казаков в своего командира. Доблестен был командир, но и люди были молодцами...»

Выход на Таловую кончался высоким гребнем, с которого открывался отличный обстрел ровной площади отхода, и поэтому лейб-казакам было приказано задержаться на гребне, дав пройти площадь всем частям дивизии.

Задача осложнялась еще и появлением в полуверсте в тылу за Таловой двух эскадронов противника.

Лейб-казаки свою боевую задачу полностью выполнили, причем особенно отличилась пулеметная команда подъесаула Туркина, вывезшая из боя повозки, на которых вместе с работавшими до последней минуты пулеметами лежали убитыми и ранеными и все без исключения номера этих пулеметов.

Здесь же был тяжело ранен командующий полком полк. Оприц.

За бой 24-го лейб-казаки потеряли убитыми и ранеными 32 казака и 19 лошадей.

Понес сильные потери и противник, не оставшийся в Таловой, а вернувшийся в Александровский поселок.

27 октября конные сотни 1-й дивизии, усиленные прибывшей из Новочеркасска свежей сотней Конвоя Донского Атамана, соединились с подошедшей конницей генерала Савельева и зашли красным в тыл.

Была разбита бригада красных и не только занят 1-й дивизией поселок Александровский,

но через два дня и находящийся в 13 верстах севернее Бирючинский поселок.

Взятие Бирючинского поселка было последним успехом 1-й дивизии; дальше пошло топтание на месте, причем ряды полков таяли, не получая пополнения из тыла. Чувствовалась крайняя усталость.

В точно таком же положении находилась и противник.

Однако, как всегда в бою бывает, достаточно было относительно небольшого перевеса, дабы вызвать решительный перелом. К сожалению, перевес этот, хотя и очень небольшой, оказался на стороне красных.

Северная и средняя полосы России были более богаты людскими ресурсами, нежели белый Юг.

Красный тыл был организован лучше белого.

Большевики использовали указанные преимущества.

Пользуясь услугами своего, проникавшего в самую толщу населения, партийного аппарата, им удалось:

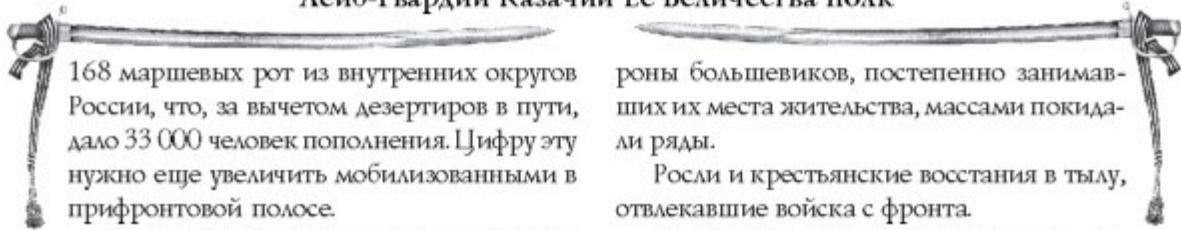
а) не ослабляя фронта, создать 180-тысячную группу войск особого назначения, поддерживавшую в красном тылу необходимый для ведения войны порядок.

б) Произвести полный учет и отправку на фронт всех полезных для боя элементов, начиная от генералов Генерального Штаба, офицеров и унтер-офицеров старой Армии и кончая партийными агитаторами.

в) Производить мобилизации населения в размере, покрывающем не только боевые потери, но и повседневный высокий процент дезертирства Красной армии.

Командующий красным южным фронтом Егоров говорит, что за сентябрь и первые числа октября его фронт получил

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

168 маршевых рот из внутренних округов России, что, за вычетом дезертиров в пути, дало 33 000 человек пополнения. Цифру эту нужно еще увеличить мобилизованными в прифронтовой полосе.

В сентябре была проведена мобилизация лошадей, шедшая под лозунгом «Пролетарии на коня» и сильно увеличившая конницу красных.

Были усилены жестокие и решительные меры по борьбе с явлением разложения красного фронта и с расхлябанностью в тылу.

Совокупность вышеизложенного, как и сохранность кадров Красной армии (выпущенных из августовских поражений Вооруженными Силами Юга России целыми, хотя и сильно потрепанными), дала возможность красному тылу восстановить боеспособность своих войск.

Была усилена Воронежская группа красных и, кроме того, образован ударный кулак в Курском направлении, составленный из пополненной 14-й армии и резервов красного Главкома*.

1 октября кулак этот перешел в наступление на Курск против Добровольческой Армии. В 30-дневных боях Добровольцы, доблестно сражаясь со значительно превосходящим в числе противником и одерживая частные успехи, были принуждены отходить.

Отход Добровольческой Армии принял характер катастрофы: полки, распухшие при наступлении за счет мобилизованного населения и влитых в ряды пленных красноармейцев, теперь, при отходе, быстро таяли, ибо крестьяне, боясь репрессий со сто-

роны большевиков, постепенно занимавших их места жительства, массами покидали ряды.

Росли и крестьянские восстания в тылу, отвлекавшие войска с фронта.

Для борьбы против Махно генерал Деникин снял с Донского фронта Донскую бригаду генерала Морозова и Терскую дивизию из корпуса Шкуро.

Последнее было особенно тяжело, ибо ослабило сражавшуюся с корпусом Буденного Воронежскую группу, и без того уступавшую последнему в силе. В результате Буденный вышел на Касторную, в стык Донской и Добровольческой армий, угрожая отрезать одну от другой.

Для парирования опасности в районе Волчанска и Купянска В.С.Ю.Р. была сымпровизирована в середине ноября крупная конная, усиленная придачей технических средств, группа из IV Донского корпуса Мамонтова, остатков корпуса Шкуро и перебрасываемых от Царицына Кубанских дивизий.

Однако Кубанские части запоздали и в силу причин, о коих подробно говорилось выше, были малочисленны и небоеспособны.

Донцы были вымотаны непрерывными боями лета, осени и зимы. Лошади их были изнурены и некованы, почему ввиду наступавшей гололедицы не имели аллюра выше шага.

Сюда нужно прибавить смещение генералом Деникиным популярного среди Донцов генерала Мамонтова, с подчинением его кубанцу генералу Улагаю. генерал Мамонтов обиделся и уехал с фронта, своим отъездом окончательно подорвав дух Донцов.

Конная группа утратила боеспособность, и Буденный прошел в стык Донской и Добровольческой Армий, ускорив отход последней.

В конце ноября в стык 2-го и 3-го Донских корпусов вышла относительно свежая

* Кулак этот получил полную свободу действий благодаря умышленному предательству поляков и Пилсудского. (Справка: брошюра ген. Деникина «Кто спас большевистскую власть», изд. 1937 г. Париж.)

конница Думенко, что ускорило отход Донской армии.

Весь декабрь отходили Донская и Добровольческая Армии под натиском главным образом 1-й конной армии Буденного и корпуса Думенки, ибо остальные части Красной армии были вымотаны боями и эпидемиями не менее белых.

Однако попытки генерала Деникина остановиться успехом не увенчались.

Отходящие части вместо опоры в тылу находили увеличивающийся развал, что роняло их дух и увеличивало инерцию отхода.

24-го обе Армии были уже на подступах к Ростову и Новочеркаску, где генерал Деникин, имея численное и техническое превосходство над противником, хотел остановиться. Однако инерция отката улеглась только тогда, когда между сторонами лег Дон, и 27-го Ростов был оставлен.

Вернемся несколько назад к действиям 1-й Донской дивизии.

«В конце ноября (т.е. в середине ноября ст. ст.), — говорит командующий красным Южным фронтом полковник Егоров (С. 207), — успех красного оружия явно обозначился по всему фронту, и только участок левого фланга VIII армии несколько отставал от общего развития наступления...»

Именно этому участку, среди других частей 3-го Донского корпуса, противостояла и 1-я Донск. дивизия. Однако после последних отчаянных попыток наступать в Лискинском и Бобровском направлениях и 3-й Донской корпус был, в свою очередь, вынужден к отходу.

Лейб-Гвардии Казачьим полком (вернее, его малочисленным боевым кадром) в первой половине ноября 1919 года на фронте последовательно командовали, выходя за

заболеванием сыпным тифом, есаул Чеботарев, сотник Кобиев и подесаул Моргунов.

17 ноября в командование кадром вступил оправившийся от ранения и прибывший с пополнением в 80 конных казаков войск. старш. С. Краснов. Однако через несколько дней и он, заболев сыпняком и передав должность есаулу Авилову, был эвакуирован в Ростов, в до отказа переполненный ранеными и тифозными офицерами и казаками полка Лейб-Казачий лазарет.

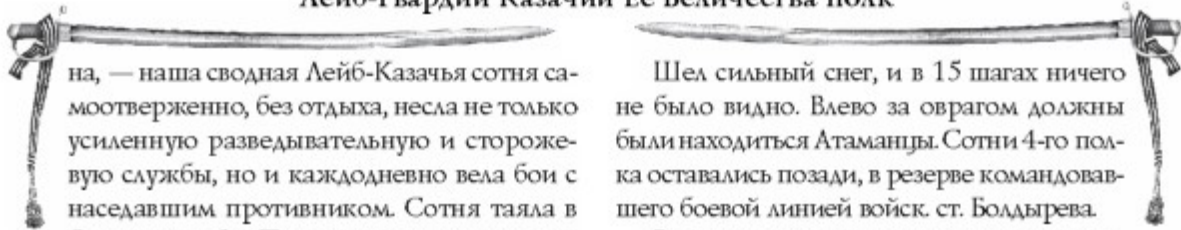
На фронт из полкового лазарета спешно выехали еще не вполне оправившийся от прежнего ранения в голову войск старш. Болдырев и выздоровевший хор. Ананьев.

В ожидании их прибытия три-четыре десятка казаков, представлявшие остаток сводной пешей сотни и пулеметной команды Лейб-Казачьего полка, были отправлены в обоз на краткий отдых и укомплектование. В обозе уже укомплектовывалась и перевооружалась на новые пулеметы Викерса ранее туда отправленная, совместно с остатками своей конной сводной сотни, пулеметная команда Л.-Гв. Атаманского полка.

На фронте в строю дивизии оставались лишь: сводная конная сотня лейб-казаков в 60 шашек (под командой хорунжего И.И. Попова, при заменявшем младшего офицера подхорунжем Г.П. Мигулине), сводная пешая сотня 4-го полка, имевшая при себе остаток своей конницы в 30 шашек, и 2-я Донская батарея полк. Афанасьева. К дивизии была прикомандирована конная сотня конвоя Донского Атамана в 80 шашек.

С 22 ноября дивизия отходила с небольшими боями через Медвежье — Юнаково — Семеновку и Журавку и 25 ноября прибыла в Гороховку, дойдя до предполагаемой здесь к обороне линии реки Дона.

«Во время этого отхода нашей дивизии, — говорит записка сотника Мигули-

на, — наша сводная Лейб-Казачья сотня самоотверженно, без отдыха, несла не только усиленную разведывательную и сторожевую службы, но и каждодневно вела бои с наседавшим противником. Сотня таяла в боях и от тифа. Пополнения не поступало, ибо приведенные войск. старш. Красновым 80 казаков были последним ресурсом полка, и только 26 ноября сотня пополнилась на 14 конных казаков, прибывших из обоза на оправившихся от ранений лошадях...»

В Гороховке 1-я дивизия простояла 3 дня.

27 ноября, ночью, ввиду поступивших сведений о движении от Калача, в стык 2-го и 3-го Донских корпусов, вновь появившихся крупных конных масс группы Думенко, 1-я Донская дивизия была двинута на восток, перешла Дон и заняла дер. Филоново.

В эти дни 1-я дивизия усилилась в своем составе: из района обоза прибыли сводная пешая Лейб-Казачья сотня в 130 штыков, при одном пулемете Максима и под командой подьес. Г. Чекунова; пулеметная команда атаманцев, в 8 новых Векерсов под командой подьесаула Туроверова; сводная пешая сотня 4-го полка, в 200 штыков, под командой полк. Хопрянинова. В строй лейб-казаков стали приехавшие войск. старш. Болдырев и хор. Ананьев.

28 ноября красная пехота перешла замерзший Дон у Осетровки и Голиевки.

С 28 по 30 ноября 1-я дивизия, базируясь на Филоново, короткими ударами успешно сбрасывала красных из указанных пунктов обратно за Дон.

Особенно отличалась пешая сотня подьес. Чекунова, получившая благодарность начальника дивизии за «сверхотличную» работу. Приведем описание атаки Осетровки, сделанное сотником Чекуновым:

«...День клонился к закату, когда сотня подошла к Осетровке.

Шел сильный снег, и в 15 шагах ничего не было видно. Влево за оврагом должны были находиться Атаманцы. Сотни 4-го полка оставались позади, в резерве командовавшего боевой линией войск. ст. Болдырева.

Вскоре я получил приказание атаковать селение. Связь с Атаманцами утерялась, и передать им приказание войск. старш. Болдырева я не смог. Начинало темнеть, времени терять нельзя было, и я двинулся вперед один.

Несмотря на донесение конной разведки о невыходе красных из Осетровки, пройдя 400 шагов, неожиданно для себя и для противника я вплотную наткнулся на его передовую цепь.

Раздумывать не приходилось, и сотня, дав залп, бросилась на „ура“ в штыки. Сколько мы их перебили — не знаю, казаки были крайне ожесточены и пощады не давали. Красные бежали на свою вторую линию, открывшую беспорядочный огонь. В бегстве первая линия смешалась со второй, и вся их нестройная масса, преследуемая мной, буквально пронеслась сквозь Осетровку, проскакивая обратно за Дон и бросая своих убитых и раненых...»

На другой день при очищении Голиевки очень хорошо работали две сотни 4-го Донского полка под командой полк. Хопрянинова, понесшие здесь, однако, крупные потери. Пешая сотня подьес. Чекунова и здесь ходила успешно в штыки.

За эти три дня боев подьес. Чекунов исчисляет потери своей сотни в три десятка убитых и раненых; в конной сотне вышло около десятка казаков, и в их числе подхорунжий Баранов (кадровый лейб-казак, впоследствии вахмистр 2-й сотни).

В этих же боях, в приданной дивизии сотне конвоя Атамана выбыл раненным, впоследствии переведенный в Лб.-Казачий полк сотник Лев Упорников.

30 ноября, к вечеру, красные снова заняли Голиевку.

На этот раз то была уже передовая бригада подошедшего конного корпуса Думенко.

Прибывшая накануне в помощь 1-й дивизии 14-я Донская конная бригада, было занявшая Богучар, получив приказание идти на присоединение к своему 1-му Донскому корпусу, спешно ушла на юг.

Предполагая возможность занятия города Богучара частями Думенко, начдив 1-й Донской ген. Дьяков решил оставить Филоново и ночным фланговым маршем перейти в район Купянки — Дьяченково, где преградить Думенке дорогу на юг. В этот же район ожидалось прибытие только что укомплектованной 4-й Донской конной дивизии генерала Лобова, спешно выделенной из состава 2-го Донского корпуса.

В ночь на 1 декабря 1-я дивизия покинула Филоново и к рассвету подошла к Твердохлебову, где имелся мост через реку Богучар. За день перед тем была оттепель, река сильно поднялась и на аршин покрывала мост. Пехота переходила мост на орудиях, патронных двуколках, походных кухнях и крупах лошадей.

Из Твердохлебовки 1-я дивизия перешла в Купянку, а конная сотня лейб-казаков — на Богучар. Командовавший сотней хор. Попов, выяснив, что город еще не занят красными, стал с сотней в дер. Песковатке, расположенной у южного выхода из города и севернее Купянки.

День 1 декабря дивизия провела в Купянке спокойно.

2 декабря, в 8 час утра, в густом утреннем тумане конница Думенки, пройдя Богучар, стремительно двинулась на Купянку и Дьяченково.

Сторожевой пост конной сотни, занимавшей Песковатку, был захвачен врасплох и не успел известить хор. Попова. После-

дний понял происходящее лишь в тот момент, когда ворвавшаяся в Песковатку красная конница открыла по нему огонь. Хор. Попову, с ключицей, перебитой пулей, все же удалось вывести сотню из деревни, но уже не на Купянку, а на мост, ведущий из последней на Полтавскую, почему атака красных явилась для 1-й дивизии неожиданной.

По счастью, в момент атаки Купянки, сотня подбес. Чекунова двигалась на северную окраину деревни, а батарея дивизии стояла на позиции.

Подбес. Чекунов говорит: «Все было спокойно. Пришло приказание мне с пешей сотней, на всякий случай занять сев. окраину деревни. Я собрал сотню и повел ее по деревне на север. Левее деревни, за возвышенностью заговорила наша батарея, но минут через 10—15 замолкла. Выйдя на окраину, я неожиданно попал под ружейный и пулеметный огонь и сразу потерял 2-х убитыми и 7-х ранеными.

Меняхватило пулей по ноге.

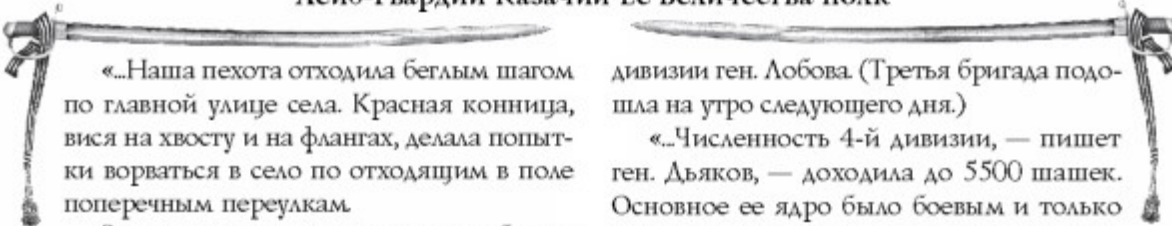
Быстро развернул цепь и открыл огонь, но тут прискакал казак с приказанием как можно скорее отходить на мост, что ведет на деревню Полтавскую.

Через мост проскакивает батарея, за ней Атаманцы и я с сотней.

Далее отход пошел по селу Полтавскому, тянувшемуся на юг параллельно реке. Отходить пришлось по главной улице, перерезанной рядом поперечных переулков. Красная конница энергично атаковала, пытаясь ворваться в село.»

Здесь большую услугу оказала Атаманская пулеметная команда со своими Викерсами, помещенными на запряженных тройками исправных лошадей пулеметных двуколках.

Интересна запись начальника команды подбесаула Туроверова:

«...Наша пехота отходила беглым шагом по главной улице села. Красная конница, висая на хвосту и на флангах, делала попытки ворваться в село по отходящим в поле поперечным переулкам.

Задержав двумя пулеметами лобовую атаку наседающих на хвост красных, я отвел карьером эти пулеметы к следующему перекрестку, где вахмистр команды с тремя пулеметами отбивал пытавшуюся ворваться с фланга красную конницу. Остальные пулеметы были посланы много вперед для занятия очередного перекрестка. Такими перекрестками был прикрыт отход нашей пехоты, временами останавливавшейся и бившей залпами через низкие изгороди в поле, занятое массами красной конницы. Надо отдать справедливость отчаянности уличных атак красных, доходивших до какой-то фанатичности: мне приходилось стрелять из пулеметов буквально в упор.

Особенно горячий бой завязался при выходе из деревни. Я бросил в дело все 8 пулеметов, пехота вырвалась из села и двинулась в развернутом сомкнутом строю, временами останавливаясь и стреляя исключительно залпами...»

«...До 12 часов красная конница усиленно наседала, — пишет сотник Чекунов, — но, убедившись в безрезультатности своих атак, далее только „конвоировала” нас, ведя с большой дистанции орудийный огонь, и мы благополучно, вынеся всех убитых и раненых, дошли до Красножоновки.

По просьбе генерала Дьякова я после сделанной доктором перевязки остался в строю...»

Думенко на 2 декабря ограничился занятием Богучара и Полтавской.

Днем, в этот же день, с юга, в Красножоновку пришли две бригады 4-й Донской

дивизии ген. Лобова. (Третья бригада подошла на утро следующего дня.)

«...Численность 4-й дивизии, — пишет ген. Дьяков, — доходила до 5500 шашек. Основное ее ядро было боевым и только недавно вернулось из рейда по тылам красных под командой прежнего начальника этой дивизии ген. Коновалова.

Однако в ряды 4-й дивизии было влито громадное укомплектование из мобилизованных стариков и зеленой молодежи...»

«...С юга к нам подошла пятитысячная группа 2-го Донского корпуса, — пишет участник боя сотн. Мигулин. — Прибытие такой массы конницы сильно подбодрило измотавшиеся части 1-й дивизии. Однако при ближайшем знакомстве боеспособность прибывших пришлось взять под сомнение: много стариков старше 50 лет, некоторым и больше. Многие одеты в шубы с большими воротниками и подпоясаны веревками, большинство вооружено только шашками времен Очакова и покорения Крыма. Организация полков и сотен — по станицам и хуторам, почему должной воинской дисциплины быть не могло. Я особенный противник такого рода формирования частей, где особенно развивается панибратство: на первом месте кум, сват, брат, а за раненым уходят целые взводы...»

Как бы то ни было, но пришедшая конница 2-го Донского корпуса не оправдала возлагавшихся на нее надежды.

Наступил день 3 декабря.

Предоставим главное слово в описании боя этого дня начальнику 1-й Донской дивизии ген. Дьякову:

Ген. Дьяков пишет: «...Еще накануне, 2 декабря, засветло, генерал Лобов устроил что-то вроде военного совета. Поставленную за

дачу он выразил кратко, несколько раз в течение часа повторив свое определение: „дать по морде Думенке”. Очень уверенно и энергично говорил один из бригадных командиров, ген. Позднышев. Другие больше отмалчивались. Чувствовалась общая, скажем, особенная, уверенность в успехе.

Было решено 1-й дивизии предоставить защиту Красножновки, 4-я же дивизия должна была зажать Думенко с флангов; устроив вентеры.»

В 9 часов утра 3 декабря Думенко атаковал Красножновку.

Северная опушка деревни была занята пехотой 4-го полка. Сев.-восточная окраина — Гвардейской Казачьей бригадой.

Записка соти Чекунова говорит: «...Выйдя на возвышенность справа от селения, я развернул сотню. Правее развернулись Атаманцы. Конные лавы Думенко атаковали 4-й полк. Я с Атаманцами открыл беглый огонь. 4-й полк, понеся потери порубленными и взятыми в плен, стал отходить вдоль селения на юг, при поддержке огня Атаманской пулеметной команды.

Думенко атаковал лейб-казаки и Атаманцев. Атаку отбили залпами и огнем Атаманских и моего пулеметов...»

Ген. Дьяков пишет: «3 декабря около 9 час. утра появились на буграх к северу от нас конные массы Думенки. Одна его бригада шла по буграм к востоку от Красножновки, другая к западу от нее.

Удар восточной колонны принял на себя со своей бригадой энергичный генерал Позднышев, о котором я говорил выше. Вначале действовал он решительно, лично водя полки в атаку. Потерял одну батарею, контратакой взял ее обратно, потом опять ее отдал. Но затем части вышли у него из рук и уже безудержно покатались назад.

Западная колонна красных шла без поддержки, ибо преграждавшая ей дорогу бригада ген. Авчинникова отходила без боя.

Третья бригада 4-й дивизии, находившаяся в нескольких верстах позади, в резерве, в бою участия не принимала.

Правым крылом восточная бригада красных должна была пройти Красножновку. Первым же ее натиском была частью порублена, частью взята в плен, частью смята пехота 4-го полка.

Братская помощь огнем Гвард. бригады могла только обеспечить отход выбывших на целый день из боя остатков 4-го полка.

Думенко атаковал лейб-казаков и атаманцев.

Сомкнутый строй красной конницы быстро приближался к развернутому сомкнутому же строю двух гвардейских пеших сотен с их пулеметной командой, стоявших на открытом месте, в 1 1/2 верстах к северу от красножновской церкви.

Мне четко запомнилось, на фоне вообще бледных лиц, белое, как у мертвеца, но спокойное лицо подьесаула Чекунова. На правом фланге его сотни стоял пулемет и бешено, но вряд ли в этот момент удачно, сыпал свинцом: лошади от волнения плясали, танцевала с ними и двуколка.

Слышна четкая и громкая команда руководящего огнем офицера.

Стрельба велась залпами на выдержанных интервалах. Срывов не было.

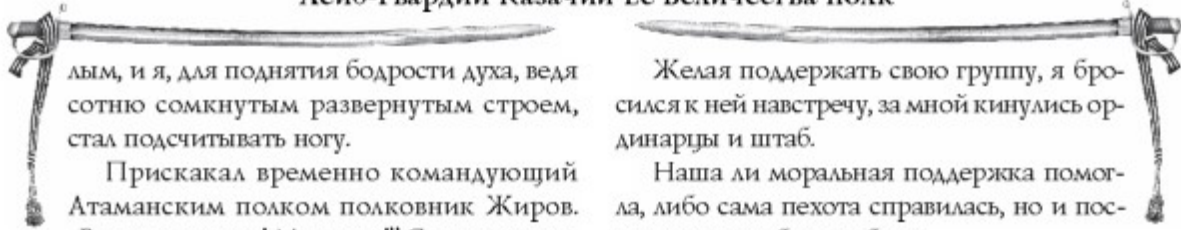
Смерть витала над строем, но люди были в руках своих офицеров.

Атака была отбита...»

За отходом 4-й дивизии на поле боя оставались лишь сотни Гв. Каз. бригады, находившиеся теперь, уже в свою очередь, в вентере у во много их превосходящей числом красной конницы.

Был начат отход...

«...Впечатление, произведенное быстрым уходом 4-й дивизии и неудачей 4-го полка, — пишет подьес. Чекунов, — было тяже-

лым, и я, для поднятия бодрости духа, ведя сотню сомкнутым развернутым строем, стал подсчитывать ногу.

Прискакал временно командующий Атаманским полком полковник Жиров. „Вот это здорово! Молодцы!“ Сотня дружно ответила: «Рад стараться, господин полковник!» Полковник Жиров приказал и Атаманцам взять ногу.

Красные несколько раз ходили в атаку — мы останавливались, поворачивались и отбивали их выдержанными залпами и пулеметным огнем».

Хорошо работала наша батарея, однако снаряды ее были на исходе, и она открывала огонь лишь в критические моменты.

Попытки ген. Дьякова остановить и повернуть на противника ближайшие части отходившей на юг 4-й дивизии успехом не увенчались, и Гв. бригада была полностью предоставлена своим силам.

«...Жуткая, но красивая картина! — вспоминает ген. Дьяков. — Сколько моральной силы было в этой маленькой относительно группе!»

Помню последний боевой эпизод этого дня: бригада подходит к мостику через довольно глубокий ручей, где-то около Чумичевки. Вместе с пехотой перекатами двинулись орудия и пулеметы. От красных покатилась новая крупная конная волна. И тут я почувствовал, что наша истомленная пехота не выдержит — она как-то слишком заторопилась, почти срываясь на бег, торопясь к небольшой, но все же преграде — ручью.

Я делаю отчаянные попытки лично заставить две последние отходящие конные сотни 4-й дивизии поддержать нас или хотя бы только обозначить лаву. Увы — ни приказания, ни мольбы, ни угрозы жалобой Атаману не действуют. Они «получили приказ отходить».

Желая поддержать свою группу, я бросился к ней навстречу, за мной кинулись ординарцы и штаб.

Наша ли моральная поддержка помогла, либо сама пехота справилась, но и последняя атака была отбита.

При переправе через ручей я пропустил пехоту мимо себя. Люди бодрелись, но было видно, что шли из последних сил. Был слышен громкий хрип дыхания. Люди были истомлены физически — многоверстным с боем отходом и — морально — сознанием своей покинутости.

Красные остановились, и тяжелый день кончился.

Много лет прошло, но и сейчас, как живой, стоит перед моими глазами, в белой гвардейской амуниции, с бледными лицами, подтянутый строй горсти казаков, встречающий выдержанными залпами очередную волну накатывающейся красной конницы.»

За бои 2 и 3 декабря Гв. Каз. бригада получила особую благодарность в приказе по 3-му Донскому корпусу. Командир корпуса ген. Гусельщиков заканчивал свой благодарственный приказ словами: «Даже небольшой числом, но дисциплинированной пехоте не страшна никакая красная конница».

Официальный Журнал Военных Действий Донской Армии от 3 декабря отметил: «Завязался бой в районе Медово — Желобок — Дьяченково — Полтавская с конницей Думенко силою около 2 бригад (4-й и 6-й), наступавшей от Богучара.

После упорного боя наши части были отгеснены к югу за р. Левая.

Почти вся тяжесть боя легла на плечи доблестных частей Гвардейской Казачьей бригады, отошедшей в полном порядке,

перекатами, в сомкнутом строю, и отбившей налетавшие со всех сторон конные массы красных залпами и пулеметным огнем». (Справка: выписка Донского Каз. Архива в Праге.)

Несмотря на всю крайнюю напряженность боев 2 и 3 декабря, потери лейб-казаков были относительно невелики, ибо приходилось иметь дело с отбитыми до удара конными атаками, огонь же артиллерии и пулеметов противника велся с больших дистанций и был мало действителен.

Лейб-казаки понесли нижеследующие потери:

В офицерском составе были ранены подъес. Чекунов и хорунжий Попов. (Войск. старш. Болдырев, заболев возвратным тифом, был отправлен в полковой лазарет, где и скончался, так как тиф, на почве прежнего ранения, осложнился воспалением мозга.)

В казачьем составе было убито 7 казаков и ранено 16.

Лошадей было убито 3 и ранено 5.

Под вечер 3 декабря красная конница отошла в Красножоновку, и Гв. Каз. бригада, отдохнув несколько часов в Шуриновке, перешла в деревню Филипповку.

Здесь к дивизии прибыл раненный шашкой в голову при атаке Красножновки вахмистр 4-го Донского полка, которому удалось при взятии красными деревни спрятаться и ночью бежать. Он подслушал разговор между лицами красного комсостава, рассказывавшими, как были жестоко изруганы Думенко за то, что, несмотря на громадный численный перевес, не смогли раздавить отходившую горсть Гв. Казачьей бригады.

В Филипповке дивизия простояла три дня.

Отход Донской Армии продолжался, и ряды ее быстро таяли.

К середине декабря 1-я дивизия, в составе 183 штыков и 103 шашек, в районе Каменской вошла в состав сводного отряда, общей численностью в 773 человека. При полку находились войсковой старшина Воронин, подъесаул Могилянский, подъесаул П. Кутейников и прибывший с последним пополнением в 80 пеших казаков только что произведенный в офицеры хорунжий Фабрицкий.

Генералы Дьяков и Фарафонов были спешно командированы в Ростов для формирования и привода на фронт пополнения из всех казаков 1-го Донского запасного полка и всех тыловых казаков 1-й Донской дивизии.

Отход Донской Армии продолжался, и 17 декабря лейб-казаки в составе 27 человек, при хор. Фабрицком, дали свой последний бой под станцией Лихой, после которого последние остатки строевого состава были отосланы на укомплектование в Ростов, куда и прибыли вместе с обозом 21 декабря.

23 декабря кадрам 1-й Донской дивизии было приказано, совместно с 1-м Донским запасным конным полком, перейти через станицы Ольгинскую, Хомутовскую и Куцевку в станицу Екатерининскую Кубанской области, где немедленно начать формирование.

Спешно ликвидировав полковой Ростовский лазарет (отправкою части больных и раненых в Екатеринодар) и подняв все, что было возможно из своих запасов, лейб-казаки перешли в станицу Екатерининскую. Сюда же прибыл и ветеринарный лазарет полка. В ряды полка влились казаки 1-й сотни 1-го Запасного и одной сотни 2-го Запасного полка, несколько вахмистров и урядников Конвоя Командующего Донской Армией и укомплектование из мобилизованных молодых казаков. Стал в строй ряд

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

офицеров, почти оправившихся от ранений и тифа, и полк очень быстро развернулся в составе трех конных сотен (№ 1, 3 и 6) и команд пулеметной и связи.

К 15 января 1920 года усиленной работой офицеров полк снова был готов к отправке на фронт (к тому времени относительно прочно установившийся по Дону).

Начинался новый период полковой работы.

* * *

Потери Лейб-Гвардии Казачьего полка за период с 10 сентября по 31 декабря 1919 года выразились в следующих цифрах:

Дата	Место боя	Офицеры				Казачи				Лошади		
		уб.	ран.	без- вести проп.	сыпн. тиф	уб.	ран.	без- вести проп.	сыпн. тиф	уб.	ран.	чесотка и под.
Сентябрь												
11	Перепр. у Бабок					3						
12	г. Павловск-Бабки		3		1	13			12	14		
23	Гнилуша				3	10				1		
24	Журавка				2	8			1	2		
26	Морозовка и Семеновка		1		1	7				1		
28—30	Сторожев				4	10			1			
Октябрь												
2	Бутурлиновка				2	6				1		
4	Макогоново		1		3	7			1			
5	Сериково				1	8				2		
6	Колодевка					5						
7—19	Разведка и мелкие стычки				1	5						
19	ст. Таловая					3				1		
21	Алекс. поселок		1		4	21			4	14		
22	Алекс. поселок	1	1		10	35						
24	ст. Таловая		2		8	24			5	14		
26	пос. Бирючинск			1	1	4						
с 27.IX по 28. X —	отход на Гороховку				2	12	10					
Ноябрь												
28—30	Голиевка, Осетровка				5	25			5	5		
Декабрь												
1—3	д. Полтавская		2		7	16			3	5		
3—23	Отх. до Ростова				7	20	46		3	15		
ИТОГО с 11 сентября по 23 декабря		1	11	1	9	62	242	56	424	34	75	63

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ XII

А) ИЗМЕНЕНИЯ В СПИСОЧНОМ СОСТАВЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА ЗА 1919 ГОД

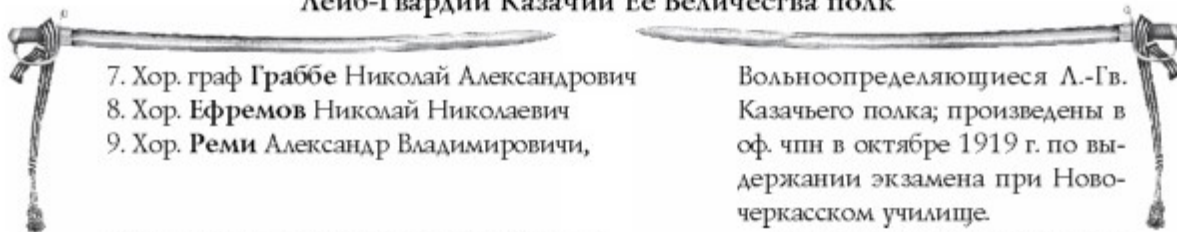
Зачислены в списки полка приказом по Войску Донскому,
в знак признательности Войска за их заслуги

1. Генерального Штаба ген.-лейтенант
Николай Григорьевич Чернозубов	Зачислен в знак благодарности Донского Войска за ликвидацию наступления красных на Донце в феврале 1918 года.
2. Командующий Вооруженными Силами
ген.-лейтенант Антон Иванович Деникин	Зачислены в знак благодарности Донского Войска за их боевую деятельность в совместной с Донск. Войском борьбе с большевиками.
3. Нач. Штаба К-цаго В.С.Ю.Р. Ген. Штаба
ген.-лейтенант Романовский.	
4. Генерального Штаба ген.-лейтенант
Федор Федорович Абрамов	Зачислен Донским Атаманом по ходатайству гг. офицеров полка.
5. Командующий Донской Армией
ген.-лейтенант Сидорин	Зачислен в знак благодарности В. Донского за изгнание большевиков в июне 1919 г. из пределов области Войска Донского.
6. Командир Гвардейской Казачьей бригады
ген.-майор Василий Аврамьевич Дьяков	Зачислен в списки, как бывший командир полка.

Зачислены в списки полка для службы в рядах

1. Есаул Шепетковский Иван Александрович	Коренной офицер полка с 1907 г.; вернулся в ряды полка в январе 1919 г.
2. Подъес. Кобиев Юрий Михайлович	Коренной офицер полка выпуска 1916 г.; вернулся в ряды полка в марте 1919 г.
3. Есаул Андриянов Валентин Петрович	Коренной офицер полка выпуска 1909 г.; вернулся в ряды полка в августе 1919 г.
4. Подъес. Жеребков Алексей Михайлович	Вновь принят в полк в апреле 1919 г.
5. Подъес. Моргунов Александр Степанович	То же — в июле 1919 г.
6. Хор. Анищенков Лев Иванович	То же — в сентябре 1919 г.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

<p>7. Хор. граф Граббе Николай Александрович
8. Хор. Ефремов Николай Николаевич
9. Хор. Реми Александр Владимирович,</p>	Вольноопределяющиеся Л.-Гв. Казачьего полка; произведены в оф. чин в октябре 1919 г. по выдержании экзамена при Новочеркасском училище.
<p>10. Хор. Фибрицкий Георгий Семенович
11. Хор. Жеребков Алексей Сергеевич</p>	Вольноопределяющийся Л.-Гв. Каз. полка; произведен в офиц. чин 2 ноября 1919 г. по выдержании экзамена в Новочеркасском училище.
12. Хор. Попов Иван Иванович	Из подхорунжих полка (кадр. лейб.-казак), по выдержании экзамена при Новочерк. учил. 2 ноября 1919 г.
13. Вольноопределяющийся граф Орлов-Денисов Владимир Васильевич	Для подготовки к экзамену на офиц. чин и зачислению в полк офицером.
14. Тит. сов. Ефремов Степан Федорович	По постановлению Войск. Круга для службы в строю.

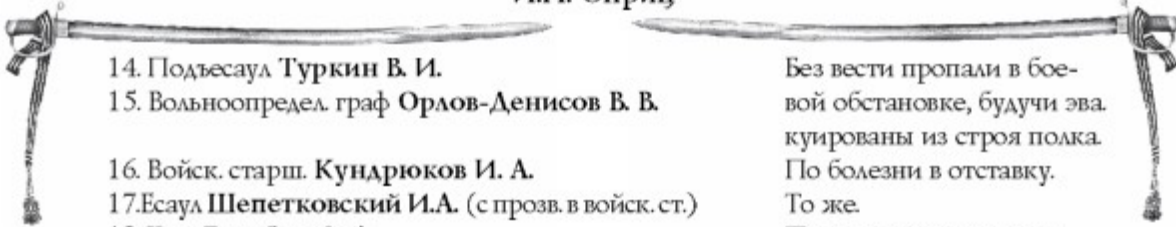
Прикомандированы к полку

<p>1. Шт.-кап. Тусевич Владислав Брониславович
2. Вольноопределяющийся граф Ребиндер</p>	Участвовал в рядах полка в боях весны и лета 1919 г., а затем откомандировался по своему желанию в Добр. Армию для службы в своей части.

Исключены из списков полка в течение 1919 г.:

<p>1. Есаул Пашков А.Т.
 2. Сотник Дубенцев Г.Ф.
 3. Сотник Саатыков К.К.
 4. Хорунжий Денисов Б.М.
 5. Сотник Усачев И.К.
 6. Хорунжий Филатьев В.Г.
 7. Сотник Анищенко А.И.
 8. Хорунжий Иловайский И.Д.
 9. Сотник Греков Б.П.
 10. Войск. старш. Болдырев А.Н.
 11. Есаул Боков П.А.
 12. Сотник Чекунов 3-й А.Я.
13. Хорунжий граф Граббе Н.А.</p>	Убиты В строю полка В боях 1919 года. Скончались от эпидемии.

И.Н. Оприц

14. Подъесаул Туркин В. И.	Без вести пропали в бое-
15. Вольноопредел. граф Орлов-Денисов В. В.	вой обстановке, будучи эва-
	куированы из строя полка.
16. Войск. старш. Кундрюков И. А.	По болезни в отставку.
17. Есаул Шепетковский И.А. (с прозв. в войск. ст.)	То же.
18. Хор. Балабин О. А.	Перевод в другие части.
19. Сотник Чернов И. А.	То же.
20. Подъес. Скалозубов В. Е.	То же.

К концу 1919 года в постоянной от А.-Гв. Казачьего полка командировке находились:

1. Полковник Номикосов	Командиром 1-го Донского Запасного конного полка.
2. Войск. старш. Андриянов	Командиром 1-й сотни того же полка.
3. Есаул Нарышкин	Комендантом полк. лазарета в Ростове.
4. Сотник Жеребков	Адъютантом Донского Атамана.
5. Войск. старшина Рыковский	Командиром Гв. Донской полусотни при Ставке Главкомандующего В.С.Ю.Р.
6. Сотник Ляхов	Взводным офицером той же полусотни.
7. Полковник Шамин	Начальником полкового тылового конского лазарета больных и раненых лошадей.

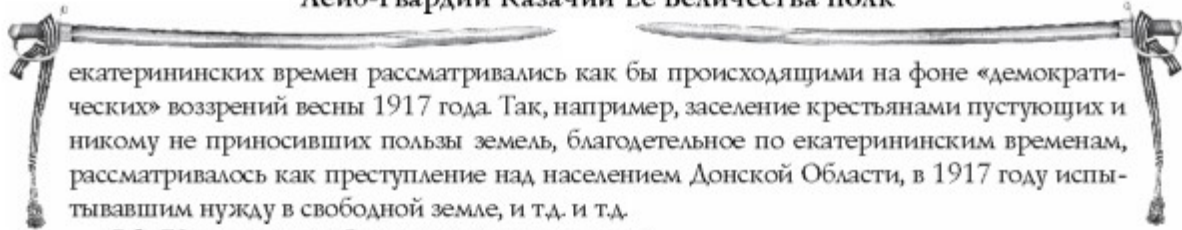
Б) ДОНСКОЕ ДВОРЯНСТВО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1919 ГОДУ.

В начале октября 1919 года Лейб-Гвардии Казачий полк получил несколько неожиданное пополнение в лице помощника предводителя дворянства Донецкого Округа С.Ф. Ефремова и профессора Новочеркасского Политехникума Богачева, «покаранных» Кругом за вызов на дуэль члена Круга П. Агеева.

С.Ф. Ефремов с 1918 года, как все Донские казаки, был мобилизован и служил в частях генерала Мамонтова. Последний, желая использовать знания Ефремова как коннозаводчика и знатока лошади, поручил ему ремонтное дело лошадей своего корпуса. По роду своей работы, для контакта с Управлением Донского Коннозаводства, С.Ф. Ефремов заезжал в Новочеркасск. В один из таких приездов он в газете «Донские Ведомости» прочел статью П. Агеева, где говорилось следующее:

«...Все эти Ефремовы, Иловайские, кои вопят о несправедливом отобрании у них земли, сами грабители, и отобрание у них земель будет отобранием накраденного у вора...» и далее в том же духе, с поношением предков С.Ф. Ефремова. По обычаю революционной интеллигенции, автором статьи пренебрегалась историческая перспектива, и события

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

екатерининских времен рассматривались как бы происходящими на фоне «демократических» воззрений весны 1917 года. Так, например, заселение крестьянами пустующих и никому не приносявших пользы земель, благотворное по екатерининским временам, рассматривалось как преступление над населением Донской Области, в 1917 году испытывавшим нужду в свободной земле, и т.д. и т.д.

С.Ф. Ефремов потребовал исправления статьи.

Агеев предложил обратиться в суд. Ефремов ответил вызовом на дуэль. Агеев обратился к защите Круга, изобразив дело не как личное С.Ф. Ефремова (как оно было в действительности), а как покушение богатых помещиков на его, члена Круга, жизнь.

Дальше приведем дословную выдержку из изданной в 1926 году в Москве книги донского писателя Калинина (как и сам Агеев, перешедшего на службу к большевикам и издавшего свою книгу в выполнение социального заказа своих новых господ):

«...Донские помещики решили разделаться с Агеевым открыто..

Оскорбленный зубр послал Агееву письмо с вызовом на дуэль.

Поступок помещика вызвал негодование среди законодателей, кои нашли, что это вызов всему Кругу.. Личная безопасность заставила членов Круга позабыть, что их учреждение законодательное, а не судебное, и приступить к роли судей в своем же собственном деле.. Резолюция гласила: Предложить Донскому Атаману землевладельца С.Ф. Ефремова лишить звания Донского казака и отправить его, в качестве рядового, в первоочередную воинскую часть, без права зачисления на нестроевые и тыловые должности.

Землевладельца Захарова и инженера Богачева также отправить в качестве рядовых в первоочередные части, без права зачисления в штабы и тыловые должности.

Фронт законодатели рассматривали как каторгу.

Недаром же фронтовики так ненавидели окопавшихся в тылу „хозяев..” (Справка: Калинин. «Русская Вандея». Изд. 1926 г. Москва.)

Захаров, не казак, отбыл по месту постоянной своей службы в Добровольческую Армию, а С.Ф. Ефремов с профессором Богачевым были отправлены в Штаб Донской Армии, где Начальником Штаба Донской Армии генералом Кельчевским, хорошо знавшим Ефремова по службе в корпусе генерала Мамонтова, были зачислены в Лейб-Гвардии Казачий полк.

В Лейб-Казачьем полку знали С.Ф. Ефремова как честнейшего и прямодушнейшего человека, и вся эта история привела всех только в веселое настроение.

Точка зрения тыловых деятелей на фронт, как на место наказания, конечно, не могла встретить в полку никакого сочувствия, и С.Ф. Ефремов, человек уже пожилой и по своему воспитанию штатский, был немедленно применен как помощник полкового казначея, освободив нужного для строя эту должность занимавшего офицера.

Профессор Богачев пробыл несколько дней при исходной полковой канцелярии, заболел в тяжелой форме сыпным тифом и был эвакуирован в Ростов.

* * *

Являлось ли столкновение С.Ф. Ефремова с Агеевым политическим выступлением донских помещиков-дворян?

Конечно, не являлось, ибо Донское дворянство, как политический фактор, сошло со сцены еще при Временном Правительстве.

Было, правда, образовано «Общество Донских казаков, занесенных в дворянские родословные книги», сохранившее архив и пользование одной комнатой бывшего Дворянского Собрания.

Напрасно, однако, было бы искать в относительно богатой литературе, рисующей условия борьбы с большевизмом на Дону, каких бы то ни было следов политической деятельности общества, ибо таковой не было.

Донское дворянство почти полностью входило в Донской офицерский состав, где дворяне — потомки Войсковой Старшины Екатерининских и Александровских времен — сливались с общей массой Донского Казачьего офицерства.

По своим политическим воззрениям донские дворяне были конечно монархистами и сторонниками Российского Великодержавия.

Несмотря на указанное обстоятельство, Донское дворянство не участвовало в 1918 году в попытке формирования на границах Дона так называемой «Южной Армии», формирования, предпринятого под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество».

Причин тому было две: первая это сознание Донским дворянством своей кровной связи и общности судеб с рядовым Донским казачеством. Вторая — реальная деятельность заправил Южной Армии, не только не выражавшая монархической идеи, но ей противоречившая. Монархический лозунг здесь совмещался с административной практикой, характерной для совершенно определенных взаимоотношений групп населения предреволюционных времен.

Этим отрицалась составляющая сущность подлинного монархизма — надпартийность и надсословность государственного, представляемого Монархом, начала.

В отношении земельного вопроса дворянство, конечно, не могло не понимать, что происшедшая российская катастрофа не может не изменить существовавших до революции отношений, и проявило готовность к жертвам.

Если Донское дворянство не могло понять, почему изменение земельных отношений должно быть сопряжено с поруганием предков, то это обстоятельство не может быть ему поставлено в вину.

Тем более что работе и деятельности старой, Екатерининских времен, войсковой старшины, основоположницы Донского дворянства, Войско было многим обязано. Так, именно разумной политике, выдвинутой Донским казачеством войсковой старшины, Донское Войско обязано сохранностью своих земельных прав, когда в те же Екатерининские времена старейшее Малороссийское Казачество, имевшее вдобавок и более солидные юридические основания на владение землей (в виде хотя бы прежних договорных грамот с польскими королями), не только утратило свою землю, но было и само упразднено.

Отметим, что и после принятия летом 1919 года Донским Кругом земельного закона, окончательно установившего безвозмездное отчуждение всей частновладельческой земли па Дону, донские дворяне продолжали так же жертвенно служить в рядах Донского офицерства, как и до принятия этого закона.

Последний факт никак не приходится объяснять лишь связанностью донских дворян их жительством с Доном, ибо если взять для примера Лейб-Казачий полк, то в числе во

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

имя высшего долга сложивших свои головы в его рядах были и такие донские дворяне, семьи коих или проживали, или имели недвижимое имущество за пределами России (Иловайские, граф Граббе и т.д.).

В) ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА 1-й ДОНСКОЙ КОННОЙ ДИВИЗИИ О ДЕЙСТВИЯХ Л.-ГВ. КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА В 1919 ГОДУ

Закончим главу XII отзывом Начальника 1-й Донской Казачьей дивизии, коренного лейб-казака генерала В.А. Дьякова:

«...В первых числах декабря 18 года закончился для молодого Лейб-Гвардии Казачьего полка второй, самый трудный период его существования — работа пешими и конными сотнями.

Хочется оглянуться на пройденный путь и еще раз проверить, что было полком за это время достигнуто.

Вновь сформированный весной 1918 года, под названием 1-го Донского, полк имел состав офицеров, в особенности старших, по преимуществу лейб-казачий. К этому же полку по своей службе принадлежал и я — командир этого вновь создаваемого полка. Этот состав и зоркое недреманное око начальника дивизии, тоже бывшего Гвардейского офицера — генерала Абрамова, и определило в дальнейшем все направление обучения и воспитания и внедрения традиций старых лейб-казаков полку новому.

Не из страха или угодливости, не из тщеславия, только в здоровом соревновании и стремлении к одной цели — поставить свой полк на должную высоту — весь офицерский и урядничий состав впряглись в тяжелую и ответственную работу. Последняя закипела. Результаты с каждой неделей давали о себе знать.

А посему, когда летом 1918 года приказом Атамана войска полк был переименован в Лейб-Гвардии Казачий, он с полным нравственным правом мог это переименование принять — психология полка и весь его внешний облик соответствовали вполне этому славному имени.

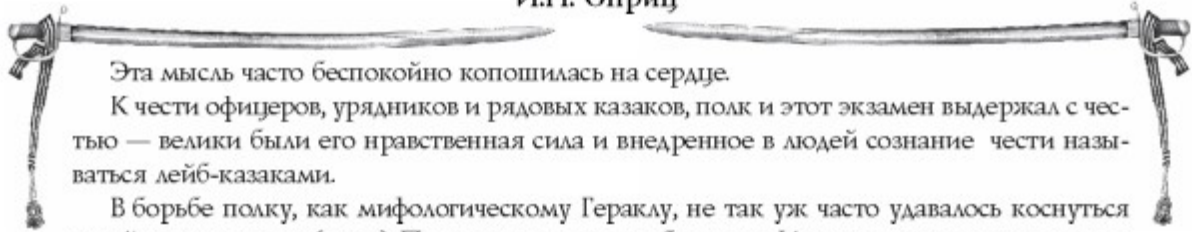
А ко времени вызова в феврале 1919 года на фронт — полк представлял собой крепко сбитое, прочное лейб-казачье целое.

Разделенный на две части — конные и пешие сотни, — полк от начала и до конца своих боевых действий работал дружно, всегда сохраняя чувство своего единства. Не помнится мне, чтобы были даже простые сетования на недостаточную поддержку одних другими. Славно работала пехота, и блестяще проявляла себя конница. По самой природе боя пехота несла, конечно, много большие потери, но и эта разница доли не вносила ни розни, ни неприязни. Вместе мы гордились каждым славным делом и славной смертью, и вместе оплакивали потерю каждого собрата.

Разумеется, за первые боевые выступления полка я не боялся. Я знал, что полк за себя постоит. Страх, но совершенно другого рода, появился позже, когда обозначились в полку невероятные потери боевые и утечка людей от сыпного тифа. Припоминаются другие части, выступавшие в порядке, терявшие свой состав, а с ним и вид, и значение, и... существование (стрелковые бригады, пластунские бригады и многие др.).

Выдержит ли молодой Лейб-Казачий полк это испытание? Не изменят ли новые пополнения его лейб-казачьей психологии, не угасят ли новые люди его славный дух?

И.Н. Оприц

Эта мысль часто беспокойно копошилась на сердце.

К чести офицеров, урядников и рядовых казаков, полк и этот экзамен выдержал с честью — велики были его нравственная сила и внедренное в людей сознание чести называться лейб-казаками.

В борьбе полку, как мифологическому Гераклу, не так уж часто удавалось коснуться своей матери-земли (тыла). Полк черпал силы в себе самом. И невзирая ни на какие потери и невзгоды, дух полка не утасал. Не менялся даже внешний его вид.

Впоследствии и командиром бригады и начальником дивизии я с гордостью всегда следил за все так же подтянутыми, бодрыми и опрятными людьми родного полка.

В непрерывных и очень часто неравных боях и переходах, косимый тифом, свой боевой состав полк приводил иногда к 150—200 штыков и шашек, — боеспособность и внешний вид всегда сохранялись.

Исполнительность и дисциплина их были те же, те же оставались и доблесть и жертвенность.

Приходили пополнения, подскребывались ближайшие тылы, вновь воскресал и порыв, и опять на полк было весело и радостно смотреть.

Пропуская в своей памяти всю вереницу полковых боев, я с той же гордостью могу сказать, что полк никогда не отказывался грудью своей защищать собрата ли по дивизии, другого ли кого, в его помощи нуждающегося.

Сколько за этот принцип было им крови пролито и жизнью положено..

Вечная память ушедшим.. И слава в живых оставшимся.

Генерал В. Дьяков».

Глава XIII

КУБАНЬ И НОВОРОССИЙСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ

Общая обстановка, сложившаяся с отходом на Кубань. — Разброд белого тыла. — Состояние вооруженных сил белых и красных и благоприятность для первых численного их соотношения. — Решающее значение невыхода на фронт кубанских пополнений. — Краткий очерк борьбы на фронте в январе и феврале и отход на Новороссийск. — Лейб-Гвардии Казачий полк в составе 1-й Донской дивизии передан в распоряжение Кубанского Атамана. — Действия полка против зеленых. — Краткая характеристика зеленого движения. — Недовольство донцов кубанцами. — Распоряжения Гв. Казачьей бригаде, исходящие от Кубанского Атамана по приводу в повиновение мобилизованных Кубанским правительством кубанских казаков. — Действия бригады. — Отход на Новороссийск. — Действия Атаманского полка и 6-й сотни Лейб.-Казачьего полка в движении на г. Анапу. — Бои полка под Новороссийском. — Погрузка полка и прибытие через Феодосию в Севастополь. — Смена Главкомандующих.

Наличие на Юге России взаимно независимых образований Добровольческой Армии, Дона, Кубани и Терека требовало создания какого-то достаточно авторитетного, объединяющего всех, общего правящего центра.

Реальное соотношение сил, боровшихся на Юге России с большевиками, было таково, что требовало наличия в составе общего центрального правительства очень значительного казачьего представительства. Последнее диктовалось далеко не только одним численным преобладанием казаков в составе вооруженных сил Юга. Сошлемся хотя бы на ценное утверждение генерала Деникина, который (С. 276 «Очерков») признает, что «...только самодеятельность народных и общественных сил могла составить перевес в борьбе с большевиками...»

Та же мысль несколько в иной форме высказана и ответственным членом Омского правительства Гинсом: «Власть должна быть орга-

низована так, чтобы все население (и главным образом крестьянство) сознавало бы, что оно участвует в строительстве новой жизни...» (Справка: Сибирь и Колчак. Гинс. С. 313.)

Действительность говорила, что из всего населения Российского Государства только исключительно одно рядовое казачество с его станичной и войсковой организацией проявляло необходимую широкую самодеятельность.

Участие казачества, представлявшего один из глубоких слоев русского народа, компенсировало органический недостаток Добровольческой Армии, вобравшей в себя лишь тонкие верхние и средние пласты русской интеллигенции и полуинтеллигенции, и придавало Белому Движению характер движения народного.

Генерал П.Н. Краснов, поставленный на пост Атамана рядовым казачеством, хорошо понимал значение последнего и отчет-

ливо признавал необходимость обидного для Юга с широким участием казачества правительства, почему и выдвинул проект Юго-Восточного Союза. С отстранением генерала Краснова проект этот не получал движения, пока 5 мая не был вновь выдвинут кубанцами. И на этот раз проект, стараниями окружения командования Добровольческой Армии, был похоронен*.

Некоторое содействие провалу проекта оказала Донская либеральная интеллигенция, игравшая со времени отстранения генерала Краснова руководящую роль в Круге. Председатель Круга Харламов, пользуясь угрозой, созданной в то время 10-й советской армией жизненному центру Области — Ростову, и испытываемой Доном острой нуждой в помощи Добровольцев, убедил Круг, что «было бы неудобно в данный момент идти против взглядов Главного Командования...»

* Российская общественность, окружавшая Командование Добровольческой Армии, не понимала, или, вернее, не хотела понимать необходимости считаться с рядовым казачеством. Даже самое значение участия в Белом Движении казачества умышленно умалялось: говорилось, что казаки-де поднялись на борьбу лишь в защиту своего быта и имущества, т.е. как бы только лишь на защиту своих «шкурных» интересов. Как будто мужественное и жертвенное отстаивание ценою собственной крови и жизни устоев быта уважающего себя свободного человека не составляло действительной защиты основ подлинной государственности? И как будто, хотя и высокопарная, но бездарная, пустая, не подкрепленная никаким путным делом, болтовня российских общественников, забивших все тыловые города Юга России, была сколько-нибудь достойна уважения?

Те же круги ставили в вину казакам неуравнение в правах пришлых крестьян, умышленно забывая, что вопрос об улучшении их благосостояния составлял долг общегосударственной власти и должен был быть ею разрешен отнюдь не за счет имущественных прав казаков.

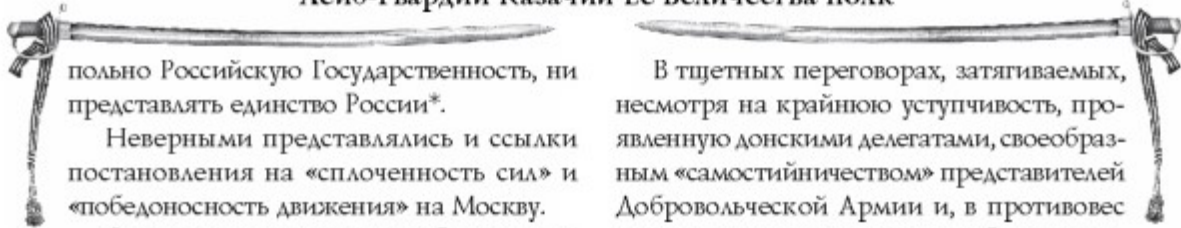
Однако 1 июня Круг постановил «считать неотложной задачей по заключению Союза в первую голову с Кубанью и Терекком, при дружном сотрудничестве с Главным Командованием В.С.Ю.Р. в деле общих задач по воссозданию единой Великой Родины — России».

Несмотря на такую точную, ясную и правильную формулировку, проект Союза был враждебно встречен группировавшимися около Добровольческой Армии российскими общественниками.

Постановление — протест соединенного заседания, 20 июня, центра и правых (Национальный Центр и Совет Государственного Объединения), поддержанное и левыми (статьи Председателя Союза Возрождения Мякотина), между прочими откровениями гласило: «Ныне, когда восстанавливается единство России, причем представителем ее в Сибири является Колчак, а на Юге Добровольческая Армия, сплотившая все антибольшевистские силы и победоноснодвигающаяся на Москву, возобновление вопроса о создании Южно-Русского Союза не только не оправдывается современной обстановкой, но политически вредно, так как препятствует воссозданию единой государственности...»

Это постановление настолько характерно, что заслуживает нескольких дополнительных строк:

Добровольческая Армия, при всей чистоте намерений ее основоположников, честиности и патриотизме ее возглавителей и высокой доблести ее основного офицерского кадра, опиравшаяся на партийный спектр полностью за 1917 год обанкротившихся пресловутых представителей «общественности», в действительности была только составною частью совокупности сил, боровшихся на Юге России с большевиками, почему не могла олицетворять ни моно-

польно Российскую Государственность, ни представлять единство России*.

Неверными представлялись и ссылки постановления на «сплоченность сил» и «победоносность движения» на Москву.

Отсутствие сплоченности бросалось в глаза, а победоносность движения на Москву была, как мы видели выше, весьма непрочной и условной, ибо выигрывалось лишь пространство, без уничтожения кадров живой силы противника, движение вперед шло по расходящимся направлениям и без создания прямого и прочного контакта с сколько-нибудь широкими массами освобождаемого населения.

Наконец, мысль о воссоздании Российской Государственности, вне контакта и прямого участия глубоких слоев населения, настолько нелепа, что объяснить ее одним возвышенно-патриотическим настроением российских общественников не приходится и нужно искать дополнительного объяснения.

Общественники... «захватывали лишь тонкий слой Русской интеллигенции, не проникая корнями своими в толщу народную...»**

Естественно заключить, что и мысль о возможности появления на Юге России правительства, опирающегося на мощный и организованный казачий глубокий слой подлинного населения, была им органически неприемлема.

Результатом указанного настроения явилась затяжка на бесконечность работ конференции по созданию Южно-Русской власти.

* Характерно, что при признании верховной власти адмирала Колчака Добровольческое возглавление выговорило себе широкую независимость и самостоятельность

** Генерал Деникин. С. 157.

В тщетных переговорах, затягиваемых, несмотря на крайнюю уступчивость, проявленную донскими делегатами, своеобразным «самостийничеством» представителей Добровольческой Армии и, в противовес им, упрямым упорством их кубанских антиподов, был потерян весь 1919 год.

В конце года общая обстановка резко изменилась.

«...Фронт катился на юг, Российская территория сокращалась, и стратегическая обстановка создавала все большую нашу зависимость от казачьих сил и настроений», — говорит генерал Деникин.

Казачество Дона, Кубани и Терека, отчаявшись в результатах работ конференции, образовало 5 января 1920 года в Екатеринодаре Учреждение Общего Верховного Круга, составленного из делегатов всех трех войск. Верховный Круг 16 января вступил в переговоры с Командованием Добровольческой Армии об образовании общего правительства Юга России.

Теперь генерал Деникин был уже склонен на широкие уступки: «...Никакие ограничения гражданской власти (командования в пользу казаков) невелики, если ими может быть достигнуто оздоровление казачества и победа над большевиками...» (Генерал Деникин. Ч. 2. С. 295.)

Однако «упущенное время смерти подобно», и хотя общее правительство и было в конце концов образовано, но в изменившейся коренным образом обстановке оно опоры себе найти не могло.

Не могло ему оказать сильной поддержки Донское войско, вообще игравшее руководящую роль в казачестве, но с отходом на Кубань и утратой своей территории уже не имевшее прежнего веса.

Не могло поддержать и Добровольческое Командование, после ряда катастрофических неудач и отхода на Кубань насчитыва-

вавшее в добровольческих рядах всего 10 000 штыков и не имевшее прежнего авторитета.

Выдвинулись вперед кубанские самостийники «с душами, отравленными плевелами, кои выросли из семян злобы и недоверия, сеявшихся днем за днем в течение трех лет...» (Генерал Деникин. С. 313.)

Самостийники эти имели весьма малый удельный вес в казачестве и в случае поражения большевиков несомненно бы автоматически сошли совсем на нет*, но при данных обстоятельствах подняли голову, проявив потрясающее убожество мысли, полное непонимание реальной действительности и исчерпывающе выявив... свою глубочайшую оторванность от рядового Кубанского Казачества.

Так неспособность своевременно сговориться по вопросу создания общего, равноавторитетного для всех правящего центра и точно формулировать ближайшие дороги и понятные рядовой массе цели — привела не только к невозможности поднять крестьянский слой, но и вызвала охлаждение к делу в рядовом казачестве.

Рядовая масса Кубанского казачества, еще так недавно несшая колоссальные жертвы и являвшая чудеса боевой доблести, предоставленная самой себе, потеряла веру в успех борьбы, впала в апатию и не шла больше ни за Командованием, ни за своими Кубанскими властями и избранниками.

Какова же была обстановка в действительности и исключала ли она возможность победы над большевистской армией?

* Генерал Филимонов, Кубанский Атаман, которому хорошо была известна закулисная деятельность кубанских самостийников, писал генералу Деникину: «Когда в мае сибирские войска подходили к Волге, наши самостийники сами приготовились сложить оружие...» (Генерал Деникин. С. 207.)

Изучение опубликованных материалов по этому вопросу и в особенности советских источников ныне дает исчерпывающий ответ: победа Белых была не только возможна, но еще никогда условия фронта и соотношения сил не были так благоприятны для В.С.Ю.Р. ...

Советские армии докатились до Дона в плачевном положении: потери в боях, страшнейшая эпидемия тифа, колоссальное дезертирство уменьшили численность их до 60 000.

Тыл отсутствовал, «...железные дороги, — говорят советские источники, — разрушенные противником, стали. Между Красной армией и центром образовалась пропасть в 400 верст, через которую ни провезти пополнения, ни произвести эвакуацию, ни организовать санитарную помощь было невозможно...»*

Советская армия была принуждена жить исключительно реквизициями и грабежом, что, разлагая ее, одновременно еще больше озлобляло и без того враждебное красным население тыла.

Район крестьянских восстаний, ослаблявших белый тыл, ныне ослаблял красный.

«Пехота красных была деморализована и выдохлась, и только конные армии Буденного и Думенко не потеряли боеспособности и активности», — говорит генерал Деникин.

Донесения с Юга Ворошилова Совнаркому не оставляют никаких сомнений в катастрофичности положения Красной армии, в случае необходимости отхода по враждебному тылу, в условиях полного развала и отсутствия жел.-дор. сообщения, осужденной на полную и конечную гибель.

Численное соотношение Белых было благоприятно нам: на главном театре, по Дону и Салу, против 60 000 красных генерал Деникин располагал 54 000 бойцов при

* Журнал «Военная наука и революция». Кн. 1-я, 1921.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

289 орудиях (Донская Армия — 37 000, Добровольческая Армия — 10 000, Кубанская Армия — 7000).

Рассмотрим настроения белых бойцов: Добровольческая Армия, сведенная в корпус, уменьшилась до 10 000 штыков, но при этом отпали все случайные, малоустойчивые элементы ее и за Дон отошел крепкий офицерский кадр Добровольческого офицерства, сохранивший полностью свою боеспособность.

Донская Армия, только что пережившая упадок духа, быстро оправлялась.

«С оставляющей Дон Донской Армией покидали свои очаги десятки тысяч казачьих семей. И нужно было видеть в декабре 1919 года бесконечные степные дороги, по которым тянулись сотни тысяч голов скота и овец, табуны лошадей и десятки тысяч подвод, нагруженных стариками, женщинами и детьми... чтобы понять трагедию Донского казачества», — пишет П.А. Скачков.

«Это был поток Донских казаков, вернее, их семейств и калмыков. Здесь народные массы, не желавшие подчиниться большевикам, уходили со своей территории, покидая свои станицы и хутора, это была грандиозная картина переселения целого народа, возвращавшая нас ко временам Средневековья...», — пишет Раковский (В стане Белых). С. 54—55).

«С пятидесятитысячной Донской Армией шел Атаман, Правительство, Войсковой Круг и свыше трехсот тысяч беженцев...», — говорит «Донская Летопись». (Т. 1. С. 7—8).

Совершенно естественно поэтому, что «...отход за Дон и некоторая передышка вдвое увеличили силу Донской Армии, успокоили нервы и вернули самообладание. А первые успехи вернули и активность...» (Генерал Деникин. Т. 5. С. 269).

Вопрос сводился только к кубанцам, выход коих на фронт, в подкрепление своей

растаявшей до 7000 штыков и шашек армии, решал дело, давая нужный перевес для перехода в победоносное наступление.

Кубанцы, охваченные апатией, на фронт не вышли..

* * *

5 января красное командование перешло в наступление, нанося главный удар в стык Добровольческой и Донской Армии.

Удар этот был 6 января отбит конницей генерала Топоркова (Кубанская дивизия, Терская дивизия и конная бригада генерала Барбовича) совместно с 3-м и 4-м Донскими корпусами.

Советское командование, убедившись в стойкости левого фланга белых, сосредоточило на нижнем Маныче конную массу Буденного и Думенко, поддержанных несколькими пехотными дивизиями.

Красная конница 14 января перешла Маныч.

Командующий Армией генерал Сидорин быстро парировал удар сосредоточив 6 конных дивизий, кои в боях с 16-го по 20-е января разбили ударную группу большевистской конницы, взяв много пленных и всю артиллерию 1-й советской конной армии. Один только 4-й Донской корпус, бывший под командой генерала Павлова, захватил 40 орудий.

Противник бежал за Маныч.

Советское командование, потеряв надежду опрокинуть фронт с северо-востока, перенесло удар еще восточнее, в направлении от Великокняжеской на Тихорецкую, и перешло здесь в наступление силами 10-й и 1-й конной армиями. генерал Сидорин перебросил в противовес свою сильную стойкую конную группу генерала Павлова в 10—12 тысяч коней.

3 февраля генерал Павлов, опрокинув Думенко, двинулся по нижнему Манычу на ст. Торговую.

Этот форсированный марш по левому берегу Маныча, безлюдному и не населенному, в жесточайший мороз и буря, погубил без боев конную группу, потерявшую за три дня переходов более половины состава людей и лошадей замерзшими, обмороженными и заболевшими*.

* Саморазгром активной конной группы ген. Павлова, представлявшей единственный маневренный резерв всего белого фронта, был чреват последствиями, и на нем стоит остановиться. В глазах Донских частей он не мог не явиться ударом по авторитетам Главнокомандующего генер. Деникина и командующего фронтом ген. Сидорина. Жертвого указанного настроения Донцов пал ген. Павлов.

Приведем рассказ участника злополучного похода ген. Секретева, заимствованный нами из записки начальника 1-й Донской ген. Дьякова.

Получив приказ двигаться по левому безлюдному берегу Маныча, ген. Павлов, по настоянию старших начальников, просил штаб фронта разрешить ему двигаться правым населенным берегом, на что согласия не получил. Ген. Павлов собрал старших начальников. Последние пришли к заключению, что штаб фронта не в курсе обстановки и что надлежит, вопреки настояния штаба, двигаться все же по правому берегу. И в этом случае, по их суждению, Буденный будет вынужден повернуть и принять бой в невыгодном для себя соотношении сил. (По подсчету ген. Секретева, 17 000 конных донцов против 14 000 у Буденного.)

Ген. Павлов ответил, что он слишком старый солдат, чтобы не исполнять приказаний начальника, и двинулся по пути, ему указанному штабом фронта. Результат был плачевным. Сцены замерзания и гибели людей и лошадей целыми взводами были кошмарны. Ген. Секретев определял количество выбывших из строя в 9000.

«...Настроение казаков по возвращении, — говорит ген. Дьяков, — было просто опасным и к ген. Павлову открыто враждебным. На военном совете старших начальников, названном впоследствии «бунтом Донских генералов», последние предложили (посоветовали) генералу Павлову, ввиду создавшегося положения, сложить командование.

Генерал Павлов уступил, и командование принял популярный среди рядовых казаков ген. Секретев. В виде репрессий последний был штабом смещен и заменен ген. И. Поповым...»

Попытка захвата Торговой не удалась, и генерал Павлов вернулся в район ст. Егорлыцкой.

7 февраля Добровольческий корпус стремительным наступлением овладел Ростовом, взяв 22 орудия, 163 пулемета, 6 бронепоездов и 4000 пленных, а Донской корпус генерала Гусельщикова, на путях к Новочеркаску, захватил станицу Аксайскую, взяв 15 орудий, 20 пулеметов, 2000 пленных, двух начальников дивизий, штаб 13-й советской дивизии и полевой штаб 8-й армии.

Однако, успех левого фланга не мог поправить неудачи на правом, где 1-я конная армия Буденного, совместно с 10-й советской армией, выставив заслон против временно небоеспособной конницы генерала Павлова, двигалась вдоль жел. дороги Царицын—Тихорецкая, имея против себя лишь слабые части Кубанской армии, не пополняемые с тыла и быстро распадавшиеся, несмотря на большую доблесть,* проявленную некоторыми их остатками.

Ослабленная конная группа генерала Павлова 12 февраля, у Горькой Балки, сделала отчаянную попытку остановить движение выходящего в тыл белого фронта Буденного, но после тяжелого боя, потеряв почти всю артиллерию, была вынуждена отойти.

Неудача правого фланга и выход крупной массы конницы противника в тыл предрешили и дальнейший ход событий:

16 февраля был оставлен г. Ростов и начат общий отход белого фронта, скоро обратившийся в стихийный поток вооруженных отрядов, обозов, безоружных толп и огромных беженских таборов, неудержимо стремившийся на Новороссийск.

* Геройская гибель штаба 1-го Кубанского корпуса во главе с командиром корпуса генералом Крыжановским под Белой Глиной хорошо изложена в советской книге Б. Майстраха «Маныч. Новороссийск».

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Обрисовав возможно коротко общий ход событий, вернемся к деятельности Лейб-Гвардии Казачьего полка.

Как было указано в предыдущей главе, 1-я Донская дивизия с оставлением Донской области была сосредоточена в районе станицы Екатерининской Куб. обл., где получила пополнение и спешно готовилась к выступлению на фронт.

Во главе дивизии стоял генерал-майор В.А. Дьяков. Лейб-Казачьим полком командовал генерал-майор В.И. Фарафонов (5 февраля он вступил в исполнение должности командира Гв. Казачьей бригады, а во временное командование полком вступил полковник К.Р. Поздеев). Из штаба офицеров в полку состояли налицо — полковник В.В. Кононов и принявший заведывание хозяйством полковник Н.П. Воронин. Полк первоначально был развернут в составе двух полных конных сотен (№ 1 — есаул Агафонов и № 6 — есаул Кундрюков), позднее, в конце февраля, была добавлена конная сотня, составленная из слабосильных лошадей (№ 3 войсковой старшина Б.Ф. Дубенцев). Пулеметной командой командовал есаул Евфимьев.

В полку шла лихорадочная работа по приводу сотен в порядок и велись интенсивные строевые занятия.

Разболтанным условиями Гражданской войны казакам поступившего в полк пополнения регулярные занятия и строгий порядок в полку были не по душе, и в первые недели наблюдалось своеобразное явление — дезертирство в полки, находящиеся на фронте, к своим станичникам. Командиры полков на фронте дорожили каждой лишней винтовкою и шашкой и беглецов не выдавали.

Да и не только командиры полков фронта, но и сам командующий армией генерал Сидорин не считал нужным вернуть 8 труба-

чей, бежавших из полка с музыкальным инструментом и самовольно зачислившихся в хор, созданный при штабе Армии для развлечения командующего*. Работа офицерского состава быстро дала свои плоды, и к концу января полк представлял собою хорошо сбитую воинскую часть, ожидавшую выдвижения на фронт. Несколько неожиданно, 26 января, вся 1-я Донская дивизия была выделена из состава Донской Армии и передана генералом Сидориним в распоряжение Кубанского Атамана генерала Букретова, нуждавшегося в надежной воинской части для борьбы с зелеными, приступившими к действиям в непосредственной близости Екатеринодара.

Полк в составе 1-й дивизии 27 января погрузился на ст. Крыловской в эшелоны и двинулся через Екатеринодар в станицу Ильскую, куда прибыл 31-го.

* * *

Проездом через Екатеринодар семейные офицеры получили возможность повидать свои семьи. Здесь стоял эвакуированный из Ростова лазарет полка. Разместить его в городе за забитостью последнего тыловыми и правительственными учреждениями не удалось, и лазарет размещался в вагонных теплушках, поставленных на запасных путях станции Екатеринодар. При лазарете жили эвакуированные с Дона семьи офицеров, девять кои больше было некуда. Первые дни прибытия лазарета в Екатеринодар были кошмарны. Вся станция и запасные

* На фронт специально командирован был от 1-й дивизии полковник Шамин, разыскивавший и отбиривший казаков годов призывов, соответственных службе в постоянной Донской Армии. За месяц работы ему удалось вернуть лишь 160 казаков.

пути были забиты эшелонами, полными сыпнотифозными и ранеными. Лазареты в городе были переполнены, и о вновь прибывших никто не заботился. Эшелоны стояли по несколько дней, не получая не только пищи, но не имея возможности достать даже горячей воды. Два дня стоял неразгруженным длинейший санитарный поезд, где мертвецы лежали вперемежку с умирающими, в котором слег в тифу весь медицинский персонал, а уцелевшие санитары разбежались. Раненые и больные, предоставленные себе, от холода, голода и отсутствия ухода быстро вымирали. Станционные сараи были забиты трупами.

Характерен нижеследующий случай: в семье полковника В.В. Кононова, находившейся при лазарете, опасно заболел ребенок. При содействии офицера полка подьесаула Жеребкова, адъютанта генерала Богоевского, удалось получить автомобиль Донского Атамана, на котором мать отправилась в город за доктором-специалистом по детским болезням, не рискуя в мороз и свирепствующую вьюгу взять с собою ребенка, температура коего поднялась под 40 градусов. Ни один из докторов Екатеринодара, несмотря на мольбы матери, не согласился ехать на станцию, считая весь район вокзала зараженной местностью.

Ребенок умер.

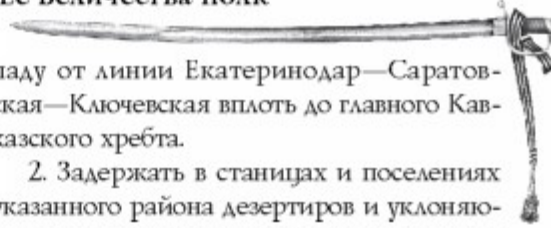
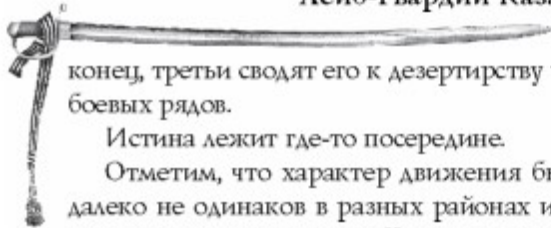
В числе однополчан, скончавшихся от сыпного тифа за время пребывания лазарета полка в Екатеринодаре, отметим младшего врача Виноградова и в особенности полкового священника протоиерея отца Сергея Лебедева. Смерть этого преданнейшего полку человека, делившего с офицерами с 1914 года все тягости Великой и Гражданской войн, была большой потерей. Отец Сергей обычно в боях не отделялся от передового перевязочного пункта, где нес обязанности не только духовника умиравших,

но и рядового санитаря, облегчавшего физические страдания раненых.

В конце 19 года, за громадной убылью офицеров, он заведовал скромным, уместившимся в одной двуколке, офицерским полевым собранием, и благодаря его энергии и заботам скрашивалась полная лишений жизнь офицера на фронте. В боях октября и ноября отец Сергей мужественно и с большим авторитетом даже командовал всем обозом 1-го разряда полка, что по условиям боев того периода являлось ничуть не более безопасным, нежели пребывание в строю. Он полностью вошел в офицерскую семью, был на «ты» решительно со всеми офицерами и стоял на большой высоте, как уважаемый всеми духовный пастырь. Ни в Великую, ни в Гражданскую войну не проходило ни одного Великого поста, когда отец Сергей не провел бы обязательного для каждого офицера и казака ежегодного говенья, исповеди и причастия. Стоило полку только занять какую-либо деревню, где имелась церковь, как отец Сергей, не обращая внимания на превратности боевой обстановки, торжественно служил в ней обедню или молебен, неизменно поминая молитвой убиенного Державного Шефа и всех павших в боях однополчан.

В Екатеринодаре эшелоны полка простояли сутки и 31-го прибыли в Ильскую, откуда полк со следующего дня начал серию экспедиций против зеленых.

В рамки настоящего очерка не входит подробный разбор движения, известного под именем «зеленого». Некоторые исследователи зеленого движения усматривают в нем черты начального противобольшевистского подъема в крестьянстве, другие, наоборот, считают пробольшевистским и, на-

конец, третьи сводят его к дезертирству из боевых рядов.

Истина лежит где-то посередине.

Отметим, что характер движения был далеко не одинаков в разных районах и в разные периоды времени. Что касается зеленого движения в Черноморье и на Кубани рассматриваемого времени, то, судя по фактам его субсидирования большевиками*, прямой связи с последними**, участие некоторых кубанских деятелей агитаторов за невыход кубанских казаков на фронте (Пилюк, Савицкий) и, наконец, по малой численности и слабости зеленых активных групп***, оно имело здесь характер пробольшевизма и дезертирства.

3 февраля был получен нижеследующий приказ Кубанского Атамана ген. Букретова.

Кубанского Войска
Войсковой Атамана
Кубанского
№ ОЗОЗ-К

3 февраля 1920 г. Начальнику 1-й Донской Казачьей Дивизии.

г. Екатеринодар

На Вас возлагаются следующие задачи:

1. Очистить от зеленых район к Югу от жел. дор. Екатеринодар—Тунельная и к За-

паду от линии Екатеринодар—Саратовская—Ключевская вплоть до главного Кавказского хребта.

2. Задержать в станицах и поселениях указанного района дезертиров и уклоняющихся от явки по призыву, отправляя их под конвоем в гор. Екатеринодар Атаману Отдела и предавая наиболее виновных, а также подстрекателей к неповиновению властям, военно-полевому суду.

3. Взять от населения по бесплатной реквизиции всех подлежащих поставке лошадей и все седла, отправить все это Атаману Екатеринодарского Отдела.

4. Арестовать и препроводить в Екатеринодар, в случае обнаружения, следующих лиц: сотника Пилюка, есаулов Петра и Павла, Степ. Рябоволова; есаула Луку Удовико, хорунжего Ив. Манжулу, подх. Павла Стуса, вахм. Ищенко, казаков Саенко, Ливадии, Левень, Тим. Россомаху, Ив. Подгирняго, Петра Удовико, Гр. Рахманя, Гр. Стуса, Кн. Бобаки, Виктора Гуровича, Галушко и Запорожца.

Далее в приказе изложен порядок исполнения задачи. Приказ подписали: Войск. Атаман Кубанского Войска Ген. Штаба ген.-майор Букретов и Упр. Воен. Ведомством Ген. Штаба ген.-лейтенант Болховитинов.

В исполнение приказа, Начальник дивизии генерал Дьяков расположил 2-ю бригаду на переход южнее Екатеринодара, а Гв. Казачью бригаду поставил в ст. Ильской, откуда полки дивизии повели разведку во все пункты появления зеленых.

Борьба с зелеными была трудна тем, что гористая и сильно поросшая лесом и кустарником местность была проходима для конницы лишь по узким, обычно лежащим в лощинах, дорогам. Кроме того, зеленые боя никак не принимали и при первом известии о появлении вблизи отряда немедленно разбегались и скрывались в леса.

* Денежные суммы поступали через Селезнева из ростовской организации большевиков.

(Справка: Доклад Разв. Отд. Куб. Войск. Штаба от 2 февр. 1920 г. № 609; Имеется в архиве Музея Л.-Гв. Казачьего полка).

** Связь Пилюка с советскими представителями им признана в переговорах 6 марта 1920 г. с офицером Штаба Донской Армии. (Справка: Н-к Разв. Отд. Донской Армии Добрынин. «Борьба с большевизмом». С. 106).

*** Всего в Черноморье и Кубани существовало 5 активных групп: 1-я, Геленджик — 400 штык, 2-я, Широкая Щель — 300 400 штык, 3-я и 5-я группы — Попайка — Ильская — Холмская — 600 штык, 60 сабель, 10 пулеметов, 4-я группа, Новороссийск — 400 штык. (Справка: вышеупомянутый доклад Разв. Отд. Куб. В.)

Однако были случаи и удач. Так, 6 февраля по тревоге в станицу Дербентскую, куда вошел отряд зеленых Пилюка, была брошена сотня атаманцев под командою войскового старшины Иванова.

Верстах в трех от станицы атаманцы опрокинули разъезд зеленых и на его плечах ворвались в станицу, где зеленые, не ожидавшие столь стремительного появления донцов и митинговавшие с жителями на центральной площади, атакованные Атаманской сотней, шедшей в атаку прямо по центральной улице в колонне по три, после небольшой перестрелки бежали в горы, оставив на месте несколько десятков своих зарубленных.

Атаманцами, потерявшими лишь двух казаков ранеными и несколько убитых и раненых лошадей, был взят один пулемет и отбита уже забранная зелеными станичная казна.

7 февраля удачное столкновение с зелеными имел отряд лейб-казаков полковника Кононова в окрестностях ст. Убинской — пос. Азовский, действовавший в пешем строю. Зеленые бежали, но отряд захватил весь их обоз в 23 лошади и 9 подвод и 10 пленных.

Тем временем, в связи с ухудшающимся положением дел на фронте за невыходом в строй кубанцев, а также в связи с крайним негостеприимством, выказанным Кубанью по отношению к Донским казакам-беженцам, недовольство донцов кубанцами ширилось*.

* Выдержка из речи донского делегата Янова на Верховном Круге «У вас, кубанцев, нет души. Вы — лицемеры. Посмотрите на наших беженцев. Помогли ли вы им? Они на казались родной им Кубани получили вместо хлеба камень. Души кубанцам мы не вдохнем и не зажжем их. Уйдем с Кубани...»

10 февраля, на заседании Верховного Круга, донская фракция поставила кубанцам ультимативный вопрос — намерены ли они вообще воевать с большевиками, оставляя за собою в противном случае свободу действий.

Некоторые делегаты донцы угрожали расправой с Кубанскими станицами.

Кубанцы изъявили согласие бороться с «Кубанской болезнью» и даже допустить Донские вооруженные отряды для принуждения кубанских станичников к выходу на фронт.

Следствием этого соглашения явилось нижеследующее приказание, отданное им 10 февраля, Кубанского Атамана генерала Букретьова*.

«Начальнику 1-й Донской Казачьей дивизии — Дополнение.

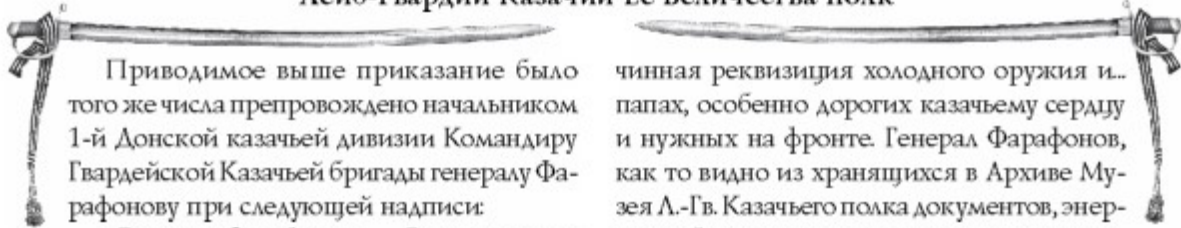
В Таманском отделе казаки 3-го и 4-го Таманского полков забыли свой долг и начали дезертировать из полков, расположенных в станице Славянской. Предлагаю двинуть в район станицы Славянской бригаду вверенной Вам дивизии и произвести чистку станиц Таманского отдела от дезертиров и зеленых, войдя в сношение с Атаманом Таманского отдела.

Всех зачинщиков дезертирства и атамана станицы Славянской Клименко немедленно арестовать и предать Военно-Полевому Суду.

Членов Кубанской Краевой Рады Атамана Ст. Полтавской сотника Крикуна и члена Рады Щербака арестовать и отправить в Екатеринодар для предания Суду Краевой Рады.

Войск. Атаман Ген.-Майор Букретьов».

* Подлинное приказание за подписью ген. Букретьова хранится в Архиве Музея Л.-Гв. Казачьего полка.

Приводимое выше приказание было того же числа препровождено начальником 1-й Донской казачьей дивизии Командиру Гвардейской Казачьей бригады генералу Фарафонову при следующей надписи:

«Генералу Фарафонову — Во исполнение приказания генерала Букретова, предлагаю Вам с вверенной Вам бригадой выступить во исполнение задачи. Арестовывать и предавать суду всех препятствующих исполнению задачи бригады, кроме членов Рады и Крута, коих арестованными препровождать ко мне в Екатеринодар. генерал Дьяков. 10 февраля 1920».

Во исполнение этого приказания, генерал Фарафонов, оставив в Ильской обоз и небольшую команду с полковником Ворониным, двинулся 13 февраля с 2-мя сотнями лейб-казаков и 3-мя сотнями атаманцев через хутора Львовские и ст. Мингрельскую на станицу Славянскую.

По дороге, как и при стоянке в районе Ильской, производились поиски дезертиров и военнообязанных, не исполняющих приказ Кубанского Атамана.

Поиски давали скромный результат, ибо главная масса дезертиров еще при приближении бригады заблаговременно скрывалась в окрестные камыши и хутора.

Производились одновременно и обыски, однако и они давали небольшой результат, ибо вообще сыск и обыск не составляют дела строевой части и должны бы были проводиться какими-либо специальными органами Кубанского розыска, коих бригаде придано не было.

Обнаружилось еще одно грустное явление: рядовые казаки-донцы были сильно озлоблены невыходом на фронт кубанцев, почему часто обыски переходили в злоупотребления и к предписанной Кубанским Атаманом реквизиции огнестрельного оружия, седел и лошадей, прибавилась само-

чинная реквизиция холодного оружия и.. папах, особенно дорогих казачьему сердцу и нужных на фронте. Генерал Фарафонов, как то видно из хранящихся в Архиве Музея Л.-Гв. Казачьего полка документов, энергично боролся с этим злом, однако его приказы принимались к строгому исполнению лишь в Л.-Гв. Казачьем полку, где внутренний порядок был на большой высоте.

К 20 февраля бригада подошла к ст. Славянской, где стояло лагерем в барках около 5000 казаков Таманского Отдела, отказавшихся исполнить приказ Атамана о выходе на фронт. В станице некоторыми членами Рады велась агитация за присоединение к зеленым, и, по некоторым данным, Пилюк и Савицкий именно здесь рассчитывали получить сильное пополнение, необходимое им для движения на Екатеринодар.

Лагерь должен был быть ликвидирован в кратчайший срок, и прибывшему из Екатеринодара Начальнику 1-й Донской дивизии генералу Дьякову не оставалось иначе другого, как, не останавливаясь перед крайними мерами, добиться исполнения приказа Кубанского Атамана.

Находящиеся в лагере кубанцы численно во много раз превышали 5 сотен донцов Гв. Бригады, но они представляли собою вооруженную, сбитую с толку толпу, тогда как Донская бригада представляла сплоченную воинскую часть, почему и перевес был на стороне последней. Поставив на позицию два орудия и 4-мя сотнями окружив лагерь, генерал Дьяков с одной сотней подъехал к выстроенным по его требованию кубанцам.

Выделив полк, по полученным сведениям наиболее большевистствующий, генерал Дьяков потребовал выдачи зачинщиков, дав известное время на размышление.

Время истекло — зачинщики выданы не были.

Генерал Дьяков вызвал вперед полевой суд в составе полковника Жирова и 4-х казаков и урядников, который после минутного совещания постановил: каждого 50-го в рядах подвергнуть расстрелу, а каждого десятого выпороть плетью. Председатель суда полковник Жиров сам отсчитал ряды, после чего здесь же перед строем 6 человек были расстреляны, а 36 выпороты плетью.

Одновременно, согласно приказу генерала Букретова, был арестован станичный атаман Динченко и член Рады Щербак.

Оцепление было снято, и на следующий же день лагерь двинулся на фронт.

В записках генерала Фарафонова читаем: «Согласно приказа генерала Букретова, я приказал арестовать атамана ст. Славянской Лейб-Казачьему полку, а члена Рады Щербака Атаманскому полку и доставить их в поезд генерала Дьякова для отвоза в Екатеринодар. лейб-казаки в точности исполнили приказание, и станичный атаман был сдан Сотником Прокофьевым Командиру бронепоезда под расписку для доставки в Екатеринодар. Члена Рады Щербака Атаманцы опоздали доставить на станцию, и мною было приказано взять его с собою в Троицкую, куда бригада шла на ночлег. Здесь я получил телеграфное распоряжение генерала Букретова Щербака освободить и послал соответственное приказание Атаманцам, однако ко мне прибыл Командир Атаманского полка, доложивший, что Щербак при попытке к побегу застрелен.»

Этот случай вызвал ряд резко враждебных Донской бригаде выпадов в печати ряда членов Рады. Донская бригада действовала в исполнение распоряжений Кубанского Атамана, и членам Рады, если они желали, ничего бы не стоило усилить кубанский элемент в экспедиции, ругань же в печати по адресу Донской бригады, являвшейся в данном случае органом Кубанской исполни-

тельной власти, лишь подрывала авторитет последней. Мобилизованные бригадой Кубанцы, видя такую неразбериху в собственных правительственных верхах, возвращались с пути обратно, не доезжая до фронта.

Из Троицкой бригада должна была двигаться против зеленых на Крымскую, однако, согласно полученного нового приказа, двинулась обратно на Славянскую, Ивановскую, Новомышастовскую и Марьевскую (ввиду появления в последних станицах Пилюка и Савицкого).

22 февраля бригада заняла ст. Ивановскую, легко выбив передовыми разъездами отряд в 150—200 конных Савицкого, поспешно бежавший на Марьевскую, где с отрядом зеленых было обосновался Пилюк. При приближении бригады Пилюк и Савицкий ночью бросили Марьевскую и, переправившись через Кубань, бежали на Юг, уничтожив за собою паром.

На станцию Марьевскую за укрывательство Пилюка, в первый раз за всю экспедицию, была наложена контрибуция в виде суточного прокормления людей и лошадей бригады.

24 февраля бригада выступила через Екатеринодар на Георгие-Афинскую и на Ильскую. В ночь на 26-е бригада, находившаяся в Георгие-Афинской, была разбужена орудийной стрельбой. То рвались на станции Северной снаряды кем-то подожженного эшелона с боевыми припасами. Бригада двинулась на рысях, однако ранее ее к месту взрыва прибыл бронепоезд, при приближении которого банда зеленых, если она вообще там была, разбежалась.

К вечеру в тот же день бригада прибыла в Ильскую, где полк ждал приятный сюрприз: прибыло 500 комплектов обмундирования из Новороссийска; полк, сильно обтрепавшийся, облекся в новое обмундирование.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

27—28-го и 29-го бригада вела разведку в районах, южнее Дербентской и Убинской. Этим, собственно, и кончились действия бригады против кубанских зеленых, ибо на следующий день пришло приказание переходить в Новороссийск, где стать в резерв Главкомандующего.

Дабы закончить описание действий против зеленых, приведем выдержку из донесения генерала Фарафонова Начальнику 1-й Донской дивизии от 29 февраля 1920 г.

«Зеленые не представляют никакой серьезной силы, сопротивления не оказывают, действуют пешими с малым количеством всадников, недостатку пулеметов заменяют трещотками (для создания впечатления пулеметного огня). Захватывать их отряды почти не представляется возможным: при закрытии им путей отступления разбегаются, лезут в горы и ущелья, покрытые густым лесом и кустарником. Действия в горах для нас тяжелы, конные двигаются в один конь, цепляясь за кусты, местами движение только в поводу. Пулеметы перевозили, переложив на санки, необходимы выюки, коих у нас нет. Артиллерия необходима только горная, наша в экспедиции участвовать не может, ибо для ее протаскивания приходилось рубить деревья, и она действовать не могла...»

1 марта бригада через Ахтырскую, Крымскую и Нижне-Баканскую, не спеша, небольшими переходами, двинулась в предместье Новороссийска Мефодиевку, куда прибыла 6 марта.

На переходе к Крымской обоз 4-го Донского полка подвергся нападению зеленых, легко отогнанных разездом подвесаула Ротова.

В Крымской Гвардейская бригада простояла два дня (2 и 3 марта), генерал Дьяков произвел здесь смотр бригаде и пришедшей в станицу дивизии генерала Чеснокова. Части представились в полном порядке.

7 марта в Мефодиевке Лейб-Казачий полк смотрел Донской Атаман генерал Богаевский. После смотра, прошедшего блестяще, генерал Богаевский был приглашен офицерами полка на ужин. Несмотря на безотрадность общей обстановки, или, вернее, наперекор ей, Донской Атаман был принят широко. Был подан сытный ужин, играли трубачи, и создалось приподнятое настроение.

Атаман неоднократно благодарил за блестящий порядок в полку и произвел нескольких офицеров в следующий чин.

В заключение генерал Богаевский, коренной офицер Л.-Гв. Атаманского полка и бывший Командир Л.-Гв. Сводно-Казачьего, выразил горячее желание числиться в списках Лейб-Гвардии Казачьего полка. По полковому обычаю Командир полка с разрешения Атамана провел вопрос через голосование всех офицеров, тут же выразивших свое согласие и поднесших Донскому Атаману полковой нагрудный знак.

Вечер закончился звуками полкового марша, сопровождавшего заключительные здравицы.

Кончился праздник, и наступили будни.

Уже из слов Атамана явствовало, что положение фронта безнадежно и эвакуация в Крым предрешена. В словах генерала Богаевского сквозило явное сомнение в возможность ее осуществления полностью, чувствовалась недоговоренность, неуверенность и... некоторая растерянность.

То, что офицеры и казаки сами видели в Новороссийске, было малоутешительно.

В эти тревожные дни полк еще теснее сплотился: казаки молчали и жались к офицерам. «Мы, офицеры, — читаем в записках

генерала Поздеева, — по отъезде Атамана обменялись впечатлениями и дали друг другу слово не грузиться без своих казаков и в случае неудачи разделить с ними общую участь...»

К приходу лейб-казаков в Мефодиевку город Новороссийск уже был забит тыловыми частями и чувствовался сильный недостаток в фуражке и продуктах. Интенсивно шла с помощью союзников эвакуация больных, раненых и гражданского элемента. Кораблей было мало, и была ясна необходимость направить часть войск, подлежащих эвакуации, на Гаман, где ширина Керченского пролива, отделявшего Кубань от Крыма, была невелика и где богатые транспортные средства Керчи легко позволили бы быструю переброску в Крым значительных масс.

Уже директивой от 4 марта генерал Деникин приказал Добровольческому корпусу при отходе за Кубань прикрыть у Темрюка Таманский полуостров. Директивой 7 марта он вновь приказал Добровольческому корпусу частью сил занять Таманский полуостров и прикрыть дорогу от Темрюка.

Обе директивы Добровольцами не только были оставлены без исполнения, но, говорит генерал Деникин (С. 344), «Добровольческий корпус, ослабив сильно свой левый фланг, обратил главное внимание на дорогу Крымская—Тонельная, в направлении железной дороги на Новороссийск».

Движение Донских корпусов на Тамань не только запоздало по времени, но и вообще было невыполнимо: от расстроенных отходом Донских корпусов было невозможно требовать выполнения своеобразного «шассе круизе» с Добровольческим корпусом, да еще притом посредством флангового марша по отношению к наступающему противнику...

В результате «11 марта Добровольческий корпус, два Донских и присоединивша-

ся к ним Кубанская дивизия... сосредоточились в районе Крымской, направляясь всей массой на Новороссийск. Катастрофа становилась неизбежной* и неотвратимой», — резюмирует генерал Деникин (на с. 344 своих «Очерков»).

9 марта Начальник 1-й Донской конной дивизии получил следующее срочное приказание**:

«Главком приказал 1-й Донской Казачьей дивизии выступить девятого сего марта на Таманский полуостров, имея задачей —

ПЕРВОЕ — срочно особым сильным офицерским разездом произвести рекогносцировку южной дороги на Тамань через Благовещенскую запятая результаты рекогносцировки срочно сообщить по телеграфу из Анапы Комкор Дон и Штаглав.

ВТОРОЕ — особым заслоном у Ахтанизовской преградить противнику путь на Тамань по северной дороге и

ТРЕТЬЕ — очистить Таманский полуостров от зеленых точка Дивизия переходит в непосредственное подчинение Главкому точка. За ориентировкою и подробными

* Катастрофа стала неотвратимой лишь 11 марта. Как мы видели выше, 1-я Донская дивизия с дивизией генерала Чеснокова уже 2 и 3 марта находилась в районе ст. Крымской.

Дивизия не участвовала в боях с декабря и была в полном порядке.

Непосредственно за дивизией шли 1, 2 и 3-й запасные Донские полки, кои можно и должно было влить в ряды 1-й дивизии.

Выдвижение 1-й Донской дивизии 4 марта (или хотя бы до 7 марта) на Варениковскую переправу (35 верст от Крымской) и Темрюк (еще 20 верст) на левый фланг добровольческого корпуса надежно обеспечивало бы замкнутый водными преградами Таманский полуостров и делало бы вывод войск на Керчь легко осуществимым.

** Подлинное приказание хранится в Арх. Музея Л-Гв. Каз. полка.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

указаниями Вам надлежит прибыть в поезд Главкома 9 с. марта в 9 час утра. Новороссийск 9 марта 1920 Нр. Романовский».

Во исполнение приказа генерала Романовского, авангард 1-й дивизии в составе Л-Гв. Атаманского полка (генерал Хрипунов), 6-й сотни Л-Гв. Казачьего (есаул Кундюков) и эскадрона Л-Гв. Конно-Гренадер, всего 427 сабель, 78 штыков при 10 пулеметах 9-го занял Раевскую и 10 марта к 3-м часам дня — Анапу, выбив занимавших город зеленых.

Остальные части 1-й дивизии сосредоточились 10 марта в Раевской, войдя в подчинение генералу Барбовичу, который, одновременно с выдвижением атаманцев на Анапу, должен был занять Гостогоаевскую станицу*.

Заняв Анапу, атаманцы приступили к очистке города от прятавшихся в нем зеленых. Совершенно неожиданно со стороны ст. Анапской, где был слабый разъезд Сотника Клевцова, послышалась ружейная стрельба. Двинутый туда, в целях выяснения обстановки, с 1/2 сотней и двумя пулеметами войсковой старшина Иванов был встречен огнем 4-х орудий и многих пулеметов. Из-за станицы Анапской стали выдвигаться эскадроны красных и разворачиваться в лаву. Весь горизонт покрылся густой массой конницы. Красная дивизия со всех сторон окружила Анапу, отрезав путь на Раевскую**.

Стало ясно, что Добровольческий корпус, стремясь опередить в погрузке на суда

* Справка: приказа к-ра Гв. Каз. бригады за № 102, 103 и 104 от 9 марта. Кроме того, в записке к-ра Гв. Каз. бр. ген. Фарафонова указано, что поданным, полученным им от ген. Романовского, 9 марта Варениковская переправа должна была быть занята Алексеевским дивизионом.

** Архив Музея Л-Гв. Атаманского полка. Записка полк. Иванова.

в Новороссийске Донскую Армию, бросил нижнее течение р. Кубани, не пытаясь замедлить продвижение на юг красной конницы и не оставив даже наблюдения.

Единственным путем отступления атаманцам оставался мостик, переброшенный через р. Анапку, от которого шла дорога на пляж и далее на виноградники. Генерал Хрипунов лично с небольшой группой атаманцев атаковал красных, подходивших к мостику и отбросил их. Отход увлек за собою назад целый участок красной лавы. Этого выигрыша времени оказалось достаточным для сбора и выхода из города остальных сотен, и генерал Хрипунов быстро двинулся на пос. Благовещенский. Около поселка, пытаясь выйти из кустарника, генерал Хрипунов натолкнулся на красную пехоту, открывшую пулеметный и оружейный огонь. Выручила наступившая темнота и ошибка красных, перенесших огонь своих орудий на занявшую Анапу красную же конницу, немедленно ответившего тем же.

Снаряды обеих сторон пролетали над головами атаманцев. Пользуясь темнотой, генерал Хрипунов двинулся прямо на север и вышел к Гостогоаевской станице. Узнав от взятого в плен, спавшего на дороге красноармейца, что в станице ночует пехотная красная дивизия, генерал Хрипунов повернул на юго-восток и к 12 час дня, 11 марта, вышел к Натухаевской станице, откуда пошел на присоединение к 1-й дивизии, сосредоточившейся в Тонельной.

Атаманцы за бой 10-го потеряли убитыми и ранеными 38 казаков и несколько десятков лошадей.

6-я Лейб-Казачья сотня — ранеными 6 казаков и убитыми и ранеными лошадей — 10.

Приказание генерала Романовского опоздало.

Путь на Тамань был закрыт.

День 11 марта дивизия простояла в Тонельной. Обстановка быстро ухудшалась. Мимо катился в Новороссийск сплошной поток обозов, беженцев и войсковых частей с винтовками, а частью уже без винтовок, не исполняющих никаких приказаний. Их можно было расценивать лишь как материал для возможных в будущем формирований, но не как боевую силу в данный момент.

Ночью полк вызвали на позицию к Малому Тонелю.

Дивизия по-прежнему была подчинена генералу Барбовичу.

В смысле естественных преград позиции Новороссийска были прекрасны. С севера и востока тянулся хребет Маркахт настолько высокий и крутой, что на него противник не мог бы втащить орудия. С юга позиция надежно была защищена флотом.

Тонельная командовала над всей местностью.

К северо-западу от нее к Новороссийску шел хребет, весьма удобный для защиты. Противник мог двигаться только по хорошо видимым ложинам и ущельям, кои легко можно было запираť хотя бы отдельными артиллерийскими взводами. Артиллерии, снарядов и патронов было сколько угодно, и нужны были только войска. Их-то и не было, ибо вышедшую из рук начальников массу временно войсками считать нельзя было.

Позиция полка у Малого Тонеля состояла из двух рядов цементированных окопов в рост, хорошо укрывающих от поражения.

В 8 часов утра 12 марта от Раевской показался противник. Далеко на горизонте вытянулась длинная колонна красной конницы (16-я советская дивизия), двигавшаяся на Тонельную.

Полковник Поздеев подпустил ее ближе, и скоро приданный полку артиллерий-

ский взвод открыл на прицеле 38—40 беглый огонь. Колонна красных стала размыкаться. Заработали только что полученные полком 8 новых английских пулеметов. Противник не выдержал огня и, оставив в почтительном отдалении перед участком полка 2—3 конных эскадрона, стянулся на свой правый фланг и двинулся на дорогу Раевская—Абрау-Дюрсо, как бы обтекая левый фланг позиции. Движение шло вне досягаемости ружейного огня, и противник поражен лишь огнем пулемета левофлангового поста, коим командовал отличный урядник 1-й сотни Пшеничных. Пост этот передвигался по горам на юг, все время виса на фланге противника, и успешно вел бой с левофланговым боковым эскадроном противника.

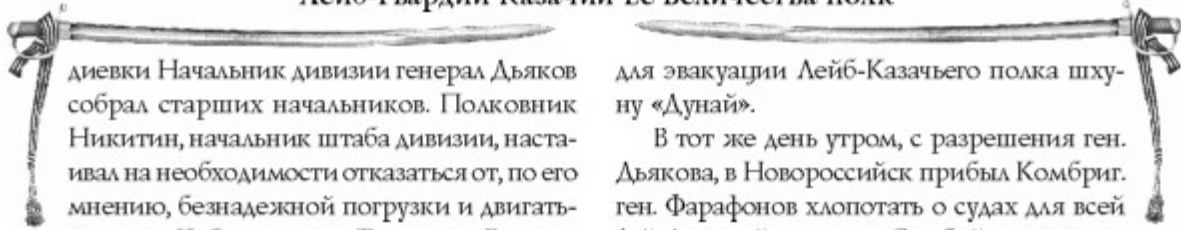
Полк оставался на позиции, послав донесение о движении противника начальнику дивизии.

Приданный полку артиллерийский взвод преследовал своим огнем противника, поворачивая по мере его движения свои орудия, причем к концу дня стрелял уже назад, изменив направление орудий на 135 градусов.

С наступлением темноты полк был сменен и отведен на ночлег в деревню Владимировку.

Весь день дул страшный норд-ост, и люди промерзли основательно, отдых был совершенно необходим. Однако полк ночью был поднят по тревоге и двинут на Новороссийск с задачей выбить противника, занявшего Борисовку. Полковник Поздеев открыл по Борисовке артиллерийский огонь, и конница противника, занявшая эту деревню, стала поспешно уходить. Здесь полк потерял тяжелораненым 3-мя пулями сотника Дубенцева.

Утром 13 марта пришло приказание идти на погрузку. При прохождении Мефо-

диевки Начальник дивизии генерал Дьяков собрал старших начальников. Полковник Никитин, начальник штаба дивизии, настаивал на необходимости отказаться от, по его мнению, безнадежной погрузки и двигаться через Кабардинку и Туапсе на Грузию, однако большинство начальников стояло за погрузку в Новороссийске, полагаясь на обещания Командования вывезти 1-ю дивизию.

К 12 час. 13 марта дивизия сквозь беспорядочные толпы народа с трудом добралась до цементного завода, где построила резервный порядок.

13 марта, на рассвете, Л.-Гв. Казачьего полка полковник Кононов, с разрешения нач. див. ген. Дьякова, отправился в гор. Новороссийск, для помощи коменданту лазарета полковнику Андриянову и для разведки условий будущей эвакуации Лб.-Каз. полка.

Убедившись, что эвакуация лазарета и состоявших при нем раненых и семей энергией полковника Андриянова благополучно произведена, полковник Кононов, обходя пристани, заметил, что все суда без исключения не только уже расписаны, но и заняты караулами исключительно Добровольческих частей. Разведкой в штабах Главнокомандующего и Донского Атамана он быстро выяснил, что все распоряжение погрузкой сосредоточено в руках ген. Кутепова. Немедленно через находившегося при обозе в Мефодиевке зав. хоз. полковника Воронина дав знать в полк о создавшемся положении, полковник Кононов бросился к генералу Кутепову. Пользуясь давнишними хорошими отношениями ген. Кутепова к Лейб-Казачьему полку, после долгих упрасиваний ему удалось уговорить уступить

для эвакуации Лейб-Казачьего полка шхуну «Дунай».

В тот же день утром, с разрешения ген. Дьякова, в Новороссийск прибыл Комбриг. ген. Фарафонов хлопотать о судах для всей 1-й Донской дивизии. С собой он прихватил полковника Воронина и конную полусотню 1-й сотни с есаулом Агафоновым.

Далее приведем дословный рассказ генерала Фарафопова: «...Атаман заявил, что он не в силах нам помочь и погрузкою распоряжается генерал Романовский. Отправился в штаб генерала Деникина, разыскал генерала Романовского, который мне лично сказал, что погрузка от него не зависит и что этим распоряжается генерал Кутепов. Найдя с трудом, совершенно в противоположной стороне набережной, поезд генерала Кутепова и приказав полусотню 1-й сотни подвести ближе к вагону, чтобы видели, что прошу о погрузке не сброда, а дисциплинированных частей, я вошел в вагон.

Генерал Кутепов любезно меня принял и, увидев в окно строй полусотни, сказал: „Таких молодцов нельзя не погрузить“. Узнав, что прошу о погрузке 3 500 человек, он назначил транспорт „Тигр“ (на 5 тысяч человек), но, подойдя к телефону и переговоривши с начальником порта адмиралом Ермаковым, узнал, что „Тигр“ — госпитальное судно и предназначено уже под госпиталя с тифозными, назначил другой корабль вместимостью в 2 тысячи человек. Однако и этот корабль оказался занятым, и генерал Кутепов после долгих переговоров с адмиралом Ермаковым назначил шхуну «Дунай» на 700 человек, сказав — берите хотя то, что есть. Отказываться не приходилось, и, взяв предписание на шхуну „Дунай“, подписанное генералом Кутеповым, я приказал спешным казакам полусотни занять мол № 3, где должна была происходить погрузка „Дуная“.

И.Н. Оприц

Предписание* гласило: «Командир 1-го Армейского Корпуса Добровольческой Армии.

13 марта 1920 г.

Шхуну „Дунай” назначаю для погрузки
1-й Донской дивизии
Генерал-лейтенант Кутепов».

К молу подошли хозяйственные части; пулеметные команды и сотни при больших и слабых лошадях Гв. Казачьей бригады, коим я приказал начать погрузку, взяв с собою все оружие и седла и оставляя на берегу повозки и лошадей.

Многие оставляли и последнее свое имущество, которое пронести сквозь струдившуюся толпу уже не было никакой возможности.

К концу погрузки подошли 1-я и 6-я сотни Л.-Гв. Казачьего полка, и на вопрос командиров сотен, «что я прикажу делать», приказал им расседлать лошадей, взять седла, оружие и грузиться.

Капитан несколько раз докладывал, что шхуна переполнена и больше грузить нельзя. Когда начальники частей доложили, что все погружены, я, в 17^{1/2} час, разрешил капитану отчаливать...»

Согласно сведениям, данным генералу Фарафону, перевезенными в Феодосию частями из Новороссийска было вывезено:

	Штаб.-офиц.	Обер-офиц.	Казачков	Чиновников
Л.-Гв. Казачий полк	4	18	427	1
Л.-Гв. Атаманский полк	8	13	289	2
Конно-Саперная сотня				
Штаба дивизии	1	4	42	2
1-й запасн. полк			28	
члены Донск. Прав-ва:	Сведений не поступало и численность неизвестна			
ИТОГО	13	35	786	5

Генерал Дьяков тщетно хлопотал до вечера, дабы погрузить остальную часть дивизии. Ему деятельно помогал полковник Поздеев, заручившийся обещанием генерала Хольмана взять дивизию хотя бы на военные корабли, при условии, если будет в ней сохранен порядок.

В общем хаосе генералу Хольману не удалось сдержать этого обещания, хотя английская эскадра взяла много больше, нежели обещала.

Полковнику Поздееву в 7 часов вечера с трудом удалось лишь благодаря офице-

рам Лейб-Казачьей полусотни Конвоя Главнокомандующего, находящейся на пароходе «Георгий», погрузиться на последний.

На «Георгии» находился штаб Главнокомандующего, куда вечером приехал генерал Дьяков. Отчаявшись добиться погрузки, он разыскал полковника Поздеева: «Константин Ростиславович, дивизию не погрузили, иду сейчас на Кабардинку». Они расцеловались, и генерал Дьяков вернулся на берег к дивизии.

На берегу и в городе, забитом толпами людей и массой лошадей, брошенных на произвол судьбы, царил кошмар, описывать

* Хранится в архиве Л.-Гв. Казачьего полка.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

который мы не будем, ибо он достаточно хорошо известен.

Не погрузившиеся части 1-й дивизии в полночь двинулись на Кабардинку. Здесь утром разыгрался неудачный для дивизии бой. Генерал Дьяков, раненный, генерал Хрипунов и несколько десятков офицеров и казаков дивизии, среди коих были атаманы полковник Жиров, войсковые старшины Иванов и Васильев, есаул Семенов, сотники Божков и Корольков, были подобраны и доставлены в Феодосию французскими миноносцами.

14 марта «Дунай» выгрузил в Феодосии вывезенные из Новороссийска части Гв. Казачьей бригады. Здесь офицеры нашли лазарет полка и свои семьи, энергией коменданта лазарета полк. В.П. Андриянова и ст. врача В.Н. Евфанова погруженные 11 марта в Новороссийске и 12-го доставленные в Феодосию. За этот переход, совершенный совместно с сыпнотифозными, несколько жен офицеров заболели тифом (по прибытии в Севастополь скончались графиня М. Канкринна, М.А. Кононова и О. Д. Оприц).

Кроме полкового лазарета, на Кубани в ст. Ильской существовал и лазарет 1-й Донской дивизии, где лежали сыпнотифозные. Из Лейб-Казачьего полка в нем находился вольноопределяющийся граф Орлов-Денисов. Несмотря на усилия коменданта и ст. врача, дивизионному лазарету не удалось в общем хаосе выбраться в Новороссийск. О больных этого лазарета нет никаких сведений, и все в нем находившиеся числятся без вести пропавшими.

При погрузке в Новороссийске не удалось погрузить десятка четыре казаков, частью бывших в отделе, частью замешкавшихся в городе и не смогших пробиться в последний момент через толпу.

К условной потере полка нужно отнести гибель сотни пополнения присланной из 1-го Западного Донского конного полка в последний момент погрузки.

Приказом Инспектора конницы Дон. Армии ген. Абрамова от 9 марта за № 5, три донских запасных полка должны были передать свой состав: 1-й запасный полк — в 1-ю Донскую дивизию, а 2-й и 3-й запасные полки, в 9-й и 10-й Дон. полки.

Сотня пополнения для Лейб-Казачьего полка численностью в 201 человек, прибыла лишь 13-го в Новороссийск и была направлена полковником Номикосовым на пристань для присоединения к полку.

С величайшим трудом ей удалось пробиться к пристани, где погрузка шхуны «Дунай» была почти закончена. За отсутствием на шхуне места полк смог взять лишь урядников и казаков «кадровых», т.е. уже служивших в полку.

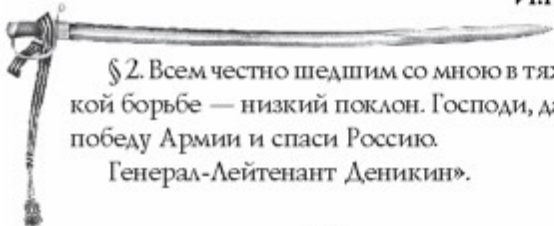
Сотня пополнения была присоединена к оставшимся на берегу остальным частям дивизии, с которыми и должна была грузиться.

Погрузиться ей не удалось, и судьба этой сотни неизвестна.

17 марта Лейб-Казачий полк был снова погружен и по приказанию Штаба Главнокомандующего доставлен в Севастополь. Началась новая страница Белой борьбы за Крым.

23 марта в полку был получен нижеследующий приказ Главнокомандующего от 22 марта 1920 г. № 2899:

«§ 1. Генерал-Лейтенант Барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

§ 2. Всем честно шедшим со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу Армии и спаси Россию.

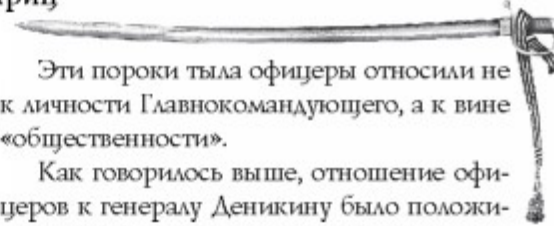
Генерал-Лейтенант Деникин».

Вопрос об обстоятельствах смены Главнокомандующих выходит из рамок настоящего очерка, почему мы коснемся его лишь в общих чертах, поскольку смена Главнокомандующего нашла свое отражение в Лейб-Гвардии Казачьем полку, описание деятельности коего составляет содержание настоящего труда.

Лейб-Гвардии Казачий полк не имел характер Добровольческих частей. Полк держался работой своего офицерского состава, отрицательно относившегося ко всякой партизанщине и старавшегося сохранить облик воинской части старой Российской Армии. Благодаря большому проценту старых кадровых офицеров полка, поддержке Донских Атаманов генералов Краснова и Богаевского, работе и горячей поддержке Начальника 1-й Донской дивизии (а затем Начальника ремонта и пополнения частей Донской Постоянной Армии) генерала Абрамова, указанное начало удалось сохранить в полной мере, почему и настроение полка отличалось сравнительно большой устойчивостью.

Если не считать Кубанского периода, полк из боев не выходил, а в промежутках неизменно велась напряженная работа по улучшению строевой подготовки, поэтому офицерам не было и времени особенно интересоваться политикой и правительственной деятельностью.

Смущал конечно все более увеличивающийся беспорядок в тылу и отсутствие в нем стройной организационной работы.

Эти пороки тыла офицеры относили не к личности Главнокомандующего, а к вине «общественности».

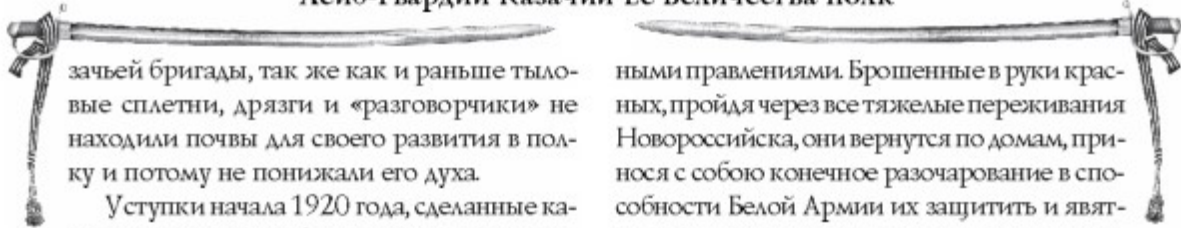
Как говорилось выше, отношение офицеров к генералу Деникину было положительным: в нем видели честного, авторитетного и доблестного представителя старого Российского офицерства.

Не одобрялись в полку, правда, трения, бывшие у Главнокомандующего с казачеством. Именно этими трениями офицеры были склонны объяснять (заметим, часто несправедливо) неудовлетворение в должной мере частей Донской Армии обмундированием, отсутствие у донцов новых пулеметов, отсутствие броневиков, танков, аэропланов и часто даже достаточного количества снарядов; тогда как, по слухам (заметим, часто неосновательным), привилегированные Добровольческие части в указанных отношениях якобы были обставлены хорошо.

Трения эти несколько расхолаживали отношения офицеров к генералу Деникину.

Для примера отметим, что когда в середине 1919 года, в ознаменование признательности Дона Главнокомандующему, генералы Деникин и Романовский были Донским Атаманом зачислены в казачье сословие и внесены в списки Л-Гв. Казачьего полка, то дело свелось к обмену приветствиями, не создав никакой более тесной связи полка с новыми однополчанами.

Отсутствие в Лейб-Казачьем полку повышенно-горячих чувств к генералу Деникину, в обстановке конца 1919 года и начала 1920 года, имело и положительную сторону: несмотря на катастрофические неудачи Юга, полк не испытал и сколько нибудь острого разочарования в генерале Деникине. И теперь, так же как и раньше, твердо и верно несла службу конвоя при Ставке генерала Деникина сотня от Гв. Ка-

зачьей бригады, так же как и раньше тыловые сплетни, дразги и «разговорчики» не находили почвы для своего развития в полку и потому не понижали его духа.

Уступки начала 1920 года, сделанные казначеству генералом Деникиным, его солдатские, прямые и честные выступления на Верховном Кругу, где он произносил речи, полные искренней и горячей веры в воссоздание, общими усилиями, всем дорогой Родины России, вновь подняли уверенность в способность генерала Деникина довести дело до победного конца.

Перелом в отношениях к генералу Деникину произошел в полку лишь во время новороссийской эвакуации, только после того, как здесь были брошены на произвол судьбы три четверти Донской Армии и ярко сказалась тенденция Добровольческого Командования делить части на свои (Добровольческие) и чужие (Донские).

Если Донские части прибыли в Новороссийск, временно утратив свою боеспособность, то не намного лучше обстояло дело и у Добровольцев*.

Однако даже и потерявшие временно боеспособность части нельзя было не расценивать как нужнейший элемент для будущих крымских формирований, а переброска их в Крым должна была быть обеспеченной.

Ровно, надлежало перевести в Крым и часть кубанских и донских беженцев. Выше было сказано, что некоторые Донские станицы ушли в беженство полностью, во главе со своими станичными Атаманами и станич-

* Если бы дело обстояло не так, то один беглый взгляд на карту говорит, что оставление вопреки приказа ген. Деникина без боя Добровольцами 4 и 7 марта Варениковской переправы и станицы Гостогаевской составляло бы тяжкое преступление и должно было бы повлечь для соответствующих начальников жестокие кары.

ными правлениями. Брошенные в руки красных, пройдя через все тяжелые переживания Новороссийска, они вернутся по домам, принося с собою конечное разочарование в способности Белой Армии их защитить и являясь для красных лучшими агитаторами против возникновения новых восстаний и тем, в известной степени, предопределяют грустный удел будущих десантов генерала Врангеля из Крыма на Кубань и Дон.

Выполнение указанных задач по эвакуации в Крым требовало времени.

Новороссийские позиции, заранее подготовленные и исключительно благоприятно расположенные, при наличии громадной тяжелой и легкой артиллерии (полтора десятка бронепоездов, мощная артиллерия флота, большое количество полевых батарей), при неограниченном запасе снарядов могли долго держаться и дать необходимый выигрыш времени при относительно небольшом количестве войск обороны.

С войсками, однако, дело обстояло неблагоприятно.

Отходя на Новороссийск, они быстро теряли свою боеспособность.

Главные причины упадка духа частей заключались в быстром росте ранее уже обозначившегося взаимного недоверия начальников и в отсутствии заблаговременно принятого свыше, всем известного твердого решения.

Остановить процесс распада нужно было во что бы то ни стало, и уже, во всяком случае, надлежало хотя бы попытаться поправить дело.

Такой попыткой могло быть личное вступление генерала Деникина в фактическое и непосредственное командование частями обороны позиции Новороссийска, с выделением в состав оборонительного отряда какой-либо крупной части Добровольческого корпуса, всей 1-й Донской дивизии,

Донской запасной бригады и сводной Донской дивизии (кою еще 10 и 11 марта можно было бы сформировать подбором частей и начальников из состава двух Донских корпусов)*.

Штаб Главнокомандующего не только не взял дело обороны в свои руки, но, наоборот, самоустранился, что нашло внешнее выражение в передаче генералом Романовским всего распоряжения делом обороны и погрузки генералу Кутепову.

При тех отношениях, кои сложились у генерала Кутепова с Командующим Донской Армией генералом Сидориным, эта передача, кроме того, выразила решение вывоза Добровольческого корпуса за счет Донской Армии и обречение последней на ускоренное и полное разложение**.

* Что последнее формирование являлось возможным, явствует хотя бы из следующих строк генерала Деникина, лично видевшего еще 14 утром, когда Новороссийск был полностью брошен, на берегу, где царил кошмар и хаос «...выстроившуюся подчеркнута стройно какую-то воинскую часть».

** Интересна телеграмма Командира Добровольческого корпуса генерала Кутепова, посланная им 28 февраля Главнокомандующему «...о решительных мерах, кои надлежит принять в целях эвакуации бойцов за идею Добровольческой Армии». В этой телеграмме генерал Кутепов требовал с момента подхода Добровольцев к ст. Крымской передачи в руки Командующего Добровольческим корпусом всей власти в тылу, с диктаторскими полномочиями до определения порядка посадки частей на транспорты и предоставления в его исключительное ведение линии жел. дор., всех плавающих средств и флота. В пункте 5-м телеграммы генерал Кутепов указывал, что учреждения Ставки и Правительства должны быть погружены не ранее последней грузящейся на транспорты Добровольческой части.

Генерал Деникин, обиженный телеграммой, ответил, что вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст Командиру корпуса такие права, кои сочтет нужными.

Самоупражнение Главнокомандующего и его штаба в решающий момент Новороссийской эпопеи, в условиях последовавшей катастрофы, не могло не уронить авторитета генерала Деникина, уже подорванного зимними неудачами Юга.

Если в Добровольческом корпусе, под влиянием естественного чувства признательности за вывоз Добровольцев из Новороссийска, авторитет Главнокомандующего еще держался, то среди кубанцев и донцов он пал бесповоротно. Среди последних даже повелась открытая и печатная агитация против Добровольческого Командования, исходившая из штаба генерала Сидорина, этим путем желавшего затушевать долю собственной вины перед Донским казачеством.

Относительно Донских Корпусов Главнокомандующий сообщал, что рассчитывает удержать ими фронт по Кубани, «если же казачий фронт рассыплется, то Добровольческий Корпус пойдет на Новороссийск...»

Что же касается пункта 5-го, то «Добровольцы должны бы верить, что Главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет ранее...»

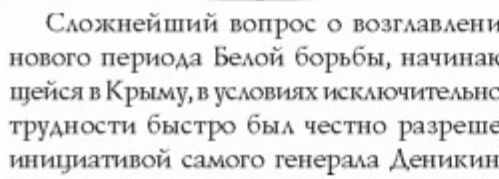
Приводя в «Очерках» (Т. 5. С. 342), телеграмму ген. Кутепова, ген. Деникин говорит: «Вот и конец. Те настроения, которые сделали психологически возможным такое обращение Добровольцев к своему Главнокомандующему, предопределили ход событий: в этот день я решил бесповоротно оставить свой пост.»

Несомненно, что пункт пятый явился незаслуженным ударом подорвавшим моральные силы Главнокомандующего в момент, когда требовалось полное их напряжение.

Генерал Кутепов позже, при личном свидании с Главнокомандующим, ему объяснил, что при посылке телеграммы руководился недоверием к Правительству и Казачеству.

В действительности меры им предложенные и в конечном счете санкционированные ген. Деникиным, сводились к осуществлению планомерной эвакуации Добровольческого Корпуса за счет Донской Армии.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

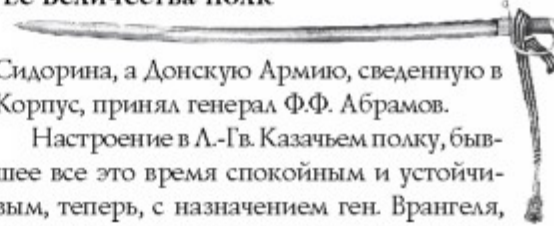

Сложнейший вопрос о возглавлении нового периода Белой борьбы, начинающейся в Крыму, в условиях исключительной трудности быстро был честно разрешен инициативой самого генерала Деникина, сложившего с себя Командование и назначившего своим преемником ген. барона Врангеля.

Вскоре после своего прибытия в Крым новый Главнокомандующий, по соглашению с Донским Атаманом, сместил и ген.

Если позиция генерала Кутепова до некоторой степени может быть оправдана тем, что он был Командиром корпуса, об интересах коего был обязан исключительно заботиться, то позиция Главнокомандующего такого извинения не имеет.

Генерал Деникин возлагает вину за невывоз Донских корпусов на Командующего Донской Армией генерала Сидорина, потерявшего всякий командный авторитет и долго сомневавшегося в желании рядового казачества идти в Крым.

Сидорина, а Донскую Армию, сведенную в Корпус, принял генерал Ф.Ф. Абрамов.

Настроение в Л.-Гв. Казачьем полку, бывшее все это время спокойным и устойчивым, теперь, с назначением ген. Врангеля, известного как лично, так и своей боевой славой, и с назначением ген. Абрамова, своего популярного старого боевого начальника дивизии, сильно поднялось.

Так начался новый период борьбы с большевиками, период борьбы в Крыму.

Однако после доклада генерала Сидорина 5 марта о результате совещания донских начальников, постановивших идти в Крым, хотя бы и через Тамань, места для такого сомнения уже быть не могло.

Потеря генералом Сидориным командного авторитета выяснилась за много дней до 12 марта, и ничто не мешало генералу Деникину просить Донского Атамана своевременно заменить генерала Сидорина другим донцом (генералы Гусельщиков, Абрамов, Секретев).

Глава XIV

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ КРЫМА

Общее положение. — Работа Главного командующего. — Восстановление порядка в Армии и тылу. — Гражданская деятельность генерала Врангеля. — Закон о земле и Волостном Земстве. — Соглашение с казачеством. — Назначение генерала Абрамова Командиром Донского Корпуса и подъем боеспособности донцов. — Овладение выходами из Крыма. — Лейб-казаки в Севастополе. — Выход Р.А. в Северную Таврию. — Борьба с зелеными. — Июльские бои на фронте и поражение Жлобы. — Отправка десанта на Кубань. — Обстановка в Северной Таврии и отправка на фронт Гвардейской Казачьей бригады.

18 марта Лейб-Гвардии Казачий полк выгрузился с парохода «Аскольд» на пристани гор. Севастополя и, переночевав в первый день на пристани, а на второй — в здании Коммерческого клуба, 20 марта был расквартирован в предместье города Карантинной Слободке. Там же разместился и полковой лазарет.

Настроение рядовых лейб-казаков было хорошее: они понимали, что если полк благополучно выбрался, то только благодаря энергии и сплоченности, проявленной офицерским составом. Верили, что если были выведены в целостности из Новороссийского хаоса, то будут благополучно выведены и в дальнейшем. В полку сохранялось спокойствие и держался полный порядок, несмотря на крайне тяжелое общее положение.

Из Новороссийска было вывезено около 30 000 Добровольцев и около 10 000 донцов, без артиллерии, повозок, без лошадей, а частью и без винтовок*.

* Впоследствии с берегов Черного моря удалось доставить еще несколько тысяч кубанцев.

Боеспособность вывезенных войск была весьма относительной, ибо дух был подорван как длительным безотрадным отступлением по Кубани, так и безобразиями Новороссийской эвакуации.

Перешейки Крыма оборонялись корпусом ген. Слащева, куда входили Донская Казачья бригада генерала Морозова в 2000 коней и многочисленные мелкие формирования добровольческого характера. Осаждавшая перешейки Крыма до сего времени малочисленная 8-я советская армия особой энергии не проявляла, но усиление ее в ближайшем будущем новыми частями представлялось очевидным.

Наряду с этим обстоятельством относительно небольшая численность населения Крыма не давала надежды рассчитывать на сколько-нибудь значительное усиление Белой Армии.

Армия была раздета, громадные склады обмундирования и снаряжения были частью сожжены, частью брошены на Кубани и в Новороссийске, в Крыму же крупных складов не имелось.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Союзники-англичане твердо заявили о прекращении всякой поддержки и настойчиво требовали вступления в переговоры о мире с большевиками. На помощь союзников-французов надежды было мало.

Армия явно была предоставлена самой себе.

Единственной бодрой нотой звучал приказ нового Главнокомандующего генерала Врангеля, отданный им 22 марта: «...Я сделаю все, чтобы вывести Армию и Флот с честью из создавшегося тяжелого положения. Призываю верных сынов России наперчь все силы, помогая мне выполнить мой долг...»

25 апреля на Нахимовской площади генерал Врангель принимал парад, на коем участвовал и Л.-Гв. Казачий полк. Обмундирование войск было сильно потрепанным, однако общая подтянутость, в связи с присутствием Главнокомандующего, скрашивала внешнюю неприглядность.

Генерал Врангель после молебна, встав на подножье памятника адмиралу Нахимову, полным энергии и внутренней веры голосом, произнес слово: «Орлы... Три года тому назад, забыв присягу, честь и совесть, непобедимые дотоле Русские войска открыли фронт германцам, и обезумевший Русский народ пожаром и кровью залил Россию. Нашлись, однако, честные сыны Родины, которые пошли бесстрашно умирать за счастье Родной Земли. Без снарядов, без патронов, босые и раздетые, в мороз и стужу, в палящий зной на высотах Кавказа, в безводных степях калмыцких шли они своим великим крестным путем. Ширилась и развивалась эта кучка верных сынов Родины, и освобождалась от красной нечисти Русская земля. И чудился уже нам трезвон Московских колоколов. Уже белели стены Кремля... Но Господу Богу угодно было покарать нас за наши прегрешения, и ранее победонос-

ное движение перешло в тяжелый крестный путь страданий и невзгод. Теперь пострадавшие, измученные и поредевшие наши ряды нашли убежище в Таврии. Грудь против груди стоим мы против наших братьев, обезумевших, потерявших совесть.

За нами бездонное море. Исхода нет.

И в этот грозный час я призван быть во главе вас.

Без трепета и колебания я сделал это. Я твердо знаю, что Россия не погибла. Мы увидим ее свободной и счастливой. Я верю — Господь Бог даст мне ум и силы вывести Армию из тяжелого, безвыходного положения.

Сейчас Великий Пост, Великая неделя, когда русский человек очищается, чтобы без греха встретить Святое Воскресение. Пусть тяжкий крестный путь будет для нас искуплением, после которого наступит Воскресение. Пройдем через горнило испытаний и, подобно тому, как железо, пройдя через огонь, переходит в сталь, будем тверды, как сталь.

Твердо верю — Русская Армия явится оплотом действительно свободной и счастливой России.

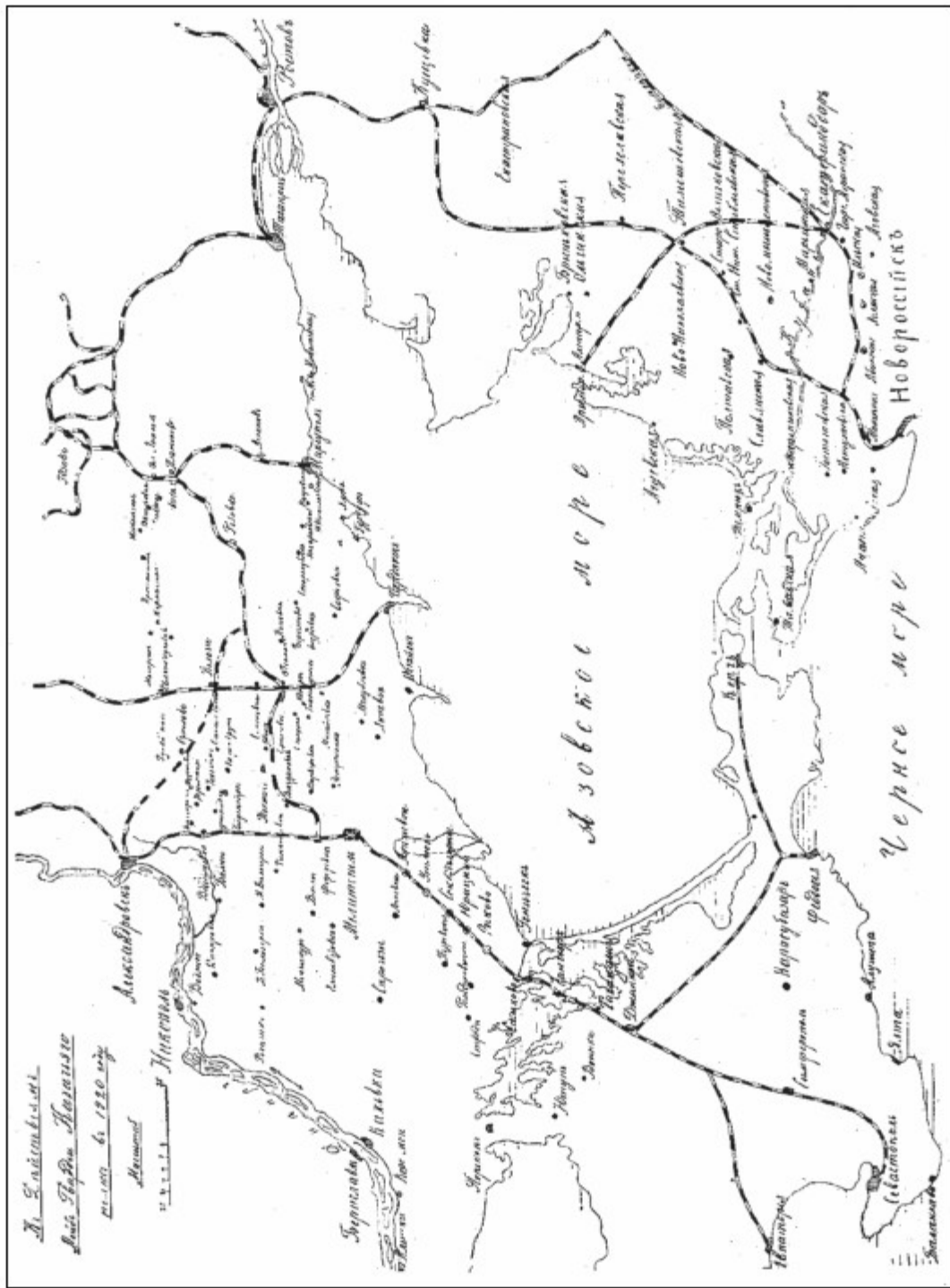
Воскресение Родины увидим скоро!»

Войска проходили церемониальным маршем:

«...Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые заплатаемые сапоги, усталые землистые лица, но весело и бодро блестя глаза, твердо отбивается шаг. Где-то в глубине шевелится теплое и бодрое чувство: нет, не все потеряно, нет, мы можем еще держаться...»*

28 марта, после Светлой Заутрени, Главнокомандующий генерал Врангель, Донской Атаман генерал Богаевский, генерал Шатилов, генерал Абрамов были приглашены разговестись в Собрание Лейб-Казачьего полка, поместившемся в слободской школе. Пасхаль-

* Генерал Врангель. «Записки». Т. 2. С. 24.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

ный стол был более нежели скромн, обстановку несколько скрашивала игра трубачей, однако общее настроение собравшихся напоминало офицерскую среду старого времени.

«После Заутрени, — отмечает генерал Врангель в своих Записках*, — разгавливался в собрании лейб-казаков. Полк этот один из немногих, где сохранился старый офицерский состав. Большинство сотенных командиров командовали сотнями еще в Германскую войну...»

Последнее, конечно, не верно, но ошибка генерала Врангеля точно передает внутренний дух полка и личное впечатление вынесенное Главнокомандующим.

За Пасхальным столом генерал Врангель произнес горячее слово, где, не скрывая тяжести обстановки, повторил свое обещание вывести с честью из тяжелого, почти безвыходного положения.

В полку был известен мужественный поступок генерала Врангеля в Константинополе, когда на предупреждение английского адмирала о полном прекращении поддержки англичан и на совет не ехать в Крым, где остатки Армии обречены на гибель, он ответил: «Еще сегодня сомневался, следует ли мне ехать в Крым, но, узнав из слов Вашего Превосходительства о почти безвыходном положении Армии, считаю долгом чести ехать».

Поэтому и прием, оказанный Главнокомандующему генералу Врангелю лейб-казаками, носил исключительно теплый характер.

Генерал Врангель не ограничивал своей деятельности одними словами и, не теряя ни минуты, приступил к кипучей организационной работе.

* Генерал Врангель. «Записки». Т. 2. С. 32.

Приказом от 24 марта Помощником Главнокомандующего был назначен однополчанин лейб-казаки Генерального Штаба, живой и энергичный, чуждый канцелярщины, произведенный еще генералом Деникиным в генерал-лейтенанты, П.Н. Шатилов.

Быстро была приведена в порядок Армия.

Генерал Врангель твердо отказался от начал партизанщины, что нашло внешнее выражение в переименовании Армии из Добровольческой в Русскую. Армия была сведена в три корпуса, в коих установлен твердый порядок.

Быстро был упорядочен вопрос довольствия войск.

Приведена в порядок Военно-Судебная часть.

Неимоверно разбухшие Добровольческие тыловые учреждения, по иронии судьбы вывезенные почти целыми из Новороссийска, сокращены. В короткий срок было упразднено и расформировано более 300 учреждений, отчего дело только выиграло.

В границы настоящего очерка не вмещается описание деятельности генерала Врангеля по гражданской части.

Однако нельзя обойти молчанием удачного разрешения им коренных вопросов взаимоотношений с крестьянством и казачеством, вопросов, в условиях Гражданской войны обуславливавших обстановку, в коей текли боевые операции.

Первый вопрос был разрешен законами о земле и волостном земстве:

При разрешении аграрного вопроса генерал Врангель отказался как от губительного неопределенчества, так и от реально неосуществимой идеи обязательного наделения землей всех, кто бы того ни пожелал.

Был установлен переход всей земли в прочную собственность в руки, на ней работающих. Выкуп устанавливался в размере стоимости 5 средних урожаев, с рассрочкою выплаты на 25 лет ($\frac{1}{5}$ урожая в год).

Разверстка отчуждаемой и распределяемой земли была полностью предоставлена органам вновь создаваемого волостного земства*.

Представители этих органов привлекались, кроме того, к участию к некоторым сторонам административной и даже судебной деятельности (участие в контрольно-судебных комиссиях фронта).

Таким образом, к строительной государственной работе привлекалось крестьянское население, при этом привлекалось непосредственно в своей толще, а не через условное представительство оторванной от него интеллигенцией.

Ставка ставилась на наиболее крепкий слой хозяйственных крестьян, но с возможностью и приобщения к нему лучшей части беднейшего слоя.

Благодаря приведенным выше мероприятиям, дальнейшее выдвижение Армии в Северную Таврию не встретило враждебного отношения крестьян, а равно и зеленое движение в Крыму, несмотря на широкую поддержку, оказываемую советскими деньгами, и несмотря на исключительно благоприятные местные топогра-

* Позднее было опубликовано положение и об уездном земстве. Приказ от 20 сентября за № 150 говорил: «...Новая земская волость даст и обновленное свежими силами земли, готовое к творческой работе уездное земство, эту необходимую ступень подъема на пути к дальнейшему возрождению русской государственности. Верю, что междоусобица скоро закончится и настанет время избрать достойных земских людей во Всероссийское Народное Собрание, которое и укажет, как должна быть устроена Русская Земля».

фические условия, особенного развития не получило.

Взаимоотношения с казачеством были упорядочены соглашениями с Войсковыми Атаманами от 2 апреля и 22 июля.

Согласно этим соглашениям государственные образования Дона, Кубани, Терек и Астрахани были обеспечены полной независимостью в своем внутреннем устройстве и управлении. Представители Войск входили в состав Совета при Главнокомандующем с правом решающего голоса по всем вопросам. Иностранное представительство осуществлялось единолично Главнокомандующим, но по вопросам, касающихся казачьих интересов, он обязывался предварительно входить в соглашение с Атаманом непосредственно заинтересованного Войска.

Дон, Кубань, Терек и Астрахань передавали в оперативное и организованное подчинение Главнокомандующего свои вооруженные силы и обязывались производить мобилизации не менее сроков и годов, установленных для неказачьих районов В.С.Ю.Р.

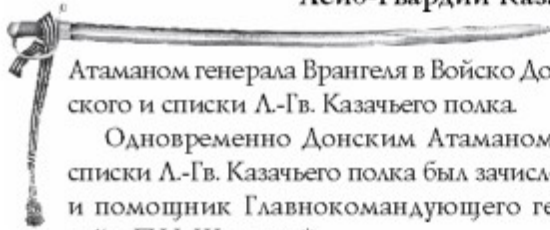
Управлению Главнокомандующего передавались ж. д. пути и главные телеграфные магистрали.

Соглашение сохраняло действительность впредь до окончания Гражданской войны и таким путем создавалась определенность отношений, исключавшая возможность повторения вновь губительной для общего дела междоусобной внутренней борьбы.

Заключение договора носило характер обоюдной искренности.

Следствием установившихся хороших отношений явилось зачисление Донским

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Атаманом генерала Врангеля в Войско Донского и списки Л.-Гв. Казачьего полка.

Одновременно Донским Атаманом в списки Л.-Гв. Казачьего полка был зачислен и помощник Главнокомандующего ген. лейт. П.Н. Шатилов*.

Соглашение от 2 апреля имело и другое следствие. В предыдущей главе уже говорилось об агитации, ведшейся штабом Донской Армии (сосредоточенной в Евпатории) в лице ген. Сидорина и ген. Кельчевского против Командования Добровольческой Армии, главным образом в целях прикрыть долю собственной вины в преступной неорганизованности эвакуации в Крым.

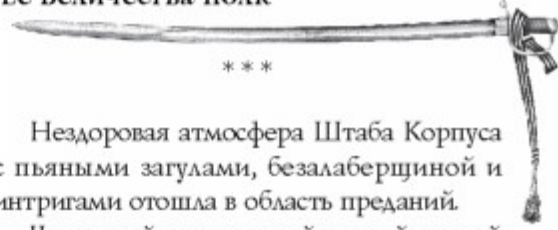
Штабом издавалась газета «Донской Вестник», поместившая ряд статей Начальника Политической части Донской Армии сотника графа дю Шайля, где производились косвенные призывы к расколу собравшихся в Крыму сил.

Главнокомандующий, с согласия Донского Атамана, отрешил от должностей генерала Сидорина и Кельчевского и после дознания предал их военно-полевому суду, приговорившего подсудимых к каторге.

Во внимание к прежним заслугам подсудимых, Главнокомандующий заменил им каторгу исключением без мундира из списков Армии и высылкою за пределы Крыма за границу.

В Командование Донской Армией, сведенной в Донской корпус, вступил генерал Ф.Ф. Абрамов.

* П.Н. Шатилов, начав службу в Л.-Гв. Казачьем Е. В. полку, состоял в списках Донского Войска, будучи принят в казачье сословие в 1900 году, в станицу Калитвенскую.

Нездоровая атмосфера Штаба Корпуса с пьяными загулами, безалаберщиной и интригами отошла в область преданий.

Чрезвычайно скромный в своей личной жизни, строгий к себе и одновременно знающий и требовательный начальник, генерал Абрамов быстро привел штаб в порядок и приступил к дальнейшей организационной работе.

Донское офицерство сразу приободрилось, и работа закипела.

Встряхнулись, подняв голову, и рядовые казаки.

Донской корпус в короткий срок вернул свою блестящую боеспособность.

Ресурсов Крыма, жившего в мирное время хлебом ныне занятой большевиками Северной Таврии, было, конечно, недостаточно для прокормления Армии, насчитывавшей 1 50 000 ртов.

Страдало и население Крыма, как от нехватки продуктов, так и от быстрого роста цен.

Представлялось совершенно необходимым занять Северную Таврию, и в этих целях надлежало незамедлительным захватом перешейков обеспечить будущий выход из «Крымской бутылки» на север.

Внимание красных было занято ожившим польским Фронтом, но все же занимавшая перешейки 13-я советская армия быстро усиливалась как пополнениями, так и подходившими новыми частями. Медлить не приходилось, и генерал Врангель перешел в наступление.

31 марта в районе Перекопа разыгрался бой.

Недавно прибывшая Латышская дивизия, с приданной ей красной конницей, была наголову разбита Донской бригадой

генерала Морозова, поддержанного пехотой, танками и броневиками.

На следующий день красные, подтянув свою 3-ю стрелковую дивизию и свежую конницу, пытались наступать, но успеха не имели.

В тот же день за левым флангом красных в Кириловке, в 40 верстах от Генического, высадился десант генерала Слащева, а на следующий день в Хорлах, за правым флангом красных, при поддержке флота высадились Дроздовская дивизия.

Противник, зажатый десантами в клещи, три дня вел отчаянные бои, пока не был разбит и отброшен на север, потеряв 6 орудий, 60 пулеметов и оставив выходы из Крыма в наших руках.

Первый и прочный успех поднял дух защитников Крыма.

Укрепился окончательно и авторитет Главнокомандующего.

Дав краткую обрисовку общей обстановки первых месяцев крымской борьбы, вернемся к А-Гв. Казачьему полку.

Так как среди рабочего и городского населения Крыма имелись элементы, сочувствовавшие большевикам, то Гв. Казачья бригада была первоначально оставлена в Севастополе, где полки ее, чередуясь, несли гарнизонную службу.

Здесь полк получил первое укомплектование — 200 казаков, призыва 20 и 21 годов, присланное из Евпатории.

Вскоре получена была первая партия лошадей, и 1-я сотня, переведенная на стоянку в Балаклаву, села на коней.

Было получено некоторое количество английского обмундирования, и полк приоделся.

Изо дня в день, в промежутках от караульной службы, велись занятия, и офицеры были заняты с раннего утра до 5 часов вечера.

Функционировало скромное полковое собрание, вне которого офицеру не было возможности довольствоваться, так как более нежели скромный размер жалованья* не позволял пользоваться ресторанами. Меню разнообразием не блистало, ибо повару приходилось готовить, пользуясь продуктами интендантского пайка, полагавшегося каждому офицеру.

Ввиду недостатка мяса, оно обычно заменялось крымской рыбешкой — камсой, быстро приевшейся.

Тот же паек получали и казаки.

Настроение их было хорошим. Все попытки агитации со стороны этим твердым настроением разбивались.

Полученные листовки и брошюры казаками неукоснительно сдавались сотенным командирам. Были случаи избений и ареста агитаторов.

Хорошо неслась и караульная служба. Для примера приведем случай с караулом взводного 1-й сотни Пономарева (Егорлыкской станицы), бывшего в наряде на берегу Севастопольской бухты у мельницы Рудокопани, где был крупный склад сахара и боевых припасов. Ночью подъехала к складу подвода, с коей сошли два неизвестных, предложивших Пономареву за пропуск в склад взятку в миллион рублей, что даже и в ту пору обесценения бумажных денег представляло весьма крупную сумму.

Пономарев вызвал свой караул и арестовал преступников, препроводив их в управление Севастопольской крепости.

* При переводе денег на стоимость продуктов, жалование офицера в Крыму равнялось, приблизительно, $\frac{1}{6}$ содержания, получавшегося им до войны.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

При аресте злоумышленники пытались оказать казакам сопротивление, один из них даже выхватил револьвер и был ранен штыком.

Случай этот нашел отражение в приказе Коменданта Севастопольской крепости генерала Стогова, выразившему Пономареву благодарность, и Пономарев, имевший ранее за боевые заслуги звание вахмистра, был произведен Начальником дивизии в подхорунжие.

5 мая Главнокомандующий смотрел Гв. Казачью бригаду по случаю предполагаемой отправки ее на фронт, остался доволен и горячо благодарил офицеров за их работу.

Однако на этот раз распоряжением Штаба отправка была почему-то отложена.

Полк продолжал готовиться к предстоящим боевым действиям.

С назначением генерала Фарафонова Командиром Гв. Казачей бригады вакансия Командира Л.-Гв. Казачьего полка с 5 февраля была свободна.

Полком временно командовал полковник Поздеев.

Временно командующий никогда не чувствует себя полным хозяином полка,

Парад 5 мая 1920 года на Нахимовской площади в гор. Севастополе. Генерал барон П.Н. Врангель проходит перед строем Лейб-Гвардии Казачьего полка.

Справа от него — его помощник генерал П.Н. Шатилов, слева — Донской Атаман генерал А.П. Богаевский. За Донским Атаманом, с рукой на перевязи, нач. 1-й Донской конной дивизии ген. В.А. Дьяков, имея слева вр. ком. полком полковника К.Р. Поздеева. На левом краю снимка командующий Гв. Каз. бригадой генерал В.И. Фарафонов

что не может не отражаться на деле, почему Начальник дивизии генерал Дьяков счел необходимым теперь же разрешить вопрос.

Запись начальника 1-й Дон. Дивизии генерала Дьякова говорит:

«С назначением генерала Фарафонова командиром бригады освободившийся Лейб-Казачий полк я предложил старшему полковнику полка — коренному лейб-казаку выпуска 1906 года — полковнику Оприцу. Последний еще не оправился от тяжелого ранения и не мог еще передвигаться иначе как на костылях.

Считая, что его командование на ближайшие месяцы боевой деятельности полка сведется лишь к управлению хозяйством, а вся боевая работа и тяжелая за нее ответственность невольно ляжет на его помощника, лишённого в этих условиях иметь единственное преимущество с должностью командира Лейб-Казачьего полка связанное — быть произведенным в генерал-майоры, полковник Оприц полк принять отказался, прося, однако, его принять немедленно по выздоровлении, сохранив за собою право на следующую же очередь.

С болью душевной я должен был согласиться с мужественным и безусловно жертвенным решением полковника Оприца, и в командование полком вступил полковник Поздеев — полковник Оприц, впредь до выздоровления, был прикомандирован для службы к Особому Отделению Ген. Штаба, с оставлением его в списках полка...»

Приказом Донского Атамана от 8 июня за № 222 полковник К.Р. Поздеев был назначен Командиром полка.

4 октября, в день полкового праздника, полковник Поздеев был произведен в генерал-майоры.

Нельзя не отметить и не подчеркнуть характерной полковой черты, ярко проявлявшейся во все течение Гражданской войны.

Старшие офицеры весьма неохотно покидали ряды полка, систематически отказываясь от назначений на сторону вне 1-й Донской дивизии.

Первым подал пример генерал Дьяков. Весною 1919 года ему было официально предложено принять одну из дивизий постоянной Донской Армии. Он отказался, предпочтя остаться на должности Командира Л.-Гв. Казачьего полка.

В дальнейшем неоднократно предлагались полки почти всем штаб-офицерам и старшим командирам сотен Л.-Казачьего полка. Все запрашиваемые систематически отказывались, предпочитая службу на низшей должности, но под своим штандартом.

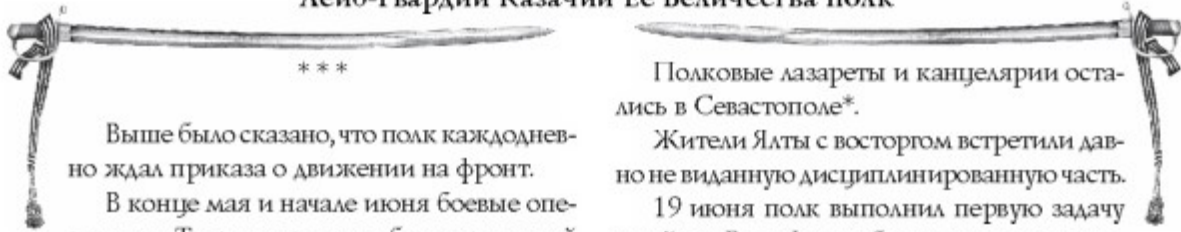
Причины указанного явления лежали в нижеследующем:

1. Офицеры полка принимали участие в Гражданской войне, руководствуясь исключительно чувством долга, а не соображениями материального либо карьерного характера.

2. Лейб-казакам были глубоко чужды начала партизанщины и импровизации, присущие за редкими исключениями всем войсковым частям того времени и от которых Лейб-Казачий полк, как то явствует из всего изложенного в предыдущих главах, был совершенно свободен.

3. Ближайшие и промежуточные цели в борьбе за конечное свержение большевистской власти были часто неясны далекому от политики строевому офицеру. Служба же в рядах своего коренного полка имела близкий офицерскому сердцу, ясный и понятный стимул службы славному бытию своего седого полка и его Императорскому Штандарту.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Выше было сказано, что полк каждодневно ждал приказа о движении на фронт.

В конце мая и начале июня боевые операции в Таврии приняли благоприятный характер.

Армия генерала Врангеля, приведенная в порядок и развернувшаяся в 4 корпуса, 24 мая перешла в наступление против к тому времени усилившейся до 20 000 бойцов 13-й советской армии.

Упорными боями 13-я сов. армия была опрокинута и отброшена на Север. К 10 июня генерал Врангель захватил около 10 000 пленных, 9 броневиков, 48 орудий, 250 пулеметов, 3 бронепоезда.

В руки В.С.Ю.Р. перешла наиболее богатая часть Северной Таврии и крупные большевистские склады хлеба и боевых припасов.

Район был богат лошадьми, что позволило путем платной реквизиции посадить на коней большую часть конницы.

Армия вышла из «Крымской бутылки» на простор.

В Крым из Северной Таврии потек хлеб, продукты, цены быстро упали, и население вздохнуло свободнее.

Вследствие благоприятного в середине июня положения дела в Северной Таврии и упрочившегося порядка в городе Севастополе, Гвардейская Казачья бригада, предварительно отправке на фронт, была командирована для борьбы с зелеными на побережье Крыма.

16 июня полки бригады были доставлены морем — лейб-казаки в Ялту, атаманы — в Бахчисарай.

Полковые лазареты и канцелярии остались в Севастополе*.

Жители Ялты с восторгом встретили давно не виданную дисциплинированную часть.

19 июня полк выполнил первую задачу в районе Гурзуфа, где был взят в плен отряд зеленых в 35 человек во главе с войсковым старшиной Пономаревым.

21 июня полк снова двинулся в горы для очищения района к северу от имения «Ливадия». 3-й сотне была дана задача подняться до водопада Учан-Су и на вершину хребта Ай-Петри, 6-й сотне и пулеметной команде повзводно и разными горными тропами — сойтись к санатории, что выше дачи «Эриклит».

Лес в этих местах настолько густ, что в 50-ти шагах ничего не видно. Много скалистых пещер и крутых подъемов. За весь день удалось обнаружить лишь небольшой лагерь группы зеленых с еще тлевшим костром, спешно покинутый скрывшимся противником.

Через несколько дней был очищен район Черного Камня, и в ближайших окрестностях Ялты зеленые надолго прекратили всякую деятельность.

Для дальнейшей борьбы с зелеными, действовавшими крупными шайками по

* Охрана Севастополя перешла в руки специально сформированных местных команд и конвой Главкомандующего. Местные команды состояли главным образом из отставных и категоричных (негодных для строя) офицеров. Так, в одной из Севастопольских команд служил взводным офицером бывший Военный Министр Императорской России генерал от инфантерии Редигер.

Конвой Главкомандующего был развернут в полк. В составе полка конвой, коим командовал лейб-казак (выпуска 1900 г.) полковник В.Б. Упорников, вошла полностью и прежняя сотня конвой генерала Деникина от Гв. Казачьей бригады, коей командовал теперь лейб-казак войск. ст. В.П. Андриянов.

шоссе Алушта — Симферополь в район Бешуйские Копи — Монастырь, сотни были переброшены в следующие пункты: 6-я сотня с конным взводом 1-й сотни в район Алушты, 3-я сотня с конным взводом 1-й сотни — в имение графа Сумарокова, в д. Кахозы. Штаб полка, команда связи и конная полусотня, все под начальством полковника Кононова (вр. командовавшего полком по болезни полковника Поздеева), остались в Ялте.

Каждой сотне было придано по 2 пулемета, и при каждом отряде состояли чины контрразведки, руководящие производившимися каждодневно поисками и засадами.

Уничтожить окончательно зеленых, избегавших встреч и прятавшихся небольшими группами в трудно доступных глухих горных местах, не удалось, но всякая их деятельность в районах, занятых лейб-казаками, была в корне прекращена и возобновилась лишь с уходом полка на фронт.

27 июля полк получил приказание двинуться на фронт через Симферополь, где надлежало получить из ремонтного бюро, поставленных населением по платной реквизиции, лошадей.

2 августа лошади были получены и разбиты по сотням. В 1-ю сотню были отобраны гнедые, в 6-ю — вороные, в пулеметную команду, серые и, наконец, в 3-ю сотню пошли все отмастки. Всего в полку насчитывалось теперь около 400 лошадей, почему казаки, коим не хватило лошадей, были сведены в сотню (№ 2). Подъесаул Гринев в расчете получить для них коней с приходом на фронт, куда Гв. бригада выступила, погрузился в эшелоны в Симферополе 4 и 5 августа.

Истекший период борьбы с зелеными был труден лишь в физическом отношении.

Постоянные поиски и засады требовали лазания по кручам и продолжительных передвижений по заросшим лесом горам.

Сильно износилось обмундирование и пострадала обувь.

Зеленые систематически избегали встреч, а затем и прекратили деятельность в занятых полком районах, почему за июнь и июль потерь лейб-казаки не понесли.

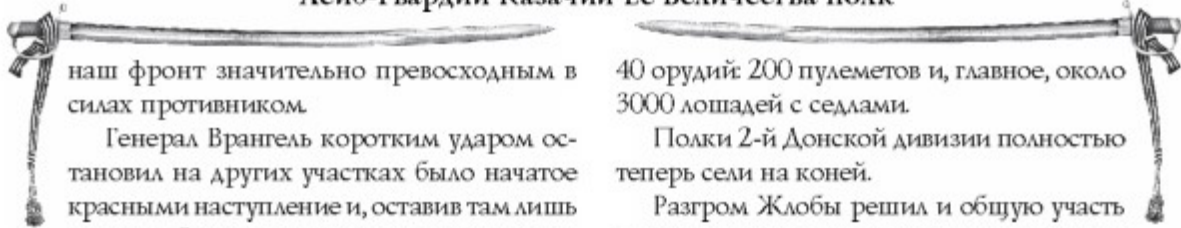
Единственной потерей была смерть от крупозного воспаления легких только что вернувшегося в полк командовавшего полком в 1917 году полковника Александра Андреевича Мишарева, скончавшегося в лазарете полка и похороненного 14 июля на Севастопольском кладбище.

В следующей главе мы приступим к изложению деятельности Лейб-Гвардии Казачьего полка на фронте, куда Гв. Казачья бригада прибыла 6 августа, а потому настоящую главу закончим кратким обзором событий в Северной Таврии в июне и июле и обзором общей обстановки, сложившейся в начале августа.

В середине июня, сильно потрепанная в боях конца мая, 13-я советская армия энергичной работой красного тыла быстро была приведена в порядок, пополнена и приготовлена к наступлению, в целях овладения Северной Таврией. Красное командование особые надежды возлагало на только что переброшенный с Северного Кавказа, в район ст. Пологи, мощный конный корпус Жлобы в 7500 сабель и 6000 штыков, усиленный кав. дивизией Блинова и двумя кав. бригадами 40-й советской дивизии.

15 июня Жлоба перешел в наступление в направлении Пологи — Мелитополь. Под натиском Жлобы 16, 17, 18 и 19 июня доблестный генерал Гусельщиков со своей 3-й пешей Донской дивизией медленно отходил, ведя бои с все глубже вклинившимся в

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

наш фронт значительно превосходным в силах противником.

Генерал Врангель коротким ударом остановил на других участках было начатое красными наступление и, оставив там лишь заслоны, бросил все свои силы против корпуса Жлобы, приняв на себя лично непосредственное руководство операцией.

19 июня Главнокомандующий, выразив глубокую благодарность 3-й Донской дивизии за доблестную работу последних дней, предложил 20 июня во что бы то ни стало удержать линию Астраханка — Варваровка, дабы дать другим частям возможность своевременно выйти во фланг и тыл противника.

Генерал Гусельщиков блестяще справился с задачей и утром 20 июня его атаковавшие тучи конницы Жлобы были взяты во фланг под шедшими корниловцами.

Жлоба, оставив донцов, обрушился пятью бригадами на корниловцев. Однако его атака разбилась об выдержанный пулеметный и ружейный огонь. Артиллерия корниловцев, выскочив на открытую позицию, открыла огонь во фланг атакующих красных. Одновременно в левый фланг Жлобы ударил перешедший в энергичное наступление генерал Гусельщиков. Массы красной конницы смешались и, расстреливаемые налетевшей флотилией аэропланов генерала Ткачева, разбившись на две группы, стали уходить. Первая группа двинулась было на север, где наскочила на 13-ю пехотную дивизию Слащева и на бронепоезда, вторая группа бросилась на юг, где наскочила на подошедших дроздовцев. Разбитые группы красной конницы бросились уходить на восток, где были перехвачены ударившими с юга 2-й Донской дивизией и с севера — Донской бригадой генерала Морозова.

Конный корпус Жлобы был совершенно разгромлен, оставив в наших руках

40 орудий: 200 пулеметов и, главное, около 3000 лошадей с седлами.

Полки 2-й Донской дивизии полностью теперь сели на коней.

Разгром Жлобы решил и общую участь красного наступления, ликвидированного к 23 июня вернувшимися на свои места частями Русской Армии.

За эту вторую крупную операцию в Северной Таврии, продолжавшуюся всего неделю (с 15 по 23 июня), было взято у красных — 60 орудий, 300 пулеметов и около 11 000 пленных.

План красного командования овладеть Северной Таврией потерпел неудачу, и фронт на некоторое время получил передышку.

* * *

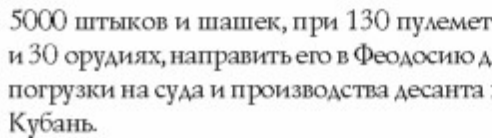
Противник, однако, продолжал усиливаться и доведя к середине июля численность своей 13-й Армии до 35 000 штыков и 10 000 сабель, вновь изготовился к наступлению.

Генерал Врангель решил сильным коротким ударом предупредить красных, разбить их и, обеспечив Северную Таврию и развязав себе здесь руки, бросить часть сил в экспедицию на Кубань.

С 10 по 20 июля в Северной Таврии шли упорные тяжелые встречные бои в северном и северо-восточном направлениях (Александровское, Ореховское, Пологское и Верхне-Токмакское).

Корпуса и дивизии Русской Армии, соперничая в доблести, отбросили численно превосходящего их противника, взяв до 5000 пленных, 30 орудий, 150 пулеметов и 4 бронепоезда.

22 июля генерал Врангель получил возможность снять с фронта Кубанские части и, образовав из них отряд силою около

5000 штыков и шашек, при 130 пулеметах и 30 орудиях, направить его в Феодосию для погрузки на суда и производства десанта на Кубань.

1 августа Кубанский десант, под общей командой генерала Улагая, высадился в Ахтырской станице и двинулся в глубь Кубани.

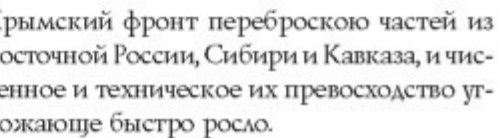
Тем временем в Северной Таврии красные перешли в новое наступление, на этот раз с северо-западного Днепровского направления, переправившись у Каховки, Корсунского Монастыря и Алешек. Одновременно большевики своей 2-й конной армией, усиленной 1, 3 и 46-й стрелковыми дивизиями, атаковали с севера 1-й Армейский корпус, стремясь прорваться вдоль Днепра и выйти в тыл войскам, защищавшим Днепровское направление.

Тяжелыми боями, с 25 июля по 2 августа, противник, как перешедший через Днепр, так и атаковавший 1-й Армейский корпус, был, при содействии Донских дивизий и конницы генерала Барбовича отброшен.

Однако на этот раз Каховский плацдарм, сильно укрепленный противником, обратно взять не удалось, что создало постоянную угрозу левому флангу генерала Врангеля, притом в направлении, ведущем к кратчайшему пути на Перекопский перешеек, и потому особо важному для Русской Армии.

Кроме того, Армия в последних тяжелых боях понесла большие потери, особенно в своем командном составе.

Потери нужно было пополнить, тем более что красные быстро усиливали свой

Крымский фронт переброскою частей из Восточной России, Сибири и Кавказа, и численное и техническое их превосходство угрожающе быстро росло.

Возможности маленькой территории Крыма, по сравнению с ресурсами остальной части России, были весьма скромны.

Необходимо было пытаться расширить базу в сторону казачьих областей, где, по слухам, шли восстания и образовались крупные местные партизанские отряды.

Попытками в этом направлении явились небольшой Донской десант полковника Назарова и крупный Кубанский — генерала Улагая. Десанты надежд не оправдали, чему причин было много, из коих главнейшей была ограниченность в средствах, не позволявшая довести силу десантов до нужной для успеха величины.

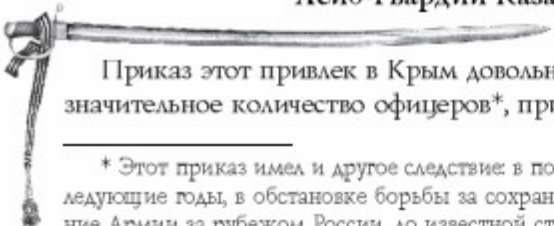
Десант полковника Назарова погиб на Дону, десант генерала Улагая 17 августа вернулся в Крым.

Несмотря на понесенные потери, численность вернувшихся кубанцев возросла, ибо к ним из ближайших к месту высадки станиц присоединилось 10 000 бежавших от красного ига казаков.

Генерал Врангель принимал и меры к привлечению в Крым многочисленных офицерских групп, оказавшихся за рубежом России (остатки Северной и Северо-Западной Армии, интернированные в Польше части генерала Бредова, офицерство, эвакуировавшееся из Сибири, Одессы и Новороссийска и т.д.).

Через сеть своей военной агентуры заграницей Главнокомандующий довел до сведения зарубежного офицерства свое предложение выезда желающим в Крым с тем, однако, что все, не пожелавшие ехать и оставшиеся заграницей, почитались вышедшими в отставку и исключенными из списков Российской Армии.

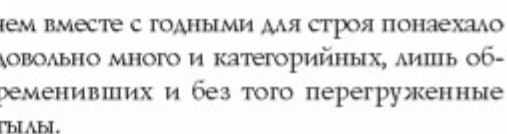
Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Приказ этот привлек в Крым довольно значительное количество офицеров*, при-

* Этот приказ имел и другое следствие: в последующие годы, в обстановке борьбы за сохранение Армии за рубежом России, до известной степени предопределилась некоторая рознь между офицерством, состоящим в Армии и не состоящим в ней.

Заметим, что право генерала Врангеля на отдачу упомянутого приказа лежит вне всяких сомнений: будучи Главнокомандующим на территории России, он пользовался не только преемственной Властью Верховного Главнокомандующего, но де-факто осуществлял и весьма важные функции Верховной Власти (объявление мобилизации, ведение войны, переговоры с Иностранными Державами, и т.д. и т.д.).

чем вместе с годными для строя понаехало довольно много и категоричных, лишь обременивших и без того перегруженные тылы.

Прибывавших, конечно, было недостаточно, дабы покрыть потери тяжелых боев и в особенности уравновесить угрожающий рост численного превосходства красных, тем более что сильно отвлекавшая большевиков борьба на польском фронте явно близилась к концу.

В первых числах августа начался новый тяжелый период боев на Крымском фронте, и Главнокомандующий принимал все меры для направления на фронт всего, что могло его усилить.

Глава XV

УСПЕХИ КРЫМСКОГО ФРОНТА В АВГУСТЕ И СЕНТЯБРЕ

Прибытие на фронт Гв. Каз. бригады. — Бои у Гохтейма и Щербаковки. — Организация довольствия в сотнях. — Бой 14 августа под Верх. Токмаком. — Бои за Шпарау 19-го и 22-го. — Атака Черниговки. — Состав полка к 27 августа. — Уничтожение матросского экспедиционного отряда у Андреевки и Стародубовки. — Взятие Мариуполя. — Настроение населения. — Атака слободы Никольской. — Бои у Керменчика и Святодуховки. — Движение Гв. Каз. бригады на Поповку. — Бои 28 и 29 сентября у Андреевки. — Полковой праздник 4 октября 1920 года. — Нападение 5-й сов. Кав. дивизии на наши тылы. — Набег на колонии Ялта — Гурзуф (Азовское море). — Изменения в общей обстановке и ухудшение ее в последних числах сентября и начале октября.

В августе 1920 года в связи с быстро нараставшим усилением красных генерал Врангель стянул на фронт максимум сил и реорганизовал их в две группы: 1-я — генерала Кутепова, состоявшая из Добровольческого (генерала Писарева) и Донского (генерала Абрамова) корпусов, имела целью защиту Таврии с севера и востока; 2-я (впоследствии 2-я Армия генерала Драценко), состоявшая из корпусов генерала Слащева, генерала Витковского, Кубанской конницы генерала Бабиева и регулярной — генерала Барбовича, имела целью защиту западного Таврического фронта по линии Днепра.

Донской корпус генерала Абрамова состоял из трех дивизий с соответствующей артиллерией. Эти дивизии были:

1-я Донская конная (ген. Дьяков), в состав коей входили Гв. Каз. бригада (ген. Фарафонов) из Л.-Гв. Каз. и Л.-Гв. Атаман. полков (полк. Поздеев и ген. Хрипунов); и 2-я бригада (ген. Морозов, а затем последова-

тельно ген. Клочков и Греков) из 1-го и 2-го Донских полков (полковники Дронов и Ружейников).

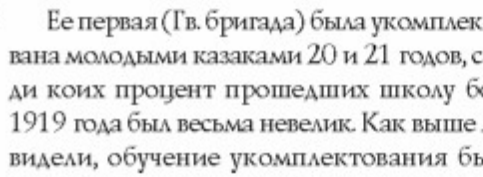
2-я Донская конная (генералы Калинин, Татаркин и Секретев), состоявшая из конных имени Атаманов графа Платова, Каледина, Назарова и Ермака Тимофеевича полков.

3-я Донская (генерал Гусельщиков), куда входили пешие Донские полки и 18-й Донской с Дзюнгарским калмыцким конные полки.

Наиболее сильной частью Донского корпуса являлась 2-я Донская дивизия, состоявшая из полнорядных полков, укомплектованных старыми бывальыми в боях казаками, с прекрасным, за время Гражданской войны подобранным, командным составом (генералы Секретев, Татаркин, Губкин, Рубашкин, полковники Чапчиков и Шмелев).

1-я Донская дивизия, из 2-х бригад впервые сведенных вместе, имела значительно меньший численный состав.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

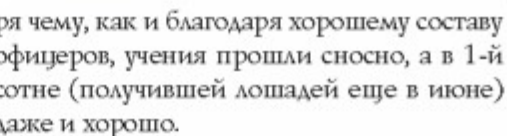

Ее первая (Гв. бригада) была укомплектована молодыми казаками 20 и 21 годов, среди коих процент прошедших школу боев 1919 года был весьма невелик. Как выше мы видели, обучение укомплектования было кратковременным, велось урывками, в промежутках между караульной службой и борьбой с зелеными; лошади, (кроме 1-х сотен) были получены только за несколько дней до прихода на фронт, почему в рядах полков бригады имелось много казаков, не только плохо владевших оружием с коня, но и весьма неуверенно себя чувствовавших в седле. Часть седел была регулярного типа (датские) очень плохого качества. Часть казаков не имела шашек и была вооружена исключительно винтовками (последние были, правда, прекрасного качества, новые, английские, магазинные на 5 и 14 патронов).

В каждом казачьем полку в Крыму, кроме штатных пулеметов, имелись и «собственные». Все взятые казаками у красных пулеметы оставались в полках. Возились они на крымских обывательских, весьма прочных и подвижных, тачанках, запряженных тройками лошадей. Таких пулеметов имелось от 10 до 25 (как во 2-м полку) на полк.

6 августа эшелоны Гв. Каз. бригады выгрузились на станции Федоровка, и Л.-Гв. Казачий полк сосредоточился в дер. Новобогдановка.

Немедленно, в первые же дни, было произведено несколько конных учений. Конечно, с точки зрения красносельских смотровых учений оставалось желать многого, но казаки всегда остаются казаками, благода-

ря чему, как и благодаря хорошему составу офицеров, учения прошли сносно, а в 1-й сотне (получившей лошадей еще в июне) даже и хорошо.

8 августа прибывшую на фронт Гв. Каз. бригаду смотрел генерал Абрамов, по распоряжению которого полки получили пики в Гальбштадте.

Генерал Абрамов сообщил, что вошел с ходатайством о включении бригады в состав Донского Корпуса вместо 1-го Армейского, куда она предназначалась.

На следующий день, 9 августа, бригада была переведена в состав Донского Корпуса, где вместе с бригадой генерала Морозова составила 1-ю Донскую конную дивизию.

Все начало августа противник наступал с севера на 1-й Армейский корпус и на фронте шли сильные бои. К 10 августа красные усилились здесь всей 2-й конной армией, состоявшей из четырех кав. дивизий, усиленных придачей пехоты.

Генерал Кутепов решил перейти 11 августа в энергичное наступление всем 1-м Армейским корпусом и группой 1-й и 2-й Донских дивизий.

Донцы должны были наступать параллельно и правее 1-го корпуса, в северном направлении на Сладкую балку — Тифенбург — Гохгейм, уничтожить находившиеся там слабые части противника и, выдвинувшись, таким образом, вперед, повернуть правым плечом на запад, ударить на Янчекрак-Трактир, по тылам наступающих на 1-й корпус красных.

10 августа от Л.-Гв. Казачьего полка были высланы первые разъезды на Гейдельберг-Эристовку — Андреабург. Молодые казаки с удовольствием вызывались в разъезд, и задания были ими выполнены блестяще. Один

из разъездов привел партию первых взятых полком в Крыму пленных.

В ночь на 11 августа вся 1-я дивизия сосредоточилась на сев. окраине Б. Токман, а 2-я дивизия — в районе Ст. Мунгаль.

На рассвете 2-я дивизия двинулась на Н. Куркулак и Гейдельберг, где взяла пленных и трофеи и откуда начала движение на Эристовку. 2-я бригада 1-й дивизии двинулась на Сладкую балку, которую после короткого боя и заняла, взяв пленных и одно орудие. Гв. Каз. бригада, бывшая в резерве Командира Корпуса, через два часа после начала наступления была направлена на Тифенбург и Гохгейм, кои заняла без сопротивления противника. Далее бригаде было приказано обеспечить правый фланг 2-й дивизии, наступавшей на Эристовку — Карачекрак.

Лейб-Казачий полк, не доходя четырех верст до Эристовки, был повернут на север и развернулся на $1/2$ дороге к Трактиру, откуда появились сильные части красной конницы. Конница эта, однако, действовала нерешительно и вела лишь артиллерийский бой.

Ввиду того что 2-я дивизия, встреченная ураганным огнем бронепоездов и сильной конницей красных, не смогла продвинуться далее Карачекрака, генерал Абрамов с наступлением темноты отвел обе дивизии на ночлег — первую в район Гохгейма, вторую — Гейдельберга.

Потери полка за бой 11-го: легко ранен осколком снаряда командир полка полк. Поздеев, контужен тем же снарядом полк. адъютант подьес. Кутейников. Ранено 3 казака и 3 лошади. Убито 4 лошади.

На 12-е было назначено повторение прежней задачи, причем 2-я Донская дивизия должна была брать Эристовку — Трактир — Яичекрак, а 1-я, взяв Щербаковку, должна была повернуть правым плечом на

Трактир, с целью помочь 2-й дивизии прижать красных к Днепровским плавням. Всю ночь в сторожевом охранении Гв. Каз. бригады велась перестрелка с подходившими разъездами красных, а с рассветом противник начал теснить сторожевое охранение Атаманского полка, в помощь которому была выслана 6-я Лейб-Казачья сотня и батарея.

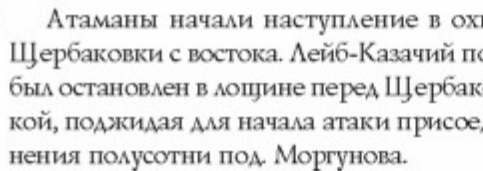
К 9 часам утра на участок левее Гохгейма вышла 2-я Донская дивизия, и Гв. Казачья бригада, имея в голове Л.-Гв. Атаманский полк, перешла в наступление. Здесь имела место доблестная атака атаманцев, кои своими 1-й и 3-й сотнями опрокинули вышедшие на них 3—4 эскадрона красных и гнали их на протяжении $1\frac{1}{2}$ —2 верст.

Начальник дивизии генерал Дьяков, оставив в резерве 2-ю бригаду, приказал Гвардейской ускорить движение на Щербаковку. На правом фланге шел Л.-Гв. Атаманский полк, имея впереди дивизион из своих 1-й и 3-й сотен с пулеметной командой, долженствовавших выйти к восточной части Щербаковки. Уступом назад и влево шел Л.-Гв. Казачий полк. Во время движения на север, еще левее, было видно движение каких-то скрывавшихся, то появлявшихся на гребнях конных частей, принятых за части 2-й дивизии.

«..Когда мы, перейдя дорогу Эристовка — Орехово, взойшли на высокую гряду, с коей была уже видна Щербаковка, — заносит в свой дневник Командир Л.-Гв. Казачьего полка полковник Поздеев, — то нас слева беспокоила какая-то лава с броневидами. И выслал влево полусотню с подьесаулом Моргуновым и Агафоновым.

Начальник дивизии приказал не обращать внимания на то, что делается влево, ибо там 2-я дивизия, а продолжать движение на Щербаковку..»

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Атаманы начали наступление в охват Щербаковки с востока. Лейб-Казачий полк был остановлен в долине перед Щербаковкой, ожидая для начала атаки присоединения полусотни под Моргунова.

Вскоре последняя и присоединилась.

Однако подъесаул Моргунов доложил, что конница, левее, не 2-я Донская дивизия, а красная, и что она движется на нас.

Подъесаул Агафонов привел пленного красноармейца, показавшего, что против нас части 16-я сов. Кав. див., а левее вся 21-я сов. дивизия.

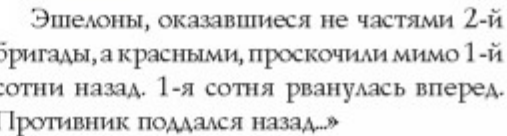
Одновременно вышедшие на Щербаковку атаманы попали под сильнейший артиллерийский и ружейный огонь, и в их 1-й сотне и пулеметной команде, еще не успевших развернуться, очередью снарядов было сразу выведено из строя 42 лошади. Под влиянием больших потерь атаманы повернули на юг и вышли временно из боя.

Между тем слева обнаружилось наступление красной конницы.

Лейб-казаки развернулись фронтом на запад.

«...Я увидел, как против нас неожиданно появилась конная масса, — читаем в записках генерала Поздеева, — мимо левофланговой сотни прошли какие-то два эшелона конницы, принятые нами за части 2-й бригады. Главная же масса, взбравшись на впереди лежащую гряду, медленно рысью двинулась вперед.

На правом фланге противник теснил есаула Кундюкова. В это время в полусотне 3-й сотни Б. Дубенцева, бывшей в центре, раздался крик „ура“, перекинувшийся на 1-ю сотню войскового старшины Краснова и далее на 6-ю есаула Кундюкова. В первой сотне я отчетливо слышал голос подъесаула Ротова своим примером увлекшего всю сотню.

Эшелоны, оказавшиеся не частями 2-й бригады, а красными, проскочили мимо 1-й сотни назад. 1-я сотня рванулась вперед. Противник поддался назад...»

«...Возбуждение и крик были большие, — пишет комбриг генерал Фарафонов, — отступали красные, но видя, что нас много меньше, оправались и снова двинулись в атаку. Мы шагом начали отходить и навели на свои пулеметы, конница красных отхлынула, мы устремились за ней, но она снова перешла в наступление...»

«...Каждая сотня, отделенная друг от друга большим расстоянием, действовала самостоятельно, — записывает участник боя есаул Могилянский, — общего управления быть не могло, и сотни ходили в атаку одновременно. Атаки следовали одна за другой. То красные шли в атаку — мы уходили. Останавливались красные, заметив обозначение фланговой атаки другой нашей сотни, сворачивались и удирали — мы бросались их догонять. Через несколько сот шагов останавливались мы, и повторялась та же картина в обратном порядке. Пулеметы трещали со всех сторон, и было невозможно разобраться, где были свои, где чужие. Представьте себе поле, квадратом в 2 версты, заполненное кучками всадников, бросающихся из стороны в сторону и временами соприкасающихся, прибавьте треск пулеметов, разрывы рвущихся гранат, дымки шрапнелей, столбы пыли — и получите картину конного боя лейб-казаков под Щербаковкою...»

Бой, благодаря громадному численному превосходству красной конницы, мог бы кончиться для 3-х Лейб-Казачьих сотен печально, если бы не братская помощь 2-й бригады, усиленной сотней конвоя начальника дивизии, атаковавшей часть красной конницы, уже глубоко обошедшей лейб-казаков с юга. Видя неудачу своей обходной

колонны, красная конница отхлынула окончательно. Лейб-казаки не преследовали, ибо некормленные и непоенные за день кони были вымотаны вконец.

«Для нас это был первый серьезный в Крыму бой, — говорит дневник есаула Могиланского. — Со стороны противника действовали испытанные в боях части на добрых конях. Для наших молодых казаков это было первое боевое крещение. Многие никогда в жизни не держали раньше в руках шашки, а тем более пики. Малорослый конский состав наш был много слабее конского состава противника. С утра непоенные и некормленные лошади сильно притомились и поднять их на аллюры выше рыси было трудно. Несмотря на значительное численное превосходство противника, молодые казаки наши вышли с честью из своего первого боя.

Расскажу несколько эпизодов боя: 6-я сотня идет в атаку. С ней двигалась пулеметная двуколка под командой ст. ур. Большепаева. Атака не удалась. В пулеметной двуколке ранены две лошади. Номера ускакали. Видя невозможность увести пулемет, Большепаев продолжает расстреливать скачущих на него красных. Злоба красных не имеет предела. Большепаеву наносят несколько шашечных ран и, когда он падает на землю, расстреливают из револьвера. Но обстановка меняется. 6-я сотня переходит в контратаку. Красные отходят. Казаки 6-й сотни подбирают Большепаева, у коего 2 холодные и 2 огнестрельные раны, и передают на перевязочный пункт. Большепаев поправился и через два месяца вновь сражался в рядах полка (впоследствии Большепаев был подхорунжим и вахмистром пулеметной команды).

А вот другой эпизод: 6-я сотня идет в атаку. Правифланговый казак скачет, держа в руке пикю с сотенным значком „в руку“. На него насккивает с шашкой красный

казак. Молодой казак так растерялся, что взял пикю „по плечу“ и получил несколько шашечных ран. Возьми он пикю „к бою“, никакая пташка его бы не достала..»

Потери полка за бой под Щербаковкой: ранен полковник Шамин и контужен подесаул Ротов (оба остались в строю). Казаков: убито — 4, ранено — 18. Лошадей: убито — 12, ранено — 29.

В числе убитых казаков был сраженный снарядом нашей батареи доблестный вахмистр 6-й сотни подхорунжий Злодюшкин*, подхорунжий 6-й сотни Илья Садчиков (Грушевской ст.) и вз. ур. 6-й сотни Чекалов (Мелиховской станицы).

«По окончании боя, — говорит записка генерала Поздеева, — полк стянулся и двинулся назад на Гохгейм. Когда мы туда подходили, там уже в резервной колонне стояли Атаманы. 2-я бригада оставалась еще на высотах, где вела артиллерийский огонь по отходящему противнику».

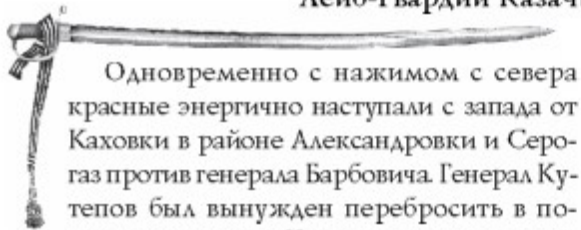
Действия 1-й Донской дивизии связали значительную часть сил 2-й конной армии, чем значительно облегчили задачу 2-й Донской дивизии по разгрому правой группы красной конницы.

Приведем оценку Главнокомандующего генерала Врангеля:

«12 августа, южнее Щербаковки, против 1-й и 2-й Донских дивизий развернулась вся 2-я конная армия красных, но она не выдержала удара Донцов и ушла на север». («Записки». Ч. II. С. 158).

* Подхорунжий Злодюшкин был лихим и беззаветно храбрым вахмистром. С начала Гражданской войны он не пропустил ни одной из многочисленных атак своей 6-й сотни, неизменно вырываясь вперед и увлекая за собой казаков. Он был твердым казаком и не признавал никаких компромиссов: в атаке 19 февраля 1919 года на Донце он лично зарубил своего, уже сдавшегося, хуторца, соседа по хате, казака «мироновца».

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Одновременно с нажимом с севера красные энергично наступали с запада от Каховки в районе Александровки и Серогаз против генерала Барбовича. Генерал Кутепов был вынужден перебросить в помощь последнему Корниловскую дивизию, занимавшую Б. Токмак. Корниловцев сменила Гв. Каз. бригада, прибывшая 13 августа в Н. Мунталь. «В Мунталь мы прибыли в 12 час дня, — говорит есаул Могилянский. — Здесь уже находился наш обоз и походные кухни. Три дня голодовки (ибо в разоренных красными деревнях и хуторах почти ничего нельзя было достать) дали возможность заведующим хозяйством приготовить великолепный обед.

В каждую кухню положили чуть ли не целую свинью. Пища была настолько жирна, а казаки настолько голодны, что в результате многие заболели расстройством желудка, а некоторые даже „съездили в Ригу“.

Не скрою, что и некоторые офицеры, любители поесть, тоже поплатились тем же. Зато заведующие хозяйством сотен торжествовали.

Здесь уместно сказать несколько слов о новой организации сотенного хозяйства, введенной генералом Абрамовым еще в июле 1920 года приказом по Донскому Корпусу.

В сотнях и командах старшие офицеры были назначены заведующими хозяйством своих частей и находились в прямом подчинении штаб-офицеру, заведующему хозяйством полка. Сотенные командиры были полностью освобождены от хозяйственных забот и работали исключительно в области строевой и боевой.

Офицеры, назначенные заведующими хозяйством, быстро вошли в роль, и редки были случаи, когда усталые люди и лошади, возвращаясь из боя, не находили горячий обед и заготовленный и доставленный на

место ночлега фураж. Упорядочилось и ведение отчетностей. Правда, организация эта отвлекла некоторый процент офицеров. Однако в условиях Гражданской войны и больших потерь в офицерском составе полку было полезно иметь как бы некоторый свой верный резерв готовых сотенных командиров.

* * *

Бригада недолго пробыла в дер. Мунталь.

Весь восточный фронт до Азовского моря был занят только одной 3-й Донской пешей дивизией генерала Гусельникова.

В ночь с 13 на 14 августа 42-я сов. дивизия нажала на Б. Токмак, занятый 8-м Донским пешим полком генерала Фицхелаурова и 18-м Донским конным полковника Кузнецова, и Гв. бригада была спешно затребована в помощь.

Тревога оказалась напрасной: красные наступление не развивали, и генерал Фицхелауров решил использовать прибытие Гв. Каз. бригады для контрудара.

По диспозиции, лейб-казаки должны были выдвинуться к колонии Шензе, перейти через речку и атаковать красных в лоб. Эта атака должна была быть поддержана доблестным 18-м Донским полком полковника Кузнецова, атакующим противника через Либенау в тыл Левее лейб-казаков, от Токмака, наступал генерал Фицхелауров с 8-м Донским пешим полком, при Итанке и, наконец, севернее Токмака, в охват правого фланга красных, должны были атаковать атаманы.

Прекрасное описание боя дает дневник участника есаула Могилянского:

«...14 августа, пройдя Токмак, мы в двух верстах от этого селения соединились с 18-м Донским полком. Командир полка полковник Кузнецов объяснил нам план общего

удара и указал место, откуда, по его мнению, удобнее всего идти в атаку. Сам он остался с нами, а свой полк отправил в обход, дабы одновременно с нашей атакой ударить красным в тыл.

Пленение красных для него было только вопросом времени. В исходе боя он не сомневался. Такая уверенность передалась и нам, сперва немного волновавшимся, ибо это был первый бой наших молодых казаков с красной пехотой.

Решено было идти в атаку эшелонами, в двухшереножном развернутом строю, с интервалами между всадниками в 20 шагов.

Кинули жребий, какой сотне идти головной. Судьба указала 6-ю сотню есаула Кундюкова. Роль его сотни решила участь боя: на что сухой человек полковник Кононов, и тот, когда мы возвращались с поля боя с лихо звучащими песнями, усталые, но полные того радостного нервного подъема, который дает одержанная победа, подъехал к есаулу Кундюкову и, поблагодарив от имени полка, расцеловал.

По условному знаку 6-я сотня поднялась рысью на бугор из балки, в которой скрывался полк. Противоположный спуск шел к болотистой речке, за которой лежали цепи красных. Расстояние до противника 1500 шагов. Все пространство простреливалось пулеметным и ружейным огнем.

Поднявшись на вершину, сотня перешла в намет и бросилась в атаку. Навстречу засвистели пули. К счастью, большинство летели над головами или зарывались в песок под ногами лошадей. Видно, красные, захваченные врасплох, волновались и стреляли не целясь.

3-я сотня, в которой был я, двинулась вслед за 6-й, в направлении пол-оборота вправо. Нас встретили таким же огнем, но еще более беспорядочным. Чтобы доскакать до красных, пришлось пробираться сквозь

лесок на берегу речки. Помню, как неприятно было продираться через лес, простреливаемый невидимым противником. Когда мы переправились через речку, противник уже бежал, все еще, правда, отстреливаясь. В то же время справа показался 18-й полк. Видя безвыходность положения, красные стали сдаваться, а конные комиссары удирать. Когда поспела 1-я сотня, бой уже, собственно, был кончен...»

Полк преследовал противника и забирал пленных на протяжении 5 верст.

Командир бригады генерал Фарафонов наступал с 8-м полком. С появлением на гребне лейб-казаков и началом атаки артиллерия открыла огонь, и 8-й полк двинулся вперед.

Генерал Фицхелауров с генералом Фарафоновым сел в автомобиль, приказав одному орудью следовать карьером за собою, выехал на левый фланг, далеко опередив свои цепи.

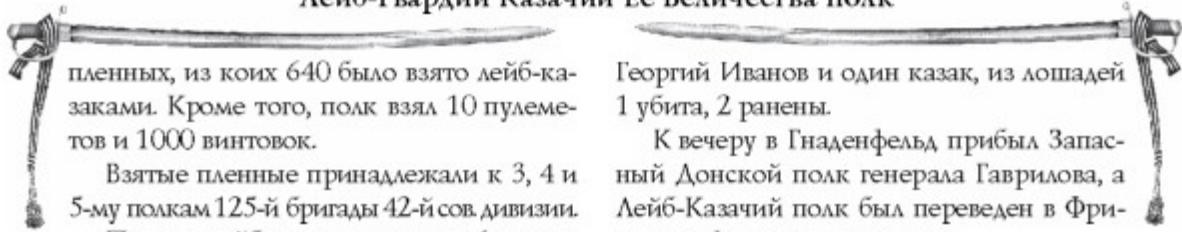
Заняв здесь вершину холма, он своим орудием открыл огонь.

«Атаманцы, — рассказывает генерал Фарафонов, — видимо, не следили за боем и, увидев нас впереди себя, открыли по нашей группе пулеметный огонь. Пришлось лечь под их пулями на землю, причем один казак-артиллерист был ранен. Артиллеристы сыпали проклятия и грозили кулаками, а я послал своего ординарца хорунжего Обухова с приказанием наметом атаковать врага...»

Хорунжий Обухов испросил разрешения идти с атаманцами в атаку, взяв лично около 50 пленных, но под конец зарвался и оказался один среди красных. Под ним ручной гранатой была убита лошадь, и он, отстреливаясь из револьвера, будучи тяжело ранен в пах, с трудом вырвался назад.

Согласно донесения генерала Фарафопова, Гв. Каз. бригадой было дано 800 взятых

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

пленных, из коих 640 было взято лейб-казаками. Кроме того, полк взял 10 пулеметов и 1000 винтовок.

Взятые пленные принадлежали к 3, 4 и 5-му полкам 125-й бригады 42-й сов. дивизии.

Потери лейб-казаков: ранены (все три тяжело) сотник Попов (скончался от раны через два часа), сотник Упорников и хорунжий Обухов.

Казачков — убито 5, ранено 10.

Лошадей — убито 6, ранено 17.

В числе почивших смертью храбрых отметим 3-й сотни лихих подхорунжего Рубашкина, вахмистра Горина и взводного урядника Домащенко.

Вечером генерал Фицхелауров горячо благодарил Командира полка полковника Поздеева за порыв лейб-казаков, по его словам, нанесших противнику главный удар.

15 и 16 августа полк простоял в Токмаке.

Сильная группа противника, сосредоточившаяся в районе Черниговки и Шпарау, начала беспокоить фронт 3-й дивизии, потеснив Запасный Донской полк (в 300 штыков) генерала Гаврилова, на $\frac{3}{4}$ состоявший из взятых в плен красноармейцев.

Лейб-Казачий полк спешно перебрасывается на помощь генералу Гаврилову и 17 августа переходит в кол. Гнаденфельд, где сменяет батальон 10-го Донского полка и конный Гундоровский дивизион. Днем противник пытался перейти в наступление, но был отбит огнем.

Противник из Черниговки занял Бегим-Чокрак, однако атакой полусотни 1-й сотни подъяс. Моргунова был выбит. В этой стычке был ранен вольноопределяющийся

Георгий Иванов и один казак, из лошадей 1 убит, 2 ранены.

К вечеру в Гнаденфельд прибыл Запасный Донской полк генерала Гаврилова, а Лейб-Казачий полк был переведен в Фриденсдорф, где и имел ночлег.

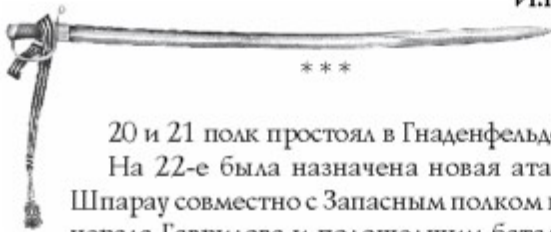
Утром 19 августа Лейб-Гвардии Казачий полк получил приказание взять совместно с полком генерала Гаврилова колонию Шпарау. Лейб-казаки должны были атаковать колонии Контениусфельд и Шпарау с севера, вдоль течения реки Кульман, а генерал Гаврилов с запада.

Полк, построенный в три эшелона, имея 1-ю сотню в голове, пошел в атаку одновременно с пехотой. До противника было 3 версты. Движение шло поперек пашен, кукурузы и подсолнухов. Пошел сильный дождь, перешедший в ливень, и черноземный грунт быстро размяк. Грязь налипала на подковах, и кони еле вытягивали ноги. «У нас, — читаем в записках генерала Поздеева, — с самого начала движения не было нацеливания на фланг противника, и только впоследствии, уже в полосе ружейного огня, полку пришлось искать фланг (движением вдоль красного фронта) под сильным пулеметным огнем противника.»

Головная сотня дошла было на 200 шагов, но далее атака захлестнулась, и полк был отведен назад к Гнаденфельду.

Начдив 1-й Донской ген. Дьяков, лично наблюдавший бой, относит неуспех атаки к медленности аллюра лавы. Он видел, как красная пехота, уже было покидая позицию, бросилась назад и как пулеметы противника, выброшенные на тачанках карьером вперед, только и остановили нашу лаву.

К сожалению, из дневников участников не видно, где находилась артиллерия 1-й дивизии и почему пулеметы противника, помешавшие атаке, не были своевременно ею ликвидированы.

20 и 21 полк простоял в Гнаденфельде. На 22-е была назначена новая атака Шпарау совместно с Запасным полком генерала Гаврилова и подошедшим батальоном Гундоровского полка. Однако последний перед боем был вытребован к Токмаку и участия в атаке Шпарау принять не мог.

По плану атаки лейб-казаки должны были ночью подняться до Валдгейма, откуда двигаться в направлении на высоту, что севернее Шпарау, с таким расчетом, чтобы в 5 час утра начать атаку. Одновременно Шпарау от Гнаденфельда должен был атаковать генерал Гаврилов.

Атаманскому полку надлежало сосредоточиться южнее Руднервейде и боем не дать возможности противнику, занимавшему Руднервейде и Михайловку, усилить свои части в Шпарау.

Гв. батарея должна была открыть огонь по Шпарау в 5 часов утра.

Полковник Поздеев выступил из Валдгейма в 3 часа утра, прошел не занятый Бегим-Чокрак, развернул сотни на интервалы в 700 шагов и двинулся вперед.

Едва начинало светать, и не было еще 5 часов, как со стороны вершины северней Шпарау по сотням полковника Поздеева был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь (позднее узнали, что ночью из полка генерала Гаврилова перебежала к красным сторожевая застава из пленных, красноармейцев, предупредившая противника об атаке).

«Не дожидаясь помощи от артиллерии, я приказал 6-й и 3-й сотне идти в атаку, а 1-й сотне содействовать удару. Наша атака успеха не имела. Противник занимал широкий фронт, был хорошо укрыт и вполне изготавился к бою, — говорит записка ге-

нерала Поздеева. — У противника работало большое количество пулеметов.»

«...Огонь, под который мы попали, — говорит есаул Могиланский, вернее шум пулеметной трескотни, был таков, что заглушал крик. Чтобы кому-нибудь отдать приказание, нужно было подбегать вплотную и кричать в ухо...»

Полк, понеся большие потери, отхлынул назад. Только тогда раздался первый наш орудийный выстрел, ибо батарея из-за темноты не могла открыть огня ранее 5 ³/₄ утра.

Узнав о неудаче лейб-казаков, не перешел в наступление и генерал Гаврилов, и части были отведены в исходное положение.

За бои под Шпарау 19 и 22, полк понес следующие потери:

Ранены тяжело сотник Ананьев и хорунжий Н. Ефремов. Контужены (остались в строю) есаул Агафонов и хор. Мигулин.

Казаков — убито 6, ранено 14.

Лошадей — убито 17, ранено 35.

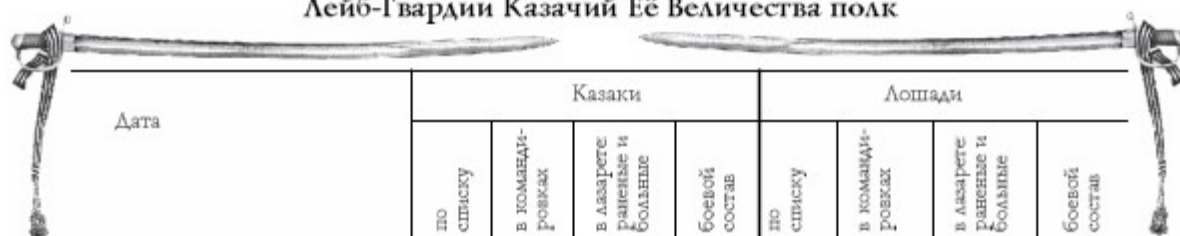
23 августа полк под проливным дождем перешел в колонию Паульгейм, 26-го в колонию Елизаветталь, а 28-го в колонию Мариенталь, где сменил атаманцев, перешедших в Мануйловку.

Противник находился в кол. Руднервейде, Михайловке и Юрьевке.

24 августа был получен приказ Начальника дивизии заменить через старост у местных жителей, путем мены раненых и побитых лошадей.

При Штабе дивизии была образована специальная ремонтная комиссия под председательством штаб-офицера.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Дата	Казачи				Лошади			
	по списку	в командировках	в лазарете раненые и больные	боевой состав	по списку	в командировках	в лазарете раненые и больные	боевой состав
1-я сотня	104	9	16	79	99	5	39	55
3-я сотня	50	—	—	50	50	—	—	50
6-я сотня	164	45	17	102	104	9	15	80
2-я сотня	131	34	18	79	80	2	9	69
Пулеметная команда	97	20	11	66	77	—	11	66
Команда связи	59	16	4	39	57	4	5	48
ИТОГО	605	124	66	415	467	20	79	368

Нечего говорить о недовольстве, возбуждаемом этой операцией среди местного населения, тем более что мена лошадей резко расходилась с общими, по конской повинности населения, распоряжениями Главнокомандующего генерала Врангеля.

Однако в условиях непрерывных боев Гражданской войны с превосходным в силах противником потребность сохранения максимальной боеспособности строевых частей не могла не доминировать над всеми прочими соображениями.

Получение лошадей в законном порядке, т.е. через ремонтный кавалерийский запасный полк, хотя и являлось главным источником пополнения конского состава, производилось в размере, не удовлетворявшем действительной нужды казачьих полков.

Главной причиной являлась относительная бедность конским составом Таврии*.

29 августа к полку присоединилась 2-я сотня подьесаула Гринева, получившая наконец в тылу лошадей.

* Были, конечно, и косвенные причины другого характера.

Так, в дневнике Командира Гвардейской Казачьей бригады генерала Фарафонова имеется следующая запись:

Согласно сохранившейся в полковом архиве ведомости о наличном составе Л.-Гв. Казачьего полка к 27 августа, численность его представилась в нижеследующих цифрах (см. таблицу).

Примечание: а) в списочном составе не показана трубаческая команда, находившаяся в Севастополе;

б) в графе командировочных показаны казаки полусотни Конвоя при Главнокомандующем в Севастополе, ординарцы штабов бригады и дивизии, санитары, нестроевые и обозные, как и часть денщиков и весовых, находившихся вне строя.

«Ремонтный запасный полк не желает давать нам, казачьим офицерам, хороших лошадей и присылает непригодных для себя, либо малолеток, либо с пороками.

Один генерал, заведующий ремонтом, присланному от Лейб-Казачьего полка офицеру сказал: „А зачем вы, казаки, бросили лошадей в Новороссийске и вообще зачем вы пришли сюда“». (Дневник генерала Фарафонова. С. 26.)

Заметка генерала Фарафонова очень характерна, ибо показывает, что дух узкой кружковщины, несмотря на все усилия Главнокомандующего генерала Врангеля, еще в тыловых учреждениях не был изжит.

К концу августа наступление красных против 1-го Армейского корпуса на Днепровском фронте было полностью ликвидировано, однако, несмотря на успешность тяжелых боев, и на этот раз не удалось овладеть оставшимся в руках красных Каховским плацдармом.

Противник спешно усиливал свои войска перебросками новых частей и к началу сентября сосредоточил на своем Крымском фронте уже три армии (6, 8 и 2-ю конную).

Удерживать фронт пассивной обороной нечего было и думать, и генерал Врангель решил попытаться продвинуться на Украину, дабы поддержать и разжечь начавшиеся там противобольшевистские восстания крестьян.

Предварительно генералу Врангелю необходимо было развязать себе руки, разбив красных в северном и северо-восточном направлениях.

Задача эта легла на 1-й Армейский и Донской корпуса.

1 сентября Донской корпус перешел в наступление. 2-я Донская дивизия вышла с боем в район Елизаветовки и двинулась на север, в направлении на Поповку, Гусарку и Гуляй Поле, по тылам сражавшихся против 1-й и 3-й Донских дивизий красных.

В тот же день Лейб-Гвардии Казачий полк получил приказание занять Руднервейде и Михайловку. 6-я сотня легко сбита противника и заняла Руднервейде, остальные вошли в Михайловку, выдвинув 2-ю сотню в Францисталь и взвод той же сотни в Паству.

Далее пришло приказание ограничиться занятием указанных пунктов и выдвинуть на север лишь разведы, а ночью перейти через Гнаденфельд и Валдгейм на Стульнево, где в 7 час утра войти в подчинение генералу Гусельщикову.

В исполнение приказания полк 40-верстным круглым переходом в 6 час

утра подошел к Стульнево, где был встречен огнем сторожевого охранения противника.

Вскоре подошла 3-я дивизия и полк вошел в распоряжение генерала Гусельщикова.

«...Порядок движения 3-й дивизии был следующий, — читаем в записках генерала Поздеева, — впереди на пулеметной тачанке сам начальник дивизии генерал Гусельщиков, далее два орудия — одно полевое, другое гаубица, за ними редкая цепь пехоты и колонна дивизии. Конница, 18-й Донской и Дзюнгарский двинуты на 5 верст левее на хутор Козинковатый.

Пулеметы и два орудия идут впереди и сбивают цепи противника.

Генерал Гусельщиков то идет пешком, то едет верхом, то мчится в пулеметной тачанке, то сидит в автомобиле. Приказания быстры, часто сбивчивы, непоследовательны, но в них чувствуется уверенность, боевое счастье и чутье...»

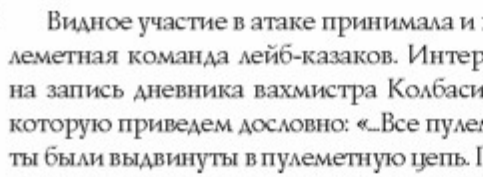
Наступление на Стульнево и Черниговку блестяще удалось. Лейб-казаки были двинуты в атаку восточнее Черниговки.

Дивизионом лейб-казаков, брошенных в атаку (3-я и 6-я сотни и пулеметная команда), командовал (вернувшийся в строй по расформированию в Крыму 1-го Дон. кон. Запасного полка) полковник Номикосов.

Задача его затруднялась не столько сопротивлением противника, сколько полной вымотанностью лошадей, голодных, не поенных и прошедших всю ночь в тяжелом ночном, 40-верстном, круглом марше.

Несмотря на 10-верстное пространство, отделявшее в начале атаки дивизион от противника, и на то, что лошади двигались лишь короткой рысью и шагом, энергией полковника Номикосова атака была доведена до конца и увенчана успехом.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Видное участие в атаке принимала и пулеметная команда лейб-казаков. Интересно записать дневника вахмистра Колбасина, которую приведем дословно: «...Все пулеметы были выдвинуты в пулеметную цепь. Пулеметы, не снимаясь с двуколок, меняли позиции, быстро передвигаясь на Черниговку. Левее и несколько назад двигалась наша конница. Как только противник был сбит пулеметным и орудийным огнем конные сотни бросились в атаку. Порыв казаков был такой, что приходилось угрозами останавливать пулеметные номера. Все пулеметные урядники ускакали в схватку. Богатые трофеи достались нам. Для нас важно было подобрать новенькие шинели и сапоги. За шинели выменивали все, что нам только было нужно: сено, ячмень, самогон, яйца, кур...»

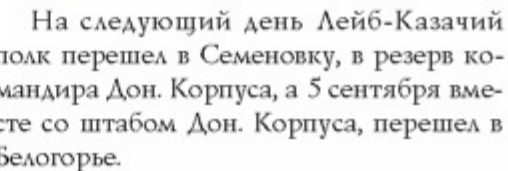
Пехота противника, атакованная с одной стороны полковником Номикосовым, с другой — подошедшей частью первой сотни полка, воткнула штыки в землю и сдалась.

Лейб-казаки взяли 180 пленных, 3 пулемета и обоз в 12 нагруженных подвод.

Потери, понесенные полковником Номикосовым, свелись к 1-му раненому казаку и к двум убитым и семи раненым лошадям.

Тем временем генерал Фицхелауров отрезал путь отхода красным на север, 2-я Донская закрыла путь отхода на восток, а с юга к В. Токмаку подошел генерал Дьяков с пехотой и частью атаманцев. Черниговская и Верхне-Токмакская группы (40-я и 42-я сов. див.) красных были разгромлены, оставив более 1000 пленных, орудия и пулеметы.

Три красных бронепоезда, развивавших бешеный огонь, пытались уйти на Бельманку, однако 2-я Донская дивизия успела подорвать путь, и бронепоезда достались ей.

На следующий день Лейб-Казачий полк перешел в Семеновку, в резерв командира Дон. Корпуса, а 5 сентября вместе со штабом Дон. Корпуса, перешел в Белогорье.

В этот день в распоряжение Ком. Дон. Корпуса перешла, подтянутая в район Б. Токмака, 1-я Кубанская Каз. дивизия ген. Бабиева.

2-я Донская дивизия двинулась через Конские Раздоры на Гуляй Поле, 3-я Донская — на Орехово и вторая бригада 1-й Донской — из Очертоватого на Вербовый. Таким образом, почти весь Донской Корпус, с приданной ему Кубанской дивизией, двинулся на север, гоня перед собою расстроенного противника и забирая пленных.

Для обороны временно оставленного 100-верстного участка юго-восточного и восточного фронта оставалась лишь Донская Гвардейская бригада генерала Дьякова, с приданным ей Гундоровским батальоном.

1-я полусотня 1-й Лейб-Казачьей сотни, совместно с батальоном Гундоровского полка, при двух орудиях, под общей командой полковника Краснова заняла район станции Пологи.

Л.-Гв. Атаманский полк был выдвинут южнее, в Поповку; откуда вел широкую разведку.

Между тем красное командование, желая облегчить положение своей беспорядочно отходившей и гонимой на север 13-й армии, бросило в наступление на восточный участок фронта свою сосредоточенную в Мариуполе Морскую Экспедиционную дивизию.

Состав этой дивизии, образованной из многочисленных матросских отрядов, стяжавших своими жестокими карательными расправами громкую известность, был нижеследующий:

Каспийский матросский полк 800 штыков				
Днепровский	«	«	900	«
Черноморский	«	«	600	«
Кронштадский	«	«	1360	«
Беломорский	«	«	970	«
Конный	«	«	250	шашек
Всего..... 4630 шт. и 250 шашек				

(Справка: Гражданская война. Действия на морях. Т 3. С. 294 и 302.)

Генерал Абрамов спешно двинул на юг, на усиление атаманцев, лейб-казаков и 2-ю бригаду 1-й Дон. див.

Уже 7 сентября ген. Дьяков имел первое столкновение своими передовыми частями с противником. Большевистская История Гражд. Войны говорит: «Кавалерийские части противника, при поддержке двух орудий, после боя у Белоцерковки, к вечеру 7 Сентября, принудили части Каспийского полка отойти на Темрюк. В тот же день Черноморский полк занял Берестовое, а Днепровский полк — Темрюк и Захарьевку..».

8 сентября вся 1-я Донская дивизия сосредоточилась в Поповке.

Немедленно по вступлении головных частей дивизии в Поповку была выслана в расположенную восточней дер. Бельманку сильная конная застава, при трех лейб-казачьих пулеметах под командой хор. Ярцева.

Деревня Поповка была растянута по балке почти на 13 верст и своими последними домами подходила к Бельманке, где предполагалась застава от Атаманского полка. Совершенно неожиданно отряд Ярцева при выходе из Поповки попал под сильный огонь, открытый из последних домов деревни.

Хор. Ярцев быстро подался несколько назад и пулеметным огнем выбил засевших в конце Поповки красных. Одновременно он выслал несколько казаков со взводным

пул. команды вахмистром Колбасиным, дабы подобрать раненых казаков и лошадей и узнать, что впереди.

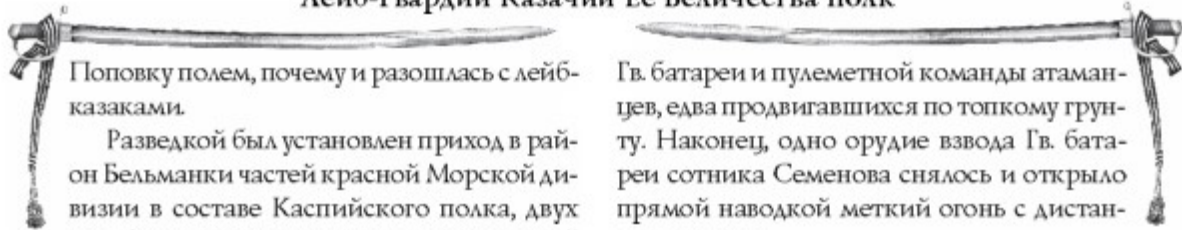
Далее приведем рассказ подхорунжего Колбасина, хорошо характеризующий настроение жителей: «Казаков я встретил уже идущими с седлами, снятыми ими с подбитых лошадей. Раненых не было, но не хватало подхорунжего Текутова. Стал расспрашивать крестьян. Они явно знали, что какой-то раненый спрятался в клуне, но выдавать не хотели, не веря, что я белый. Напрасно показывал я на свои погоны: крестьянки выли, но не выдавали. Я было хотел ехать, как одна подходит и говорит: — «А ну, перекрестись». — Я несколько раз перекрестился и побожился, что я белый. «Ну, говорит она, вин тутечко у клуни, только не убий его, если вин красный, а не ваш». Я подошел к клуне и стал вызывать. Текутов выскочил и в зубы мне револьвер тычет: он думал, что красные по его душу пришли..»

Далее вахмистр Колбасин, с хорунжим Ярцевым, отправились на разведку в дер. Бельманку. Уже совершенно стемнело, и Колбасин смело проник в самое село: «Всюду громыхали подводы, кричали и скакали всадники — было очевидно, что противник только еще вступал в деревню.

Я зашел во двор: там стояли лошади, но людей видно не было. Я только подошел к окну хаты, как вышла крестьянка. Я был в серой фланелевой сорочке, и черным виднелись на мне лейб-казачьи погоны. Она на миг растерялась. На вопрос: кто здесь — она часто-часто зашептала: „Красные матросы, их много-много, только что пришли. Дитко, убигай, а то поймают и будут мучить. Ваши все ушли в Поповку..”»

Выяснилось, что вытесненная красными передовыми частями Атаманская застава, не зная о подходе хор. Ярцева, отошла на

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Поповку полем, почему и разошлась с лейб-казаками.

Разведкой был установлен приход в район Бельманки частей красной Морской дивизии в составе Каспийского полка, двух рот Днепровского полка и дивизионной конницы.

Наутро завязался с ними под Поповкою бой.

Красные пытались атаковать, но, понеся большие потери от огня, отошли. Одновременно выяснилось, что Черноморский полк Морской дивизии из Берестовского продвинулся в расположенную южнее Поповки Андреевку.

Генерал Дьяков решил уничтожить черноморцев и, оставив в направлении Бельманки лишь наблюдение за отошедшими туда каспийцами, двинул всю 1-ю Дон дивизию на Андреевку.

Гв. Каз. бригаде было приказано выступить в 1 час ночи 10 сентября и на заре атаковать Андреевку с востока. 2-й бригаде произвести то же самое с запада. С севера удар по Андреевке наносил батальон Гундоровского полка. Маневр удался.

Генерал Дьяков ворвался с двумя сотнями гундоровцев на северную окраину растянутого на добрый десяток верст селения Андреевки, одновременно Гвардейская Казачья бригада атаковала противника с востока. Матросы поначалу оказали ожесточенное сопротивление, но затем, видя охват деревни со всех сторон, пытались выйти, двигаясь сомкнутой колонной, на Берестовое.

«...Лейб-казаки несколько раз ходили в атаку, — читаем в записках Комбрига Фарафонова, — но упорство матросов было отчаянное и атаки отбивались. Тогда в нашу лаву были поданы открывшие огонь лейб-казачьи пулеметы. Всех своих ординарцев я послал ускорить подход орудий

Гв. батареи и пулеметной команды атаманцев, едва продвигавшихся по топкому грунту. Наконец, одно орудие взвода Гв. батареи сотника Семенова снялось и открыло прямой наводкой меткий огонь с дистанции в версту.

Снаряды ложились в самую гущу матросов. Оставив одно орудие стрелять, другое увлек ближе к лейб-казакам и таким образом, перекатами, все время перебрасывал орудия по мере продвижения матросов.

В дело вступили пулеметы атаманцев, и Гв. Каз. бригада бросилась в атаку, сломив упорство матросов.

Изрубленных и убитых жители снесли на кладбище в количестве более 300.

Раны были ужасны: шашками порублены черепа, тела разворочены ударами пик, снарядами оторваны конечности. Пленных взяли 349 человек, из коих 49 начальников и комиссаров были выданы самими матросами и тут же расстреляны.

Лица почти у всех матросов, как у убитых, так и у раненых и пленных, зверские и каторжные.

Озлобление казаков было велико: упорный бой ожесточил людей, мстили матросам за ограбление ими Дона, за расстрелы и за все их революционные бесчинства.

Одеты матросы были прекрасно, имели богатый обоз, обильно снабженный продуктами и запасом сахара, и казакам досталась хорошая добыча.

Кроме пленных и обоза, было взято два орудия и несколько пулеметов...»

Красная история Гражданской войны говорит: «10 (23) сентября крупные силы пехоты и конницы противника, при 8 орудиях, окружили Черноморский полк. Полк был разбит, и только немногим удалось прорваться через кольцо противника. В руки неприятеля попало — полковой обоз, 2 орудия и 12 пулеметов...»

Потери Лейб-Казачьего полка были велики.

Из офицеров был ранен хорунжий Мокров.

Несмотря на утомление людей, генерал Дьяков приказал в ночь на 11-е начать движение на Берестовое.

Впереди шла Гвардейская Казачья бригада.

Однако Берестовое оказалось очищенным противником, и бригада, не останавливаясь, двинулась на Стародубовку.

Потрясенные понесенными потерями и гибелью черноморцев, красные матросы быстро отходили. Дабы сдержать их, красное командование поспешно бросило на Стародубовку свой самый сильный (1390 штыков) Кронштадский полк.

Подойдя к Стародубовской, лейб-казаки в конном строю ворвались в деревню, но встреченные огнем красных, засевших в каменных домах, принуждены были в ожидании подхода своей пехоты и пушек ограничиться преграждением пути отхода красным на Мариуполь.

Через два часа на повозках прибыл Гундоровский батальон и немедленно открывшие огонь две батареи 1-й дивизии.

Гундоровцы ворвались в деревню, а лейб-казаки, перейдя реку, атаковали красных со стороны Покровской.

Матросы, пытавшиеся отойти на Покровское, были изрублены в атаке Гвардейской Казачьей бригадой.

Лейб-казаки взяли 220 пленных, причем особенно отличился пулеметный на тачанках взвод хорунжего Ярцева, занимавший промежуток между бригадой и гундоровцами, самостоятельно ходивший в атаку и взявший один 110 пленных.

Часть красных засела в каменном здании паровой мельницы и яростно отстреливалась. Пришлось подтащить орудия и выжечь их огнем. То были остатки какой-то только что прибывшей на фронт инженерной матросской Ораниенбаумской роты и командный состав Кронштадского полка. «Им удалось пробиться до балки, — говорит записка Комбрига генерала Фарафонова, — и по ней эти последние 60 человек, отстреливаясь, шагом шли 4 версты, преследуемые лавой 6-й сотни лейб-казаков.

Появился на автомобиле Начальник дивизии генерал Дьяков с ружьем и пулеметом. Пулеметчик открыл огонь. Лава бросилась в атаку, и последние остатки красных были порублены».

Всего за бой 11-го противник потерял 300 убитых и около 400 пленных.

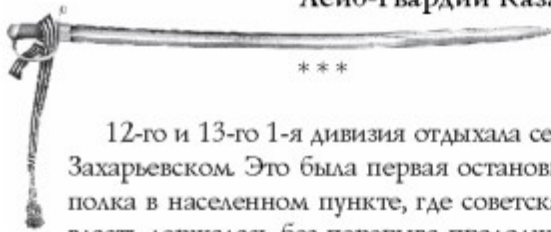
Красная история Гражданской войны говорит: «11 (24) сентября 1-й батальон Кронштадского полка у Стародубовской был окружен и уничтожен конницей противника. 2-й батальон — около 400 штыков был окружен в (самой) Стародубовской и уничтожен...»

Трофеями полка, кроме пленных, явились 3 пулемета, знамя саперного полка и много повозок со снарядами и продуктами.

Среди пленных оказалось 20 мобилизованных красными кубанцев, коих отправили на пополнение Кубанской дивизии.

12 сентября Командир полка полковник Поздеев, вызванный в Севастополь телеграммой генерала Шатилова, по случаю опасной болезни жены, отбыл в отпуск и во временное командование полком вступил полковник Кононов.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

12-го и 13-го 1-я дивизия отдыхала селе Захарьевском. Это была первая остановка полка в населенном пункте, где советская власть держалась без перерыва продолжительное время, и поэтому приведем интересную запись дневника Комбрига генерала Фарафонова, характеризующую настроение жителей — крестьян: «Красные слavno досадили крестьянам своей коммуной. О свободе больше слушать не хотят, а о земле говорят „только бы свое оставили”. Теперь, видимо, они душой с нами. По рассказам хозяина хаты красные только голяков не тронули, а его, крестьянина среднего достатка, заставили свезти 180 пудов пшеницы по 30 коммунистических рублей за пуд (коих он так и не получил), по 15 яиц с десятины и по 4 фунта коровьего масла с коровы. Когда он отказался сдать такое количество, то его арестовали и грозили расстрелом. Лица у крестьян грустные, но глаза смотрят на нас открыто и добро, не так как раньше. Закон о земле, изданный в Крыму, они знали, так как листовки разбрасывались с наших аэропланов, читать приходилось тайком, ибо за чтение красные расстреливали.»

Интересна и запись генерала Фарафонова, несколько другого рода: «В деревне невозможно достать яиц. Причиной отчасти являются последствия введенной здесь большевиками коммунальной системы хозяйства, а главной причиной — наши рядовые казаки, имеющие много денег, отобранных ими от пленных красноармейцев (по неписаному закону Гражданской войны, все имущество комиссаров и красноармейцев переходило к взявшему их в плен казаку).

Рядовые казаки сорят деньгами, платят высокие цены и все съедают. Они настолько богаче офицеров, что последние в денеж-

ном отношении с ними состязаться не могут, а потому и остаются без продуктов.»

В ночь на 14 сентября 1-я дивизия двинулась далее на восток, на Покровское и Никольское. В тот же день к Лейб-Казачьему полку присоединилась полусотня 1-й сотни войскового старшины Краснова, пришедшая со ст. Пологи.

Перед 1-й дивизией, почти без боя, отходила группа недавно прибывших советских полков (10, 11, 12 и 13-й Донские и 15-й Стрелковый).

По слухам, в них было много насильно мобилизованных красными казаков, кои не хотели сражаться.

Учитывая это обстоятельство, начальник дивизии генерал Дьяков решил ускорить наступление на Мариуполь.

14-го дивизия имела бой с не оказавшим большого сопротивления противником у Покровской и имела ночлег в слободе Нижне-Никольской.

В этот день в полку был ранен тремя пулями в ноги бывший на наблюдательном пункте полковник Шамин.

Утром 15-го дивизия атаковала Мариуполь.

В голове шел Гундоровский батальон, а правее атаманды, усиленные Лейб-Казачьей пулеметной командой. Лейб-Казачий полк, бывший в начале в резерве Комбрига, во главе с последним бросился в атаку, как только гундоровцы выбили противника из окопов, и ворвался в город. Противник бежал через город на мост на реке Кальмиус.

«Жители были в домах, — записывает генерал Фарафонов, — город точно мертвый, только одиночные фигуры показываются в воротах и торопливо украдкой осе-

няют нас крестным знаменем. Выскочив на восточную опушку и выпустив десяток снарядов по отходящим красным, я с конницей и пулеметами, не останавливаясь, преследовал их десяток верст, почти дойдя до станицы Ново-Николаевской. За время преследования взяли до 700 пленных...» (Из состава 2-й Донской стрелк. дивизии.)

Потери полка: Казаков — убито 1, ранено 1.

Лошадей — убито 2, ранено 5.

Интересна запись дневника подьесаула Моргунова:

«...Все симпатии жителей на нашей стороне, но они боятся их проявлять, говоря, что, если вы уйдете, нам очень плохо будет. В городе были две чрезвычайки. Я лично видел в стенах, около которых расстреливали, огромные углубления, выбитые пулями. Все стены покрыты запекшейся кровью, смешанной с мозгом и мелкими осколками костей. В одном из углов стражник поднял человеческую губу с усами. Всюду удушливо пахло трупным смрадом...»

В городе были взяты большие трофеи, и в числе их большое количество совершенно новых японских винтовок.

Имелся в городе водочный завод. С разрешения начальника дивизии полки получили каждый известное количество водки. лейб-казаки получили 35 ведер, немедленно отосланных частью в обоз, частью на базу полка в Севастополь, в распоряжение заведующего хозяйством.

Водка служила, конечно, не только для потребления, а главным образом как объект меновой торговли, совершенно неизбежный при крайней скудости денежных отпусков и быстро падающей ценности бумажных денег. Бутылка водки по тем вре-

менам расценивалась от 10 до 20 тысяч рублей.

Некоторое количество спирта было отпущено по разрешению Начальника дивизии и офицерам. Это был первый случай за все три года Гражданской войны, когда офицеры воспользовались взятой с боя добычей.

Одновременно и параллельно с 1-й Донской дивизией, но значительно северней наступали на восток 2-я и 3-я Донские дивизии.

2-я дивизия 14 сентября разбила 4-тысячную группу красных у ст. Великий и, взяв несколько сот пленных и два бронепоезда, дошла до границы Донецкого бассейна (15 сентября 4-й Донской полк полковника Рубашкина взял ст. Юзовку, где взорвал громадные склады снарядов).

3-я дивизия 14 сентября достигла ст. Волноваха, а 15-го, повернула на юг на станцию Асланово, откуда двинулась на станцию Ново-Николаевскую.

За Мариупольскую операцию все три Донские дивизии взяли 5000 пленных, 90 орудий и много пулеметов.

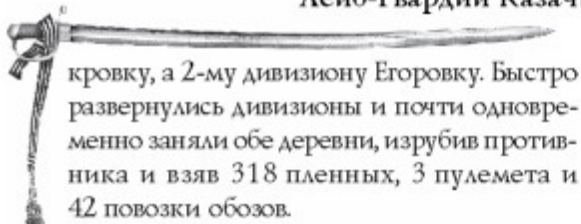
17 сентября противник пытался наступать северней Волновахи, и в помощь 2-й дивизии была спешно двинута на север 1-я Донская, смененная в Мариуполе 3-й Донской.

18 сентября 1-я дивизия переходом в 55 верст перешла в с. Ивановское, а 19-го переходом в 30 верст — в район сл. Никольская — Васильевская — Павловская.

Здесь разыгрался встречный бой.

Начальник дивизии приказал 1-му дивизиону лейб-казаков атаковать деревню По-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

кровку, а 2-му дивизиону Егоровку. Быстро развернулись дивизионы и почти одновременно заняли обе деревни, изрубив противника и взяв 318 пленных, 3 пулемета и 42 повозки обозов.

Далее двинулись в атаку атаманы.

Трудность первых атак усугублялась тем, что наша артиллерия сильно отстала и при-была лишь к концу боя.

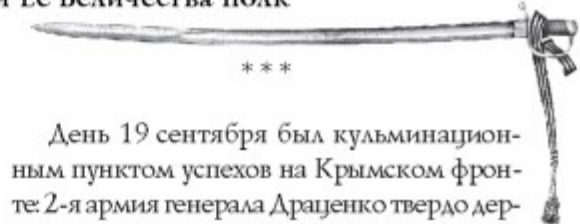
Атаманская сотня войскового старшины Васильева, сбив заслон противника, проникла ему в тыл, а две другие сотни атаквали красных в обнажившийся их фланг.

«Очень красивая была атака двух сотен Атаманцев, — читаем в записках Комбрига генерала Фарафонова, — как взяли пехоту с правого фланга, так и доскакали до левого, забрав 500 пленных. Во время этой атаки, пропустив Атаманцев мимо себя, я с 1-й сотней лейб-казаков выскочил на бугор. Сотня спешилась и залпами отбила массу пехоты красных, коя наступлением от Константиновки пыталась выручить своих, атакованных Атаманцами. Пехота эта залегла и открыла сильный огонь. Рой пуль свистел в воздухе. В этот момент на автомобиле подъехал генерал Дьяков. В миг ему пулями разбили фонарь, кузов и стекла автомобиля. Самому Начдиву щелкнуло пулей вдоль ноги. Слева показалась лава красной конницы, однако огнем на прицеле 12 она была отбита. Пехота красных стала отходить толпами...»

За бой 19-го 1-я дивизия взяла более 1000 пленных из состава 9-й сов. стр. и 7-й сов. кон. див., 5 пулеметов и много повозок обоза.

Потери Лейб-Казачьего полка:

Тяжело в грудь ранен подесаул Жеребков. Казаков — убито 3, ранено 4. Лошадей — убито 14, ранено 11. Дивизия ночевала в Никольском.

День 19 сентября был кульминационным пунктом успехов на Крымском фронте: 2-я армия генерала Драценко твердо держала линию Днепра, готовая к переходу в наступление и выходу на Украину; 1-й Армейский корпус занимал Александровск, а дроздовцы и кубанцы поднимались на север до Синельниково: Донской корпус своими тремя дивизиями стоял на границе Донской Области.

Настроение Донцов было бодрым и не было сомнения в успехе дальнейшего движения вглубь Донской Земли.

Однако судьба сулила иное..

...И открылся нам широкий
Путь, свободный на Восток.
Уж виднеются границы
Войска славного Донцов,
И сердца их, словно птицы,
Улетали в край отцов.
Но с Днепра нам враг проклятый
От Каховки угрожал,
И победы бег крылатый
Корпус в горести сдержал.
И струями Дон блистая,
Не напоит сыновей,
Не овеет ширь родная
Их дыханием степей.
Не пройдут перед очами
Благодатные поля,
Не откроют им ветвями
Отчих кровель тополя..

(Стих. С.Ф. Сулина.

Сборник «Донцы в Тавриде». С. 43).

В промежутке между 1-м Арм. корпусом с Донским и в тылу последнего в районе Пологи-Ореховая наблюдалось оживление деятельности противника.

9-я сов. Кав. дивизия смелым рейдом проникла до Царево-Константиновки и Розовки.

Одновременно наблюдалось сильное усиление противника на Днепре, где генерал Врангель деятельно готовился к переходу в наступление для выхода на Украину. Представлялось необходимым для успеха последней операции предварительно сократить общий свой фронт, сильно растянувшийся на север и восток.

В связи со всеми этими обстоятельствами продвижение Донских дивизий на восток было остановлено и Донской корпус двинут обратно на запад.

1-я и 2-я Донские дивизии были двинуты в район Ореховки, ст. Пологи с попутной задачей ликвидировать прорвавшуюся к Розовке красную конницу.

3-я Донская дивизия два дня оставалась в городе Мариуполе, в обеспечение его эвакуации, а затем также была двинута на запад.

20 сентября Гв. Каз. бригада ночевала в Пречистенке, а 21-го выступила в Керменчик, 2-я бригада двигалась северней на Майорское.

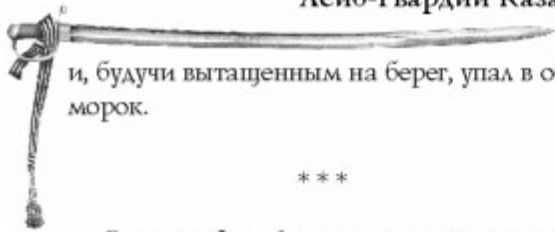
«...Я с бригадой подошел к Керменчику, — рассказывает генерал Фарафонов, — село большое, предварительной разведки не было, и головная застава стала при входе в село, видимо в чем-то разбираясь. Видя заминку передовой заставы, я, в ожидании донесения, спешил бригаду в полувверсте. Подъехал на автомобиле начдив генерал Дьяков. Я доложил о причине задержки, но генерал Дьяков, не обращая внимания на мой доклад, направил свой автомобиль прямо в село и скоро скрылся за хатами.

Послышались одиночные выстрелы, и из села в обратном от нас направлении стали выскакивать пушки, пулеметы и отдельные эскадроны. Я приказал двум батареям карьером выехать на открытую позицию и открыть беглый огонь. Противник рысью уходил на север. Не зная, в Майорке ли наша 2-я бригада, я послал лейб-казаков вправо наперерез, а с Атаманцами карьером пошел в село, где был встречен пулеметным огнем. Выбив из села прикрывавших отход части красных, я вышел на другую сторону. Красная бригада 9-й сов. Кав. дивизии, возвращавшаяся с набега на Розовку, уже ушла. Проходя мимо Майорки, она была встречена пулеметным огнем 2-й нашей бригады, этим ограничившейся.

В деревне было взято несколько пулеметов, зарядных ящиков, патронных двуколок и весь бригадный околоток 9-й сов. Кав. дивизии»...

Лейб-казаки, посланные вправо, оказались отрезанными от красных рекою с болотистым дном. В поисках переправы войсковой старшина Краснов, командовавший дивизионом, бросился к Керменчику, где еще шла пулеметная стрельба. Командир 3-й сотни войсковой старшина Дубенцев увидел плывшую по воде алую лейб-казацкую фуражку, вокруг которой рикошетировали пули большевиков. Он немедленно пулеметным огнем отогнал красных. Под крутым откосом противоположного берега оказались начальник дивизии генерал Дьяков и его начальник штаба полковник Арванити. Въехав в Керменчик, они наскочили на красных. Не теряя присутствия духа, оба бросили автомобиль и кинулись в реку, где прижались к обрыву. Красные было бросились за ними, но были отогнаны пулеметным огнем лейб-казаков. Оба отделались холодной ванной, но полковник Арванити два раза с головой уходил под воду, совершенно замерз

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

и, будучи вытасненным на берег, упал в обморок.

Генерал Фарафонов двинулся вслед за ушедшей красной бригадой. Вперед были посланы две сотни лейб-казаков при 4-х орудиях гвардейской батареи. Едва только эти сотни прошли Святодуховку, как сначала были обстреляны пулеметным огнем, а затем атакованы во фланг подошедшей с юга компактной конной массой. Выпустив несколько очередей, орудия Гв. батареи взялись на передки и вместе с дивизионом начали быстрый отход, стремясь выйти из-под удара. Вскоре выяснилось, что дивизион был атакован бригадой 2-й Донской дивизии, шедшей вдогонку за уходившей бригадой 9-й сов. Кав. дивизии.

Благодаря произошедшей ошибке и эта бригада 9-й сов. див. ушла. Во избежание повторения подобных ошибок, было решено, что 1-я Донская конная дивизия оденет на пики флюгера.

В Музее Л.-Гв. Казачьего полка хранится образец спроектированного для лейб-казаков флюгера: верхняя половина алая — по цвету полка, нижняя желтая — по цвету багона старой гвардии.

На полотнище указанного образцового флюгера имеется надпись: «У т в е р ж д а ю. 4-го X. 1920. Донской Атаман ген. Б о г а е в с к и й».

Развитие дальнейших событий на фронте не позволило провести эту меру в жизнь.

За день 21 сентября лейб-казаки взяли 3 пулемета, 2 зарядных ящика и 4 патронных двуколки.

(На долю атаманцев достался весь перевозочный пункт красной бригады, со ВСЕМИ его медицинскими и санитарными повозками.)

За день 21 сентября лейб-казаки понесли следующие потери:

Казачков:

Убито — 1. Ранено — 4.

Лошадей:

Убито — 2. Ранено — 6.

1-я дивизия тремя переходами движется на Орехово, куда прибывает 25 сентября.

26-го дивизия переходит на хут. Храпунов, ибо предполагается ее участие в боях в Александровском направлении. Однако на следующий день дивизия 50-верстным переходом была переброшена в южном направлении в Семеновку, так как обнаружилось усиление красных на юго-восточном участке фронта.

27 сентября к вечеру 1-я Донская дивизия прибыла в дер. Семеновку.

28-го в 8 час утра дивизия выступила на дер. Поповку. Пройдя 20 верст, 1-я дивизия при содействии бригады ген. Долгопятова (3-й Донской дивизии) к полудню завязала бой с занявшими Поповку красными. Несмотря на свое значительное численное превосходство, противник был выбит и к вечеру отошел на Андреевку и Бельманку.

29-го противник с утра атаковал Поповку. В 10 час утра 1-я дивизия перешла в энергичное контрнаступление, и противник начал отход на юг.

Генерал Дьяков был вызван в штаб 3-й Донской дивизии, и наступлением руководил очень уважаемый в Лейб-Казачьем полку генерал Морозов.

«Ген. Морозов вытягивает дивизию в свою любимую взводную колонну, — говорит участник боя полковник Номикосов, — и дивизия движется по направлению на Андреевку, имея впереди себя небольшой броневик. Остановив дивизию в ложбине,

ген. Морозов с несколькими ординарцами выдвигается вперед, все высматривает, после чего, послав один полк 2-й бригады слева в обход, сам с главными силами движется на Андреевку.

Не доходя трех верст до Андреевки, он лично „нацеливает” полки, разворачивает их и бросает в атаку. К моменту атаки подошел возвратившийся ген. Дьяков...»

Маневр был произведен быстро и скрытно, и появление бригады у Андреевки явилось для красных полной неожиданностью.

«Подойдя с бригадой к Андреевке, — отмечает в своем дневнике участник боя, есаул Моргунов, — генерал Морозов приказал Атаманцам обойти Андреевку с юга, а нашему полку идти прямо через Андреевку, начав атаку одновременно с открытием артиллерийского огня. Красные, однако, заметили наш подход и начали быстро отходить, бросая окопы. Командир 6-й сотни есаул Авилов, не дожидаясь начала артиллерийского огня и подхода Атаманцев, боясь упустить красных, бросился в атаку. 1-я сотня, видя, что 6-я атакует, бросилась за 6-й.

Примеру 1-й и 6-й сотен последовали 2-я и 3-я сотни. Полк ворвался в Андреевку и, пройдя ее, бросился преследовать красных, отходивших на Берестовое...»

1-й взвод Гв. Донской батареи есаула Зубова выехал на открытую позицию и прямой наводкой открыл огонь по 4-орудийной батарее противника, подбив одно орудие.

«Лейб-казаки захватили одно орудие, прислуга которого была выбита удачной стрельбой Гвардейской батареей, — говорил комбриг генерал Фарафонов (с. 29), — казаки сами из захваченного орудия открыли немедленно огонь по отступающим группам. Так как панорама и курок были сняты, то казаки на место курка просовывали шомпол от винтовки и, ударяя по нем, разбивали капсюль. Эта картина и самих стре-

лявших и окружавших приводила в восторг».

Одновременно 5-я сов. Кав. дивизия, подошедшая от Берестового на выручку своим, пыталась атаковать Гв. бригаду. Беглым огнем 2-го взвода Гв. батареи (сотн. Семенов), 16 пулеметов бригады и конной лавой лейб-казаков атака была остановлена, и Андреевка осталась за нами. 5-я сов. кав. дивизия, не приняв атаки, поспешно отошла.

За день 29-го было взято более 400 пленных, одно орудие и много пулеметов. К нам перебежал взвод донских казаков с подъесаулом Качалиным (не погруженных в свое время в Новороссийске и мобилизованных красными).

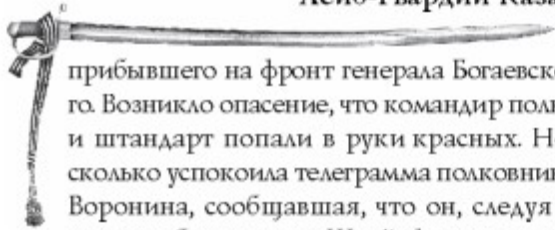
30 сентября, 1 и 2 октября полк имел отдых в Андреевке и нес лишь разведывательную службу.

3 октября дивизия перешла в Николаевку, а 4-го Лейб-Казачий полк был переведен в Софиевку, где праздновал свой полковой праздник.

С этим днем были сопряжены большие ожидания.

Предполагался отвод полка в Руднервейде, парад в конном строю с трубачами, в присутствии Главнокомандующего генерала Врангеля и Донского Атамана генерала Богаевского, и торжественный обед. Командир полка полковник Поздеев должен был к этому дню прибыть из отпуска в Руднервейде, привезя с собою хранившийся в Севастополе, при Лейб-Казачьем взводе Конвоя Главнокомандующего Р. А., штандарт, команду трубачей, поправившихся от ранений офицеров и казаков, вино и припасы для парадного обеда.

Однако радостное ожидание быстро сменилось чувством горячей тревоги: 5-я сов. дивизия, уклонившаяся от боя, пользуясь прерывчатостью фронта, прошла в тыл и вышла на Б. Токмак, где чуть не захватила

прибывшего на фронт генерала Богаевского. Возникло опасение, что командир полка и штандарт попали в руки красных. Несколько успокоила телеграмма полковника Воронина, сообщавшая, что он, следуя к полку с обозом, у кол. Штейнфельд, нарвался на красную конницу, однако, хотя и преследуемый ею, но благополучно выбрался на дер. Орлов. Сведений о судьбе командира полка и Донского Атамана не было, и день полкового праздника прошел сумрачно. Был отслужен молебен, а вместо ожидавшейся богатой трапезы была организована подрюмку водки очень скромная закуска.

В обоз II разряда был послан сильный разезд на отборных конях под командой войскового старшины Рыковского, с приказанием срочно выяснить судьбу командира полка и штандарта. В следующие дни пришли успокоительные сведения: штандарт не покидал Севастополя. Полковник Поздеев, прибыв с поездом следующего на фронт Донского Атамана, не остался в поезде, двигавшемся в Б. Токмак, а выгрузился 1 октября в Мелитополе и с командой трубачей на подводах проехал в Вознесенское, где был расположен полковой обоз II разряда. 2 октября полковник Поздеев должен был выехать к полку вместе с полковником Ворониным на 14 повозках с погруженными на них трубачами, припасами и т.д. Полковник Воронин выступил на рассвете 2 октября по направлению через кол. Астраханку на кол. Штейнфельд. Полковник Поздеев несколько задержался и предполагал догнать обоз на походе, следуя на верховой лошади.

Придя с обозом в Штейнфельд, полковник Воронин встретил здесь крестьянку, только что приехавшую на подводе из кол. Елизаветдаля. Она рассказывала, что ночью Елизаветдаля занял крупный отряд не то белой, не то красной конницы. Колония оцеплена, и никого не выпускают. Ее выпу-

стили в виде исключения, так как она ехала за акушеркой для роженицы. Она видела, как прибывшие ловили какого-то мотоциклиста.

Зная, что в нашем глубоком тылу никакой нашей конницы быть не могло, полковник Воронин приказал обозу спешно трогаться из деревни в обратный путь. Не успел еще обоз вытянуться, как к колоши подошли головные, двигавшиеся широкой рысью, эскадроны красных. Полковник Воронин приказал обозу уходить карьером. По счастью, на последней подводе оказался оружейный мастер полка, везший починенный пулемет. Быстро наладив свой Люис, он открыл огонь. Красные замаялись, что дало возможность обозу оторваться от них на $1\frac{1}{2}$ версты.

Красные преследовали до кол. Клефельд, откуда обоз благополучно выбрался на хут. Орлов. Во время скачки две подводы перевернулись и достались красным. Одна была с водкой и запасом сапог, другая трубаческая.

Казачьи подводчики успели спастись, но два трубача были захвачены красными. В следующие дни во время переполоха при обстреле красной конницей налетающей эскадрилей наших аэропланов они бежали из плена и присоединились к полку. По рассказу бежавших, они были взяты в плен казаками Донской области Белокалитвенской станицы. Последние настроены были весьма не воинственно, ибо были мобилизованы красными насильно. Говорили, что охотно бы сдались белым, но боятся, что опять их бросят, как бросили в Новороссийске Красная дивизия состояла из 6 полков (1-й и 3-й коммунистические, два Донских и два Кубанских).

Полковник Поздеев, не доезжая кол. Штейнфельд, увидел отходящий карьером и преследуемый красными обоз. Одновременно слева показалась лава 3-х эскадронов

конницы. Полковник Поздеев поскакал на север и благополучно ушел на кол. А. Кноксас. Передохнув и закусив, он на следующее утро вернулся в Мелитополь, где узнал, что красная конница, его преследовавшая, повернула на север и вышла ночью на Б. Токмак, где на станции стоял поезд Донского Атамана.

Атаман успел все же выскочить из вагона и спастись, но два с ним бывших казака погибли.

3 октября Атаман вернулся в Мелитополь, и полковник Поздеев пригласил его на 4 октября в Вознесенское, где стоял полковой обоз II разряда и куда уже прибыл и полковник Воронин с бывшими при нем офицерами и казаками.

По случаю полкового праздника был отслужен молебен и предложена скромная трапеза.

После обычных приветственных речей генерал Богаевский объявил приказ о зачислении генерала Врангеля, в знак признательности Войска, в списки Лейб-Гвардии Казачьего полка.

Зачисление генерала Врангеля не было для полка неожиданностью. Донской Атаман еще в бытность полковника Поздеева в Севастополе предложил ему запросить мнение гг. офицеров. Полковник Поздеев телеграфировал в полк и получил утвердительный ответ.

В конце трапезы Донской Атаман генерал Богаевский поздравил с производством в генерал-майоры полковника Поздеева и в полковники — войсковых старшин: Андриянова, Краснова и Воронина.

6 и 7 октября дивизион лейб-казаков (полк. Краснов, 3-я и 6-я сотни) и дивизион атаманцев (полковники Васильев и Иванов) с двумя орудиями Гв. батареи и двумя пулеметными командами, под командой генерала Фарафонова, произвели набег на коло-

нии Ялта и Гурзуф, что на р. Мокрой у Азовского моря.

Набег увенчался успехом: было взято 25 пленных, 2 пулемета, 6 лошадей и много повозок. Сделав около 120 верст, отряд к 8 октября вернулся в Софиевку.

С 9 по 12 октября полк простоял в Софиевке, где был получен приказ о грядущем сокращении фронта и предстоящих тяжелых боях с быстро усиливавшимся противником.

12-го октября 1-я дивизия, в исполнение приказа, двинулась на запад.

Вернемся несколько назад.

В конце сентября генерал Врангель приступил к осуществлению тщательно подготовленной Заднепровской операции.

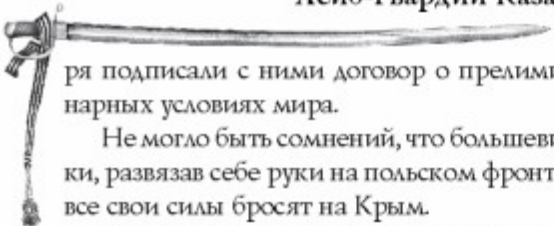
2-я армия генерала Драценко 25 сентября неожиданно для красных переправилась в районе Александровска и Никополя и двинулась вперед.

Генерал Драценко, выдающийся офицер Генерального Штаба, не обладал достаточным командным боевым опытом и решительностью. Это обстоятельство, как и смерть в бою доблестного генерала Бабиева, начальника служившей стержнем всей операции Кубанской дивизии, предопределило конечную неудачу.

Переправившиеся было части 2-й армии отошли 2 октября обратно на левый берег Днепра, Заднепровская операция кончилась, и надежда выхода на Украину отпала.

Одновременно произошло и другое важное событие: поляки 26 сентября заключили перемирие с большевиками, а 29 сентяб-

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

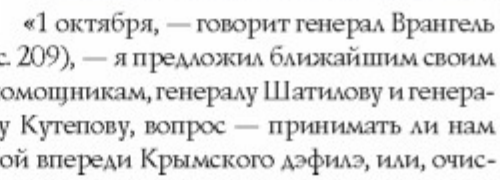

ря подписали с ними договор о предварительных условиях мира.

Не могло быть сомнений, что большевики, развязав себе руки на польском фронте, все свои силы бросят на Крым.

Полосе удач талантливого Главнокомандующего генерала Врангеля приходил конец.

Однако борьбу останавливать было нельзя, ибо никакого иного выхода не представлялось.

«1 октября, — говорит генерал Врангель (с. 209), — я предложил ближайшим своим помощникам, генералу Шатилову и генералу Кутепову, вопрос — принимать ли нам бой впереди Крымского дефиле, или, очистив Сев. Таврию, отойти за перешейки... Мы пришли к единодушному решению — бой в Сев. Таврии принять. Это была последняя ставка: всякое другое решение предопределяло неизбежный конец.»

Глава XVI

КОНЕЦ КРЫМСКОЙ БОРЬБЫ

Общая обстановка и исход боев за Северную Таврию. — Действия Донского Конного корпуса под М. Белозерной. — Атака Днепровки. — Бои у Елизаветовки, станции Сокологорной, станции Рыково. — Выход 1-й дивизии на Чонгарский полуостров. — Борьба за перешейки. — Общий отход. — Итоги потерь А.-Гв. Казачьего полка за все три года Гражданской войны. — Движение на Керчь и посадка на суда для эвакуации за границу.

Ко второй половине октября 1920 года против Русской Армии в Крыму развернулись для решительного удара 4-я, 6-я и 13-я советские армии, их 1-я и 2-я конные армии и повстанческие отряды, именовавшиеся повстанческой армией Махно. генерал Врангель определяет численность боевого состава развернувшихся советских 14 пехотных и 12 кавалерийских дивизий в 55—60 тысяч штыков и 22—25 тысяч сабель, что давало им в три с половиной раза превышающее соотношение сил.

Армия генерала Врангеля к тому времени располагалась в следующем порядке 2-я Армия генерала Абрамова, состоявшая из 6-й и 7-й пехотных и 3-й Донской пешей дивизий, занимала Восточный и Северо-восточный фронт от Азовского моря до Днепровских плавней.

1-я Армия генерала Кутепова, состоявшая из Марковской, Корниловской, Дроздовской, 13-й и 34-й пехотн. дивизий, Гвардейского отряда, 2-х регулярных кавалерийских дивизий, одной Кубанской казачьей дивизии и Терско-Астраханской конной казачьей бригады, занимала Северо-Западный

и Западный фронт, от Днепровских плавней до Черного моря.

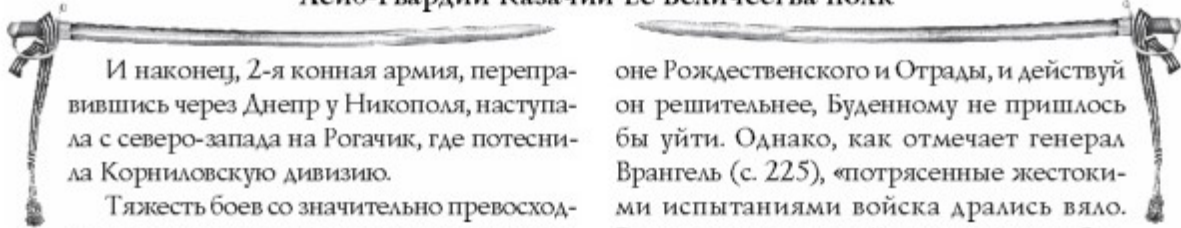
1-я и 2-я Донские конные дивизии к 14 октября были сосредоточены в районе Михайловка — Тимашевка, где составили резерв Главнокомандующего.

* * *

15 октября красные перешли в решительное наступление всеми своими силами. Главный удар наносился с запада, от Каховского плацдарма, 6-й советской армией, усиленной только что прибывшею на фронт 1-й конной армией Буденного. Обе эти армии атаковали 2-й корпус ген. Витковского, стремясь прорваться по кратчайшему пути на юг, к Перекопу, дабы отрезать остальные корпуса генерала Врангеля от выходов в Крым.

13-я советская армия наступала с востока, с линии Бердяны — Пологи, в направлении на Мелитополь.

4-я советская армия наступала с линии Орехово — Александровск на Васильевку — Тимашевку, стремясь нанести удар с северо-востока.

И наконец, 2-я конная армия, переправившись через Днепр у Никополя, наступала с северо-запада на Рогачик, где потеснила Корниловскую дивизию.

Тяжесть боев со значительно превосходящим в силах противником еще увеличилась неожиданно наставшими, совершенно небывальными в Таврии 20-градусными морозами. Люди, не получившие теплой одежды, мерзли, и к потерям от огня прибавились потери обмороженными.

16 октября 4-й советской армии удалось потеснить 2-й корпус, начавший отход на Перекоп. Одновременно 1-я конная армия Буденного, обтекая правый фланг 2-го корпуса, двинулась в тыл, в направлении на Сальково.

Генерал Врангель, в ночь с 16-го на 17-е, приказал генералу Кутепову оставить район Серагоз и спешно двинуться на Сальково, дабы прижать прорвавшегося противника к Сивашу, а генералу Абрамову приказал перебросить по жел. дороге на Сальково, в тех же целях, сосредоточенную в Мелитополе 7-ю пехотную дивизию.

В сумерки 17 октября передовые части красной конницы подошли к Сальково, но были отбиты огнем наших слабых частей.

Утром 18 октября подошла с севера 3-я Донская дивизия генерала Гусельщикова, которая совместно с подвезенной по железной дороге 7-й пехотной дивизией обрушилась на главную массу конницы Буденного, занимавшую район Ново-Алексеевка — Сальково — Геническ, и прижала противника к еще не замерзшему болотистому Сивашу. Заметалась красная конница, прорываясь между нашей пехотой обратно на север и северо-запад. В руки доблестного генерала Гусельщикова попала одна батарея с полной запряжкой и почти весь обоз. генерал Кутепов был уже в рай-

оне Рождественского и Отрады, и действовал он решительнее, Буденному не пришлось бы уйти. Однако, как отмечает генерал Врангель (с. 225), «потрясенные жестокими испытаниями войска дрались вяло. Главная масса красной конницы почти беспрепятственно успела проскочить перед фронтом конницы генерала Кутепова.»

Тем не менее главное было сделано: выход в Крым был вновь открыт.

С 18-го по 20-е шли тяжелые бои по всему фронту, а 20 октября части генерала Абрамова стали втягиваться в Сальковское дэфиэ, проходя на Чонгарский полуостров. За ними последовали и части генерала Кутепова.

К вечеру 20-го Сальковскую позицию заняла Дроздовская дивизия.

2-й Армейский корпус занял Перекопскую позицию.

Марковская дивизия, часть 3-й Донской и 7-й пех., пройдя Геническ, попали на Арбатскую стрелку и, двигаясь кружным путем, временно находились вне боевого поля.

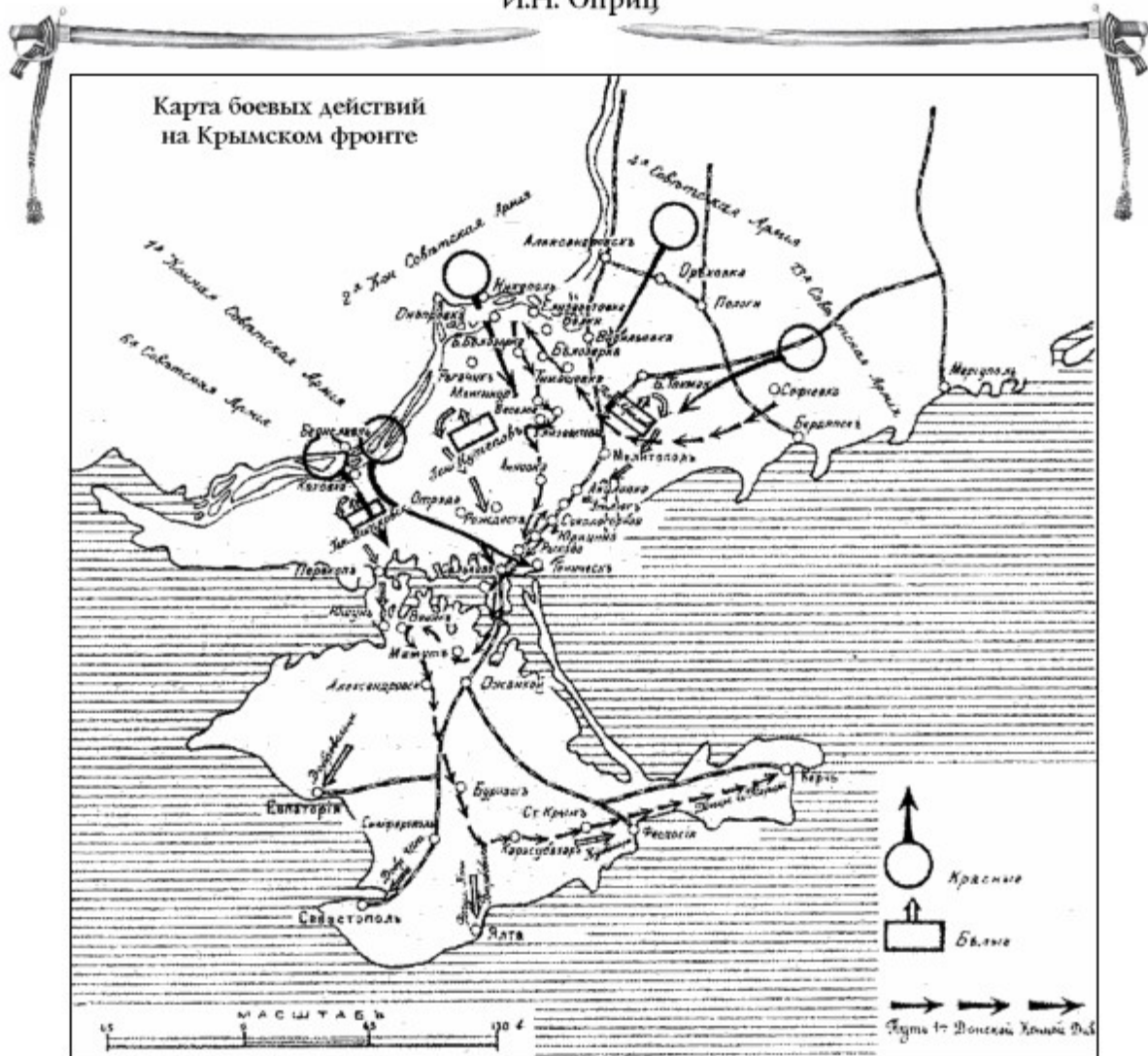
Битва за Северную Таврию окончилась переходом всей ее территории в руки красных и отходом Русской Армии в Крымскую «бутылку».

Вернемся к действиям Лейб-Гвардии Казачьего полка.

1-я Донская дивизия 12 октября, переходом в 30 верст, перешла в Юрьевку, 13 октября, переходом в 45 верст — в Астраханку и 14 — переходом в 35 верст — в Александргейме, не доходя до Тимашевки, где стала в резерве Главнокомандующего.

15-го 1-я Донская дивизия совместно с подошедшей 2-й Донской дивизией были переданы в распоряжение генерала Абрамова и двинуты на Малую Белозерку.

Лейб-Казачий полк, переночевав 14-го в колонии Александргейм, прибыл переходом в 25 верст 15 октября в 5 час дня в М. Бело-

зерку. 2-я дивизия, шедшая в голове, вела бой в 2-х верстах впереди селения. Противник особого упорства не проявил и к вечеру отошел. Обе Донские дивизии составили Донской конный корпус и ночевали в Малой Белозерке.

Согласно оперативному приказу по Армии Донскому конному корпусу надлежало разбить и отбросить за Днепр переправившуюся у Никополя 2-ю конную армию, теснившую корниловцев у Рогачика.

Ночь прошла беспокойно: подходили разведывательные части красной конницы, отброшенные огнем сторожевого охранения.

В 7 час утра корпус сосредоточился на сев.-зап. окраине М. Белозерки и двинулся вперед.

Погода была отвратительная. Шел дождь, перешедший затем в снег. Дул пронизывающий до костей ветер. Холод все усиливался, переходя в мороз.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Верстах в 7-ми от Белозерок показался шедший широкой лавой противник.

Правый фланг Донского корпуса составляла 2-я Донская дивизия, двигавшаяся правее дороги М. Белозерка — Елизаветовка. Внимание 2-й дивизии было привлечено пехотой противника, появившейся с севера в направлении от дер. Балки.

Вторая дивизия успешно атаковала эту пехоту и, изрубив головную бригаду красных, двинулась на Балки, оторвавшись от находившейся левее дороги Белозерка — Елизаветовка 1-й дивизии. Против последней оказалась 16-я советская Кав. дивизия, наступавшая с запада от Днепровки.

На левом фланге 1-й дивизии двигался Лейб-Казачий полк под командой генерала Поздеева.

6-я сотня есаула Авилова и 3-я сотня войскового старшины Дубенцева, с пулеметной командой есаула Евфимьева, смело атаковали противника.

Одновременно на далеком нашем правом фланге успешно атаковала левый фланг противника 2-я бригада 1-й дивизии.

Красная конница дала тыл и стала по всему фронту отходить на Днепровку.

Отход красных скоро принял беспорядочный характер.

Лейб-казаки шли крупной рысью — усилить аллюр нельзя было, ибо двигаться приходилось без дорог по мерзлой кочковатой земле.

На плечах красных лейб-казаки ворвались на хуторок, что в 4-х верстах от Днепровки, где полк остановился, поджидая подхода других частей дивизии.

При преследовании противника полком было взято одно орудие, 2 зарядных ящика и 4 пулемета.

С подходом других полков дивизии было решено атаковать Днепровку.

Генерал Поздеев говорит: «...От лейб-казачков в атаку пошли 1-я сотня есаула Агафонова и 6-я сотня есаула Авилова, 3-я сотня войскового старшины Дубенцева была оставлена на уступ влево назад, а 2-я сотня есаула Гринева отсутствовала, ибо была значительно раньше послана далеко влево, для связи с находившимися в Б. Белозерки Марковцами. Атаманцы шли резервной колонной далеко вправо. 1-й Донской полк был направлен в далекий обход* и, двигаясь по сильно пересеченной местности, к моменту атаки находился в 3—4 верстах от места ее и не мог оказать поддержки. 2-й Донской полк оставался в резерве начальника дивизии.

Таким образом, в атаке Днепровки приняли участие лишь 6 сотен (2 Лейб-Казачьих и 4 Атаманских). Лейб-Казачьи сотни, дойдя до шашечного удара, опрокинули конницу, бывшую перед ними, и дошли до Днепровки, где были встречены огнем красной пехоты».

Атаманцы не успели еще развернуться, как попали под сильный огонь, потеряв выбывшими из строя сразу — командовавшего полком полковника Андриянова и его заместителя полковника Попова. Видя заминку, к атаманцам бросился лично командир бригады генерал Фарафонов.

«...Над Днепровкою, — читаем в его записках, — стояла бригада конницы полного состава, а правее, в резервной колонне, появилась другая, видимо только что подошедшая свежая бригада, явно готовящаяся нас атаковать. Мы были значительно слабее

* Ген. Дьяков говорит: «При движении на Днепровку верстах в пяти к югу от нас показалась красная пехота. Я выслал 1-й полк полковника Дронова. Доблестный командир полка справился с задачей, но ему пришлось довольно долго поводить с пехотой противника, и присоединился он к дивизии лишь с темнотой».

красных, лошади наши сильно утомлены, и во что бы то ни стало надлежало не позволить красным нас атаковать, продержавшись до темноты.

Свежая красная бригада двинулась в атаку. Момент был критический. Видя заминку у Атаманцев, я бросился к ним и, назначив командующим полком старшего из оставшихся офицеров, подьесаула Грекова Юрия, приказал держаться на месте.

Одновременно я приказал командиру 3-й Лейб-Казачьей сотни войсковому старшине Дубенцеву быстро выдвинуть вперед его сотенные пулеметы и открыть огонь.

В строй 3-й сотни въехал взвод Гвардейской Донской батареи, открывшей беглый огонь. Другой взвод открыл беглый огонь в помощь Атаманцам.

Конная масса противника замялась, остановилась и покатила назад в Днепровку.

«Положение было спасено, — отмечает дневник генерала Поздеева, — с одной стороны, находчивостью командира бригады, с другой — наличием свободной 3-й сотни, имевшей 6 пулеметов Виккерса. Пулеметы все вместе стали влево от дороги и открыли огонь на 1500 шагов, а 3-я сотня войскового старшины Дубенцева, при поддержке интенсивного огня Гв. батареи, энергично пошла вперед. Вся масса противника замедлила ход, остановилась и пошла обратно. Вскоре наступила темнота.»

Захваченные лейб-казаками пленные показали, что их 16-я Кав. дивизия, утром пытавшаяся наступать на М. Белозерку, в беспорядке прошла через Днепровку на Водяное, но что вечером мы имели дело с только что подошедшей свежей особой бригадой 2-й армии, состоявшей из 3-х полков, и что в Днепровке находилась, кроме того, бригада красной пехоты.

Командир бригады был вызван к только что прибывшим на хутор, заменявшему

командира Донского корпуса генералу Говорову и начальнику дивизии генералу Дьякову, предполагавшим продолжать наступление на Днепровку.

После продолжительного обмена мнениями, ввиду потери связи со 2-й дивизией, потери связи со штабом армии и поступившими сведениями об отходе марковцев на юг от Б. Белозерки, было решено от продолжения наступления отказаться, и 1-я дивизия двинулась на ночлег в д. Б. Белозерку. 2-я дивизия ночевала в М. Белозерках.

С темнотой мороз усилился до 20 градусов. Легко одетые казаки, проделавшие за день с боем 60 верст, сильно мерзли.

«Голодные и замерзшие, простояв на месте часа два, — говорит дневник есаула Могилянского, — в 23 часа мы двинулись на ночлег в с. Б. Белозерки. Предстояло пройти 20 верст. Помню, как сейчас, этот кошмарный переход.

Мороз не позволял сидеть в седле. Почти все шли пешком, несмотря на утомление 16-часовым боем. Люди на ходу засыпали. Я сам, идя пешком, несколько раз засыпал и просыпался, натываясь на зад впереди идущей лошади.»

За бой 16-го лейб-казаки взяли 1 орудие, 4 пулемета и около 50 пленных и понесли потери: убито — казаков 4, лошадей — 16, ранено — казаков 11, лошадей 22.

На ночлег дивизия заняла восточную часть растянувшегося на 15 верст селения Б. Белозерки.

Ночью в западную часть того же селения вошла красная дивизия, подошедшая с юга.

Однако мороз и выюга, как и утомление людей, были таковы, что обе дивизии остались на месте, ведя лишь перестрелку сторожевыми охранениями.

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

За ночь лейб-казаками было захвачено в плен около 50 красных, проникших в наше расположение.

В 7 час утра 17 октября дивизия двинулась на юг на Менчикур.

Отход дивизии прикрывали в начале 2-я дивизия, а затем дивизион из 6-й Лейб-Казачьей сотни есаула Авилова и одной сотни от 1-го полка 2-й бригады.

Красные, видимо, сильно устали и позамерзли, поэтому преследовали вяло, и дивизион отлично справился с задачей.

При перестрелке с красными был, однако, тяжело ранен пулей в живот командир 6-й сотни есаул Авилон, убито в 6-й сотне 2 казака, 4 лошади и ранено 6 казаков и 5 лошадей.

После получасового привала в Пескошино дивизия через Менчикур прошла в Веселое, где расположилась на ночлег, пройдя за день 35 верст.

Мороз еще усилился, и было много казаков, поморозивших себе уши и конечности.

В 3 часа ночи красные повели наступление на дер. Веселое, открыв артиллерийский и ружейный огонь.

Донской Конный корпус не принял боя и перешел в Елизаветовку, где и расположился.

Через 3 часа к Елизаветовке подошла 30-я советская стрелковая дивизия, завязавшая огневой бой. Лейб-Казачий полк, а затем и Атаманский поочередно ходили в атаку, однако состав 30-й советской дивизии был стойкий, и атаки были отбиты огнем.

Тогда, оставив в Елизаветовке лишь один Калединский полк и 1-ю батарею, обе дивизии вышли — 1-я на северо-восток от селения, вторая — на юго-восток, обойдя фланги втягивавшейся в Елизаветовку 30-й советской дивизии.

Красные поняли, что попали в ловушку, однако никакой паники в их рядах заметно не было: медленно и стройно, в трех параллельных сомкнутых колоннах, они начали вытягиваться обратно из Елизаветовки на Веселое, открыв боковыми колоннами интенсивный огонь. Однако было поздно.

Дадим интересное описание атаки, сделанное очевидцем хорунжим Н. Ефремовым, бывшим в этот день ординарцем при командире бригады и хорошо видевшим все перипетии боя.

«...Красные, заметив охваты флангов, стали медленно тремя колоннами вытягиваться из Елизаветовки, открыв из пулеметов и винтовок убийственный огонь. Но не хуже работали и наши пулеметы и орудия. В особенности замечательно били наши батареи, стреляя через наши головы и поражая буквально каждой выпущенной гранатой.

Одновременно со всех сторон наши казаки бросились в атаку.

Красные расстреливали казаков в упор, не желая сдаваться.

Я стоял за командиром бригады на холме, откуда все было видно как на ладони. Командир бригады послал меня в полк с приказанием выслать наблюдение к Веселому. Когда я сядил на коня, то видел, как наша конница с криком „ура“, красиво выдерживая равнение, бросилась в атаку.

Наш холм был отделен от места атаки балкой, и когда я в нее спустился, то небольшой бугор, минут на 5, загородил мне вид на это величественное — красивое и вместе с тем жуткое зрелище. Стрельба и крик „ура“ прекратились, но, к моему удивлению, когда я выехал на бугор, я увидел только разъезжающих по полю отдельных всадников, слезающих и садящихся и собирающихся в колонны, но совсем не видно было красной пехоты, за исключением группы человек в 500, стоявшей около на-

шей Гв. бригады. „Неужели ушли?“ — мелькнула у меня в голове мысль, но подъехав ближе, я увидел, что все поле усеяно трупами с рассеченными головами (попадались и совсем без головы) и изувеченных ударами пик. Зрелище было потрясающим: еще 5 минут назад это была одна из лучших советских дивизий в 3 тысячи штыков, от которой сейчас осталось одно воспоминание в виде груды трупов и 500 пленных».

Трофеями лейб-казаки были: 9 пулеметов и более 300 пленный.

Полк понес, однако, большие потери*, особенно в лошадях.

Убито: казаков — 1, лошадей 14.

Ранено: тяжело командир полка ген. Поздеев, хорунжий Мигулин и прикомандированный к полку сотник Смерткин; казаков — 27 и лошадей — 50.

За выбытием из строя генерала Поздеева во временное командование Лейб-Гвардии Казачьим полком вступил полковник Кононов.

* Начдив 1-й Донской ген. Дьяков говорит: «Как это завел ген. Говоров, первой была выпущена против 30-й сов. дивизии наша 1-я Донская, вышедшая красным с фланга. Не видя перед собой другого противника, красные перестроились к нам фронтом, подставив 2-й дивизии фланг, а 7-му полку даже тыл.

Этим взаимным расположением и объясняются наши, относительно 2-й дивизии, большие потери.

На собрании старших начальников, после атаки, начдив 2-й Донской приписал весь успех боя удару исключительно 2-й дивизии. Будучи недоволен еще позавчерашними действиями 2-й дивизии, не поддержавшей нашего удачного наступления на Днепровку, и приведя проделанную нами сегодня работу и понесенные потери, я горячо возразил».

«...После боя полки были разведены на прежние квартиры, — читаем в дневнике командира пулеметной команды есаула Евфимьева, — хотя было уже известно о движении на Елизаветовку конной армии Миронова, но было необходимо обогреться, ибо стоял жестокий мороз. Через два часа пришло приказание выходить на сборное место, ибо передовая бригада красной конницы, двигаясь в колонию рысью, находилась уже в полуверсте от деревни.

Выскочившая первой Гв. Донская батарея открыла по красным беглый огонь. Колонна красных стала разворачиваться в лаву. Из деревни навстречу выскакивали отдельные сотни, взводы, пулеметы и рысью двинулись на красную лаву. Красные остановились и открыли пулеметный огонь. Скоро подошла к красным еще дивизия, усилившая лаву. Командир Донского Конного корпуса генерал Говоров решил не ввязываться в бой и приказал отходить на Екатериновку*. Полки медленно, раскинув лавы,

* Начдив 1-й Донской ген. Дьяков говорит: «Ген. Говоров решил принять бой со 2-й Конной армией Миронова, причем опять предложил начинать мне. Исходя из соображения, что начинающему в отношении крови бой обходится дороже, а в отношении трофеев и результата ему хуже, чем входящему потом, я просил изменить порядок выхода дивизии.

Тут горячо и сердечно вступил в разговор ген. Татаркин, указывая, что, как гораздо более сильный численно, он более сокрушительно нанесет решительный удар, и просил меня не протестовать, обещая войти в бой без замедления.

1-я дивизия вышла навстречу Миронову и завязала бой. Заняв собою добрую половину 2-й Конной Армии, случайным поворотом удачно повернул дивизии Миронова боком к стоящей от меня уступом вправо 2-й нашей дивизии.

двинулись на юг. Красные пытались обойти фланги, и скоро все 3 1/2 дивизии Миронова были введены в дело. Однако атаковать красные не решились, и 1-я дивизия, шедшая в хвосте, отойдя верст 8, свернулась в колонну. Стало темно...»

«...Отход был классическим, так спокойно и красиво не проделаешь и на ученьи, — отмечает генерал Фарафонов. — Все было отлично видно в открытой степи на белом снегу...» Отлично работали наши две батареи, поочередно, не прекращая огня, отходя на новые позиции.

Пройдя за день, после тяжелого боя, 25 верст, 1-я дивизия стала на ночлег в дер. Анновке.

2-я дивизия ночевала в Екатериновке.

Совершенно неожиданно для меня 2-я дивизия стала отходить назад. Одновременно я получил от ген. Говорова приказание отходить на Екатериновку, куда уже направлялась 2-я дивизия.

Проскакав к ген. Говорову, я взвыл белугой, доказывая невозможность для меня, не имея резервов, вырваться из уже завязанного конного боя в шесть раз сильнейшим противником (хотя и относительно инертным), и просил не отказываться от боя.

Указывал на выгодность для нас условий: ровное, как нарочно для конного боя созданное, поле, инертный противник, очевидно не забывший Никопольской суматохи и потрясенный впечатлением только что пройденного им поля нашей утренней атаки на пехоту.

Все было напрасно, причиной выставлялось полученное из обоза донесение о нападении какой-то конной части на наши обозы, находившиеся в 20 верстах позади.

Пришлось начинать отход. Целый день одна 1-я дивизия, прикрывая отход, вела напряженнейший бой со всей конной массой Миронова.

Уже в середине дня у меня не было ни одной сотни резерва, и для парирования разных случайностей приходилось выдергивать отдельные сотни. Огромную роль в успехе отхода сыграли наши многочисленные станковые пулеметы (их было в дивизии около 100) и прекрасно работавшие батареи...»

19 октября, на рассвете, 2-я Донская дивизия была в Екатериновке атакована и, не ввязываясь в бой, начала отходить. Двинулась на юг по направлению на ст. Юрицыно и 1-я Донская дивизия.

Вперед был послан штаб-офицер для установления связи по телефону со Штабом Армии. От него впервые узнали, что штаб генерала Абрамова на ст. Сальково и что 17—18 октября конница Буденного занимала перешейки в нашем глубоком тылу, но была отогнана генералом Гусельщиковым.

В Юрицыно узнали, что Сокологорная занята конницей красных и что там на путях остались два бронепоезда, кои Гвардейской Казачьей бригаде было предложено выручить. Генерал Фарафонов повел бригаду назад на север и после огневого боя отогнал красную конницу, заняв станцию.

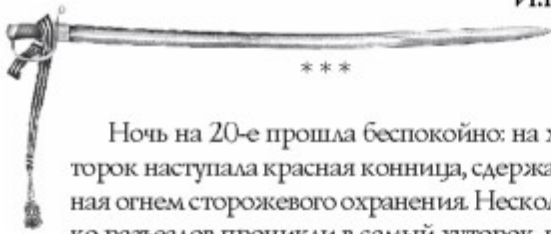
Все пути были забиты интендантскими вагонами, полными всяким добром, в котором чувствовалась столь острая нужда на фронте. Расчистить путь для бронепоездов не удалось, и их начальники, выгрузив лишь то, что можно было вывезти, их взорвали. При станции был маленький поселок, и жители тащили к себе в хаты товары целыми вязанками.

Генерал Фарафонов приказал подводить казаков партиями поочередно к вагонам и брать, что кому необходимо.

Казачи набрали белья, кожи, сахара, сала и массу прекрасных вещей. Повозок не было, и каждый брал лишь, что увезти в седле. Из богатого поезда Американского Красного Креста было приказано взять одеяла на попоны и пополнить запас консервов.

На ночь бригада пошла ночевать в хуторок неподалеку от ст. Юрицыно. Остающиеся эшелоны генерал Фарафонов зажег (часть их горела еще будучи подожжена красными). Они горели всю ночь.

За день 19-го пройдено около 40 верст.

* * *

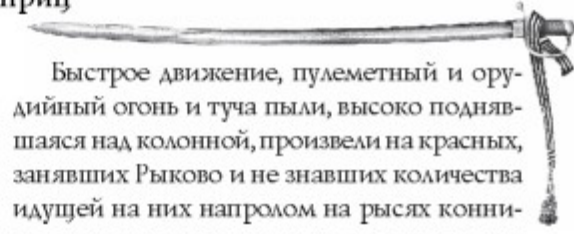
Ночь на 20-е прошла беспокойно: на хуторок наступала красная конница, сдержанная огнем сторожевого охранения. Несколько разъездов проникли в самый хуторок, где наскочили на 1-ю сотню лейб-казаков, подпустившую их без выстрела вплотную. Всадники были порублены шашками, а захваченные лошади немедленно поставлены в строй. «Одеты были кавалеристы отлично, — отмечает комбриг генерал Фарафонов, — в хороших сапогах, желтых коротких полушубках и в безобразных суконных колпаках, заостренных сверху, с наушниками и пятиконечной звездой...» Принадлежали они к составу какого-то Оренбургского полка, только что прибывшего с Урала.

Из опроса захваченных кавалеристов выяснилось, что станция Рыково, находившаяся в 25 верстах в нашем тылу, занята красными, почему 1-я дивизия еще в темноте двинулась на юг.

Проходом через станцию Юрицыно лично генерал Фарафонов взорвал покинутый на путях вагон с аэропланскими бомбами.

От Юрицыно дивизия пошла рысью вдоль железнодорожного полотна. Все время по колонне разъезжали ординарцы начальника дивизии с приказанием прибавить ходу, так как был перехвачен приказ красного командования о предположенном согласованном ударе по Донскому Конному корпусу частями Буденного и Миронова в районе Рыково и надлежало опрокинуть занявших Рыково большевиков до подхода прочих красных частей.

В голове шла 2-я бригада, в хвосте Гвардейская. Сзади и справа наседали красная конница, сдерживаемая огнем пулеметов с тачанок и беглым огнем очередных батарей.

Быстрое движение, пулеметный и орудийный огонь и туча пыли, высоко поднимавшаяся над колонной, произвели на красных, занявших Рыково и не знавших количества идущей на них напролом на рысях конницы, такое впечатление, что они не оказали 2-й бригаде особенно стойкого сопротивления и подались влево, очистив дорогу*. «Не доходя 3-х верст до Рыкова, — отмечает дневник участника есаула Могилянско-го, — мы попали под пулеметный и орудийный огонь лавы красных, стоявших в 1000 шагах западнее полотна железной дороги».

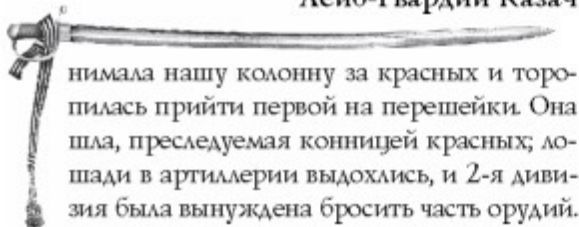
Не уменьшая аллюра, дивизия отстреливалась следующим порядком: пулеметные команды полков попеременно останавливались и открывали огонь, пропуская мимо всю колонну, затем карьером неслись в голову своего полка, где снова останавливались и открывали огонь. То же делала и Гвардейская Донская дивизия. Огонь заставил красных скрыться в балку и уменьшил действительность их огня.

Таким порядком дивизия прошла Рыково и далее пошла уже шагом. Измученные лошади еле двигались.

«Левее нас, на рысях отходила 2-я Донская дивизия, — отмечает комбриг генерал Фарафонов, — я мог наблюдать ее движение. Шла она в резервной колонне, и по ее хвостам была на недолетах артиллерия противника. Позже выяснилось, что 2-я дивизия, не любящая вообще держать связь, при-

* Ген. Дьяков говорит: «Под Рыковым особенно доблестно действовал 2-й полк доблестного полковника Ружейникова. Раскинув широко лаву, он продвигал за собою батарею из 10—15 пулеметов. Приблизившись к красным, он отходом наводил их на свои пулеметы, а затем атаковал ближайшими сотнями. Вылетел он первый, не оборачиваясь, за ним неслась ближайшая часть лавы, быстро на ходу смыкаясь и давая хороший аллюр...»

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

нимала нашу колонну за красных и торопилась прийти первой на перешейки. Она шла, преследуемая конницей красных; лошади в артиллерии выдохлись, и 2-я дивизия была вынуждена бросить часть орудий. 1-я дивизия в 3 часа дня прибыла в Сальково, где находился штаб генерала Абрамова».

Во время последнего перехода был убит находившийся в разъезде прикомандированный к Лейб-Казачьему полку капитан Романенко.

Впереди Сальково находилась пресловутая укрепленная линия, закрывавшая выходы из Крыма, занятая частями 3-й Донской дивизии генерала Гусельщикова.

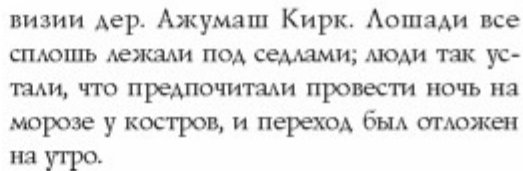
Плохенькие окопчики для стрельбы с колена, без блиндажей, жидкое проволочное ограждение в три, местами обвисших, проволоки, отсутствие земляного и каких бы то ни было помещений для жилья поблизости, несмотря на жестокий мороз и ветер, производили малоутешительное впечатление.

Однако настроение офицеров и казаков поднялось, ибо казалось, кончился невероятно трудный отход, и впереди рисовалась перспектива отдохнуть и погреться... «Мы были совершенно изнурены ежедневными боями днем и ночью, холодом, голодом и нервной напряженностью этих дней, когда даже я, командир бригады, не говоря о младших офицерах, не имел понятия об общей обстановке», — говорит генерал Фарафонов.

Пройдя Сальково, дивизия ночью перешла Чонгарский мост, продуваемая пронизывающим до костей ветром, дошла до селения Озуз-Кирк, вплотную забитого прибывшими частями. Казаки сосредоточились около костров, ибо в переполненные хаты не было возможности войти.

За день дивизия прошла более 95 верст.

Между тем предстояло пройти еще 20, дабы стать в назначенную для стоянки ди-

визии дер. Ажумаш Кирк. Лошади все сплошь лежали под седлами; люди так устали, что предпочитали провести ночь на морозе у костров, и переход был отложен на утро.

21 октября полк перешел в дер. Ажумаш Кирк, где на всю бригаду с батареей пришлось 5 хат. Несмотря на мороз и отсутствие продовольствия, усталость людей и лошадей была такова, что 22 октября бригада имела здесь дневку и только 23-го перешла в кол. Мамут. Здесь расположились, хотя и в крайней тесноте (по 20 казаков на хату), но под крышей и в тепле. Все офицеры полка с командиром бригады разместились в одной хате.

Так закончился отход Донского корпуса из Северной Таврии в Крым, совершенный в обстоятельствах исключительной трудности.

Отходили в условиях жестоких морозов, в легкой не зимней одежде, не защищавшей от пронизывающего ветра, отходили в условиях боев, двигаясь крупными переходами, полуголодными, отдыхая по 3—4 часа и снова вступая в бой с появлявшимся со всех сторон и преграждавшим дорогу противником, отходили, утратив связь с Командующим Армией, в полном незнании общей обстановки.

Четыре дня переходов потребовали совершенно исключительного нервного напряжения. «Мы держались одними нервами», — справедливо отмечает комбриг генерал Фарафонов.

Это нервное напряжение еще увеличилось полной необеспеченностью участия раненых.

В дневнике генерала Поздеева, выбывшего из строя 18 октября за ранением в бедро, с пулей, застрявшей в позвоночнике, находим следующий рассказ

«Я, выбыв из строя, выехал из Elizavetovki и взял направление на юг, куда отходили обозы корпуса. Первый же хутор Рахманинов, куда я прибыл, был забит повозками. На улице я увидел повозку с раненым в живот есаулом Авилковым и тачанку с ранеными еще 10 октября Атаманцами — полковниками Андреяновым и Поповым.

Я пересел в повозку к есаулу Авилкову.

Посоветовавшись, мы по моему настоянию решили сейчас же ехать к железной дороге, дабы попасть на санитарный поезд.

От жителей мы узнали, что 17-го был оставлен Мелитополь.

Я приказал гнать лошадей вволю. При проезде Петровки показался в стороне подозрительный разъезд. Мы имели при себе пулемет Люиса, немедленно приведенный в готовность. Разъезд, однако, нас не тронул, и мы благополучно проехали в Екатериновку.

Здесь я изменил первоначальное решение ехать на ст. Акимовку и двинулся на более южную ст. Утлюг, и хорошо сделал, ибо от случайно встретившегося мальчишки-добровольца, бежавшего из Акимовки, узнал что эта станция уже захвачена красной конницей.

Подъезжая к ст. Утлюг, далеко с горы я заметил, что там один бронепоезд, и поэтому свернул еще южнее, на Сокологорную, где мы и нашли застрявший санитарный поезд.

Со станции Сокологорная я послал телеграмму генералу Абрамову, находившемуся со штабом на станции Рыково, ориентировал его в местоположении Донского Конного корпуса и просил содействия по продвижению нашего санитарного поезда.

Ответной телеграммой генерал Абрамов благодарил за ориентировку и сообщал, что на утро 19-го прилетит за нами свой автомобиль.

Утром 19-го к Сокологорной подошел головной полк 1-й Донской дивизии.

В обозе я увидел раненого сотника Мигулина, от которого я узнал, что после моего ранения начатый мною обход удался и завершился нашей атакой, причем полком взято 350 пленных, а 2-й дивизией 11 пушек.

Санитарный поезд все не двигался: то у машиниста не было воды, то угля, то пара. Можно было ждать появления красных с минуты на минуту, и настроение раненых было тревожным. Я пересел было в повозку нашего полкового обоза, как появился автомобиль, присланный генералом Абрамовым.

Перед отъездом я прошел на станцию. Здесь я увидел генерала Манштейна, который, дав машинисту полчаса на размышление, предупреждал его, что если поезд не тронется, он его повесит.

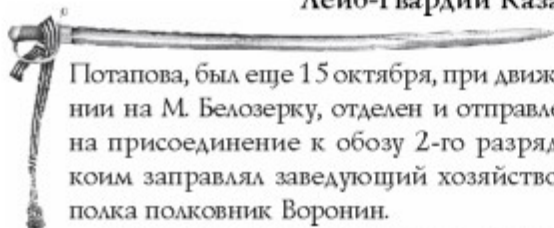
Я все же с нашими ранеными офицерами поехал на автомобиле.

Когда мы приехали в Рыково, то одновременно с нами прибыл и санитарный поезд.

Генерал Абрамов нас любезно встретил и, накормив, отправил в том же автомобиле через Сиваш в Таганаш, где стоял штаб генерала Кутепова. Переночевав здесь на этапе, утром 20-го мы санитарным поездом были отправлены в Севастополь».

С полком на Чонгарский полуостров благополучно прошел и обоз 1-го разряда дивизии, состоявший только из походных кухонь, патронных двуколок и повозок с ранеными. Остальной обоз 1-го разряда дивизии, под общей командой прикомандированного к Лейб-Казачьему полку есаула

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Потапова, был еще 15 октября, при движении на М. Белозерку, отделен и отправлен на присоединение к обозу 2-го разряда, коим заправлял заведующий хозяйством полка полковник Воронин.

Громада обозов всех корпусов, двигаясь в 6 рядов, подошла к Геническу как раз во время занятия этого города конницей Буденного. Однако одновременно подошли и части 3-й дивизии генерала Гусельщикова. Красная конница, не приняв боя, спешно очистила город и ушла на Сальково.

Полковые обозы благополучно проследовали через Геническ и, пройдя 110 верст по Арбатской стрелке, свернули через Владиславовку — Царкевичи — Джанкой на присоединение к полку в Воинку.

Неудача постигла лишь строевое отделение полковой канцелярии, двуколки коего следовали отдельно от обозов полка.

Эти двуколки вышли на Сальково, не подозревая о наличии там красной конницы, и были ею захвачены врасплох.

Спасся лишь впоследствии присоединившийся к полку старший писарь Фомин, успевший спрыгнуть с канцелярской двуколки и спрятаться в канаву.

26 октября ночью 1-я дивизия была спешно двинута к ст. Чирик.

2-я Донская дивизия осталась до утра на месте, а затем догнала 1-ю.

В тот же день заболевший генерал Фарафонов был эвакуирован в Севастополь, а во временное командование бригадой вступил полковник Кононов.

Лейб-Гвардии Казачий полк во временное командование принял войсковой старшина Дубенцев.

Общая обстановка катастрофически менялась: казалось, сама природа ополчи-

лась на нас и небывалые в Крыму морозы заморозили солончаковатый Сиваш.

Красные перебросили по льду Сиваша, в тыл укрепления Перекопа, две пехотных и одну кавалерийскую дивизии.

Обход был соединен с жестокими фронтальными атаками, веденными на много превосходящими силами, и добровольцы после упорного боя были вынуждены в ночь на 27-е оставить Перекопский вал и отойти на Юшуньскую позицию.

Красные не остановились, а введя в дело тяжелую артиллерию и более 100 легких орудий, яростно атаковали Юшунь.

Добровольцы доблестно защищались, и целые горы вражеских трупов выросли у разрушенных проволочных заграждений.

Красные безостановочно вливали все новые и новые части.

Добровольцы отбили 14 последовательных атак, но красные подавили своей численностью, и в ночь с 28-го на 29-е Юшуньская позиция была оставлена.

Попытка отбить ее обратно утром 29 октября успехом не увенчалась.

Вслед за Юшуньской пала и Чонгарская линия обороны.

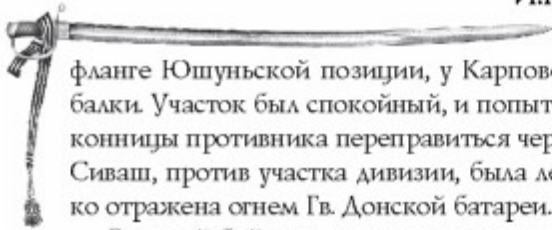
Входы в Крым теперь были широко открыты.

В тот же день, 29 октября, генерал Врангель приказал войскам оторваться от противника и следовать в заранее им назначенные порты для погрузки на суда и эвакуацию за границу.

Всем желающим остаться в Крыму была предоставлена полная свобода решения.

Вернемся к лейб-казакам.

Лейб-Казачий полк, в составе 1-й дивизии, вначале был в резерве, а вечером 28 октября занял окопы на крайнем правом

фланге Юшуньской позиции, у Карповой балки. Участок был спокойный, и попытка конницы противника переправиться через Сиваш, против участка дивизии, была легко отражена огнем Гв. Донской батареи.

Главный бой шел далеко влево против Добровольцев у Юшунь, где к 2 часам дня 29 октября была окончательно потеряна наша главная позиция.

Полк был посажен на коней и в составе 1-й Донской дивизии должен был прикрывать отход остальных 4-х конных дивизий.

Лейб-казаки вскоре были повернуты в направлении на Юшунь, получив задачу разведать промежуток между озерами.

Выдвинувшись вперед, полк оказался лицом к лицу с значительно превосходной в силах конницей и пехотой противника и, охватываемый с флангов, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, стал отходить на Воинку.

Видя трудное положение полка, Лейб-Гвардии Атаманский полк и 2-я бригада во главе с генералом Морозовым, уже шедшие на юг, повернули обратно и вместе с лейб-казаками атаковали противника. Остановилась и 2-я Донская дивизия, в готовности оказать поддержку.

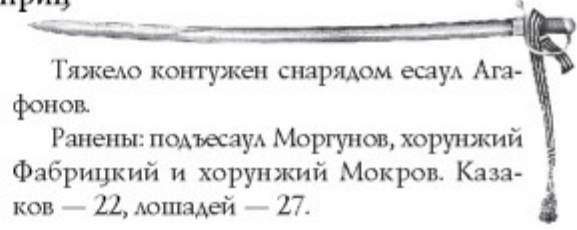
Командовавший всей конницей ген. Барбович двинул в атаку и регулярную конницу.

Растерявшийся противник замаялся и, когда конница врубилась в его ряды, начал быстро отходить, бросая свои орудия.

Пройдя две версты и порубив большое количество красных, 1-я Донская дивизия повернула и, уже не преследуемая противником, отошла на ночлег в деревню Александровку. За день с боем сделано около 50 верст.

Потери Лейб-Казачьего полка в атаке под Воинкой

убито: казаков — 2, лошадей — 3.

Тяжело контужен снарядом есаул Агафонов.

Ранены: подесаул Моргунов, хорунжий Фабрицкий и хорунжий Мокров. Казаков — 22, лошадей — 27.

Конная атака под Воинкой была последней атакой Гражданской войны, почему уместно подвести итоги потерь Лейб-Гвардии Казачьего полка (см. таблицу на с. 307).

В исполнение приказа Главнокомандующего, коннице надлежало отходить на юг в Мелитопольском направлении, дабы прикрывать отход пехоты.

Гвардейская Казачья бригада отходила в арьергарде всей конницы.

30 октября бригада 50-верстным переходом перешла в дер. Бурнаш.

31-го задача прикрытия отхода пехоты была завершена, и регулярная конница двинулась на погрузку в Ялту, Кубанская дивизия — в Феодосию, а Донские дивизии — в Керчь.

В арьергарде Донских и Кубанской дивизий шли по-прежнему лейб-казаки со взводом 6-й Л-Гв. Донской батареи.

Около Карасу-базара, между хвостом колонны главных сил и арьергардом, вклинился конный отряд зеленых, открывший пулеметный огонь. Лавой 3-й сотни лейб-казаков есаула Могилянского зеленые были отогнаны.

3-я сотня потеряла ранеными 2 казаков и 3 лошадей.

Эта задержка оторвала арьергард от колонны главных сил, точный маршрут движения коих не был известен командовавшему арьергардом войсковому старшине Дубенцеву.

Пройдя Карасу-базар, последний увидел перед собою две дороги: одна — нанесенное

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Общий подсчет потерь Лейб-Гвардии Казачьего полка
за Гражданскую войну 1918—1920 годов

Дата	Место боя	Офицеры				Казачи				Лошади		
		убито	ранено	эпидемия сыпного тифа	без вести пропавшие	убито	ранено	эпидемия сыпного тифа	без вести пропавшие	убито	ранено	часотка и побитые
Первая полов. 1918	Захват большевиками Дона и период казач. восстаний	7	3			Точных данных не имеется						
Первая треть 1919	Очищение Дона от большевиков	5	21	14		79	289	374		70	167	97
Вторая треть 1919	Общее наступление всех армий Юга России	5	13	6		85	367	385	33	47	173	139
Третья треть 1919	Генеральное сражение на Воронежском направлении и отход на Кубань	1	11	9	1	62	242	424	56	31	75	63
Начало 1920	Борьба с Кубанскими зелеными и Новороссийская эвакуация		1	3	1		8	30	50	3	7	
Продолжение 1920	Борьба в Крыму и в Сев. Таврии	2	23	4		31	169	56	10	102	246	
ОБЩИЙ ИТОГ		20	72	36	2	257	1075	1269	149	253	668	299

Примечания: 1. В 1919 году средний боевой состав полка сводился к 150 шашкам, 200 штыкам при 6—8 пулеметах. В строю обычно одновременно находилось не более 10—12 офицеров и 350 казаков, при 150—175 лошадях.

В 1920 году боевой состав полка сводился в среднем к 15 офицерам и 350 казакам, при таком же количестве лошадей.

2. В графе сыпнотифозных показано число заболевших и эвакуированных с фронта в тыл. Количество скончавшихся не показано за отсутствием точных сведений.

3. Поименный список убитых и раненых офицеров полка приложен в начале книги.

на карту шоссе, более похожее на горную дорогу с глинистым грунтом и плохенькими мостами; другая, не обозначенная на карте, — новое шоссе на Старый Крым. Войсковой старшина Дубенцев, предполагая, что дивизия выбрала вторую дорогу, двинулся по ней.

Пройдя 40 верст, он Донских дивизий не обнаружил. Сделав большой привал, он прошел еще 25 верст и, догнав остановившуюся на ночлег около ст. Крыма Кубанскую дивизию генерала Фостикова, здесь узнал, что Донские дивизии ночуют севернее и с утра двинутся на Керчь, где и будут грузиться. Ввиду утомленности лошадей, войсковой старшина Дубенцев остановился на короткий ночлег и, передохнув 4 часа, в 5 часов утра выступил на поиски своей дивизии.

Перевалив через горы, ввиду Феодосии, он наконец увидел Донские дивизии: пространство нескольких квадратных верст было покрыто массой двигавшихся без дорог мелких конных групп. То там, то сям виднелись значки полковых и бригадных командиров. Войсковой старшина Дубенцев поехал являться начальнику 1-й дивизии, ожидая получить нагоняй, однако получил благодарность: дорога, по коей двигалась от Карасу-базара колонна главных сил, оказалась непроезжей, и ей пришлось бросить все орудия. Ныне орудия Л-Гв. 6-й Донской батареи, пришедшие с арьергардом войскового старшины Дубенцева, представляли собою всю артиллерию Донцов.

К вечеру 2 ноября Донские дивизии добрались до Керчи.

За 4 дня по скверным дорогам, в условиях недостатка фуража и продовольствия, было пройдено около 300 верст.

Особенно тяжело пришлось больным и раненым, кои следовали при обозах частей.

Есаул Могилянский отмечает в своем дневнике:

«...Второй день отступления. Полк рысью идет в арьергард Шагах в 30-ти от дороги брошенные какой-то частью повозки. На одной лежит, по-видимому, тяжело больной или раненый. Он старается приподняться, но беспомощно падает, продолжая махать худой рукой в нашу сторону. Ну что я могу сделать? Все наши повозки полны нашими казаками. На орудиях, и то сидели люди. Жуткая картина...»

К вечеру 2 ноября Лейб-Казачий полк подошел к Керчи и расположился в предместье, однако в 12 часов ночи он был вызван в город для прекращения начавшихся там грабежей.

С утра 3 ноября началась погрузка частей, коею распорядился лично сам генерал Абрамов.

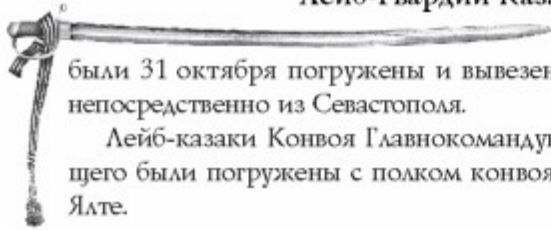
Лейб-Казачий полк, поддерживавший порядок, должен был грузиться последним на еще не прибывший пароход «Харакс».

Казаки полка были построены около пристани. Лошади были расседаны. С собою бралось лишь оружие и самые необходимые вещи. В полку держался полный порядок, однако не только казаки, но и офицеры волновались: придет ли вовремя «Харакс» и не повторится ли Новороссийская трагедия?

Но вот из стоявшего над морем тумана вынырнул нос подошедшего «Харакса», и быстро началась погрузка, за порядок коей полк получил особую благодарность генерала Абрамова.

Лазарет полка, как и находившиеся в нем и пожелавшие эвакуироваться раненые, больные офицеры, казаки и солдаты,

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

были 31 октября погружены и вывезены непосредственно из Севастополя.

Лейб-казаки Конвоя Главного командующего были погружены с полком конвоя в Ялте.

В 3 часа дня переполненный до отказа людьми пароход «Харакс» вышел на Керченский рейд.

Генерал Абрамов объехал на катере все погруженные пароходы, отдал последние распоряжения, и в ночь на 4 ноября суда в кильватерной колонне пошли на Константинополь.

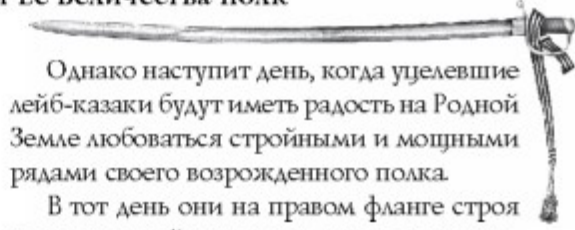
С грустью покидали лейб-казаки пределы Родной Земли, щедро орошенной кровью, пролитой ими под сенью своего полкового штандарта, увенчанного державным двуглавым орлом и Императорской короной.

Ныне и этот гордый штандарт после четырех лет упорной, ожесточенной, жертвенной борьбы покидал последним пределом России.

Горесть оставления Родины умерялась в полку сознанием исполненного до конца долга и верою в близость возрождения России.

Лейб-казакам казалось, что отбывают они ненадолго, что скоро опомнятся народы российские и поднимутся на богоборческую большевистскую власть. Казалось им, что скоро понадобятся вновь руки и головы верных сынов России и от берегов Босфора Русская Армия вернется на Родину для ответственной работы по воссозданию былой мощи и величия Российской империи.

Сроки изменения в жизни великого государства иные, нежели размер жизненного удела отдельного человека, и многим однополчанам привелось сложить свои головы на чужой земле.

Однако наступит день, когда уцелевшие лейб-казаки будут иметь радость на Родной Земле любоваться стройными и мощными рядами своего возрожденного полка.

В тот день они на правом фланге строя увидят родной штандарт, яркое свидетельство исполненного ими полностью в тяжелые годы воинского долга и твердый залог светлого и славного будущего.

Крымская борьба закончилась утратой последнего клочка родной территории и оставлением Родины.

Армия имела достаточный запас времени и пространства, дабы благополучно завершить прекрасно подготовленную генералом Врангелем посадку на суда и эвакуацию за границу.

Главного командующий сдержал полностью свое обещание, данное им при прибытии в Крым, — вывести Армию с честью из в ту пору создавшегося почти безвыходного положения.

На большее нельзя было и рассчитывать: слишком велико было несоответствие между скромными возможностями Крыма и громадными ресурсами остальной, находившейся в распоряжении большевиков, России; и слишком мало было времени для исправления ошибок Белого движения, сделанных в 1918—1919 годах.

На ком же, по мнению строевого офицера, лежала ответственность в прежних ошибках?

Один ныне модный в некоторых кругах и обладающий бойким пером журналист (кстати сказать, в ответственные годы вооруженной борьбы с большевиками уклонившийся от всякого в ней участия), ныне спокойно сидя за рубежом, решает этот сложнейший вопрос необычайно просто:

виновата якобы «бездарность» Главнокомандующего.

Попутно этот же журналист обливает грязью офицеров старой Императорской Армии, якобы, по его словам, стоявших на низкой ступени культуры и умственного развития.

Так ли обстояло дело в действительности?

Высокие профессиональные качества рядового состава русского кадрового офицерства засвидетельствованы во многих научных трудах даже наших бывших противников и нуждаются в защите разве только перед полными невеждами в вопросе.

«Единственная корпорация среди всех классов, сословий, профессий, проявивших общее стихийное стремление рвать от государства, выпустившего из своих рук вожжи, все, что возможно в своих частных интересах, — офицерство ничего не просило для себя лично.», — правильно отмечает в своих «Очерках» генерал Деникин.

Лишь одно травимое со всех сторон офицерство вело тяжелую борьбу на фронте за сохранение боеспособности своих частей.

И, наконец, в Белом движении, совместно с казачеством, офицерство щедро и жертвенно оросило своей кровью им одним поднятое знамя государственности.

Если офицерство, представлявшее к концу Великой войны решительно все слои не оказавшейся на высоте положения интеллигенции, проявило чувство государственности и достойной жертвенности, то объяснить это можно только духом уцелевшего на фронте остатка старого кадрового офицерства. Это офицерство — преемник тех незаметных армейских капитанов, кои одни, в 1905 и 1906 годах, остановили Россию на краю большевистской пропасти.

Как же можно говорить о «сравнительной» некультурности этого офицерства?

* * *

Что же касается ответственности Главнокомандующего, то представляется большим вопросом — мог ли он не считаться и не строить расчетов на помощь пресловутой российской «общественности», полная оторванность коей от глубоких масс населения выявилась лишь процессом Гражданской войны.

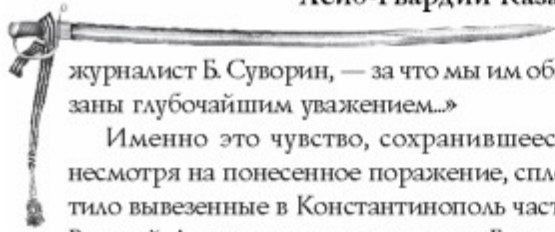
А между тем эта общественность под своими мертвыми партийными схемами, полными громких слов: свобода, равенство, народоправство, демократизм, и т.д. и т.д., скрывала лишь тенденцию городской интеллигенции своекорыстно и монополично осуществлять представительство широких народных рядовых масс населения, интересы и нужды разнородных слоев которого ей были известны весьма поверхностно.

Не отсюда ли возникла невозможность поднять и соответственно организовать на борьбу с гибельным для России большевизмом крестьянский слой, что, в свою очередь, обусловило неуспех белых мобилизаций и предрешило возникновение облегчивших большевикам победу движений Петлюры, Махно и зеленых?

Не отсюда ли шло систематическое падение духа самостоятельно поднявшегося на борьбу казачества, приведшее к роковому для исхода белой борьбы самоотстранению, в конце 1919-го и начале 1920-го годов, Кубанской рядовой массы? Таким образом, если на Главнокомандующем и лежит какая-то доля вины за неуспех, то, во всяком случае, львиная доля ответственности падает на российскую интеллигенцию в ее целом.

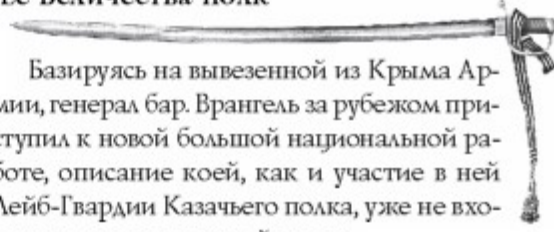
«Особенность и счастье русского Белого движения в величайшей честности и безупречной доблести всех его вождей, — когда-то сказал участник движения и талантливый

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

журналист Б. Суворин, — за что мы им обязаны глубочайшим уважением...»

Именно это чувство, сохранившееся, несмотря на понесенное поражение, сплотило вывезенные в Константинополь части Русской Армии вокруг последнего Главнокомандующего генерала барона Врангеля.

Базируясь на вывезенной из Крыма Армии, генерал бар. Врангель за рубежом приступил к новой большой национальной работе, описание коей, как и участие в ней Лейб-Гвардии Казачьего полка, уже не входит в рамки настоящей книги.

И.Н. Оприц.
Курбевуа.
1 мая 1939 г.

ИЗМЕНЕНИЯ В СПИСОЧНОМ СОСТАВЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА В ТЕЧЕНИЕ 1920-го ГОДА

Зачислены в списки полка приказом по Войску Донскому

1. Донской Атаман ген. Богаевский
Африкан Петрович	
2. Генерал-лейтенант барон Врангель
Петр Николаевич	В знак признательности
Донского Войска
3. Помощник Главнокомандующего
генерал-лейтенант Шатилов
Павел Николаевич	за их деятельность
4. Генерал-майор Фарафонов
Владимир Иванович	При назначении Ком. Гв. Каз.
бр., как бывший командир полка

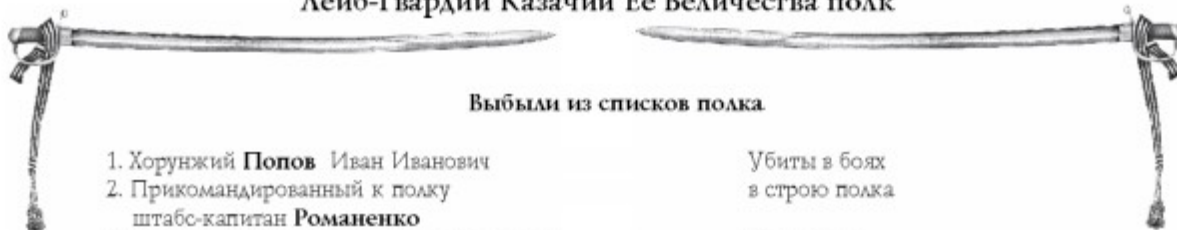
Зачислены в списки полка для службы в его рядах

1. Полковник Мишарев
Александр Андреевич	Из отставки. Коренной офицер
и старый командир полка.
Занял должность коменданта
полков. лазарета в Севастополе
2. Всаул Ефремов Алексей Иванович	Из отставки. Коренной оф. полка.
Занял должность помощника
полкового казначея
3. Хорунжий Упорников Лев Алексеевич	Переведен из сотни конвоя
Донского Атамана
4. Хорунжий Мигулин Григорий Петрович	Из подхорунжих полка
5. Хорунжий Прокофьев Николай Павлович	Из вольноопредел. полка

Состояли в прикомандировании к полку

1. Хорунжий Ярцев Алексей Васильевич	
2. Штабс-капитан Романенко	
3. Хорунжий Харламов Илья Ильич	
4. Всаул Потапов Яков Иванович	
5. Хорунжий Мокров Андрей Дмитриевич	
6. Хорунжий Тарасов Андрей Юльевич	
7. Хорунжий Смерткин	
8. Сотник Егоров Алексей Федорович	Исполнял должность
делопроизводителя
по хозяйств. части
(4 октября 1920 г.
переведен Донским
Атаманом в списки полка)
9. Хорунжий Обухов Вячеслав Васильевич	

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

Выбыли из списков полка

1. Хорунжий Попов Иван Иванович	Убиты в боях
2. Прикомандированный к полку
штаб-капитан Романенко	в строю полка
3. Полковник Мишкарев Алекс. Андреевич	За смертью
4. Войск. старш. Полковников Сергей Петрович	Инвалидность по роду ранения
5. Есаул Нарышкин Александр Михайлович	Перевод на службу в Зимовую ст.
в г. Константинополь
6. Сотник Чекунов Сергей Акимович	Исключены по причине
7. Хорунжий Жеребков Алексей Сергеевич	неприбытия своевременно
из эвакуации за границу

Находились в командировке

1. Полковник Андрянов В.П.	Помощн. командира полка
конвоя Главнокомандующего
Русской Армией
2. Воск. старш. Рыковский Ф.Ф.	К-ром полусотни от Гвард. Каз. бр.
того же полка конвоя
3. Подъес. Кобиев Ю.М.	К-ром Л.-Каз. взвода той же
полусотни
4. Подъес. Ляхов Н.Д.	Адъютантом
Главнокомандующего Р.А.
5. Подъес. Жеребков А.М.	Адъютант Донского Атамана
6. Сотник Поляков Н.М.	В командировке при Музее
7. Сотник Ефремов Н.П.	и регалиях полка в Константинополе
8. Подъес. Ротов М.М.	В командировке на подрывных
курсах

Примечание. Войск. ст. **Рыковский**, подъес. **Жеребков**, подъес. **Ротов** в бытность полка на Крымском фронте, некоторое время провели в строю и принимали участие в боевой работе полка.

Находились вне строя полка, как не оправившиеся от ранений, полученных в течение 1919 года

1. Полковник **Оприц И.Н.**
2. Восковой старшина **Чеботарев В.С.**
3. Сотник **Чекунов Г.А.**
4. Сотник **Семилетов В.С.**
5. Хорунжий **Дубенцев Г.А.**

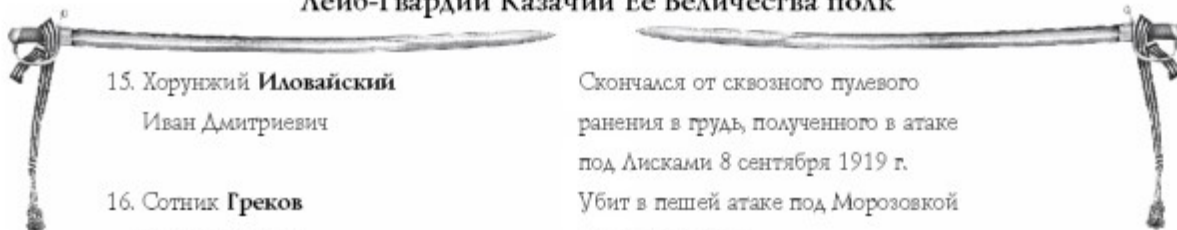
ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК ГОСПОД ОФИЦЕРОВ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА, убитых в вооруженной борьбе с большевиками в 1918, 1919 и 1920 гг.

А. Убитые в вооруженной борьбе с большевиками

1. Генерал-майор Орлов
Иван Давыдович	Командуя Донской дивизией,
14 февраля 1918 г. был захвачен и убит
большевиками, при взятии ими
гор. Новочеркаска
2. Есаул Рыковский
Яков Федорович	Убит в конной атаке
под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.
3. Есаул Плаев
Николай Павлович	Убит в конной атаке
под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.
4. Подъесаул Кутейников
Сергей Сергеевич	Убит в бою под х. Мишкиным
1 апреля 1918 г.
5. Вольноопр. Чернозубов
Константин Николаевич	Убит в бою под Новочеркасском
25 апреля 1918 г.
6. Подъесаул Персидский
Юрий Петрович	Убит красными в Новочеркасске
13 марта 1918 г.
7. Подъесаул Чеботарев
Михаил Михайлович	Убит красными в Новочеркасске
13 марта 1918 г.
8. Есаул Пашков
Александр Тимофеевич	Убит в конной атаке у х. Мечетного
19 февраля 1919 г.
9. Сотник Дубенцев
Георгий Федорович	Убит в конной атаке у х. Мечетного
19 февраля 1919 г.
10. Сотник Соалтысов
Константин Конст-ич	Умер от пулевого ранения в живот,
полученного в пешей атаке
х. Семимаячного 19 февраля 1919 г.
11. Хорунжий Денисов
Борис Максимович	Убит в конной атаке у д. Булахово
28 марта 1919 г.
12. Сотник Усачев
Иван Куприянович	Убит в конной атаке у д. Морозовки
11 августа 1919 г.
13. Хорунжий Филатьев
Владимир Георгиевич	Убит в пешей атаке у с. Андреевки
10 августа 1919 г.
14. Сотник Анищенко
Лев Иванович	Убит в пешей атаке под Лисками
8 сентября

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

15. Хорунжий Иловайский
Иван Дмитриевич	Скончался от сквозного пулевого ранения в грудь, полученного в атаке под Лисками 8 сентября 1919 г.
16. Сотник Греков
Борис Петрович	Убит в пешей атаке под Морозовкой 11 августа 1919 г.
17. Войск. старш. Болдырев
Александр Никандрович	Умер от менингита, явившегося следствием полученного им ранения в голову в бою под г. Беловодском 29 мая 1919 г.
18. Есаул Боков
Петр Алексеевич	Убит в пешей атаке под Александровским посёлком 22 октября 1919 г.
19. Хорунжий Попов
Иван Иванович	Убит в конной атаке под кол. Либенау 14 августа 1920 г.
20. Прикомандиров к полку
шт.-кап. Романенко	Убит в разъезде при отходе в Крым 18 октября 1920 г.

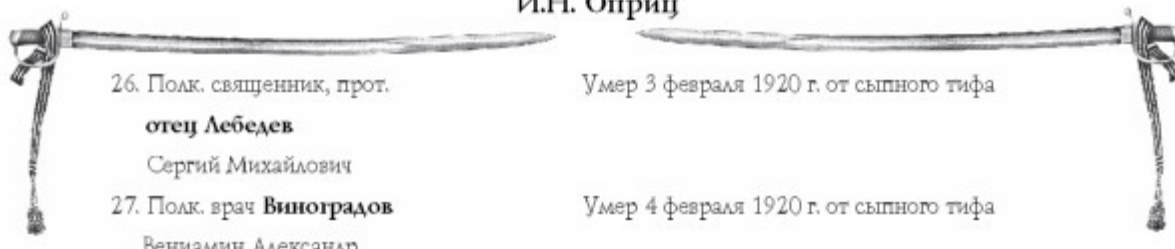
Б. Без вести пропавшие в боевой обстановке

21. Подесаул Туркин
Владимир Иванович	Заболев в строю полка сыпным тифом, при эвакуации с фронта пропал без вести 26 октября 1919 г.
22. Вольноопр.
гр. Орлов-Денисов
Владимир Васильевич	Заболев в строю полка сыпным тифом и будучи эвакуирован в дивизионный лазарет, при отходе на Новороссийск, вместе с лазаретом пропал без вести 13 марта 1920 г.

В. Скончавшиеся в полковом лазарете от эпидемических, на фронте, заболеваний

23. Сотник Чекунов 3-й
Александр Яковлевич	Умер 7 ноября 1919 г. от сыпного тифа
24. Хорунжий граф Граббе
Николай Александрович	Умер 18 декабря 1919 г. от холеры
25. Полковник Мишарев
Александр Андреевич	Умер 14 июля 1920 г. от тифа, осложнившегося крупозным воспалением легких

И.Н. Оприц

26. Полк. священник, прот.

отец Лебедев

Сергий Михайлович

Умер 3 февраля 1920 г. от сыпного тифа

27. Полк. врач **Виноградов**

Вениамин Александр.

Умер 4 февраля 1920 г. от сыпного тифа

Г. Лейб-казаки, убитые в боях вне строя полка

28. Есаул **Карпов**

Петр Николаевич

Убит 12 февраля 1918 г. при обороне подступов к Новочеркасску

29. Подъес. **кн. Радзивил**

Станислав Антонович

Убит, сражаясь в составе польской армии, 6 января 1920 г.

(куда перевелся после революции)

40. Подъес. **Болдырев**

Сергей Владимирович

Убит, сражаясь в составе

Северной Армии генерала Миллера

31. Есаул **Соколов**

Анатолий Клавдиевич

Убит, сражаясь в составе Армии

адмирала Колчака.

Д. Расстрелянные большевиками отставные офицеры полка

32. Есаул **Попов**

Евгений Николаевич

15 февраля 1918 года в Новочеркасске

33. Полковник **Краснянский**

Иван Филиппович

16 февраля в г. Новочеркасске

34. Полковник **Саринов**

Илья Васильевич

В январе 1920 г. при отходе на Кубань

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК ГОСПОД ОФИЦЕРОВ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА, раненных в боях с красными в 1918—1920 гг.

(За исключением скончавшихся от полученных ранений,
кои показаны в списке убитых)

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
1.	Поддесаул В.С. Чеботарев	В пеш. бою под г. Александро- Грушевском	20 апреля 1918 г.	Ранен пулей в грудь навьлет
2.	Есаул Н.В. Кононов	В Степном походе	В марте 1918 г.	Контузия в голову
3.	Хорунжий Н.Д. Ляхов	В кон. атаке под г. Екатеринодаром	31 марта 1919 г.	Ранен пулей в шею
4.	Войск. старш. Н.В. Номикосов	В пеш. бою под х. Семимоячным	19 февраля 1919 г.	Контужен в голову снарядом
5.	Войск. старш. Н. В. Номикосов	Там же	19 февраля 1919 г.	Ранен пулей в ногу
6.	Есаул С.П. Полковников	Там же	Тогда же	Ранен пулей в пах
7.	Полковник В.И. Фараонов	В кон. атаке под х. Мечетным	Тогда же	Ранен осколком гранаты в лицо
8.	Сотник М.М. Ротов	Там же	Тогда же	Подмятый убитой под ним снарядом лошадью, получил перелом 4-х ребер и ключицы
9.	Полковник В.А. Дьяков	В пеш. бою под х. Рубежным	22 февраля 1919 г.	Ранен пулей в руку

И.Н. Оприц

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
10.	Хорунжий Г.А. Дубенцев 2-й	Там же	Тогда же	Ранен пулей в грудь
11.	Хорунжий Б.М. Денисов	Там же	Тогда же	Ранен пулей в щеку
12.	Хорунжий О.А. Балабин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
13.	Сотник И.И. Какурин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
14.	Сотник Ю.М. Кобиев (будучи приком. к 2-му Кабардинскому полку)	В кон. атаке под Великокняжеской	В марте 1919 г. 20 марта	Ранен пулей в грудь навывлет
15.	Войск. старшина И.Г. Шамин	В пеш. бою под Иллирией	1919 г.	Ранен пулей в голову
16.	Подъесаул В.И. Туркин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
17.	Хорунжий П.П. Прокофьев	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
18.	Вольноопр. А.В. Реми	В конной атаке под Успенкой	23 марта	Ранен пулей в ногу
19.	Сотник Ю.А. Могиланский	Там же	Тогда же	Ранен пулей в бедро
20.	Есаул Б.Ф. Дубенцев 1-й	В пеш. бою под Ореховым	25 марта 1919 г.	Ранен пулей в ухо
21.	Есаул Ф.Ф. Рыковский	Там же	Тогда же	Ранен пулей в щеку и челюсть
22.	Сотник В.П. Греков	Там же	26 марта 1919 г.	Тяжело контужен снарядом
23.	Сотник Г.А. Чекунов 2-й	В бою под Городищем	28 мая 1919 г.	Оцарапано пулей горло
24.	Есаул Б.Ф. Дубенцев 1-й	В конной атаке под Луганском	4 мая 1919 г.	Ранен пулей в ногу
25.	Сотник С.А. Чекунов 1-й	В конной атаке под Беловодском	29 мая 1919 г.	Ранен пулей в ногу
26.	Войск. старшина С.Н. Краснов	В конном бою под Вутурлиновкой	19 июля 1919 г.	Ранен пулей в ногу
27.	Войск. старшина С.Н. Краснов	В конном бою за В.-Архангельское	20 июля 1919 г.	Ранен пулей в руку
28.	Подъесаул А.А. Греков	В пешем бою за В. Архангельское	20 июля 1919 г.	Ранен пулей в грудь
29.	Войск. старшина С.П. Полковников	Там же	Тогда же	Ранен пулей в мышцы левой ноги
30.	Войск. старшина С.П. Полковников	Там же	Тогда же	Ранен пулей с раздроблением подъема ноги

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
31.	Сотник И.И. Какурин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в область поясницы
32.	Сотник Б.П. Греков	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
33.	Хорунжий В.Г. Филатьев	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
34.	Вольноопр. граф Ребиндер	В конной атаке под Морозовкой	11 августа 1919 г.	Ранен пулей в ногу
35.	Сотник В.С. Семилетов	В пешей атаке под Морозовкой	Тогда же	Ранен пулей в спину с выходом в пах
36.	Полковник К.Р. Поздеев	В пешей атаке под Морозовкой	Тогда же	Контужен тяжелым снарядом в спину
37.	Сотник С.А. Чекунов	В пешем бою под Сергеевкой	17 августа 1919 г.	Ранен пулей в пах
38.	Поддесаул А.С. Моргунов	В пешей атаке Лисок	8 сентября 1919 г.	Ранен легко шрапнельной пулей в плечо
39.	Войск. старшина Н.П. Воронин	В пеш. бою под Бабками	11 сентября 1919 г.	Ранен пулей в обе ноги
40.	Поддесаул Н.Г. Ефимьев	В пеш. бою под Бабками	Тогда же	Ранен в грудь пулей навывлет
41.	Поддесаул А.С. Моргунов	Там же	Тогда же	Ранен легко пулей в руку
42.	Хорунжий Н.М. Поляков	Под Гнилушей. В пешем бою	25 сентября 1919 г.	Контужен в голову снарядом
43.	Хорунжий Г.А. Дубенцев 2-й	В пешем бою под Макогоновым	4 октября 1919 г.	Ранен пулей в руку
44.	Хорунжий Н.М. Поляков	В пеш. бою под Александровским п.	21 октября 1919 г.	Ранен снарядом в грудь
45.	Полковник К.Р. Поздеев	Там же	22 октября 1919 г.	Ранен пулей в ногу
46.	Полковник И.Н. Оприц	В пеш. бою под Александровским п.	24 октября 1919 г.	Контузия (внутр. косоглазие левого глаза, поражение слуха и внутреннее кровоизлияние под пр. кол.).
47.	Полковник И.Н. Оприц	В пешем бою у Таловой	24 октября 1919 г.	Тяжело ранен пулей в пах
48.	Сотник Г.А. Чекунов	В пеш. бою под Богучаровым	2 декабря 1919 г.	Ранен пулей в ногу
49.	Хорунжий И.И. Попов	В конном бою Там же	Тогда же	Пробита ключица пулей
50.	Хорунжий Г.А. Дубенцев 2-й	Под Новороссийском	12 марта 1920 г.	Ранен тремя пулями в ноги

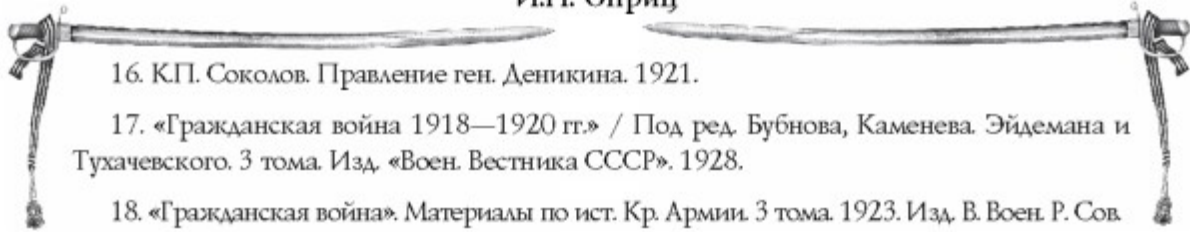
И.Н. Оприц

№	Чин и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
51/52.	Полковник К.Р. Поздеев	В конном бою под Эристовкой- Трактиром	11 августа 1920 г.	Ранение осколк. снаряда в ногу и общая воздушная контузия
53.	Подъесаул П.Н. Кутейников	Там же	Тогда же	Контужен снарядом в голову
54.	Полковник И.Г. Шамин	В конном бою у Щербаковки	12 августа 1920 г.	Легко ранен пулей в ногу
55.	Подъесаул М.М. Ротов	В конном бою у Щербаковки	Тогда же	Конт. снар. в бок
56.	Сотник А.А. Упорников	В конной атаке кол. Шензее	4 августа 1920 г.	Ранен пулей в шею навзлет
57.	Хорунжий В.В. Обухов	Там же	Тогда же	Ранен пулей в пах
58.	Хорунжий Б.В. Ананьев	В конной атаке кол. Шпарау	22 августа 1920 г.	Ранен пулей в бедро
59.	Хорунжий Н.Н. Ефремов	Там же	Тогда же	Ранен пулей в ногу
60.	Есаул Г.Н. Агафонов	Там же	Тогда же	Конт. снар. в голову
61.	Хорунжий Г.П. Мигулин	Там же	Тогда же	Конт. снар. в голову
62.	Вольноопр. Г.Ю. Иванов	В конной атаке у Бегим Чокрака	18 августа 1920 г.	Ранен пулей в руку
63.	Хорунжий А.Д. Мокров	В конной атаке под Андреевкой	9 сентября 1920 г.	Легко ранен в поясницу
64.	Полковник И.Г. Шамин	В бою под Н.-Никольской	14 сентября 1920 г.	Тремя пулями ранен в ноги
65.	Подъесаул А.М. Жеребков	В конной атаке под Покровской	19 сентября 1920 г.	Ранен пулей в грудь
66.	Есаул А.К. Авилов	В конном бою под Белозеркой	17 октября 1920 г.	Ранен пулей в живот
67.	Генерал-майор К.Р. Поздеев	В конной атаке под Елизаветовкой	18 октября 1920 г.	Ранен пулей в таз и в позвоночник
68.	Сотник Смерткин (прик.)	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
69.	Хорунжий Г.П. Мигулин	Там же	Тогда же	Ранен пулей в ногу с раздробл. кости
70.	Подъесаул А.С. Моргунов	В конной атаке у Воинки	29 октября 1920 г.	Ранен пулей в руку
71.	Хорунжий А.Д. Мокров	Там же	Тогда же	Ранен пулей в поясницу
72.	Хорунжий Г.С. Фабрицкий	Там же	Тогда же	Ранен пулей в руку
73.	Есаул Г.Н. Агафонов	Там же	Тогда же	Тяжело контужен в голову снарядом

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Документы полкового архива: приказы, приказания, копии донесений, послужные списки гг. офицеров. Полковой и сотенные дневники боевых действий.
2. Краткая записка о действиях полка в Гражданскую войну, составленная И. Оприцем в 1921 году, по словесным рассказам-участников-однополчан.
3. Записки, воспоминания офицеров полка: В.И. Фарафонова, К.Р. Поздеева Н.В. Номиекосова, Н.П. Воронина, И.Г. Шамина С. Н. Краснова, Ю.А. Черемшанского, Н.П. Ефремова, Н.Н. Ефремова, Ю.А. Могилянського, Г.М. Гринева, В.С. Семилетова, А.К. Авилова, П.П. и Н.П. Прокофьевых, Н.Г. Евфимьева, А.С. Моргунова, М.М. Ротова, Ю.Н. Агафонова, А.А. Грекова, Г.П. Мигулина и вахмистра-подхорунжаго Колбасина.
4. Комментарии к записке И.Н. Оприца генералов П.И. Краснова, Ф.Ф. Абрамова и В.А. Дьякова.
5. Сводка показаний некоторых участников-однополчан, произведенная по заказу полка в 1924 году Ген. Штаба генералом Эрном.
6. Копии некоторых документов Донского Архива в Праге.
7. *Ген. П.П. Краснов*. Всевеликое Войско Донское. Арх. Русск. Рев. Т. 5.
8. *Ген. Денисов С.В.* Гражданская война на юге России. Кн. 1. 1921.
9. *Полк. Добрынин*. Борьба с большевизмом на юге России. 1921.
10. Комплект журнала «Донская Волна». 1918—1919.
11. «Донская Летопись». Три книги. 1923.
12. *Макаренко*. Трагедия Казачества. 4 части, 1983—1938.
13. *Ген. Врангель П.Н.* Записки. 2 тома. Белое Дело. 1928.
14. *Ген. Деникин А.И.* Очерки Смуты. 5 томов, 1921—1926.
15. *Гинс Г.К.* Сибирь. Колчак. Союзники. 2 тома, 1921.

И.Н. Оприц

16. К.П. Соколов. Правление ген. Деникина. 1921.

17. «Гражданская война 1918—1920 гг.» / Под ред. Бубнова, Каменева. Эйдемана и Тухачевского. 3 тома. Изд. «Воен. Вестника СССР». 1928.

18. «Гражданская война». Материалы по ист. Кр. Армии. 3 тома. 1923. Изд. В. Воен. Р. Сов.

19. «Гражд. война. Действ. на морях и речн. сист.». Изд. Морск. Ист. Комм. 1926.

20. Н.Е. Какурин. Как сражалась революция. Госиздат, 1926.

21. В.А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражд. войне. 4 тома. Госиздат. 1928.

22. Ген. Е.И. Мартынов. Армия в Февральском перевороте. 1927. Изд. РККА.

23. Анищев. Очерки истории гр. войны. Госиздат. 1925.

24) И.М. Калинин. Русская Вандея. Госиздат. 1926.

25) Егоровы. Разгром Деникина.

26) Материалы и труды, на кои в тексте приведены ссылки.

Генерал-майор А.В. Голубинцев

РУССКАЯ ВАНДЕЯ

Очерки Гражданской войны на Дону
1917—1920 гг.

..То Край Родной восстал за честь от-
чизны, за славу дедов и отцов, за свой по-
рог и угол.

Ф. Крюков

ВСТУПЛЕНИЕ

Приступая к изданию моих записок и воспоминаний из времен Гражданской войны на Дону, в которой я принимал непосредственное и активное участие, как организатор и руководитель восстания на северо-востоке Дона и затем как начальник больших конных соединений в разгоревшейся Гражданской войне на Юге России, я хочу, как предпосылку к запискам, дать краткий обзор истории Дона, психологии и быта донских казаков — тех условий, которые создали эту этническую группу русского народа, эту военную касту, или орден степных рыцарей; а также и указать на те причины, которые побудили донских казаков начать беспощадную борьбу, на жизнь и на смерть, с таким колоссом, как охваченная безумием анархии и революции и направливаемая шайкой интернациональных проходимцев Советская Россия.

Имя Донского Войска, или Донской Вольной Общины, известно почти всем в Старом Свете, но, к сожалению, только имя, а историю, быт, психологию и нравы каждый толкует по своему вкусу, извращая их в ту или иную сторону и давая широкий простор своей фантазии и политическим или романтическим вкусам.

До второй половины XII века мы можем почерпнуть краткие сведения о казаках из записок иностранных путешественников, побывавших в юго-восточных степях Российской равнины. Русская история лишь кратко и косвенно упоминает, что в 1380 году отряд донских казаков прибыл в помощь Великому Князю Димитрию Дон-

скому и участвовал в Куликовской битве. Единственным памятником этого события является икона Гребневской Божьей Матери, поднесенная казаками Великому Князю, с высеченной на камне надписью и датой. До революции икона находилась в Успенском Соборе. Более пространная история упоминает о появлении казаков на русской военно-политической арене в XV веке, а с XVI века казаки уже принимают участие почти во всех войнах и событиях Московского государства: в Ливонской войне участвуют небольшие отряды донских казаков; при взятии Казани царем Иоанном IV особенно отличился отряд донских казаков атамана Сусата, первый ворвавшийся в Казань; атаман Ермак с отрядом казаков, именем Московского Царя, в 1584 году завоевывает Сибирское Царство; в Смутное время, в 1613 году, сабля атамана Межакова, по словам историка Костомарова, решает вопрос о возведении на Российский Престол царя Михаила Федоровича.

С этих пор связи Войска Донского с Москвой становятся все теснее и теснее. В Москве постоянно гостит «Зимовая станица», иначе говоря, посольство донских казаков, третируемая наравне с иностранными дипломатическими миссиями.

Владея южной степью, казаки являлись как бы барьером для защиты границ Московского государства от набегов орд степных кочевников и отрядов соседних татарских ханств.

За отсутствием подходящего строительного материала — камня и леса — казаки

не строили ни замков, ни крепостей, а защищались в укрепленных фортах, называемых «городками», сооруженных из земляных укреплений, валов и бревен, обнесенных стенами со рвами, бойницами, вышками. В городках помещались склады с вооружением, снаряжением, запасами питания и строились курени для населения. Между городками были так называемые сторожевые пикеты. При появлении татарских орд население станиц укрывалось в этих городках и оказывало упорное сопротивление кочевникам. На сторожевых пикетах и вышках вспыхивали сигнальные вежи, передавая сполох в соседние городки, и степь загоралась общим боевым фронтом, с сетью маневрирующих конных лав между городками.

Цены услуги казаков, цари московские не только снабжали казаков порохом, сукнами, хлебом и жалованьем, но и награждали почетными званиями, саблями, ковшами, на что в Посольском Приказе отпускались ежегодно известные суммы. Нам известен случай, когда 300 донских казаков в 1585 году за услуги, оказанные Московскому царству, были «поверстаны в боярские дети» и награждены поместьями («Обзор Русск. Истории» Пушкарева. С. 262).

Жили казаки, по их образному выражению, «с травы да воды», иначе говоря, охотой да рыбной ловлей; но этот род занятий, конечно, не мог удовлетворить материальных и духовных потребностей и запросов этой буйной и воинственной общины. Хлеба казаки не сеяли, занятие земледелием воспрещалось и каралось смертной казнью, «в куль да в воду», дабы казаки не омужичились и не утратили воинственного духа.

«Охота за зипунами», т.е. набеги на соседние мусульманские государства: Крым,

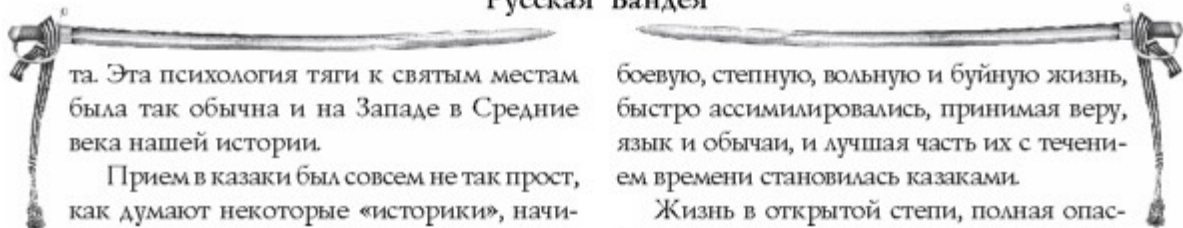
Персию, Турцию и побережья Черного, Азовского и Каспийского морей, были заурядным явлением и почти периодическим занятием; считались делом богоугодным, христианским и доблестным, так как сопровождалась не только освобождением из рабства христианских пленников, но и захватом «ясыри», т.е. пленных мусульман, которые служили затем предметом обмена на своих, русских пленников, захваченных татарами в набегах.

Турецкие историки отмечают довольно подробно ряд набегов казачьих флотилий на берега теперешней Болгарии, Румынии, Анатолии и даже на Константинополь.

Управлялись казаки выборными атаманами. Дела государственные, внешние и внутренние, решались атаманом и старшинами и утверждались кругом, криками «любо» или «нелюбо». Участие на круге принимали только «прирожденные» и полноправные казаки. Население Дона состояло из прирожденных казаков, считавших свой род в нескольких поколениях, так называемых домовитых и из голутвенных, еще не имевших полных прав и голоса в круге.

Пополнялось Донское казачество, судя по историческим данным, а также по названиям населенных пунктов, местных предметов, предметов обихода и по фамилиям казачьих родов, выходцами из различных стран и народов, по той или иной причине не ужившихся на своей родине, или искавших выхода своему молодечеству, страсти к войне, приключениям и к вольной жизни в донских степях.

Те, чья душа искала простора, безграничной воли, удали, жажды подвигов, тянулись к усеянной таинственными курганами Донской степи, с ее романтикой и соседством со Святой Софией, ожидающей восстановления на ней Святого Крес-

та. Эта психология тяги к святым местам была так обычна и на Западе в Средние века нашей истории.

Прием в казаки был совсем не так прост, как думают некоторые «историки», начитавшиеся поэтических сказок Гоголя и черпающие из них свой «исторический» материал, или даже те «популярные», казенные историки, поверхностные, близорукие или просто недобросовестные, искажающие истину и приспособляющие историю к «духу времени»; или просто усердные не по разуму, готовые в либеральном служении принципу нивелирования уродовать историю. Их тенденцию теперь продолжают большевики, углубляя ее в своих энциклопедиях.

Чтобы быть принятым в казаки и сделаться равноправным членом Донской общины, надо было не только прожить несколько лет на Дону, но и побывать в походах и набегах и доказать свою храбрость, мужество и преданность казачеству.

Женщины в старое время большей частью брались в набегах, считались «ясыря», т.е. полонянками, и, выходя замуж за казаков, становились казачками и матерями казаков; этим отчасти объясняется, особенно на юге Дона, восточный овал лица, темные волосы, гибкость и подвижность стана низовых казаков.

С незапамятных времен на Дону широко практиковалось право убежища: «С Дона выдачи нет» — был девиз Войска. На Дону находили убежище и сторонники старой веры, преследуемые, во времена патриарха Никона, в Московской державе. А после разгрома Новгорода и Пскова, в XV и начале XVI века, много новгородцев бежало на Дон. Крымские татары, ногайцы, кавказские горцы, поляки, запорожцы-черкасы и даже немцы, искавшие счастья и убежища или простора, также являлись на Дон, втягивались в

боевую, степную, вольную и буйную жизнь, быстро ассимилировались, принимая веру, язык и обычаи, и лучшая часть их с течением времени становилась казаками.

Жизнь в открытой степи, полная опасностей и неожиданностей, заставляла быть всегда настороже, быть готовым и к нападению, и к обороне; эти условия заставляли казаков быть всегда начеку, научали ориентироваться не только по звездам и солнцу, но и по ветру, травке, холмам, курганам, шуму земли, полету и крику птиц. Такая напряженность внимания переходила в привычку и выработывала характер уверенности в самом себе, в своих силах, в своем превосходстве над врагом и презрение к смерти. Эти свойства, переходя в привычку, создавали известную мораль и характер — решительный, упорный и независимый, — и передавались из поколения в поколение.

Эти качества до последнего времени выгодно отличали казачьи части при ведении военных операций и особенно в разведке. Культ доблести, собственного достоинства и гордости заставляли казаков крепко держаться своих частей и беречь свое имя. Факт отсутствия даже единичных случаев дезертирства из всей массы казачьих полков в последних войнах подтверждает эти специфические свойства казаков. Появление дезертира покрывало бы навеки позором не только род, но и всю станицу.

Казаки с одинаковым хладнокровием умели и наступать и отступать, не поддаваясь панике, повинуюсь приказаниям и авторитету начальников. Почет и уважение к старикам и повиновение авторитету старших создавало единодушие в принимаемых решениях.

В первой половине XVII века казаки взяли сильную турецкую крепость Азов в устьях Дона, служившую туркам ключом

и воротами для связи и проникновения турецкой экспансии в юго-восточную Россию, где сравнительно еще недавно покоренные царства Казанское и Астраханское не забыли вполне своей независимости и прислушивались и тяготели к единоверным державам — Турции и Крыму. Царь отклонил предложение казаков взять Азов под свою высокую руку, ибо не желал ввязываться в войну с могущественной в то время Турцией.

В ответных нотах на турецкие жалобы на набеги казаков Москва отписывалась, заверяя Блистательную Порту, что казаки «воруют де и царскую волю не слушают» и за них Москва не может нести ответственности. На многократные предложения московского правительства принести присягу Царю казаки обыкновенно отвечали дипломатически: «Мы рады служить Государю и без крестного целования». Характерна в этом отношении донская поговорка того времени: «Будь здоров, Царь, в Москве Кременной, а мы, казаки, на Тихом Дону».

В 1671 году казаки целовали крест на верность Православному Царю, и с этих пор казаки становятся как бы **официально служилым сословием Московского Царства**, сохраняя свой внутренний быт и порядок несения службы. Участие Войска Донского во всех войнах и походах русских царей, начиная с XIV и до первой четверти XX века включительно, покрыло его неувядаемой славой и связало неразрывными узами с историей и культурой Российской Империи и с Династией. Естественно, что при таком состоянии морали, традиций, быта, характера, старых устоев чести, свободы и верности данной клятве и славной истории, связывавшей Дон с Царской Россией, казаки не могли не восстать против рабского режима большевиков, конечная

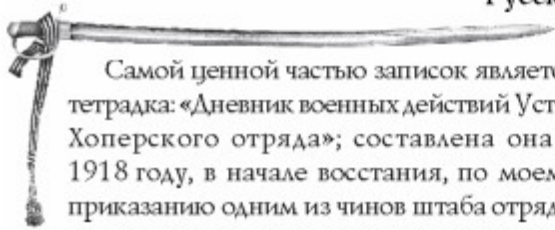
цель которого, путем обезличения индивидуума, создать из народа стадо покорных и безгласных рабов.

С полным сознанием своей правоты и долга вступили казаки в бескомпромиссную борьбу с московскими интернациональными захватчиками. В 1917 году Дон объявил себя самостоятельным государством, впредь до восстановления Российской Империи, и связал свою судьбу с Белым движением, возникшим на территории Дона; и если бы не было казаков, не было бы и Белого движения.

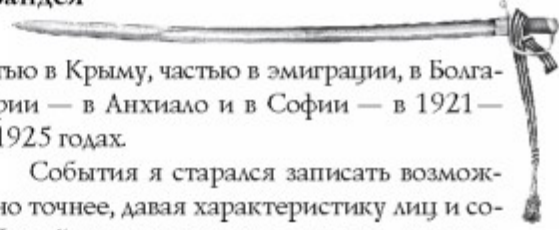
Составляя настоящие заметки о борьбе усть-медведицких казаков с красными, я задался целью описать лишь то, что я лично видел, в чем принимал непосредственное участие, сначала как Командир 3-го Донского Казачьего Ермака Тимофеева полка, приведший полк с войны на Дон, затем как организатор и руководитель восстания в Усть-Медведицком округе и, наконец, как начальник конной дивизии и конной группы в разгоревшейся Гражданской войне. Записки мои составлены частью на Дону, частью в эмиграции. К сожалению, большая часть документов утеряна во время кочевой жизни на войне; по сохранившейся же совершенно случайно небольшой части документов удалось установить точные даты некоторых событий и обстоятельств, при которых они происходили.

Записки мои никоим образом не могут претендовать на исчерпывающее описание пережитых и виденных мною событий или эпохи, так как составлены они большей частью по памяти, после долгих лет эмиграции, и в них отмечены лишь краткие отрывки событий некоторых периодов.

Русская Вандея

Самой ценной частью записок является тетрадка: «Дневник военных действий Усть-Хоперского отряда»; составлена она в 1918 году, в начале восстания, по моему приказанию одним из чинов штаба отряда, по оригинальным документам, и составляет лишь часть дневника, — одной случайно уцелевшей тетрадкой. Остальные очерки, как я уже упомянул, составлены мною час-

тью в Крыму, частью в эмиграции, в Болгарии — в Анхиало и в Софии — в 1921 — 1925 годах.

События я старался записать возможно точнее, давая характеристику лиц и событий так, как они мне казались, стараясь быть строго объективным и беспристрастным.

Все даты отмечены по старому стилю.

*Ген.-м. Голубинцев,
София, 1925 г.*

РОДИМЫЙ КРАЙ

Стихотворение в прозе

Родимый край... Как ласка матери, как нежный зов ее над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов.

Чуть тает тихий свет зари, звонит сверчок под лавкой в уголке, из серебра узор чеканит в окошке месяц молодой... Укропом пахнет с огорода... Родимый край...

Кресты родных могил, и над левадой дым кизичный и пятна белых куреней в зеленой раме рощ вербовых, гумно с буряющей соломой и журавель, застывший в думе, — волнует сердце мне сильнее всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарований.

Тебя люблю, Родимый край...

И тихих вод твоих осоку и серебро песчаных кос, плач чибиса в куге зеленой, песнь хороводов на заре, и в праздник шум станичного майдана, и старый милый Дон — не променяю ни за что...

Родимый край...

Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная — шемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчание мудрое седых курганов и в небе клекот сизого орла, в жемчужном мареве видения зипунных рыцарей былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зеленый и родной... не ты ли это, Родимый край?

Во дни безвременья, в годину смутную развала и падения духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой Край родной...

Но все же верил, все же ждал: за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметет волну наш Дон Седой...

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...

И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок вдали, как нежная струна...

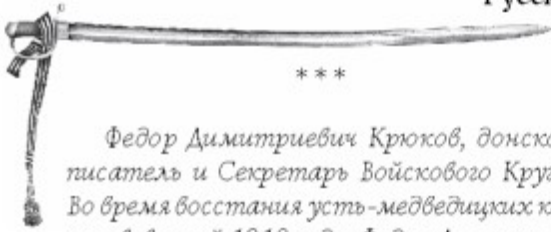
Звенит и плачет, и зовет...

То Край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон... За честь отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит седой наш Дон, — Родимый край.

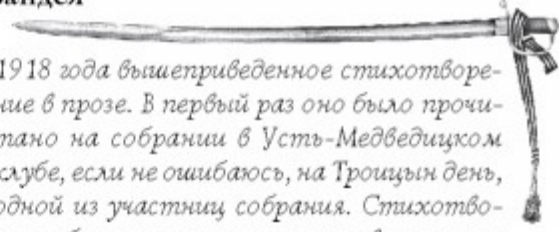
Ф. Крюков

Русская Вандея

Федор Дмитриевич Крюков, донской писатель и Секретарь Войскового Круга. Во время восстания усть-медведицких казаков, весной 1918 года, Федор Дмитриевич находился в своей родной станице Глазуновской и принял участие в восстании, примкнув к отряду полковника Голубинцева. Был легко контужен в бою у станицы Арчадинской. Вдохновленный вспыхнувшим восстанием, написал в начале мая

1918 года вышеприведенное стихотворение в прозе. В первый раз оно было прочитано на собрании в Усть-Медведицком клубе, если не ошибаюсь, на Троицын день, одной из участниц собрания. Стихотворение было принято присутствующими с большим энтузиазмом и волнением. В нем как в зеркале отражена вся душа казака и его безграничная привязанность к Родному Краю, к родной земле, насыщенной кровью, славой, доблестью, честью и любовью к свободе.

I

РУССКАЯ ВАНДЕЯ

1.

Осиное гнездо

Февраль 1918 года на исходе. Не стало на Дону Атамана. Разгромлен и загажен Новочеркасск. Помутились головы у казаков — трудно стало старикам сдерживать буйную молодежь — «фронтовиков». Уже почти повсюду на Дону советы сменили атаманов, но свято блюдут усть-хоперцы старину, чтут старики порядки и обычаи дедовские: все еще атаман правит станицей, в домах портреты царские, казаки в погонах.

Недаром славится Усть-Хоперская станица по всему Тихому Дону, и орлы и коршуны вылетали из нее: и славный атаман генерал Каледин, и лихой казак Кузьма Крючков, и печальной памяти «красный атаман Дона», «президент Донской Советской республики» подхорунжий Подтелков.

Слывет станица в округе «контрреволюционной» и «белогвардейской», но пока еще не решаются красные власти круто расправиться: боятся трогать это «осиное гнездо».

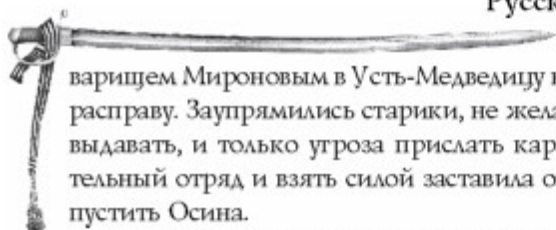
Шлет из Усть-Медведицы Окружной комиссар, бывший войсковой старшина Филипп Миронов, грозные приказы: упразднить атамана и избрать совет; грозит в случае неповиновения прислать карательный отряд. Мнутя старики, но делать нечего,

предложили станичному атаману называться «председателем» — плюнул старик и отказался. Попробовали выбирать — нет охотников представлять советскую власть. Наконец, уговорили подхорунжего Атланова: «Если и ты откажешься — мужика назначут». Довод основательный.

С выбором совета жизнь потекла как будто по-прежнему, только на майдан стали являться «иногородние»; зазвучали непривычные речи о равенстве, о раздаче казачьей земли мужикам, об уравнильно-трудовом землепользовании; стали читаться декреты и приказы всякого рода, ничего доброго не сулившие казакам, и т.п.

Долго крепились казаки, слушая наглые речи «хохлов», один из которых, сапожник Капустин, разошелся вовсю и, убеждая упрямых стариков, сказал: «У вас, старики, бороды длинные, да головы глупые!» Это переполнило чашу терпения — сорвался с места урядник Осин, ударом кулака сшиб нахала с трибуны, старики подхватили и, избив до полусмерти, выбросили из станичного правления.

Дня через три Осин и еще три казака были вызваны Окружным комиссаром то-

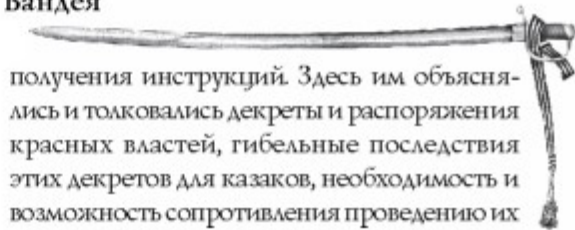

варищем Мироновым в Усть-Медведицу на расправу. Заупрямились старики, не желая выдавать, и только угроза прислать карательный отряд и взять силой заставила отпустить Осина.

По прибытии в Окружной Совет Осин был избит, предстал перед Революционным трибуналом и, отсидев около двух недель в тюрьме, возвратился домой.

Декреты, вызывающее поведение иногородних, случай с Осиним создали настроение неудовольствия, обиды, боязни за будущее; это чувство росло, ширилось, вызывая острую ненависть к новым порядкам. Чувствовалось, что наступила пора использовать это настроение. Почва для работы была благоприятна. Нужна только искра.

Распустив по приказанию Донского Атамана Каледина по домам в бессрочный отпуск, с оружием, приведенный мною с Румынского фронта 3-й Донской Казачий Ермака Тимофеева полк, я 15 февраля 1918 года из станицы Глазуновской переехал в станицу Усть-Хоперскую, где и поселился в уединенном доме. Редко показываясь, я внимательно следил за развивающимися событиями. Не вмешиваясь открыто в станичную жизнь, имея общение лишь с верными людьми, по большей части моими сослуживцами по 3-му полку, я с их помощью образовал небольшое ядро, с целью поддерживать и развивать антибольшевистское настроение и направлять волю станицы к желаемой цели. На хуторах, по указанию прапорщика Щелконогова и его отца К.Т. Щелконогова, были намечены верные, твердые и убежденные люди, по большей части старики и выборные, которые изредка тайно приезжали ко мне поодиночке для доклада, обмена мыслями и

получения инструкций. Здесь им объяснялись и толковались декреты и распоряжения красных властей, гибельные последствия этих декретов для казаков, необходимость и возможность сопротивления проведению их в жизнь, объяснялись события на Украине и значение их для Дона, положение на фронте, непрочность советской власти и т.п.

Получив более или менее полную информацию, они возвращались домой, делились со своими хуторянами полученными сведениями и разъяснениями, являясь вместе с тем и серьезными оппонентами заглядывавшим иногда на хутора с целью большевистской пропаганды гастролерам из Усть-Медведицы.

Кроме того, связь ее с хуторами постоянно поддерживалась при помощи многочисленных моих сослуживцев по 3-му полку.

Работать в более широком масштабе можно было только при помощи и через «Съезды Хуторских Советов», невидимо руководя их работой и обращая постановления их в замаскированные воззвания к сплочению, сопротивлению и, наконец, к открытому неповиновению и восстанию с оружием в руках против советской власти.

Узнав о времени и цели съезда хуторских советов и о предполагаемых к обсуждению вопросах, я на отдельных клочках бумаги писал резолюции к будущему постановлению съезда по интересующим нас вопросам, а затем свой человек ехал в соседние хутора и передавал верным людям готовые решения, обыкновенно одному лицу только одну резолюцию, давая при этом, конечно, соответствующую инструкцию. Являясь на сход, выборный, после дебатов, просил слова и предлагал резолюцию, читая ее по бумажке. Гладко написанные фразы, отвечающие настроению казаков, обычно принимались почти без изменения криками:

«в добрый час» и заносились в протокол решений съезда.

Таким образом была провалена объявленная Мироновым мобилизация: «Не отказываемся от мобилизации, но требуем сначала роспуска и удаления красной гвардии из Усть-Медведицы и выдачи предварительно оружия на руки подлежащим мобилизации».

Затем, на приказ о сдаче казенного оружия, съезд ответил, что оружия в станице вообще очень мало и что оно необходимо для защиты станицы от появившихся на севере банд.

Наконец, было сделано постановление (следствие ареста и избиения урядника Осина), что в будущее время арест усть-хоперского гражданина может быть произведен только с разрешения местного совета, а если кто-либо будет арестован усть-медведицкими властями, то немедленно всем выборным с хуторов явиться на сход в Усть-Хоперскую с оружием и привести с собою каждому по пяти вооруженных казаков. (Хуторов в Усть-Хоперской станице свыше 30-ти.)

В каждом постановлении делалась приписка: «В целях поддержания связи разослать копии во все станицы округа для сведения».

Говорят, что читая усть-хоперские постановления, товарищ Миронов приходил в бешенство, кричал, рвал постановления, грозил карательным отрядом, но... дальше слов дело пока не шло.

Таким образом, забронировав себя последним постановлением от активного вмешательства усть-медведицких властей, Усть-Хоперская станица, получив название «контрреволюционной» и «белогвардейской», стала недвусмысленно готовиться к восстанию.

— Вот отпахаемся и начнем, — говорили казаки. Но время шло, наступали празд-

ники Св. Пасхи, чувствовалось, что если не начнем, то будем арестованы, ибо слухи уже проникли в Усть-Медведицу и местные шпионы-большевики усиленно зачастили свои визиты в Окружной совет к Миронову.

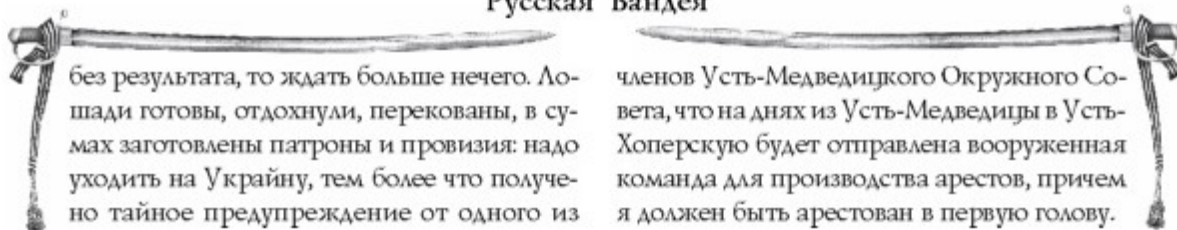
Ждать больше нельзя, все готово, нужен только толчок, только искра.

Оружие, посланное из Усть-Медведицы в крестьянскую слободу Чистяковку и перехваченное казаками хутора Каледина, и явилось этим толчком: «Советская власть вооружает “хохлов” против казаков!» — пронеслось по всем хуторам станицы; это переполнило чашу терпения и открыло глаза даже благожелательно смотревшим на советскую власть.

Что же в это время делалось за пределами Усть-Медведицкого Округа? Что делалось на Украине? Что делалось на юге Дона?

В этом отношении Усть-Хоперская была совершенно отрезана от остального мира — никаких сведений, никаких слухов. По советским данным все обстоит благополучно, все тихо, все довольны. В последнее время даже газеты, из которых раньше можно было почерпнуть кой-какие сведения о событиях на Украине, стали задерживаться большевиком почтмейстером. Правда, промелькнули было слухи, что в Новочеркасске что-то было на Пасху, что немцы подходят к Каменской, а ездившие в Обливы за солью казаки хутора Каледина говорили, что слышали будто бы орудийную стрельбу к юго-востоку от станции Обливской (Суровикино), но сведения эти были какие-то робкие, неуверенные, проверять их было трудно и небезопасно, и поэтому они быстро заглохли. Местный же почтмейстер, ярый сторонник советской власти, заявлял всем, что все это вздор, что всюду спокойно и советская власть установилась прочно и твердо.

На 24 апреля был назначен Съезд Советов станицы. Если и это собрание кончится

без результата, то ждать больше нечего. Лошади готовы, отдохнули, перекованы, в суммах заготовлены патроны и провизия: надо уходить на Украину, тем более что получено тайное предупреждение от одного из

членов Усть-Медведицкого Окружного Совета, что на днях из Усть-Медведицы в Усть-Хоперскую будет отправлена вооруженная команда для производства арестов, причем я должен быть арестован в первую голову.

2.

Усть-хоперское восстание

«Журнал военных действий Усть-Хоперского отряда»

Начатое 24 апреля, на следующий день, т.е. 25-го, мирно протекало совещание Съезда Советов станицы Усть-Хоперской, занимающейся разрешением мирных жизненных вопросов и задач, неразрывно связанных с наступлением весны. Были и тихие мирные разговоры, прорезались и бурные прения, возбуждавшие весь съезд. Но время протекало, проходило возбуждение, и дело делалось своим обычным порядком.

Предстояло избрать делегатов на «Окружной Съезд Представителей Земельных Комитетов» и дать им соответствующий наказ, который являлся бы отзвуком на «Общие положения о земельных комитетах».

Особенно не нравился станичникам маленький по размерам, но огромный по содержанию параграф положений, в котором указывалось на то, что «к предметам ведения губернских земельных комитетов относится: фактическое изъятие земли, построек, инвентаря, сельскохозяйственных продуктов и материалов из владения частных лиц».

Туманное представление о прелестях уравнилельно-трудоого пользования земель и инвентарем, неясное очертание глубин социализма уже и раньше мерещились многим казакам, не потерявшим еще здравый житейский смысл; уже давно некоторые поговаривали, что дело привело к тому,

что у казаков только «кизи» казачьи остались; но были еще и такие, которые утверждали, что «земля есть дух», что «она не сделана руками человека», а потому, следовательно, она и не должна принадлежать никому. В то же время последние являлись собственниками и твердыми, конечно, собственниками таких предметов социального обихода, как коровы, лошади, овцы и прочая живность, которая, разумеется, ни в коем случае не могла быть делом рук человеческих.

Особенное упорство в отстаивании этого положения проявляло местное иногороднее население — «наплыв», по выражению казаков. Незначительная, преимущественно пролетарская часть казачьего населения старалась поддержать иногородних в этом отношении. Такое же, если не хуже, было и отношение к советской власти, к «красногвардии», как ее здесь называли, ко всяким съездам советов и к декретам нынешнего правительства. Те же защитники и те же противники, то же соотношение сил. Особую тревогу в казачьем населении вызвал тот факт, что по постановлению Окружного Исполнительного Комитета из Усть-Медведицы было отправлено несколько транспортов оружия для крестьянской слободы Чистяковки.

Желания советской власти оказались

ясными и меры вполне недвусмысленными. Брожение началось и особенно усилилось после того, как вооруженные чистяковцы обстреляли чернышевских конвоиров, которые гнали пленных красногвардейцев. Чистяковцы хотели освободить последних. Такой оборот дела сильно не нравился казакам, и безоружные чернышевцы, попросив помощи у усть-хоперцев, решили ликвидировать чистяковское выступление. На братский зов в один момент откликнулись казаки хутора Каледина. Под руководством подьесаула Шурупова и с их помощью чистяковское дело было исполнено.

Просьба чернышевцев о помощи в Усть-Хоперскую станицу была передана в 2 часа дня 25 апреля Николаем Гавриловичем Гавриловым, который явился на съезд советов, доложил выборным о ходе событий в районах станиц Казанской, Мигулинской и Чернышевской и прочитал постановление граждан хутора Большого об объявлении мобилизации в целях защиты своих интересов, освобождения от красной гвардии и прочей социальной дребедени, которой так полны в настоящее время все стороны нашей жизни.

Искра была брошена, братский зов чернышевцев и большанцев был услышан, и в 3 час 30 мин дня соответственное решение было принято, и съезд вынес постановление, копия которого приводится ниже:

Постановление
Съезда Советов Усть-Хоперской
станицы
1918 года, 25-го апреля
№ 144

1. Общее собрание граждан станицы и хуторов постановило: не подчиняться существующей советской власти и всеми мерами задерживать красногвардейцев.

2. Немедленно приступить к принудительной мобилизации населения ст. Усть-

Хоперской и прилежащих к ней хуторов (мужского пола), вышеозначенных поселений, способных носить оружие, от 17-ти по 50 лет включительно. Лицам духовного звания (священникам, дьяконам и псаломщикам) предоставляется право добровольной мобилизации.

3. Сейчас же мобилизовать подлежащие годы, выдать им нарезное оружие и патроны, находящиеся у населения; те лица, которые утаят оружие, подвергаются денежному штрафу в размере 500 рублей или 50 розгам.

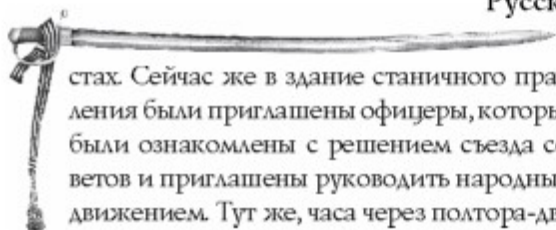
4. Командный состав должен быть из офицеров, которым вменяется право распределять между собою все командные должности.

5. Начальником Гарнизона Усть-Хоперской станицы и прилежащих к ней хуторов (кроме Большого и Усть-Клинового) назначается Войсковой Старшина Голубинцев; Начальником Штаба Гарнизона подпоручик Иванов и Комендантом Гарнизона прапорщик Щелконогов, которые пользуются правами согласно правил старого устава о военной службе.

6. Лица, уклоняющиеся по неуважительным причинам идти с восставшим населением на защиту интересов, а также за отлучку и побег после объявления мобилизации, подвергаются наказанию вплоть до смертной казни.

Подписал: Председатель Никуличев
Товарищ Председателя И. Багров
Секретарь Токарев.

Ответственное решение, таким образом, было вынесено, и от слов необходимо было прийти к делу. Первое и самое важное, что было сделано в этом направлении, это то, что на местный телеграф был поставлен контроль, дабы оттуда не могли дать сведений в Усть-Медведицу о положении на ме-

стах. Сейчас же в здание станичного правления были приглашены офицеры, которые были ознакомлены с решением съезда советов и приглашены руководить народным движением. Тут же, часа через полтора-два, были сформированы конные разъезды из добровольцев и высланы по дорогам, ведущим к Усть-Медведице. Ознакомившись с положением дела, гг. офицеры отправились на совещание, результатом которого явился приказ:

Приказ
по Гарнизону станицы Усть-Хоперской
25 апреля 1918 года
№ 1

1. Сего числа, согласно постановления станичного схода, я принял на себя обязанности Начальника Гарнизона ст. Усть-Хоперской.

2. Приказываю подпоручику Иванову вступить в исполнение обязанностей Начальника Штаба гарнизона.

3. Поручику Пархоменко принять командование формируемой пешей сотней.

4. Прапорщик Русак назначается младшим офицером в пешую сотню.

5. Прапорщику Щелконогову вступить в исполнение обязанностей Коменданта станицы Усть-Хоперской.

6. В состав гарнизона ст. Усть-Хоперской входят хутора: Рыбный, Избушный, Бобровский и Зимовный, которым мобилизоваться сегодня в ст. Усть-Хоперской. Остальным хуторам станицы завтра, 26-го апреля, к 5-ти часам вечера прибыть для мобилизации на хутор Большой Усть-Хоперской станицы.

7. Сотника Красноглазова назначаю командиром формируемой конной сотни.

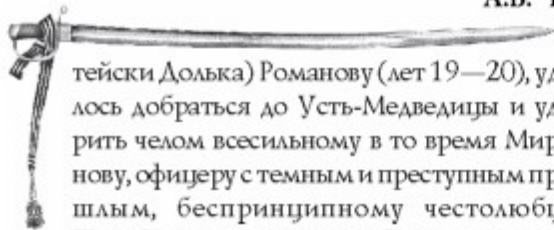
8. Хорунжий Говорухин и прапорщик Наумов назначаются младшими офицерами в конную сотню.

9. Зауряд-прапорщика Красноглазова назначаю комендантом местной почтово-телеграфной конторы.

10. Зауряд-военному чиновнику Щеголакову состоять в распоряжении Начальника Штаба.

Начальник Гарнизона
Войсковой Старшина Голубинцев
Начальник Штаба Подпоручик Иванов

Таким образом, народное движение получило первичную форму, первичный зародыш, из которого должна была развиваться мощная, истинно народная организация, отстаивающая свои права, свою жизнь, свою свободу. Необходимо было дать полную возможность этому зародышу развиваться, свободно работать вне опасности и вне влияния вредного элемента, зараженного духом преступно-безумного большевизма. Важно было, находясь под рукой противника, расположившегося в Усть-Медведице, наскоро создать прочную гарантию для успешного проведения мобилизации. Это было достигнуто. Временный контроль с почты был снят и заменен постоянной комендатурой. Начальник почтово-телеграфной конторы был арестован и отрешен от должности, которую занял почтово-телеграфный чиновник Гаврилов. По постановлению схода были арестованы вожаки местной «пролетарщины», среди которых был и почтальон. Между 4 и 5 часами уже были организованы конные разъезды и пешие посты, которые к этому времени исполняли возложенные на них задачи, и уже к вечеру результаты этой работы сказались в том, что в Усть-Хоперскую были доставлены перебежчики, несшие в противный лагерь донесения о событиях, происходящих в станице. Но пойманы были не все, некоторым из них, явно уличенным и уже открытым, Куликову Ефиму (лет 17—18) и Даниилу (по-жи-

тейски Долька) Романову (лет 19—20), удалось добраться до Усть-Медведицы и ударить челом всесильному в то время Миронову, офицеру с темным и преступным прошлым, беспринципному честолюбицу. Подобное паломничество было предпринято и еще кой-кем из местных жителей, между которыми были даже и женщины.

Между тем формирование сотен происходило ускоренным темпом, так как указанные выше перебежчики дали Миронову сведения о численности уже сформированных к этому времени частей. Из перехваченной телеграммы видно, что противник имел сравнительно точные сведения о численности нашего отряда:

«У аппарата товарищ Горячих и член Окружного Исполнительного Комитета Блинов».

«Сегодня из Усть-Хоперской приехали два беженца, которые передали следующее: подполковник Голубинцев мобилизует от 17 до 50 лет, кто не желает, тех заставляет силою оружия, даже и крестьян, пехоту и конницу. Пехоты в первый день уже набрали 150 человек и конницы 100 коней, но пока что оружия у них очень мало. В Вешинскую они послали делегацию за пушками, Есть сведения, что у них в Вешинской... орудий, посты их высланы в 12 верстах от Усть-Медведицкой и кроме этих постов заняты хутора Большой, Царица и хутор Каледин, где арестовали двух делегатов Чернышевской волости, которые везли двадцать...»

Для ограждения мобилизации от всяких случайностей и для более планомерной организации отдельных боевых частей по юрту станицы Усть-Хоперской были назначены два главных сборных пункта: один из них станица Усть-Хоперская, к которой отнесены были хутора: Рыбинский, Избушный, Бобровский и Зимовной; другой — хутор Большой, куда должны были отойти ос-

тальные хутора станицы. В первый же день стали поступать и донесения от разъездов со сведениями о противнике. Первое донесение поступило от прапорщика Наумова, начальника разъезда № 2, направленного в сторону Усть-Медведицы: Разъезд № 2. 9 час 25 мин вечера. Хут. Кузнечиков. Начальнику Гарнизона ст. Усть-Хоперской.

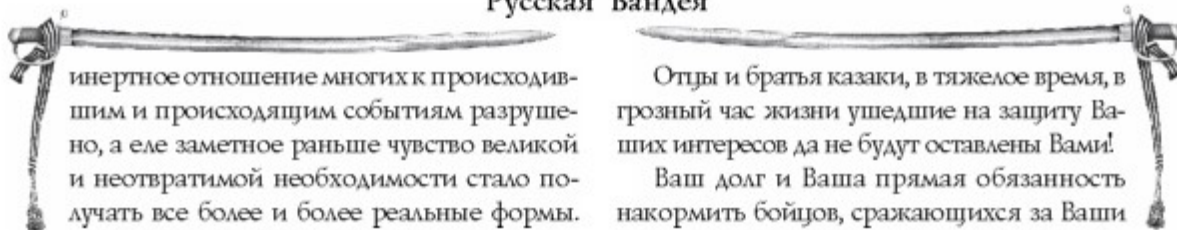
Доношу, что разъезд № 2 прибыл благополучно на хут. Кузнечиков. Переправа находится на хут. Шемякином, куда послано за ней 7 человек привести сюда. Хуторской председатель хут. Рыбного распорядился выслать 8 человек для охраны берега и 8 на дорогу. Мне донесено, что этим разъездом задержаны подозрительные лица, стремившиеся переправиться на лодке через Дон. По частным сведениям, партии большевиков переправляются обратно из Усть-Медведицы. Кроме того, сообщено, что какой-то Степка Рябой, видимо Степан Федоров Андреев (Буза), отправился на Усть-Медведицу. Желательно узнать, дома ли он.

Начальник разъезда прапорщик Наумов.

Самое живейшее участие в организации отрядов принял хутор Рыбный, жители которого без разговоров, как один человек примкнули к народному движению.

Хутор Избушный несколько медлил, под влиянием агитации подхорунжего Кривова, отдавшего дань большевизму.

Организация отрядов в хут. Бобровском тормозилась разложившейся частью населения, под непосредственным руководством матроса Анфиногенова, у которого на хуторе было очень много родственников из иногороднего и казачьего сословия; но как бы то ни было, сильное чувство, бодрый дух и сознание правоты своего дела со стороны здорового элемента взяли верх и упрямое до бессмысленности тяготение к большевизму в первый же день было сломано,

инертное отношение многих к происходившим и происходящим событиям разрушено, а еле заметное раньше чувство великой и неотвратимой необходимости стало получать все более и более реальные формы. Чувствовалось беспомощное бессилие одних, преимущественно разделяющих платформу советской власти, их жалкая, недоумевающая растерянность, раскаяние прозревших «блудных сынов», возвратившихся с фронта, лихорадочность действий ставших у аппарата налажения организации и яркое, красочное спокойствие стариков, озаренное светлой, яркой и радостной надеждой на успех в предпринятом деле.

Везде и всюду витала эта надежда, эта радость начала воскресения, и только она одна окрыляла восставший народ и заставляла почти совершенно безоружные части совершить великий подвиг изгнания торгующих совестью из пределов родных полей.

А недостаток вооружения был поразительный: существовали сотни, в которых к моменту выступления насчитывалось по 12 винтовок; пехи же части были совершенно безоружны. О средствах же, необходимых для приобретения довольствия и фуража, и думать было нечего.

Эта надежда, эта тихая радость и тут совершила чудо, после которого положение стало совершенно определенным.

Начальником гарнизона станицы Усть-Хоперской было выпущено следующее:

Воззвание
к Вольным хуторам и станицам
Тихого Дона

Ударил час. Загудел призывный колокол, и Тихий Дон, защищая свою волю и благосостояние, поднялся как один человек против обманщиков, угнетателей, грабителей мирного населения.

Отцы и братья казаки, в тяжелое время, в грозный час жизни ушедшие на защиту Ваших интересов да не будут оставлены Вами!

Ваш долг и Ваша прямая обязанность накормить бойцов, сражающихся за Ваши и народные интересы, охраняющих тяжелым трудом добытое Вами добро.

Не пожалейте капли хлеба и провианта, дабы не отдать потом моря Вашего добра, ибо придет хам, а он уже близок, и от цветущих хуторов и станиц останется один пепел.

Стоя на страже сражающихся за Вас, приказываю каждому хутору, каждому поселению, впредь до особого распоряжения, наладить на первый случай своими средствами, на своих подводах подвоз и доставку провианта и фуража к частям, мобилизованным из этих поселений.

Помните — спорить не время. Каждая минута дорога. Дружно все, как один.

За Тихий Дон!

За Казачью Волю!

Начальник Гарнизона ст. Усть-Хоперской

Войсковой Старшина Голубинцев

Начальник Штаба Подпоручик Иванов

Это воззвание среди населения встретило в высшей степени теплый прием. Помогали все, кто чем мог и как мог.

26 апреля, в 6 часов утра, на имя Начальника гарнизона станицы Усть-Хоперской было получено в штабе следующее донесение:

Разъезд № 2. 4 часа 35 мин утра, х. Кузнечики

Н-ку Гарнизона ст. Усть-Хоперской

Доношу, что ночь прошла благополучно. Паром доставлен сюда на хутор. При высылке разъезда № 1 желательно снабжать казаков сеном, т.к. приходится быть в чистом

поле. Настроение жителей к нам сочувственное и, по словам хуторского председателя, хуторской сбор выразил вчера готовность защищать казачество.

Начальник разезда прапорщик Наумов. Вскоре была сформирована и конная сотня, командир которой, сотник Красноглазов, получил уже предписание выступить на хут. Рыбный, отправив разезды дальше в сторону Усть-Медведицы. Одновременно с этим по хуторам ст. Усть-Хоперской и некоторым хуторам ст. Усть-Медведицкой были разосланы воззвания, копии которых приводятся ниже:

Воззвание

Отцы и братья казаки!

Пришел час решить судьбу Тихого Дона! Ваше счастье в ваших руках. Казачья доблесть требует от Вас только одного призыва, одного клича:

К оружию!

Не дожидайтесь особых приглашений. Поднимайтесь все, как один человек, в единой воле, в едином желании победить или умереть!

Ибо теперь наша жизнь — наша победа!

Наши Мироновы — наша смерть!

Пусть погибнет один предатель с кучкой своих подлых приверженцев, дав право на жизнь и на лучшее будущее сотням тысяч лучших людей!

Казаки, помните о Миронове!

Помните о человеке, за чечевичную похлебку продавшем Дон и наводнившем его разнужданными бандами красногвардейцев.

Казаки, помните Чистяковку, помните оружие, посылаемое для подкрепления ее в тыл Вам!

Не забывайте «Иуд Искаротских», предавших Вас на разграбление. Оплевавших и опоганивших Тихий Дон. С первых же дней революции положивших на Вас пятно из-

менников. Связавших Вас по рукам и по ногам. Обезоруживших Ваших сыновей и братьев для более легкой расправы с Вами.

Казаки, помните о Мироновцах.

Воскресите былую доблесть Донцов.

Начальник Гарнизона ст. Усть-Хоперской
Войсковой Старшина Голубинцев

Начальник Штаба Подпоручик Иванов

Второе

Воззвание

всем хуторам, советам и казакам
хуторов гласило:

«Казаки, в трудное время недорода на ваших полях, каждый день дает нашему округу все новые и новые шайки пьяных разнужданных красногвардейцев, проедающих ваши народные деньги, ваши трудовые гроши.

Ваших сыновей и братьев обезоружили и устранили от охраны Родного Края, родных очагов, чтобы дать смертоносное оружие пришлым бандам хищников, призванных для установления порядка и уклада жизни у нас на Дону.

Помните, ответственное решение принято. Все как один человек сплотимся в едином порыве, в едином желании добыть похищенную у нас волю и право распоряжаться самим собою.

Боритесь за идеал свободы своей всеми средствами, какие найдутся в вашем распоряжении. Ни одного фунта хлеба, мяса, пшеница грабителям красногвардейцам. Ни одной капли провианта для красногвардейских банд, ни одного сведения, ни одного слова доноса в вражеский стан.

Дружно и с Богом вперед!

Казаки, прошлая доблесть зовет Вас исполнить свой долг до конца.

С нами рука об руку идут Верхне-Донской, Первый и Второй Донские, Черкасский, Сальский и все низовье Дона.

Начальник отряда ст. Усть-Хоперской
Войсковой Старшина Голубинцев
Начальник Штаба подпоручик Иванов.

26 апреля начали поступать различные донесения, просьбы и постановления хуторских обществ, которые показывали, что и на хуторах началась лихорадочная работа по организации движения.

Председатель хутора Бобровского просил Начальника гарнизона ст. Усть-Хоперской о разрешении выставить охрану вверенного ему хутора из переписей старого возраста, мобилизованных в хуторе. Охрана должна состоять из людей честных и стойко охраняющих интересы казачества, причем все подозрительное должно быть отставлено и отстранено от несения этой ответственной службы.

Хуторское общество хутора Девяткина прислало следующее постановление, которое отчасти показалось странноватым, ввиду того обстоятельства, что смысл его походил несколько на занимательное постановление присяжных заседателей, сводящееся к форме: «не виновен, но не заслуживает снисхождения».

Девяткинцы оказались в этом постановлении отчаянными службистами и исполнителями постановления съезда советов в ст. Усть-Хоперской: они звонко забрякали мобилизационным оружием, угрожая «грабительским бандам» отказом в снисхождении, но все же отдали известную дань и, некоторым образом, «делегации». Привожу копию этого постановления:

Постановление

Мы, казаки хутора Девяткина, на общем собрании 8 сего мая, выслушав доклад председателя нашего хутора Анфима Герасимова Милашева и постановление станичного сбора от сего числа № 144 о немедленной мобилизации

всех казаков и лиц иногороднего ведомства от 17 до 50 лет для защиты казачьих интересов, постановили: согласно постановления приступить к мобилизации, но так как много получено особенно тревожных сведений о нападении каких-то грабительских партий на окрестные населенные пункты наших казачьих хуторов, а в особенности о событиях в хуторе Шемякином и Чистяковской волости, послать делегатов в названный хутор и не выступать впредь до тех пор, пока не возвратятся делегаты и не осветят нас подробно о предстоящих опасностях.

Председатель собрания Милашев

По-видимому, пресловутые делегации не вышли еще из моды на хуторе Девяткином и, вероятно, всякие, хотя бы и спешные, дела и вопросы разрешались словами: «так что, нельзя ли делегацию», аргументом, которому в числе многих других за время «великих свобод» научились фронтовики.

Совсем иной характер носило постановление, вынесенное хуторским обществом хутора Тюковного. Освободительное движение, начавшееся в станице Усть-Хоперской, было единодушно поддержано тюковновцами. Они писали:

Постановление

Общее собрание хутора Тюковновского, под председательством Хуторского Атамана, Иллариона Крючкова, постановило:

1. Сейчас же мобилизовать всех казаков и иногородних лиц от 20 до 50 лет, для защиты казачьих интересов и родного края от вторжения в пределы области красной армии и гвардии, которая уничтожает и истребляет жилища и хозяйство казаков.

2. Завтра же, 26 апреля, выступить на сборный пункт в х. Большой в распоряжение Начальника Гарнизона, войскового старшины Голубинцева.

3. Все казаки, имеющие собственных лошадей, должны явиться на сборный пункт конными, в полном обмундировании, снаряжении и вооружении, у кого такое имеется, как холодное, так и огнестрельное.

4. Пешие также должны явиться в тот же сборный пункт в полном обмундировании и вооружении.

5. Причем все казаки должны иметь провиант на три дня.

6. Хутор должен выслать при выступающем отряде три повозки, причем при них должно находиться по одному казаку.

7. Все подлежащие мобилизации казаки и иногородние должны без всякого сопротивления вступить в ряды. Лица же, не подчиняющиеся настоящему постановлению, должны быть объявлены изменниками и предателями и немедленно изгнаны из пределов Донской Области.

8. В случае же появления дезертиров из нашего хуторского отряда, подобные должны быть немедленно убиты, как предатели.

Настоящее постановление утверждаем нашими подписями

Тюковновский Хуторской Атаман
Крючков

Граждане хутора — следуют подписи.

Постановление общества хутора Еланского носило не такой страстный характер. Оно отличалось наиболее спокойным, деловитым и даже хозяйственным впечатком в вопросе проведения мобилизации для защиты своих интересов. Не забыт был даже пастух Плешаков, которого общество освободило от призыва по мобилизации. Еланцы писали:

«Общее собрание граждан хутора Еланского, в своем полном собрании, от 26 апреля 1918 года, обсудив тяжелое положение родного края и согласуясь с постановлени-

ем хут. Горбатова, решило постановить следующее:

1. По обнаружившейся уже опасности решило принять меры к пресечению этой опасности в корне.

2. Немедленно же мобилизовать всех годных носить оружие с 17-летнего возраста до 55 лет. Причем постановили: а) уклоняющиеся от мобилизации подлежат смертной казни; б) за утайку оружия и вообще боевых припасов подлежат штрафу в 500 рублей и 50 розгам.

3. Командование нашей армией подлежит чисто офицерскому составу.

4. Собрание порешило оставить при хуторе пастуха Сергея Михайловича Плешакова.

Настоящее постановление общества хутора Еланского единогласно принято

Председатель хут. совета Растегаев

Секретарь Василий Дубровин.

В то же самое время и Усть-Медведицкий совет не оставял Усть-Хоперской станции без своего благосклонного внимания. Как бы невзначай и между прочим, в станции было получено высшей степени красноречивое предупреждение. Привожу его здесь, не меняя орфографии:

Предупреждение

Я, Командующий 1-й Донской Революционной Армией, прибывши в Усть-Медведицу с целью разогнать контрреволюционные банды, ввиду того что эти банды ушли в сторону, временно уезжая на ст. Себряково для регистрации оружия.

Предупреждаю всех граждан, что если за время моего отсутствия будут прибывать

Агитаторы белой гвардии

и население будет их поддерживать, а не предавать советской власти, представляя такими действиями возможность контрреволюции поднять голову, то я двину всю свою

120 000 армию и не оставлю здесь камня на камне.

Командующий 1-й Донской Революционной Армией

Горячих.

Адьютант Иван Баридков.

1918 года, мая 8 дня н. с.

Усть-Медведица № 1415

Усть-хоперцы остались очень довольны вышеприведенным предупреждением, тем более что последнее ясно говорило как о целях посещения товарищем Горячих Усть-Медведицкого Округа, так и о причинах его поспешного отъезда в Себряково. Как не горяч был товарищ Горячих, все же в раскаленном воздухе юрта ст. Усть-Хоперской он не мог надолго акклиматизироваться, хотя на известную часть нашего населения и сумел навести известное настроение.

Пошли толки о том, что в Усть-Медведицу переправилось более 500 человек социальной пехоты, вооруженной от пят до зубов, что уже к переправе подошли части двух кавалерийских полков, движущихся в подкрепление пешим красновардейцам, что уже на Березках установлены пушки, готовые привести в чувство опьяневших стариков и контрреволюционеров станицы Усть-Хоперской. Охали, вздыхали, что дело уже пропало, что все мы погибли и т. д. и т. д.

Между тем Усть-Медведицкий Исполнительный Комитет, во главе с социал-гражданином из мордобойц Мироновым, введенный в курс событий, совершающихся в Усть-Хопре, подкрепил предупреждение товарища Горячих обещанием порадовать усть-хоперцев присылкой в станицу карательного отряда, 26 апреля к 9 часам вечера. Это любезное обещание было передано по телеграфу в форме разговора гражданина Миронова с председателем совета Ф. Никуличевым.

Милую беседу привожу ниже. Вызванный к аппарату Никуличев говорит Усть-Медведице:

— Председатель Никуличев.

— Я военный комиссар Миронов. Я приехать не мог, ибо получил вашу записку вчера в 2 часа дня. Нет ли чего интересного и неприятного у вас в станице или хуторах?

Никуличев: Все спокойно, интересного неприятного пока нет.

Миронов: Что делает в вашей станице полковник Голубинцев?

Никуличев: На съезде советов его просили организовать самозащиту от хулиганов, идущих под флагом красной армии.

Миронов: С которой стороны и откуда они ждут этих хулиганов?

Никуличев: С верховьев Дона.

Миронов: За что арестованы четыре человека?

Никуличев: По случаю недоверия населения.

Миронов: Кто именно арестован?

Никуличев: Я сейчас сведения не могу дать. Когда узнаю фамилии, тогда сообщу.

Миронов: Чем заслужили эти люди недоверие у населения?

Никуличев: Арестованы они для спасения их жизни.

Миронов: Сейчас у нас есть беглецы из проходивших через вашу станицу и говорят другое — то, что у вас есть сейчас. Большинство членов Округного Совета у аппарата, предлагаем арестованных выслать сюда и вместе с ними выслать делегацию от станицы и от сформированного Голубинцевым отряда для переговоров к 9 часам вечера сегодня. Если это не будет исполнено, все последствия ложатся на товарища Никуличева и его соучастников.

Никуличев: Арестованы они народом и без разрешения съезда выслать их не могу.

Миронов: Без разговоров выслать арестованных и делегацию. За спину народа не прятаться, так делает сволочь в кавычках, о которой вы не писали.

Никуличев: Я за спину народа не прячусь, а исполняю его волю.

Миронов: Мы члены Окружного Совета, по воле того же народа, просим исполнить нашу просьбу, чтобы не пролить крови того же народа.

Никуличев: Мы крови проливать не дуемся.

Миронов: Категорически предлагаю исполнить, что сказано, в противном случае силой оружия заставляю исполнить. Просим не прикрываться флагом красноармейцев, пронося свой партизанский.

Никуличев: Посягательств на советскую власть нет и партизан никаких нет. Я состою председателем, и все члены на местах.

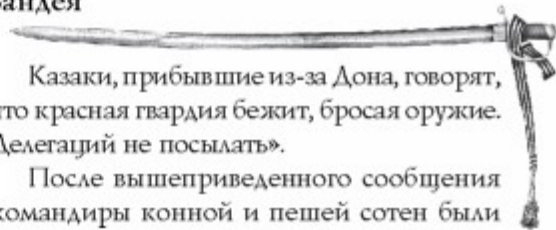
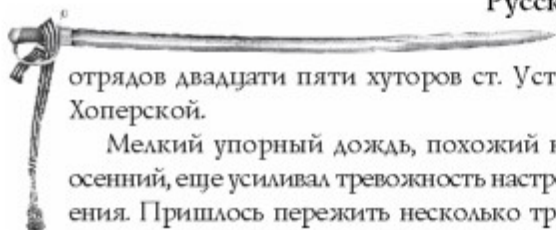
Миронов: Так требования исполнить к 9 часам. С появлением карательного отряда в Усть-Хоперской оружие сдать без выстрела. Если это будет сделано, то совет поверит вам. Помните, что вся ответственность ложится на вас. До свиданья.

В момент ведения переговоров станица Усть-Хоперская располагала следующими силами: двумя пешими сотнями, сбитыми наспех из людей самого разнокалиберного состава, и одной конной сотней.

Пешие сотни были совершенно безоружны, одна из них, сотня прапорщика Русака, была даже опущена на дом, в хутора Бобровский и Зимовновский. О вооружении конной сотни также долго говорить не приходится. Словом, если бы карательному отряду действительно вздумалось оказать честь станице Усть-Хоперской своим посещением, то винтовкам, бомбам и пулеметам красногвардейцев станица могла бы противопоставить около сотни шашек,

пять-шесть пик и 20—30 винтовок, среди которых видное место занимали обыкновенные охотничьи ружья. При таком положении дел перспектива борьбы с красными не могла обещать каких-либо положительных результатов, тем более что скомплектованные сотни в большом количестве были составлены из элемента, склонного к ведению войны митингами и делегациями.

Ни один час 26 апреля не обходился без митинга, ни одно приказание не исполнялось без долгих разговоров, особенно пешими сотнями. Временами казалось, что игру в освобождение от советской власти, затеянную 25 апреля, ожидает судьба мыльного пузыря, который под влиянием известных причин быстро принимает определенную форму, сохраняющуюся до известного предела. Как скоро наступит предел, за которым могла разразиться катастрофа, никто предугадать не мог. Но с каждым часом настроение делалось все более и более тревожным, элемент, социализирующий до большевизма, все выше и выше поднимал голову, становился все более и более задорным, но все же до решительных действий с этой стороны было еще далеко, и Усть-Хоперские большевики пока еще держались более или менее прилично, так как вчерашний подъем заставлял их работать за углами и не выступать открыто. Росту тревожного настроения способствовал факт задержания усть-медвецких мясников, которые приехали в Усть-Хоперскую для заготовки мяса. Мясники говорили, что на 27 апреля им заказано доставить мяса на 1000 человек. Местное население нервничало, и эта нервность передавалась штабу, который решил, в случае невозможности задержать противника перед Усть-Хоперской, отступить с отрядом по дороге на хутор Большой, где шло формирование

отрядов двадцати пяти хуторов ст. Усть-Хоперской.

Мелкий упорный дождь, похожий на осенний, еще усиливал тревожность настроения. Пришлось пережить несколько тревожных часов. Осведомленный о положении станицы, войсковой старшина Голубинцев в 6 час 20 мин вечера писал подпоручику Иванову:

«Завтра утром прибываю с хорошо вооруженным конным отрядом. Получил сведения, что у Миронова 46 человек конницы, пехота вся ушла. Миронов врет, примите меры на всякий случай. Отряд формирую из отборных людей — не беспокойтесь.

Делегаций никаких не принимайте. Переговоры будем вести тогда, когда ни одной красной сволочи не будет в Усть-Медведице. Население поголовно восстало. Прибыли отряды (подъесаула Шурупова) из-под Чистяковки. Отбито оружие и 400 голов скота. Арестованных ни в коем случае не выпускать. Казаки горят желанием идти на Усть-Медведицу.

Войсковой старшина Голубинцев.

Казаки, прибывшие из-за Дона, говорят, что красная гвардия бежит, бросая оружие. Делегаций не посылать».

После вышеприведенного сообщения командиры конной и пешей сотен были осведомлены о положении Усть-Медведицы и получили предписание держаться до последней возможности.

Часов в 10 вечера штаб ст. Усть-Хоперской читал следующее:

«Часа через 2—3 прибудет в Усть-Хоперскую 1-я конная сотня. Озаботьтесь квартирами. Фураж пусть сегодня дадут жители. К утру сено прибудет отсюда. Через 2—3 часа после 1-й сотни прибывает 2-я конная сотня, хорошо вооруженная. Послано за пулеметами. Завтра еще прибудут подкрепления. Общий подъем.

Войсковой старшина Голубинцев».

Одновременно с этим было получено и распоряжение о высылке арестованных Ломова, Капустина и почтальона Перфильева с сыном. Арестованные в ночь были отправлены на хут. Большой. Настроение штаба улучшилось. Явилась бодрость и уверенность в успехе.

3.

Чрезвычайный съезд вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа

26 апреля, после полудня, на всех дорогах, ведущих к хутору Большому, видны были конные и пешие группы вооруженных казаков, направлявшихся туда для мобилизации. Отряды сопровождались подводами с провизией. К 5 часам вечера хутор Большой представлял обширный военный лагерь. На площади у училища хуторские атаманы и офицеры проверяли списки, оружие, патроны. Хуторские отряды сводились

в сотни и передавались назначенным мною командирам, которые немедленно уводили свои сотни на квартиры в указанные районы для заканчивания формирования; разбивки на взводы, назначения младших начальников, распределения и учета имеющегося оружия и патронов.

Несмотря на темный дождливый день, настроение было бодрое, приподнятое и деловое. На хуторе Большом к этому вре-

мени уже была сформирована конная сотня, несшая ближайшую охрану хутора; от нее для охраны мобилизации и для разведки мною были высланы разъезды по направлению на Усть-Медведицу и Царицу.

С формированием приходилось особенно торопиться, т.к. из Усть-Хоперской, через несколько часов после моего прибытия на хут. Большой, были получены тревожные сведения, что нервность там усиливается и являлась опасность, как бы усть-хоперцы не начали войны с посылки делегации.

Следует еще учесть, что хут. Большой, в связи с событиями у Чистяковки, мобилизовался еще 24 апреля, но сейчас же, после порыва, и здесь уже началась реакция и страх расправы и ответственности уже заметно чувствовался.

— Еще бы, какая смелость! Объявили войну России! — шептали малодушные.

Весть о мобилизации станицы Усть-Хоперской и приглашение всем хуторам и станицам Усть-Медведицкого Округа прислать своих делегатов в тот же день разнеслась по всем станицам к югу от Дона, и 26-го вечером на хутор Большой стали прибывать делегаты и представители от хуторов и станиц: Усть-Медведицкой, Распопинской, Краснокутской, Перекопской, Клецкой, Кременской и даже Чернышевской и Ново-Григорьевской. Успех Усть-Хоперской мобилизации произвел на всех огромное впечатление и поднял дух.

Под влиянием этого впечатления в ночь с 26 на 27 апреля в училище состоялся «Чрезвычайный Съезд Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа».

Выслушав мой доклад о положении и о дальнейшем плане действий, а также доклад усть-хоперского делегата И.П. Короткова (впоследствии члена Войск. Круга), Съезд решил присоединиться к усть-хоперцам и немедленно мобилизовать все станицы и

хутора Усть-Медведицкого Округа, избрав Начальника Усть-Хоперского отряда, войскового старшину Голубинцева Александра Васильевича, «Командующим Освободительными Войсками Вольных Хуторов и станиц Усть-Медведицкого Округа».

Затем, по моему предложению, был избран «Совет Вольных Хуторов и Станиц» и Продовольственная Комиссия.

Привожу по памяти постановление Съезда:

Постановление
Чрезвычайного Съезда Советов
Вольных Хуторов и Станиц
Усть-Медведицкого Округа
27 апреля 1918 г.

хут. Большой Усть-Хоп. ст.
№ 1

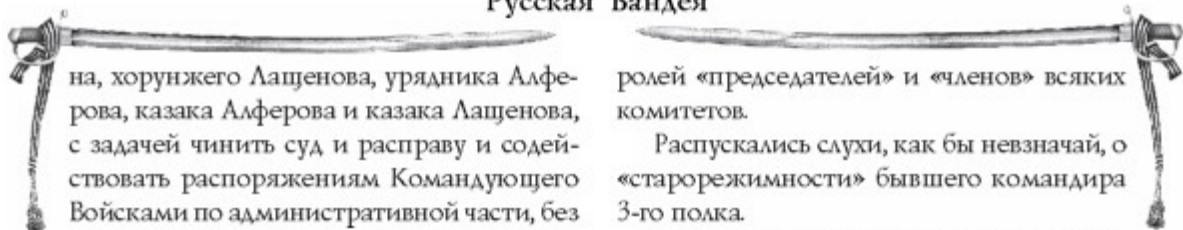
Чрезвычайный Съезд делегатов от хуторов и станиц Усть-Медведицкого Округа, выслушав доклады Начальника Усть-Хоперского отряда войскового старшины Голубинцева и делегата Усть-Хоперской станицы Ив. П. Короткова, постановил:

1. Не подчиняться существующей Советской власти и объявить восстание против Советской власти, с целью изгнания красной гвардии из пределов округа и восстановления казачьей власти.

2. Объявляется мобилизация всех способных носить оружие до 50-летнего возраста.

3. Командующим Освободительными Войсками Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа назначается войсковой старшина Голубинцев; начальником Штаба подъесаул Сучилин.

4. По предложению войскового старшины Голубинцева избирается Совет Вольных Хуторов и Станиц при Командующем Освободительными войсками Усть-Медведицкого Округа в составе: сотника Ведени-

на, хорунжего Лащенко, урядника Алферова, казака Алферова и казака Лащенко, с задачей чинить суд и расправу и содействовать распоряжениям Командующего Войсками по административной части, без права вмешиваться в военные и оперативные распоряжения Командующего Войсками.

5. Избирается продовольственная комиссия в составе: о. Николая Попова, Н.Г. Гаврилова и др.

6. Делегатам съезда немедленно развезти настоящее постановление съезда и оповестить все хутора и станицы для сведения и исполнения.

Подписи делегатов съезда.

Съезд закончился на рассвете 27 апреля, и делегаты поскакали в свои хутора и станицы, развозя весть о всеобщем восстании и призыв к мобилизации.

Здесь я должен сделать маленькое разъяснение, ибо у многих должен естественно явиться вопрос: для чего, собственно, надо было избирать совет, хотя бы и «белый»?

Следует отметить, что кроме положительных сторон обстановки были, как всегда, и отрицательные — прибывали делегации от дальних хуторов и станиц и даже из соседних округов ознакомиться с ходом и характером восстания, с целью и шансами на успех и т.п., причем в составе этих делегаций были преимущественно фронтовики. Многие из них открыто заявляли, что они, собственно, не против «советов», но против «красной гвардии»; отравленные ядом свобод и митингов, они еще очень боялись «старого прижима», дисциплинарной власти начальников и т.п.

К сожалению, это были не только казаки, но и некоторые молодые офицеры производства Керенского, вошедшие во вкус

ролей «председателей» и «членов» всяких комитетов.

Распускались слухи, как бы невзначай, о «старорежимности» бывшего командира 3-го полка.

Учитывая все это, вместе взятое, а также отлично зная психологию фронтовиков, еще в начале революции вкусивших прелесть распушенности, и наслушавшись за последние два дня речей и пожеланий, в которых явно сквозила боязнь «старого режима», «начальников», какая-то нежность и даже благоговение к модным словам «совет», «председатель», я решил, дабы не скомпрометировать и не погубить движения в самом его начале, потребовать от съезда избрания совета, надеясь его использовать как ширму в борьбе с намечавшейся уже оппозицией, как политической, так и «шкурной» главным образом; правда, еще пока робкой и подавленной общим подъемом. Кроме того, имея при себе совет, я тем самым «вырывал зубы» у оппозиции и мог его использовать, проводя в жизнь мои административные распоряжения по гражданской части.

К сожалению, совет, а главным образом его председатель, не оправдал моих надежд и скорее служил мне тормозом, чем помощником. Правда, как «фирма», совет сильно связывал красноватую оппозицию и особенно противника, ослабляя их агитацию только одним фактом своего существования. В первое время совет состоял из пяти членов: председателя сотника Веденина, хорунжего Лащенко, урядника Алферова и еще двух казаков. Хорунжий Лащенко, видя недостаток в офицерском составе в частях, еще в самом начале просил откомандировать его на фронт. Урядник Алферов, присутствуя как-то при приеме мною одной делегации из Верхне-Донского Округа, глубоко

комысленно заметил, что он, собственно, по убеждению тоже большевик, но только «идейный». Стоявший во главе совета сотник Веденин, офицер военного времени, производства Керенского, из народных учителей, социалист, с самого начала повел тайную агитацию против меня, как «контрреволюционера» и монархиста. Правда, цели он не достиг, казаки отнеслись к нему враждебно и с недоверием, а на хуторе Карасеве, где он решился задать старикам вопрос: доверяют ли они бывшему командиру 3-го полка? — его даже прогнали с майдана и чуть не избили. Затем, в тяжелое время, когда красные подходили к Усть-Медведице, он через какую-то сестру милосердия завел сношения с Мионовым. К сожалению, я тогда еще не мог его повесить, а впоследствии, когда положение окрепло, он улизнул благоразумно куда-то в тыл, на юг. О дальнейшей его судьбе я сведений не имею.

Несмотря на общий видимый подъем, все же не чувствовалось особенной твердости и приходилось быть особенно бодрствующим и осторожным в распоряжениях, балансируя так, чтобы не свалиться ни вправо, ни влево. Задача у меня была на первое время, ввиду отсутствия связи с остальным миром и неясной обстановки, резко очерчена: освободить округ от красных, не навязывая насильно казакам того или другого режима или способа управления. Затем, по очищении округа, созвать Окружной съезд и решить дальнейшую судьбу округа. В этом смысле и даны были мною обещания в моей речи Чрезвычайному съезду. Желанием сдержать свое слово объясняется и мой отказ занять должность Окружного Атамана вопреки состоявшемуся уже назначению, этим же объясняется и созыв Окружного Съезда,

несмотря на отсутствие необходимости в нем и даже на то, что мне из Новочеркасска дали понять, что съезд вообще лишний, но мне его разрешается собрать, если я считаю это по каким-либо соображениям желательным; хотя я и разделял это мнение, но старый офицерский принцип держаться данного слова заставлял меня настаивать на созыве съезда.

Желая, для пользы дела и по обстановке, придать восстанию широко народный характер, я в первое время даже не требовал обязательной замены советов атаманами, считаясь с тем, что на майдане станицы Усть-Хоперской, 25 апреля, находились еще ярые до истерики защитники советов; тем не менее через 24 часа ни одного совета не было — старики делали свое дело.

Впоследствии мои друзья и единомышленники выражали мне свое удивление и недоумение, как я, царский офицер, убежденный монархист и консерватор, терплю при себе «совет», хотя бы и «почти белый»; не утвердил выбранного Усть-Медведицей Окружного Атамана, устранял иногда блестящих и прямых офицеров-начальников только потому, что они не могли справиться и ладить с распущенными казаками. Да, все это было так, и делал я это с болью в сердце, но этого властно требовала обстановка, иначе было нельзя — цель оправдывала способы и средства. Я ясно отдавал себе отчет, что все эти меры были только временного внешнего, чисто тактического характера, своего рода необходимым по времени успокаивающим средством для еще частью больного, нервного и будирующего организма, ибо в толще своей население было глубоко консервативно и «красная лихорадка» только слегка задела фронтную молодежь.

4.

Освободительная армия вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа

Та была особенно напряженной, не прекращавшейся даже ночью. Обстановка требовала быстро создать достаточно сильный кулак, так как 26 апреля было получено из хутора Горбатова донесение, что отступающий из Ростова отряд Подтелкова — «красного атамана Дона» — направляется на Усть-Медведицу и, весьма вероятно, будет проходить через хутор Большой, родной хутор Подтелкова, в котором жили его отец и жена — «донская царица», по выражению Большинцева.

Кроме того, необходимо было срочно послать подкрепления в Усть-Хоперскую, где нервность усиливалась после моего отъезда на хутор Большой для проведения мобилизации.

В ночь с 26 на 27 апреля, когда еще в приходском училище хут. Большого шло заседание Чрезвычайного Съезда Хуторов и Станиц, на площади перед училищем строилась едва законченная формированием 2-я конная сотня подьесаула Шурупова, для выступления в Усть-Хоперскую. В ту же ночь был сформирован штаб Командующего Войсками. Начальником штаба мною был назначен кадровый офицер, подьесаул Сучилин Михаил Давидович. На площади перед зданием штаба взвился большой флаг Командующего Освободительной Армией.

На очереди стояло разрешение двух важных вопросов: о довольствии людей и лошадей и об оружии.

Первый вопрос — разрешился пока довольно легко: на хут. Большом оказались громадные запасы войскового сена, а владелец местной мельницы, Николай Гаврилович

Гаврилов, пошел сам навстречу, предложив на первое время в достаточном количестве муку для печения хлеба.

Организацией, учетом и распределением фуража и довольствия, а также организацией хлебопечения занялась продовольственная комиссия, в состав которой, кроме других лиц, входили Н.Г. Гаврилов и местный священник о. Попов.

Более остро стоял вопрос об оружии. Конные сотни были вооружены винтовками — одна на трех всадников и по 5—10 патронов на винтовку. У пеших хуторских отрядов винтовок совершенно не было, и поэтому я решил их отправить пока на свои хутора, возложив на них несение гарнизонной службы и охрану своих хуторов. О пулеметах и пушках не могло быть пока и речи.

Недостаток оружия объясняется тем, что некоторые полки У.-Медведицкого Округа, придя с фронта домой, демобилизовались и неосторожно сдали оружие в войсковые склады, находившиеся в зоне красного контроля.

Еще 25 апреля из станицы Усть-Хоперской была послана в Вешки депутация просить оружия, но надежды на скорое получение было мало, поэтому я решил попытаться счастья и достать его у немцев, по слухам, занимавших станцию Чертково. С этой задачей был послан подьесаул Грошев; миссия его увенчалась успехом, и через несколько дней, а именно 7 мая, я получил первый транспорт оружия: 8 пулеметов, несколько сот винтовок и 50 артиллерийских снарядов. С получением оружия хутор Большой принял оживленный вид: застучали мастерские, исправляя и налаживая ору-

жие, обучались вновь созданные команды пулеметчиков и молодых казаков.

27 апреля мною был выпущен 1-й приказ Войскам Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа с объявлением о моем вступлении в командование восставшими казаками. В приказе была объявлена цель восстания, общая обстановка и даны общие директивы по организации борьбы. Предписывалось старшим офицерам, находящимся в станицах Распопинской, Клецкой, Кременской, Краснокуцкой, Перекопской и Н-Григорьевской (последняя 2-го Донск. Округа) организовать оборону и, вступив в командование, со званием Начальников Обороны, в районах своих станиц немедленно произвести мобилизацию населения; сформировать сотни и полки; связаться с соседями вправо и влево; вести разведку и ежедневно два раза присылать подробные донесения об общей обстановке, о противнике и о настроении жителей. Были высланы разъезды в Верхне-Донской Округ и на

юг для розыска и связи с отрядами 2-го Донского Округа.

К вечеру 27 апреля в моем распоряжении было 8 сформированных конных сотен, вооруженных на $\frac{1}{3}$ винтовками с 5—10 патронами на каждую винтовку, две пеших сотни и 25 хуторских отрядов, почти безоружных, и конвойная полусотня из Тюковновцев. Пехота по недостатку оружия была отправлена временно в свои хутора для обучения. Конница распределялась следующим образом: две сотни в Усть-Хоперской для обороны станицы и разведки на У-Медведицу и на север, одна сотня несла службу летучей почты на хут. Горбатове с разведкой на юг и юго-восток, и четыре сотни в резерве на хут. Большом.

Чувствовалось, что положение крепло и можно было взяться и за Усть-Медведицу. Прибывшие в Усть-Хоперскую подкрепления сильно подняли дух усть-хоперцев, и они уже нетерпеливо спрашивали, когда же будем брать Усть-Медведицу.

5.

Взятие Усть-Медведицы

28 апреля, около полудня, я отдал приказ о наступлении на Усть-Медведицу. Атака была назначена на рассвете 29-го, для чего было приказано:

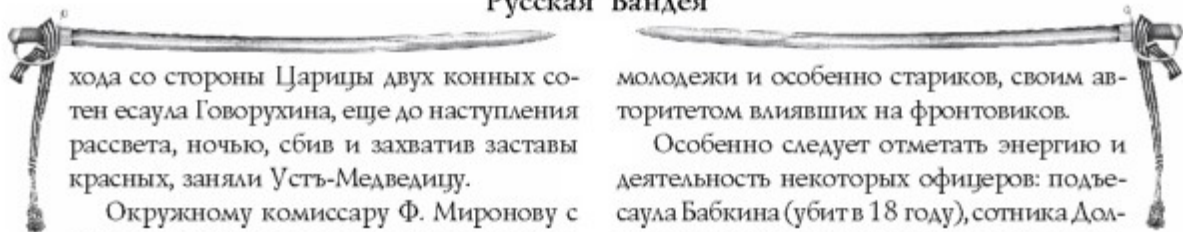
1. Подъесаулу Говорухину Вас. Мих., 28 апреля вечером, с наступлением темноты, с двумя пешими сотнями и одной конной выступить из Усть-Хоперской на Усть-Медведицу, наступая по правому берегу Дона с таким расчетом, чтобы на рассвете атаковать Усть-Медведицу.

2. Сотнику Красноглазову, с конной сотней, ночью, у хутора Кузнечики переправиться на левый берег Дона, с задачей отре-

зать путь отступления красным из Усть-Медведицы.

3. Есаулу Говорухину Фед. Ив., 28 апреля, в 14 часов, с двумя конными сотнями выступить из хут. Большого в район хуторов Царицы, где сделать привал и оттуда начать наступление на Усть-Медведицу, с таким расчетом, чтобы на рассвете 29 апреля атаковать Усть-Медведицу с юга, одновременно с усть-хоперцами.

Ободренные успехом мобилизации, усть-хоперцы погорячились и, не дождавшись выхода обходной колонны сотника Красноглазова в тыл Усть-Медведице и под-

хода со стороны Царицы двух конных сотен есаула Говорухина, еще до наступления рассвета, ночью, сбив и захватив заставы красных, заняли Усть-Медведицу.

Окружному комиссару Ф. Миронову с приверженцами и частью красногвардейцев удалось бежать в слободу Михайловку.

Перебив часть красных, усть-хоперцы захватили первые трофеи: 5 пулеметов, 400 винтовок и 150 пленных.

Овладев Усть-Медведицей, первым делом повстанцы бросились к тюрьме и освободили политических узников, главным образом офицеров, в числе которых был доблестный партизан сотник Долгов, впоследствии войсковой старшина и командир одного из Усть-Медведицких конных полков (убит в 1920 году в бою у станицы Константиновской, в отряде полк. Ф. Назарова).

С захватом Усть-Медведицы я объявил мобилизацию всему Округу. За Дон были посланы офицерские разъезды с задачей поднять население и произвести мобилизацию.

Сравнительно хуже, чем в других станицах, шла мобилизация в Усть-Медведице. Такого порыва, как у усть-хоперцев, далеко не было; мобилизовались медленно, неохотно, выжидая дальнейших событий, выяснения дальнейшей обстановки; чувствовалась какая-то нерешительность, даже офицеры не все явились на регистрацию, что побудило меня выпустить резкий приказ с угрозой предания полевому суду всех уклоняющихся от исполнения своего долга.

Пассивность Усть-Медведицы вызвала резкие нарекания усть-хоперцев. С захватом Усть-Медведицы, казалось, наступательный порыв у казаков исчез и поднять их на энергичное преследование противника не представлялось возможным. Все пока держалось на исключительной доблести и самопожертвовании офицеров, учащейся

молодежи и особенно стариков, своим авторитетом влиявших на фронтовиков.

Особенно следует отметить энергию и деятельность некоторых офицеров: подьесаула Бабкина (убит в 18 году), сотника Долгова (убит в 20 году), подьесаула Емельянова (убит в 18 году), подьесаула Алексеева, есаула Гордеева, подьесаула Забазнова, сотника Попова, гв. сотника Рубашкина (впоследствии генерала и начальника дивизии), есаула Коновалова и многих других.

В первый же день по занятии Усть-Медведицы подьесаулом Бабкиным был сформирован из местной учащейся молодежи партизанский отряд, силою в 100 человек; почти одновременно с ним из учащихся, охотников казаков и офицеров станицы Клецкой сотник Долгов формирует второй партизанский отряд, такой же численности. В первые же дни подьесаул Емельянов сформировал конную сотню из казаков добровольцев; и по общей мобилизации, из усть-медведицких казаков станицы и прилегающих хуторов начал формироваться Усть-Медведицкий конный полк.

На радостях, после освобождения станицы, собрался местный поселковый Усть-Медведицкий сход и избрал Окружным Атаманом подьесаула Х. (фамилии не помню).

Присланное на другой день мне постановление об избрании на утверждение я не мог утвердить, хотя кандидат был вполне достойный офицер, и отменил выборы, мотивируя свое несогласие тем, что в выборах принимала участие лишь одна Усть-Медведицкая станица, даже без участия своих хуторов, и, таким образом, конечно, не могла выражать воли не только всех свободных станиц Округа, но даже одной Усть-Медведицкой станицы в целом.

Но главным образом я отменил выборы потому, что считал еще несвоевременным

назначение Окружного Атамана, так как это дало бы повод и лишний козырь для агитации красным всех оттенков, еще не изживших революции, о возвращении к старому режиму и т.п., ибо среди казаков и особенно местных «интеллигентов» еще было много таких, которые говорили, что они борются, собственно, не с советской властью, а с «красной гвардией», и что они тоже большевики, но только «идейные» и прочее. Но чтобы все же установить гражданскую власть в Округе, я на другой день пригласил в Окружное правление местных нотаблей и, ознакомившись с положением и желаниями, назначил «Заведующим Делами Управления Окружного Атамана» гв. подъесаула Хрипунова, местного жителя и бывшего юриста, которому предложил немедленно вступить в исполнение обязанностей и наладить и восстановить распатанный революцией порядок. Начальником полиции назначил полковника Попова.

В дальнейшем во внутреннюю жизнь Усть-Медведицы я не вмешивался, предоставив гражданскую власть подъесаулу Хрипунову.

Станицы по правому берегу Дона: Распопинская, Клецкая, Перекопская, Кременская и 2-го Донск. Округа Н. Григорьевская, получив мой приказ о мобилизации, сейчас же приступили к формированию конных и пеших сотен под руководством Начальников Обороны, из старших офицеров, находившихся в данный момент на местах. Мобилизация шла успешно, лишь не хватало винтовок и пулеметов, и я был завален просьбами от станиц о скорейшей присылке оружия. Советы почти всюду были уничтожены: вновь появились станичные и хуторские атаманы. От всех станиц за Дон были высланы разьезды для разведки и поднятия восстания.

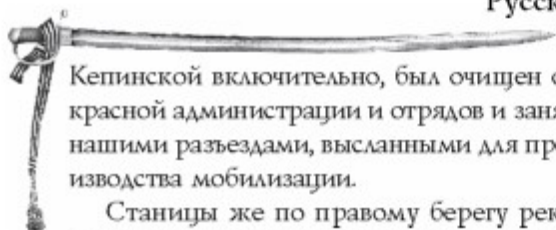
В первые же дни после Усть-Хоперского восстания по реке Куртлаку, к юго-востоку от хут. Большого, мобилизовались казаки прилежащих хуторов и составили Куртлакскую Группу, под командованием гв. есаула Сутулова. В первой половине мая есаул Сутулов прибыл на хут. Большой с просьбой об оружии. Я уделил ему часть винтовок и два пулемета из первого транспорта оружия, полученного от немцев. Куртлакская группа получила задачу вести разведку на юг и восток и связаться с 2-м Донским Округом, где, по слухам, также началось восстание.

Что же касается задонских станиц по реке Медведице, то там еще господствовал страх перед Мироновым, колебание и нерешительность, еще много голосов было за «нейтралитет». Мобилизованные там отряды были ненадежны и малочисленны; являлись еще смелые агитаторы и сторонники большевиков, главным образом из иногородних, осмеливавшиеся вызывающе выступать на майдане станицы Кепинской с речами против мобилизации и борьбы с «народной властью».

Для прекращения в корне опасной заразы пришлось применять крутые меры для вразумления одних и острастки других, слишком ярых сторонников советской власти.

Общее положение после занятия Усть-Медведицы было следующим: красные отряды, выбитые из Усть-Медведицы, поспешно отошли к Михайловке; туда же бежал и Миронов со своими «главковерхами». По пути Миронов, задержавшись для смены лошадей на почтовой станции в станице Арчадинской, страшно нервничал, торопился, волновался, грозил присылкой больших карательных отрядов.

Район Округа за Доном, между левым берегом Медведицы и Доном, до станицы

Кепинской включительно, был очищен от красной администрации и отрядов и занят нашими разъездами, высланными для производства мобилизации.

Станицы же по правому берегу реки Медведицы: Глазуновская, Скуришенская, Арчадинская еще были заняты красными, получавшими директивы из Михайловки.

Миронов, оправившись после первого поражения и получив подкрепление матросами со станции Филоново, а также мобилизовав мужиков в слободах Михайловке, Сидорох и других крестьянских слободах, расположенных к северу от железной дороги Филоново — Царицын, 2 мая предпринимает усиленную разведку с целью перехода вновь в наступление на Усть-Медведицу. Сеть красных отрядов, высланных из Михайловки, усиленных матросами, 3 мая занимает станицы Глазуновскую, Арчадинскую и Скурышенскую.

С 4 мая начинаются столкновения наших передовых частей и разъездов с перешедшими в наступление красными, сначала у станицы Кепинской, где в конной атаке был убит доблестный сотник Емельянов, затем в станице Глазуновской, куда на рассвете разъезд усть-хоперцев в 28 коней, налетев на станицу, захватил пленных, лошадей, телефонное имущество и дал возмож-

ность бежать находившимся в станице, под наблюдением красных, офицерам 3-го Донского Казачьего Ермака Тимофеева полка, остававшимся в ст. Глазуновской после выпуска полка по домам.

5 мая у хут. Зимняцкого партизанский отряд подьесаула Бабкина до поздней ночи, неся большие потери убитыми и ранеными, оказывал упорное сопротивление превосходившему по численности и вооружению отряду матросов. В этом бою был убит начальник отряда, доблестный подьесаул Бабкин. В командование вступил подьесаул Алексеев, долгое время затем блестяще руководивший боевой деятельностью отряда.

Тесня наши малочисленные, почти лишённые патронов части, красные упорно наступали на Усть-Медведицу.

6 мая донесения с фронта были одно тревожнее другого. Наши части под напором противника медленно приближались к Дону. Тишина темной, теплой майской ночи лишь изредка нарушалась резкими ружейными выстрелами. Усть-Медведица агонизировала. Отходившие за Дон отряды еще более усиливали нервность и подавленность. Настроение падало. Необходим был новый импульс, новый толчок для поднятия духа и энергии.

6.

В станице Глазуновской

Для того чтобы дать представление о настроении казаков и о положении в станицах, лежащих к северу от р. Дона, я, на основании личных впечатлений и докладов гг. офицеров, остановлюсь на описании жизни и событий в станице Глазуновской после прихода туда с фронта 3-го Донского Казачьего Ермака Тимофеева полка, одно-

го из наиболее крепких полков донской конницы.

3-й Донской Казачий полк, один из блестящих полков Императорской Армии, гордый своими боевыми делами и железной дисциплиной, овеянный боевой славой дедов еще со времен Шанграбена; почти наполовину состоящий из георгиевских кавал-

леров, в числе которых был и известный всей России Кузьма Крючков, первый георгиевский кавалер Великой Войны, находился в резерве, в Бессарабии, в окрестностях города Болграда, залечивая свои раны и отдыхая после боев и славных дел в Восточной Пруссии, Галиции, Карпатах, Полесье и Добрудже, где у деревни Каранасуф, конной атакой двух сотен, есаулов Голубинцева и Красовского, опрокинул, изрубил и забрал в плен укрепившихся в деревне 7-ю и 8-ю роты и пулеметную команду 53-го пехотного болгарского полка и, развивая успех, очистил весь район, занятый частями болгарской конницы генерала Колева. Везде и всюду славные и славные дела. Дух отцов витал в рядах полка.

Революция... С грустью выслушали казаки весть об отречении Императора, опустились чубатые головы.

Временное Правительство... Приказ № 1, затем несчастье России — Керенский, затем большевики...

Развал... Не стало фронта, и полк, по зову Атамана Каледина, сохранив полную дисциплину, во всеоружии, во главе с командиром полка, войсковым старшиной Голубинцевым, со всеми офицерами, 12 декабря 1917 года со станции Бельцы тронулся на Дон.

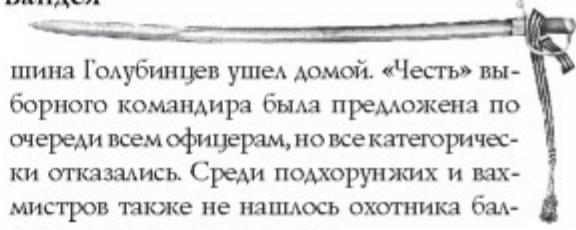
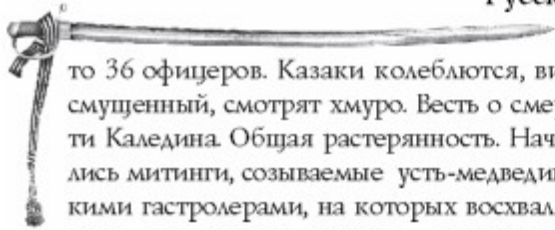
Никто по пути не осмелился остановить или задержать полк, и только когда полк подходил к станции Лозовая, из Полтавы и Харькова, чтобы перенять полк, шедший, по мнению большевиков, к атаману Каледину на помощь, двинуты были четыре эшелона большевиков. Торопясь домой и не желая ввязываться в бой и задерживаться, полк не пошел навстречу красным, а, заняв станцию Лозовую, остановился для обороны и затем, разобрав за собою железнодорожный путь на четыре версты, через два дня беспрепятственно двинулся дальше.

Вот уже близок Дон, но надо проехать красный Царицын, где сидит товарищ Минин. Головной эшелон — две сотни и учебная команда — под общей командой есаула Красовского был двинут командиром полка на Царицын с директивами действовать по обстановке.

Медленно эшелон подходит к перрону. Вокзал запружен серой солдатской массой, щелкающей семечки. Закрытые вагоны; ни одного казака снаружи; таинственная тишина насторожила всех и удивила. Из классного вагона выходит начальник эшелона, за ним следуют в полной форме, с шеvronами и георгиевскими крестами, два ординарца и направляются в город, в находившийся недалеко от вокзала военно-революционный комитет. Толпа солдат на перроне с удивлением расступается, давая дорогу.

В военно-революционном комитете начальник эшелона требует дать паровоз для следования дальше. На предложенные в военно-революционном комитете вопросы и поставленные условия начальник эшелона не считал нужным давать объяснений, а подтвердил категорически свое требование — дать немедленно паровоз для дальнейшего следования, угрожая в случае задержки или отказа эксцессами, которые могут быть крайне печальными для военно-революционного комитета. Уверенность в собственных силах и настойчивость произвели впечатление, и путь полку был открыт.

Рождество. Полк в родной станице Глазуновской. Но дома не все благополучно: большевики нахлынули на Дон. События быстро чередуются к худшему. В Усть-Медведице сменен Окружной Атаман и там властвует военный комиссар, изменник и предатель, войсковой старшина Миронов. В слободе Михайловке, населенной мужиками, уже прочно обосновалась красная рвань. В январе в Михайловке зверски уби-

то 36 офицеров. Казаки колеблются, вид смущенный, смотрят хмуро. Весть о смерти Каледина. Общая растерянность. Начались митинги, созываемые усть-медведицкими гастролерами, на которых восхваляется советская власть, завоевания революции, сулятся всякие блага, уговаривают казаков выбрать командный состав, дабы не показать себя «несознательными» и не отстать от революции.

На одном из митингов приезжий из Усть-Медведицкого Революционного Комитета чумазый солдат и еще какой-то делегат предлагают полку выбрать нового командира: «Товарищи, выбирайте казачка, зачем обязательно офицера, вот мы в Усть-Медведицком комитете, хотя и малограмотные, а работаем же, оно, правда, трудновато, но справляемся!»

Несколько казаков хмуро заявляют, что они довольны командиром и нет надобности выбирать нового. «Да, это так, товарищи, — заявляет усть-медведицкий делегат, — может быть, он и хорош, но все же он барин, лучше бы своего, трудового казака».

Наконец, после долгих дебатов и пререканий, не желая, по-видимому, ударить лицом в грязь и показать себя «несознательными», решают: «просить командира полка и гг. офицеров прибыть на митинг полка».

Здесь командиру полка, войсковому старшине Голубинцеву, усть-медведицкие делегаты ставят вопрос: согласен ли он вести полк в Михайловку для борьбы с контрреволюционными бандами, наступающими с севера?

Командир ответил, что считает войну законченной, а на братоубийственную войну он полк не поведет.

Такой ответ казакам, уставшим от войны, импонировал, но делегаты и кучка своих крикунов настояли на своем. Начались выборы командира полка. Войсковой стар-

шина Голубинцев ушел домой. «Честь» выборного командира была предложена по очереди всем офицерам, но все категорически отказались. Среди подхорунжих и вахмистров также не нашлось охотника баллотироваться в командиры.

После долгих споров пришли к заключению: «просить опять полковника Голубинцева». Избрали делегацию.

— Теперь он пошлет всех вас к такой-то матери, а нас выгонит! — заявили делегаты и отказались идти.

Начались споры. Митинг затянулся. Простояв несколько часов на морозе без результата, казаки мало-помалу разбежались по домам. Оставшаяся кучка, человек 30, избрала командиром полка нестроевого казака Семена Пономарева, портного из очень бедной и мало почтенной семьи.

«Дома у него не за что коня привязать!» — говорили про него казаки.

Товарищ Миронов между тем настойчиво требует полк в Михайловку, обещая деньги, сахар, одежду и т.п.

Учитывая общее положение и настроение казаков и имея еще ранее соответствующие инструкции от Войскового Атамана генерала Каледина, командир полка, войсковой старшина Голубинцев, отдал приказ об увольнении всех казаков полка в бессрочный отпуск с оружием. В тот же вечер и ночью, благодаря старанию командиров сотен и офицеров, казаки, получив отпускные билеты и жалованье, разъехались по домам. Остался лишь для ликвидации казенного имущества «военно-революционный комитет», в который, по секретному предписанию командира полка, с целью сохранения имущества от расхищения, да и вообще как сдерживающее начало, вошел подьесаул Попов, Владимир Вас. (убит в бою под Царицыном). Гг. офицерам дана была возможность уехать, кто куда пожелал.

На другой день после выборов новый «командир», исполняя волю Миронова, приказал полку к 8 час. утра собраться в станице Скуришенской для следования в Михайловку; но на сборный пункт прибыли только «командир» и два казака, живших с ним на одной квартире, а остальные казаки полка уже были у себя на хуторах или оставались в Глазуновской, совершенно игнорируя распоряжение и считая себя в законном отпуску.

Через несколько дней, 15 февраля, войсковой старшина Голубинцев уехал в Усть-Хоперскую станицу, дав соответствующие инструкции остававшемуся в Глазуновской есаулу Красовскому. Большая часть г. офицеров также разъехалась по домам. Простились офицеры с казаками очень миролюбиво и даже сердечно. Уезжавший в Усть-Медведицу командир 4-й сотни, есаул Коновалов Андроник, при прощании сказал казакам пророческую фразу: «Погодите, весной нас еще позовете!»

Характерно отметить, что вскоре после выборов командира к войсковому старшине Голубинцеву явился штаб-трубач Черников, член полкового военно-революционного комитета, один из наиболее, казалось бы, сочувствовавших новым порядкам, с просьбой о разрешении ему вступить в брак.

— Зачем ты ко мне обращаешься, — заметил ему войсковой старшина Голубинцев, — теперь у вас есть выборный командир, к нему и отправляйся!

— Что Вы, Ваше Высокоблагородие, — взмолился Черников, — смеетесь, как я могу обращаться за разрешением к такой сволочи? Мне надо разрешение от настоящего командира, а не от Семки Пономарева!

Итак, казаки разъехались по домам, остался военно-революционный полковой комитет, которому власть была, видимо, по душе. Но ни авторитетом, ни уважением ре-

волюционный комитет не пользовался, ибо более хозяйственные казаки разъехались по своим хуторам и занялись хозяйством, а в комитете осталась лишь «голь», которой домой незачем было особенно торопиться.

Для характеристики отношения казаков к комитету приведу еще одну сцену:

Едва только комитет приступил к ликвидации имущества полка, как от казаков стали поступать требования об удовлетворении их лошадьми, в обмен за убитых или пришедших в негодность. В числе других, требуя коня, явился в комитет казак Иван Хрипунов, георгиевский кавалер, бежавший из немецкого плена, побывавший в Голландии, в Англии и, наконец, явившийся в полк.

«Подожди, Ваня, дай разобраться, — говорит председатель комитета, приказный Мокров, бывший денщик, утирая рукавом мокрый лоб. — Видишь как трудно, у нас на лбу каплями пот выступает, работаем не покладая рук и никак не поспеваем».

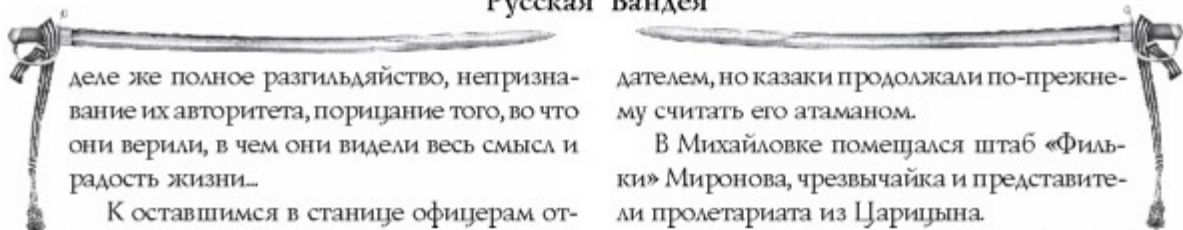
«Удивительно, — отвечает Хрипунов, — был командир и один все успевал делать, а вас тридцать дураков, получаете по 30 рублей суточных каждый и ничего не можете делать, сволочи!»

«Да ты не ругайся, не то, знаешь, мы с тобой справимся и заставим уважать комитет!» — загорячился было председатель, принимая угрожающий тон.

«Коня, сволочи!» — кричит расходившийся Хрипунов и бросается с плетью на председателя.

Произошла свалка, и, наконец, торжествующий Хрипунов, при всеобщем одобрении и хохоте, отправляется к себе на хутор.

Настроение у стариков было угнетенное, подавленное — не того ждали они от войны. Они ждали возвращения своих сынов, покрытых славою побед, под звон колоколов, ждали грамот Высочайших, молебнов, славы, парадов, гульбы и проч. и проч. На

деле же полное разгильдяйство, непризнание их авторитета, порицание того, во что они верили, в чем они видели весь смысл и радость жизни...

К оставшимся в станице офицерам отношение стариков было сочувственное и очень даже, да и фронтовики в большинстве были солидарны с стариками. Мутила рвань, кучка негодяев, по большей части даже не нюхавших пороху, нестроевые, обозники, оставшиеся дома, подкупленная муть дна и особенно иногородние, которые, видя офицеров, шипели от злости, рисуя себе картину, как они будут расправляться с ними, линчевать, убивать. Злодейства в Михайловке еще были свежи в памяти у всех. Как никогда выявлялась теперь злоба негодяев не только по отношению к офицерам, но и ко всему казачеству. Вслед почти открыто говорили: «погодите, вашу...» и т.п.

Избиение 36-ти офицеров 12 января в Михайловке, видимо, совершенно оттолкнуло казаков от этой сволочи.

Казаки полка из станицы разъехались большей частью по родным хуторам и занялись домашними делами, и, таким образом, последней опасности, последнего сдерживающего начала для этой шкурной рвани в станице не стало. Участились разъезды красных по хуторам и станицам, с бомбами, с пулеметами, с пьяными песнями; проскачут через станицу с шумом, гамом, со стрельбой — и скроются дальше. Участились митинги, на которых проклинались Каледин, офицеры и все прошлое, а потом, когда ясно стало, что никто не препятствует и не чинит противодействий, начали объявлять декреты, устанавливать советы, власть на местах и т.п. Что и прошло совершенно свободно; атаманов в станицах не стало, появились советы. В Глазуновской атамана, урядника Назарова, хотя и называли предсе-

дателем, но казаки продолжали по-прежнему считать его атаманом.

В Михайловке помещался штаб «Фильки» Миронова, чрезвычайка и представители пролетариата из Царицына.

Старикам все это сильно не нравилось, по закоулкам делились с офицерами впечатлениями, жаловались, удивлялись, не понимали, как все это случилось и что будет дальше.

Чем дальше, тем хуже жилось офицерам в Глазуновке, особенно после неудавшейся мобилизации молодых казаков в Усть-Медведице, где старики и молодые казаки были разогнаны пулеметами.

К офицерам своего полка казаки фронтовики относились хорошо, приносили хлеб, молоко, картофель, здоровались при встрече, но глядели в землю, видимо, из-за недостатка гражданского мужества, да и совесть не была достаточно чиста.

Михайловский и Усть-Медведицкий комитеты все подготовили для производства впечатления о крепости советской власти и для устрашения населения.

Опасности непосредственной для красных, казалось, нет; казаки, ошеломленные событиями, приутихли; настал благоприятный момент для вывоза из мест, где были полки, всего воинского имущества, снаряжения и оружия в Михайловку.

Из Глазуновской был вывезен весь обоз 3-го полка, 8 пулеметов и 46 000 патронов.

Офицеров пока официально не трогали и лишь потому только, что в Михайловском революционном комитете были казаки 3-го полка: урядник Блинов, вахмистр 3-й сотни, подхорунжий Гугняев, революционный командир полка Семка Пономарев и другие, которые еще считались со своими офицерами, как бы стеснялись их, видимо, воинская честь и прежнее уважение еще не окончательно испарились у них, хотя и видно было по морде, что они не доверяют офицерам, да

и, кроме того, они были уверены, что рано или поздно офицеры от них не уйдут.

Казалось, новая власть прочно утвердилась в Усть-Медведице и Михайловке, как будто все для нее было благополучно.

Но вот в начале апреля стали распространяться всякие слухи: то банды белых «кадет» появились со стороны станицы Букановской, то немцы двигаются и уже близко и т.п.

Офицеров взяли на учет. Были дни такие, что хозяин одной из офицерских квартир, казак Д.Д. Попов, предлагал офицерам увезти их в глухую степь к себе на землю, где у него была землянка, а старая казачка Григорьевна, беспокоясь за участь офицеров, умоляла их скрываться на лугу в кустах, куда обещала приносить пищу и все сведения. К Пасхе положение ухудшилось, за офицерами усиленно наблюдали; из Михайловки приехал член революционного комитета урядник М. Блинов, с портфелем под мышкой и важным видом, производить дознание, так как поступил донос, что офицеры, есаул Красовский и сотник Орехов, занимаются контрреволюционной пропагандой.

В это же время докатывается до Глазуновки весть, что полковник Голубинцев занял Усть-Медведицу, и всякие невероятные слухи: немцы, украинцы, кадеты... Одно лишь было верно: Голубинцев с усть-хоперцами поднял восстание и занял Усть-Медведицу... «Офицеры в погонах, казаки тоже, дисциплина, отдавание чести...» Старики ликовали, и фронтовики не отставали, не все, конечно, но пока скрытно.

Офицеры, пока не поздно, решили бежать к повстанцам, но привести в исполнение это намерение было уже трудно, ибо наблюдение усилилось и 3 мая Глазуновка была занята боковым отрядом красных, главные силы их шли через хутора Зимник и Подольховку на Усть-Медведицу.

По телефону в станицу Глазуновскую было из Михайловки передано приказание — арестовать всех офицеров, как единомышленников Голубинцева, а ночью почтовый чиновник, подслушавший разговор по телефону, тайком прибежал к есаулу Красовскому и сотнику Орехову и посоветовал бежать не теряя времени, так как Революционный трибунал в Михайловке заочно приговорил есаула Красовского и сотника Орехова к расстрелу, а остальных офицеров приказано арестовать и препроводить в Михайловку.

Ночь была особенно тревожна. Но на рассвете, к счастью офицеров, разъезд усть-хоперцев в 28 коней ворвался в Глазуновку, захватил телеграфный пост, почту, пленных и, разыскав офицеров, вручил есаулу Красовскому предписание Командующего Освободительными Войсками, войскового старшины Голубинцева: «Немедленно со всеми офицерами прибыть в Усть-Медведицу, в Штаб Освободительной Армии».

Собрав гг. офицеров 3-го полка, есаул Красовский, вместе с сотником Ореховым, двумя сотниками Марковыми и сотником Семеновым, бежали через хутор Ярской, занятый заставой повстанцев, на Усть-Медведицу. Полковник Валуев добровольно остался, отказавшись бежать под предлогом, что считает восстание безнадежным, а в сущности потому, что, увлекшись какой-то станичной девчонкой, не пожелал с ней расстаться.

На поддержку захваченной врасплох в станице полуроте красных большевики выслали из станицы Скурьюшенской эскадрон конницы, который начал перестрелку с усть-хоперцами, но был энергично атакован повстанцами и оставил в руках у казаков 4 убитых и 4 лошадей. Вслед за эскадроном красные двинули две роты пехоты и вновь заняли Глазуновку, а казаки, отстреливаясь, отошли к хут. Ярскому.

Наступление Миронова

Заняв станицу Глазуновскую боковым отрядом и поведя наступление главными силами, в составе 2000 человек пехоты с артиллерией и нескольких сотен мобилизованных на севере области казаков, на Усть-Медведицу через ст. Кепинскую и хут. Подольховский, Миронов мог встретить сопротивление только со стороны партизанских отрядов и небольших групп казаков и офицеров, ибо мобилизованные наскоро сотни или оставались на своих хуторах, или отходили к Усть-Медведице, не оказывая упорного сопротивления. Казалось, что первый порыв пропал, что энергия, проявленная в начале восстания, иссякла. Усть-хоперцы, занятые обороной своей станицы, видя пассивность усть-медведицких казаков, заявляли, что если Усть-Медведица не желает сама обороняться, то зачем же мы будем ее выручать. Положение еще усугублялось тем, что находившиеся на хут. Большом сотни нельзя было взять, так как с юга были получены сведения, что Подтелков, выгнанный из Ростова, двигается с отрядом на Усть-Медведицу, и, конечно, была большая вероятность, что он пойдет через свой родной хутор Большой.

Вновь же сформированные в Усть-Медведице сотни за Дон переправляться отказывались и уже разлагались.

Весь день 6 мая наступавший противник был с большим напряжением сдерживаем нашим редким из-за недостатка патронов огнем. С наступлением темноты наши группы защитников стали переправляться через Дон в Усть-Медведицу. Последним, поздно вечером, под непосредственным огнем противника, прибыл доблестный подесаул За-

базнов со своим небольшим отрядом офицеров и казаков.

Ночью, с 6-го на 7-е мая, красные заняли Усть-Медведицу отрядом около 2000 человек солдат и матросов.

Наши «кадетские» отряды сосредоточились в двух верстах к западу от Усть-Медведицы и заняли оборонительную позицию.

Настроение было подавленное. Кой-где за углами начиналась агитация против «виновников» восстания, с предложением «выдать зачинщиков» и послать делегацию к большевикам и т.п.

В это же время на хутор Большой прибыли из Верхне-Донского Округа присланные по моей просьбе два орудия-гаубицы с прикрытием из полусотни молодых казаков. Весть о прибытии пушек быстро разнеслась по хуторам и сильно подняла дух у казаков. Они не верили своим глазам, с хуторов посылали конных казаков проверить слухи, ощупать орудия, настоящие ли они; некоторые даже со слезами целовали пушки.

Перед отправкой орудий на позицию я приказал провезти их через некоторые хутора для поднятия настроения и дабы убедить казаков, что орудия настоящие, ибо распускались злонамеренные слухи, что пушки якобы деревянные.

В тот же день эти орудия под руководством войскового старшины Тарасова удачно обстреляли Усть-Медведицу и хут. Ярской, что произвело большое впечатление на казаков и смутило красных, не веривших, что у белых могла быть артиллерия. К сожалению, снарядов для гаубиц было мало, около 10 штук, и эффект был главным образом моральный.

День 8 мая прошел в лихорадочной подготовке к контратаке и в усиленной разведке.

Усть-Медведицкие группы, занимавшие позицию к западу от станицы, были усилены подошедшими с хутора Большого Усть-Хоперскими сотнями и утром 9 мая стремительной атакой вновь овладели Усть-Медведицей. Красные были опрокинуты в Дон и в панике беспорядочно старались перебраться на левый берег. Казаки, заняв правый возвышенный берег Дона, расстреливали плывущих большевиков на выбор; на поверхности воды непрерывно поднимались красные, кровавые фонтаны от попадавших в цель пуль. В этом деле было уничтожено несколько сотен большевиков; в продолжение всего мая и даже еще в июне, ниже Усть-Медведицы, до станиц Трех-Островянской и Голубинской включительно, казаки вылавливали в Дону трупы убитых в бою и утонувших красных при переправе 9 мая.

Наши трофеи были: 9 пулеметов, 700 винтовок и несколько десятков тысяч патронов. Разбитые большевики, преследуемые нашими отрядами, после нескольких попыток задержаться, опираясь на высланные из Михайловки поддержки, бежали в панике до самой Михайловки.

Как я уже упоминал, 9 мая вечером мною был получен от немцев, занимавших станцию Чертково, первый транспорт оружия.

Связь с немцами была установлена еще ранее, несколько дней тому назад, при первом занятии нами Усть-Медведицы. Еще до получения первого транспорта я 7 мая вторично командировал войскового старшину Х. с такой же задачей — достать оружие.

Немцы вторично отпустили еще 700 винтовок, 6 пулеметов и 50 снарядов.

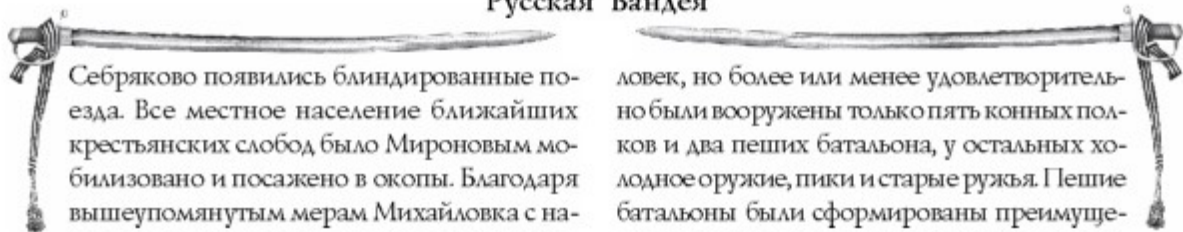
Начальник немецкого отряда на станции Чертково полковник Х. (фамилии его, к сожалению, не помню) предложил офицеру подписать письмо, что от имени Командующего Войсками он обязуется прислать немецкой кавалерийской бригаде в обмен за оружие овса. Войсковой старшина заявил, что он не уполномочен подписывать никаких обязательств; тогда редакция письма была изменена в таком смысле, что войсковой старшина Х. будет настаивать перед Командующим Войсками о присылке овса германской бригаде, но офицер отказался, ссылаясь на то, что он вообще настаивать не может. Наконец, командир бригады удовлетворился письмом, в котором войсковой старшина Х. обязывался доложить Командующему Освободительными Войсками, что командир немецкой бригады, в обмен за оружие просит прислать овса для лошадей бригады. В скором времени я получил из Новороссийска несколько вагонов овса, из которых два вагона с благодарностью уступил немцам.

8.

Осада Михайловки

После разгрома у Усть-Медведицы и ряда столкновений у станиц Глазуновской, Кепинской, Скуришенской и особенно у Арчадинской части Миронова, преследуемые нашими отрядами, отошли к Михай-

ловке, куда к этому времени со станции Филоново, в подкрепление им прибыли красные матросы и солдаты. Михайловка поспешно была укреплена колючей проволокой и обнесена окопами. На станции

Себряково появились блиндированные поезда. Все местное население ближайших крестьянских слобод было Мироновым мобилизовано и посажено в окопы. Благодаря вышеупомянутым мерам Михайловка с налета не была взята и операция затянулась еще на полтора месяца.

В очищенных мною от большевиков станицах была объявлена мобилизация, и в несколько дней из отдельных сотен и отрядов мною было сформировано пять конных полков, в шестисотенном составе, и несколько пеших отрядов.

Полки получили названия по станицам, из которых были сформированы: Усть-Хоперский, Усть-Медведицкий, Глазуновский, Арчадинский и Клецкий конные полки. На хуторе Большом были организованы учебные команды, команды пулеметчиков и артиллеристов. В Усть-Медведице установлено гражданское управление Округа. В станицах за Доном были назначены Начальники Обороны станиц, вместо председателей станичных советов вновь появились атаманы. Штаб Командующего Войсками перешел в Усть-Медведицу. Части с хутора Большого, ожидавшие появления отряда Подтелкова, были передвинуты за Дон, так как были получены донесения, что Подтелков и Кривошлыков не решились идти на Усть-Медведицу, направились западнее и у хутора Каргинского были разбиты казаками Верхне-Донецкого Округа и повешены.

Оперативное отделение Штаба перешло в станицу Арчадинскую. Войска стали готовиться к наступлению на Михайловку и были сосредоточены в районе станицы Арчадинской и хутора Ильменьки, в 3—4 верстах от Михайловки. Усть-Медведица оставалась в тылу и могла вздохнуть свободно.

В середине мая общая численность мобилизованных повстанцев достигла 10 000 че-

ловек, но более или менее удовлетворительно были вооружены только пять конных полков и два пеших батальона, у остальных холодное оружие, пики и старые ружья. Пешие батальоны были сформированы преимущественно из молодых казаков, их боеспособность была неудовлетворительна даже с точки зрения Гражданской войны.

Дабы не дать возможности Миронову мобилизовать казаков северной части Округа, в станицы Етеревскую, Раздорскую, Березовскую, Малодельскую были высланы разъезды с моими воззваниями, прокламациями и литературой. Из северных станиц стали тайно пробираться ко мне в штаб в Арчадинскую отдельные офицеры и казаки, и, таким образом, связь с севером установилась, но мобилизовать казаков, выжидавших падения Михайловки, пока еще не удавалось.

Подготовка к наступлению на Михайловку затянулась. Среди казаков большого порыва к наступлению не замечалось, начальники частей тоже находили необходимым не торопиться с атакой Михайловки и дать возможность сбить и подготовить части. Дело ограничивалось разведкой и мелкими столкновениями и перестрелкой.

К началу июня пешие батальоны заняли Ильменьки, а конницу я сосредоточил в хуторах по балке, к северо-западу от хут. Ильменьки.

В первой половине июня решено было атаковать Михайловку. С вечера было занято исходное положение, и перед рассветом 1-й и 2-й пешие батальоны и партизанский отряд подьесаула Алексеева перешли в наступление со стороны хутора Ильменьки.

Сигналом для общей атаки был огонь нашей батареи, располагавшей десятком снарядов (присланные немцами снаряды были для 3-х дм пушек, наша же батарея была гаубичной 4-х дм). Коннице под ко-

мандой есаула Лашенова приказано было, выйдя скрытно по балке во фланг позиции противника, сообразуясь с наступлением пеших батальонов, в конном строю атаковать Михайловку. Но есаул Лашенов или опоздал, или, потеряв направление, сбился, и участия в атаке конница не приняла. Пешие батальоны из молодых казаков, не выдержав огня красных, залегли, и поднять их к дальнейшему наступлению не удалось. Партизанский отряд в темноте взял неправильное направление и опоздал к общей атаке. Таким образом, наступление не дало никаких результатов.

Через несколько дней наступление опять было повторено, но без результата.

В последнем наступлении принимал участие добровольцем находящийся в это время у себя в станице донской писатель и секретарь Войскового Круга Ф.Д. Крюков, написавший, вдохновленный восстанием усть-медведицких казаков, известное стихотворение в прозе: «Родимый Край». В этом бою Федор Дмитриевич был легко контужен артиллерийским снарядом.

Во время моего пребывания на фронте в тылу, в станице Усть-Медведицкой было не вполне благополучно: Начальник Штаба, находившийся в это время в Усть-Медведице, мне доносил, что «Совет Вольных Хуторов и Станиц» вмешивается и тормозит его работу, политически неблагонадежен, проявляет тенденцию захватить власть над войсками и надоедает ему с требованиями вызвать меня в Усть-Медведицу якобы для объяснений и доклада Совету о положении.

Через несколько дней, получив вторично от Начальника Штаба тревожное донесение и просьбу приехать, я прибыл с конной полусотней в Усть-Медведицу и отправился в Управление Окружного Атамана, где собравшийся совет меня ожидал. Предварительно, на всякий случай, я отдал рас-

поряжение начальнику конвоя приготовиться к аресту членов совета.

За пять минут до моего появления конвойцы заняли соседнюю комнату, смежную с комнатой, где собрался совет, и построились двумя шеренгами, шпалерой у двери, ведущей в зал заседаний. Члены совета насторожились и забеспокоились.

При моем появлении раздалась команда: «Смирно!» и громкий ответ конвойцев на мое приветствие: «Здравия желаем, господин полковник!», а затем офицер конвоя влетел в зал заседаний и громким голосом объявил: «Идет Командующий Войсками, встать!»

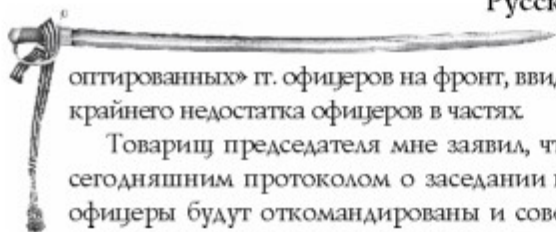
Не ожидая такого оборота дела, вскочившие члены совета были, по-видимому, очень смущены, и когда я, выждав минуту, пригласил членов совета сесть и высказаться, что им угодно, товарищ председателя (председатель, сотник Веденин, смущенно молчал), агроном одной из станиц, фамилии его не помню, заикаясь заявил, что члены совета желали бы знать общее положение на фронте.

— Начальник Штаба, доложите гг. членам совета обстановку, — обратился я к начальнику штаба.

После доклада начальника штаба товарищ председателя заявил, что совет вполне удовлетворен объяснениями.

Затем я, обращаясь к совету, заявил:

— Теперь я прошу вас, гг. члены совета, принять к сведению следующее: 1. Все сводки с фронта, которые штаб считает возможным сообщать, ежедневно публикуются для всеобщего сведения в особом бюллетене и в местной газете. 2. Я настоятельно прошу членов совета ограничить свою деятельность теми рамками, которые им предоставил Чрезвычайный Съезд Хуторов и Станиц 27 апреля, и 3. Требую немедленно, сегодня же, откомандировать всех состоящих в совете «ко-

оптированных» гт. офицеров на фронт, ввиду крайнего недостатка офицеров в частях.

Товарищу председателя мне заявил, что сегодняшним протоколом о заседании гт. офицеры будут откомандированы и совет принимает к сведению мои указания.

После этого заседания я уже не имел ни встреч, ни разговоров с целым советом вкуче.

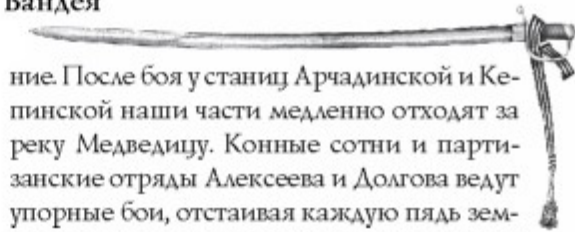
Отмечу еще один интересный инцидент, происшедший во время доклада начальника штаба о положении на фронте; он свидетельствует о том ничтожном влиянии, которым пользовался совет среди казаков. Дело в следующем: одному из Усть-Медведицких полков приказано было переправиться на левый берег Дона и идти в станицу Кепинскую. Полк собрался на берегу и замитинговал; в заседание совета явился один из офицеров полка и доложил мне, что казаки не желают переправляться, говорят, что готовы «умереть» на правом берегу, защищая Дон, но за Дон идти не хотят.

— Сотник Веденин, — обратился я к председателю совета, — пойдите, побеседуйте с казаками и разъясните им необходимость исполнять распоряжения — это ваше дело.

Через 10 минут сотник Веденин прибегает обратно взволнованный, бледный, потный и говорит, что казаки его прогнали и чуть не избили.

По окончании заседания я отправился к месту переправы, и через пять минут казаки, после краткого разъяснения, начали переправу.

В начале июля Миронов, усиленный матросами, опять переходит в наступле-

ние. После боя у станиц Арчадинской и Кепинской наши части медленно отходят за реку Медведицу. Конные сотни и партизанские отряды Алексеева и Долгова ведут упорные бои, отстаивая каждую пядь земли. 3 июля, после тяжелого боя у хутора Шашкина, наступление красных было остановлено.

4 июля были получены сведения о подходе к Усть-Медведице с юга отряда генерала Фицхелаурова, в составе двух дивизий.

5 июля отряд, состоящий из 1-го конного отряда полковника Татаркина и 1-го пешего отряда полковника Старикова, вступил в Усть-Медведицу. В тот же день на состоявшемся совещании старших начальников решено части «Освободительной Армии Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа» включить в Донскую Армию.

Молодые казаки были выделены из частей и отправлены в Новочеркасск в формирующуюся молодую армию, а остальные части сведены в две дивизии: из пяти У.-Медведицких конных полков образован «4-й Конный Отряд Войскового Старшины Голубинцева», типа дивизии; вошедшие в отряд полки получили новые номера и названия: 13, 14, 15 и 16-го Усть-Медведицких конных полков, а из пехоты и пешеходных отрядов сформирован «3-й Пешеходный отряд есаула Сутулова».

Таким образом, с прибытием частей генерала Фицхелаурова период обособленных действий «Освободительных Войск Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа» заканчивается и сливается с общими действиями Донской Армии.

II УСТЬ-МЕДВЕДИЦКАЯ КОННИЦА

9.

4-й конный отряд

С прибытием новых частей Донской Армии дух усть-медведицких повстанцев сильно поднялся. Опять появился порыв, и 6 июля вся У.-Медведицкая конница, сведенная в одну дивизию, получив наименование «4-го Конного отряда войскового старшины Голубинцева», перешла в стремительное наступление и в тот же день, опрокинув красных, заняла станицу Кепинскую, затем, тесня противника, ст. Глазуновскую и после упорного боя станицы Арчадинскую и Скурышенскую, отбросив красных к Михайловке.

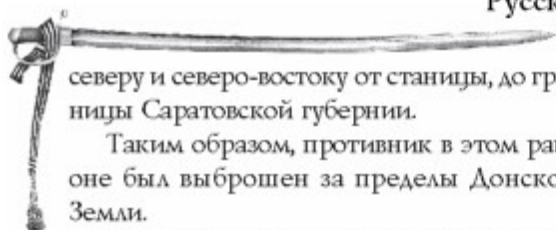
Через несколько дней, в середине июля, началось общее наступление ген. Фицхеларова. 4-й конный отряд, действуя на левом фланге группы, атаковал станцию Кумылга; 1-й пеший отряд войск ст. Старикова и 3-й ес. Сутулова наступали на Михайловку, а 1-й конный отряд повел наступление на станцию Арчеда. Красные были сбиты на всем фронте и начали быстрое отступление. По занятии Кумылги, для преследования мною был послан 13-й конный полк есаула Лашеннова. Полк в тот же день, сделав около 60 верст, нагнал противника у хут. Секачи и нанес ему сильный удар, захватив пленных и много оружия.

Продолжая наступление вверх по Медведице, Усть-Медведицкий конный отряд последовательно занимает станицы Раздорскую, Березовскую, Малодельскую и по пути следования производит мобилизацию и формирование новых частей. В этот период были сформированы 17, 18 и 19-й конные полки из казаков станиц, лежащих по реке Медведице.

Во второй половине июля наш отряд занял слободу Даниловку, где задержался несколько дней, так как дальнейшее наступление было замедленно ввиду упорного сопротивления красных, занимавших слободу Ореховку.

Во время нашего пребывания в Даниловке станица Островская сбросила советскую власть, выбрала атамана и объявила мобилизацию. Для поддержки станицы я отправил туда две конных сотни с задачей занять переправу против слободы Ореховки, находившейся еще в руках красных. Одновременно ударом от Даниловки и от Островской большевики были выбиты из Ореховки.

Красные отошли к северу, за границу Дона, в село Лопуховку. Конный отряд перешел в ст. Островскую и занял хутора к

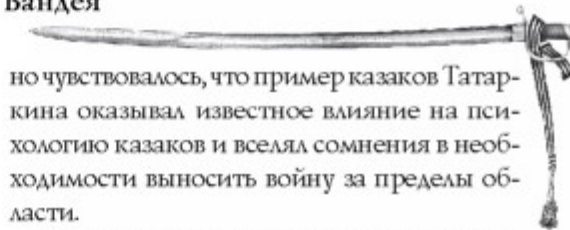
северу и северо-востоку от станицы, до границы Саратовской губернии.

Таким образом, противник в этом районе был выброшен за пределы Донской Земли.

Во время пребывания штаба отряда в Даниловке в полках отряда производились выборы депутатов на Войсковой Круг. Как-то просматривая газеты и литературу, присланные из Новочеркасска для рассылки в части отряда, я обратил внимание на воззвания и прокламации, подписанные ген. Сидориным и другими всем известными лицами, недвусмысленно направленные против Донского Атамана генерала Краснова и самым открытым образом старавшиеся подорвать тот громадный авторитет и доверие, которым пользовался среди казаков этот Великий Атаман.

Возмущенный такой демагогической и опасной агитацией, вдвойне преступной в такое тяжелое время, когда на фронте рекой лилась казачья кровь, я приказал уничтожить эту грязную макулатуру и послал в Штаб Войска рапорт с просьбой не рассылать по войскам такой опасной дряни. Эта антипатриотическая агитация получила на Дону название: «Кампании пароходного атамана».

В августе, когда части Донской Армии подошли к границе Саратовской губернии, приказано было продолжать наступление. Тяжелое впечатление произвело полученное одновременно известие, что полки 1-го конного отряда полк. Татаркина замитинговали и отказались переходить границы Дона. Усть-Медведицкие полки беспрекословно исполнили приказ и вторгнулись в пределы Саратовской губернии. Но ввиду того что на соседних участках части еще митинговали, наши казаки особенного рвения не проявляли, и хотя никаких инцидентов или неисполнения приказаний не было,

но чувствовалось, что пример казаков Татаркина оказывал известное влияние на психологию казаков и вселял сомнения в необходимости выносить войну за пределы области.

В конце августа и в сентябре части нашего района — Сев.-Зап. Фронта — вели частые бои с красными с переменным успехом. Наступали и отступали, но без решительных результатов. Главным противником в этот период был Миронов с частью своих казаков и главным образом с мобилизованными крестьянами донских слобод и с приданными к ним группами матросов.

Одно из наших наступлений было особенно удачно: мы вышли далеко за пределы области и вошли в Саратовскую губернию на фронте: Красный Яр, Рудня, Матышево. Красные были отброшены за реку Терсу. Железнодорожное полотно на участке Матышево — Красный Яр во многих местах было взорвано, что значительно затрудняло действия красных бронепоездов. Обстановка, казалось, нам благоприятствовала, но неожиданное появление неприятельских броневых автомобилей не только остановило наше наступление, но и навело большую панику на наши части, особенно на пехоту, и мы принуждены были отойти к границам области. Положение было, впрочем, к вечеру восстановлено, так как наши потери были только морального характера — и разрозненные во время боя части к вечеру быстро собрались, со свойственной казакам способностью быстро ориентироваться и находить свои части. Образовался новый фронт, по северной границе области.

В этот период следует еще отметить два набега 4-го конного отряда в тыл противника. Обстановка была такова: Миронов с красными занимал сл. Ореховку. Наши пешие части позицию к северо-западу и северу от Даниловки — против Миронова. 4-й

конный отряд — район хуторов Гончаров — Секачи — Булгурин.

Находившиеся левее Усть-Медведицко-го района хоперцы под натиском противника отходили.

Сосредоточившись в хут. Булгурине, Усть-Медведицкая конная дивизия сделала налет на тылы красных, наступавших на хоперцев. Неожиданным ударом села по реке Терсе: Матышево, Сосновка, Судачье были заняты нами. Усть-Медведицкие полки уничтожили много тыловых учреждений и штабов, разгромили несколько учебных и резервных частей, военных мастерских, захватили обозы, около десятка походных кухонь, два денежных ящика с большой суммой денег, пойман был комиссар, заведующий продовольствием района. Наша прогулка по тылам произвела большую панику у красных, чем воспользовались находившиеся в отступлении части Хоперского Округа и перешли в контрнаступление, захватив пленных, трофеи и вновь восстановив прежнее положение.

Не могу игнорировать один инцидент, характерный по тому времени. Конный отряд, сосредоточенный в хут. Булгурине, перед выступлением в набег ожидал донесений от высланных разъездов. Тем временем приказано было накормить лошадей, для чего купить овес у населения, выдав установленные Донским правительством квитанции.

Комендант штаба дивизии доложил начальнику штаба, что в доме, где фуражиры хотели купить овса для штаба, сидит член Войскового Круга, который не разрешает брать фураж. Начальник штаба спрашивает меня, как поступить.

— Кто член Круга?

— Какой-то урядник.

— Попросите члена Круга ко мне, — приказываю одному из адъютантов штаба.

Минут через десять возвращается адъютант и смущенно докладывает, что член Круга говорит: «Няхай начальник дивизии сам придёт!»

Взбешенный такой наглостью, приказываю: «Привести за уши!»

Два конвойца приводят одного из «хозяев» Дона.

— Ты что же, мерзавец, вместо того чтобы содействовать войскам всеми силами, как велит долг казака и члена Круга, когда войска находятся в борьбе и казаки льют кровь как воду, а ты восстанавливаешь население против армии, подстрекаешь к неповиновению, вставляешь нам палки в колеса? Помогашь большевикам! Ты не член Круга, а изменник и большевик!

— На телеграфный столб каналью! — приказываю.

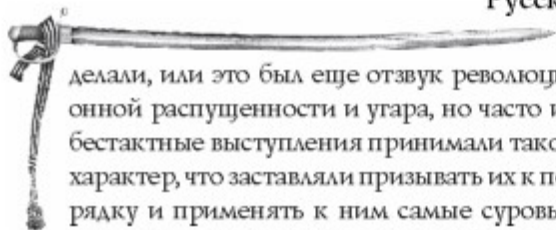
Два казака подхватили растерявшегося и поблдевшего депутата.

— Помилуйте, Ваше Высокоблагородие! — падая на колени, взмолился член Круга, — виноват, сказал не подумавши, сознаю свою вину, мы люди темные и т.п.

Помиловал... Член Круга бесконечно счастлив и ревностно нам помогает.

Может быть, я реагировал на наглость немного резко и строго, но во время войны, особенно Гражданской, малейшее попустительство и колебание власти ведет к потере авторитета и разложению.

Вообще, следует отметить, что некоторые члены Круга, развращенные поблажками и тыловой лаской, упоенные властью, убежденные в своей безнаказанности, признающие только свои права и преимущества, но не желающие знать обязанностей, вели себя самым непристойным образом, вступали в пререкания с войсковыми начальниками, отдавали административные распоряжения, вмешивались в жизнь воинских частей и т.п. По глупости ли они это

делали, или это был еще отзвук революционной распущенности и угара, но часто их бестактные выступления принимали такой характер, что заставляли призывать их к порядку и применять к ним самые суровые меры внушения и укрощения. Что в тылу сходило безнаказанно, то на фронте было недопустимо.

Отмечу еще один характерный, такого же порядка, случай:

В сентябре 1919 года мой отряд оборонял большой участок на среднем Дону, от Перекопской до Трехостровянской станиц. В нашем районе, на участке 30-го конного полка, постоянно вертелся член Круга Х, произведенный из нижних чинов в сотники. Такого порядка производства практиковались Кругом. Пользуясь званием члена Круга, он постоянно, болтаясь между частями отряда, вмешивался в распоряжения младших начальников, лазил по позициям, распоряжался, доносил по начальству одновременно со мною о всех наших успехах, хотя на глаза мне никогда не попадался; случалось, что и бил казаков и даже однажды, по своей инициативе, в районе станицы Н.-Григорьевской завел переговоры с красными, занимавшими позицию по левому берегу Дона, считая себя, очевидно, как «жена Цезаря, вне подозрений».

Молодой командир 30-го конного полка, есаул Долгов, не знал, как отделаться от этого неугомонного депутата и, возмущенный явно пораженческого характера переговорами с красными, донес мне рапортом и спрашивал, как поступить с «дипломатом»?

Моя резолюция на рапорте была кратка: «выпороть». Средство помогло. Член Круга исчез и, по-видимому, понял, что средство, предложенное мною в данном случае, было и своевременно и рационально, ибо через две недели, когда я был тяжело

ранен, то в числе многочисленных полученных мною телеграмм от начальников и сослуживцев была телеграмма и от члена Круга сотника Х ...

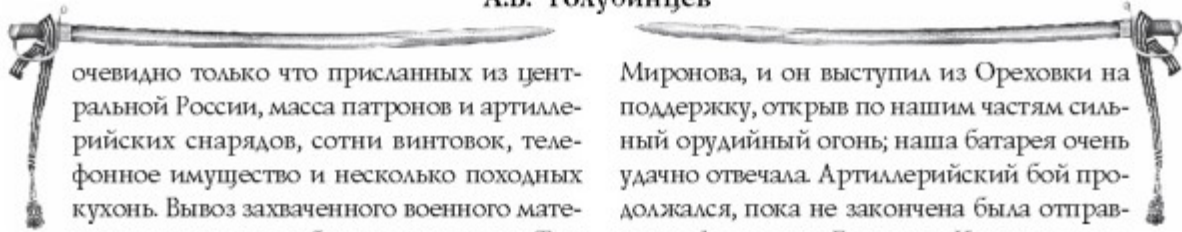
Были и еще подобные случаи, когда, вероятно, избыток энергии, жажда административной деятельности и желание так или иначе проявить себя толкали наших «законодателей» на необдуманные и неудачные проявления инициативы в районе фронта. Все эти выходы можно объяснить лишь следствием извращенного понятия о своей «неприкосновенности», безнаказанности и преувеличенного мнения о своей непогрешимости. Но как показал опыт, решительные меры быстро приводили в чувство опьяневших от власти «законодателей» и ставили их на свое место.

* * *

Через два дня после набега на Матышево я сделал второй налет на Лопуховку, в тыл группе красных Миронова, занимавшей слободу Ореховку.

Из хутора Булгурина У.-Медведицкая дивизия выступила напрямик, по степи, без дорог, на Лопуховку и в 14 часов, открыв артиллерийский огонь по селу, внезапно с двух сторон атаковала Лопуховку. После краткого сопротивления село было занято, защитники частью взяты в плен, частью разогнаны; телефонные провода с Ореховкой были предварительно нашими разрезами перехвачены, изолированы и включены в наши аппараты, что лишило гарнизон Лопуховки возможности сообщить своевременно Миронову о нападении.

Лопуховка была переполнена тыловыми командами, обозами с продовольствием, патронами и оружием. Здесь была захвачена большая добыча: 120 пулеметов в разобранном виде, в ящиках, совершенно новых,

очевидно только что присланных из центральной России, масса патронов и артиллерийских снарядов, сотни винтовок, телефонное имущество и несколько походных кухонь. Вывоз захваченного военного материала продолжался больше двух часов. Тем временем 14-й конный полк занял село, что в 10 верстах к северу от Лопуховки, где также было взято несколько двуколок и повозок с военным имуществом.

В Ореховке поднялась тревога. На запросы Миронова по телефону о причине артиллерийской стрельбы наши телефонисты отвечали, что производится учебная стрельба; но орудийная стрельба встревожила

Миронова, и он выступил из Ореховки на поддержку, открыв по нашим частям сильный орудийный огонь; наша батарея очень удачно отвечала. Артиллерийский бой продолжался, пока не закончена была отправка трофеев в хут. Булгурин. К вечеру дивизия без потерь возвратилась в Булгурин. К сожалению, наши пешие части, занимавшие позицию против Ореховки, не воспользовались, по примеру хоперцев, нашим набегом в тыл противника, и никакой активности не проявили.

Во второй половине сентября Усть-Медведицкая дивизия была переброшена на Камышенское направление.

10.

На Иловле

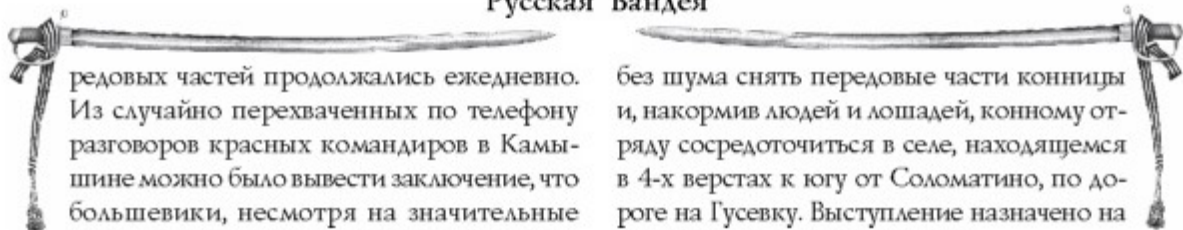
4-й Конный отряд полковника Голубинцева (Усть-Медв. конн. дивизия), переброшенный с Рудненского направления на Камышенское, продолжал теснить красных, отходивших к хутору Романову. В бою у станции Гуровской 25 сентября 1918 года был уничтожен Балашевский пехотный полк, взято 1500 пленных, 20 офицеров и 12 пулеметов.

В начале октября конной атакой 16-го конного полка под командой войскового старшины Дьяконова у хут. Романова был опрокинут и уничтожен красный пеший отряд товарища Подшивалова. Взято около 2-х тысяч пленных. Продолжая наступление и преследуя красных, дивизия заняла село Соломатино. Противник отошел на с. Таловку, откуда был выбит, и занял для обороны Камышин. Город был обнесен окопами; сильный численно гарнизон оказал большое сопротивление, и наша первая атака города не удалась.

Одной из причин неудачи следует считать факт, что в операции приняли участие лишь два полка дивизии, 14-й и 16-й, а 15-й конный полк был на несколько дней задержан полковником Стариковым, помогая ему в какой-то операции, а затем на мое требование направить полк на присоединение к дивизии, полк. Стариков отправил его к северу, объясняя свои действия тем, что он якобы полагал, что этим содействует моей операции. 13-й конный полк, выпрошенный генералом Татаркиным через штаб СВ Фронта, на несколько дней также запоздал присоединиться к дивизии.

Дивизия осадил г. Камышин. Передовые сотни занимали дер. Сестренку, а разъезды проникали на южную окраину города, к реальному училищу.

Вскоре в помощь мне для взятия Камышина была придана 1-я пешая казачья бригада. Осада города затянулась, большевики проявляли небывалое упорство. Стычки пе-

редовых частей продолжались ежедневно. Из случайно перехваченных по телефону разговоров красных командиров в Камышине можно было вывести заключение, что большевики, несмотря на значительные силы, занимавшие город, были в большой тревоге и усиленно укрепляли свои позиции по окраинам города.

В начале ноября, сбив передовые части противника, постепенно приближаясь к городу, наши полки заняли исходные пункты для общего наступления. Атака была назначена на рассвете 9 ноября. Боевой приказ был разослан частям 8 ноября в 12 часов дня; но обстановка внезапно изменилась — в 14 часов 8 ноября из Штаба Сев.-Вост. Фронта, генерала Яковлева, было получено по телефону приказание: «Передайте пехоту и дальнейшее ведение операции по овладению Камышином генералу Оссовскому (прибывшему накануне с большим штабом, но без войск), полковнику Голубинцеву с конницей немедленно, форсированным маршем выступить из Соломатино в район станции Лог, для действий на тылах красных, теснящих группу генерала Татаркина».

Группа ген. Татаркина занимала район ст. Лог и прикрывала Штаб Сев.-Вост. Фронта.

На мой доклад по телефону об обстановке, о том, что на завтра назначена атака Камышина, что сейчас части нельзя снять с исходных пунктов без того, чтобы красные не узнали об уходе конницы, Начальник Штаба С.В. Фронта, полковник Коновалов, мне сообщил, что Командующий Фронтом ген. Яковлев, несмотря на мои и его доклады об обстановке у Камышина, находит необходимым немедленно снять конные части с позиции и спешно выступить в район Лога.

Дабы скрыть от противника уход конницы, я приказал с наступлением темноты

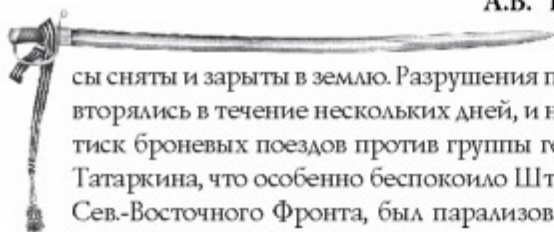
без шума снять передовые части конницы и, накормив людей и лошадей, конному отряду сосредоточиться в селе, находящемся в 4-х верстах к югу от Соломатино, по дороге на Гусевку. Выступление назначено на рассвете 9 ноября, в 5 час утра.

Передав с сожалением операцию против Камышина генералу Оссовскому (через час после моего ухода генерал Оссовский оттянул части на 15 верст назад, оставив Соломатино), я 9 ноября, в 5 час. утра, по скрытой от противника дороге выступил и около полудня занял село Грязное, где людям, не спавшим всю ночь, был дан короткий отдых для приготовления пищи. В тот же день вечером отряд подошел к деревне Семеновке, занятой красным «Отрядом Саратовского Совета». После перестрелки и нескольких снарядов 16-й конный полк в пешем строю повел наступление, а 14-й конный полк глубоким обходом атаковал красных с фланга. Противник был сбит, оставил много убитых и под покровом ночи отошел к селу Малая Ивановка.

Таким образом, был прорван фронт отрядов Саратовского Совета, прикрывавших с севера участок по реке Бердия, от Большой Ивановки до Усть-Погожей и хутора Молоканова.

На другой день, 10 ноября, после перестрелки и обхода с флангов, были последовательно заняты села Малая Ивановка и Лозное. Из села Лозное были высланы офицерские разъезды с подрывным материалом для порчи и взрыва железной дороги в тылу у красных, в районе хутора Попова и южнее, на участке между реками Иловля и Тишанка, с целью воспрепятствовать поездам противника действовать против группы генерала Татаркина.

Разъезды, пробравшись скрытно, выполнили задачу успешно: железная дорога во многих местах взорвана и разрушена, рель-

сы сняты и зарыты в землю. Разрушения повторялись в течение нескольких дней, и натиск броневых поездов против группы ген. Татаркина, что особенно беспокоило Штаб Сев.-Восточного Фронта, был парализован действиями отдельных разъездов.

11 ноября Усть-Медведицкие полки заняли Большую Ивановку, защищавшие ее Советская конная бригада и красная Украинская пешая бригада отошли на хутора по р. Иловле.

12 ноября, преследуя противника по реке Иловле, дивизия с боем заняла хутора Алимов, Писарев и село Серафимовку. В тот же день были высланы разъезды для розыска и связи с 1-м Конным отрядом, входившим в группу ген. Татаркина и, по некоторым данным, находившимся где-то в районе Ширяевых хуторов.

Красные под нашим натиском отошли к хуторам Попову и Авилову, где, укрепившись, оказывали упорное сопротивление. Во время боя у хут. Попова от наших разъездов я получил донесение, что 1-й Конный отряд полковника Кравцова находится за рекой Иловлей и ведет наступление с запада в направлении на хут. Авиллов.

К вечеру, около 4 часов, хутор Попов был нами занят. Разместить в нем на ночлег по квартирам весь отряд не представлялось возможным, а квартиро-биваком, ввиду сильного мороза и утомления людей, ставить дивизию было нецелесообразно; поэтому я оставил один полк в хут. Попове, а с остальными решил отойти на ночлег в Большую Ивановку.

Высланные вперед квартиреры при подходе к Большой Ивановке были встречены ружейным и пулеметным огнем противника, занявшего село со стороны Малой Ивановки во время нашего отсутствия. Подходившие части дивизии завязали ночной бой. Красные, боясь окружения, стали от-

ходить по дороге на Мал. Ивановку. Несколько удачных артиллерийских снарядов по отступавшей колонне заставили большевиков бежать в панике, бросая по дороге обозы.

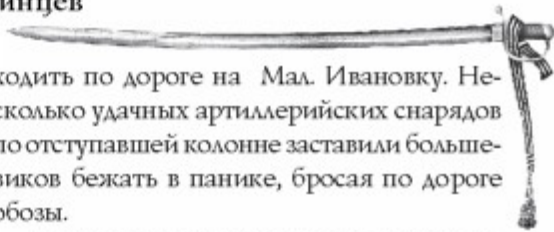
Крайнее утомление и позднее время заставили ограничить преследование артиллерийским огнем и выделением отдельных разъездов.

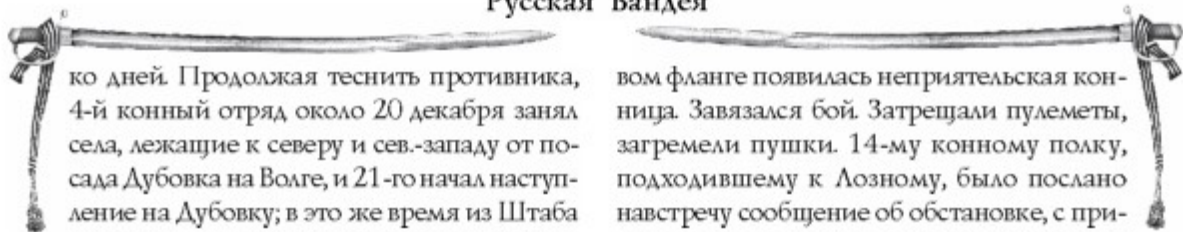
Утром 13 ноября дивизия повела наступление на Мал. Ивановку. После краткой артиллерийской подготовки наши части конной атакой заняли Мал. Ивановку, уничтожив 6-й Запасный кавалерийский полк и отряд товарища Рожкова. Взято 300 пленных, почти все — астраханские калмыки, обозы и много оружия.

Вторую половину ноября дивизия вела почти ежедневно удачные, но утомительные бои в районе больших сел Давыдовка, Лозное и по реке Иловле, куда постоянно прибывали из района Царицына свежие красные отряды. Имея противника со всех сторон, дивизия часто теряла связь со штабом фронта, ибо телефонные линии рвались или уничтожались большевиками; после нашего ухода из какого-либо села оно часто вновь занималось красными отрядами, высылаемыми из Царицына или Камышина.

С 1-го по 8-е декабря, в очень тяжелых условиях, бескормице, густом тумане, морозе свыше 20 градусов, Усть-Медведицкие полки очищали от красных районы хуторов Ширяевских и Авилова.

8—10 декабря следует отметить бой у села Солодча, совместно с 1-м конным отрядом. При первом наступлении на Солодчу 1-й конный отряд не принял участия ввиду сильного мороза, и только на другой день совместными действиями Солодча была взята. Оставив Солодчу, противник занял Б. Ивановку, Лозное и Давыдовку, откуда пришлось выбивать красных еще несколь-

ко дней. Продолжая теснить противника, 4-й конный отряд около 20 декабря занял села, лежащие к северу и сев.-западу от посада Дубовка на Волге, и 21-го начал наступление на Дубовку; в это же время из Штаба Фронта была получена телефонограмма: немедленно прекратить операцию против Дубовки и форсированным маршем идти на Лозное и уничтожить появившуюся ударную группу противника.

О силе, направлении движения и составе этой группы в приказании не упоминалось.

Дивизия, выслав разьезды вперед, взяла направление на Лозное. 14-му конному полку, находившемуся на ночлеге в д. Олени и ведущему разведку на Дубовку, послано сообщение о новой задаче с приказанием отозвать разьезды и идти на присоединение к дивизии, в Лозное.

Вскоре разведка донесла, что красные, в составе 2—3 пеших бригад с артиллерией и бригадой конницы, занимают хутор Садки.

Около 4-х часов отряд подошел к Садкам и завязал перестрелку. Поднявшаяся вьюга и наступившая темнота прекратили бой, и дивизия на ночлег отошла в Лозное. От командира 14-го полка получено донесение, что полк остановился на ночлег в деревне... в нескольких верстах от села Лозное.

Село Лозное расположено в ложнине, имеющей форму плоской чашки, по дну которой с востока на запад протекает речка Тишанка. По берегам речки, к северу и югу от села, тянется ряд доминирующих холмов.

Утром 22 декабря от разьездов получены донесения, что красная пехота выступила из хутора Садки и двигается по дороге на Лозное. Дежурный 15-й конный полк занял позицию по высотам к югу от села. Около 11 часов обозначилось наступление красных цепей на Лозное и на нашем ле-

вом фланге появилась неприятельская конница. Завязался бой. Затрещали пулеметы, загремели пушки. 14-му конному полку, подходившему к Лозному, было послано навстречу сообщение об обстановке, с приказанием обеспечить наш левый фланг от красной конницы.

Около 13 часов положение было следующим: 15-й конный полк ведет перестрелку с медленно, но настойчиво наступающей красной пехотой; 16-й конный полк в спешном порядке занял удобную позицию по северным высотам окраины Лозного, у выхода из села; 14-й конный полк, находящийся в 2—3 верстах на левом фланге, ведет перестрелку с красной конницей. Красные теснят 15-й конный полк, которому приказано медленно, перекатами отходить на левый фланг позиции 16-го полка.

15-й полк под командой войскового старшины Воинова Якова в образцовом порядке, как на маневрах, с боем отходит, под прикрытием нашей артиллерии и пулеметов, к позиции 16-го полка.

В это время получено донесение, что к Лозному подходит 1-й конный отряд полковника Кравцова. Красные втягиваются в село, наводнили его и делают неоднократные попытки, под прикрытием своей артиллерии и пулеметов, атаковать нашу позицию, но безуспешно. Наши части, заранее пристрелявшись, не выпускают противника из села, не давая ему возможности подняться по отлогим скатам. Несколько атак отбито, наши части несут потери, но держатся упорно. Красные, заняв село, попали как бы в ловушку, сами не подозревая того. Слева подошел 14-й конный полк и ведет интенсивную перестрелку с красной конницей. К штабу отряда, находящемуся под огнем противника, на позиции 16-го полка, подсакивает начальник штаба 1-го конного отряда, войсковой стар-

шина Корнеев, с докладом, что 1-й конный отряд находится в 2-х верстах и ждет распоряжений. Ознакомив войск. старшину Корнеева с обстановкой, направляю часть 1-го конного отряда в обход с. Лозного с правого фланга для удара в тыл противнику.

Обстановка складывается благоприятно для нас. Время назрело для перехода в наступление. Приказываю: 15-му полку с двумя сотнями 16-го полка в пешем строю перейти в контратаку с фронта. 14-й конный полк атакует красную кавалерию. 13-й конный двинулся наметом в обход Лозного, по ложине, и атаковал красных в конном строю. Спешенные сотни с криком «ура!» ворвались в село одновременно со стремительной конной атакой. Большевики не выдерживают, смешались и бегут в панике, преследуемые нашей конницей. Все, что втянулось в село, было частью перебито, частью захвачено в плен. Почти вся ударная группа была уничтожена; ускользнула лишь конница. Из захваченных на позиции батарей наши артиллеристы, повернув неприятельские орудия, открыли из них огонь по бегущему противнику. Высланная для преследования конница врубилась в бегущие колонны, сея ужас и панику. В этом славном деле взято около 3500 пленных, 7 орудий, 28 пулеметов, масса винтовок, лазарет, кухни и обозы.

На другой день, 23 декабря утром, нами были заняты хутора Садки, Прудки, где были уничтожены успевшие улизнуть остатки ударной группы и забраны все обозы и двуколки.

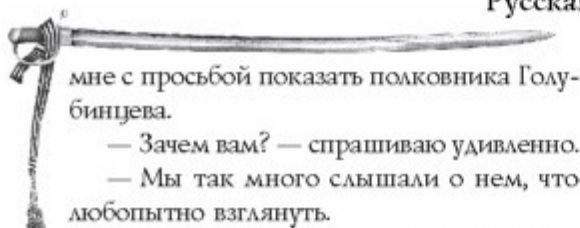
Боевой день закончен. Противник разгромлен и уничтожен. Пленные и трофеи отправлены в тыл. Для преследования высланы разъезды. Реляция написана, приказанья отданы.

После нескольких тяжелых боевых дней люди нуждаются в отдыхе. Большое село разбито на районы по полкам. В селе оживление. По улицам патрули. Настроение у всех бодрое и приподнятое. Варится пища и готовится фураж. Можно расседлать лошадей, кроме дежурной части. После красных в некоторых домах села осталось несколько ящиков ракет; люди забавляются, освещая небосклон разноцветными огнями.

Комендант штаба дивизии докладывает, что собранные по дворам остатки пленных красноармейцев, около 200 человек, помещены в училище.

Знакомясь с расположением частей и принятыми мерами предосторожности и охранения, я, обходя районы, заглянул с офицерами штаба в помещение для пленных. Среди до отказа набитых солдатами классных комнат несколько молодых женщин — сестер милосердия санитарного отряда красной группы. Вид испуганный и усталый, смотрят со страхом. Зная по опыту, какой опасный элемент представляют на войне женщины, особенно молодые, да еще и пленные, среди частей, давно не видавших женщин, приказываю коменданту подыскать для них отдельное помещение, поставить караул и никого не допускать.

Старушка-учительница местной школы охотно согласилась приютить на ночь у себя в квартире пленных сестер. После опроса некоторых пленных солдат зашел в квартиру учительницы. Четыре красивые женщины успели умыться и привести себя в порядок; прежний страх исчез, смотрят с любопытством и некоторым еще опасением. Предлагаем папиросы; охотно и с наслаждением курят. Одна из них, высокая и красивая блондинка, после нескольких фраз, ободренная нашим отношением, с некоторым смущением обращается вполголоса ко

мне с просьбой показать полковника Голубинцева.

— Зачем вам? — спрашиваю удивленно.

— Мы так много слышали о нем, что любопытно взглянуть.

— Он перед вами, — отвечаю со смехом.

Женщина смущена, смотрит с удивлением и видимым недоверием. Лицо заливают густой румянец.

— Что, разочарованы? — рассмеялся я.

— Совсем нет.. но мы представляли себе полковника Голубинцева очень суровым, пожилым и с большой бородой.. нас так пугали им, а вы.. — сестра запнулась, — молодой и совсем не страшный, — лукаво улыбаясь, продолжала сестра, оправившись после первого смущения.

Через несколько минут пленницы, убедившись, что белые офицеры совсем не страшны для женщин, уже совершенно откровенно, улыбаясь, с деланной скромностью «праведниц, готовых и согрешить», говорили мне:

— Теперь, г. полковник, мы ваши пленницы, и вы можете делать с нами, что хотите!

— К сожалению, не могу, — улыбнулся я. — Мой пример был бы соблазном для подчиненных и против моих принципов. Мы наши желания подчиняем воле и установленному воинскому порядку. Я могу лишь приказать вас накормить, пожелать вам спокойной ночи, а завтра утром отправлю вас в тыл, вместе с остатками пленных.

— Так скоро! — вырвалось у одной из сестер.. И она, смутившись, добавила: — Мы так давно не видали настоящих царских офицеров..

Прощаясь, сестра, задерживая мою руку, с нескрываемым сожалением говорила:

— Прощайте, г. полковник, так скоро и неужели навсегда!

Мой начальник штаба, любуясь рассипанными по плечам золотыми локонами

другой сестры, с неохотой и сожалением оставляя помещение, неуверенно, обращаясь ко мне, со слабой надеждой в голосе говорит:

— Может быть, будем здесь вместе ужинать?

— Нет, И. И., лучше отдельно, — рассмеялся я, — ибо после ужина еще труднее будет расставаться.. *Noblesse oblige!*

Наши отряды, 4-й и 1-й, за это блестящее дело получили благодарственную телеграмму Донского Атамана генерала Краснова.

24, 25 и 26 декабря У.-Медведицкая дивизия совместно с отрядом полк. Кравцова очистила от незначительных частей противника хутора Широков, Араканцев, станцию Котлубань и разъезд Конный.

26 декабря, в районе станции Котлубань и разъезда Конный, красные, усиленные бронепоездами, пытались упорно сопротивляться, но объединенными действиями наших двух конных отрядов были сбиты и отошли на станцию Гумрак. Покончив с красной ударной группой, наш отряд переходит 26 декабря в район села Прямая Балка, откуда 27-го ведет наступление на станицу Пичужинскую на Волге, где сосредоточилась масса советской конницы. За несколько дней перед этим было получено из штаба С.-Вост. Фронта предупреждение быть особенно осторожным, так как активная группа красной конницы Думенко из Царицынского района перебросена к северу от железной дороги на Царицын.

У станицы Пичуженской и произошла моя первая встреча с конницей Думенко. Бой ограничился перестрелкой и маневрированием без особенных результатов. В перестрелке был убит есаул Хрипунов.

На 29 декабря было условлено с полковником Кравцовым совместное наступление на посад Дубовку. В назначенный час я начал операцию, с боем занял деревню Тишанку, но вследствие сильного тумана связь с полком Кравцовым не была установлена, и с наступлением темноты я отошел на ночлег в хут. Садки. На другой день выяснилось, что полк Кравцов, ввиду густого тумана, не считал возможным вести операцию, но меня о своем решении не уведомил.

30 декабря, после вчерашнего наступления, У.-Медведицкая дивизия отдыхала в хут. Садки. Около 15 часов наши разъезды донесли мне, что 1-й конный отряд быстро отходит на Садки, преследуемый красной конницей. По тревоге дивизия выступила на поддержку и, заняв позицию, огнем артиллерии остановила красных и приняла на себя отходившие в беспорядке части 1-го конного отряда.

Преследующие части красных были отброшены и быстро скрылись.

По докладу прибывшего начальника штаба 1-го конного отряда, войскового старшины Корнеева, полковник Кравцов решил самостоятельно атаковать Дубовку, рассчитывая не встретить особенного сопротивления. При подходе к Дубовке, в районе Тишанской балки, отряд был встречен контратакой красной конницы в подавляющем количестве и, понеся большие потери ранеными и убитыми, в числе последних был и начальник отряда полковник Кравцов, принужден был спешно отойти.

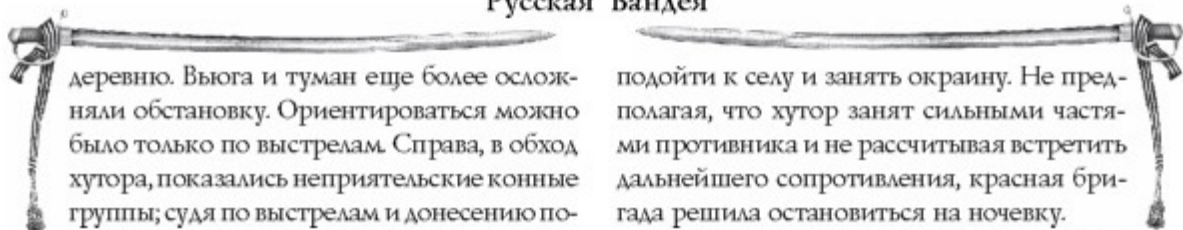
По рассказу фельдшера одного из полков отряда, Апришкина, бывшего в момент боя около полковника Кравцова, красные, пользуясь туманом, зашли по балке в тыл и окружили полковника, руководившего боем. Не желая сдаваться живым в плен, полковник Кравцов застрелился.

Объединив командование всей конной группой, я на ночлег и отдых отправил полки 1-го конного отряда в село Лозное.

31 декабря из штаба фронта прислан мне был на усиление 4-й пеший полк в 200—300 штыков, в очень плачевном состоянии, как в смысле боевой подготовки, так и дисциплины, и гаубичная батарея из двух орудий.

День прошел спокойно, и, ввиду утомления частей и сильного мороза, боевых действий не предпринималось. Красные также нас не беспокоили, отойдя в район Дубовки.

С наступлением темноты конницу в сторожевом охранении сменил 4-й пеший полк, заняв заставами окраину деревни. К вечеру мороз усилился и поднялась вьюга. Половину лошадей разрешено было расседлать, оставив в каждом полку дежурную часть в полной готовности. Людям разрешено было по очереди мыться в банях. Около 10 час. вечера, когда в штабе отряда готовились к встрече Нового Года, неожиданно со стороны южной окраины села поднялась сильная ружейная, а затем и пулеметная стрельба. Дом, занятый штабом отряда, стал простреливаться ружейными пулями. В хуторе поднялась суматоха. От 4-го пешего полка получено донесение, что красные внезапно напали на сторожевое охранение и заняли окраину села. По телефону и через ординарцев полкам приказано по тревоге собираться на сборный пункт, на северную окраину хутора. Быстро выбрались полки из хутора и построились в резервных колоннах на северной окраине. Через 3—4 минуты после тревоги конная батарея есаула Овчинникова, заняв позицию, открыла огонь по подступам и по южной окраине хутора. Красные между тем, вырезав заснувшее и пьяное, по случаю Нового Года, сторожевое охранение 4-го пешего полка, ворвались в

деревню. Выюга и туман еще более осложняли обстановку. Ориентироваться можно было только по выстрелам. Справа, в обход хутора, показались неприятельские конные группы; судя по выстрелам и донесению посланного с разъездом от конвойной сотни штаба сотника Маркова, силу этих групп можно определить в 2—3 отдельно действующих эскадронов.

Для противодействия обходу на правый фланг на выстрелы были выдвинуты две сотни. Две другие сотни в пешем строю и одна в конном перешли в контратаку хутора. Конная сотня, наступавшая по долине, по замерзшей речке, пересекавшей хутор, столкнулась с красным эскадроном; в схватке около 50 красных кавалеристов и командир эскадрона были зарублены. Ружейная и пулеметная стрельба, прерываемая орудийным огнем, охватила со всех сторон хутор. Завязался ожесточенный ночной бой. Удачными попаданиями артиллерии красная колонна, сосредоточенная на южной окраине хутора, была расстроена и бросилась в сторону, к востоку от хутора. Воспользовавшись поднявшейся у противника суматохой, сестра 4-го полка Грекова не потерялась и увела захваченный было красными лазарет и пленных.

Постепенно, по мере выяснения обстановки, наши части, выдвинутые на поддержку атакующим, втянулись в бой, обходя хутор слева и справа. К 3 часам утра противник был окончательно выбит из села и скрылся в темноте, оставив убитых и пленных. Части вновь заняли квартиры. Из опроса пленных выяснилось, что красная Доно-Кубанская конная бригада, застигнутая в пути выюгой, сбилась с пути и, блуждая в поисках ночлега, случайно наткнулась на расположенные в х. Садки наши части. Беспечное сторожевое охранение было захвачено врасплох, частью вырезано, благодаря чему красным удалось почти без шума

подойти к селу и занять окраину. Не предполагая, что хутор занят сильными частями противника и не рассчитывая встретить дальнейшего сопротивления, красная бригада решила остановиться на ночевку.

В первых числах января 1919 года наш конный отряд, усиленный 5-м пешим казачьим полком в 500 штыков, сосредоточился в районе сел Мал. Ивановка — Лозное для обороны этого сектора. Погода была ясная. Стояли сильные морозы.

5 января красная конница, перейдя в наступление, вытеснила из Мал. Ивановки 14-й конный полк и с диким воем атаковала 5-й пеший полк, занимавший позицию к западу от Мал. Ивановки. Подпустив красных на 300—400 шагов, пеший полк с удивительной выдержкой и хладнокровием встретил атаку несколькими отчетливыми залпами. Атакующая в массе конница отхлынула в беспорядке, оставляя убитых и раненых, преследуемая частым ружейным огнем.

В тот же день, между 12 и 16 часами, красная конница шесть раз, бешено, в конном строю, переходила в атаку на с. Лозное, но постоянно с потерями откатывалась назад под убийственным ружейным и пулеметным огнем спешенных частей нашей конницы, занимавших по северной возвышенности села Лозного заранее подготовленную и пристрелянную позицию. Особенно блестяще действовала конная батарея есаула Овчинникова, метким ураганным огнем вносящая смерть и ужас в ряды атакующих.

С командного пункта можно было наблюдать освещенные заходящим солнцем красочные атаки советской конницы, несшейся волнами на Лозное и сметаемой огнем артиллерии. Укрепившиеся на позиции, по окраинам села, спешенные сотни постоянно заставляли красных, подсакивающих почти вплотную, также быстро

смешаться и поворачивать назад, неся потери. Несмотря на проявленное упорство и настойчивость, противник не добился успеха; прорвать наше расположение ему не удалось, и к вечеру красная конница отошла в село Давыдовку.

6 января я перешел в наступление на Давыдовку. При подходе к Давыдовке мы были встречены сильным артиллерийским огнем; один из снарядов попал в группу штаба отряда, двигавшуюся в голове колонны, и убил двух лошадей и проводника, жителя села Лозное, в тот момент, когда последний, по миновании надобности, был отпущен домой, но задержался, докуривая папироску.

Развернувшись, наши части начали наступление, стараясь охватить село с фланга и отрезать путь отступления на Дубовку. После краткой перестрелки противник, прикрываясь артиллерией, отошел на посад Дубовку. Из опроса захваченных в Давыдовке пленных и рассказа священника, в доме которого находился штаб красной конницы, мы узнали, что село занимала конная дивизия Думенко, командовал ею временно, ввиду ранения в руку в бою 30 декабря нека дивизии, его помощник, Семен Буденный. Маленькая деталь: священник обратил внимание, что товарищ Буденный, получая донесения, долго и усердно их рассматривал, затем, передавая их начальнику штаба или адъютанту, говорил: «Ничего не разберешь, так непонятно, сукины сыны, пишут!»

Продолжая теснить красных, мы заняли село Прямую Балку. Буденный отошел на Песковатку и Дубовку.

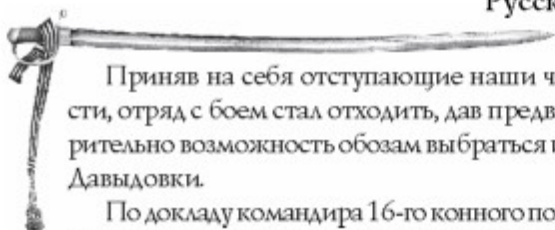
С занятием Прямой Балки боевой день закончен. Разместить на ночлег весь отряд в Прямой Балке не представлялось возможным, и часть отряда я отвел на ночлег в Давыдовку, куда к вечеру были подтянуты обозы, а в Прямой Балке оставил 16-й конный

полк и 5-й пеший; последний было бы правильней оттянуть назад, но так как пешие части были особенно утомлены, я, уступая просьбе командира полка и не желая заставлять полк сделать еще один переход, нарушив общее правило, разрешил остаться полку в Прямой Балке.

Дальнейшее наступление продолжать было рискованно, ибо мы значительно выдвинулись вперед и наш правый фланг был совершенно открыт и как бы висел в воздухе, а противник был многочислен и активен.

7 января отряд не предпринимал никаких действий, ограничиваясь разведкой. Я предполагал из осторожности оттянуть части из Прямой Балки в Давыдовку и в этом смысле сделал доклад генералу Яковлеву. В ответ 8 января утром от генерала Татаркина была получена телефонограмма: «не беспокойтесь за ваш правый фланг, я его обеспечил в с. Тишанка пешим полком с батареей».

Впоследствии оказалось, что пеший полк самовольно оставил Тишанку еще накануне. Получив телефонограмму генерала Татаркина, я отдал приказ о наступлении. Когда дивизия строилась у восточного выхода из Давыдовки, из Прямой Балки по телефону было получено донесение от командира 16-го конного полка, что красная конница с броневыми автомобилями, внезапно, массой обрушилась на Прямую Балку; вскоре прискакал казак со вторым донесением: 5-й пеший и 16-й конный полки спешно отходят по балке, тянущейся вдоль нашего пути наступления, преследуемые красной конницей и бронемашинами. По получении таких сведений части отряда быстро заняли позицию, забаррикадировали и перекопали где успели дороги и, встретив противника пулеметным и орудийным огнем, задержали его стремительный натиск.

Приняв на себя отступающие наши части, отряд с боем стал отходить, дав предварительно возможность обозам выбраться из Давыдовки.

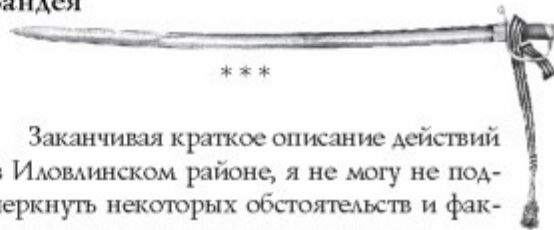
По докладу командира 16-го конного полка, полковника Дьяконова, части, занимавшие Прямую Балку, получив приказ о наступлении на Дубовку, начали строиться и выходить из села, ожидая подхода главных сил отряда. Вперед была выслана разведка, а правый фланг, надеясь на части, находившиеся, согласно сообщению ген. Татаркина, в Тишанке, охраняясь лишь заставами. В это время совершенно неожиданно со стороны Тишанки на наш правый фланг обрушился конный отряд Буденного с двумя бронемашинами. Внезапное появление броневиков с пулеметами произвело панику в 16-м конном полку. Полк бросился в соседнюю балку, тянущуюся слева, параллельно нашему движению. 5-й пеший полк мужественно принял атаку, встретив красных ружейным и пулеметным огнем.

Подавляющее число противника, внезапность и главным образом благодаря невиданным еще машинам, казавшимся неуязвимыми, заставило полк, потерявший половину людей, также отходить по балке, группами, к Давыдовке.

Появление у противника машин произвело сильное впечатление на все наши части. Нервность повысилась, как следствие неподготовленности к борьбе с броневиками и кажущейся беспомощности остановить их стремительность. Призрак бронемашин еще несколько дней витал над частями, и иногда появление на горизонте кухни вызывало тревожные крики: «Броневик!»

Следующие дни 9—12 января отряд, отходя к Большой Ивановке, вел бои с переменным успехом с красной конницей.

В это время на Сев.-Вост. Фронте было неблагоприятно, особенно на севере, где части, почти без боя, отходили к югу.

Заканчивая краткое описание действий в Иловлинском районе, я не могу не подчеркнуть некоторых обстоятельств и фактов и не сделать некоторых выводов:

Конный отряд, в непрерывных боях и передвижениях в течение последних 4—5 месяцев без отдыха, значительно понизил свою боеспособность. Особенно губительно на людях и главным образом на лошадях отзывались последние два месяца пребывания в Саратовской губернии, где за отсутствием фуража зачастую кормили лошадей соломой с крыш и даже камышом. Боевой состав в некоторых полках дошел до 150—200 сабель. Несмотря на мои неоднократные доклады генералу Яковлеву и просьбы о разрешении отводить по очереди полки на отдых и пополнение в ближайший тыл, я получал всегда отказ, хотя была полная к тому возможность. Обозы были переполнены больными и ранеными людьми. Почти непрерывные передвижения с ежедневными боями совершенно вымотали нашу конницу, прибывшую из Соломатина в полном порядке, с боевым составом около 1000 сабель в каждом полку. Вся Иловлинская операция, длившаяся с 9 ноября 1918 года по 12 января 1919 года, если не считать уничтожения ударной группы противника у села Лозное 22 декабря и 6-го кавалерийского запасного полка у д. М. Ивановка в ноябре, не имела особого значения, не стоила тех усилий, жертв и потерь в людях и лошадях от бескормицы и тифа, и свелась лишь к бесконечным передвижениям с боями, не имевшим никакого стратегического значения.

Задача, поставленная 4-му конному отряду — облегчить положение группы ген. Татаркина, — совсем не требовала снятия

с Камышинского направления целой конной дивизии, а могла с успехом быть выполнена находившимися в распоряжении генерала Татаркина частями 1-го конного отряда, ибо появившиеся значительные силы красной конницы были переброшены к северу от жел. дороги, из Царицынского района, только в конце декабря, и в противовес активным действиям появившейся нашей конницы. Впечатление у меня сложилось, что мой отряд был вызван в район Иловли только для спокойствия Штаба Фронта, без настоятельной необходимости или каких-либо стратегических соображений и даже в ущерб общему делу.

Результат ухода конницы из Соломатина был тот, что операция против Камыши-

на была прекращена, и генерал Осовский, через час после ухода конницы, оттянул части на 15 верст назад, снял осаду, и этот важный пункт был взят Кавказской Армией только через 8 месяцев.

Если бы не категорическое приказание генерала Яковлева 8 ноября — идти на выручку группы ген. Татаркина, которой, как я уже упомянул, в этот период (8 ноября — 20 декабря) не угрожало никакой опасности, настолько серьезной, чтобы перебрасывать целую дивизию, для порчи дороги, что с успехом могли выполнить одни разъезды, — я, без сомнения, 9—10 ноября занял бы Камышин и сообщение Царицына по Волге с центральной Россией было бы прервано на 8 месяцев раньше.

11.

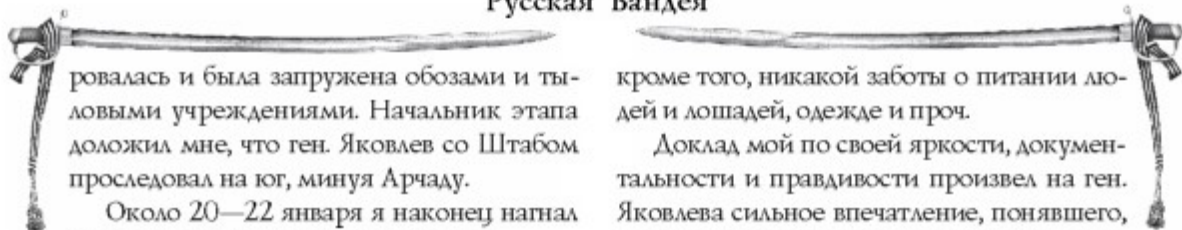
Штаб северо-восточного фронта

13 января 1919 года, находясь с отрядом в с. Малая Ивановка, я получил от генерала Яковлева предписание прибыть в Штаб С.-Восточного Фронта, в слободу Михайловку, для доклада.

В это время на Сев.-Восточном Фронте всюду было скверно, фронт разваливался и откатывался к югу почти без сопротивления, и местами даже без соприкосновения с противником. Управление войсками было утеряно. По пути следования в Штаб я встречал вооруженные группы казаков разных частей, соединявшихся по собственной инициативе в отряды для партизанских действий и обороны станиц и хуторов. Отрядами командовали офицеры, но общего руководства не было, никто обстановки не знал. Я, убедившись, что управления не было, по собственной инициативе приказывал этим отрядам разыскать противника и, не теряя с ним свя-

зи, медленно отходить к станицам и хуторам, лежащим на Дону, где им закрепляться, связываться с соседними отрядами, вести разведку и ждать дальнейших распоряжений. Этим отрядам я наметил пути следования на станицы Кременскую (есаул Руф, Попов), Клецкую, Перекопскую, Распопинскую (хорунжий Сердинов), рассчитывая создать здесь линию обороны. Отряды были разной силы, от 100 до 600 человек. В станице Кременской было даже две пушки.

По пути следования в Михайловку я встретил офицера, накануне выехавшего из Михайловки, который сообщил мне, что в Михайловке расклеены афиши, приказы и объявления, что на фронте все благополучно, но штаб генерала Яковлева спешно ушел в Арчаду и эвакуировал все военные учреждения. Я направился в Арчаду; Штаба Фронта и здесь не было. Арчада спешно эвакуи-

ровалась и была запружена обозами и тыловыми учреждениями. Начальник этапа доложил мне, что ген. Яковлев со Штабом проследовал на юг, минуя Арчаду.

Около 20—22 января я наконец напал Штаб в одном из хуторов за Доном.

После разговоров с ген. Яковлевым по поводу последних операций в районе Прямой Балки я передал ему письменный доклад о бое 7 января, о деятельности 4-го конного отряда и о состоянии его в последний период, с приложением копий как моих доносений и докладов, так и копий распоряжений Штаба Фронта и сообщений генерала Татаркина. Из представленных документов, особенно копий распоряжений Штаба Фронта, часто противоречивых и даже абсурдных, не соответствовавших обстановке и элементарным требованиям ведения боевых операций и использования конницы, можно легко было вывести заключение о руководстве Штаба Фронта. Я указал также на состояние людей и лошадей, бескормицу, тиф, отсутствие теплой одежды и особенно сапог — результатом этих причин и было понижение боевого состава частей до 150—200 сабель в полку. За все время пребывания в районе Саратовской губернии 4-м конным отрядом от Штаба С.-В. Фронта не было получено ни одного сведения, ни одной информации как об общей обстановке на всем фронте, так, в частности, и о положении на Сев.-Вост. Фронте. Никаких сведений о противнике, о задачах С.-В. Фронта, и вообще,

кроме того, никакой заботы о питании людей и лошадей, одежде и проч.

Доклад мой по своей яркости, документальности и правдивости произвел на ген. Яковлева сильное впечатление, понявшего, по-видимому, как много им сделано ошибок и проявлено легкомыслия.

Затем я информировал его о всем виденном и сделанном мною перед фронтом, во время моего следования в розысках Штаба Фронта, об отданных мною распоряжениях и указаниях и предложил ему поручить мне объединить действия партизанских отрядов, войти в соприкосновение с противником и, организовав оборону по Дону, задержать на несколько дней противника, что даст возможность нашим частям прийти в порядок.

23 января я получил предписание и вместе с одним из офицеров моего штаба, шт.-ротмистром Небогатиковым, объехал станицы Кременскую, Перекопскую, Клецкую и другие, где к этому времени казаки уже организовались. За это время я выпустил три приказа-воззвания с описанием обстановки и директивами отрядам. Красные пока особенной активности не проявляли, и деятельность партизанских отрядов состояла главным образом в разведке и поддержании связи между собою, чем достигалась общность действий. Около 10 дней отряды выполняли свою задачу, отбивая небольшие группы противника.

1 февраля я счел задачу выполненной, партизанские отряды отправлены по своим частям, и я выехал в Новочеркасск.

12.

Новые формирования

В начале февраля 1919 года я прибыл в Новочеркасск, где с огорчением узнал, что Донской Атаман генерал Краснов ос-

тавил свой пост, а вместо него избран Кругом генерал Богаевский, что Командующим Донской Армией назначен вместо

генерала Денисова мало популярный генерал Сидорин.

В это время новый Командарм производил переформирования Донской Армии. 4-й конный отряд переформирован в 15-ю конную дивизию в составе трех У.-Медведицких полков: 13, 15 и 17-го. Во временное командование вступил войсковой старшина Сутулов.

При создавшейся обстановке в Новочеркасске мне делать было нечего, и через две недели я выехал на фронт, в распоряжение генерала Мамонтова, в станицу Великокняжескую.

1 марта, после свидания в поезде с ген. Мамонтовым и нач. штаба ген. Алексеевым, я отправился в станицу Семикаракарскую, в 7-й корпус, входящий в группу генерала Мамонтова, с предписанием от ген. Мамонтова командиру 7-го корпуса ген. Попову И. Д., следующего содержания: «Дать полковнику Голубинцеву назначение, соответствующее его боевым заслугам». 5 марта вечером я прибыл в штаб корпуса и представился комкору. Штаб собирался уходить в хут. Веселый. Утром 6-го я получил следующее предписание:

«Полковнику Голубинцеву
1919 г. 6 марта 9 час. 30 мин.
№ 0122/ж ст. Семикаракарская

Комкор 8 приказал в дополнение приказа по корпусу № 79/ж приступить Вам к формированию 5-й конной дивизии. Ваш помощник полковник Егоров. На формирование дивизии должны быть обращены 13, 15 и 17-й конные полки. В остальном Вам руководствоваться приказом № 79, копия которого будет Вам прислана дополнительно.

Надлежит также Вам принять три конных сотни войскового старшины Приморова.

Наштакор 8 полковник Жилинский».

Одновременно мною была получена копия телеграммы следующего содержания:

«Через Новочеркасск. Ст. Семикаракарская. Комкору 8. Разъезд Анти Комкору 6 Донского из Штармии 1-й № 237 б/с 16 час. только Комкору 8 на № 273.

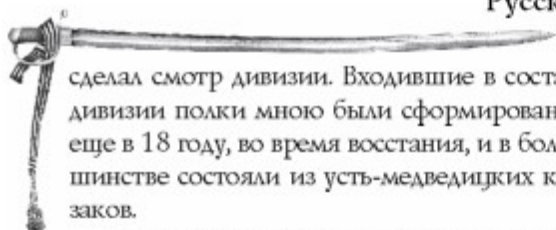
Командарм предназначил на должности Начдива конной формируемой из 12-й и 14-й дивизии генерала Секретова и помощником войск. старш. Рубашкина. Из 13-й конной див. и 50-го конного полка, дивизиона Севостьянова, сотни Лобанова, конной сотни ударного батальона — генерала Попова и помощником полковника Попова.

2-й конной дивизии — полковника Калинина и помощником полковника Егорова. Из конных частей Сев.-Восточного Фронта желательнее было бы сформировать две конных дивизии с назначением начдивом одной из них генерала Татаркина и помощником полковника Сутулова и начдивом другой полковника Голубинцева и помощником полковника Егорова.

Начдивом казачьей пешей полковника Якушева и помощником полковника Тарасова. Штадив 13 пеш. — штадивом пешей казачьей и наштадивом — капитана Раздарова. Штадивы конных по выбору соответствующих начдивов. Наштадив у генерала Татаркина полковник Дронов. Назначение капитана Полковникова наштадивом Командарм не согласен.

4/III 17 час 20 мин. № 01313 Великокняжеская
Алексеев
С подлинным верно
Сотник Леонов».

Получив предписание, я немедленно приступил к формированию дивизии. К 9 марта 5-я конная дивизия была сформирована в составе 4-х конных полков. В хут. Золотове я

сделал смотр дивизии. Входившие в состав дивизии полки мною были сформированы еще в 18 году, во время восстания, и в большинстве состояли из усть-медведицких казаков.

Узнав о моем назначении, казаки группами и в одиночку со всех сторон стали стекаться в полки дивизии, и численный состав полков достиг до 1000 сабель в каждом.

11 марта я был вызван комкором генералом Поповым в хут. Веселый. Здесь генерал сообщил мне, что генерал Татаркин не мог сформировать дивизии из своих бывших полков, как предполагалось, согласно телеграмме командарма I, № 277, а потому он решил сформированную мною дивизию передать ген. Татаркину, как старшему, а мне предлагает принять дивизию от полковника Калинина, которого он якобы не знает. Я, конечно, отказался от последнего предложения, заявив, что если генерал Татаркин не сформировал дивизии, то совсем не потому, что нет достаточного числа казаков, а просто потому, что у него не было достаточно воли и желания, ибо гораздо легче заявить о своем праве старшинства, чем начать формирование.

В это время я чувствовал себя совершенно больным, у меня начинался брюшной тиф, температура 39 градусов, а потому у меня не было ни охоты, ни желания отстаивать свое право на сформированную уже дивизию, состоящую почти целиком из моих казаков.

Генерал Попов И.Д. предложил мне приступить вторично к формированию новой дивизии из тех казаков, которые были предназначены на формирование дивизии генерала Татаркина и из находящихся в обозах, переполненных больными и выздоравливающими. На это предложение я не ответил ни да, ни нет.

После разговора с ген. Поповым я отправился в штаб корпуса к начальнику штаба полковнику Жилинскому. Увидев меня,

полковник Жилинский встретил меня радостным возгласом:

— Очень рад вас видеть! В последние дни, узнав о вашем назначении, меня беспрерывно осаждают как отдельные казаки, так и целые группы вопросами — где полковник Голубинцев! Скажите, что их так притягивает к вам?

— Да это весьма понятно, ибо это мои казаки, не казаки X-й дивизии или отряда, но казаки Голубинцева, с которыми я поднял восстание и с большинством из них служил в 3-м полку до войны, во время войны и после войны.

Когда я передал полковнику содержание моего разговора с комкором, он развел руками и сказал:

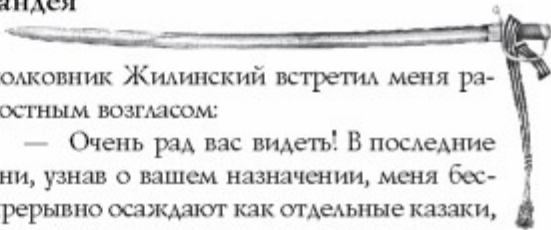
— Ничего не понимаю! У нас в корпусе все делается навыворот, нет ни одного положительного решения... Впрочем, через два дня генерал Попов будет отрешен от командования корпусом. Этот вопрос уже решен.

И действительно, дня через два, к моему глубокому удовлетворению, генерал Попов был отставлен от командования корпусом.

11 марта вечером я получил новое предписание за № 01009 — вновь приступить к формированию 5-й конной дивизии. Сформированная же мною 5-я дивизия была передана генералу Татаркину и получила новое наименование: «4-й конной дивизии генерала Татаркина».

Перед тем как передать ген. Татаркину дивизию, я послал приказание начальнику штаба — забрать штаб, трубачей, конвойную сотню и лазарет и отойти в тыл на формирование новой 5-й дивизии.

12 марта я окончательно слег, врачи определили у меня брюшной тиф. В глубокий тыл я не эвакуировался, а остался у себя в дивизионном лазарете, проделав на походных носилках утомительные переходы во время нашего отступления почти до границ Кубани.

Восстание по Медведице

Едва оправившись после брюшного тифа, в середине апреля 1919 года я выехал из с. Н.-Батайское, где находился лазарет формируемой мною дивизии, на фронт.

После зимнего отступления и неудач обстановка менялась в благоприятную для нас сторону и намечался переход в наступление.

Для ориентирования в обстановке я хотел повидаться сначала с генералом Мамонтовым, моим сослуживцем по 3-му Донскому Казачьему Ермака Тимофеева полку.

После поисков я нашел генерала в его поезде у станции Аксайской. В это время он был почти не у дел, имея лишь штаб и небольшое число пеших людей. Мамонтов посоветовал мне ехать к генералу Покровскому, который перешел в наступление и скоро, надо полагать, вступит в пределы Донской Области, где я могу из восставших казаков быстро сформировать полки и дивизии...

Через несколько дней я прибыл в штаб 1-го Кубанского Корпуса, находившегося на одной из станций Царицынской жел.-дорожной ветки.

После моего доклада о моих планах и намерениях генерал Покровский обещал мне оказать полное содействие для выполнения моей задачи, как только мы вступим в пределы Дона.

Прибывшая со мной конвойная сотня временно была прикомандирована к Татарскому полку Конно-Горской дивизии.

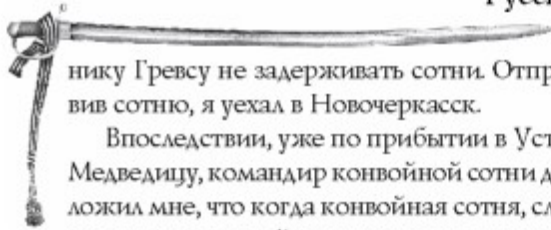
4 мая, когда штаб Кубанского Корпуса находился в Ново-Маньчской, от генерала Сидорина была получена телеграмма, вызывающая меня в Новочеркасск. Простившись с ген. Покровским, я дал распоряжение и маршрут штабу, конвойной сотне и

обозу с лазаретом отойти в район Донской Армии, а сам с адъютантом решил ехать по железной дороге в Новочеркасск, чтобы побывать предварительно в Войсковом Штабе. Но в это время с отправкой конвойной сотни произошло небольшое затруднение, задержавшее меня дня на два. Начальник Конно-Горской дивизии полковник Гревс, наговорив мне массу похвал и комплиментов по адресу конвойной сотни, стал просить меня разрешить еще на некоторое время задержать сотню в дивизии, так как сотня якобы необходима, ибо, как он выразился, «держит всю дивизию». Я, конечно, ни в коем случае не мог согласиться на это. Сотня состояла из людей мне преданных, испытанных, по большей части моих сослуживцев по 3-му полку Царской Армии, с которыми я начал Усть-Хоперское восстание в апреле 1918 года.

Наконец после долгих разговоров полковник Гревс сказал, что не может отпустить сотню, несмотря на распоряжение ген. Покровского, не получив приказа от генерала Шатилова.

Все мои доводы, что конвойная сотня находится в моем непосредственном подчинении и лишь состоит на довольствии при Конно-Горской дивизии, что ее никто не может удерживать и что стоит мне лишь отдать приказание, и казаки в первую же ночь присоединятся ко мне, но я не хотел бы прибегать к такой мере, так как считаю, что это может подействовать развращающим образом на другие части, — не могли убедить полк Гревса, и мне пришлось ехать к генералу Шатилову.

В штабе я не застал Шатилова, но его начальник штаба отдал приказание полков-

нику Гревсу не задерживать сотни. Отправив сотню, я уехал в Новочеркасск.

Впоследствии, уже по прибытии в Усть-Медведицу, командир конвойной сотни доложил мне, что когда конвойная сотня, следуя по данному ей маршруту, уже вошла в пределы Донской Области, ее догнали четыре горца с приказанием якобы от генерала Врангеля вернуться обратно в Конно-Горскую дивизию. Командир сотни ответил, что он теперь находится в пределах Донской Армии и только от Донского Командования может получать приказания, а, кроме того, у него имеется приказ от своего начальника дивизии следовать по данному им маршруту.

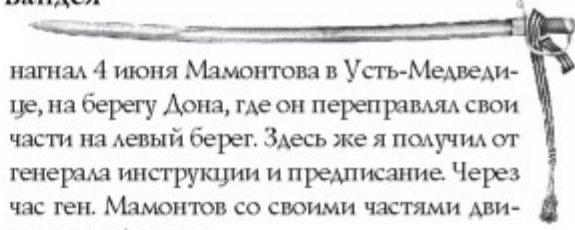
В Новочеркасске я явился к ген. Сидорину и нач. штаба Донской Армии генералу Кельчевскому. Почти одни и те же разговоры и те же вопросы: что вы делаете у этого... Покровского, поезжайте к Мамонтову, он уже начал наступление и там для вас будет более успешная работа.

Получив от генерала Кельчевского предписание отправиться в распоряжение генерала Мамонтова и приступить к формированию дивизии, я выехал из Новочеркасска сначала на лошадях, а затем, по пути, пересел на нагнавший нас по Дону пароход «Петр I», следовавший в Нижне-Чирскую станицу. Лошадей я погрузил с собой на пароход.

Не доходя около 100 верст до станицы Нижне-Чирской, пароход вследствие мелководья засел в песке, пришлось продолжать путь опять на лошадях. По прибытии в Нижне-Чирскую я там Мамонтова не захватил, он уже продвинулся вперед со своими частями.

В Нижне-Чирской оставались лишь его некоторые тыловые учреждения.

Продолжая свой путь через станицы Потемкинскую, Клецкую, Распопинскую, я

нагнал 4 июня Мамонтова в Усть-Медведице, на берегу Дона, где он переправлял свои части на левый берег. Здесь же я получил от генерала инструкции и предписание. Через час ген. Мамонтов со своими частями двинулся на Арчаду.

Организовав быстро походный штаб, я объявил мобилизацию. Казаки стали стекаться со всех сторон. Приказ о мобилизации был разослан в станицы Ново-Александровскую, Глазуновскую, Арчадинскую, Етеревскую, Березовскую и другие. Через три дня я выехал на лошадях вверх по Медведице, за мной уже вереницей тянулись казаки из станиц и хуторов, лежащих по Медведице. В пути я получил следующее предписание ген. Мамонтова:

«7/VII Арчада.
Усть-Медведица
Полковнику Голубинцеву

Безотлагательно выезжайте. Ваше присутствие необходимо. Спешите день и ночь. Район по Медведице весь восстал, необходимо дело наладить.

Генерал Мамонтов».

Заслышав о моем приближении, казаки восставали, убивали или зарывали живыми в землю комиссаров и прогоняли за границу Дона переселенцев из центральной России, водворенных советской властью.

Продвигался я вперед, нигде не задерживаясь; за мною вооруженные кто как мог, выезжали из домов казаки и по пути присоединялись к своим станичным отрядам. Станицы мною были разбиты по полкам, формирование происходило на ходу. Назначенные мною командиры полков разбива-

ли станичные и хуторские отряды по сотням, назначали командиров сотен и продолжали формирование с движением вперед.

Такое быстрое формирование и мобилизацию можно производить только среди казаков, природных воинов, привыкших к порядку и дисциплине, пропитанных древними традициями и преданиями родного войска.

12 июня я вступил в станицу Островскую во главе конной дивизии, из 4 конных полков по 1000—1200 сабель в каждом. Все население станицы нас торжественно встретило с иконами. При входе в станицу воздвигнута была триумфальная арка; отслужен благодарственный молебен об освобождении от советской власти, сказаны подходящие к обстановке речи.

Кроме конных полков дивизии, мною было сформировано еще два пеших полка, но ввиду недостатка оружия я их оставил в тылу и вскоре передал их в пеший отряд полковника Сутулова.

14 июня я получил от генерала Мамонтова следующее предписание:

«Полковнику Голубинцеву
9 июня 6 час. № 1032 ст. Арчада

Предписываю Вам организовать восставших по Медведице казаков и, сформировав из них полки и бригады, вступить в командование означенными частями. В формируемые Вами части не подлежат зачислению те казаки, кои идут на укомплектование 4-й дивизии. Задача Ваша — развить в полной мере восстание и партизанские действия в районе Липки — Камышин — Кумылга. Установите связь с восставшими крестьянами Камышинского уезда и также примите меры к их организации.

Генерал Мамонтов».

Так как ко времени получения настоящего предписания я уже выдвинулся далеко вперед из района действий, указанных в предписании, я решил начать партизанские действия в северо-восточном направлении Рудня — Камышин с целью добыть возможно скорее необходимое оружие и пушки.

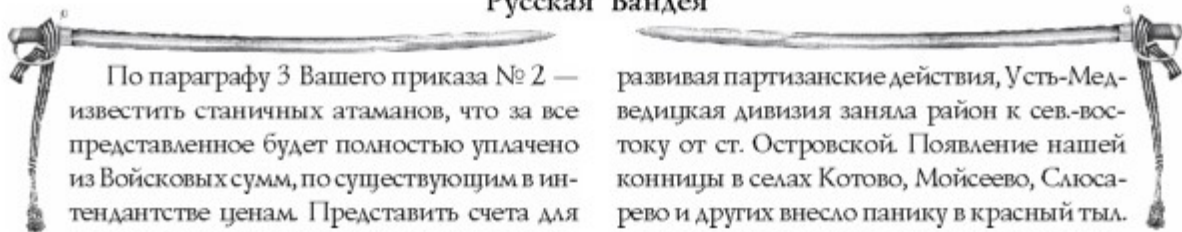
Первое столкновение с организованным противником произошло 15 или 17 июня у одного из хуторов, верстах в 10-ти к северо-востоку от станицы Островской. Без выстрела, с шашками и пиками, в конном строю, 2-й Усть-Медведицкий конный полк под командой войскового старшины Гайдукова атаковал советский пехотный отряд, опрокинул, рассеял, частью изрубил и взял в плен 500 человек, 400 винтовок и два пулемета. Первый успех поднял дух и окрылил молодые Усть-Медведицкие полки.

Еще несколько смелых налетов — и дивизия почти вся вооружилась винтовками и пулеметами. Добыты были обозы, походные кухни, телефонное и телеграфное имущество, двуколки. Не было только пушек, но личный состав батареи был сформирован из артиллеристов.

В ответ на мои донесения и доклады генералу Мамонтову об обстановке и моих действиях и распоряжениях я получил следующее:

«Начальнику Усть-Медведицкой дивизии.
хут. Нижне-Писаревский. № 0729/ж.
20/VI 14 час 15 мин.

Комкор на № 84 резолюцией приказал первым днем формирования считать 9 июня с. г. (т.е. начало формирования). Оружие Вам затребовано. Держите на особом учете артиллеристов для формирования батареи; пушки, если сами не отобьете, будут присланы.

По параграфу 3 Вашего приказа № 2 — известить станичных атаманов, что за все представленное будет полностью уплачено из Войсковых сумм, по существующим в интендантстве ценам. Представить счета для оплаты. Получить у интенданта аванс на довольствие.

По параграфу 2, приказа № 3. Всех дармоедов, прибывших на Дон из России, собрать в партии и принудить возвратиться в свои места, на родину. Особенно непокорных и протестующих расстреливать, склонных устраивать митинги и проповедовать о пользе советской власти нещадно пороть, не взирая на пол и возраст. Выселение должно последовать в спешном порядке; привезенное переселенцами ценное имущество отобрать в пользу тех обществ, на прокормлении коих находились переселенцы. Впредь до получения Вами вооружения комкор приказал заняться партизанскими действиями на фронте Ременников — Красный Яр — Рудня — Елань, имея целью порчу железных дорог, телеграфа и нарушение связи движения и захват обозов.

Ген. Мамонтов из Н. Писарева сегодня переходит в х. Тетерин, в районе коего наша конница имеет задачу движения на Камышин — Красный Яр. Вероятно, задача будет изменена, ввиду занятия Кавказской Армией Царицына. Возможно, она двинется на Камышин.

Полковник Жилинский».

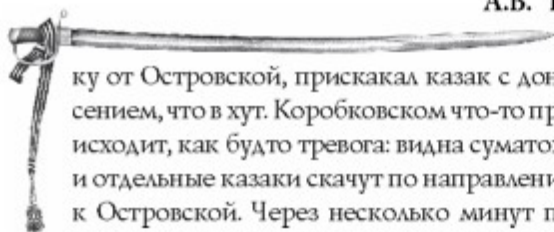
Конечно, мер, рекомендуемых вышеприведенным приказом, по отношению импортированного на Дон советской властью на прокормление «надежного элемента», применять не приходилось, ибо при первых только признаках наступления белых армий весь красный коммунистический «наплыв» исчезал, не дожидаясь приглашения. В исполнение данных директив,

развивая партизанские действия, Усть-Медведицкая дивизия заняла район к сев.-востоку от ст. Островской. Появление нашей конницы в селах Котово, Мойсеево, Слюсареве и других внесло панику в красный тыл. Частями дивизии было захвачено много тыловых учреждений, телеграфных и телефонных станций, резервных и учебных частей, обозов. Разъезды наши доходили до участка железной дороги Рудня — Камышин, разбирая и взрывая жел-дорожное полотно.

Беспокоясь за свои тылы, красное командование снимает с фронта конный корпус Буденного, стоявший против конной группы генерала Мамонтова, которой в это время командовал временно генерал Толкушкин, и ставит Буденному задачу: уничтожить дивизию полковника Голубинцева (что видно из захваченного приказа Буденного по корпусу).

Усть-Медведицкая дивизия в это время располагалась следующим образом: Штаб дивизии с конвойной сотней в станице Островской, 1-й конный полк в районе хут. Бузулук, 4-й конный полк в хут. Пшеничкин, 2-й конный полк в хут. Н. Коробковский и 3-й конный полк в слободе Ореховка. Полки связаны со штабом дивизии телефоном. Накануне, до позднего вечера, дивизия вела бой с красной конницей к востоку от хут. Коробкова. Противник был отгеснен за линию Котово — Мойсеево, и, по всем данным, не предполагалось никаких неожиданных действий со стороны красных. Полки отдыхали, ограничиваясь охранением.

Около 10 час. утра красная конница внезапно атаковала хут. Н. Коробковский; 2-й конный полк войскового старшины Гайдуква, не успев даже по телефону сообщить о нападении противника, спешно и сначала даже в беспорядке стал отходить на Островскую. Из сторожевого поста, выставленного от штаба дивизии на кургане к восто-

ку от Островской, прискакал казак с донесением, что в хут. Коробковском что-то происходит, как будто тревога: видна суматоха, и отдельные казаки скачут по направлению к Островской. Через несколько минут получено донесение от командира полка, что полк под давлением красной конницы отходит на Островскую. Конвойная сотня с двумя пулеметами выслана на восточную окраину станицы и быстро заняла заранее намеченную позицию. По телефону полкам сообщено об обстановке и приказано: 4-му конному, есаула Долгова — от хутора Пшеничкина атаковать во фланг и тыл наступающего на Островскую противника. 1-му полку полковника Болдырева — ускоренным аллюром двигаться вдоль реки Медведицы на Островскую и, действуя по обстановке, атаковать противника. 3-му полку есаула Семисотова — слобода Ореховка, — занять позицию по р. Медведице и в случае нашего отступления обеспечить наш отход и переправу через Медведицу. Красная артиллерия обстреливает станицу. Обоз и тыловые учреждения были переправлены в Ореховку, за р. Медведицу, частью через глубокий брод, частью на лодках. Река Медведица в это время вброд почти не проходимы, но у Ореховки при спокойной обстановке, по заранее расставленным вехам, можно было перебраться. 2-й полк приближается к станице, огонь красных становится интенсивней, снаряды рвутся на площади у церкви. Затрещали пулеметы конвойной сотни, 2-й полк также пришел в относительный порядок и присоединился к конвойной сотне.

Когда красная конница, тесня 2-й полк, была на пути между Островской и хутором Коробковым, от хут. Пшеничкина спускался в линии колонн 4-й конный полк под командой доблестного есаула Долгова. Красные, не ожидавшие противника с этой стороны, приняли сначала полк Долгова за свои

части и продолжали движение в походной колонне. Очутившись внезапно перед красными, есаул Долгов решает пробить себе дорогу:

— Полк! шашки, пики к бою! За мной, широким наметом, марш!

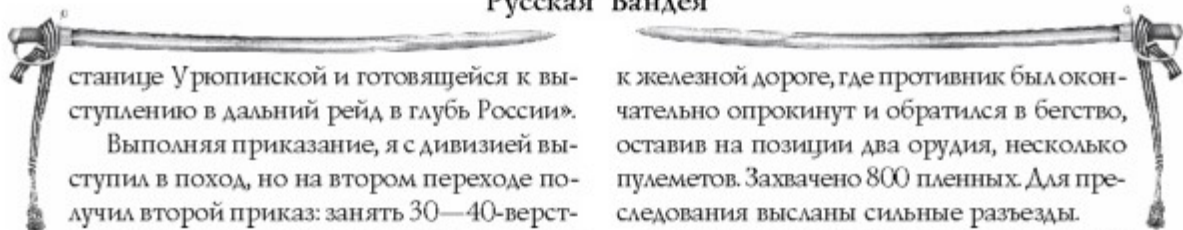
Во главе с командиром полка казаки врезаются в удивленную колонну противника и пиками и шашками прокладывают себе путь...

Много красных было зарублено и заколото. Полк не только очистил себе путь, но и успел захватить два пулемета противника. Наши потери около 30 раненых, все холодным оружием, и 8 человек убитых. Спустившись к югу и обороняясь от красных, полк занял позицию в 5 верстах ниже по Медведице и, не теряя соприкосновения с противником, к 4 часам после полудня связался со штабом дивизии.

Тем временем штаб дивизии, с конвойной сотней и 2-м конным полком, под огнем противника, прикрываемый пулеметами 3-го конного полка, вброд и вплавь, в порядке, почти без потерь, переправился в слободу Ореховку. 1-й полк, полковника Болдырева, опоздал, участия в бою не принял и переправился через Медведицу в 5 верстах выше Ореховки.

Буденный, подойдя к Медведице, пробовал форсировать переправу, но встреченный ружейным и пулеметным огнем, отошел в Островскую и через день, после нескольких неудачных попыток переправиться в районе Ореховки, оставил станицу, и наши части вновь заняли ее.

Во второй половине июля было получено мною приказание: «Усть-Медведицкой конной дивизии присоединиться к группе генерала Мамонтова, сосредоточенной в

станции Урюпинской и готовящейся к выступлению в дальний рейд в глубь России».

Выполняя приказание, я с дивизией выступил в поход, но на втором переходе получил второй приказ: занять 30—40-верстный прорыв, образовавшийся между Кавармией, наступающей к востоку от р. Медведицы, и Донармией. Служить связью между двумя армиями и, действуя по обстановке, наступать в направлении на село Рудня.

Тесня противника, У.-Медведицкая дивизия постепенно с боями заняла села Лопуховку, Громки, Красный Яр и другие, подошла к реке Терса и начала наступление на село Рудня, лежащее по ту сторону реки. Красные оказывали сильное сопротивление. От огня артиллерии дивизия несла потери. Из Штаба 1-го Донского Корпуса мне накануне боя был прислан взвод стариков, с задачей собирать оружие на полях после боев; не желая этих стариков подвергать излишней опасности, я поместил их укрыто за курганом, но на их несчастье, один случайный снаряд попал в самую середину взвода и почти всех перебил или переранил.

Бой развивается. Мы продвигаемся в пешем строю. Красные, не жалея снарядов, засыпают нас артиллерийским огнем. Атака назревает. Сердце бьется сильнее. Энергия растет. Спешенные части заняли по гребню исходное положение для атаки. Конный резерв готов для преследования. Посланный мною в обход 3-й конный полк есаула Семисотова, переправившись через Терсу в 4 верстах восточнее Рудни, начал наступление во фланг и тыл защитникам Рудни. В это же время наши спешенные части с криком «ура!» бросаются в атаку. Теснимые с фронта и угрожаемые обходом, красные начали отступление, сначала медленно, сопротивляясь, с остановками. Большевики выбиты из села, мы продолжаем теснить их

к железной дороге, где противник был окончательно опрокинут и обратился в бегство, оставив на позиции два орудия, несколько пулеметов. Захвачено 800 пленных. Для преследования высланы сильные разъезды.

После занятия Рудни были очищены от красных и заняты села Матышево, Сосновка, Судаچه, станции Ильмень и другие, лежащие к востоку и западу от Рудни. Через несколько дней красные вновь перешли в наступление на Рудню. Встреченные нашей контратакой, большевики отошли, понеся потери, и заняли позицию по гребню, к северу от села Подкуйково, в нескольких верстах северней Рудни, где и пытались, подкрепленные конной бригадой, оказать сопротивление. Здесь произошла эффектная конная атака: два полка дивизии на намете развернулись из линии колонн и под ружейным и артиллерийским огнем противника стремительно атаковали красных и врубились в цепи пехоты; находившаяся на левом фланге противника красная конная бригада атаки не приняла и, бросив пехоту, ускочила на север...

В этом бою был уничтожен советский «железный полк», если не ошибаюсь, 39-й стрелковой советской дивизии. Взято 500 пленных, несколько пулеметов, 4 орудия и несколько походных кухонь. В тот же день, продолжая преследование, наши полки заняли еще несколько сел по всему фронту к северу от Подкуйкова.

Дальнейшее наступление дивизия приостановила, так как наша задача была главным образом заполнить промежуток между Донской и Кавказской армиями, мы же выдвинулись значительно вперед наших соседей, приостановивших наступление 22 июля; находившаяся юго-западнее нас 3-я пластунская бригада отошла за реку Бузулук.

С 25 июля красные, усиленные подкреплениями с севера, стали проявлять большую

активность. Вскоре начался общий отход наших армий, правда, очень медленный, но все же отход, с боями и с переменным успехом.

Около 1 августа наша дивизия занимала участок по реке Терсе в районе сел Терсинка, Разловка, Сосновка. Отступление на нашем и соседних участках было не столько под давлением противника, сколько по стратегическим соображениям. Таким образом, отступая и наступая, обороняясь и переходя в контратаки, неся потери и часто захватывая трофеи и пленных, Усть-Медведицкая конная дивизия, прикрывая отход Донской Армии, постепенно отходила к Дону. В этот период отхода следует отметить удачные бои нашей дивизии у с. Лопуховки, у слободы Ореховки и особенно блестящее дело 8 августа у станицы Остро-

вской, где Усть-Медведицкая дивизия, совместно с Атаманской Конной бригадой генерала Каключина, переброшенной с Кавказской Армии на правый берег Медведицы, нанесли сильный удар красным, чем значительно облегчили тяжелое положение группы генерала Покровского, отходившей правее нас.

В начале августа в районе села Громки был убит состоявший в 13-м конном полку Усть-Медведицкой дивизии хорунжий Кузьма Крючков, популярный во всей России народный герой 1-й Мировой войны, — казак 3-го Донского Казачьего Ермака Тимофеева полка Императорской Армии.

14.

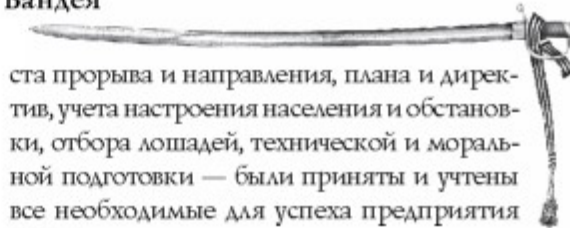
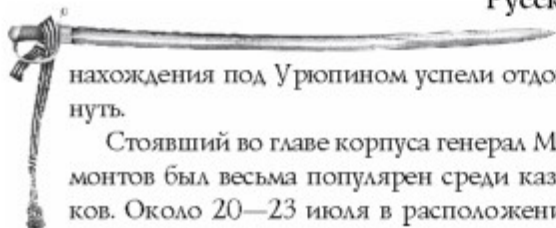
Рейд генерала Мамонтова

В этот период белой борьбы золотыми буквами в историю конницы вписан блестящий рейд Донской конницы генерала Мамонтова.

В начале июля 1919 года Конная группа генерала Мамонтова была снята с восточного фронта Донской Армии и сосредоточена в районе станицы Урюпинской, с целью набега в тыл красным, в глубь России.

Общее положение на фронте к этому времени рисовалось следующим образом: во время летнего наступления белыми была захвачена большая территория южной России, до линии Киев — Орел — Царицын, что давало огромные средства и возможности. Дальнейшими объектами белого движения являлись Тула и Москва, со взятием которых было бы дезорганизовано боевое снабжение большевиков и военное руководство

красными армиями, и, таким образом, для советской армии создавалась крайне опасная политическая обстановка, ибо захват юга России лишал красных плодородного черноземного пространства и каменноугольного Донецкого бассейна. Война с Польшей еще более усугубляла критическое положение красной власти. Население юга России в подавляющем большинстве, особенно крестьяне, было против советской власти. Все эти соображения были учтены и приняты как данные, благоприятствующие для производства рейда. Подготовка набега была произведена образцово, корпус выделялся якобы для отдыха и таким образом не вызывал особого беспокойства красных. Отбор людей и лошадей был тщательно произведен, все слабое и истощенное оставалось, люди и лошади за две недели

нахождения под Урюпином успели отдохнуть.

Стоявший во главе корпуса генерал Мамонтов был весьма популярен среди казаков. Около 20—23 июля в расположение корпуса прибыл Командующий Донской Армией генерал Сидорин и прочитал указ Верховного Правителя адмирала Колчака о назначении генерала Деникина Главнокомандующим всеми вооруженными силами Юга России, а генерал Мамонтов поздравил казаков с походом на Москву.

Выбор места для прорыва красного фронта и направления был сделан весьма удачно — в стыке 8-й и 9-й советских армий.

Непосредственной целью набега было: удар по красным тылам, разрушение железных дорог и узловых станций и поднятие восстания среди местного населения.

Направление движения было намечено от Новохоперска на Тамбов, являвшийся одним из важнейших пунктов тыла Южного фронта красных. Это направление приходилось в стыке 8-й и 9-й красных армий.

При составлении плана набега предполагалось придать Мамонтову еще 2-й Донской корпус генерала Коновалова и Конную дивизию полковника Голубинцева, сформированную из восставших казаков, силою в 4000 сабель. Для приведения в исполнение этого плана необходимо было сократить фронт Донской Армии, выдвинув Кавказскую Армию генерала Врангеля к северу, что дало бы возможность снять с фронта корпус генерала Коновалова и, присоединив его в районе Урюпина к группе генерала Мамонтова, ударить в тыл и фланг группы красных в районе Новохоперск — Лиски, в направлении на Воронеж, а затем бросить всю массу конницы в рейд, для удара по тылам красных армий.

Таким образом, в смысле сохранения тайны, маскировки намерения, выбора ме-

ста прорыва и направления, плана и директив, учета настроения населения и обстановки, отбора лошадей, технической и моральной подготовки — были приняты и учтены все необходимые для успеха предприятия меры.

Осуществление полностью плана не удалось, вследствие медленного продвижения Кавказской Армии, которая должна была, заняв Балашов, освободить корпус Коновалова.

Занятый борьбою с красными, генерал Коновалов не смог вовремя присоединиться к Мамонтову, а дивизия полковника Голубинцева, направленная на присоединение к генералу Мамонтову из района сл. Ореховка — ст. Островская, была остановлена на походе и получила новую задачу: заполнить образовавшийся 40-верстный прорыв между Донской и Кавказской армиями и наступать к северу, в связи с Донской и Кавказской армиями.

Генерал Мамонтов, получив директивы о рейде и прождав несколько дней корпус генерала Коновалова, толкаемый Ставкой, решает выполнить рейд самостоятельно.

Состав группы, принимавшей участие в рейде, был следующий: 12-я Донская конная дивизия, 13-я Донская конная дивизия и Сводная Донская конная дивизия; численность каждой дивизии равнялась 2000 сабель. Кроме того, для поддержки был придан еще пеший казачий отряд, около 3000 штыков. Артиллерия состояла из шести полевых орудий, четырех дальнобойных английских и двух 4¹/₂ дюймовых пушек. Таким образом, численность отряда определялась в 6000 сабель, 3000 штыков, 12 орудий и 3 бронеавтомобилей. Обозы были взяты только боевые. 25 июля части корпуса начали переправу через реку Хопер у станицы Добринской. 28 июля одна из конных дивизий корпуса обрушилась на 40-ю советскую дивизию 8-й армии, на уча-

стке от устья реки Савала до станции Колено. Разбитые красные, с большими потерями, отошли за реку Елань. Одновременно к востоку от реки Савала была прорвана 36-я советская дивизия и отброшена на линию Красовка — Тюменевка. В образовавшийся прорыв, шириною около 20-ти верст, двинулись части генерала Мамонтова и к 20-ти часам 29 июля одна из дивизий, пройдя 50 верст в направлении на Тамбов, заняла села Костин-Отделец и Братки. Передовые части дошли до села Козловки и разъезды появились на участке железной дороги Борисоглебск — Грязи, между станциями Терновка и Волконская и у станции Есипово.

Появление Мамонтова в тылу у красных произвело страшную панику и расстройство; связь порвалась между штабами, среди командного состава появилась растерянность. Без давления красные очистили Борисоглебск и отошли к М. Алабуха и Гробановка.

До 1 августа главные силы корпуса продолжали оставаться в районе Костин Отделец, Макарово, Тагайки, подтягивая оставшиеся еще в тылу части. Но разъезды продвигались и к 1 августа были у станции Сампур на железной дороге Тамбов—Балашов.

2 августа корпус продолжал движение двумя колоннами: одна дивизия шла на Жердевку и две на гор. Козлов. Выделенные части атаковали станцию Сампур; красный батальон, защищавший станцию, разбежался. Станцию сожгли, разрушили водокачку, пакгаузы, уничтожили все железнодорожное имущество, мосты, железную дорогу.

Высланная советская кавалерийская бригада, для преграждения казакам пути на Тамбов, у деревни Сукманка столкнулась с 12-й казачьей дивизией, была разбита наголову и рассеяна. На ночлег 12-я конная дивизия расположилась в районе села Бурнак. Дезорганизация у красных была тако-

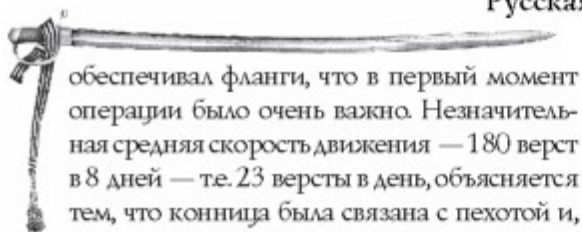
ва, что выдвинуть что-либо для прикрытия Тамбова красное командование было не в состоянии.

3 августа конный корпус расположился на ночлег в районах сел Пановы-Кусты — Жердевка. Охранение было выдвинуто по линии Липовица (20 верст южнее Тамбова) до станции Чакино, на Тамбово-Балашевской жел. дороге.

По пути казаки разрушали железные дороги, телеграф, сжигали станции и железнодорожный инвентарь, разоружая и разпуская красные части по домам. Связь между красными штабами была окончательно прервана. Противодействия красные части, оставшись без связи и толковых директив, оказать не только не могли, но и разбежались при появлении казачьих разъездов. Штаб Южного Фронта, находившийся в Козлове, боясь быть захваченным казаками, поспешно бежал, оставив все имущество. Население сочувственно встречало казаков. 4 августа части генерала Мамонтова находились в районе Поповы-Кусты — Грязнуха, в 60—80 верстах к югу от Тамбова.

5 августа утром казаки появились к юго-западу от Тамбова, прорвали укрепленный район у деревни Руднево и, захватив у дер. Арапово красную батарею, в 8 час. ворвались в Тамбов, не встретив сопротивления. Многочисленный гарнизон города в панике разбежался, частью сдавшись в плен. Красноармейцы разоружены и распущены по домам, а крестьянам выданы винтовки. С занятием Тамбова можно считать законченным первый период рейда.

Принимая во внимание обстановку, состав отряда, возможности и задачу, приходим к заключению, что этот период рейда выполнялся в техническом отношении образцово, используя все возможности. Удачный выбор направления и пути движения между двумя реками, Еланью и Савалой,

обеспечивал фланги, что в первый момент операции было очень важно. Незначительная средняя скорость движения — 180 верст в 8 дней — т.е. 23 версты в день, объясняется тем, что конница была связана с пехотой и, кроме того, движение замедлялось продолжительными остановками, необходимыми для выполнения политического задания и выяснения обстановки. Фактической же скоростью движения надо считать 50 верст в день. Скорость же отдельных разъездов доходила до 80 верст в день.

Результат этого периода рейда выразился в разгроме нескольких советских дивизий и отрядов, в уничтожении жел.-дорожных станций и сооружений и полной порчи телеграфной и телефонной сети во всех районах Южного Фронта. Неожиданное и внезапное появление массы конницы вызвало среди красного командования растерянность и нервность. Подтвердилось, что население глубоко отрицательно относится к советской власти. Что же касается красного центра, то там возникла страшная паника, о чем свидетельствует воззвание Троцкого от 5 августа: «На облаву» и «Храбрость от отчаяния», где в характерных одесских выражениях товарищ Троцкий старается ободрить красных товарищей, но в тоне и в выражениях этих прокламаций между строк ярко сквозит животный панический страх и ужас, так присущий зарвавшейся наглости.

6 августа, находясь в Тамбове, Мамонтов выслал разъезды к северу от станции Селени на Средн. Дехтярку (37 верст от Тамбова) и к станции Мордово, Грязи-Борисоглебской ветки, а также и на жел. дорогу Тамбов — Балашов.

8 августа, к вечеру, Мамонтов занимает беспрепятственно Козлов, выбросив разъезды по всему району. Находившиеся в этом районе красные части сдавались в плен,

часть их распускалась по домам, часть вербовалась в добровольческие отряды. Охрана города Козлова была организована из местных жителей, сочувствовавших казакам.

Красное командование не в силах оказать сопротивление. Наскоро сформированные отряды при первом появлении казачьих разъездов в панике разбегаются, бросая оружие и пулеметы. Выпускаемые красными властями приказы и распоряжения, грозящие расстрелом «шкурникам», «паникерам» и «дезертирам», не оказывают никакого влияния. Население всюду оказывает казакам содействие.

12 августа казачьи разъезды и небольшие отряды появляются в районе к сев.-западу от Козлова у ст. Радостная и в направлении на Грязи у станции Песковатка.

13 августа показались разъезды казаков в районе Богоявленка и Раненбурга, а 14-го вечером боковой отряд из трех сотен казаков с артиллерией подошел к Раненбургу. Гарнизон города разбежался. Подошедший красный бронепоезд «Непобедимый» и подошедший из Рязьска отряд коммунаров пытались помешать казакам занять город, но неудачно. В 19 часов казаки ворвались в город. В 21 час, продолжая движение на Митякино и Остапово, казаки оставили Раненбург, взорвали мост у Митякино и взяли направление на город Лебединь; 15 августа город Лебединь занят без боя; запасный батальон и революционный комитет разбежались, когда казаки находились еще в 18 верстах от города. Красное командование продолжает реагировать пока лишь приказами, угрозами и паническими инструкциями.

17 августа 12-я конная дивизия, составлявшая правую колонну корпуса, к ночи на 19 августа расположилась в селах в районе станции Боборыкино, на жел. дороге Ефре-

мов — Елец. Две другие дивизии генерала Мамонтова из Лебедяни двинулись на Елец. В ночь на 19 августа Мамонтов занимает Елец; гарнизон не только не оказал сопротивления, но встретил казаков с музыкой. Занятие Ельца произошло настолько быстро, что большинство советских учреждений не успели эвакуироваться и были захвачены. Все объекты, имевшие военное значение, были уничтожены казаками.

Красноармейцы и население охотно отозвались на объявленную Мамонтовым мобилизацию. Охрана города была возложена на отряд из местного населения; из красногвардейцев было образовано три отряда для охраны обозов.

Правая колонна группы генерала Мамонтова — 12-я конная дивизия, — простояв 19 августа в районе Боборыкино, 20 августа перешла на станцию Измаилково, на ж. д. Елец — Орел, распустив предварительное слухи о движении на Ефремов.

Простояв до 22 августа в районе Ельца и ст. Измаилково, конная группа утром 22 августа выступила тремя колоннами на юг, в общем направлении на Воронеж: одна колонна, правая, двинулась на Касторное и, сделав переход в 80 верст, в тот же день, после артиллерийского боя, овладела станцией Набережная, что в 16 верстах северней Касторное.

Средняя колонна выступила из Ельца на Задонск и к утру 23 августа заняла город. Левая колонна из Ельца взяла направление на юго-восток, и 23 августа разведывательные сотни появились у села Боранский Завод (20 верст южнее Липецка), у с. Кривки (30 верст южнее Липецка), и разобрали железную дорогу у станции Дрязги, ст. Прибыtkово (линия Воронеж — Грязи) и ст. Казинка (линия Грязи — Липецк).

За этой колонной двигался обоз длиною около 30 верст. Красные, занимавшие

Задонск, отошли в с. Хлевное, в 25 верстах южнее Задонска по шоссе на Воронеж. 24 августа, в полдень, части правой колонны заняли станцию Касторное, причем один полк с броневедомобилем двинулся на Воронеж.

Левая колонна в тот же день заняла Грязи.

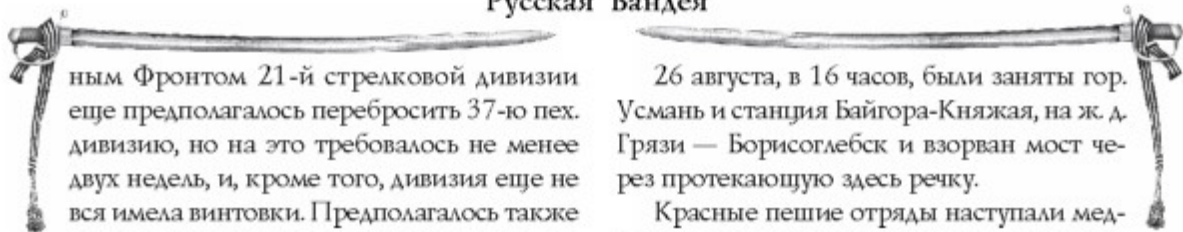
Бой под Касторной длился почти сутки. Казачий отряд состоял из шести конных сотен, двух рот пехоты и восьми орудий. Оборонял Касторное красный отряд товарища Козицкого, состоявший из трех полков коммунаров и одного полка 3-й стрелковой дивизии. Красные принуждены были очистить Касторное и отойти на юг и на запад к станции Суковкина и станции Лачиново. Интересно отметить меры, принимаемые красными, по их же сведениям:

Отряд тов. Фабрициуса, бывший в Ливнах и имевший задачу прикрывать пути на станции Касторное и Ливны, занял село Миккульниково (23 километра к сев.-востоку от Ливны) и выслал разведку на ст. Измаилково и станцию Казаки (на линии Елец — Орел).

Ефремовский отряд, наступавший на станцию Рассоши (той же линии) с задачей ударить в фланг и тыл отходящей правой колонны казаков, сосредоточился у села Полевые Локутцы, в 20 км сев.-зап. Измаилково.

Из Лебедяни было выдвинуто два отряда: один к селу Малинки (25 км юго-зап. Лебедяни), а другой к селу Теплое (10 км южнее Лебедяни). Эти отряды, конечно, не только не могли, но и не дерзали выполнять возложенные на них задачи, а лишь символически изображали окружение, ибо корпус Мамонтова был уже далеко к югу.

Следя по красным источникам за описанием набега и мер, принимаемых для его ликвидации, видно, что кроме переброшенной в распоряжение Командующего Юж-

ным Фронтом 21-й стрелковой дивизии еще предполагалось перебросить 37-ю пех. дивизию, но на это требовалось не менее двух недель, и, кроме того, дивизия еще не вся имела винтовки. Предполагалось также снять с фронта 9-й армии 22-ю стрелк. дивизию и также отправить в распоряжение командующего фронтом, но командующий 9-й армией воспротивился, так как, по его мнению, эта дивизия была необходима на случай замены ею 23-й дивизии, весьма ненадежной, которой раньше командовал Миронов, поднявший восстание в Пензенской губернии. Командующий 9-й армией товарищ Шорин имел основание думать, что 23-я дивизия могла открыть фронт и принять своего бывшего начальника.

Красный главком находил также необходимым приготовить конный корпус Буденного, части которого около 28 августа были в районах станиц Усть-Медведицкой и Иловлинской. 30 августа Буденный сосредоточился у станции Арчеда для дальнейшей переброски на Урюпино.

Все меры, принимаемые красным командованием, оказались недостаточными, и пришлось тронуть частично и самый фронт, особенно 10-ю армию, на фронте которой назревали крупные события и ожидалось наступление. Общая разруха в области сообщений и связи, неподготовленность и саботаж еще более усиливали беспорядок и неустойчивость. Эшелоны сутками стояли на станциях или жел.-дор. путях, распоряжения запаздывали или вовсе не доходили по назначению. Отсутствие конницы, неподготовленность командного состава к ведению операций там, где нужна была инициатива и самостоятельность, сводили все распоряжения главного командования лишь к платонической переписке задним числом.

24 и 25 августа части генерала Мамонтова продолжали движение на Воронеж

26 августа, в 16 часов, были заняты гор. Усмань и станция Байгора-Княжая, на ж. д. Грязи — Борисоглебск и взорван мост через протекающую здесь речку.

Красные пешие отряды наступали медленно и неохотно по пятам конного корпуса, но на весьма почтительном расстоянии, не менее ста километров.

26 августа красные заняли Грязи и в тот же день в Козлов прибыли два эшелона 5-го Латышского полка.

27 августа на перегоне Грязи — Прибыtkово был уничтожен казаками красный бронепоезд «Атаман Чуркин».

Главные силы Конного корпуса 27 августа находились еще в Усмани, два полка в селе Кручинская Байгора (16 км от Усмани) и два полка в районе Вер. Байгора. Станция Вер. Хава (25 км юго-западнее Усмани) также была занята казаками.

Сосредоточенные силы генерала Мамонтова к северу, востоку и западу от Воронежа поставили себе задачу овладеть городом.

28—30 августа бои за Воронеж носили довольно ожесточенный характер. На предложение сдаться гарнизон Воронежа ответил отказом. Тем не менее казаки 30 августа ворвались в город. 31 августа Воронеж был оставлен казаками.

Для обеспечения своих действий Мамонтов должен был прикрывать огромную площадь, что требовало большого расхода людей. Так, например, 28 августа арьергард корпуса находился в 18 верстах южнее Ельца, а авангардный полк в с. Липовка — в 25 верстах южнее гор. Боброва, а заставы и разъезды были в 1—2 верстах к югу от Ельца. Хотя Мамонтов усилил свой отряд вновь сформированной из добровольцев Тульской пешей дивизией в 3000 штыков, однако значительный расход на охранение и разведку, а также естественная убыль людей и лошадей давали себя чувствовать.

За время боев под Воронежем красные отряды делают нерешительную попытку окружить корпус: одна красная бригада заняла с. Петино, что в 15 верстах юго-зап. Воронежа, другие отряды разной численности двигались по направлению к Воронежу с разных сторон, против которых необходимо было выделять заслоны.

30 августа штаб Мамонтова находился в с. Рождественская Хава, в 35 верстах восточней Воронежа, а 31 августа конный корпус двинулся в юго-западном направлении.

С этого времени начинается нащупывание красного фронта для переправы через Дон. Разъезды и небольшие отряды были выброшены по разным направлениям. Небольшая демонстрация между устьями рек Хворостень и Искорец оттянула туда довольно значительные силы красных. С другой стороны, находившийся перед фронтом красных в районе Стар. Оскол конный корпус генерала Шкуро, нажимая на красных, отбросил их к северу к жел. дороге Касторная — Воронеж. На ослабевшем здесь участке фронта, между Ольень-Колодец до ст. Давыдовка, шириною 25—27 верст, и был сделан прорыв.

Через эти «ворота» двинулись главные силы ген. Мамонтова, в общем направлении на юго-запад.

4 сентября конный корпус сосредоточился в районе сел Рогачевка — Масальское в 40—50 верстах юго-западнее Воронежа.

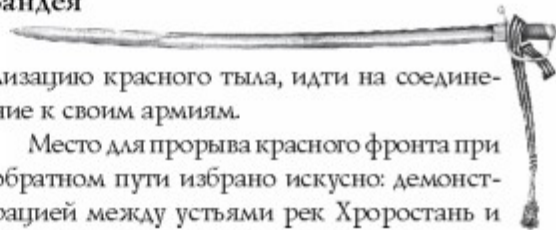
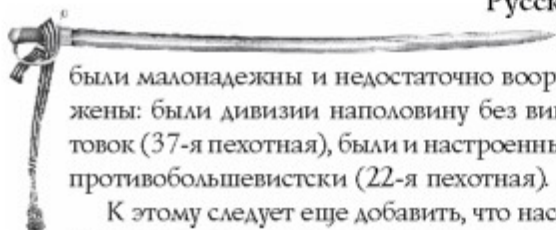
5 сентября произошла переправа через Дон на участке сел Гремячее — Сторожевка, в 18 верстах сев.-зап. ст. Давыдовка. Двигаясь в юго-западном направлении, 6 сентября Мамонтов соединился с корпусом генерала Шкуро, занимавшим район Ст. Оскол — Уколово, у с. Осадчино.

40-дневный рейд в тыл противника был закончен, и конный корпус вступил в расположение своих войск.

Оценивая результаты рейда, нельзя не прийти к заключению, что возложенная главным командованием на генерала Мамонтова задача была им выполнена блестяще: разрушением железных дорог во всем районе Южного Фронта противника и особенно линий Раненбург — Остапово — Елец, Грязи — Елец — Ефремов; разрушением связи телеграфной и телефонной; уничтожением военного имущества и складов; разгромом и роспуском по домам красных отрядов, с раздачей оружия противобольшевистски настроенному населению; мобилизацией добровольцев и быстрыми и неожиданными передвижениями — была внесена полная деморализация и паника во всем районе тыла Южного Фронта красных. Красное командование и администрация потеряли голову и не в состоянии были дать вовремя каких-либо толковых указаний для организации обороны и сопротивления движению конного корпуса. Вся жизнь замерла. Все комитеты и революционные советы разбежались еще до появления казачьих разъездов. Красные части были настолько деморализованы, что при соприкосновении с казаками по большей части почти не оказывали достаточно упорного сопротивления и отходили, иногда даже разбежались или сдавались в плен, или переходили на сторону мамонтовских всадников, выдавая комиссаров и коммунистов.

Выяснено было резкое противосоветское настроение населения. Красный фронт, хотя и не был сдвинут, но сильно поколеблен и деморализован, и если бы к этому времени было подготовлено наступление белых армий, то нет сомнения, что после первого же удара все красное воинство покатилось бы безостановочно на север, разнося панику, или сложило бы оружие.

Это тем более вероятно, что, судя по советским данным, войска Южного Фронта

были малонадежны и недостаточно вооружены: были дивизии наполовину без винтовок (37-я пехотная), были и настроенные противобольшевистски (22-я пехотная).

К этому следует еще добавить, что население, снабженное Мамонтовым оружием, взятым от разоруженных и распущенных по домам красноармейцев, при нашем общем наступлении и первых успехах могло бы путем восстаний в тылу сильно содействовать нашему успеху.

В тактическом отношении рейд был выполнен образцово, как и надо было ожидать, ибо во главе рейда стоял опытный кавалерийский начальник, с твердой волей, с ясно поставленной себе целью и с полным сознанием и пониманием того, что в опытных руках, при рациональном использовании, может дать конь и всадник.

Подготовка рейда производилась в полной тайне, и до самого прорыва противнику не было известно о цели нахождения в районе Урюпина конного корпуса. Красное командование было убеждено, что корпус находится на отдыхе.

Место для производства прорыва и дальнейшее направление были избраны правильно, сообразно как поставленной цели, так и в смысле наиболее верного обеспечения от всяких возможных неожиданностей.

Задача поставлена правильно — внедрение в глубокий тыл противника с целью подготовить себе базу для дальнейших действий, в зависимости от обстановки.

Широкое и повсеместное разрушение железных дорог, телеграфной и телефонной связи, разрушение всех военно-хозяйственных и стратегических объектов и имущества имело целью полную деморализацию тыла.

В дальнейшем, когда выяснилось, что при сложившейся обстановке идти дальше на север нельзя, было принято правильное решение: продолжая разрушение и демора-

лизацию красного тыла, идти на соединение к своим армиям.

Место для прорыва красного фронта при обратном пути избрано искусно: демонстрацией между устьями рек Хроростань и Искорец противник был введен в заблуждение и подтянул резервы к месту демонстрации, что значительно разредело фронт у места фактического прорыва.

Скорость движения вполне сообразовалась с поставленной задачей и обстановкой. Политическая сторона задачи также исполнена разумно и в полной мере: население вооружено и подготовлено к восстанию.

К отрицательной стороне рейда надо отнести сильное увлечение военной добычей (зло, присущее всякой войне), и, судя по телеграмме Начальника Штаба Главнокомандующего, реквизиции не всегда производились планомерно. Здесь вопрос, очевидно, идет о реквизиции и замене у населения лошадей для пополнения убыли и освежения конского состава, так как реквизированное советское имущество и продукты тут же раздавались местным жителям, что, конечно, вызывало симпатии к казакам у обобранного и ограбленного советской властью населения.

Реквизиция же и замена лошадей у населения всегда была большим, но неизбежным злом всякого рейда, ибо каждая реквизиция является, с точки зрения укоренившегося взгляда, всегда насилием и произволом, поэтому безусловно необходимо все такого рода действия совершать планомерно, особо назначенными командами, под начальством и руководством офицеров. Всякие же самовольные реквизиции в корне пресекать, ибо они почти всегда имеют характер грабежа и насилия, вносят деморализацию в свои же воинские части и озлобляют население. Последнее обстоятельство необходимо учитывать при производстве рейдов

как в тылу у противника, так и в своей стране, во время гражданских войн. Как общее правило, важно и необходимо при распределении тяжести войны сочетать строгие меры с планомерностью в отношении гражданского населения, симпатии и доверие которого так необходимы и ценны в политической борьбе.

Громадный, на десятки верст растянувшийся обоз, также стеснял движение и для своей охраны требовал много людей, что уменьшало боевой состав и обращало части как бы в прикрытие для своих обозов. Следует отметить, что обозы были особенно велики при обратном движении, когда вопрос о дальнейшем движении на север уже отпал.

В заключение следует подчеркнуть, что рейд, хотя задуман и выполнен блестяще, но использовать результаты 40-дневного пребывания конницы Мамонтова в тылу у красных и критическое положение Южного Фронта красной армии белое командование не подготовилось вовремя и не сумело. А всякий рейд, без подготовки общего удара в надлежащий момент, является только эпизодом, подчас блестящим и славным, но без решающего значения.

Во всяком случае, не по вине Мамонтова результаты рейда не были использованы, хотя рейд как таковой, по своему размаху, масштабу, времени пребывания в тылу у противника, покрытому расстоянию и району действий, так же как и по выполнению поставленного задания, является одним из самых выдающихся в сравнении с знаменитыми рейдами прошлого и настоящего столетия.

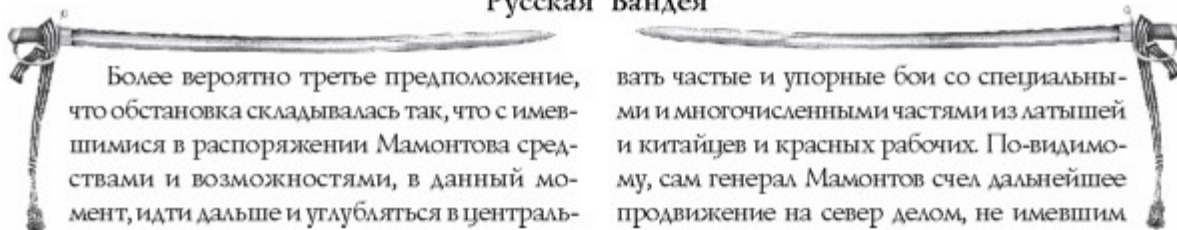
У многих, естественно, может явиться вопрос: почему Мамонтов, заняв город Елец, повернул назад, а не продолжал движения

далее на Тулу и Москву, как предполагалось, если судить по речи генерала Мамонтова к казакам при отправлении в рейд, в которой он поздравлял казаков с «походом на Москву»; тем более что по внешним признакам обстановка как будто бы благоприятствовала этому?

Если даже предположить, что такое задание и существовало, то ответить положительно и исчерпывающе на этот вопрос, не имея документальных данных, очень трудно. Ходили по этому поводу в тылу разные версии, был даже пущен вздорный слух, что якобы главное командование, опасаясь захвата Москвы Мамонтовым и не желая ему одному уступить эту честь, приказало прекратить рейд и возвратиться, несмотря на то что ген. Мамонтов готов был продолжать движение дальше.

Придавать значение другой, советской версии о том, что дальнейший поход на Москву был бы безумием, также не приходится. Все эти истерические воззвания и прокламации Троцкого и других о том, что белые генералы «не так глупы», чтобы верить в возможность захвата Москвы конным отрядом, что Мамонтов попал в капкан, что отряд разложился и т.п., были лишь пропагандными, успокаивающими средствами как для самих авторов этих воззваний, так и для потерявшего голову красного командования, и лишние раз подтверждают, что обстановка для красных складывалась трагически и в этом отношении благоприятствовала успешному продолжению рейда.

Последнее обстоятельство подтверждается свидетельствами многих лиц, находившихся в это время в Москве. Там Мамонтова ждали, власть была в полной растерянности, был даже заговор и подготовка частей гарнизона к встрече и присоединению к казакам.

Более вероятно третье предположение, что обстановка складывалась так, что с имевшимися в распоряжении Мамонтова средствами и возможностями, в данный момент, идти дальше и углубляться в центральную Россию, без надежды на поддержку и на продвижение нашего фронта, было бы нецелесообразным.

Кроме того, надо было предполагать, что население северных областей не было так надежно и сочувственно к нам, как в черноземных губерниях, чтобы можно было надеяться на противобольшевистское восстание; район был фабричный и следовательно продовольствие людей и лошадей встретило бы известные затруднения; где также, несомненно, пришлось бы выдержи-

вать частые и упорные бои со специальными и многочисленными частями из латышей и китайцев и красных рабочих. По-видимому, сам генерал Мамонтов счел дальнейшее продвижение на север делом, не имевшим шансов на успех, но сопряженным с большими потерями, и нашел более полезным присоединиться к своим армиям, ибо поддержки, активности, или дальнейших ударов, или попыток к наступлению, за все время пребывания отряда Мамонтова в тылу у противника, белым командованием не предпринималось и даже началось частичное отступление на некоторых участках, что значительно меняло общую обстановку не в нашу пользу и делало дальнейшее продолжение рейда бесцельным.

15.

На среднем Дону

После тяжелых боев в начале августа у Лопуховки, Ореховки и станицы Островской, Усть-Медведицкая конная дивизия, прикрывая отход с.-в. Фронта Донской Армии, усиленная 19-м конным полком и бронированными поездами, 13 августа заняла жел. дорогу на участке между станциями Себряково и раз. Раковка. Сдерживая натиск красных, дивизия вела конные бои с красной кавалерией, переходившие частично в рукопашные схватки.

13 августа, при наступлении на ст. Раковка, 3-й Усть-Медведицкий конный полк, под командой есаула Акимова, несколько раз переходил в конную атаку против защищавших ст. Раковку частей красной конной бригады товарища Тимошенко.

Согласно полученным директивам, дивизия 18 августа переправилась на правый

берег Дона в районе станицы Перекопской и расположилась в х. Орехове.

В это время происходило очередное реформирование всей Донской Армии: 4-полковые дивизии обращались в 3-полковые бригады, бригады сводились в громоздкие трехбригадные дивизии.

Усть-Медведицкая дивизия была реформирована в 14-ю Отдельную конную бригаду. Четыре полка дивизии были сведены в три полка и получили новые номера 28, 29 и 30-го Усть-Медведицких конных полков.

На 14-ю бригаду, входившую в состав 1-го Отдельного Донского корпуса, была возложена задача оборонять участок по Дону, от хут. Коловертинского, что в нескольких верстах к юго-западу от ст. Перекопской, и до станицы Трех-Островянской (исключительно).

Ввиду большого протяжения фронта участка, около 100 верст, и невозможности прочно занять весь фронт для обороны, решено было не делить участка на отдельные оборонительные секторы, а держать полки в кулаке, охраняясь заставами и постами, связанными телефоном между собою и с полками. Штаб бригады в хут. Орехове связан телефоном со штабом корпуса в хут. Маноилине.

Попытки красных переправляться небольшими партиями на правый берег Дона легко отбивались нашими охраняющими сотнями.

Первая серьезная переправа была сделана 26 августа, в районе к северу от ст. Трех-Островянской, где 28-я советская дивизия, отеснив наши заставы, переправилась через Дон.

Выступив форсированным маршем к месту переправы, 14-я бригада стремительной конной атакой опрокинула красных в Дон, захватив тысячи пленных, пушки и пулеметы. Пытаясь в панике переплыть Дон, красные тонули сотнями, и только небольшой части удалось спастись под прикрытием находившихся на левом берегу частей противника. В этом бою была уничтожена почти вся 28-я советская пех. дивизия.

Другая, более серьезная операция красных была нами ликвидирована 4 сентября, также в районе ст. Трех-Островянской.

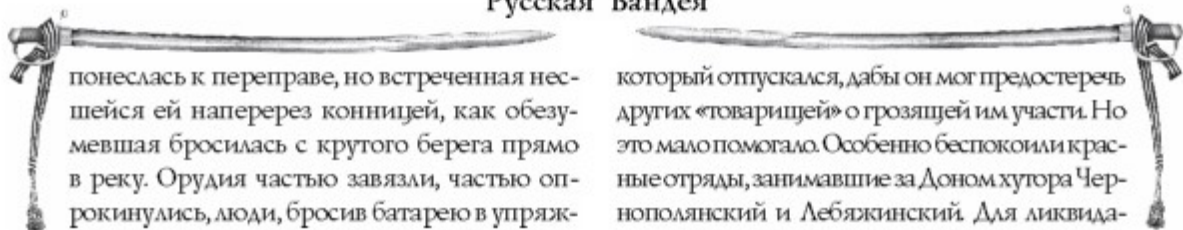
3 сентября в штабе бригады получено следующее приказание: «Полковнику Голубинцеву. Красная ударная группа переправилась у ст. Трех-Островянской, силою около дивизии, и наступает в тыл нашему корпусу. 14-й бригаде немедленно перейти в район Трех-Островянской и разбить противника. Ген.-майор Алексеев».

Получив такую задачу, бригада немедленно выступила и к вечеру 3 сентября заняла хутора Камышенские, что к западу от

станции Сиротинской. В этом районе были обнаружены небольшие разъезды и на горизонте показался эскадрон противника, который, попав под наш артиллерийский огонь, в беспорядке скрылся в балках. Утром 4 сентября бригада выступила из Камышинских хуторов в Трех-Островянскую.

Не доходя еще до станции, наши части обнаружили большую пехотную колонну противника, силою около бригады с артиллерией, двигавшуюся в сев.-восточном направлении, также к станции Трех-Островянской. По-видимому, красные, предупрежденные о нашем появлении, беспокоясь о своем тыле и боясь быть отрезанными, стремились обеспечить за собой переправу у станции.

При нашем приближении к станции противник открыл по нам артиллерийский огонь с открытой позиции. Наша батарея отвечала очень удачно: разрывы были видны в самой колонне и на батарее противника. Нас отделяла от красных глубокая, почти непроходимая балка, тянувшаяся перед фронтом. В обход был направлен 29-й конный полк под командой есаула Акимова, который, выйдя во фланг и тыл, атаковал красных. В это же время две сотни 30-го конного полка, с двумя пулеметами, под командой сотника Щелконогова, по другой глубокой балке скрытно наметом подошли к станции, заняли переправу, установили пулеметы и завязали с головными частями противника, подходившими к станции, огневой бой. Атакованная со всех сторон, засыпаемая огнем артиллерии и пулеметов спешенных сотен, перебравшихся через балку, отделявшую нас от противника, красная бригада 39-й советской дивизии, прижатая к Дону, смешалась и в беспорядке и панике бросилась частью к переправе, частью вплавь через Дон. Красная батарея, в шесть орудий, снявшись с позиции, галопом

понеслась к переправе, но встреченная несшейся ей наперерез конницей, как обезумевшая бросилась с крутого берега прямо в реку. Орудия частью завязли, частью опрокинулись, люди, бросив батарею в упряжке, под нашим огнем бросались в Дон, ища спасения вплавь. В это время показалась вторая бригада противника, следовавшая в нескольких верстах за первой. Атакованная 28-м и 30-м конными полками, бригада была частью изрублена, частью рассеяна и взята в плен. Из 2-й бригады почти никто не ушел. Преследование продолжалось до наступления сумерек.

В этом блестящем деле взято около 4000 пленных, 6 орудий и 28 пулеметов. Покончив с 39-й советской дивизией, утром на другой день бригада отошла в район хут. Орехова, оставив сторожевые заставы у Трех-Остроянской.

Через несколько дней красные вновь, оттеснив наши охраняющие части, переправились у станицы Кременской. Выступившая для ликвидации переправы бригада 9 сентября у Золотого Кургана нанесла переправившимся частям 38 советской дивизии страшное поражение, захватив 1000 пленных, орудия и пулеметы. У одного убитого в этом бою батальонного командира в полевой книжке была найдена копия донесения об обстановке, где он, указывая на рискованное положение переправившихся частей и на активность нашей конницы, добавляет, что фронтом командует «наш злейший враг полковник Голубинцев».

Несмотря на неудачи, красные неоднократно продолжали делать попытки, переправляя на наш берег добровольцев охотников — «партизан», грабивших наши хутора и убивавших мирных жителей. Дабы охранить хутора и отбить охоту к налетам, обыкновенно налетчиков в плен не брали, уничтожая в стычках как бандитов и грабителей, оставляя одного,

который отпускался, дабы он мог предостеречь других «товарищей» о грозящей им участи. Но это мало помогало. Особенно беспокоили красные отряды, занимавшие за Доном хутора Чернополянский и Лебяжинский. Для ликвидации этой группы 14-я бригада 26 сентября переправилась у ст. Перекопской на левый берег Дона и у хут. Лебяжинского, комбинированной атакой опрокинув красных, захватила 1500 пленных, четыре тяжелых орудия и несколько пулеметов. Особенно отличились в этом бою сотни 28-го конного полка, атаковавшие красных в конном строю.

В последних числах сентября бригада переходит от активной обороны к наступательным действиям за реку Дон. Штаб бригады перешел в ст. Перекопскую; 30 сентября части бригады переправились с боем на левый берег Дона, вытеснив красных из хут. Чернополянского, нанеся им несколько тяжелых ударов.

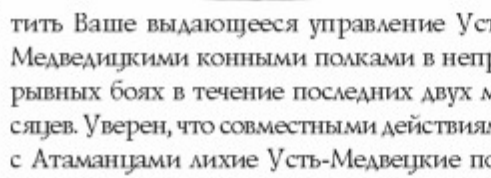
Таким образом, на всех участках противник был отброшен или уничтожен. За этот период — август—сентябрь 1919 года — Усть-Медведицкой бригадой были разгромлены 28, 38 и 39-я советские пехотные дивизии, взято пленных около 11 тысяч, 21 орудие, около 180 пулеметов, много лошадей, походных кухонь и обозов.

О характере деятельности Усть-Медведицкой конной дивизии, переименованной в 14-ю Отдельную конную бригаду, можно судить по случайно сохранившейся части цитируемых ниже телеграмм: генерала Врангеля, Донского Атамана, Командующего Донской Армией и Командира 1-го Донского Отдельного корпуса:

Полковнику Голубинцеву

С прибытием 10-й кон. бригады для объединения действий конной группы счел необходимым старшего из начальников ген. Каклюгина. Долгом службы считаю отме-

А.В. Голубинцев

твить Ваше выдающееся управление Усть-Медведицкими конными полками в непрерывных боях в течение последних двух месяцев. Уверен, что совместными действиями с Атаманцами лихие Усть-Медведицкие полки разгромят наступающего противника.

8/VIII — 19 6 час. 30 мин. № 0121/А
Даниловка ген. Алексеев
принял Свищев.

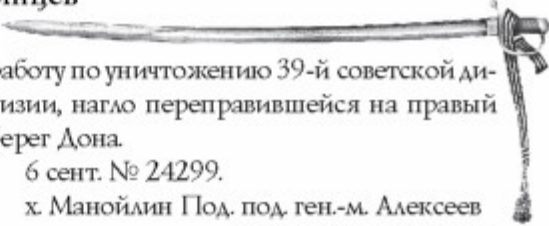
оперативная
из Теконда В № 676
8/VIII 8—21 Только ген. Каклюгину, ген.
Сутулову и ген. Донскову

По приказанию Наштакор передаю телеграмму ген. Врангеля: «Ген. Алексееву, копия Командармдон. Прошу принять и передать Вашим доблестным частям, особенно отрядам ген. Каклюгина и полковника Голубинцева, горячую благодарность за блестящее дело 8-VIII, значительно облегчившее положение группы ген. Покровского. Необходимо самым решительным образом использовать достигнутый успех, развивая удар по тылам противника на восток.

Царицын 10/VIII 12 час. 55 мин.
№ 2096
Врангель»

С подлинным верно. Старший адъютант
оперативного отд. Сотник Огрызков
№ 03597.

Теконд Лит В № 216
6-IX. 20 час. оперативная
Комбриг 14 кон
Горячо благодарю Вас, командный состав и лихих станичников за доблестную

работу по уничтожению 39-й советской дивизии, нагло переправившейся на правый берег Дона.

6 сент. № 24299.

х. Манойлин Под. под. ген.-м. Алексеев
Верно Под. Шутенбах

12-IX № 04481

Объявляю полученную мною телеграмму командармдон: «Комкору 1-го Отдельного, передайте копию телеграммы Донского Атамана: «Передайте искреннюю благодарность Дона комбригу и казакам 14-й конной за отличные боевые действия у Трех-Островянской 4-го сентября № 806 Донской Атаман генерал Богаевский».

Считаю долгом подчеркнуть еще и ту доблесть частей 14 кон. бригады, которая проявлена была ими при переправе красных в районе Трех-Островянской 26 августа и в особенности 9 сентября у станицы Кременской. Следя за действиями 14 кон. бригады с самого начала ее формирования, все более убеждаюсь в том, что полки славной бригады и в будущих боях с красными будут выходить только победителями. От лица Донской Армии приношу всем чинам бригады мою глубокую благодарность.
№ 6344 — К

Ген.-лейтенант Сидорин»

х. Манойлин № 04481

Ген.-майор Алексеев

Из Т. А.В. № 1266 27—IX 11 ч. 35.
операт замедлена для передачи Клецкой
Комбриг 14 кон. копия начдив 6 Донск
на № 755 от 26 сентября.

Слава доблестным начальникам и уда-
лым казакам лихих Усть-Медведицких пол-
ков.

27—IX № 0482 хут. Манойлин
Ген.-майор Алексеев

Комбриг 14 кон. из Теконда
А В № 1477 30—IX 13 ч. 15 м.

Блестящая работа предводимых Вами
полков свидетельствует об искусстве Ваше-
го управления и что для лихой У.-Медведиц-
кой бригады никакой враг не страшен.

30—IX № 4906 х. Манойлин
Ген.-майор Алексеев.

1 сентября бригада сосредоточилась в
районе хутора Чернополянского, на левом
берегу Дона. 3 октября я получил задачу:
подчинив себе Атаманскую бригаду, зайти
и ударить в тыл красным в районе хутора
Головковского.

Обстановка рисовалась так: пешая бри-
гада ген. Сутулова занимала позицию от р.
Дона у ст. Кременской до хут. Лебяжин-
ского. Фронтom на восток. Против частей
ген. Сутулова стояла на позиции красная пе-
хота.

Одновременно с получением задания
поступило сообщение, что противник в со-
ставе нескольких рот пехоты переправился
через Дон у хут. Авилова-Задонского, в рай-
оне станицы Сиротинской.

Для ликвидации красных у хут. Авилова
я отправил 30-й конный полк с двумя ору-
диями, под общей командой полковника
Красовского, в станицу Сиротинскую, а с ос-
тальными двумя полками и батареей, вы-
полняя задачу, перешел в хут. Б. Улановский.
Командующему Атаманской бригадой пол-

ковнику Егорову я послал приказание при-
быть 4 октября, утром, в хут. Б. Улановский
на присоединение к 14 конной бригаде.

Не дождавшись прибытия Атаманской
бригады, я 4 октября выступил по направ-
лению к хут. Головскому, через хутора Ор-
ловский и Скоровский. Полковнику Егору-
ву послал приказание следовать за мною и
присоединиться в пути.

На походе было получено от ген. Сутулова
сообщение, что Атаманская конная бригада
им отправлена на присоединение ко мне, но
что предварительно он дал ей задание по пути
ликвидировать красных, занимавших хутор,
что к сев.-западу от Улановских хуторов. Ата-
манцы целый день потеряли, несколько раз
атакуя хутор, но неудачно, ибо красные
оказывали упорное сопротивление; этого ген.
Сутулов, по-видимому, не учел, но что, конеч-
но, надо было ожидать. Неудачное распоря-
жение ген. Сутулова имело неприятные по-
следствия: мы разменялись на мелочи, и вме-
сто удара по красным пятью полками я
располагал только двумя.

Продолжая движение, бригада у хут.
Скоровского натолкнулась на сопротивле-
ние. В хуторе находился красный конный
полк, охранявший правый фланг непри-
ятельской пехоты, занимавшей позицию в
песках к югу от хутора Скоровского. В би-
нокль легко можно было определить чис-
ленность пехоты — около 800 человек.
После краткой перестрелки красная кон-
ница отступила, оставив два пулемета и не-
сколько убитых. Не задерживаясь и не
вступая в бой с пехотой, рассчитывая заб-
рать ее на обратном пути ударом в тыл,
бригада, продолжая теснить красную кон-
ницу, заняла хут. Кривский и стала захо-
дить в тыл хутору Головскому. В перестрел-
ке у хут. Кривского был ранен оператив-
ный адъютант штаба бригады есаул
Игумнов.

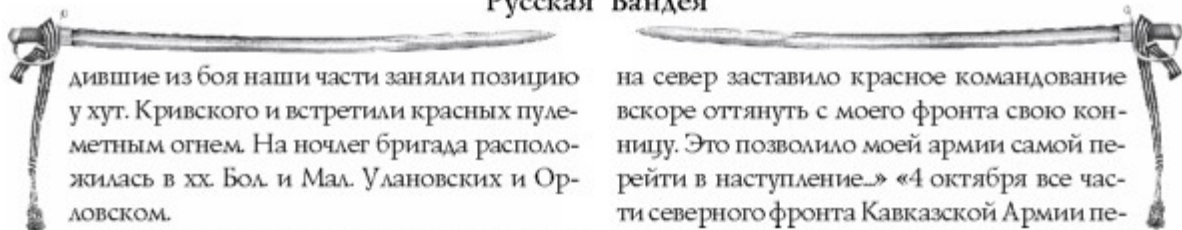
Находившаяся в районе хут. Головского многочисленная красная конница с артиллерией оказывала энергичное сопротивление, переходя местами в контратаки, но до решительных действий дело не доходило: развернувшись, кавалерия противника с криками «ура!» бросалась на нашу бригаду, но так же внезапно останавливалась и уходила назад, преследуемая нашими сотнями. Бой имел нерешительный характер, и красные медленно отходили, держась на почтительном расстоянии. День клонился к вечеру. Наблюдая и руководя боем, я отдал распоряжение начальнику штаба написать приказание полкам — прекратить преследование и с наступлением темноты отойти на ночлег. Ординарцы поскакали по своим полкам, развозя приказание. В резерве у меня находились две сотни 29 конного полка. Сотни только что возвратились после атаки на показавшуюся на нашем левом фланге конницу. Солнце село. До сумерек оставалось несколько минут. В это время с наблюдательного поста прискакал казак с донесением, что большая колонна красной конницы на рысях движется по Паниной балке, головные части ее уже показались из балки и направляются на нас.

Брошенные навстречу две резервных сотни под командой есаула Акимова наметом понеслись на противника. Когда сотни поднялись на Курган, я заметил замедление аллюра и как бы некоторое колебание; схватив конвойную полусотню, я карьером присоединился к атакующим сотням. В это же время со стороны Паниной балки к кургану навстречу нам неслись галопом, развернутым фронтом, три эскадрона красных, а четвертый направлялся во фланг, в обход нашим атакующим сотням. Еще одна, две минуты, и наши сотни смешались с большевиками. Произошла жестокая схватка: шум, ругань, стрельба, лязг оружия. Сколь-

ко времени продолжалась схватка, я не могу дать себе отчета. Забыта всякая осторожность, чувство самосохранения отошло куда-то далеко, остались только злоба, страсть к уничтожению и желание помериться силами. Все смешалось вместе в кровавой сече. В наступивших как-то сразу сумерках красных можно было отличить от своих лишь по инстинкту и по большим папахам и башлыкам. То, что так ярко изображается на лубочных картинках, повторилось на деле. В огне общей свалки что-то мгновенно блеснуло у меня в глазах, как бы большая искра или огненный шар, и я получил сабельный удар в голову; благодаря фуражке череп остался цел, отвалилась лишь часть кожи головы, закрыв правый глаз и обнажив череп. Правой рукой, с висевшей на ней на темляке окровавленной шашкой, я старался поднять нависшую на лицо кожу и освободить залитый кровью глаз. Первая мысль была: упаду ли с коня, или нет, если упаду, успею ли застрелиться? И как ни странно, тут же другая мысль: это мы их, мерзавцев, научили рубить!

В это время два казака подхватили меня под руки, и перед моими глазами мелькнула красочная фигура доблестного есаула Акимова с шашкой в зубах и револьвером в руке. Добрый конь несколькими прыжками вынес меня из общей свалки. Все произошло очень быстро, как бы в одно мгновение. Рукав, перчатка, разрубленный погон и плечо насквозь были пропитаны кровью. На ходу мне была сделана перевязка — индивидуальный пакет нашел свое применение — и через 15 минут на перевязочном пункте у хут. Орловского фельдшер мне промыл и зашил рану.

Дальше хутора Кривского красные не продвинулись; эскадрон, заходивший в тыл и фланг, завяз в болотах, лежащих непосредственно к северу от хут. Кривского, а выхо-

дившие из боя наши части заняли позицию у хут. Кривского и встретили красных пулеметным огнем. На ночлег бригада расположилась в хх. Бол. и Мал. Улановских и Орловском.

В этом бою около 50 человек с обеих сторон было ранено и убито. В продолжение целой ночи на перевязочный пункт являлись казаки с рублеными ранами. Раненым и упавшим с коней под покровом быстро наступившей темноты удалось скрыться и присоединиться к своим частям.

Как выяснилось впоследствии, неожиданное появление массы красной конницы объясняется следующим: 10 000 Конный корпус Думенко был снят с фронта Кавказской Армии и направлен для действий против нашей конницы, зашедшей глубоко в красный тыл и угрожавшей сообщениям и тылам.

Столкновение произошло с авангардом конницы Думенко. Воспользовавшись уходом корпуса Думенко, Кавказская Армия в тот же день перешла в наступление.

Генерал Врангель в своих записках (см. Записки ген. Врангеля: «Белое дело». Т. 10. С. 208) говорит, что: «продвижение донцов

на север заставило красное командование вскоре оттянуть с моего фронта свою конницу. Это позволило моей армии самой перейти в наступление...» «4 октября все части северного фронта Кавказской Армии перешли в наступление, сломив в ряде боев ослабленного предыдущими неудачами противника, взяв несколько тысяч пленных, большое число орудий и пулеметов, наши части к 10 октября вышли главными силами на линию Дубовка — хутор Шишкин, где и остановились, выдвинув передовые части на высоту села Лозное».

В этот же день, 4 октября, находившийся на правом берегу Дона 30-й конный У.-Медведицкий полк, с 2 орудиями 14-й конной батареи, под общим командованием полковника Красовского ликвидировал у хут. Авилова-Задонского переправившуюся группу красных, утопив роту пехоты и захватив в плен 1600 человек, пулеметы и обозы.

В последующие дни Усть-Медведицкая бригада вела бои с конницей Думенко с переменным успехом у хуторов Улановских, по левому берегу Дона.

16.

В тылу

После ранения у хут. Кривского в бою 4 сентября я, передав командование бригадой начальнику штаба бригады, войсковому старшине Корнееву, утром 5 октября верхом выехал для лечения в станицу Перекопскую, захватив с собою конвой в 20 казаков, так как была большая вероятность встретить по пути в степи, между Улановскими хуторами и Перекопской, разбегды красных. Около полудня я прибыл в станицу, где врачами мне вновь сделана

перевязка и вскрыта рана, зашитая фельдшером, так как температура поднялась и врачи боялись заражения. 7 октября из штаба корпуса послали мне автомобиль, и, захав по пути в х. Манойлин к ген. Алексееву, я в тот же день прибыл на станцию Суровикино, где меня уже ожидал поезд. Вечером я прибыл в Ростов.

Хотя в Ростов уже было сделано сообщение о моем ранении и эвакуации для лечения, но ни в одном из военных госпиталей

не нашлось отдельной комнаты, а в общую, по состоянию моего здоровья, я не желал лечь. В переговорах по телефону с госпиталями провел я ночь на Ростовском вокзале. Здесь со мною произошел характерный для тыла инцидент.

С сопровождавшими меня врачом и сестрой милосердия, ожидая результата переговоров о госпитале, я занял в зале первого класса стоявший в углу свободный столик. К столику присел еще какой-то офицер. Вдруг к нам подходит средних лет господин, в черном форменном гражданском пальто, с цветными отворотами и погонами действительного статского советника. Приблизившись вплотную к столу, он делает рукой какие-то неопределенные знаки. Я спокойно приподнялся с намерением узнать, в чем дело, но слышу нечленораздельные звуки и сильный запах вина. Я вообще не переношу пьяных, избегаю вступать с ними в разговоры и питаю к ним непреодолимое отвращение.

— Что вам угодно? — спрашиваю.

Фигура «лыка не вяжет», что-то бормочет, указывая пальцем на приколотую булавкой к стене у столика бумажку, на которой карандашом нацарапано «стол члена Особого Сопецаания», и делает мне недвусмысленный знак рукою, означающий «убирайся отсюда».

Кровь бросилась мне в голову при виде такой наглости тылового пьяницы, осмелившегося беспокоить тяжело раненного офицера с окровавленной повязкой на голове, еще не успевшей просохнуть. Я замахнулся проучить нахала; обеспокоенный моим резким движением и боясь кровоизлияния, уже два раза повторявшегося при волнении, мой доктор бросился ко мне, стараясь меня успокоить.

— Уберите эту пьяную скотину! Иначе я обращу в котлету его пьяную харю!

Сидевший с нами за столиком офицер быстро схватил пьяного субъекта под руку и, улыбаясь, насмешливо ему говорит: «Что, нарвались, ваше сиятельство! Я же не раз предупреждал вас, что нарветесь! Ага!»

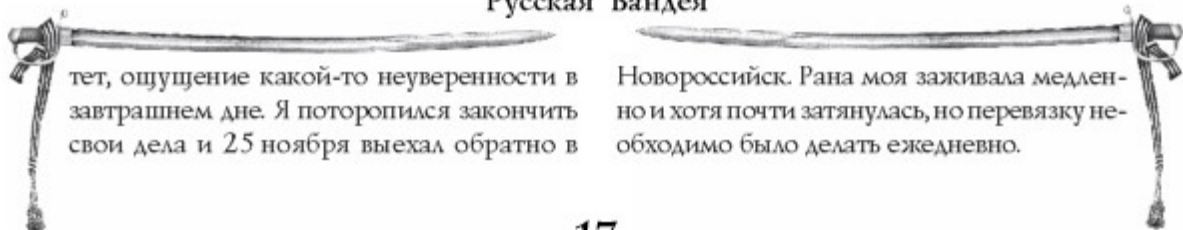
Фигура так же быстро исчезла, как и появилась. Возвратившийся офицер, смеясь, рассказывал, что это член «Особого Сопецаания» Х... живет в поезде «Особого Сопецаания», ежедневно пьян, большой нахал и скандалист.

— Как хорошо вы его проучили, г. полковник! Это ему послужит хорошим уроком!

Утром к вокзалу прибыла больничная карета с сообщением, что мне отведено место в госпитале Сидорина, но я по многим соображениям не пожелал там лечиться и поступил на лечение за собственный счет в частную лечебницу доктора Попкова в Ростове. Рана моя, вследствие большого размера — пять вершков — и загрязнения песком, долго гноилась и медленно поддавалась лечению.

С 8 октября до 14 ноября я пролежал в лечебнице. Затем, после осмотра врачебной комиссией, получив 5-недельный отпуск, поехал через Новороссийск в Одессу, где хотел привести в порядок свои частные дела и недвижимое имущество. В ожидании парохода я около недели прожил в Новороссийске, продолжая залечивать рану под наблюдением известного хирурга доктора Сапежко.

21 ноября 19-го года я из Новороссийска выехал в Одессу, в город, где я учился и провел детство. Я едва узнал Одессу, настолько Гражданская война изменила этот южный веселый, жизнерадостный и светливый город. Электричества почти нет, улицы темны, всюду грязь и запустение, лучшие гостиницы загажены и не топлены, улицы опустели, чувствовалось, что над городом висит какое-то несчастье, что-то давит, гнет

тет, ощущение какой-то неуверенности в завтрашнем дне. Я поторопился закончить свои дела и 25 ноября выехал обратно в

Новороссийск. Рана моя заживала медленно и хотя почти затянулась, но перевязку необходимо было делать ежедневно.

17.

На фронт

Во время моего пребывания в Одессе в гостинице или, может быть, еще раньше, в Новороссийске, я вновь заразился тифом, но на этот раз возвратным. Первый приступ я почувствовал на пароходе, по пути в Новороссийск, затем, как это бывает обыкновенно при возвратном тифе, приступы болезни повторялись периодически: одну неделю болен, другую почти здоров. Вследствие большой потери крови во время ранения организм мой ослабел, и поэтому я хотя и тяжело переносил периоды приступов болезни, но все же я не решался лечь опять в госпиталь и выехал на фронт.

29 ноября я был в Ростове, а 2 декабря в Обливской, где от моего бригадного интенданта, есаула Коновалова, узнал, что я произведен в генералы и что моя бригада находится во 2-м Донском корпусе, но где, точного указания не мог получить.

В поисках штаба 2-го корпуса я в саях, по степи, при сильном морозе, проехал через станицы Чернышевскую, Каргинскую, несколько слобод и, наконец, на четвертый день настиг штаб корпуса в небольшом степном хуторе. Корпусом временно командовал генштаба полковник Поливанов. Где находился командир корпуса генерал Коновалов и где моя бригада, полковник Поливанов не знал точно. Командир корпуса где-то впереди с конницей, а 14-я конная бригада тоже где-то, в таком-то направлении, отходит на отдых и пополнение. Что меня особенно поразило — это абсолютное отсутствие связи между штабом корпуса и подчиненными ему ди-

визиями, а также отсутствие связи между частями. О противнике также сведения были самые неопределенные и отрывочные.

Как резко служба связи 2-го Отд. корпуса генерала Коновалова отличалась от службы связи 1-го корпуса генерала Алексеева!

В 1-м корпусе все было ясно, определенно и точно; сводка получалась частями три раза в день; и три раза штабы бригад посылали срочные донесения в штаб корпуса: об обстановке на фронте, разведке и состоянии частей. Всякий маневр, всякое движение было рассчитано. Между частями непрерывная связь. Ничего не делалось втемную. Каждый шаг противника отмечался. Все и всегда были в курсе обстановки.

А здесь? В штабе 2-го корпуса не знают, где командир корпуса, где подчиненные корпусу дивизии, части не знают, кто правее, кто левее их, хотя и комкор и начальник штаба — офицеры Генерального Штаба.

7 декабря я получил от вр. командующего корпусом предписание — отправиться в 14-ю конную бригаду и вступить в командование ею.

Вскоре я разыскал бригаду в районе к северу от слободы Скасырской. Но в каком состоянии! Оставил я бригаду два месяца тому назад в полном порядке, с боевым составом в 3000 сабель, а теперь нашел ее в составе около 300 сабель.

Как чужую бригаду, 2-й корпус использовал ее, как говорится, «и в хвост и в гриву», без отдыха мотая, пока она не дошла до такого состояния. Бригадой командовал чужой офи-

цер, уже третий или четвертый по счету, полковник Гаврилов. Бригада отходила после тяжелых боев в районе г. Богучара на отдых и пополнение уже несколько дней; но так как места для отдыха назначались в 5—6 верстах от отступающего фронта, то фактически бригада не могла использовать для отдыха ни одного дня. Когда поступали распоряжения получить теплые вещи или фураж на какой-либо станции, то к этому времени оказывалось, что указанная станция уже была занята противником. В погоне за теплыми вещами бригада безостановочно отходила и 15 декабря прибыла в хут. Садковский, что к сев.-востоку от станции Константиновской. Здесь мною была получена телеграмма от начальника Штаба Донской Армии о назначении меня начальником вновь формируемой «Конной Группы генерала Голубинцева», в состав которой входили 4-я Донская конная дивизия генерала Лобова (4, 5 и 6-я конные бригады) и 14-я Отдельная кон. бригада. В тот же день я отдал приказ о вступлении в командование конной группой.

При формировании мною штаба конной группы штаб 2-го корпуса создал для меня некоторые затруднения, что видно из цитируемого ниже письма начальника штаба корпуса, переданного по телефону:

Секретно.

Нач. конгруппы генералу Голубинцеву.

При формировании штабгруппы комкор приказал принять к сведению, дабы полковник Борзевич оставался наштадивом 4-й конной и если трудно будет вашему наштабригу справиться с конгрдолжностью наштабгруппы, комкор разрешил взять для себя из 4-й конной бригады причисленного к генштабу войск старшину Хохлачева, очень дельного и доблестного наштабрига 4-й конной. Точка. Для удобства управления конницей комкор раз-

решил из 4-х бригад, по вашему усмотрению, 2 дивизии, по 2 бригады, возложив на один из штабов, присоединившейся бригады к 14 бригаде обязанности штадива конной точка Полковник Борзевич последнее время совершенно не несет обязанностей наштадива, не дает донесений и становится в оппозицию с штакором. Этому не время. Под Персияновкой надо напрячь все силы моральные и физические начальствующих лиц, дабы успех был обеспечен за нами. Комкор с своей стороны примет меры, дабы из района Раздорской совместно с вашей конной группой и сводной дивизией ударить во фланг врага, наступающего на Персияновку. Из прилагаемой директивы вы увидите, где ген. Мамонтов, уже разбивший 15 дивизию и захвативший 1000 пленных и 11 орудий. Он сосредотачивается в Кутейников-Несветский, так как развить успех не было времени.

Очень жаль, что Вы нездоровы, но я надеюсь, Ваше Превосходительство, что Бог даст вам настолько силы, чтобы исполнить возложенную на вас задачу. Одно только неприятно, что ваша бригада сильно разложилась и по духу почти красная, и вся вина в командном составе, что они не требуют от казаков исполнения долга — необходимо вдохнуть в их души бодрость для окончательной победы. Ведя непрерывную разведку и не теряя соприкосновения с врагом, мы общими силами обрушимся на врага против 3-го корпуса, который отходит на высоты у ст. Персияновка. Когда вы нас ориентируете и установите посты летучей почты в Раздорской, то вы получите окончательную обстановку перед генеральным сражением точка Извините за простоту обращения, но я казак и верю в благополучный исход борьбы за наше правое дело. Еще раз Бог вам в помощь...

Врид наштакор Генштаба полковник
Одноглазков.

Это письмо создало для меня затруднение главным образом в назначении начальника штаба группы. Как найти выход из положения? Полковник Борцевич, естественно, должен быть назначен начальником штаба конной группы, как старший офицер генерального штаба в группе. Объяснить ему, почему я его обхожу, я также не мог, так как письмо наштакора было секретного характера. Рекомендуемого войскового старшину Хохлачева, ускоренного выпуска Военной Академии, хотя и очень способного и дельного офицера, моего сослуживца еще в мирное время по 3-му Донскому Казачьему полку Царской Армии, я также не мог назначить, ибо, не говоря уже о неудобстве нарушения принципа старшинства и назначения подчиненного начальником, еще другое обстоятельство мешало, а именно, по мнению начальника 4-й конной дивизии, взять из 4-й бригады войскового старшину Хохлачева — это значит лишить бригаду управления, так как ввиду слабости комбрига, бригадой фактически командовал Хохлачев. Выход был только — назначить вр. наштагруппы войскового старшину Корнеева, наштабрига 14-й отд. конной. Результат не замедлил сказаться. Чувствовалось, что наштадив 4-й обижен и распоряжения штаба группы исполнялись 4-й дивизией как-то неохотно и вяло: «как прикажете». Ждать проявления инициативы 4-й дивизией при настоящем положении, если бы того требовала обстановка, не приходилось, а время было тяжелое и пассивный образ действий мог привести к катастрофе, а взыскивать и отрешать также было не время. Учитывая создавшееся положение, я решил действовать по обстановке и через два дня начальником штаба конной группы назначил полковника Борцевича.

Надо сказать еще несколько слов о состоянии частей конной группы. О боевом составе 14-й Отд. бригады я уже упомянул, а также о том, в какое состояние она была приведена за время пребывания, по меткому казачьему выражению, «в зятях» во 2-м корпусе. Что же касается 4-й конной дивизии, то она совершенно потеряла и сердце и все пулеметы. Пулеметные команды были готовы, и пулеметы ожидалось из Новочеркасска каждый день; что же касается сердца — «сердце» тоже, надо было полагать, через несколько дней нашлось бы, но в эти несколько дней что-то надо сделать. Путем маневра мы одержали некоторые успехи — наступление красных было приостановлено. Без решительного результата, но с некоторым перевесом в нашу сторону, группа вела бои в районе Садковского и Мокрой Ольховки с частями корпуса Буденного. У хут. Мокрой Ольховки, при столкновении наших разъездов с красными, два казака 14-й бригады попали в плен к Буденному, но на другой день им удалось бежать в свои части. При опросе этих казаков в штабе они рассказали следующее:

Когда их привели к Буденному, тот в это время обедал и сам пожелал сделать опрос пленным. Спросив, какой части и задав еще несколько вопросов, на которые казаки не могли или не хотели ответить, Буденный обругал их скверной бранью полусурово, полудобродушно:

— Ах вы, голубинцевские б-ди! Хотите есть?

Казаки, переминаясь с ноги на ногу, ответили: «Так точно, товарищ, желаем».

— Садитесь! — и посадив их с собою за стол, старался получить от них некоторые сведения.

По рассказу этих же казаков, служивших когда-то в 3-м Донском Казачьем пол-

ку Императорской Армии, начальником штаба у Буденного был прапорщик Зотов, бывший вахмистр 1-й сотни 3-го Донского Каз. полка. Я этого Зотова отлично помню. Человек уже пожилой и когда-то дельный и строгий вахмистр. В конце войны был командирован полком в одну из школ прапорщиков. Попал он к красным, по-видимому, случайно, так как в полку был добросовестным и ревностным служакой, время революции держался безукоризненно.

В начале января 1918 года, будучи в Новочеркасске, я неожиданно встретил его в офицерском собрании.

— Здравствуйте, Зотов!

— Здравия желаю, господин полковник.

— Что вы здесь делаете, в Новочеркасске?

— Да вот, господин полковник, кончил школу и еду домой в отпуск.

— А потом куда?

— Не могу знать, куда-нибудь в конный полк желал бы, боюсь, как бы не попасть в пехоту.

— Приезжайте ко мне, в наш 3-й полк, в Глазуновку, я буду рад вас видеть.

— Покорнейше благодарю, г. полковник, сочту за честь и счастье служить в родном полку, непременно приеду.

На этом разговор наш кончился. Очевидно, по приезде к себе в станицу он попал к красным, там остался и как бы по инерции сделал карьеру, окончил в Петербурге Красную Военную Академию и впоследствии был командиром 3-го кавалерийского корпуса.

Эти последние сведения я случайно узнал в двадцатых годах, уже будучи в эмиграции, из советского журнала «Огонек», где в числе помещенных портретов красных «генералов», окончивших Военную Академию, красовался и портрет Зотова с надписью: «С.А. Зотов, командир 3-го Кавалерий-

ского корпуса, бывший нач. полевого штаба Буденного».

24 декабря моя конная группа сосредоточилась в районе хут. Мокрый Лог. На следующий день было назначено, согласно полученным директивам, наступление на Александро-Грушевск, с целью удара по тылам армии Буденного, наступавшей на Новочеркасск. Несмотря на сильный приступ тифа, я непременно хотел лично руководить операцией, веря в успех; но 25-го утром я почувствовал себя настолько скверно, что не в состоянии был сесть на коня. Температура поднялась выше 40 градусов. Пришлось эвакуироваться. Я передал командование группой генералу Лобову. Меня уложили в сани, и в тот же день я переправился через Дон у станицы Константиновской, а на другой день, почти без сознания, прибыл в хут. Веселый. Около трех недель я пролежал в лазарете 14-й конной бригады, в хуторе Красноштанове.

О действиях конной группы при выполнении ею задачи я не берусь судить. По докладу моего начальника штаба, группа 25 декабря тремя колоннами выступила по направлению на Александро-Грушевск, но пройдя несколько верст, остановилась в нерешительности, так как в тылу, в районе Мокрого Лога, занятого нашей партизанской дивизией, слышалась орудийная стрельба. Вместо того чтобы продолжать выполнение задачи или, по крайней мере, как рекомендует нам устав, идти на выстрелы, конная группа, простояв некоторое время нерешительно в пути, свернула в сторону, не приняв никакого решения, и отошла в станицу Раздорскую. Дальнейшие действия группы были чисто пассивного или, вернее, непонятно-странного характера, свидетельствующие о совершенной потере частями боеспособности.

В Сальских степях

15 января 1920 года, едва оправившись после тифа, я выехал в штаб 1-го корпуса, так как моя бригада к этому времени вновь вошла в состав частей 1-го корпуса.

Станица Егорлыцкая эвакуировалась, и штаб корпуса перешел на станцию Целина, куда я и прибыл 16 января. Командир корпуса генерал Алексеев советовал мне скорее ехать в бригаду, где, по его словам, не все было благополучно, и смеясь показал мне телеграмму, полученную из штаба армии, следующего содержания: «Где генерал Голубинцев, почему 14-й бригадой командуют разные неизвестные лица?»

— Бригадой командует сейчас генерал Туроверов, четвертый по счету комбриг за время вашей болезни. Поезжайте скорее и приведите в порядок бригаду. На днях полковник Красовский расстрелял командира сотни шт.-ротмистра Зайцевского, а прибывший сюда вчера командир 28-го полка полковник Болдырев даже мне не советует показываться к вам в бригаду, он говорит: «И вас там могут расстрелять, Ваше Превосходительство», 151 шутя добавил генерал Алексеев.

Я доложил командиру корпуса, что о расстреле шт.-ротмистра Зайцевского у меня имеется подробный доклад, из которого видно, что такая исключительная мера была необходима, ибо обстановка требовала без промедления принять решительные меры, иначе могли быть весьма неприятные последствия, ибо положение было очень тяжелым, наши войска отходили, настроение в частях было подавленное и ненадежное, так, например, в одну ночь из сторожевого охранения, находившегося под командой шт.-ротмистра Зайцевского, ушло к

красным 150 человек, а на другой было перехвачено письмо Зайцевского к красным с предложением перейти к ним при первом удобном случае. За Зайцевским, как бывшим комиссаром, уже давно велось наблюдение. Расстрелян он был по приговору военно-полевого суда за измену и неисполнение боевого приказа. Приговор приведен в исполнение на глазах сотни Зайцевского, которой было объявлено, что так будет поступлено с каждым, не исполнившим боевого приказа.

Расстрелян был Зайцевский в станице Платовской, при очень трагической обстановке: красные в превосходных силах наступали на станицу, снаряды рвались на площади. Расстрел пресек в корне начинавшееся было разложение и отрезвляющим образом подействовал на части, призвав их к порядку и исполнению долга, о чем свидетельствует блестящий отход бригады в образцовом порядке из станицы Платовской. Около 10 верст бригада отходила шагом, в линии колонн, готовая в любой момент ударить противника, наседавшего со всех сторон, но не решавшегося атаковать готовую к отпору бригаду.

16 января вечером я прибыл в зимовник Супрунов, куда только что возвратилась бригада после боя у хутора Жеребкова.

Всю вторую половину января, в жесткие морозы, при очень тяжелых хозяйственных условиях, бригада вела удачные бои с конной дивизией Гая и частями 28 советской стрелковой дивизии Азина. Боевые действия все время происходили в степях, располагалась на ночлег бригада в разоренных зимовниках. Помещений, особенно для людей, было очень мало, да и в уцелевших до-

мах окна и двери были обыкновенно выбиты. Мороз доходил до 23—25 градусов по Реомюру, с сильными снежными метелями и ветром. Люди набивались в дома и спали в несколько ярусов, согревая телами друг друга. Тиф свирепствовал, каждый день десятки больных отправлялись в тыл. Служба на заставах была особенно тяжела, посты ютились у скирд соломы, занесенных снегом. Зачастую как наши казаки, так и красные, заблудившись, благодаря вьюге попадали на посты к противнику. В последних числах января красноармеец, везший донесение, по ошибке попал на нашу заставу. Донесение было послано начальником 28-й советской дивизии товарищем Азиным в соседний красный отряд, если не ошибаюсь, Кеквидзе, с сообщением, что 1-я конная армия Буденного прошла по левому берегу Маньча к станции Торговой. Донесение это я немедленно переслал в штаб корпуса, но ему не придали значения и не поверили, так как в штабе не было еще сведений о существовании конной армии! Через 10 дней эта армия показала себя у Шаблиевки.

К 30 января армия Буденного сосредоточилась в районе Торговой.

В начале февраля я с бригадой находился в одном из зимовников к северу от жел-доржного участка Егорлыцкая — Шаблиевка. Сюда на пополнение бригады прибыли четыре конных сотни казаков-малолетков, получивших в тот же день боевое крещение. В этот день части 28-й советской дивизии, находившиеся в соседнем зимовнике Попове, перешли в наступление. Выдвинув около трех рот пехоты, с 12-ю пулеметами, сам начальник дивизии товарищ Азин выехал на усиленную рекогносцировку.

Сосредоточив укрыто в лощинах конницу против обоих флангов наступающих красных и оставив перед фронтом лишь редкую лаву, я дал возможность противнику подой-

ти без выстрела шагов на 500 к зимовнику. По данному сигналу наши части одновременно и стремительно в конном строю атаковали ошеломленного противника. Красные были накрыты, как стайка оцепеневших куропаatok. Вспыхнувшая нервная ружейная трескотня и инстинктивная попытка к сопротивлению быстро подавлены. Несколько сабельных ударов, и противник окончательно смят. Все 12 пулеметов, приготовленных к стрельбе, были захвачены на позиции. Сам начальник дивизии товарищ Азин пытался было ускакать, но благодаря глубокому снегу конь его споткнулся, завяз, и красный «генерал» был захвачен в плен живым, почти как Костюшко.

Кроме того, было взято около сотни пленных и столько же изрублено. Наши потери: сотник Красноглазов и семь казаков — все легко ранены.

Так как у меня было основание предполагать, что зимовник Попов занят красной конницей, я решил лично проверить это у Азина путем опроса. Азин, накануне расстрелявший пленного офицера 14-й бригады, боясь возмездия, страшно волновался:

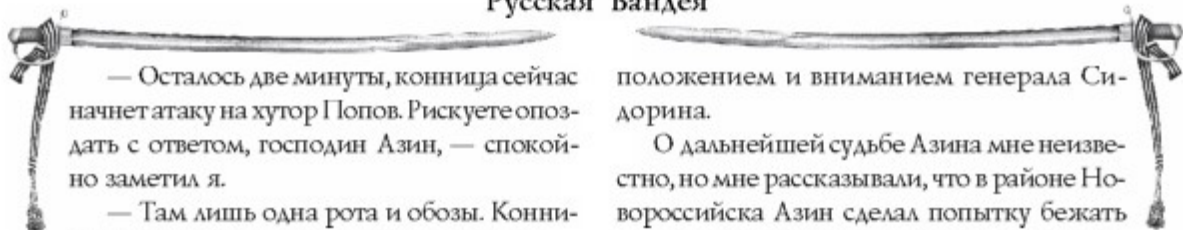
— Вы меня расстреляете, генерал! — с ужасом, хватаясь за голову, нервно выкрикивал Азин.

— Это зависит от вас. Если вы мне прямо и откровенно ответите на мои вопросы, я вас не расстреляю, а отправляю в тыл, где, полагаю, вас также не расстреляют. Даю вам пять минут на размышление: мои части готовы к атаке хут. Попова. Скажите, кем занят хут. Попов? Есть ли там конница?

— Дайте мне слово, что вы меня не расстреляете!

— Обещаю, если ваши сведения будут правдивы.

Азин, видимо, колебался. Я взглянул на часы.

— Осталось две минуты, конница сейчас начнет атаку на хутор Попов. Рискуете опоздать с ответом, господин Азин, — спокойно заметил я.

— Там лишь одна рота и обозы. Конница и два батальона час тому назад ушли, — скороговоркой прокричал Азин.

Через 10 минут зимовник Попов нами был занят, захвачены обозы и несколько десятков пленных. Азина я отправил в штаб корпуса, а оттуда он был отправлен в штаб Донской Армии, где, как я узнал впоследствии, пользовался особым рас-

положением и вниманием генерала Сидорина.

О дальнейшей судьбе Азина мне неизвестно, но мне рассказывали, что в районе Новороссийска Азин сделал попытку бежать к красным, но был застрелен во время бегства, где-то между вагонами, казаками охраны штаба.

4 февраля моей бригаде был придан 19-й конный полк и я получил приказание войти в подчинение генералу Павлову для совместной операции против конницы Буденного, занимавшей станцию Торговую.

19.

Донская конница у Торговой и Белой Глины

Читая доклады и записки о Гражданской войне, я нигде не встречал более или менее подробного описания действий Донской конницы генерала Павлова в период 1—15 февраля 1920 года, а между тем деятельность Донской конницы в это время заслуживает более точного и подробного изучения.

Рядом грубых ошибок, растерянностью, или скорее неуверенностью в своих силах, если не сказать неподготовленностью, части высшего командного состава к ведению операции в тех исключительных условиях Гражданской войны только и можно объяснить те ужасные ошибки, граничащие с преступлением, благодаря которым Донская конница, имея все данные для уничтожения конной группы Буденного, не только не выполнила своей задачи, но и окончательно была расстроена, растрепана и потеряла сердце как раз в тот фатальный момент, когда решалась судьба не только Гражданской войны, но и России.

Постараюсь, насколько мне позволяет память, описать те события, в которых я был

непосредственным участником или которые происходили у меня на глазах.

Начну с несчастного 4 февраля 1920 года, когда генерал Павлов, после удачных действий 1—3 февраля против конной дивизии Гая, находясь в районе хутора Веселого, отдал приказ о наступлении на Торговую для уничтожения группы Буденного.

В суровый мороз, около 26 градусов по Реомюру, конной группе генерала Павлова приказано было идти напрямик, без дорог, по компасу, по степи, покрытой толстым пластом снега, более чем на аршин глубиной, в направлении на Торговую. На протяжении около 30 верст не было ни одного населенного пункта, а между тем в нескольких верстах левее, по долине реки Маныча, шла дорога параллельно нашему направлению, по местности густо населенной, по которой несколько дней тому назад прошла 1-я Конная армия Буденного.

Согласно приказу части группы генерала Павлова должны были пройти линию реки М. Егорлык в 12 час. дня 4 февраля ст. ст.

Как объяснить решение генерала Павлова, старого, опытного, боевого кавалерийского начальника, идти напрямик и вести войну с природой, осудив свою конницу на гибель? Говорили, что ген. Павлов был против такого решения, но приказание командующего Донской Армией генерала Сидорина было в этом смысле категорическим.

Другой конной группе, меньшей по численности, генерала Голубинцева, в составе 4-х конных полков, 2-х батарей и Кубанского конного дивизиона, находившейся у зимовника Попова, в районе станции Целина, приказано было войти в подчинение ген. Павлову и, выступив в 12 часов, двигаться вдоль реки Средний Егорлык с таким расчетом, чтобы на другой день, 5 февраля утром, совместно с конной группой генерала Павлова атаковать Торговую с юго-запада. Судя по диспозиции, на рассвете 5 февраля, с ю-ю-востока и с юга должны были подойти 1-й и 2-й Кубанские корпуса и одновременно с нами атаковать Торговую.

Таким образом, план был задуман и выработан великолепно: получалось в теории полное окружение превосходными силами противника, находившегося в Торговой. Но выполнение плана было произведено так, что вместо успеха получился разгром собственных сил.

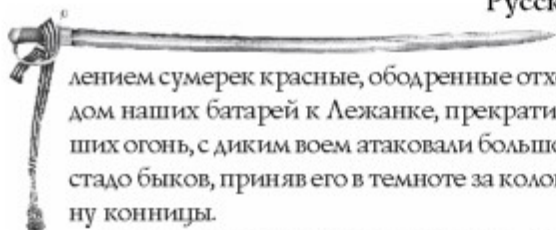
1-й и 2-й Кубанские корпуса не подошли, и, как выяснилось потом, они еще накануне были потрепаны красной конницей Думенко. Группа генерала Павлова во время 30-верстного перехода по степи, без дорог, была окончательно обморожена и, потеряв около 5000 человек из 12 000, обмороженными и замерзшими, атаковала ночью, в беспорядке, красных в районе Торговой у станции Шаблиевка самостоятельно и, не успев использовать внезапность и начальный успех, отошла в район Егорлыц-

кой, не сообщив даже о своем уходе генералу Голубинцеву.

Группа генерала Голубинцева, сделав переход по долине реки Средний Егорлык, по местности, усеянной хуторами и зимовниками, с остановками и привалами, и все же потеряв 286 человек обмороженными, к утру 5 февраля заняла исходное положение, ожидая условного сигнала — артиллерийского огня — к переходу в наступление на Торговую. Но никакого признака боя или наступления не было заметно.

Около 9 часов наши разъезды и разведывательные сотни стали подходить к Торговой; в это же время были замечены какие-то конные части, выступавшие от Торговой. В бинокль ясно можно было различить около девяти полков конницы. Но как наши разъезды, так и большевики огня не открывали: большевики, очевидно, не рассчитывали встретить здесь противника, а наши колебались, не зная, противник ли это, или может быть, части генерала Павлова, заняв Торговую, двигаются к югу. И только при непосредственном столкновении передовых частей, когда заговорили пулеметы, выяснилась обстановка. Тем временем выступавшая из Торговой красная конница, силою около 9—11 полков, очевидно, не рассчитывая встретить упорного сопротивления, повела наступление на нас.

Встреченная метким огнем наших двух батарей: 14-й конной полковника Степанова и 10-й войскового старшины Бочевского, красная конница сначала отхлынула, но затем, в продолжение дня, повторила около восьми конных атак, стараясь охватить наш правый фланг. Все атаки отбивались ураганным огнем наших батарей и пулеметами. Наши части отходили перекатами, ведя упорный бой, и при поддержке артиллерии частично переходили в контратаки. Интересно отметить один эпизод: с наступ-

лением сумерек красные, ободренные отходом наших батарей к Лежанке, прекративших огонь, с диким воем атаковали большое стадо быков, приняв его в темноте за колонну конницы.

Под покровом наступившей ночи, отравившись от наседавшего противника, наша группа отошла на ночлег в село Средний Егорлык (Лежанка), заняв перед селом сильным сторожевым охранением позицию.

В Лежанке в это время находилось много всякого рода тыловых учреждений: обозов, госпиталей, каких-то нестроевых частей, мастерских, которые и не предполагали, что находятся в непосредственной близости к противнику. Совершенно неожиданно очутившись под ударом врага, все эти учреждения и команды спешно, еще до рассвета, эвакуировались на юг.

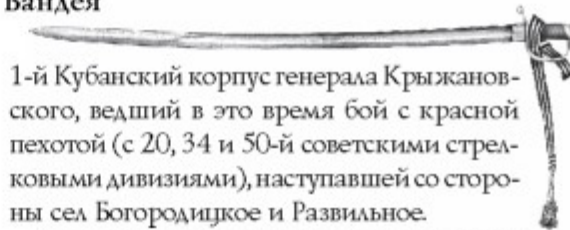
6 февраля противник не проявлял активности, если не считать столкновений разведывательных частей.

7 февраля, часов около 10 утра, красные несколько раз пытались овладеть селом, но все попытки их были отбиты огнем артиллерии и пулеметов и частыми контратаками.

8 февраля Буденный с утра всеми силами повел наступление на Лежанку и часам к 12 дня, вытеснив нашу группу, занял село.

К вечеру того же дня части генерала Голубинцева отошли на ночлег в станицу Плоскую (Ново-Корсунский).

9 февраля Буденный с 6-й и 4-й кавалерийскими дивизиями атаковал Плоскую и после нескольких повторных атак занял станицу, оттеснив наши части к западу, к поселку Ивановский. К вечеру наши части расположились в станице Незамаевской и в поселке Ивановском, а Буденный, оставив в станице Плоской сильный заслон, с конной армией двинулся дальше на юг, по направлению к селу Белая Глина, где, как выяснилось впоследствии, атаковал и уничтожил

1-й Кубанский корпус генерала Крыжановского, ведший в это время бой с красной пехотой (с 20, 34 и 50-й советскими стрелковыми дивизиями), наступавшей со стороны сел Богородицкое и Развильное.

О нахождении в Белой Глине корпуса генерала Крыжановского и вообще каких-либо наших частей мне не было известно, как не было известно о местонахождении и судьбе Конной группы генерала Павлова. В противном случае я, конечно, связался бы с генералом Крыжановским и отходил бы на Белую Глину, а не на Незамаевскую, и неожиданная катастрофа с Кубанским корпусом была бы избегнута.

Вообще следует отметить, что даже старшие начальники не были Донским штабом достаточно ориентированы об обстановке за все время отхода и боев на Кубани, и это одна из важных причин нашего поражения.

10 февраля, находясь с конной группой в станице Незамаевской, я установил через Корниловский п. телефонную связь с Командующим Донской Армией генералом Сидориным. Для розыска и связи с генералом Павловым были посланы разъезды. За станицей Плоской велось наблюдение. День прошел спокойно. На усиление моей группы прибыл 4-й конный полк молодой Донской Армии в составе 2-х сотен, силою около 150 сабель.

11 февраля мои части сосредоточились в районе хут. Ивановского, в 5—6 верстах от станицы Плоской, с целью вновь овладеть Плоской. В это время генерал Сидорин сообщил мне по телефону, что к вечеру к Плоской должна подойти со стороны Средне-Егорлыцкой 10-я Донская дивизия. Не дожидаясь подхода 10-й конной дивизии и получив от разведки сведения о численности противника, занимавшего Плоскую, наши части около 12 час. дня энергичным налетом овладели станицей, захватив у крас-

ных обозы и отбив группу пленных, около 40 человек, взятых красными при разгроме 1-го Кубанского корпуса.

К вечеру 11 февраля в ст. Плоскую вошла 10-я Донская конная дивизия генерала Николаева.

С подходом 10-й дивизии я получил приказание 4-й полк молодой армии отправить к Екатеринодару для операций против зеленых; туда же был отправлен и Кубанский дивизион, а с остальными частями я вошел в подчинение генералу Николаеву для дальнейших операций.

На ночлег части ген. Голубинцева расположились в районе станицы Плоской: штаб, три полка и две батареи в станице, а один полк с 2-мя орудиями в хуторе Ивановском. В 10 час. вечера я получил из штаба 10-й дивизии краткое приказание: «От 14-й конной бригады выслать разведку утром 12 февраля на села Белую Глину и Горькую Балку и в 8 часов выступить в авангарде на село Белую Глину».

Никаких сведений о противнике, об общей задаче и о других частях группы генерала Павлова не сообщалось.

Утром 12 февраля, когда голова авангарда выдвинулась версты на три к югу от станицы Плоской (Н. Корсунский) по дороге на Белую Глину, были получены донесения от разъездов, что противник силою около 8—9 полков конницы выступил из села Белая Глина и перешел в село Горькая Балка. В это же время к северу от Горькой Балки в бинокль можно было различить конные колонны противника. Начальник группы генерал Николаев был еще в Плоской. Ему было послано донесение об обстановке. Авангард остановился, части подтянулись во взводную колонну. Через некоторое время в голову колонны выехал генерал Николаев со своим начальником штаба, войсковым старшиною Фроловым.

Теперь колонны противника обозначились резко. Противник делает перестроения. На мой доклад об обстановке и на вопрос о дальнейших действиях генерал Николаев заявил, что нам приказано занять Белую Глину, а потому оставим здесь, в ложнине, заслон в две сотни, а сами пойдём на Белую Глину.

Такое примитивное решение меня смутило:

— Я полагаю, что занять Белую Глину может разъезд, так как разведка доносит, что противник очистил село и перешел в Горькую Балку, а наша задача, полагаю, разбить противника, — возразил я.

— Тогда оставим здесь заслон — одну бригаду, а сами пойдём на Белую Глину, — говорит нерешительно генерал Николаев.

— Обратите внимание, Ваше Превосходительство, что противник строит боевой порядок, видно в бинокль, сейчас будет атака.

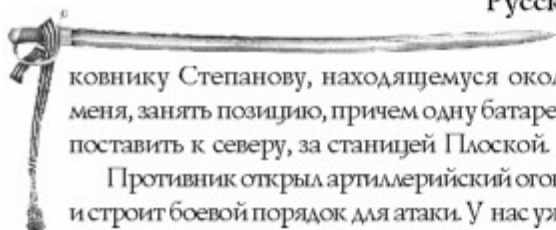
— В резервную колонну! — приказывает генерал Николаев.

Отряд в четыре бригады (12 полков) строит резервные колонны в ложнине, правее дороги, в шахматном порядке, так что противник нас почти не видит: в центре 14-я бригада (ген. Голубинцев), левее уступом вперед 9-я бригада (полковник Дьяконов), правее уступом назад 10-я бригада (полковник Лащенко) и 13-я бригада (полковник Захаревский).

Начальник группы ген. Николаев выезжает на левый фланг, перед 9-й бригадой, с ним начштаба войск старшина Фролов, и советуются. Здесь же присутствую я и командир 9-й бригады полк. Дьяконов, другие командиры бригад при своих бригадах.

Результат совещания с начальником штаба: «выслать сотню от 9-й бригады в лаву».

Я, видя, что у ген. Николаева еще нет определенного решения, приказываю командиру моего артиллерийского дивизиона пол-

ковнику Степанову, находящемуся около меня, занять позицию, причем одну батарею поставить к северу, за станицей Плаской.

Противник открыл артиллерийский огонь и строит боевой порядок для атаки. У нас уже есть потери от артиллерийского огня.

— Отдавайте же приказания, прикажите строить боевой порядок, — говорю я ген. Николаеву. Лицо генерала изображает растерянность и нерешительность. Я, видя, что красные могут нас забрать, как оцепеневших цыплят, приказываю моим батареям открыть огонь. Ординарцу отдаю приказание: «14-я бригада в линию колонн!»

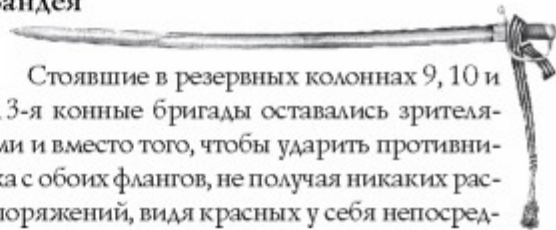
Лицо генерала Николаева мне страшно знакомо, но где я его видел, не могу вспомнить. «Где я с вами встречался, Ваше Превосходительство?»

— Да я у вас же был в отряде!

Больше разговаривать некогда — противник переходит в атаку, я еще раз говорю: «прикажите строить боевой порядок!»

— Атакуйте вашей бригадой, — говорит ген. Николаев, — а мы вас поддержим.

Я скачу к своей бригаде, командуя: «Строй фронт! Трубач! По переднему уступу!» Мелодичные звуки сигнала оглашают морозный воздух и поднимают настроение. Бригада, выдвигаясь вперед, успевает развернуть два правофланговых полка и переходит в атаку на красных, идущих в линии колонн; в интервалах у красных пулеметы на тачанках. Крики «ура!», и в одну минуту моя бригада от пулеметного огня теряет 150 всадников и лошадей; около меня падает мой вестовой, сраженный пулей. Бригада атаковала с фронта, а с левого фланга противник массой обрушился на мой левофланговый полк, шедший на уступе и еще не успевший развернуться, и смял его. Два другие полка, получив удар во фланг и с фронта, после краткой рукопашной схватки отброшены в облическом направлении вправо.

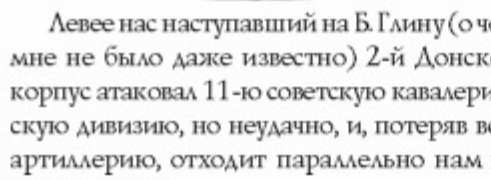
Стоявшие в резервных колоннах 9, 10 и 13-я конные бригады оставались зрителями и вместо того, чтобы ударить противника с обоих флангов, не получая никаких распоряжений, видя красных у себя непосредственно перед глазами, обрушившихся всей массой на 14-ю бригаду, оглушенную криками «ура!» и пулеметной трескотней, толпою бросаются направо назад, оставив красным всю артиллерию, около 20-ти орудий, которая не только не сделала ни одного выстрела, но даже не заняла позиции. Стреляли только две батареи 14-й конной бригады, причем 10-я конная батарея доблестного войскового старшины Бочевского, открыв ураганный огонь по атакующим красным, внесла в ряды их большое замешательство, заставив их задержаться и тем дала возможность частям 14-й бригады, сейчас же за станицей Плаской, оторваться от противника, прийти в порядок и прикрыть отход конной группы.

29-й конный полк 14-й конной бригады, с двумя орудиями, под командой есаула Акимова, шедший на присоединение к 14-й бригаде из х. Ивановского, в это время открывает артиллерийский огонь в тыл атакующим красным, что также охлаждает порыв большевиков к преследованию и дает возможность 14-й бригаде устроиться.

Очутившись в арьергарде, 14-я бригада прикрывает отступающую в беспорядке 10-ю дивизию. Преследование ведется упорно. Части бригады отходят перекатами, отбиваясь от наседающей красной конницы пулеметами и огнем батареи войскового старшины Бочевского.

На десятой версте пришедшая в порядок 10-я конная бригада полковника Лащеннова поддерживает 14-ю бригаду, и общими усилиями, перейдя в контратаку, они отбрасывают выделенные для преследования красные части.

А.В. Голубинцев

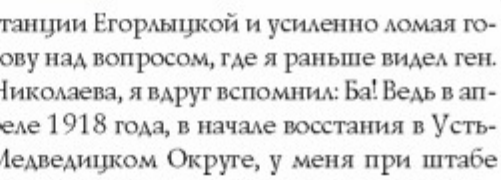
Левее нас наступавший на Б. Глину (о чем мне не было даже известно) 2-й Донской корпус атаковал 11-ю советскую кавалерийскую дивизию, но неудачно, и, потеряв всю артиллерию, отходит параллельно нам на Егорлыкскую.

Таким образом, от артиллерии всей конной группы генерала Николаева уцелела лишь артиллерия 14-й конной бригады: 10-я конная батарея полк. Бочевского и два орудия 14-й конной батареи полк. Степанова, единственные батареи хладнокровно и с честью выполнившие свой долг.

Итак, мы проиграли бой благодаря растерянности начальника, имея все данные для того, чтобы его выиграть: и выгодное положение, и перевес в численности, и настроение казаков, ободренных недавними успехами — разгромом кавалерийской дивизии Гая и 28-й стрелковой дивизии Азина с пленением начальника дивизии.

Как будто нас преследовал какой-то злой рок — ошибки за ошибками, переходящими в преступления.

Не могу не остановиться на личности генерала Николаева. После боя, подходя к

станции Егорлыкской и усиленно ломая голову над вопросом, где я раньше видел ген. Николаева, я вдруг вспомнил: Ба! Ведь в апреле 1918 года, в начале восстания в Усть-Медведицком Округе, у меня при штабе повстанческой армии был подьесаул Николаев; офицер очень симпатичный, но настолько вялый и неэнергичный, что я, при всем моем желании и расположении к нему, не мог дать ему даже сотни, несмотря на большой недостаток в офицерах. Он все время находился у меня при штабе, и, наконец, я его назначил заведующим оружейными мастерскими на хут. Большом. Затем, когда получились сведения о восстании в его Округе, кажется, в 1-м Донском, он просил откомандировать его в свой Округ. С тех пор я потерял его из вида, и вот через два года встречаю его в роли начальника большой конной группы. На Кубани затем он временно командовал 4-м конным корпусом, что, по-видимому, его очень стесняло, так как при одной встрече со мною он, разводя руками, простодушно заявил: «Какой я командир корпуса!»

В эмиграции, проживая в Софии, он записался в «Союз Возвращения на Родину» и в 1921 году уехал в Советскую Россию, где, по слухам, расстрелян большевиками.

III ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

20.

За Кубань

После неудачного боя 12 февраля Конной группы генерала Павлова у станции Платской (Н. Корсунский) началась Голгофа белой конницы.

На другой день после боя, 13 февраля, простояв полдня в колоннах у ст. Егорлыкской, вся конная группа, блуждая до вечера в степи, в холод и вьюгу, отошла на ночлег в Кугаевские хутора, где на каждую бригаду было отведено по одному двору. Даже штабы бригад расположились в скирдах соломы, засыпанных снегом.

Люди не могли отогреваться у костров, так как огонь запрещено было разводить. Соприкосновение с противником было утратно. На следующий день была назначена дневка. Отдых при таких условиях, конечно, не только не освежил и успокоил части, а еще больше измучил, ибо находясь все время на морозе, под открытым небом, казаки страдали от холода и утомления, оспаривая друг у друга место у скирд. 15 февраля, рано утром, конная группа выступила с места ночлега и к вечеру вошла в соприкосновение с противником у хуторов Иловайских, где в сумерках уже завязался бой спешенных частей, длившийся далеко за пол-

ночь, переходящий местами в рукопашные схватки. Хутора переходили из рук в руки. Обстановка была довольно темна. Связь между нашими частями, ведущими бой на большом фронте, часто прерывалась и терялась. Перед рассветом бой, длившийся с переменным успехом, постепенно затих. Решительных результатов не было достигнуто ни одной, ни другой стороной. Противник исчез. Следующие дни — маневрирование в резервных колоннах, редкие перестрелки. Ни приказов, ни сообщений, ни задач в части и штабы бригад от командования Конной группы не получалось. Обстановка была очень неясна, так же, как и цель наших маневров и передвижений. Очевидно, штаб Конной группы упустил из вида, или не мог, или не считал нужным посвящать в обстановку старших начальников.

18 февраля в районе сел Грязнуха — Средне Егорлыкской, на фронте протяжением около 15 верст, был ряд нерешительных конных атак, сводившихся к стремлению обоих противников охватить фланги — отсюда получалась параллельная скачка. Едва ли в истории конницы было когда-либо скопление такой массы конницы, ведущей

конные бои в таком грандиозном масштабе на таком сравнительно небольшом пространстве. К сожалению, ввиду ли общего утомления, физического и морального, или общей растерянности и неорганизованности, бои не дали никакого результата. Отсутствие же общего руководства и главным образом приказаний, директив, распоряжений, сведений об обстановке, задачах и цели понижало настроение масс, затемняло обстановку и вносило неуверенность.

19 февраля Конная группа перешла реку Кугасю. Отсюда начинается наш медленный, но безостановочный отход на Кубань по большой, размытой тающим снегом, грязной и вязкой дороге к Екатеринодару, через станицы Березанскую, Журавскую, Кореновскую, Платнировскую и Динскую. Начавшаяся около 20 февраля оттепель обратила черноземную почву в грязное, засасывающее болото. 27 февраля, после боя у переправы через реку Бейсуг, Конная группа отошла в станицу Березанскую, где мы узнали, что генерал Павлов отозван и в командование конницей вступил генерал Секретев.

28 февраля красные перешли в наступление; наша группа после боя отошла за реку Бейсуг, в Журавский хутор, и в тот же день к вечеру, теснимая противником, в станицу Кореновскую. Здесь было получено сообщение, что для руководства операциями в станицу Кореновскую завтра, т.е. 29-го, на аэроплане прилетает Командующий Донской Армией генерал Сидорин. Особенного энтузиазма это сообщение не внесло, ибо Сидорин вообще не пользовался популярностью ни у командного состава, ни у казаков, и об его военных и боевых качествах и особенно политических тенденциях, также как и методах ведения операций, мнение было далеко не в его пользу.

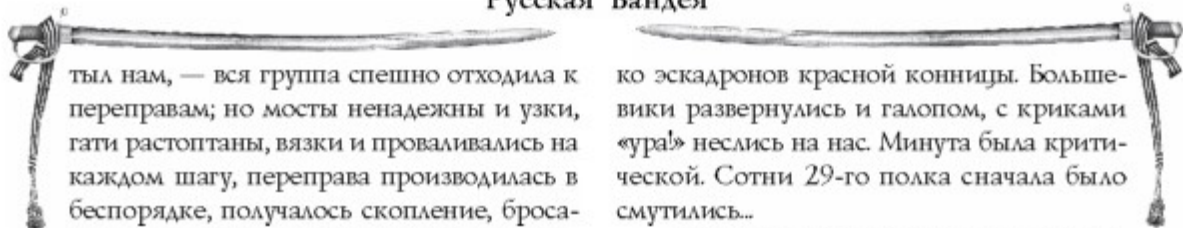
С утра 29-го на окраине станицы Кореновской были зажжены две громадных

скирды, которые должны служить указанием места для спуска аэроплана Сидорина.

В 11 час. ген. Сидорин прибыл, встреченный ген. Секретевым. 1 марта состоялся смотр войскам у станицы Кореновской. Погода стояла скверная, еще накануне, с вечера, подморозило, пошел снег, поднялся резкий ветер и началась метель. Сидорин объехал построенные в резервных колоннах бригады, затем собрал урядников и сказал довольно бессодержательную и трафаретную речь о необходимости победить и драться. Казаки слушали и молчали, кутаясь в дражные шинели и переминаясь с ноги на ногу в дырявых и мокрых сапогах и опорках.

Утром 2 марта вся группа сосредоточилась на южной окраине станицы. О противнике не было никаких сведений; но около полудня стрельба послышалась уже в тылу у нас. Начался поспешный отход к Платнировской и бои за переправы, но так как мосты и гати были размыты и растоптаны, а о поправке их заблаговременно никто не позаботился, пришлось бросить много обозов и часть пулеметов, не успевших вовремя переправиться.

Вообще надо отметить, что вступление генерала Сидорина в командование конницей ознаменовалось особыми методами ведения отступательного боя. Наш путь движения пересекался целым рядом болотистых в это время года речек, раздувшихся за время оттепели, вязких и по большей части непроходимых вброд. Сообщение возможно было только по мостам и гатям, часто разломанным и размытым. С прибытием Сидорина мы усвоили особую тактику: в бой с красными не вступали, а не доходя 2—3 верст до какой-либо пересекающей наш путь речки, останавливались и стояли в резервных колоннах часами; когда же получались сведения, что противник нас обошел и, уже в тылу за речкой, открывал огонь во фланг и

тыл нам, — вся группа спешно отходила к переправам; но мосты ненадежны и узки, гати растоптаны, вязки и проваливались на каждом шагу, переправа производилась в беспорядке, получалось скопление, бросались обозы. После каждой такой переправы наши полки теряли веру в свои силы и, конечно, все более и более деморализовались. Это повторялось неоднократно. Укажу как характерный пример бой за переправу или, вернее, у переправы, у станицы Динской:

3 марта Конная группа, оставив станицу Пластуновскую, остановилась, не доходя 2-х верст до переправы, что к западу от станицы Динской. В тылу находилась болотистая речка Качати с почти негодной для переправы гатью. Противник активности как будто не проявлял, во всяком случае, его не было видно перед фронтом. Обстановка была не ясна. Около 2-х часов стояла группа пассивно в резервных колоннах. Вдруг были получены сведения, что красные нас обошли и выходят нам в тыл. Начался спешный отход к переправе. Моя 14-я бригада находилась в арьергарде и прикрывала отход. К речке подошла последней и начала переправляться. Переходить через гать можно было только в два коня, ибо она была узка и совершенно разбита прошедшими раньше частями. Лошади вязли и падали, проваливаясь в ямы, заполненные жидкой грязью. Пулеметы и орудия казаки с невероятными усилиями тащили на руках и веревках, подкладывая бревна и припрягая строевых лошадей. Люди и лошади выбивались из сил. Я находился на правом, северном берегу речки с 29-м конным полком, следовавшим в хвосте бригады. Полк остановился шагах в 500-х от гати, ожидая окончания переправы артиллерии и передних частей. В это время на горизонте, в направлении с северо-запада, показалось несколь-

ко эскадронов красной конницы. Большевики развернулись и галопом, с криками «ура!» неслись на нас. Минута была критической. Сотни 29-го полка сначала было смутились...

— Есаул Акимов, ведите полк в контратаку! — приказываю командиру полка.

Доблестный есаул, выхватив шашку, энергично командует: «Шашки к бою, за мной!» Решительный вид и порыв командира увлекают казаков. С гиком развернулись сотни и понеслись навстречу противнику. В это же время переправившиеся раньше две сотни Калмыцкого полка, занимавшие позицию по левому берегу р. Качати, открыли огонь из 2-х пулеметов по красной коннице.

Не ожидавшие такого оборота, красные повернули обратно и, преследуемые казаками 29-го полка, так же быстро скрылись, как и появились. Переправа закончилась благополучно, хотя в тылу и на фланге еще слышалась частая стрельба и выдвинутые на левый фланг заслоны вели упорный бой.

На кургане рисовалась грустная, повернутая в бурку, фигура генерала Сидорина. С конвоем из юнкеров пассивно и беспомощно переезжал ген. Сидорин с кургана на курган, тоскливо слушая перестрелку. Присутствие Командующего Донской Армией не только не вдохновляло части, но скорее пассивная группа Командующего своим видом наводила на них уныние.

Оставив заслон, Конная группа продолжала движение к Екатеринодару.

У станицы Динской я остановился с бригадой, решив дать частям передышку и покормить лошадей. На находившуюся не вдалеке горевшую жел.-дорожную станцию, где брошен был интендантский склад, я послал офицера с развозом, рассчитывая получить из интендантства овса для лошадей бригады и вещи для людей. Но интендант-

ский склад час тому назад спешно в панике эвакуировался, вещи не были выданы вовремя, а брошены, склад горел, и даже овса нельзя было получить в достаточном количестве.

В Динской я встретил начальника Конной группы генерала Секретева, ехавшего с одним только вестовым.

— Что будем делать дальше, Ваше Превосходительство? Какие распоряжения?

Генерал Секретев, потерявший, по его собственному выражению, сердце, безнадежно махнул рукой.

— Все равно никакие приказания не исполняются! — и поехал дальше, нахлобучив на глаза фуражку.

Вероятно, генерал, бросив эту фразу, не учел обстоятельства, что приказания и директивы могут исполниться только тогда, когда они отдаются в приказах и распоряжениях своевременно, а не предоставлены интуиции подчиненных.

Простояв до 16 часов у Динской и пропустив запоздавшие и отставшие части, я двинулся с бригадой по направлению к Екатеринодару и, не доходя 10 верст, остановился на ночлег на шоссе, у сторожевой будки, выслав в сторону противника, на 5 верст вперед, наблюдательные разьезды. Ночь прошла спокойно, противник не беспокоил. Утром от разьездов получены донесения, что они вошли в соприкосновение с красными и под давлением сильных разьездов противника медленно, ведя перестрелку, отходят.

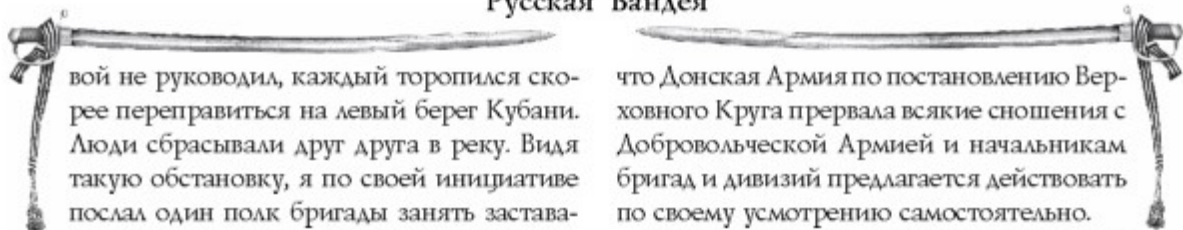
4 марта, около 10 часов утра, бригада подходила к Екатеринодару. Проходя мимо аэродрома, я удивился спокойствию и безопасности летчиков: на аэродроме стояло много машин как бы в ожидании, чтобы их захватили большевики. Я спросил у находившегося здесь офицера, что предполагается делать с аэропланами и известна ли

обстановка. Офицер-летчик ответил, что обстановка неизвестна и никаких распоряжений не получено. Я попросил к себе начальника отряда. Явившийся полковник очень удивился и заволновался, когда узнал, что в нескольких верстах от Екатеринодара находятся неприятельские разьезды. Никаких распоряжений и сведений он не получал. Впечатление такое, что об аэропланах будто бы забыли, хотя самолеты нам были очень и очень нужны. По просьбе начальника базы я оставил на аэродроме одну сотню в прикрытие, дабы дать возможность спокойно приготовить машины к отлету. На аэродроме засуетились, сожгли и привели в негодность некоторые не готовые к отлету машины, чего, конечно, не случилось бы, если бы своевременно были приняты меры к планомерной эвакуации такого ценного для нас военного материала. Учитывая такие поразительные факты небрежности или легкомыслия, невольно зарождается мысль о злом умысле, последующее еще более убеждает в этом. Весь этот хаос и неудачи нельзя приписывать только инертности, небрежности или глупости.

Будем надеяться, что будущий историк прольет свет на все эти обстоятельства.

Когда я с бригадой вступил в Екатеринодар, город был загромажден обозами, беженцами, ранеными и всякого рода тыловыми учреждениями. Распоряжение о порядке эвакуации не было сделано своевременно. В городе царил паника. Все металось, все стремилось к единственной переправе по жел-дорожному мосту. Второй мост *еще* (?) не был поправлен!

На жел-дорожном мосту образовалась пробка, строевые части перемешаны с обозами и подводами беженцев, тут же по мосту двигался поезд. Раздававшиеся по временам за городом ружейные выстрелы еще больше усиливали панику. Никто перепра-

вой не руководил, каждый торопился скорее переправиться на левый берег Кубани. Люди сбрасывали друг друга в реку. Видя такую обстановку, я по своей инициативе послал один полк бригады занять заставами северные окраины города, так как в случае появления даже небольших разъездов противника можно было ожидать катастрофы. Скоро моему примеру последовал еще какой-то полк, который, простояв с утра у переправы и учитывая обстановку, решил, что лучше ожидать своей очереди за городом, заняв позицию.

4-го вечером я с бригадой переправился на левый берег Кубани, оставив один полк в выселках у самого берега, а с остальными частями отошел на ночлег в аул Бжегокай, в нескольких верстах к западу от жел. дороги Екатеринодар — Георги Афипская.

4-й конный корпус расположился на ночлег в Новодимитриевской. Мост у Екатеринодара был взорван, но так неудачно, что на следующий день, 5 марта, большевики положили доски и переправили разведчиков. Расположенный в выселках, недалеко от моста, 29-й конный полк прогнал красных и даже переправил своих разведчиков в город, пробывших там несколько часов и возвратившихся с продуктами для полка и сахаром, взятым из брошенных там обозов.

Об укреплении левого берега Кубани или об охране его и наблюдении никто не позаботился. Распоряжений никаких от командования не поступало.

На 4-й конный корпус, ставший на ночлег в Новодимитриевской, в ночь с 4 на 5 марта «зеленые» сделали нападение, но после 2-часового боя были отбиты. Потери были с обеих сторон.

6 марта я получил приказание перейти с бригадой в аул Тахтамукай, где сосредоточивается 4-й конный корпус. В районе Тахтамукай 4-й корпус получил сообщение,

что Донская Армия по постановлению Верховного Круга прервала всякие сношения с Добровольческой Армией и начальникам бригад и дивизий предлагается действовать по своему усмотрению самостоятельно.

Здесь же, в пути, состоялось совещание старших начальников, на котором решили не разъединяясь действовать вместе и отойти в Грузию, где предполагали отдохнуть и оправиться, дабы вновь продолжать борьбу.

Связь с Донской Армией и Главным Командованием была прервана. Во временное командование 4-м конным корпусом вступил Начальник 10-й конной дивизии генерал Николаев. Отсюда начинается новый период нашего тернистого пути к Черноморскому Побережью.

* * *

Внимательно оценивая обстановку и сопоставляя ее со всеми распоряжениями и действиями верховного командования Донской Армии, связанными с нашим отходом за Кубань, нельзя не прийти к некоторым печальным выводам. Невольно возникает вопрос и закрадывается сомнение: было ли вообще у Донского Командования какое-либо определенное решение или план дальнейших действий за Кубанью?

Если решили отойти за Кубань, да и другого решения при создавшейся обстановке, пожалуй, и не могло быть, то почему заблаговременно наш тыл не был эвакуирован?

Почему район за Кубанью не был подготовлен для обороны? Почему своевременно не были поправлены мосты и переправы? Почему систематически оставались красным интендантские и муниционные склады? Почему аэропланы были брошены у Екатеринодара? Почему мотали без цели и пользы всю конницу, вместо того чтобы оставить на фронте лишь арьергарды?

Казалось бы, что если решено было отойти за Кубань, не ввязываясь с противником в бой по той или иной причине (а что это было так, доказывают факты, ибо не было сделано ни одной серьезной попытки к сопротивлению), то почему бы не послать заблаговременно в тыловой район одну-две бригады с задачей очистить и эвакуировать тыл, привести в порядок мосты и переправы и, что самое главное, укрепить левый берег Кубани, подготовить оборонительные позиции или рубежи, приспособить их для защиты и прикрытия в случае нужды, а также очистить район от «зеленых» банд. Все это было возможно, времени было достаточно, тем более что шедшие за нами красные особой активности не проявляли, даже инициатива была в наших руках. Об этом говорили, это было мнение почти всех старших начальников, но Командующий Донской Армией думал, по-видимому, иначе.

Какую цель он преследовал, выматывая окончательно нашу конницу и как бы умышленно ставя ее в самые пагубные и рискованные положения? Зачем создавал беспорядок и панику, держа все тыловые учреждения на фронте до последнего момента?

В последние дни нашего отхода Донская конница без боя была приведена в состояние почти полной небоеспособности.

При своевременной и рациональной подготовке отхода за Кубань картина получилась бы совершенно другая. Даже одна

неделя отдыха была бы достаточна, чтобы наша конница вновь приобрела бы былую мощь и способность побеждать. За Кубань отошли лучшие люди. Все колеблющееся, малодушное, ненадежное и потерявшее веру в победу отстало и ушло к себе домой.

Чем больше думаешь над этими вопросами, тем ярче вырисовывается и непонятней становится процедура систематического разложения армии: громадные склады и запасы фуража и обмундирования были брошены противнику при полной возможности их эвакуировать, а люди были раздеты и разуты; на Черноморском Побережье погибли тысячи лошадей и только потому, что не было подков, копыта на переходах по шоссе стирались, лошади падали и дохли ежедневно сотнями.

Кто виноват в этом погроме?

Этот вопрос даже не поднимался, хотя виновники всем известны.

Неумень, неопытность, некомпетентность не могут служить оправданием, ибо командовал армией не дилетант, не присяжный поверенный, а офицер Генерального Штаба.

Чем занималось Главное Командование Донской Армии и те, в чьих руках была власть? Всем и главным образом личной политикой, но только не судьбой армии.

История, конечно, их осудит, но не покарает. История судья строгий, но карать не может.

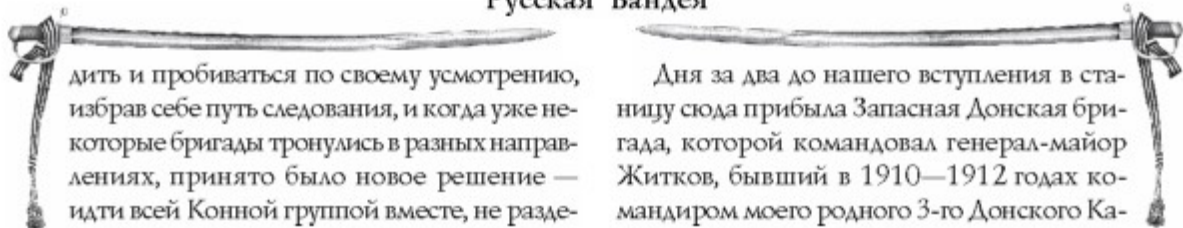
21.

Черноморское побережье

6 марта 1920 года Донской конный корпус и 14-я Отд. конная бригада сосредоточились в районе аула Шенджи. Сообщение о разрыве Донской Армии с Добровольческой, по постановлению Верховного Круга,

произвело на всех тяжелое впечатление. Политиканы губили армию.

Ввиду неясности обстановки и общей растерянности, сначала решено было каждой бригаде действовать самостоятельно, отхо-

дить и пробиваться по своему усмотрению, избрав себе путь следования, и когда уже некоторые бригады тронулись в разных направлениях, принято было новое решение — идти всей Конной группой вместе, не разделяясь, и по мере выяснения обстановки принять то или иное решение и выбрать район, где можно дать частям возможность отдохнуть и привести себя в порядок, для продолжения дальнейшей борьбы.

На другой день начался наш кошмарный поход по Кубанской области, с ежедневными стычками и перестрелками с «зелеными». Дороги по размытому оттепелью чернозему были ужасны. Грязь, вязкая, жирная, липкая, засасывала. Двуколки и повозки вязли, лошади выбивались из сил, падали и гибли в грязи. Для вытаскивания пушек приходилось наряжать целые сотни людей в помощь артиллеристам. Хорошо еще, что в начале нашего движения можно было в казачьих станицах доставать фураж и хлеб. Сначала наша группа взяла направление на восток и, переправившись через вздувшуюся речку Пшиш, заняла станицу Рязанскую, но после длительной перестрелки с противником отошла на ночлег в район аула Гатлукай.

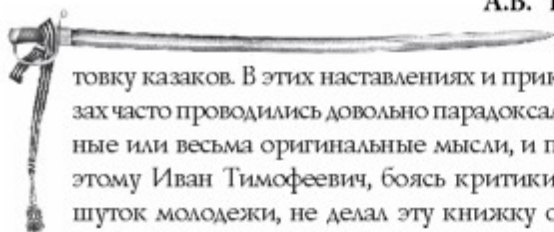
На другой день решено идти в станицу Саратовскую через станицу Бакинскую. При подходе к Бакинской завязалась перестрелка с зелеными, занимавшими станицу. Бандиты были выбиты, и, продолжая движение, к вечеру Конная группа вошла в станицу Саратовскую.

По прибытии в ст. Саратовскую я с прискорбием узнал о смерти моего бывшего командира полка генерал-майора И.Т. Житкова, убитого здесь накануне нашего прихода.

Дня за два до нашего вступления в станицу сюда прибыла Запасная Донская бригада, которой командовал генерал-майор Житков, бывший в 1910—1912 годах командиром моего родного 3-го Донского Казачьего Ермака Тимофеева полка. Очевидно, бригада не приняла необходимых мер охранения и предосторожности, и вечером на станицу было сделано нападение зеленых. В завязавшемся бою был убит командир бригады ген. Житков и его сын подьесаул Житков.

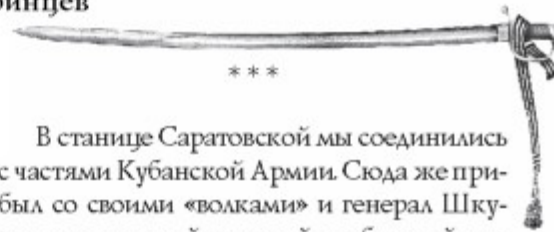
Это был первый и последний бой, в котором принимал участие покойный Иван Тимофеевич. Судьба, казалось, зло подшутила над ним.

Когда вопрос касается родного полка, я не могу не остановиться на воспоминаниях и не сказать несколько слов о бывшем командире близкого моему сердцу полка. Всю свою жизнь Иван Тимофеевич мечтал о войне, готовился к ней и, когда на склоне предельного возраста получил полк, стал его усиленно готовить к войне, делал частые маневры, тревоги, гонял полк по лесистым и песчаным холмам окрестностей Вильны настолько часто, что лошади обратились в борзых кобелей, и когда после одной выводки лошадей начальник дивизии разнес в приказе состояние тел лошадей в полку, то не только маневры в горах были забыты, но даже и конные учения сократились и все внимание было обращено на тела лошадей. Весь свой служебный опыт, приобретенный за долгую службу и особенно за время своей службы в 4-м Донском Казачьем полку, которым в последних годах прошлого века командовал известный всему Дону своей эксцентричностью полковник Абрамов, Иван Тимофеевич, старавшийся во всем подражать Абрамову, изложил в изданной им изящной книжке, состоявшей из наставлений и взглядов на воспитание, обучение и подго-

товку казаков. В этих наставлениях и приказах часто проводились довольно парадоксальные или весьма оригинальные мысли, и поэтому Иван Тимофеевич, боясь критики и шуток молодежи, не делал эту книжку общим достоянием и только в знак особого расположения и доверия иногда дарил ее некоторым офицерам. Ему полк обязан основанием и оборудованием полкового музея, где было собрано много ценных в историческом смысле предметов и документов, портреты почти всех бывших командиров полка за последние сто лет, несколько старинных портретов Ермака, составлена история полка, пополнена библиотека; много и других полезных вещей сделал покойный для полка. В Иване Тимофеевиче сочеталась командирская строгость с отеческой заботливостью и отзывчивостью. В 1917 году Иван Тимофеевич был произведен в генералы с увольнением в отставку по предельному возрасту. За несколько месяцев до отставки полковник Житков побывал в Петербурге, где имел счастье представиться Государю и удостоился беседы с Его Величеством. В разговоре Государь, когда Ему доложил Иван Тимофеевич, что уходит в отставку по предельному возрасту, заметил: «Вы еще такой молодец», на что Иван Тимофеевич ответил: «Да, еще чувствую силу и мог бы послужить Вашему Императорскому Величеству». Государь улыбнулся, но ничего не сказал.

В Гражданскую войну генерал Житков был призван из отставки на службу и получил запасную бригаду. По роду службы бригаде не приходилось участвовать в боях, и вдруг здесь, в тылу, в Саратовской станице, в первом же бою с разбойниками-зелеными, выехавший на белом коне, в генеральском пальто с красными отворотами, Иван Тимофеевич был убит одной из первых пуль. Да будет земля ему легка. Вечная память отцу-командиру!

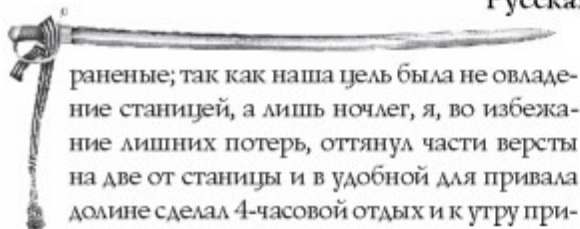

* * *

В станице Саратовской мы соединились с частями Кубанской Армии. Сюда же прибыл со своими «волками» и генерал Шкуро, советовавший нам отойти в богатый хлебом Майкопский район, где якобы можно спокойно отдохнуть и оправиться для дальнейшей борьбы.

В Саратовской на совещании старших начальников решено было идти к Черноморскому Побережью, а дальше, в зависимости от обстановки, хоть на край света, но только не к большевикам.

Путь наш лежал через станицы Саратовскую, Кутаисскую, Линейную, Кабардинскую, Ходыженскую и далее по большой дороге через армянское село Елисаветовское, через перевал Индюк к Туапсе. Мы двигались двумя или тремя колоннами через поименованные или соседние станицы. Пересеченная и гористая местность, покрытая лесами, благоприятствовала партизанским действиям зеленых, ютившихся в лесах и станицах. Почти ежедневно с ними бывали стычки и перестрелки. Нас часто беспокоили они по ночам внезапными обстрелами занимаемых нами станиц, нападали на оставшие обозы и грабили их. О красных у нас не было почти никаких сведений до выхода нашего на Черноморское Побережье. По прибытии в станицу Ходыженскую, при распределении мест для ночлега, 14-й бригаде была назначена станица Нефтяная, отстоявшая на 10 верст к юго-востоку от нашего пути следования. Сделав еще этот переход и подходя в сумерках к Нефтяной, в узком горном дефиле бригада была встречена сильным пулеметным и ружейным огнем зеленых. Завязался ночной бой, в обход были посланы спешные сотни, местность горная, незнакомая, ночь темная, перестрелка затянулась, появились убитые и

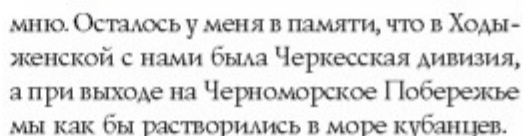

раненные; так как наша цель была не овладение станицей, а лишь ночлег, я, во избежание лишних потерь, оттянул части версты на две от станицы и в удобной для привала долине сделал 4-часовой отдых и к утру прибыл с бригадой в Ходыженскую, как раз ко времени выступления Конной группы на Елисаветовское.

У хутора Ходыженского путь наш был прегражден большими бандами зеленых, и только после часовой перестрелки, причем даже пришлось применять артиллерию, мы двинулись дальше. Из Елисаветовского без дальнейших инцидентов, поднимаясь по горной дороге, мы перевалили горный проход Индюк и спустились у Туапсе на шоссе Черноморского Побережья.

Шоссе оказалось для нас еще гибельней проселочных грязных дорог Кубани. Лошади стирали о камни копыта и, за отсутствием запасных подков, падали и дохли сотнями. Все шоссе от Туапсе до хут. Веселого было усеяно конскими трупами. С фуражом и довольствием людей дело обстояло хуже. У населения ничего нельзя купить, жители владели полуголодное существование. Зерна для лошадей не было. На подножном корму также нельзя было держать лошадей, ибо весна только началась и трава едва показалась из почвы. Хлеба не было. Питались кукурузой, доставать которую приходилось с большим трудом. За продовольствием, на фуражировки посылались в горы офицерские разъезды, где им зачастую приходилось вести форменные бои, чтобы получить несколько пудов кукурузной муки. Вопрос с довольствием был поставлен настолько остро, что казаки были предоставлены самим себе и должны были сами заботиться о своем питании. Калмыки были в лучшем положении, ибо конины было вдоволь.

Когда и где мы соединились с Кубанской Армией генерала Букретова, точно не по-

мню. Осталось у меня в памяти, что в Ходыженской с нами была Черкесская дивизия, а при выходе на Черноморское Побережье мы как бы растворились в море кубанцев.

Много событий ускользнуло из моей памяти — на Черноморском Побережье я заболел кавказской малярией в очень тяжелой форме, к счастью непродолжительной, и несколько переходов сделал в конных носилках. Оправился я вполне лишь в Хосте, где мы простояли несколько дней в ожидании кораблей для погрузки в Крым.

Об обстановке, при которой совершалось наше движение по Черноморскому шоссе, можно судить по приложенной к настоящим заметкам копии моего показания по делу о сдаче Кубанской Армии.

Когда мы спустились с гор в г. Туапсе, у нас уже было значительное количество больных и безлошадных казаков. Тащить их за собою походным порядком не представлялось возможным, поэтому было решено отправить их в Крым на пароходах.

В этом смысле было получено распоряжение от командира Донского Конного корпуса. В Туапсе на один из отходящих в Крым пароходов я погрузил около 250 больных и безлошадных казаков 14-й бригады, туда же были погружены казаки и других донских частей. Погрузка была закончена, и пароход готовился к отплытию. Я и генерал Рубашкин находились на пристани. Совершенно неожиданно появился генерал Писарев и, обращаясь к коменданту парохода, приказал выгрузить донцов. Я вмешался и заявил ему, что получил распоряжение от командира 4-го Донского корпуса погрузить этих казаков и выгружать их не намерен. Ген. Писарев загорячился, ответил мне резко и повышенным тоном, что получено распоряжение донцов в Крым не грузить, а только кубанцев, и что он заставит исполнить его требование и подкрепит его, если

нужно, шестью пулеметами. Я спокойно ему ответил, что прежде всего прошу его, если он желает со мной разговаривать, не повышать голоса, ибо я не глух и могу кричать еще громче его, что же касается пулеметов, то против его шести я выставлю двенадцать, но донцов выгружать не буду. Мой ответ был холодным душем и успокоил не в меру и не к месту ненужную строптивость. На этом инцидент закончился, и пароход отошел в Крым.

В районе Туапсе Конная группа отдыхала несколько дней. Место стоянки 14-й бригаде назначено в имении, кажется, князя Голицына, находящемся в 4—5 верстах по шоссе к югу от Туапсе.

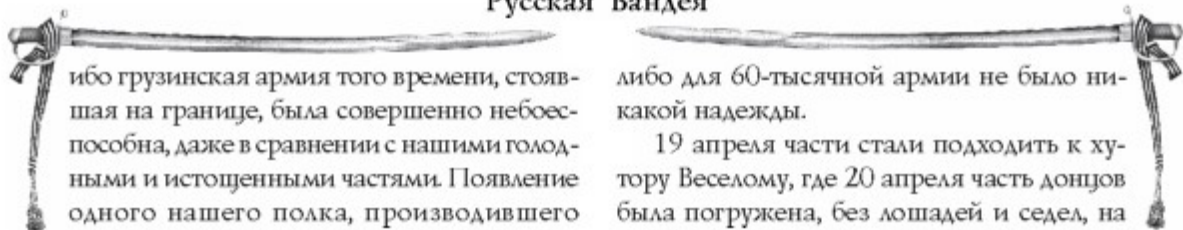
Посланные в имение квартирьеры были встречены какими-то господами в бурках, заявившими квартирьерам, что имение занято членами Верховного Круга и не может быть уступлено войсковым частям.

В связи с последним постановлением Верховного Круга о разрыве с Добровольческой армией настроение в частях вообще против всех «кругов» было враждебным. Доложившему мне старшему квартирьеру о нежелании депутатов оставить имение я приказал объявить «гг. членам Верховного Круга», чтобы к приходу бригады помещение было очищено, в противном случае гг. члены будут оттуда выгнаны плетьюми». При подходе штаба бригады к господскому дому имения из ворот вынырнули на конях человек двадцать, завернутых в бурки, с нахлобученными на глаза папахами гг. «вершителей наших судеб».

При дальнейшем движении по шоссе, на одном из переходов я встретил одноглазого «трибуна», полковника Гнилорыбова во главе «Конного отряда Верховного Круга», численностью в... 7 человек. Все стремилось в Грузию. С Крымским командованием велись переговоры о погрузке и эвакуации в

Крым. Генерал Стариков несколько раз ездил в Крым и обратно, но результаты этих переговоров были неутешительны. Крымское командование почему-то упорно отклоняло желание донцов грузиться в Крым. Кубанцы, по-видимому, особенного желания к переброске в Крым не проявляли, хотя несомненно, если бы был прислан своевременно достаточный тоннаж, то по инерции за донцами поплыли бы и кубанцы. Но тоннажа не было. Назревало большое преступление: истощенную, но лучшую часть белой конницы по неизвестным нам соображениям решено было бросить на произвол судьбы на Кавказе. Вступивший в командование 4-м конным корпусом энергичный генерал Калинин усиленно хлопотал и принимал все меры для спасения донской конницы, но Крымское командование под различными предлогами уклонялось от присылки кораблей. Тогда решено было идти в Грузию, и об этом уже велись переговоры с грузинским правительством. В середине апреля генерал Калинин уполномочил меня отправиться в Грузию и добиться у грузинского правительства разрешения нашим частям перейти границу. Но уже в пути, на грузинской почти границе, я получил новое поручение: войти, как представитель Донского корпуса, в состав делегации, уполномоченной Кубанским Атаманом генералом Букретовым, для ведения переговоров с большевиками о заключении перемирия. Переговоры эти довольно подробно изложены много ниже, в моем показании по делу о сдаче Кубанской армии. Генерал Калинин вместе с генералом Султаном Килич-Гиреем, начальником Черкесской дивизии, отправились в Грузию для переговоров, но, не добившись успеха, на другой день оба вернулись обратно.

Конечно, в Грузию мы могли бы войти и без разрешения грузинского правительства,

ибо грузинская армия того времени, стоявшая на границе, была совершенно небоеспособна, даже в сравнении с нашими голодными и истощенными частями. Появление одного нашего полка, производившего пробную пристрелку пулеметов, так подействовало на грузинские пограничные части, что они, бросив свои посты, поспешно, в панике, отошли на 60 верст вглубь страны, и только с большим трудом удалось их успокоить и вновь водворить на границу. Но дело было не в Грузинской армии, а в том, что английское морское командование заявило нам, что в случае, если мы без согласия грузинского правительства вступим в пределы Грузии, англичане отказывают нам в помощи довольствием — ни одного фунта хлеба, ни одного гарнца овса. Рассчитывать же на возможность получения продовольствия в Грузии мы не могли, ибо нищее население с трудом перебивалось, питаясь рыбой да кукурузой, и достать на месте что-

либо для 60-тысячной армии не было никакой надежды.

19 апреля части стали подходить к хутору Веселому, где 20 апреля часть донцов была погружена, без лошадей и седел, на английские военные суда для отправки в Крым. Лошади и седла брошены на берегу. Таким образом, из 60 тысяч лучшей конницы в Крым прибыло лишь несколько тысяч безлошадных. А можно было и времени было достаточно (целый месяц шли переговоры с Крымом) для эвакуации всей конницы, ибо противник нас не преследовал и только в последние дни проявил некоторую активность. Главным нашим врагом был голод.

Кубанская конная армия и Донской корпус, вовремя переброшенные в Крым, без сомнения, изменили бы обстановку в Крыму в нашу пользу. Искать виновников нашего разгрома — дело истории. Наш долг лишь правдиво записать, что мы видели и как видели.

22.

Сдача Кубанской армии

Доклад генерала Голубинцева Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генералу Врангелю

16 апреля 1920 года, находясь с вверенной мне 14-й Донской Отдельной Конной бригадой в м. Хоста, я получил приказание от комкора 4-го Донск. Конного корпуса генерала Калинина прибыть немедленно в Адлер. Здесь генерал Калинин сказал мне, что возлагает на меня очень серьезное поручение, так как полагает, что я так же как и он одинаково оцениваем создавшуюся обстановку и так же смотрим на вещи. Обстановка создалась следующая: 1. Полное падение боеспособности кубанских частей.

2. Отсутствие продуктов и фуража. 3. Уменьшение занимаемой территории с каждым днем. 4. Враждебное отношение голодных жителей. 5. Категорический отказ грузин пропустить наши части через свою территорию. 6. Отсутствие тоннажа для погрузки в Крым. Таким образом, армия находится в критическом положении: направо — горы с «зелеными», с которыми ведутся постоянно столкновения и перестрелки при фуражировках; налево — море; с фронта наступающие большевики, а сзади грузины.

Все это действует на части разлагающим образом, и боеспособность резко падает с каждым днем.

Ввиду этого необходимо тем или иным способом во что бы то ни стало задержать наступление большевиков на несколько дней и выиграть время, хотя бы 3—5 дней, может быть, к этому времени подойдут транспорты для отправки частей в Крым или удастся прийти к соглашению с грузинами.

С целью задержать наступление большевиков Кубанский Атаман генерал Букретов решил начать переговоры с красными о перемирии, им же назначена комиссия в составе: генерала Морозова, полковника Дрелинга и председателя кубанского правительства Иваниса. От Донского корпуса генерал Калинин для этой же цели — задержать наступление большевиков — назначает меня и предлагает за получением инструкций о переговорах и полномочий явиться Кубанскому Атаману, где уже приготовлен автомобиль и меня ждут.

В 15 час. 30 мин я прибыл к квартире атамана в Адлер. Атамана не видел, но у автомобиля меня поджидали полковник Дрелинг и Иванис. Полк. Дрелинг передал мне удостоверение от атамана (копию прилагаю) и сказал, что необходимо скорее ехать к генералу Морозову на позиции у реки Мацесты и там обстановка покажет дальнейшее.

Около 18 час. 30 мин мы прибыли к генералу Морозову, находившемуся на даче, верстах в 4-х к югу от Сочи, здесь же перед дачей занимали позицию цепи кубанцев.

Генерал Морозов сообщил нам, что при перемене позиции телефон со старой позиции не был испорчен и он, Морозов, подойдя на звонок к телефону, случайно разговорился с советским начдивом Егоровым, который дал ему понять, что он не прочь войти в переговоры о временном прекра-

щении военных действий, так как якобы переговоры об этом уже ведутся в Крыму между центральной советской властью и нашим командованием.

Председатель кубанского правительства Иванис вызвал к телефону Егорова и передал ему, что наше командование и он согласны войти в переговоры о перемирии, что уполномоченная комиссия прибыла и ждет прибытия Егорова. Егоров предложил нашей комиссии приехать в Сочи, но я категорически отказался ехать в Сочи в расположение красных и заявил, что буду разговаривать с большевиками только на нейтральной полосе. Егоров выразил изумление по поводу нашего недоверия к ним, но согласился назначить встречу. Место встречи было назначено на железнодорожном мосту, находившемся между нашими и красными цепями.

В 21 час. мы прибыли к мосту, через 3—4 минуты прибыли и представители от большевиков: комендант штаба, два комиссара и командир полка. Сам начдив не приехал.

После беседы выяснилось, что прибывшие лица уполномочены только начдивом и не могут без разрешения высшего командования заключать перемирия, но что по телефону переговорают с командармом и что прибывает особая с полномочиями делегация, или они сами будут уполномочены и тогда по телефону сообщат нам о времени новой встречи. Во всяком случае, пока военные действия, по крайней мере на 24 часа, хотя и не официально, будут прекращены.

Таким образом, я полагал, что часть возложенной на нас задачи выполнена: мы выиграли 1—2 суток, перемирие не было заключено, но военных действий, по-видимому, большевики начинать не будут до новой встречи.

Из встречи с большевиками я вынес впечатление, что они с большей охотой будут вести переговоры, чем войну, и ехал назад с уверенностью, что нам удастся на несколько дней затянуть переговоры о перемирии и, таким образом, выполнить в полной мере возложенное на нас поручение. В тот же вечер мы выехали в Адлер.

День 17 апреля прошел спокойно, хотя ген. Морозов оттянул свои части верст на пять назад, за реку Мацесту. В тот же день нами были выработаны мотивированные предварительные условия для ведения переговоров о перемирии. Точного содержания их не помню, но приблизительно следующие. 1. Немедленное прекращение военных действий до заключения перемирия. 2. Установление нейтральной зоны. 3. Пропуск на Кубань и Дон беженцев и больных.

Наше желание заключить перемирие мы мотивировали тем, что настал момент, когда нам приходится решать вопрос — переходить ли границу Грузии, и тогда, естественно, придется совместно с грузинами обратить наше оружие против русских, чего нам не хотелось бы делать, а в случае, если наступление красных будет продолжаться, мы принуждены будем разгрузить себя, отправив в Грузию наши тыловые учреждения, беженцев и больных, что уже нас, конечно, свяжет с грузинами.

Эти условия были переданы красным 18 апреля. В тот же день, в 14 часов, в Адлере, Кубанский Атаман собрал у себя уполномоченную комиссию и сообщил ответ красных, переданный в форме ультиматума, сообщенный генералом Морозовым по телефону и прилагаемый здесь.

На состоявшемся по этому поводу совещании комиссии, в присутствии атамана Букретова, было решено тянуть переговоры насколько возможно дольше, для чего ехать немедленно к генералу Морозову и

оттуда вновь вызвать красных на переговоры и вместе с тем готовиться к упорной обороне. Генералу Морозову сообщено по телефону, что комиссия сейчас выезжает к нему для новой встречи с уполномоченными от красных, так как в ультиматуме много неясного, требующего разъяснения, и необходима новая встреча.

В 18 часов состоялась новая встреча с уполномоченными от красного командования, также в нейтральной зоне, в одной из пустых дач. Фамилий вновь прибывших, кроме возглавляющего товарища Сутина, я не помню, полномочий их мы не рассматривали, ибо не придавали серьезного значения условиям, ставя себе единственной целью выигрыш времени, ибо мы разговаривали на разных языках: мы о перемирии, они о сдаче. На состоявшемся заседании делегаций были внесены нами такие поправки к ультиматуму, которых красные уполномоченные сами решить не могли, но которые вместе с тем не могли иметь существенного значения, чтобы из-за них прервать переговоры и начать вновь войну. Например: параграф 4 о лошадях и параграф 5 о холодном оружии.

Таким образом, совещание не пришло к определенному решению, и большевики поехали за разъяснениями, а мы в Адлере. Дальнейшая программа наших действий должна быть такова (это также было известно генералу Морозову): по получении ответа, какого бы он ни был содержания, мы потребуем еще 2—3 дня для разъяснения казакам; затем ответим, что нам казаков убедить не удалось, и будем просить красных прислать нам для разъяснения своих 2-х членов, которых мы также рассчитывали возить около 3-х дней по некоторым частям, где к этому времени будут заготовлены оппоненты, а затем, если еще понадобится время, назначить комиссию для

выработки технических условий сдачи (для чего предполагали назначить новую комиссию, так как я и Иванис категорически отказались разговаривать о сдаче), на что также надо будет не менее двух дней: к этому времени предполагалось уже погрузить почти все части, а оставшийся небольшой заслон мог бы уйти в горы или в Грузию через Красную Поляну, имея большую вероятность рассчитывать добыть для себя продовольствие.

Программа эта была вполне возможна, так как части в политическом отношении были вполне благонадежны и среди наших казаков сочувствующих большевикам не было. В боевом отношении части были, за некоторым исключением, плохи, главным образом вследствие отсутствия фуража и продуктов. Лошади падали сотнями, люди по несколько дней питались одним мясом и то в очень ограниченном количестве; бывали и такие дни, когда ничего не ели. Продуктов из интендантства почти не получали, у населения также ничего не было, и жители сами влачили полуголодное существование. Ко всему этому следует добавить антагонизм между кубанцами и донцами, возникший на почве распределения продуктов из интендантства. В то время как кубанцы, если и не обильно, то, во всяком случае, получали достаточное количество хлеба, консервов, масла, донцы буквально голодали. Как пример укажу, что кубанцы на базаре в Сочи даже торговали продуктами, шоколадом, а в Лазаревском полковник К. обратился в интендантство отпустить для него 2 фунта хлеба, и в этом ему было отказано; продукты были, но отпускались только кубанским частям.

В ночь с 18 на 19 апреля я был вызван генералом Букретовым к себе, где нашел полковника Дрелинга и председателя кубанского правительства Иваниса. От боль-

шевиков был получен ответ, отклоняющий наши поправки и требующий ответа на ультиматум к 12 часам дня 19 апреля.

В ответ красным через генерала Морозова была передана телефонограмма приблизительно такого содержания: для принятия ультиматума необходимо разъяснить его казакам, для чего требуется не менее 2—3 дней.

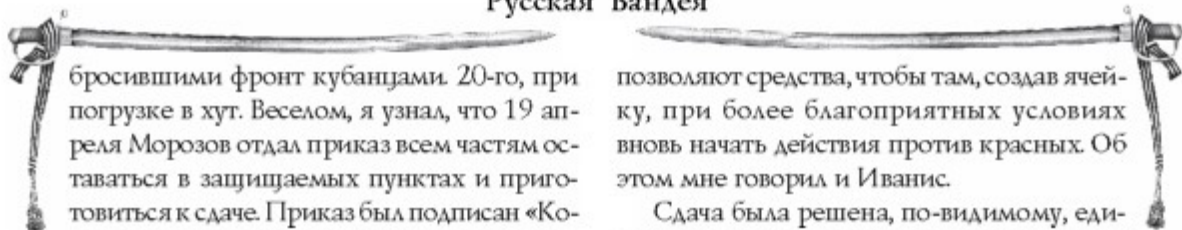
Затем генерал Букретов приказал 10-й Донской Конной бригаде занять позицию для обороны на реке Хосте.

Утром 19-го, часов около 12-ти, я зашел к атаману Букретову узнать, что делается на позициях. Атаман сообщил мне, что генерал Морозов ведет с красными переговоры о технических условиях сдачи, и что командующий 10-й Донской бригадой полковник Чапчиков не нашел возможным занять позицию у Хосты, и 10-я бригада вернулась назад на квартиры. Я спросил, кто же уполномочил генерала Морозова вести переговоры о технических условиях сдачи? Генерал пожал плечами и добавил, что находящиеся здесь члены Кубанской Рады сейчас решают вопрос: остаться ли Кубанскому Атаману здесь или уехать. Я сказал генералу, что господин Букретов мог бы остаться здесь, если пожелает, но Кубанский Атаман не имеет права выдать себя на поругание красной сволочи. Атаман ответил, что он так же думает.

Не знаю, что решила Кубанская Рада, но через час атаман уехал на пароходе, а еще через час в квартиру атамана явился кубанский офицер с караулом, не знаю, по чьему приказанию, вероятно, по распоряжению членов Рады, с целью арестовать атамана и не дать ему возможности уехать.

В это время в Адлер прибыла снявшаяся с позиций Кубанская бригада, открыв, таким образом, фронт.

В 16 часов в тот же день я уехал из Адлера к себе в бригаду. Адлер был переполнен

бросившими фронт кубанцами 20-го, при погрузке в хут. Веселом, я узнал, что 19 апреля Морозов отдал приказ всем частям оставаться в защищаемых пунктах и приготовиться к сдаче. Приказ был подписан «Командующим Войсками Черноморского Побережья» генералом Морозовым.

Кем был назначен ген. Морозов командующим войсками Черноморского Побережья — атаманом или красными — не знаю.

Переговоры с красными велись открыто, результаты и ультиматум красных по приказанию Кубанского Атамана полковник Дрелинг сообщал в части. Казаки интересовались переговорами постольку, поскольку они касались прекращения военных действий. К сдаче относились отрицательно, но воевать не хотели. Большая часть казаков, особенно донцы, желали ехать в Крым, но многие, не имея сил расстаться с лошадьми, уходили небольшими группами в горы.

Я не слышал о приказе Букретова, запрещавшем выезд в Крым. В Туапсе предполагено было погрузить, насколько хватит тоннажа, донцов для отправки в Крым. В первую очередь были погружены безлошадные и те, у кого лошади казались не годными для продолжения дальнейшей службы; часть их была отправлена, но большую часть опять выгрузили. Комкор генерал Стариков сказал мне, что генерал Писарев передал ему, что получена телеграмма за подписью генерала Коновалова о категорическом запрещении погрузки донцов в Крым.

О безнадежном положении в Крыму я не слышал, чтобы кому-нибудь об этом говорил Атаман Букретов. Мне он сказал, что лично он предпочитает ехать в Батум, так как там якобы положение твердое, туда же он предполагает эвакуировать около 1000—2000 наиболее надежных людей, больше не

позволяют средства, чтобы там, создав ячейку, при более благоприятных условиях вновь начать действия против красных. Об этом мне говорил и Иванис.

Сдача была решена, по-видимому, единолично генералом Морозовым; как она происходила, не знаю, но мне здесь уже, в Евпатории, рассказывал офицер 28-го Донского конного полка, что по приказанию генерала Морозова от частей в город Сочи были высланы делегаты для ознакомления, а затем были назначены пункты, где складывать оружие, и после сдачи оружия части в конном строю под командой оставшихся начальников отправлялись в Сочи. Этот же офицер, бежавший в последний момент, был в штабе Морозова, где все были без погон и называли друг друга «товарищами».

Насколько помню, донских казаков было в строю около 12 000, а всего на довольствии около 18 000. Донские части, входившие в состав 4-го Донского Конного корпуса, были страшно истрепаны переходами по шоссе, голодовкой, плохой ковкой, особенно страдали от недостатка подков. Лошади, стирая копыта, падали ежедневно многими десятками, если не сотнями, шоссе было усеяно конскими трупами чуть ли не через каждые 10—20 шагов, на дорогах лежали издыхающие илидохлые лошади. Большинство частей не имели достаточного количества винтовок. Полное почти отсутствие обозов. Дисциплина распалась. Некоторые части занимались грабежом, пьянством и насилием над беженцами, даже по приказаниям командиров частей. Например, Калединовский полк (полк Чапчиков) отнял у Хоперского Окружного Атамана лошадей (у полк. Васильева), избил кого-то из офицеров, держал под арестом Окружного ветеринарного врача. Отнимались лошади у проезжавших одиночных лю-

дей. Каждый день с пастбищ кралась лошадь. Люди самовольно переходили из одной части в другую. Командир Калединовского полка даже переманивал людей к себе из других полков. Высшее командование, по видимому, не в состоянии было справиться с такими командирами.

Но в боевом отношении некоторые части при известной настойчивости, меньше советуясь, а категорически приказывая, можно было использовать. Уйти в Грузию можно было только сбив грузин, стоящих на границе, ибо грузинские власти категорически отказались дать разрешение на пропуск наших частей, даже без оружия. Сбить же грузин было легко, ибо части, по крайней мере стоявшие на границе, не отличались ни воинственностью, ни упорством: так, например, когда 19 апреля наши части производили пробную стрельбу из пулеметов, грузины, стоявшие на границе, разбежались, и стоило потом больших усилий их собрать и возвратить на посты.

г. Евпатория, 1920 г.

Генерал-майор Голубинцев

Войсковой Атаман Кубанского
Казачьего Войска
№ 497/к 16 апреля 1920 года
Адлер

Удостоверение

Дано от Командующего Войсками Кавказского Побережья Командиру 14-й Донской Казачьей бригады Генерал-майору Голубинцеву в том, что действительно состоит членом комиссии, уполномоченной мною вести переговоры о перемирии с Войсками Советской России, действующими на фронте Кавказского побережья, что подпи-

сью и приложением казенной печати удостоверяется.

Командующий Войсками
Кавказского Побережья и
Войсковой Атаман Кубанского
Казачьего Войска
Генерал-майор Букретов
Член Кубанского Краевого
Правительства по военным делам
Генерал-лейтенант Болховитинов

Текст письменного предложения большевикам для ведения переговоров о перемирии

17/IV ст. ст. 1920 г. Адлер.

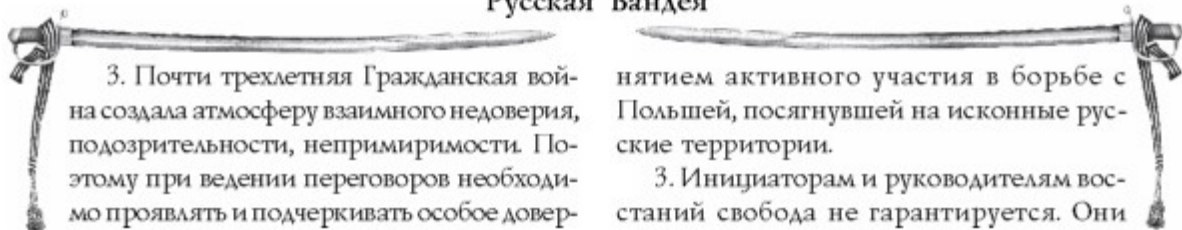
1. Прекращение враждебных действий и заключение перемирия впредь до подписания мирного договора.

2. В основание при выработке условий перемирия, а впоследствии мирного договора, должны быть положены следующие идеи:

а) Обе стороны должны смотреть друг на друга, как на части одного великого народа, и не стремиться к унижению или уничтожению противника, как то бывает при внешних войнах. Сторонам надлежит думать лишь о светлом общем будущем.

б) Заключенные соглашения должны вести к долговому прочному миру, т.е. не иметь в своем содержании никаких пунктов, которые бы являлись обидными или унижительными для какой-нибудь стороны, оставляли бы чувство недоброжелательства или даже мести, не могли бы служить поводом к новым восстаниям и борьбе.

в) Для достижения целей, указанных в первых двух пунктах, необходимо принять во внимание особый уклад казачьей жизни и казачьего быта.

3. Почти трехлетняя Гражданская война создала атмосферу взаимного недоверия, подозрительности, непримиримости. Поэтому при ведении переговоров необходимо проявлять и подчеркивать особое доверчивое отношение сторон друг к другу.

4. Условия перемирия:

а) Демаркационная линия сторон, нейтральная полоса: река Сочи — правый берег; река Бзуга — левый берег. Между ними нейтральная полоса.

б) Срок перемирия — до подписания мирного договора.

в) Передвижение желающих жителей в местности, занятой противной стороной, с разрешения надлежащих начальников не ниже начальников дивизий. Ныне же выход на полевые работы. Гарантирование им полной неприкосновенности личной и имущественной, как во время движения, так и на местах, и снабжение их надлежащими документами от обеих сторон.

Оригинал подписали: Иванис, полковник Дрелинг, генерал Голубинцев и генерал Морозов.

Копия послана большевикам без подписей.

Условия капитуляции, переданные большевиками через ген. Морозова 17.4.1920:

1. Гарантируется свобода всем сдавшимся, за исключением уголовных преступников, которые будут подлежать суду революционного военного трибунала.

2. Гарантируется свобода всем сдавшимся, искренно раскаявшимся в своем проступке и выразившим желание искупить свою вину перед революцией поступлением в ряды Красной Армии и при-

нятием активного участия в борьбе с Польшей, посягнувшей на исконные русские территории.

3. Инициаторам и руководителям восстаний свобода не гарантируется. Они подлежат или привлечению в трудовые батальоны, или заключению в концентрационные лагеря до конца Гражданской войны, и только в виде особой милости они могут быть допущены в ряды Красной Армии.

4. Все огнестрельное оружие и шашки подлежат сдаче. Кинжалы могут быть сохранены под честное слово с тем, что они не будут обращены против советской власти и отдельных ее представителей.

5. Содействие возвращению на родину будет оказано, поскольку позволяют разрушенные войной пути.

6. Гарантируется неприкосновенность личности всем, согласно пунктам 1 и 2. Неприкосновенность имущества гарантируется всем живущим своим трудом, не принадлежащим к классу эксплуататоров.

7. На ответ дается двенадцать часов, считая срок с момента получения настоящих условий, после чего, при неполучении удовлетворительного ответа, военные действия будут возобновлены с удвоенной энергией. Ни в какие мирные переговоры представители командования тогда вступать не будут. Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек после получения условий перемирия будет пропущен в Грузию или уедет в Крым.

Командующий 9-й Советской Армией
Василенко

Член Военно-революционного совета
Онучин

Передал условия военный
комиссар 50-й дивизии
Рабинович.

Последний этап

Переговоры с большевиками прерваны. Разложение в войсках началось, хотя эксцессов и не было. Фронт агонизировал. Положение тревожное. Кубанцы оставляли позиции и наводняли Адлер.

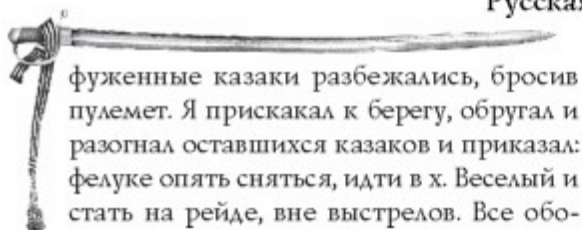
Утром 19 апреля я посетил Кубанского Атамана, он готовился к отъезду в Батум. Из штаба Донского корпуса получено сообщение, что завтра, 20 апреля, ожидаются транспорты для погрузки частей в Крым. Сообщение было неуверенное, а потому на всякий случай приходилось готовиться к худшему и искать выхода: или уходить в горы, или пробиваться в Турцию. Положение осложнялось еще тем, что я был обременен больными и ранеными офицерами, а у некоторых, кроме того, были и семьи. Необходимо было принять меры к их своевременной эвакуации тем или иным способом. Выход был один — найти подходящее судно. Для этой цели я, с письменного разрешения генерала Букретова, реквизировал одну из больших турецких парусных фелук, находившихся в Адлере. В нее были погружены больные и те, кто не мог следовать походным порядком. Эту фелуку я рассчитывал иметь в своем распоряжении при движении бригады вдоль берега моря. Командантом я назначил энергичного офицера с приказанием, держась берега, отойти в хутор Веселый и стать на рейде, держа со мною связь. Фелука была перегружена и служила предметом зависти некоторых кубанских групп, бросивших фронт и переполнявших в это время Адлер. Кубанцы даже сделали попытку отнять фелуку, и отстоять ее удалось только выставив пулеметы. Около 14 часов фелука, подняв паруса, отплыла. Полки бригады получили распоря-

жение перейти на ночлег в район хутора Веселого. Я со штабом бригады и несколькими казаками конвойной сотни выехал в Русскую Деревню, находившуюся у самого берега моря, верстах в 5—6 от хут. Веселого. В эту же деревню был отправлен на ночлег и 28-й конный полк.

Перед отъездом из Адлера я зашел еще раз к Кубанскому Атаману узнать, выехал ли он уже, как предлагалось, из Адлера. Дома Атамана я не застал, и хозяйка квартиры сообщила мне, что генерал час тому назад уехал на пароход. Почти одновременно со мною в квартиру Атамана явился кубанский офицер с 10—12 казаками для ареста атамана по постановлению членов Кубанской Рады, как он мне объяснил. Но в это время атаман был уже на пароходе с кубанскими юнкерами и готовился к отплытию в Батум.

Подъезжая к Русской Деревне, я услышал пулеметную стрельбу, а при въезде в деревню увидел нескольких казаков, бегущих от берега к избам. У берега стояла моя фелука, а на песке одиноко красовался пулемет. В дальнейшем выяснилось, что за час до отплытия нашей фелуки из Адлера на лодке, по тому же пути, отправились два неизвестных типа, которых комендант нашего судна отказался взять с собою. При проезде мимо Русской Деревни они сообщили казакам, что командир бригады и штаб решили бросить казаков и сели в фелуку с целью уехать за границу. В 28-м полку началось брожение, пулеметчики установили пулемет и обстреляли плывшую вблизи берега фелуку. На барке поднялась тревога. Командант приказал причалить к берегу.

В это время из деревни послышались крики: «Командир бригады здесь!» Скон-

фуженные казаки разбежались, бросив пулемет. Я прискакал к берегу, обругал и разогнал оставшихся казаков и приказал: фелуке опять сняться, идти в х. Веселый и стать на рейде, вне выстрелов. Все обошлось сравнительно благополучно, но, по-видимому, у казаков еще не совсем исчезло сомнение, подогреваемое, конечно, подстрекателями, что их хотят бросить, хотя вслух они и не высказывали этого. В этом отношении надо отдать справедливость казакам, что у них есть врожденное чувство такта, сдержанности и собственного достоинства, что проявлялось даже в таких исключительно тяжелых обстоятельствах, когда еще свежо было сообщение генералов Старикова и Писарева, что донцов приказано не грузить в Крым. Таким образом, основание к недоверию и сомнению было. В корабли, прибывающие из Крыма для погрузки, также слабо верили. Чувствовалось известное напряжение.

Когда поднявшая паруса фелука отделилась от берега, я еще некоторое время оставался на пристани, чтобы убедиться, что судно отошло достаточно далеко от берега и вне выстрелов.

Вдруг из деревни показался разъезд около 15 коней во главе с бравым подхорунжим 28-го полка из вольноопределяющихся, фамилии его я не помню, но за его подвижность и порывистость казаки его прозвали «броневиком».

Разъезд неожиданно налетел на меня.

— Куда?

Не ожидавший встретить меня подхорунжий, смутившись, доложил, что он послан остановить отплывшую без разрешения фелуку.

— Кем послан? — Но кем, подхорунжий, по-видимому, не знал или не отдавал себе отчета.

— Фелука ушла по моему приказанию, с больными и ранеными, — заметил я спокойно.

«Броневик» молчал, и лицо его выражало нерешительность.

— А как ваше производство? Нет еще приказа? — спросил я, желая переменить тему разговора.

— Никак нет, Ваше Превосходительство, хотя представление сделано четыре месяца тому назад, — оживился подхорунжий. Очевидно, я попал в большое место.

— Если через месяц приказа не будет, вы мне лично напомните в Крыму.

— Покорно благодарю, Ваше Превосходительство!

— А теперь поезжайте по квартирам и завтра на погрузку.

— Счастливо оставаться, Ваше Превосходительство! — и разъезд повернул обратно в деревню.

Часов около семи вечера ко мне явился временно командующий 28-м конным полком сотник Коротков и сконфуженно доложил, что казаки 28-го полка желали бы поговорить со мной о положении и что, по его мнению, настроение у них спокойное.

Я приказал собрать полк на поляне, пригласил с собою несколько офицеров штаба с ординарцами, без оружия, но у каждого по два револьвера и по две бомбы в карманах, и явился на беседу.

На площадке собралось около 200 казаков 28-го полка. Раздалась команда «смирно!». Поздоровался. Ответили дружно: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!»

— Что угодно? Что хотите знать?

Объяснил обстановку здесь и в Крыму, сказал, что завтра предполагается погрузка, что часть кораблей уже в Веселом.

Начались вопросы делового и довольно мирного характера. Особенно смущал ка-

заков вопрос о лошадях тяжело было им, природным конникам, расставаться с верными друзьями, с которыми проделали две тяжелых войны.

Наконец, один из казаков заискивающим тоном сказал: «Мы, Ваше Превосходительство, вместе с Вами восстание поднимали, вместе воевали, вместе, если надо будет, и в плен пойдём!»

Я ответил, смеясь: «Правда, мы вместе воевали, вместе поднимали восстание, если Бог приведет, еще вместе будем воевать, но в плен мне с вами, пока жив, не по пути!»

Кто-то из задних рядов что-то бормочет, слышны слабые реплики.

— Кто это там, сзади? Что хочешь сказать, иди сюда, чего прячешься за спину других!

Никто не показывается. Казаки смущенно смеются. Беседа окончена.

— Итак, завтра на погрузку, а теперь по домам!

Командующий полком командует: «Смирно! Кругом! По домам шагом марш!»

Энергичная команда, уверенный тон, а главным образом привычка к дисциплине делают свое дело. Казаки медленно, будто нехотя, но мирно расходятся.

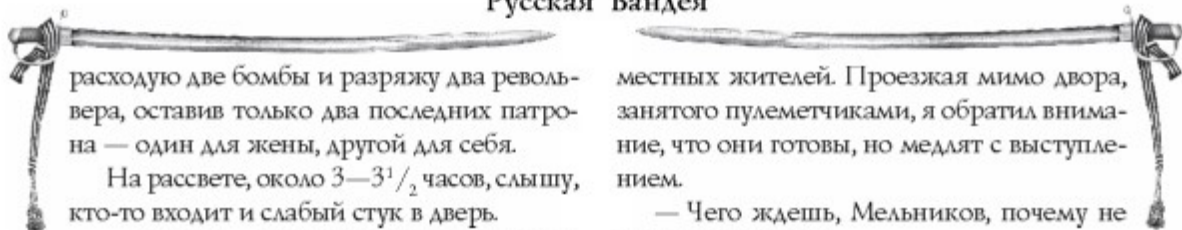
Вообще надо заметить, что казаки, при всех своих положительных военных качествах и доблести, при неудачах восстаний, как это подтверждает нам история, часто стремятся расчитаться головами своих вождей и начальников. В этих случаях только самообладание, решимость и авторитет начальника могут сдержать толпу от выступлений. Малейшее колебание, уступчивость или робость, как масло, налитое в огонь, увеличивают пламя.

Эти обстоятельства я всегда учитывал, ибо уже несколько раз бывал в таком положении во время военных неудач при противобольшевистских восстаниях и еще

раньше, при военных волнениях в начале революции.

Наступает тревожная ночь. Конвойцы мне докладывают, что казаки 28-го полка собираются группами и шепчутся, большинство из них не желает грузиться без лошадей. Полковник Красовский поздно вечером мне сообщил, что он у себя за окном слышал разговор, что надо арестовать офицеров, на что один из собеседников заметил: «Как их арестуешь, каждый из них раньше двадцать человек убьет!»

Ночь тяжелая. Большинство казаков не спит. У меня во дворе мои конвойцы собираются группами и совещаются. Около 12 часов ночи из хутора Веселого возвратился бывший в штабе корпуса для связи сотник Фокин. Докладывает мне о порядке завтрашней погрузки, а также о том, что он обратил внимание, что у выхода из нашей деревни стоят часовые, а против моей квартиры также пост, но укрыто, в кустах, дабы его не было видно. Советует мне, по предложению командира корпуса, не дожидаясь утра, лично переехать ночью же в хут. Веселый, а части, желающие грузиться, подойдут утром. Если часовые решатся воспрепятствовать, то двух хороших ударов шашкой будет достаточно заставить их очистить путь. Я, конечно, не могу на это согласиться, так как не хочу, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь мог бы сказать, что в критическую минуту генерал Голубинцев бросил своих казаков. Сотник Фокин отправляется в Адлер сам с докладом командиру корпуса о положении. Меня особенно беспокоило обстоятельство, что со мной находилась жена; правда, она уже сделала верхом около тысячи верст и в мужском платье, но все же создается известное затруднение. Жена безмятежно спит, не сознавая тревожной обстановки. У меня, конечно, план готов на случай, если решатся арестовать меня: из-

расходую две бомбы и разряжу два револьвера, оставив только два последних патрона — один для жены, другой для себя.

На рассвете, около 3—3½ часов, слышу, кто-то входит и слабый стук в дверь.

— Войди! — входит конвоец, урядник Ильин.

— Что скажешь, Ильин?

— Пришел проститься с Вами, Ваше Превосходительство, мы, тюковновцы, сейчас уходим в горы. Решили без лошадей не грузиться, а сдаваться большевикам не желаем. Я пришел от имени всех тюковновцев проститься с Вами.

Простились. Расцеловались.

Тюковновцы составляли 1-ю полусотню моей конвойной сотни. С самого начала восстания все казаки хутора Тюковского Усть-Хоперской станицы славились своей консервативностью и ненавистью к большевикам, служили у меня в конвое, как люди самые верные и надежные.

Я взглянул в окно. В предрассветных сумерках промелькнуло несколько конных казаков, направлявшихся к окраине деревни, где был назначен сборный пункт тюковновцев.

Утром, в 8 часов, я отдал распоряжение строиться и выступить на погрузку в х. Веселый. Перед моей квартирой построилась оставшаяся 2-я полусотня конвойцев, в порядке, подтянутая, отлично вооруженная. Ближе к выходу из деревни строится 28-й конный полк, на три четверти растерявший свои винтовки.

Во главе с командующим полком сотником Коротковым полк выступил по направлению на хут. Веселый, свернул налево по шоссе, оставив на повороте маяк для нас. Через 10 минут выступил штаб бригады с конвойной сотней и, не сворачивая на шоссе, двинулся напрямик, параллельно берегу моря, по лесной дороге, с проводником из

местных жителей. Проезжая мимо двора, занятого пулеметчиками, я обратил внимание, что они готовы, но медлят с выступлением.

— Чего ждешь, Мельников, почему не ведешь команду?

— Боюсь, Ваше Превосходительство, начальник штаба меня расстреляет за то, что обстрелял фелуку, — откровенно заявляет пулеметный урядник.

— Нет, не бойся, обещаю поставить на этом крест, веди команду!

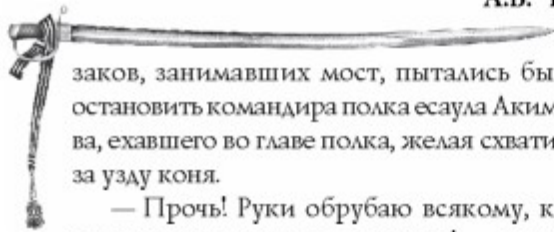
Пулеметчики засуетились и стали выходить со двора.

Я поехал в хвосте конвойной сотни, как бы в арьергарде, ибо не особенно доверял пулеметчикам, считаясь с тем, что они могли открыть огонь по хвосту колонны, по мне же, я был уверен, они не решатся, ибо вообще я пользовался известным уважением и доверием среди казаков бригады.

Перейдя вброд реку Псоу, ниже моста, почти у самого ее впадения в море, штаб бригады около 11 часов прибыл к месту погрузки.

На рейде стояло несколько английских военных кораблей. Погрузка на военные суда уже началась. Грузился калмыцкий полк. Английские матросы на шлюпках перевозили на корабли только людей с винтовками, даже седел не разрешалось брать с собою. Тяжело было смотреть, как казаки прощались со своими лошадьми. Многие в последний момент отказывались от погрузки и уходили в Грузию. Все желающие могли погрузиться. За хутором слышна беспорядочная стрельба из винтовок и пулеметов.

При проходе частей на погрузку, на шоссе, через мост на реке Псоу, происходило беспорядочное столпление; некоторые казаки митинговали и пытались остановить шедшие на погрузку сотни. Когда к мосту подошел 29-й конный полк, несколько ка-

заков, занимавших мост, пытались было остановить командира полка есаула Акимова, ехавшего во главе полка, желая схватить за узду коня.

— Прочь! Руки обрубая всякому, кто посмеет дотронуться до уздечки! — заревел есаул, выхватывая шашку.

Смельчаков остановить коня не удалось, и полк беспрепятственно прибыл в хут. Веселый.

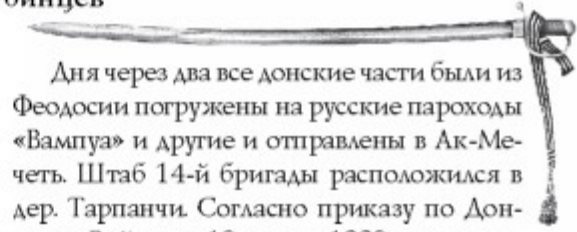
Не так благополучно обошлось с 28-м полком; часть полка не пожелала грузиться без лошадей и ушла сдаваться большевикам, уведя с собою и вр. командующего полком сотника Короткова. Как мне передавали потом, сотник Коротков при попытке скрыться от полка был убит своими же казаками.

Большая часть казаков 29-го и 30-го конных полков и около половины 28-го полка погрузились на английские суда, а часть ушла в Грузию, не желая бросать лошадей.

Во время погрузки в полуверсте от берега происходили митинги, ибо разложение в связи с приказом генерала Морозова о сдаче коснулось почти всех частей и контакт с большевиками через ген. Морозова налаживался. Часть шла на погрузку, часть уходила в горы или в Грузию, часть готовилась к сдаче.

К вечеру погрузка закончилась, англичане забрали на суда всех пожелавших грузиться в Крым, и на другой день английские броненосцы «Кородок» и «Марльборо» доставили нас в Феодосию. Здесь командир корпуса произвел смотр частям 4-го конного корпуса, прибывшим в Крым.

В Феодосии в последний раз в одном из лучших ресторанов города собрались на прощальном банкете все прибывшие в Крым гг. офицеры Усть-Медведицкой конной бригады.

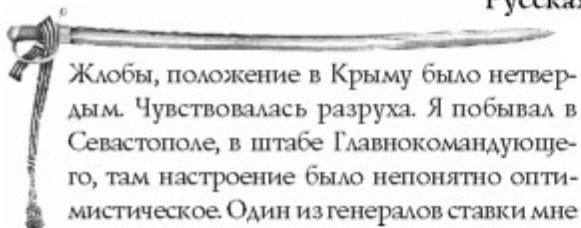

Для через два все донские части были из Феодосии погружены на русские пароходы «Вампуа» и другие и отправлены в Ак-Мечеть. Штаб 14-й бригады расположился в дер. Тарпанчи. Согласно приказу по Донскому Войску от 10 апреля 1920 года все части Донской Армии переформировывались и сводились в два корпуса. 21 мая Усть-Медведицкая конная бригада закончила свое существование. Казаки были отправлены в Саки, где происходило формирование новых донских дивизий. Офицеры большей частью были зачислены в Донской Офицерский Резерв. Я не получил нового назначения и был причислен к Офицерскому Резерву. Вскоре я был приглашен Донским Атаманом генералом Богаевским по делам службы в его канцелярию, где Атаман сообщил, что Главнокомандующий генерал Врангель запросил его, почему я не получил назначения, а потому не желаю ли я получить соответствующее назначение в Донской Армии?

Я ответил, что я устал, а потому предпочел бы отдохнуть некоторое время, а, кроме того, я не считаю для себя возможным быть причиной отстранения кого-либо из лиц, уже получивших назначение и, как мне известно, на те командные должности, на которые я мог бы претендовать.

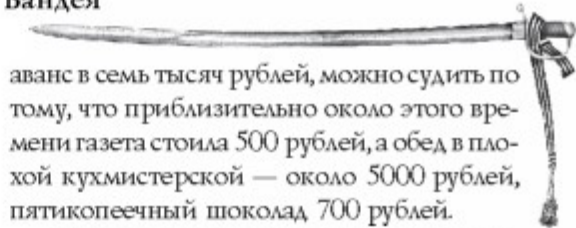
Через несколько дней, получив двухмесячный заграничный отпуск, я уехал в Константинополь, надеясь там получить визу в Польшу, где у меня было недвижимое имущество, которое необходимо было привести в порядок. Польский консул в Константинополе не мог мне дать визы без разрешения польского правительства и обещал сделать телеграфный запрос в Варшаву; но прошла неделя, две, три, и я понял, что мне визы не получить, и возвратился в Крым.

Несмотря на одержанную недавно блестящую победу над красной конницей

Жлобы, положение в Крыму было нетвердым. Чувствовалась разруха. Я побывал в Севастополе, в штабе Главкомандующего, там настроение было непонятно оптимистическое. Один из генералов ставки мне сказал, что теперь у нас положение очень твердое, Перекоп обращен в настоящий Верден. По имеющимся же у меня, хотя и не проверенным, данным на Перекопе укреплений почти не было. Я послал на Перекоп офицера, сотника Щелконогова, проверить этот «Верден». Возвратившийся офицер мне доложил, что по обе стороны шоссе, ведущего к Перекопу, построены проволочные заграждения в несколько рядов, приблизительно на полверсты в каждую сторону, а дальше протянут лишь один ряд проволоки, причем колья частью вывернуты и валяются на земле. Окопы запущены, обвалившиеся, мелкие и по своей конструкции самые примитивные и, как он выразился, «вроде тех, какие конница строила в Польше». Лично я на Перекопе не был и потому ничего не могу добавить.

Что же касается тыла, то и здесь было далеко неблагоприятно. Коснусь лишь положения офицеров Донского Офицерского Резерва, расположенного в Евпатории. Материально офицер был обеспечен настолько плохо, что были случаи самоубийства на почве голода. Особенно тяжело было положение рядового офицерства. Офицеры были раздеты, многие без сапог. Денег почти не получали, что заставляло офицера продавать последние вещи, толкаясь на базаре, среди всякого сброда. Я, например, видел в карауле на посту офицера с винтовкой, в опорках и почти в одном белье (кап. Добронравов). После повторного случая самоубийства приезжал Начальник Штаба Войска Донского генерал Алексеев. Офицерам выдали аванс по семи тысяч рублей, но затем удержали из жалованья. Чему равнялся этот

аванс в семь тысяч рублей, можно судить по тому, что приблизительно около этого времени газета стоила 500 рублей, а обед в плохой кухмистерской — около 5000 рублей, пятикопеечный шоколад 700 рублей.

Дабы не умереть с голоду, офицеры принуждены были образовывать артели грузчиков и работать на пристани, конкурируя с портовыми рабочими. В последнее время у офицеров были отняты деншики, и зачастую приходилось видеть офицера на базаре с комсой в руках или стоящего в очередях за хлебом у булочных и т.п. Все это, конечно, отражалось на моральном состоянии офицера. Ниже я привожу письмо одного офицера, отправлявшегося с партизанским отрядом полковника Назарова. Отряд имел задачу прорваться на Дон и поднять там восстание.

Этому начальнику партизанского отряда, к слову сказать, никто не верил, но бежали из резерва куда угодно, лишь бы уйти и вырваться из этого унижающего чувство офицерского достоинства состояния в резерве.

Ближайшему начальству, по-видимому, трудно было разобраться в душевном состоянии офицера, поставленного волею судеб в исключительно трудные, небывалые и неслыханные условия. Не понимали офицера, а если не понимали, то и не могли ничего сделать. Неужели 500—600 офицеров были непосильным бременем для Войска и ничего нельзя было сделать? А нужно было так мало — накормить и одеть. Как иллюстрацию к вышесказанному привожу полученное мною письмо от подьесаула Козловцева:

«Ваше Превосходительство!

Убывая из резерва в партизанский отряд полковника Назарова, я считаю своей неременной обязанностью доложить Вашему Превосходительству о своей искренней бла-

годарности, которую я испытываю при воспоминании о своей службе за все время Гражданской войны, сперва в вверенных Вам Освободительных Войсках Усть-Медведицкого Округа, а затем в Усть-Медведицкой Конной дивизии и в 14-й бригаде. Я все-таки питаю надежду, что в недалеком будущем, с разрешения Вашего Превосходительства, вновь буду находиться в рядах войск под Вашим командованием.

Мы — офицеры резерва — поставлены в такое безвыходное положение хоз. канцелярией резерва, что нас несколько не удивляют бывшие случаи самоубийства офицеров на почве голода. Мы бежим из резерва. Нас удивляет и поражает, что хозяйственная канцелярия не может справиться по довольствию, ведь только одного батальона по численности офицеров.

Приезд генерала Алексеева ничуть не подвинул дела вперед. Канцелярия спешно выдала нам по 7 тыс. рублей, а теперь при выдаче жалованья за май месяц она вычитывает, и мы остаемся у разбитого корыта.

Бывая в карауле в тюрьме, мы наблюдаем, что арестантов кормят гораздо лучше, чем питается наш офицер резерва. Невольно напрашивается мысль, что состояние в резерве хуже каторги; но за что?.. И оказывается, что мы отбываем это наказание лишь по вине хоз. чинов резерва, которые не могут двинуть вперед хозяйственный аппарат по какой-то причине?

Мы бежим из резерва в боевую часть, зная наперед, что там лучше должно быть... там не придется думать с утра до вечера о питании; эта мысль о желудочных интересах так принижает нас.

У нас, офицеров, служивших под командой Вашего Превосходительства, живет мысль, что недалеко то время, когда мы под Вашим руководством снова пойдем по род-

ным местам и страшное время сидения в Евпатории, страшное по вине каких-то чиновников, неуязвимых никем и ничем, нам приходится так думать, это время забудется нами, как один из неприятных эпизодов жизни. Наш отдых только на фронте, в тылу же только трепание нервов!

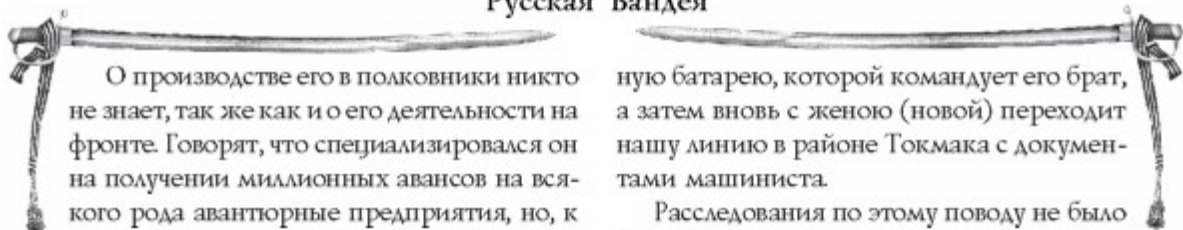
Всегда покорный слуга
Вашего Превосходительства
Подъесаул Козловцев».

В приведенном выше письме упоминается имя полковника Назарова. Не могу не отметить некоторыми штрихами личность полковника Назарова.

Федор Димитриевич Назаров, казак станицы Ново-Николаевской, прапорщик из народных учителей. В 1917 году, в Киеве, на Обще-Казачьем Съезде, был кандидатом в председатели съезда. Судя по высказанным им в своей речи взглядам, он был по политическим убеждениям значительно левее выбранного в председатели съезда своего конкурента Павла Агеева.

Мне рассказывали, что в 1918 году, во время начинавшегося противобольшевистского движения на Дону, Назаров формировал отряд в деревне Орловке; на вопрос проезжавшего в это время через Орловку Походного Атамана генерала Попова, как идет формирование, Назаров ответил, указывая на погон: «Плохо, чин мал, звездочка мешает!»

Генерал, смеясь, заметил: «Что же вам мешает снять звездочку?» Этот ответ Назаров счел за производство в есаулы и с тех пор стал именовать себя есаулом. Затем Назаров попадает в Войсковой Круг. При проверке полномочий возникает сомнение в его чине; запросили Походного Атамана, генерала Попова. Генерал Попов якобы ответил: «Он прапорщик, но достоин быть есаулом».

О производстве его в полковники никто не знает, так же как и о его деятельности на фронте. Говорят, что специализировался он на получении миллионных авансов на всякого рода авантюрные предприятия, но, к сожалению, все они оказались неудачными. Одним из этих предприятий было и формирование партизанского отряда в Крыму для высадки где-либо на Дону с целью поднять там восстание.

Аванс получен. Формирование не представляет труда: все бегут из Донского Офицерского Резерва куда угодно и с кем угодно. Назаров реквизирует моторную лодку в Евпатории у грека Гутто, Полицейская улица № 11, за один миллион рублей, затем вскоре перепродает ее за 25 миллионов рублей. Отряд из 25—30 офицеров высаживается где-то в районе станицы Ново-Николаевской, доходит до станицы Константиновской, где был весь уничтожен большевиками. Почти все офицеры погибли, за исключением начальника отряда, которому, по его рассказам, удалось бежать в Ростов, где он поступает в крас-

ную батарею, которой командует его брат, а затем вновь с женою (новой) переходит нашу линию в районе Токмака с документами машиниста.

Расследования по этому поводу не было никакого. При эвакуации из Крыма на пароходе «Труворе» у Назарова произошел инцидент с полковником Ходкевичем. Назаров был вызван на дуэль, которая должна была состояться в окрестностях города Анхиало, но в последний момент, несмотря на то что все условия были оговорены и место для поединка было назначено, Назаров уклонился. В последний раз я видел Назарова в Софии в 1921 году, откуда он уехал в Константинополь, где еще два раза получил аванс у Донского Атамана на поездку на Дальний Восток. В первый раз поездка почему-то не состоялась, а затем, через несколько месяцев, получив второй аванс, Назаров уехал. Через несколько лет в Софии было получено известие, что он погиб где-то на Дальнем Востоке при довольно загадочных обстоятельствах, работая будто бы на два фронта.

24.

Разгром конной группы Жлобы 20-VI-1920

На мрачном фоне Крымского периода борьбы яркой звездой или, вернее, лебединой песней белого движения явился блестящий по своему размаху и искусству руководства разгром красной конницы Жлобы.

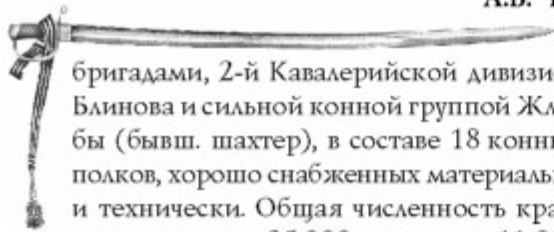
В середине июня 1920 года Белая Армия в Северной Таврии занимала следующее положение:

Донской корпус генерала Абрамова занимал участок западнее Ногайска — села Романовка, Юрьевка, станц. Нельговка и Черниговка.

1-й корпус генерала Кутепова — район: колонию Вернесдорф, хут. Куркулак, Эристовка и Васильевка.

2-й корпус генерала Слащева занимал участок левее 1-го корпуса, по левому берегу Днепра до деревни Б. Лепетиха. Еще дальше по левому берегу Днепра сосредоточилась группа генерала Барбовича.

Против частей Белой Армии, по правому берегу Днепра, была расположена 13-й сов. армия товарища Уборевича, усиленная 15, 40 и 42-й стрелковыми дивизиями, двумя отдельными стрелковыми

бригадами, 2-й Кавалерийской дивизией Блинова и сильной конной группой Жлобы (бывш. шахтер), в составе 18 конных полков, хорошо снабженных материально и технически. Общая численность красных достигала 35 000 штыков и 11 000 сабель.

Советское командование поставило себе задачей разбить Белую Армию и отнять богатую хлебом Таврию. Для чего командующий XIII армией тов. Уборевич решил, ведя демонстративные операции в районе Днепра, главный удар нанести двумя группами: пехотной дивизией товарища Федько, которой была дана задача, наступая с севера, между железнодорожными линиями Александровск — Мелитополь и Федоровка — Верх. Токмак, нанести удар и разбить 1-й корпус. Одновременно конная группа Жлобы, наступая вдоль большой дороги Черниговка — Мелитополь, долиною реки Молочная, должна была, прорвав части Донского корпуса и разбив их, занять Мелитополь и, выйдя, таким образом, в тыл корпуса Кутепова, отрезать его от Крыма и разбить совместно с наступавшей группой тов. Федько.

14 июня красные крупными силами перешли в наступление. Бои шли с переменным успехом. На участке Донского корпуса красные потерпели поражение, потеряв 1200 пленных и 40 пулеметов.

На фронте 1-го корпуса большевики сначала имели успех и овладели д. Скелевата, но подоспевшими резервами были отброшены. На остальных участках ряд демонстраций. Следующие дни бои продолжают усиливаться.

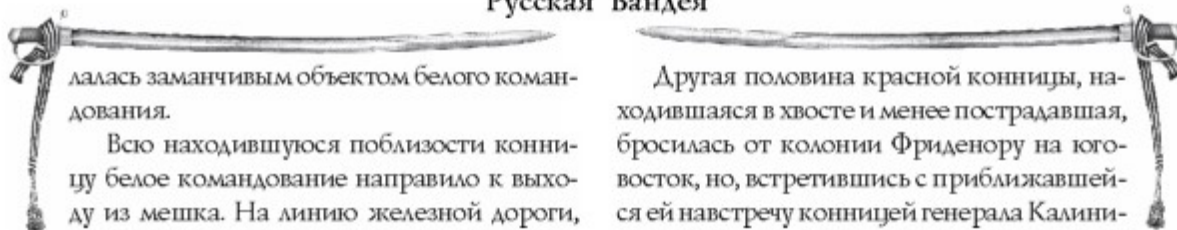
16 июня конная группа Жлобы, сосредоточенная в районе Царевоконстантиновка — Пологи, также перешла в наступление в направлении района В. Токмак — Черниговка. Опрокинув слабые пешие части Донского корпуса, красная конница

прорвалась в тыл корпуса, но здесь была встречена донской конницей, самолетами и отрядом броневиков и, потеряв восемь орудий, откатилась назад. В это же время обозначился успех и у генерала Кутепова: 1-й корпус перешел в контратаку и оттеснил красных, захватив две тысячи пленных и 8 пулеметов.

19 июня бои возобновились с новой силой, красные вновь перешли в наступление по всему фронту. Атаки большевиков на дер. Новоспасская и на других участках были неудачны. В этот день донская конница захватила у красных 3 орудия и пленных, причем большую поддержку донцам оказали летчики, забросав противника бомбами. Попытка красных в этот же день на В. Токмакском направлении атаковать у дер. Александровка наши части окончилась для большевиков также неудачно — встреченные донцами, они были отбиты и, потеряв 2 орудия и 6 пулеметов, отошли.

Таким образом, красные за время шестидневных неудачных боев понесли большие потери, как материально, так и морально главным образом. Белое командование решило использовать благоприятную обстановку и захватить инициативу в свои руки. Оставалось еще ликвидировать сильную и наиболее опасную группу Жлобы.

Конная масса Жлобы, втянутая в течение боев в образовавшийся узкий мешок, оказалась окруженной стойкими частями Белой Армии. Стесненная пространством, красная конница потеряла значительные преимущества и качества конницы: подвижность и поворотливость; оставалось только завязать этот мешок. Благодаря бесполовому управлению и самонадеянности красная конница, вместо содействия своей армии и нанесения решительного удара противнику, сама попала в ловушку и сде-

лалась заманчивым объектом белого командования.

Всю находившуюся поблизости конницу белое командование направило к выходу из мешка. На линию железной дороги, прилегавшей к месту предполагаемых действий, были выдвинуты четыре бронепоезда; сосредоточены были также броневики и самолеты и усилены пехотные части. Вся перегруппировка была сделана ночью, и еще до рассвета 20 июня белые части перешли в наступление для окружения и окончательной ликвидации красной конницы Жлобы.

Несмотря на огонь наших батарей, бивших прямой наводкой красных на выбор, конница Жлобы вначале проявила достаточно хладнокровия и оказала сильное сопротивление, но затем, видя себя окруженной и избиваемой, сделала ряд отчаянных попыток прорваться всей конной массой. Но все оказалось напрасным, и красных охватила паника. Потеряв организованность и сплоченность, они стали искать спасения в бегстве, что их окончательно добило. Часть группы во главе с Жлобой, расстреливаемая со всех сторон, бросилась на северо-запад в район Б. Токмака, но у колонии Мунтау попала под пулеметный огонь нашей пехоты; круто повернув на северо-восток и разбившись на группы, красные пытались прорваться к северу от железной дороги, но, встреченные бронепоездами, бросились вдоль полотна железной дороги в направлении на колонию Ландскроне. Здесь им перерезала путь донская конница генерала Морозова и вместе с подоспевшими на подводах корниловцами окончательно добила. Красные части были уничтожены, частью взяты в плен. Товарищ Жлоба успел выскочить из этой кровавой бойни на своем автомобиле только чудом.

Другая половина красной конницы, находившаяся в хвосте и менее пострадавшая, бросилась от колонии Фриденору на юго-восток, но, встретившись с приближавшейся ей навстречу конницей генерала Калинина, уклонилась от боя и свернула назад на колонию Моргенау, надеясь, по-видимому, соединиться с оставленной ею головной частью конной группы.

Параллельное преследование конницей генерала Калинина и появившимися самолетами, огонь из каждой деревни пехоты добровольцев, неизвестность обстановки и, как результат, паника, заставили и эту часть конной группы искать спасения в бегстве, не думая о сопротивлении. Не доходя до колонии Моргенау, подгоняемая донской конницей, бомбами и пулеметным огнем самолетов, красные бросились враспылку на восток и только благодаря запозданию конницы ген. Морозова, еще продолжавшей ликвидацию головной части красной группы, им удалось наконец выскользнуть из кольца на простор.

20 июня конная группа Жлобы прекратила свое существование, потеряв всю артиллерию, обозы, пулеметы, массу пленных и все военное имущество.

Разгром группы Жлобы является редким примером в военной истории окружения и полного уничтожения большой группы конницы.

Продолжавшиеся еще 21 и 22 июня бои носили уже характер частичных боев и продиктованы были скорее чувством взаимной выручки по отношению к погибавшим остаткам группы тов. Жлобы.

Чем объяснить полный разгром и уничтожение сильной и организованной конной группы красных?

Несмотря на смелый и, казалось бы, правильно задуманный план и на добросовестное его выполнение, красные потерпели полную неудачу. Причины надо искать:

1. В умелом использовании техники белым командованием. 2. В стойкости и умении быстро маневрировать белых частей, особенно конницы. 3. В правильной и своевременной оценке обстановки и принятии быстрых и смелых решений.

Конечно, еще имело большое значение, что во главе красной конницы стоял совер-

шенно негодный для этой роли начальник, с большой самоуверенностью, но с ничтожными знаниями, опытом и способностями. Еще раз повторилась старая историческая истина: история конницы — история ее начальников. К сожалению, это правило часто игнорируют и всегда безнаказанно.

25.

Эвакуация

Наступила осень. С фронта получались тревожные сведения. В конце октября сводки говорят о прорыве большевиками 1-й линии перекопских укреплений и о том, что наши части заняли для обороны вторую укрепленную линию. Было ясно, что теперь нам в Крыму не удержаться. Все готовились к эвакуации, но громко говорить об этом не решались.

28 октября начальник офицерского резерва генерал Корнеев мне сказал, что ввиду тревожных дней он считает необходимым установить особое дежурство гг. генералов офицерского резерва и на сегодня дежурным генералом назначает меня. По должности, проверяя особые караулы и дежурные части, я около 12 часов ночи вместе с полковником Красовским зашел на телеграфную станцию. Дежурный телеграфист сообщил мне, что только что генерал Апостолов, Председатель Донского Правительства, разговаривал по прямому проводу с Донским Атаманом. Я взял ленту и предложил чиновнику прочитать. Атаман из Севастополя говорит Апостолову: «Завтра утром, в лучшем для вас случае вечером, в Евпатории будут разъезды красных. Предупреди наших и членов Круга, чтобы поторопились грузиться.

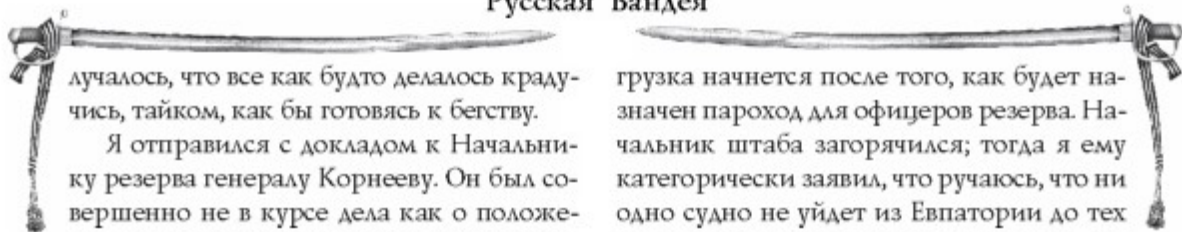
Чем меньшее число покинет Крым, тем лучше, так как за границей всем грозит голод и лишения».

Это было для нас ново; правда, это чувствовалось, но никто об этом не говорил. Тыловые учреждения, Круг и т.п. готовились к эвакуации, но о Донском Офицерском Резерве забыли или, вернее, решили забыть. Все офицеры находились по своим квартирам, разбросанным по окраинам города, в полном неведении об обстановке.

При выходе из телеграфной станции я встретил казаков, нагруженных кроватями и матрацами.

- Куда и зачем?
- На пароход грузиться.
- Чьи вещи?
- Донского интенданта.
- Где он?
- Еще с вечера на пароходе.

Разговор Атамана с генералом Апостоловым и встреча с казаками, тащившими на погрузку вещи, заставили меня принять некоторые меры. Я пошел на пристань. На рейде стояло несколько пароходов. У самой пристани находился небольшой пароход «Елпидифор». Под покровом ночи тыловые учреждения и члены Круга, без шума, спешно грузились на пароход. Впечатление по-

лучалось, что все как будто делалось крадучись, тайком, как бы готовясь к бегству.

Я отправился с докладом к Начальнику резерва генералу Корнееву. Он был совершенно не в курсе дела как о положении на фронте, так и о начавшейся погрузке. Переданная ему мною беседа Атамана Богаевского по прямому проводу с ген. Апостоловым была для него откровением. Я настоял, чтобы сейчас же было отдано распоряжение и немедленно разослано с нарочными: «Всем гг. офицерам резерва завтра, 29-Х, к 7-ми часам утра, явиться к штабу резерва и быть готовыми к погрузке». Приказание получилось вовремя, и к 8-ми часам утра две офицерских сотни под командой полковника Короченцева были построены у пристани. Погрузка была уже в полном разгаре. Пароходы были распределены между разными учреждениями, но для офицерского резерва места не оказалось. Кадеты Донского корпуса были погружены на парусное судно. На некоторых судах угля не было, надо было погрузить с пристани, но рабочих не было. Я отправился в Управление Начальника Гарнизона генерала Ларионова. Начальника гарнизона в канцелярии не было, распорядился начальник штаба. На мой вопрос, какой пароход назначен для Донского Офицерского Резерва, начальник штаба ответил, что для офицерского резерва пока нет парохода, но что еще ожидают суда. По тону ответа видно было, что он сам не верит и не надеется на прибытие новых пароходов, да и стоявшие на рейде суда, не имея достаточного количества угля, не могли сделать рейса до Константинополя. Начальник штаба спросил меня, как обстоит дело с погрузкой угля (за отсутствием рабочих-грузчиков, уголь могли погрузить лишь офицеры резерва). Я ему ответил, что по-

грузка начнется после того, как будет назначен пароход для офицеров резерва. Начальник штаба загорячился; тогда я ему категорически заявил, что ручаюсь, что ни одно судно не уйдет из Евпатории до тех пор, пока не будет назначен пароход для офицеров резерва. Он побежал с докладом к Начальнику Гарнизона и, возвратившись минут через десять, заявил, что для офицерского резерва назначается пароход «Полония», и просил скорее приступить к погрузке угля. Я отправился на пристань. На окраинах города шла стрельба. Местные большевики напали на интендантские подводы, но после нескольких выстрелов охраны разбежались. На улицах делались попытки к демонстрациям с красными флагами. Я передал распоряжение Начальника Гарнизона полковнику Короченцеву о погрузке и выслал офицерские заставы и караулы в ближайшие к пристани улицы, дабы предупредить выступления местных коммунистов. Дружными усилиями офицеров часа через два уголь был погружен. На пристани были поставлены пулеметы и началась планомерная погрузка. В 15 часов погрузка закончилась, а в 16 часов 29 октября суда, покинув Евпаторию, отошли в Севастополь.

Пароходы были переполнены. На «Полонии» палуба, трюм, все проходы были заняты семьями офицеров резерва. 30 октября в 3 часа утра «Полония» прибыла на Севастопольский рейд, а в 12 час. мы тронулись в направлении на Константинополь. Но когда мы прошли минное поле, то, к нашему крайнему изумлению, «Полония» вместо курса на Константинополь взяла направление на Евпаторию. Офицеры на пароходе заволновались: зачем, почему опять в Евпаторию?! — и просили меня выяснить в чем дело, и принять

меры. По пути нам попало навстречу моторное судно, шедшее из Евпатории; бывшие на нем офицеры сообщили, что Евпатория уже занята красными. Я спросил капитана «Полонии» Куприянова, куда мы идем? После некоторого колебания капитан сознался, что идет в Евпаторию, где на рейде надеется найти отплавившую, по его предположениям, сегодня из Севастополя греческую яхту, на которой якобы находится его жена. Это судно ждало «Полонию» в Севастополе, но затем ушло в Евпаторию, полагая, что «Полония» там. Объяснение показалось мне мало удовлетворительным, тем более что были слухи, что в районе Евпатории находится красная моторная лодка «Николай», вооруженная пулеметами. Рисковать нашим судном, переполненным детьми и женщинами, я полагал слишком неразумным и доложил об этом начальнику резерва генералу Корневу; он согласился со мною и назначил меня комендантом парохода, с предписанием действовать по обстановке. Я предложил капитану «Полонии» немедленно взять курс на Константинополь. Капитан категорически отказался, угрожая снять всю команду, если я буду настаивать. Тогда я решил действовать иначе. Среди офицеров резерва оказался бывший штурман; я его назначил командиром судна и приказал взять курс на Константинополь. В машинное отделение спустил несколько офицеров с винтовками и объявил капитану и команде, что если машины будут испорчены или на нас будет сделано нападение большевиков, то первым делом капитан будет повешен, а вся команда расстреляна. Средство оказалось действительным. После некоторого воя команда смирилась, и «Полония» вновь взяла направление на Константинополь.

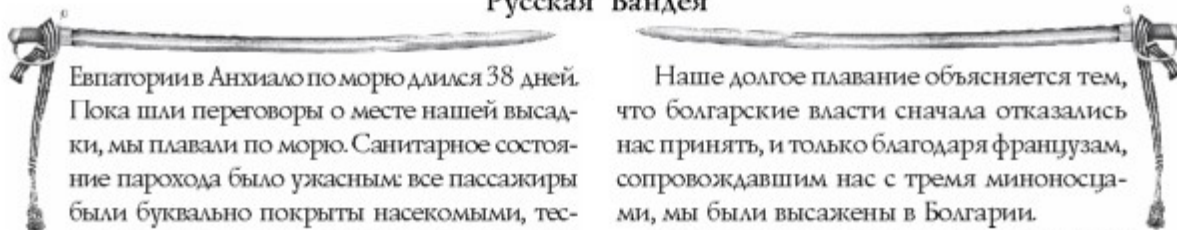
1 ноября мы вошли в Босфор. Нас окружили греческие лодки торговцев хлебом, фруктами, шоколадом и т.п. Цены невероятные: за небольшой хлеб платили по турецкой лире, наши деньги отказывались брать. Дня через два французы стали доставлять нам хлеб и консервы.

Сначала мы стояли на рейде у Константинополя, потом у Принцевых островов, затем опять у Константинополя. Через несколько дней нас перегрузили на русский пароход «Трувор».

Приказано было сдать все винтовки французам. Наученный горьким опытом, я оставил около десяти винтовок у моих офицеров и, как оказалось впоследствии, не напрасно.

Началось наше бесконечное плавание из Константинополя в Мраморное море, оттуда назад в Бургаз, затем в Варну, обратно в Бургаз и опять назад. Без инцидента не обошлось и на «Труворе». Команда парохода, почти сплошь состоявшая из большевиков, составила заговор, решила арестовать администрацию парохода и идти в Одессу, где сдать пароход большевикам. Мы молча наблюдали подозрительное поведение матросов, были начеку, но не вмешивались. Ввиду наличия винтовок у некоторых офицеров и чувствуя за собой наблюдение, команда долго не решалась привести свой план в исполнение, пока, наконец, сам капитан парохода не раскрыл заговора. Зачинщики были арестованы и переданы болгарским властям в Варне.

Через несколько недель плавания, 6 декабря по старому стилю, в день Св. Николая Чудотворца, мы прибыли вновь в Бургаз, где желающие могли высадиться на землю, и походным порядком направились в назначенный нам пункт, в город Анхиало, а остальная часть эмигрантов, остававшихся на пароходе, в тот же день также прибыла в Анхиало, но вследствие бурной погоды выгрузку можно было сделать только на другой день. Наш путь из

Евпаторий в Анхиало по морю длился 38 дней. Пока шли переговоры о месте нашей высадки, мы плавали по морю. Санитарное состояние парохода было ужасным: все пассажиры были буквально покрыты насекомыми, теснота невообразимая, спали на полу, на лестницах, у труб и всюду, где только можно было найти местечко прилечь.

Наше долгое плавание объясняется тем, что болгарские власти сначала отказались нас принять, и только благодаря французам, сопровождавшим нас с тремя миноносцами, мы были высажены в Болгарии.

В эмиграцию мы привезли с собою горсть родной земли и смертельную ненависть к большевикам.

26.

Заключение

Подводя итоги пережитого, невольно ищешь причины наших неудач и ошибок. Не входя в детальную критику военных операций Гражданской войны, нельзя хотя бы слегка не коснуться некоторых тяжелых, а подчас и вопиющих упущений.

Говорят, критиковать легко, а создавать трудно. Может быть, это отчасти и правильно, по старой народной пословице: «после драки кулаками не машут», но замалчивать и скрывать ошибки и упущения едва ли полезно, а разбор событий и деятельности нельзя смешивать с порицанием или обвинением, ибо критика не только вскрывает причины неудач или ошибок, но и оправдывает их.

Много было проявлено воинской доблести армией, что и говорить, но кроме воинской доблести технических исполнителей приказов и директив, для общего успеха и достижения цели нужно еще умелое и талантливое руководство высшего командования, не только техническое и стратегическое, но в условиях Гражданской войны и политическое, иначе говоря, должна быть и идеология и цель войны. Каждый боец должен знать, за что он и для чего борется.

Не говоря о неравенстве сил противников, остановимся на некоторых обстоя-

тельствах и причинах, способствовавших нашему поражению:

1. Большие потери во время только что законченной внешней войны в офицерском составе, особенно среди кадровых офицеров, сильно сказались в период Гражданской войны.

На высшие командные должности часто попадали выдвинутые обстоятельствами молодые офицеры, лишенные опыта, не всегда ясно оценивавшие обстановку и терявшиеся при руководстве большими конными соединениями; особенно это чувствовалось в последний период войны (см. главу 19-ю наст. труда).

Старая истина, что конницей должен и может руководить с успехом только опытный кавалерист, прошедший с юных лет суровую и долгую школу конного дела, была нарушена самим Командующим Донской Армией генералом Сидориным, самоуверенно решившим лично командовать конной армией в марте 20-го года. Результаты не замедлили сказаться в этот краткий, но бесславный период: понижение воинского духа, потеря веры в начальников, потеря территории, потеря артиллерии, пулеметов, обозов... (см. гл. 20-ю). Иных результатов и трудно было ожидать,

ибо искусство управления достигается не столько наукой, сколько трудами и опытом. Какой же опыт мог быть у генерала Сидорина, ставленника левого крыла Донского Войскового Круга, офицера, хотя и Генерального Штаба, но никогда не служившего в коннице, весь строевой опыт которого ограничивался командованием саперной ротой?

Книжный опыт, вероятно, толкнул его и на другой неудачный эксперимент по конному делу: в середине лета 19-го года по его инициативе и по иностранным образцам, не показавшим ни практичности, ни преимущества, наши легкие и подвижные конные 4-полковые дивизии были перестроены в громоздкие и неповоротливые 9-полковые дивизии, и в тот период, когда у нас так остро чувствовался недостаток в опытных штаб-офицерах, даже на должности командиров полков. Все это подтверждает, что одной книжной мудрости без опыта далеко недостаточно, чтобы стать полководцем, конником и администратором.

2. Второй причиной, вытекающей, конечно, из первой, следует считать (даже неудобно говорить об этом) отсутствие толковых директив и приказов. Как общее правило, в продолжение всей операции, в начале 1920 года — февраль—март, — лично руководимой генералом Сидориным, штабы дивизий и бригад не получали никаких директив и приказов, ориентирующих их о цели, задачах, общей обстановке, противнике, своих войсках и, таким образом, были поставлены в положение каких-то автоматов с завязанными глазами. Отсутствие связи и сведений о своих войсках часто бывали причиной неожиданных катастроф (см. гл. 19-ю, уничтожение 1-го Куб. к.-са).

3. Третья ошибка, или, вернее, преступление — это неумение, или нежелание,

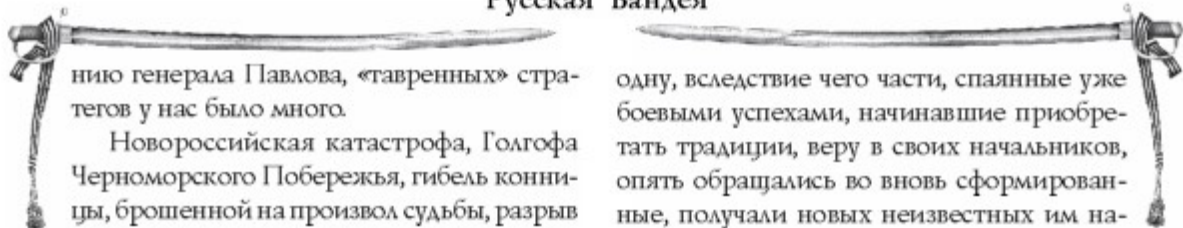
удовлетворительно организовать тыл, как в смысле своевременного снабжения армии фуражом, довольствием и снаряжением, так и главным образом обороны и приведения в порядок сообщений.

Люди были голодны, раздеты, разуты; лошади без фуража и подков — результат болезни, деморализация, потеря боеспособности и гибель тысяч лошадей, в то время когда громадные запасы фуража, вещей и снаряжения были брошены красным.

Что же касается оборудования тыловых сообщений, починки и устройства дорог, мостов и переправ, подготовки для обороны рек, рубежей и проходов, устройства оборонительных линий и препятствий для противника, об этом даже никто и не помышлял. В этом отношении были нарушены самые элементарные правила обороны тыла.

Об административном устройстве тыла и безопасности и говорить не приходится, ибо с военной точки зрения его вовсе не было. За Кубанью было полное царство «зеленых».

4. Четвертая причина. Если судить по нашим операциям, особенно во второй половине Гражданской войны, можно безошибочно вывести заключение, что вообще у главного командования не было определенного или даже ясно осознанного плана ведения войны. В сущности, если главное командование и имело определенную цель — разбить большевиков, то как достигнуть этой цели, определенных способов и методов не было. Были как бы случайные, частные успехи и поражения, но о причинах тех и других никто не думал. Никто не задавал себе вопроса — почему это произошло? Не старались исправить ошибок или учесть опыт, дабы их не повторять. Все делалось как бы на «ура», хотя, по удачному выраже-

нию генерала Павлова, «тавранных» стратегов у нас было много.

Новороссийская катастрофа, Голгофа Черноморского Побережья, гибель конницы, брошенной на произвол судьбы, разрыв между Донской и Добровольческой армиями, неспособность флота содействовать эвакуации войск Кавказского Побережья в Крым, сдача Кубанской Армии, «зеленые», Круги, Рады, Особые Совещания — все говорит о неразберихе и хаосе.

5. Забывали еще одно существенное обстоятельство, что люди и лошади не машины, что живая сила коня и всадника имеет известный предел, что получить максимум работы от конницы можно только при умелом и рациональном использовании ее силы. Забыли, что нельзя безнаказанно мотать лошадей, что после известного периода работы частям непременно нужен хотя бы кратковременный отдых, а особенно в условиях минувшей Гражданской войны, когда большой процент как людей, так и молодых командиров недостаточно был подготовлен. В данном случае своевременный отдых в тылу служил бы не только для восстановления сил и приведения в порядок людей и лошадей, но и был бы школой для заполнения недочетов в подготовке частей и командиров и для закрепления дисциплины и спайки частей.

Переутомление всегда оказывало пагубное влияние на наши части, дисциплина падала, полки таяли как воск. После трехмесячной непрерывной и бессменной работы боевой состав полков, имевших в строю по 1000 сабель, падал до 150—200 сабель (см. гл. 10-ю). Вместо отвода в краткосрочный отдых, где полки приходили бы в нормальное состояние, предпочитали переформирование, сокращение числа единиц, сведение нескольких частей в

одну, вследствие чего части, спаянные уже боевыми успехами, начинавшие приобретать традиции, веру в своих начальников, опять обращались во вновь сформированные, получали новых неизвестных им начальников, что, конечно, не могло не отражаться на их стойкости и лишало их веры и привязанности к своим начальникам и похвальной гордости своей частью. А тылы между тем неимоверно росли, обозы были переполнены людьми, не знающими своих частей. Ростов был переполнен офицерами, а сотнями на фронте командовали урядники и вахмистры.

Если мы внимательно проследим все периоды Гражданской войны, мы увидим, что когда наши части были свежи, после отдыха и сыты, мы наступали и били, как хотели, превосходящего нас по численности противника, но как только наступало переутомление, перебои в снабжении, части таяли, боеспособность падала, и мы вновь откатывались назад, чтобы после отдыха опять перейти в наступление.

Резервов у нас почти никогда не было, а тылы были заполнены массой здоровых людей, ибо организации тыла не было.

6. О техническом оборудовании частей и о снабжении амуницией и оружием я не буду говорить. Возможно, что у нас не было в достаточном количестве ни того, ни другого. Я, например, для моей дивизии почти ничего не получил. Винтовки, пушки, пулеметы, также как и всякого рода телефонное и телеграфное имущество, походные кухни, двуколки, мотоциклы, до духовых инструментов для хора трубачей включительно, я взял с боя у красных и даже снабжал соседние части ими. Но бронемашин, к сожалению, почти не было, а при рациональном их использовании они могли бы сыграть большую роль. В своих заметках я упоминал,

что появление у противника броневых автомобилей производило в наших частях панику вследствие кажущейся беспомощности бороться с ними или что-либо им противопоставить. Об этом я однажды, находясь в Новочеркасске, лично докладывал генералу Сидорину и просил по возможности снабдить дивизию хотя бы двумя машинами, на что генерал Сидорин ответил, что делается все возможное.

По моим наблюдениям, с броневыми частями у нас было не совсем благополучно. В тылу были сформированы броневые отделения, но на фронт они почти не попадали. Мне раза два-три из штаба сообщали, что высылаются в дивизию броневые автомобили, но всякий раз, не доходя до моего штаба 50—60 верст, машины почему-то портились и возвращались обратно для ремонта. Очень жаль, конечно, ибо на фронте они могли бы показать себя, где содействуя нашим частям и под командой боевых офицеров были бы весьма полезны.

В настоящих заметках, отмечая некоторые наши недочеты и ошибки, я не хотел бы касаться политических ошибок, но не могу обойти молчанием одну из них, так как она была тесно связана с настроением частей и целями войны, эта ошибка — «непредрешенчество», как о форме будущего устройства России, так и о ликвидации последствий революции. Невольно возникали вопросы: за что мы воюем? Предположим, мы свернем шею большевикам, а дальше что?.. Опять керенщина? Опять болтовня и социальные опыты? Или, может быть, полукрасная, слюнявая, социалистическая республика? Стоит ли из-за этой дребедени копыя ломать, воевать, жертвовать собою?

А если бы в то время, когда движение наше уже окрепло и наша красновато-либеральная оппозиция, мечтавшая об «уг-

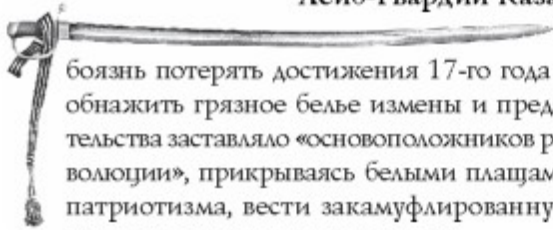
лублении» революции, была не страшна, был бы взят национально-русский путь, и на своих знаменах смело поставили лозунги, которых так ждал исстрадавшийся от революционных экспериментов народ: «Самодержавный Царь — хозяин земли русской», «Земля крестьянам, данная царским манифестом», «Амнистия всем, принимавшим участие в революции» и «Рабочее законодательство», тогда бы Белое движение приобрело живую душу и стало бы чисто белым, без красноватого налета в виде всякого калибра политических деятелей с социалистическими тенденциями, которыми были заполнены наши тылы, учреждения, совещания и круги, и даже отчасти командные должности; тогда зараза не коснулась бы некоторых частей и не нашли бы места в полковых маршах куплеты: «Царь нам не кумир» и т.п. Тогда и не посмели бы появиться изречения из уст некоторых больших начальников: «Я республиканец; если в России будет монархия, то мне в России места не будет»; или еще хуже и гаже, из речи другого генерала: «Не бойтесь, с наших знамен стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших».

Наши цели — бойцов на фронте — были различны с целями тыловых проходивцев и демагогов; их пугали успехи белых армий. Мы боролись за спасение России, а они за спасение Революции.

Это главная ошибка внутренней политики. Не менее грубой ошибкой была и наша неопределенная внешняя политика. Но о ней много написано, и не буду повторять. Результаты налицо, и страдания русского народа конца не видно.

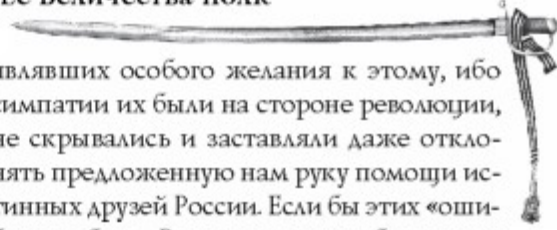
Неумение, или нежелание, столкнуться с Польшей, Украиной и даже избежать трений с казачьими областями — этой основной опорой борьбы с революцией, —

Лейб-Гвардии Казачий Её Величества полк

боязнь потерять достижения 17-го года и обнажить грязное белье измены и предательства заставляло «основоположников революции», прикрываясь белыми плащами патриотизма, вести закамуфлированную политику «девушки с прошлым».

Игнорирование реальной обстановки и смехотворная, никому не нужная верность бывшим союзникам, бессильным, по целому ряду причин, помочь нам, да и не про-

являвших особого желания к этому, ибо симпатии их были на стороне революции, не скрывались и заставляли даже отклонять предложенную нам руку помощи истинных друзей России. Если бы этих «ошибок» не было, Россия не лежала бы в прахе и рабстве, а мы не скитались бы по всему свету с волчьими «нансеновскими» паспортами, навязанными нам благодарными союзниками.

1925 г. София.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к настоящему изданию. *О.Г. Гончаренко* 5

Оприц И.Н.
Лейб-Гвардии Казачий Е.В. полк в годы революции
и Гражданской войны 1917—1920 гг.

Глава I
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1917 ГОДА 13

Глава II
КОНЕЦ 1917 ГОДА 38

Глава III
ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД АТАМАНСТВА
ГЕН. КАЛЕДИНА И ХОД СОБЫТИЙ В СТ. КАМЕНСКОЙ 48

Глава IV
НОВОЧЕРКАССК В ЯНВАРЕ И ФЕВРАЛЕ 1918 ГОДА 63

Глава V
ЛЕДЯНОЙ ПОХОД 80

Глава VI
ОСВОБОЖДЕНИЕ НОВОЧЕРКАССКА 96

Глава VII
АТАМАНСТВО ГЕНЕРАЛА П.Н. КРАСНОВА 105

Содержание

Глава VIII ФЕВРАЛЬ 1919 ГОДА НА ДОНЦЕ	127
Глава IX КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ РАЙОН В МАРТЕ И АПРЕЛЕ 1919 г.	143
Глава X ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ДОНСКОЙ АРМИИ В АПРЕЛЕ 1919 Г.	158
Глава XI	172
Глава XII КРУШЕНИЕ «МОСКОВСКОЙ ДИРЕКТИВЫ» И ЗИМНЯЯ НЕУДАЧА 1919 Г. ФРОНТА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ	197
ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЛАВЕ XII	226
Глава XIII КУБАНЬ И НОВОРОССИЙСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ.	233
Глава XIV ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ КРЫМА	256
Глава XV УСПЕХИ КРЫМСКОГО ФРОНТА В АВГУСТЕ И СЕНТЯБРЕ	270
Глава XVI КОНЕЦ КРЫМСКОЙ БОРЬБЫ	294
ИЗМЕНЕНИЯ В СПИСОЧНОМ СОСТАВЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА В ТЕЧЕНИЕ 1920-го ГОДА	312
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Список господ офицеров Лейб-Гвардии Казачьего полка, убитых в вооруженной борьбе с большевиками в 1918, 1919 и 1920 гг.	314

Содержание

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Список господ офицеров Лейб-Гвардии Казачьего полка, раненных в боях с красными в 1918—1920 гг.	317
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	321

Генерал-майор Голубинцев А.В.
РУССКАЯ ВАНДЕЯ
Очерки Гражданской войны на Дону 1917—1920 гг.

ВСТУПЛЕНИЕ	325
РОДИМЫЙ КРАЙ. <i>Стихотворение в прозе</i>	330

I РУССКАЯ ВАНДЕЯ

1. Осиное гнездо	332
2. Усть-хоперское восстание	335
3. Чрезвычайный съезд вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа	345
4. Освободительная армия вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа ..	349
5. Взятие Усть-Медведицы	350
6. В станице глазуновской	353

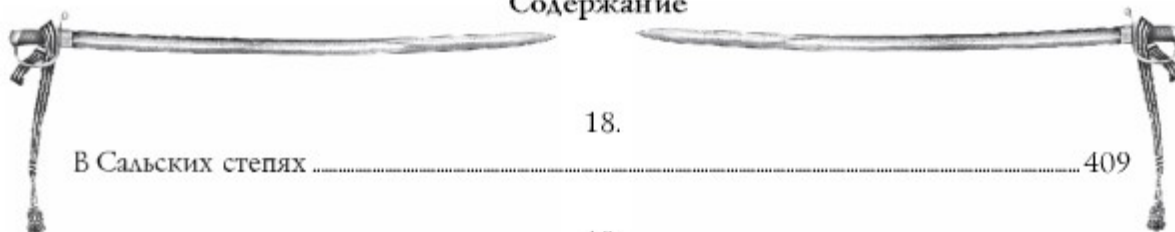
Содержание

	7.	
Наступление Миронова		359
	8.	
Осада Михайловки		360

II УСТЬ-МЕДВЕДИЦКАЯ КОННИЦА

	9.	
4-й конный отряд		364
	10.	
На Иловле		368
	11.	
Штаб северо-восточного фронта		378
	12.	
Новые формирования		379
	13.	
Восстание по Медведице		382
	14.	
Рейд генерала Мамонтова		388
	15.	
На среднем Дону		397
	16.	
В тылу		403
	17.	
На фронт		405

Содержание

18.	409
В Сальских степях	

19.	411
Донская конница у Торговой и Белой Глины	

III ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

20.	417
За Кубань	

21.	422
Черноморское побережье	

22.	427
Сдача Кубанской армии	

23.	434
Последний этап	

24.	441
Разгром конной группы Жлобы 20-VI-1920	

25.	444
Эвакуация	

26.	447
Заключение	

Научно-популярное издание

За веру и верность

Оприц Илья Николаевич
Голубинцев Александр Васильевич
ЛЕЙБ-КАЗАКИ

Генеральный директор *А.А. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Художник *А.В. Акимов*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Хренов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08. от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 21.03.2008. Формат 70 × 100 1/16.
Гарнитура «LazurskiС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 29. Тираж 3000 экз. Заказ .

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-40-74.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 188-00-73
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород,
ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск,
ул. Арбузова, 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».